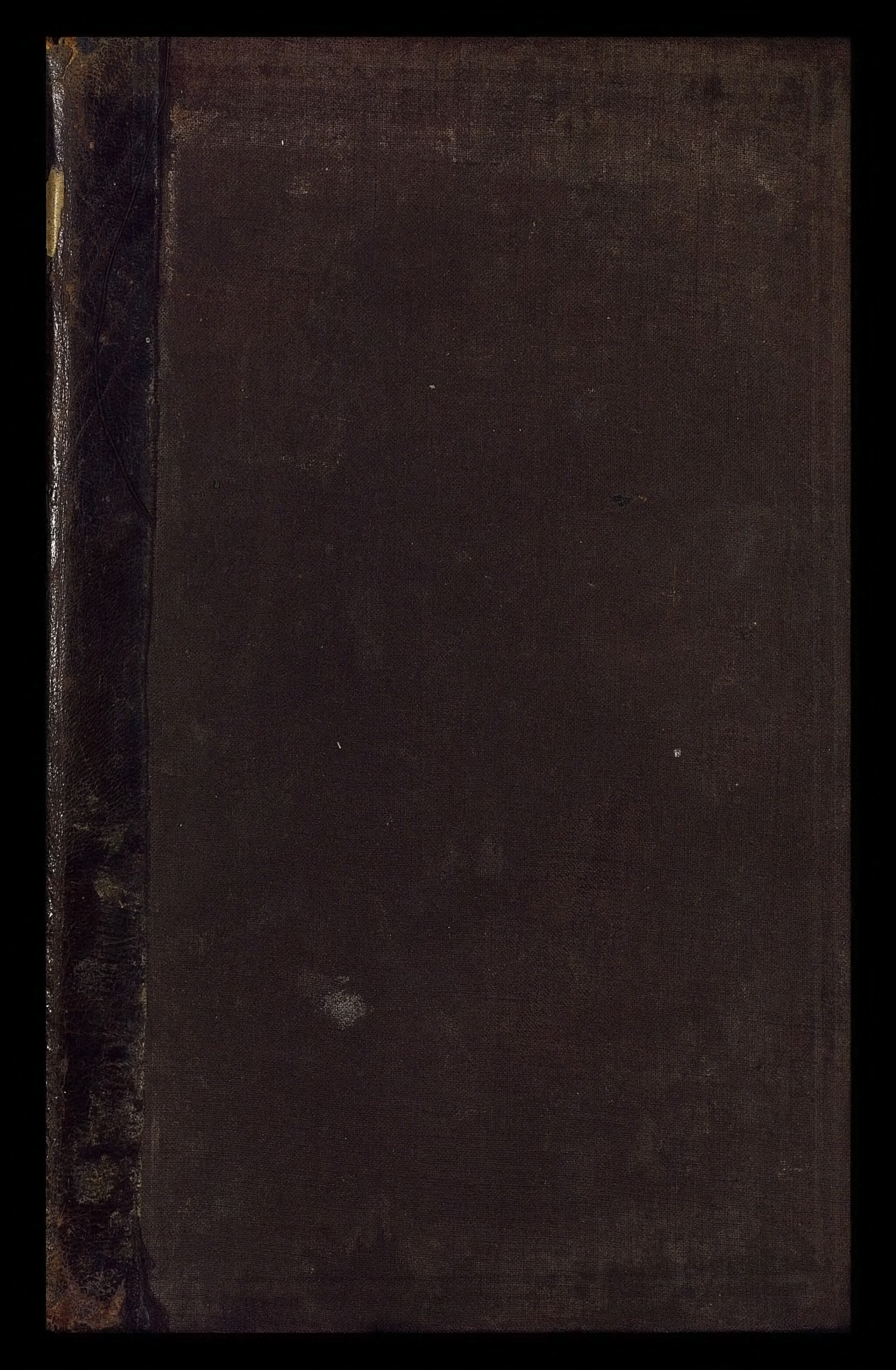
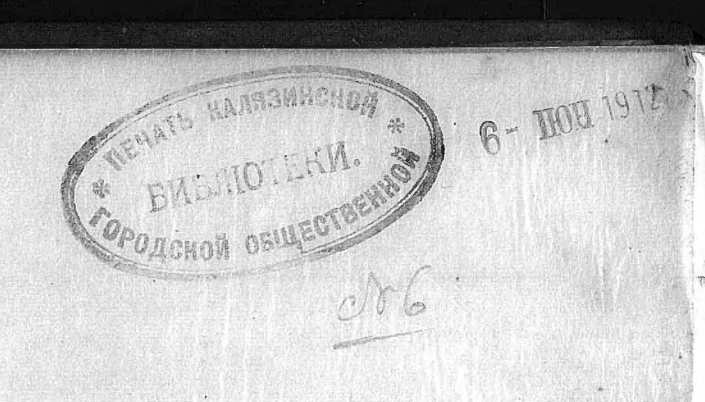

№ 6.

ПРОФЕССОРЪ

Иванъ Ивановичъ Иванюковъ.

(1844—1912).

„Вѣстникъ Европы“, iюнь, 1912 г.

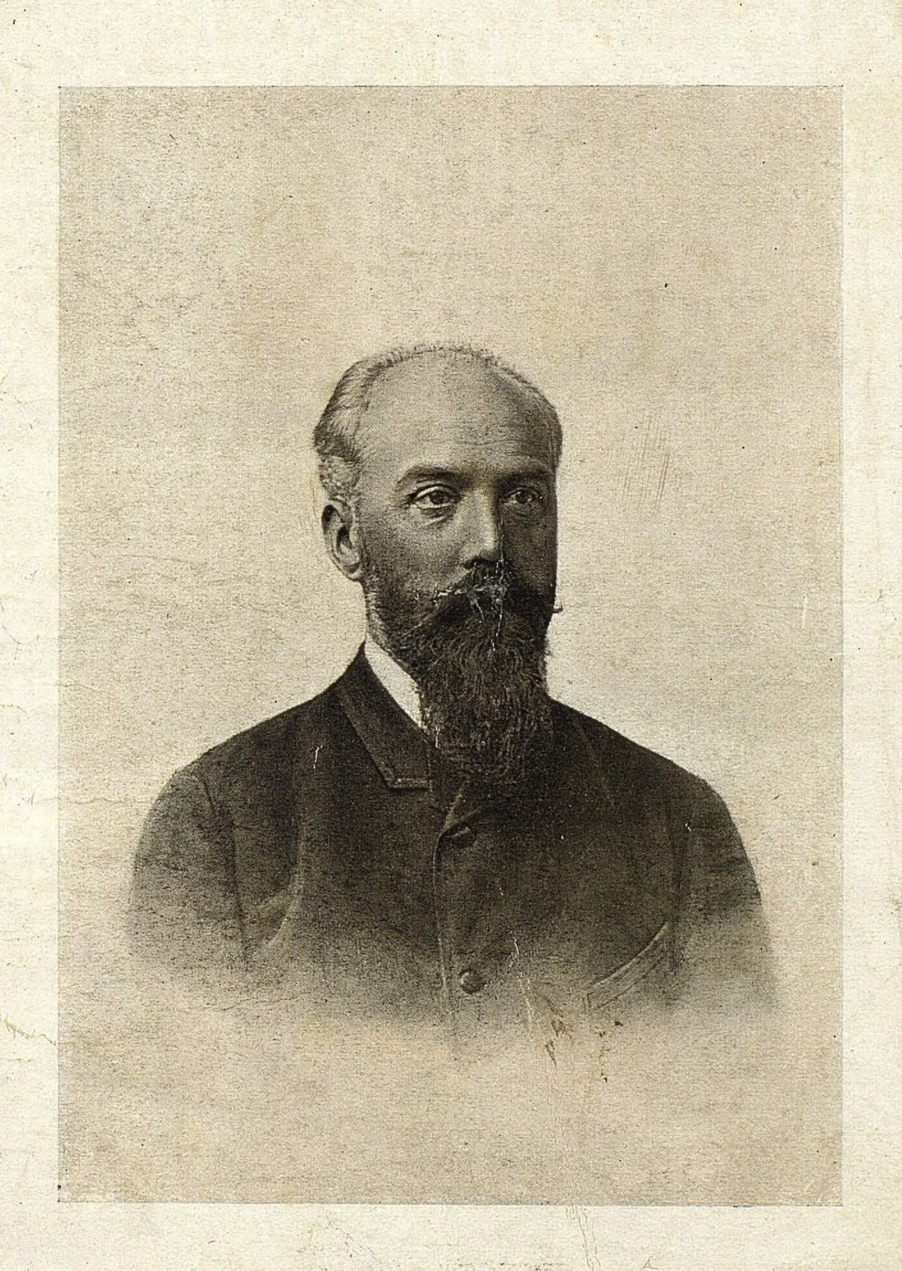

ПРОФЕССОРЪ

Иванъ Ивановичъ Иванюковъ

(1844—1912).

„Вѣстникъ Европы", іюнь, 1912 г.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный **М. М. Стасюлевичемъ** въ 1866 году.

СОРОКЪ-СЕДЬМОЙ ГОДЪ.

ІЮНЬ.

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1912.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, СПБ., Б. Подъяческая, 39.

ДАЧНЫЙ УГОЛОКЪ.

(Разсказъ).

I.

Совсѣмъ недавно здѣсь, въ большомъ лѣсномъ имѣніи, было пустынно и глухо. Лѣтомъ и осенью показывались иногда на мшистыхъ тропинкахъ финскія бабы въ опрятныхъ бѣлыхъ платочкахъ, собирали грибы, бруснику, голубицу. Перекликались въ густомъ соснякѣ ихъ гортанные, торопливые голоса, и тревожно взметывали избалованныя долгимъ покоемъ лѣсныя пташки.

А зимой сюда уже почти совсѣмъ никто не заглядывалъ. Снѣгъ лежалъ гладко и мягко, какъ пуховая постель. Кое-гдѣ только вилась по этой глади тонкая вышивка заячьихъ слѣдовъ, да раза три въ зиму забѣгалъ случайный охотникъ и оставлялъ послѣ себя длинную, извилистую лыжную полосу.

Потомъ съ южной стороны начинали подтаивать высоко наметенные сугробы; заячьи и лыжные слѣды темнѣли, расширялись и проваливались глубже. По ночамъ снѣгъ затягивался блестѣвшей въ лунномъ свѣтѣ ледяной коркой, а днемъ, подъ теплѣющими солнечными лучами, эта корка превращалась въ прозрачное кружево. Приходила весна. На полянахъ расплывались широкія лужи, покрытыя мохнатыми бородавками болотистыхъ кочекъ. Незатѣйливые цвѣты пестрѣли на песчаныхъ увальчикахъ. Мѣстами перешептывались ручейки съ холодной желтоватой водой.

Въ глубинѣ участка, на равномъ разстояніи между берегомъ моря и полотномъ желѣзной дороги, наполовину вросъ въ землю огромный гранитный валунъ, похожій на голый черепъ сказочнаго дракона. Онъ съ каждымъ годомъ все сильнѣе обросталъ

мохомъ и трескался отъ зимнихъ морозовъ, а въ лѣсу не было никакихъ перемѣнъ. Даже деревья, какъ будто, не прибавлялись въ ростѣ.

И эта медлительная жизнь, совершавшая положенный кругъ въ чащѣ кустарника, въ тѣни папоротниковыхъ листьевъ, среди лапчатыхъ сосновыхъ вѣтвей, проходила помимо глазъ человѣка, со всѣми ея улыбками и слезами, съ любовью и ненавистью, съ радостью и смертнымъ отчаяніемъ.

А между тѣмъ совсѣмъ близко, въ какихъ-нибудь двухъ часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, стоялъ огромный городъ, коптилъ небо своимъ дымомъ, заражалъ рѣку и взморье зловонными, ядовитыми отбросами. Тамъ было тѣсно, шумно и пыльно, и жить тамъ съ каждымъ годомъ становилось все тѣснѣе и хуже. Жили тамъ сегодня, чтобы заработать хлѣбъ на завтра, и колесо ковавшаго деньги труда не останавливалось ни на мгновеніе. Но, пробѣгая торопливо по душнымъ улицамъ, сидя въ банкахъ, магазинахъ и канцеляріяхъ, тоскливо слоняясь по аллеямъ увеселительныхъ садовъ, вспоминали и не могли забыть, что есть гдѣ-то чистое, голубое небо, не загаженное дымомъ, есть другая жизнь, свободная и простая. Мечтали объ этой жизни каждый по своему, но все-таки мечтали.

Нѣкоторые могли создавать себѣ и въ дѣйствительности нѣчто похожее на эту мечту, похожее настолько же, насколько отраженіе въ кривомъ зеркалѣ похоже на красивое лицо. Каждую весну выбирались на дачи.

Въ пригородныхъ лѣсахъ оставалось все меньше свободныхъ участковъ. Вездѣ, гдѣ только было возможно, какіе-то предпріимчивые люди въ потертыхъ котелкахъ и англійскихъ фуражкахъ строили мосты, рыли канавы, прокладывали перекрещивающіяся полосы дорогъ,—будущихъ улицъ. А потомъ устанавливали на двухъ высокихъ столбахъ огромную вывѣску съ гордой надписью черными и красными буквами: «Новое дачное мѣсто».

Понемногу выростали свѣжіе бревенчатые домики, выглядывая сквозь прогалины порѣдѣвшаго лѣса. Пахло свѣжей щепой, масляной краской и смолистымъ дымкомъ. Улыбались на солнцѣ чисто вымытыя стекла галлерей и мезониновъ. Вертѣлись по вѣтру рѣзныя флюгарки на башенкахъ съ гонтовыми крышами.

Банковскій чиновникъ по фамиліи Непенинъ четыре года подрядъ снималъ дачу у самаго города, по линіи парового трамвая. Съ этой дачи удобно было ѣздить на службу, потому что вставать для этого приходилось не съ разсвѣтомъ, а въ обычное, городское время, но зато здѣсь было почти такъ же шумно,

пыльно и тѣсно, какъ и въ самомъ городѣ. А каждую осень происходило нашествіе безпріютныхъ бродягъ и хулигановъ, ждавшихъ приближенія зимнихъ холодовъ, и начиналась, вмѣстѣ съ тифомъ и скарлатиной, эпидемія грабежей.

За день Непенинъ уставалъ отъ банковской службы, а по ночамъ ему приходилось по нѣсколько разъ вставать и обходить съ доставшимся по наслѣдству ржавымъ револьверомъ вокругъ дачи. Это ему не нравилось.

— Чортъ знаетъ, что... Утомительно, на нервы дѣйствуетъ. Я, собственно, и стрѣлять-то не умѣю... Пожалуй, меня же и убьютъ еще.

Жена тоже жаловалась на всякія неудобства, на дороговизну жизни, на отсутствіе хорошихъ прогулокъ и на плохихъ сосѣдей. И на исходѣ четвертаго года Непенинъ твердо рѣшилъ перемѣнить мѣсто своего лѣтняго обиталища.

Тутъ какъ разъ произошло радостное и почти неожиданное событіе. Умерла бабушка, мужъ которой когда-то торговалъ суровскимъ товаромъ въ гостинномъ ряду, и оставила Непенину наслѣдство. При жизни бабушка была скупа и понапрасну денегъ не бросала. Въ банкѣ на ея капиталъ наростали проценты, и наслѣдство получилось приличное.

До сихъ поръ Непенинъ зарабатывалъ достаточно, но все же жалованья хватало только почти въ обрѣзъ. А теперь получился избытокъ, и пришлось заботиться о томъ, куда его употребить. Жена Непенина сшила себѣ дорогое траурное платье изъ тяжелаго чернаго шелка, обновила мебель въ гостиной, купила новый буфетъ, но все это было такъ—мелочи. Самому Непенину хотѣлось предпринять что-нибудь такое, что сдѣлало бы жизнь совсѣмъ спокойной и пріятной. И новый буфетъ только сильнѣе возбуждалъ это желаніе.

Въ банкѣ Кулаковскій, сослуживецъ по отдѣленію спеціальныхъ текущихъ счетовъ, сказалъ какъ-то между прочимъ, полируя щеточкой свои длинные и крѣпкіе розовые ногти:

— Да что тебѣ долго думать? Возьми и купи хорошенькій дачный участокъ гдѣ-нибудь въ сосновомъ лѣсу. Пріятно и лѣто провести, да и на черный день, все-таки, заручка: собственный уголъ. По праздникамъ сможешь туда и зимой ѣздить, побѣгать на лыжахъ или поохотиться.

— Ты думаешь?—переспросилъ Непенинъ и посадилъ на кнопку какую-то продолговатую желтую бумажку, всю испещренную синими штемпелями. Потомъ пересадилъ бумажку на другую кнопку и повторилъ еще разъ:—Ты думаешь? А, по-

жалуй, и въ самомъ дѣлѣ... Все равно, я собирался мѣнять дачу.

Дома разсказалъ объ этомъ женѣ. Та въ общемъ ничего не имѣла противъ, хотя нѣсколько и колебалась.

— Пожалуй, еще надуютъ тебя... Купишь какое-нибудь негодное болото. Съ этими участками, говорятъ, постоянное мошенничество.

— Меня-то не надуютъ... Не ребенокъ, кажется. Могу посовѣтоваться со спеціалистомъ. Да это уже мелочи, детали... Въ общемъ-то ты согласна?

Жена Непенина не любила спорить. Это хлопотливо и скучно.

— Пожалуй... Вотъ и Ниночка у насъ совсѣмъ блѣдная стала за послѣднее время. Ей былъ бы полезенъ сосновый воздухъ.

Недѣли двѣ Непенинъ всесторонне обсуждалъ вопросъ объ участкѣ, не предпринимая пока еще никакихъ практическихъ шаговъ. Надоѣдалъ Кулаковскому, который началъ уже каяться въ томъ, что самъ подалъ эту мысль.

— Да дѣлай, какъ хочешь. Вѣдь не мнѣ тамъ жить. Или поѣзжай на Сандвичевы острова. Тамъ, говорятъ, жизнь очень дешева. Лѣтъ на пятьдесятъ твоего наслѣдства хватитъ.

— Нѣтъ, я серьезно, а ты дурачишься. Я, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ куплю. Всѣ покупаютъ. Вотъ, въ Учетномъ кассиръ еще въ прошломъ году выкатилъ дачу: семь комнатъ, всѣ удобства и даже оранжерея. И стоило очень дешево.

Пока Непенинъ раздумывалъ и колебался, люди въ потертыхъ котелкахъ и англійскихъ фуражкахъ появились, наконецъ, и въ глухомъ лѣсу съ гранитнымъ валуномъ. Все измѣрили, распланировали. Наставили вѣхъ и кольевъ, вырубая ихъ тутъ же, на мѣстѣ, изъ молодыхъ сосенъ. Зайцы и бѣлки съ сожалѣніемъ покинули свой тихій пріютъ и передвинулись дальше отъ наступавшаго на нихъ города.

Не успѣла затвердѣть смола на сосновыхъ кольяхъ, какъ принялись уже и за дороги. Почва почти всюду, за исключеніемъ небольшихъ болотистыхъ низинъ, была сухая, песчаная, и свѣжія дороги походили на аллеи хорошо содержимаго парка. Перерѣзая наискось эти аллеи, текла сонно глубокая рѣчка. И послѣ душной тѣсноты города все это казалось особенно красивымъ.

Въ воскресный свѣтлый день, осенью, пріѣхалъ сюда Непенинъ съ однимъ изъ потертыхъ котелковъ,—агентомъ по про-

дажѣ. Обошелъ всѣ дороги, товарищески похлопалъ ладонью старый мшистый валунъ.

— Да, здѣсь и въ самомъ дѣлѣ недурно. Только съ продажной цѣны процентовъ тридцать вы должны мнѣ скостить. Иначе будетъ для меня слишкомъ дорого.

— На этотъ счетъ не трудитесь безпокоиться. Мы всегда дѣлаемъ уваженіе первымъ покупателямъ. И, кромѣ того, льготная разсрочка...

— Такъ я пріѣду сюда еще разъ съ женой и съ однимъ знакомымъ. Тогда и сговоримся окончательно.

Сговорились. Женѣ, правда, мѣсто показалось слишкомъ глухимъ.

— Тутъ, пожалуй, еще и волки есть... А если грабители заберутся, такъ и помощи не дозовешься.

Агентъ ее успокоилъ.

— Тутъ не только волковъ, а я полагаю, что даже и зайцевъ-то не очень много водится. А грабителей у насъ нѣтъ. До города далеко. Тутъ всѣ лѣтомъ спятъ съ открытыми дверями и окнами.

— Мамочка, цѣну я выторговалъ такую, что выходитъ дешевле пареной рѣпы!—шепталъ на ухо женѣ Непенинъ.— Ужъ ты не протестуй, пожалуйста...

Вечеромъ, въ день подписанія купчей, Непенинъ созвалъ гостей,—самыхъ близкихъ знакомыхъ. Большихъ пріемовъ онъ не любилъ и никогда не устраивалъ. Пришло человѣкъ пять,— въ томъ числѣ Кулаковскій, какъ старый другъ дома и школьный товарищъ. Играли въ винтъ, а за ужиномъ роспили двѣ бутылки шампанскаго, поздравляли Непенина съ покупкой и много говорили о дачной жизни: одни умиленно, другіе почти ругательно, но всѣ съ одинаковой завистью къ счастливому хозяину.

У Непенина полное лицо лоснилось и глаза блестѣли ласково, какъ у сытаго теленка. Послѣ ужина гости разошлись не поздно, на исходѣ второго часа ночи, а Кулаковскій еще остался, допивалъ вино и ѣлъ мандарины. Хозяинъ упрашивалъ его ласковымъ голосомъ подвыпившаго и довольнаго собой человѣка:

— Смотри же, ты обязательно долженъ пріѣзжать къ намъ каждый праздникъ. Женѣ тамъ, дѣйствительно, можетъ показаться на первое время слишкомъ уединенно. Такъ ты и развлекай. Насчетъ грибовъ тамъ и всего остального. Самъ-то я, иной разъ, можетъ быть и на террасѣ посижу или засплюсь послѣ обѣда. А вы гулять будете.

Кулаковскій въ упоръ смотрѣлъ на хозяйку, которая временами краснѣла и отворачивалась,—и съ легкой, неуловимой для Непенина усмѣшкой въ голосѣ, повторялъ своимъ бархатистымъ голосомъ:

— Обязательно. На этотъ счетъ будь спокоенъ. Обязательно.

И думалъ про себя, лѣниво шевеля опьянѣвшими мыслями:

«Толстый ты глупецъ, вотъ что. И совсѣмъ ты не стоишь такой красивой жены, и наслѣдства, и всего прочаго».

Думалъ и сердился на свою жизнь, которая складывалась совсѣмъ не такъ гладко и счастливо. Непенинъ давно уже опередилъ его по службѣ и успѣлъ жениться,—и, получивъ наслѣдство, кажется, ничего не хотѣлъ больше отъ жизни. А Кулаковскій жилъ холостякомъ, плохо подвигался въ банкѣ и, за неимѣніемъ собственной жены, ухаживалъ за чужими. Но и здѣсь ему не всегда доставалась удача, хотя онъ былъ очень красивъ, силенъ и ловокъ. Женщина, которая больше всѣхъ ему нравилась,—жена Непенина,—ни за что не хотѣла измѣнить мужу. Это огорчало Кулаковскаго и представлялось ему лишнимъ ударомъ судьбы.

«Вѣдь не любитъ же она на самомъ дѣлѣ этого»...

И сейчасъ, чтобы уколоть ее, заговорилъ о другихъ женщинахъ. Непенинъ любилъ эти разговоры и, слушая, плотоядно подмигивалъ, а иногда вставлялъ свои реплики, отъ которыхъ жена краснѣла еще больше.

II.

Въ концѣ зимы, пока еще крѣпко держалась дорога, молчаливыя вейки съ красными морщинистыми лицами принялись подвозить къ Непенинскому участку всякіе строительные матеріалы: тяжелые гранитные камни для фундамента, длинныя бревна, шероховатыя плахи, гибкій и узкій тесъ съ аккуратными кантиками,—вагонку. Никто еще не жилъ здѣсь, а дорога была уже хорошо наѣзжена и потемнѣла отъ навоза—и старое зачарованное безлюдье исчезло.

Зимой же начали и постройку. Рубили срубъ. Непенинъ получилъ отъ архитектора ярко раскрашенные планы и проекты, съ вырисованными передъ фасадомъ желтовато-голубыми елочками и жеманно прогуливающейся парочкой, изображавшей,

должно быть, самихъ хозяевъ. И опять, какъ при покупкѣ участка, надоѣдалъ всѣмъ и каждому, а въ особенности Кулаковскому, этими планами, водилъ по раскрашеннымъ линіямъ толстымъ волосатымъ пальцемъ и восхищался.

— Вы понимаете, господа,—все въ сѣверномъ стилѣ. Вотъ эта башенка, напримѣръ: настоящая гармонія линій.

— А зачѣмъ тутъ такія окна круглыя?—недовѣрчиво спрашивалъ Кулаковскій.—Изъ пушекъ стрѣлять?

— Это тоже для стиля. Здѣсь круглыя, а тутъ вотъ срѣзанныя наискось. Все для гармоніи линій. Ну, а здѣсь будутъ цвѣтныя стеклышки вставлены. Синія, желтыя, красныя... Ты вообрази себѣ, что это такое будетъ въ солнечный день!

Кулаковскій искоса смотрѣлъ на планъ и говорилъ съ непобѣдимой недовѣрчивостью въ голосѣ:

— Лѣстница никуда не годится. И кухня расположена неудобно. Какая же это кухня? Корова ляжетъ, хвостъ протянуть негдѣ.

— Пустяки, это только на планѣ кажется. На самомъ дѣлѣ будетъ совсѣмъ иначе. Зато комнаты очень большія, хотя числомъ всего шесть. Я думаю даже,—не разгородить ли вотъ эту, среднюю, на двѣ?

— Да по мнѣ, хоть на четыре. Вотъ, выстроишь, тогда и посмотрю.

Дома тѣ же самыя соображенія выслушивала жена. Слушала терпѣливо, потому что послѣ обѣда, такъ же, какъ и утромъ, все равно нечего было дѣлать. Кромѣ того, за пять лѣтъ совмѣстной жизни она успѣла уже привыкнуть къ мужу, какъ привыкаютъ къ неуклюжему старому креслу, которое съ теченіемъ времени начинаетъ казаться самымъ удобнымъ. И то, что раньше могло вызвать острое раздраженіе, теперь проходило какъ-то совсѣмъ безслѣдно, быстро смягчаясь.

Спокойно смотрѣла своими голубыми глазами, кивала головой, когда было нужно.

Непенинъ воодушевлялся.

— Нѣтъ, какъ заживемъ-то, какъ заживемъ! Устроимъ парники, оранжерею... Потомъ куръ заведемъ, гусей, утокъ... Къ Рождеству свою свинью выкормимъ... Ты любишь куръ, мамочка?

— Н-не особенно... Если подъ бѣлымъ соусомъ...

— Да нѣтъ же! Не жаркое, а живыхъ куръ, живыхъ! Вотъ, когда желтенькіе цыплятки бѣгаютъ и насѣдка надъ ними хлопочетъ, голосистый пѣтухъ расхаживаетъ важно и шпорами песокъ чертитъ. Любишь?

— Ну, хорошо, люблю. Только я сама не буду въ курятникъ ходить. Тамъ всегда скверно пахнетъ.

— Если чисто содержать, то не будетъ пахнуть... А когда мы состаримся, и у тебя, мамочка, пойдутъ вокругъ глазъ морщинки, мы окончательно удалимся къ себѣ на покой и даже въ городъ ѣздить не будемъ. Зачѣмъ намъ тогда въ городъ? Развѣ вотъ только Ниночка будетъ въ гимназіи учиться. Хотя можно и домашнюю учительницу взять... Иди ко мнѣ поближе, мамочка!

Потянулся къ ней, обнялъ, сочно поцѣловалъ въ пухлую щечку. Губы у Непенина всегда влажныя, холодныя. И когда онъ цѣлуетъ—какъ будто приложили къ тѣлу лягушку. Жена покорно дала себя поцѣловать разъ и другой, потомъ высвободилась, оправила платье и сѣла подальше.

— Оставь. У меня голова болитъ.

— Вотъ ужъ всегда у тебя болитъ что-нибудь. То голова, то животъ. Даже приласкать меня не хочешь... Ну, я прилягу на часочекъ, отдохну.

— А у меня дѣло есть... по хозяйству,—говоритъ она.

Но дѣла никакого нѣтъ,—и такъ скучно сидѣть, сложа руки, въ гостиной и слушать, какъ въ сосѣдней комнатѣ громко, съ присвистомъ и трелями, храпитъ мужъ. Думается въ такія минуты, что, должно быть, есть какая-нибудь другая, лучшая жизнь. Можетъ быть, тамъ, на новой дачѣ...

Вспоминается Кулаковскій. Онъ совсѣмъ непохожъ на мужа,—и наединѣ съ нимъ, почему-то, немножко страшно. Въ глазахъ у него часто горятъ яркіе огоньки. Такъ ясно замѣтно, чего онъ хочетъ. А возможно, что это только такъ кажется. Вѣдь, мужъ, вотъ, ничего не замѣчаетъ. Все равно, этого никогда не должно быть. Страшно и, пожалуй, противно. Хорошо, если бы Кулаковскій приходилъ порѣже. Неужели онъ, дѣйствительно, каждую недѣлю будетъ приходить на дачу?

Жена чувствуетъ себя неспокойно и, когда на черной лѣстницѣ звонитъ мусорщикъ, вздрагиваетъ.

Въ дѣтской старая нянька съ выглядывающимъ изъ-подъ губы острымъ желтымъ зубомъ ворчитъ на кого-то:

— Съ ранняго утра въ кружева... Въ кружева, да за книжку... Нѣтъ, чтобы ребенку рубашечки починить. Мужики на умѣ. А вотъ, Ниночка, намъ и кашку горяченькую принесли... Попробуй-ка: сла-адкая!

А въ городѣ уже разворачивали мостовыя, маляры качались на узкихъ дощечкахъ въ уровень съ шестымъ этажемъ. Постройку

дачи пришлось остановить до осени, потому что слишкомъ вздорожали рабочія руки. Невыгодно.

Непенинъ вздыхалъ:

— Ну, мамочка, послѣдній годъ въ наемной дачѣ лѣто проведемъ. На будущій годъ будемъ настоящіе собственники.

Снялъ все-таки дачу не на старомъ мѣстѣ, а подальше отъ города, по сосѣдству со своимъ новымъ участкомъ. Если идти прямо черезъ лѣсъ, то всего будетъ не больше версты. Такъ что всегда можно приглядѣть за порядкомъ.

Дачка самая обыкновенная, сѣренькая, съ грошовыми обоями на стѣнахъ и съ накрашенными занозистыми полами, но лѣсъ кругомъ — густой и высокій, а сосѣднія дачи раскиданы рѣдко и тонутъ въ зелени. Въ теплые дни смолой пахнетъ крѣпко, почти до головокруженія. И даже Кулаковскій, въ первое же воскресенье пріѣхавшій погостить, сказалъ:

— Ну, вотъ это я понимаю... Тутъ можно даже себя и человѣкомъ почувствовать. Правда, Вѣра Ивановна?

Жена Непенина посмотрѣла на него со своей обычной настороженностью и коротко отвѣтила, зашпиливая вырѣзъ кружевного капота:

— Да. Можетъ быть.

Кулаковскій былъ въ хорошемъ настроеніи, звонко хлопалъ Непенина по мягкой спинѣ, прыгалъ черезъ канавы и даже ѣздилъ верхомъ на палочкѣ. И казался, дѣйствительно, совсѣмъ непохожимъ на себя самого, — обычнаго, банковскаго, — какъ будто выросъ, распрямился, сталъ еще красивѣе и сильнѣе. А Непенинъ катился за нимъ слѣдомъ, маленькій и безформенный, словно плохо надутый резиновый шаръ. Вѣра Ивановна смотрѣла долго и подозвала къ себѣ дочь.

— Ниночка, иди ко мнѣ. Тебѣ здѣсь нравится, да?

Ласкала ее преувеличенно нѣжно, стараясь дѣлать это такъ, чтобы видѣлъ Кулаковскій. Но у Ниночки, по обыкновенію, былъ не въ порядкѣ желудокъ, она куксилась и капризничала,—и скоро надоѣла матери.

— Ступай къ нянѣ. Будетъ.

Послѣ обѣда пошли гулять, къ новому участку. Непенинъ даже не прилегъ отдохнуть.

— Нѣтъ, ужъ сегодня мы опять... поторжествуемъ.

Тропинка была узенькая и всѣмъ троимъ въ рядъ не хватало мѣста. Вѣра Ивановна съ гостемъ пошли впереди, а Непенинъ отставалъ все больше и больше, и на половинѣ дороги уже

съ сожалѣніемъ думалъ о мягкой постели. Ворчалъ себѣ подъ носъ, пыхая папиросой:

— Бѣгутъ, сломя голову... А обо мнѣ не подумаютъ. Это и для здоровья вредно: ходить такъ быстро послѣ обѣда.

Передняя пара скрылась за поворотомъ дороги, и Непенинъ совсѣмъ обидѣлся.

— Мамочка... Вѣра Ивановна! Да подождите же!..

Въ отвѣтъ донесся откуда-то короткій смѣшокъ Кулаковскаго, — и, услыхавъ этотъ смѣхъ, Непенинъ остановился, снялъ шляпу и принялся старательно вытирать потъ со лба. Въ головѣ у него неожиданно загвоздилась новая мысль, и онъ, какъ будто, хотѣлъ стереть ее со лба вмѣстѣ съ капельками пота.

Жена—и Кулаковскій. Женщина красивая, молодая—и онъ, за которымъ всѣ женщины бѣгаютъ, какъ за опернымъ теноромъ. И сейчасъ они вдвоемъ въ глуши лѣса,—и Кулаковскій смѣется.

Почему бы и нѣтъ?

Лобъ былъ уже совсѣмъ сухъ, а Непенинъ все еще теръ его платкомъ. Потомъ махнулъ рукой и, насколько могъ прибавивъ шагу, пошелъ впередъ. Глупости. Вѣдь, они знакомы не первый годъ и до сихъ поръ ничего не было. Почему же именно теперь? И Вѣра Ивановна, кажется, вовсе не способна увлекаться. Всегда такая холодная, даже немножко вялая. И когда цѣлуешь ее, она вытираетъ щеку.

Жена и гость оказались близко, сейчасъ же за поворотомъ. Кулаковскій держитъ въ рукѣ ольховую вѣтку и бьетъ ею, какъ хлыстикомъ, по своимъ запылившимся башмакамъ. Вѣра Ивановна стоитъ немного поодаль, въ полъ-оборота, и сосредоточенно разсматриваетъ, какъ копошатся муравьи въ высокомъ муравейникѣ. Конечно же, ничего не можетъ быть. Мужъ успокоился вполнѣ и сразу, потому что боялся волненій.

Кулаковскій что-то говорилъ, и Непенинъ, подойдя поближе, разслышалъ:

— Всякій дикарь лучше цивилизованнаго человѣка. Онъ всегда знаетъ, чего хочетъ. Прямо идетъ къ цѣли. Достигнувъ этой цѣли, бываетъ счастливъ. А мы блѣднѣемъ и боимся. Не рѣшаемся признаться самимъ себѣ въ своихъ желаніяхъ. Поэтому и счастье у насъ такое жалкое, блѣдное, словно изъ слинявшаго накладного золота, и нѣтъ у насъ никакихъ настоящихъ переживаній. Чтобы не совсѣмъ обезличиться, нужно время отъ времени забывать свой городской страхъ и становиться дикаремъ. Тогда можно жить.

«Это онъ изъ книжки!»—вспомнилъ Непенинъ и поинтересовался:

— То есть, это какъ же? Нагишемъ ходить, что ли?.

— А ужъ это какъ кому угодно. Тебѣ лично я не совѣтовалъ бы раздѣваться. Некрасиво выйдетъ.

Вѣра Ивановна повернулась, скользнула по мужу холоднымъ и злымъ взглядомъ.

— Вѣчно ты съ пошлостями.

Шутки мужа всегда казались ей грубыми и циничными, а когда почти то же самое, но въ другихъ выраженіяхъ, говорилъ Кулаковскій, это выходило красиво, — хотя и приходилось краснѣть и отворачиваться. И сейчасъ было очень досадно, что появленіе мужа грубо оборвало разговоръ, который дѣлался такимъ занимательнымъ. Вѣра Ивановна улыбнулась Кулаковскому и сказала ему, заглядывая въ лицо своими невинными голубыми глазами:

— Дайте же мнѣ руку! Здѣсь такъ неудобно идти.

Непенинъ опять полѣзъ было въ карманъ за платкомъ, но раздумалъ и смирненько поплелся слѣдомъ.

Добрались до участка, раза два обошли кругомъ груду заготовленныхъ матеріаловъ и недоконченный срубъ. Непенинъ забылъ о своихъ мимолетныхъ тревогахъ, опять ликовалъ, былъ веселъ и разговорчивъ. Разсказывалъ, какъ дальше пойдетъ постройка, хотя и самъ имѣлъ объ этомъ довольно смутное представленіе.

— Вотъ, недѣли черезъ двѣ начнемъ класть фундаментъ. У меня все будетъ за первый сортъ. Видите, гранитъ какой: хоть пирамиды строить... Здѣсь, на косогорчикѣ, будетъ цвѣтникъ. Придется только огородной земли привезти возовъ двадцать.

Кулаковскій смотрѣлъ внимательно на все, что показывалъ ему хозяинъ, но когда тотъ отворачивался, взглядывалъ на Вѣру Ивановну и жалъ ей руку,—крѣпко, почти до боли. Вѣра Ивановна не сопротивлялась, и голубые глаза у нея заволакивались влажнымъ блескомъ.

На обратномъ пути опять говорили о счастьѣ и о человѣческихъ желаніяхъ, и о томъ, какія глупыя преграды ставитъ себѣ человѣкъ на пути къ наслажденію. Непенинъ плохо понималъ все это и только краешкомъ уха слушалъ разговоры гостя, думая о томъ, безспорно уютномъ и радостномъ, что ждетъ впереди.

«Пусть ихъ тамъ дурачатся со всякими теоріями. Вотъ, у меня все уже опредѣлено и устроено, и вся жизнь—какъ на ладони, спокойная и обезпеченная. А Кулаковскаго жалко. Его женить надо.»

III.

Послѣ весеннихъ дождей лѣто установилось хорошее. Не было душной жары, но дни стояли свѣтлые и ласковые, и особенно привѣтливо свѣтило долго не заходящее солнце.

Вѣра Ивановна любила подолгу сидѣть надъ рѣчкой, на песчаномъ обрывѣ. Внизу копошились Ниночка и нянька, строили изъ песку пирожки и домики, и такъ были заняты своей работой, что не мѣшали. Солнце грѣло,—и хотѣлось раскинуться прямо на горячемъ пескѣ, млѣть и ждать. Временами кровь приливала къ вискамъ, и появлялся въ глазахъ красный свѣтъ, а сердце билось быстро, неровно, словно торопилось.

Разстегивала просторный капотъ, подставляла грудь навстрѣчу лучамъ. Здѣсь пустынно, никто не увидитъ,—а когда подходитъ по берегу чужой—издали слышно, какъ шумятъ густые кустарники и трещатъ вѣтки. Тепло проникаетъ внутрь, ласкаетъ, дразнитъ. Въ такія минуты всегда думается о Кулаковскомъ,—но нѣтъ ненависти и къ мужу. Онъ тоже хорошій, только по своему. Сердечный, любящій,—и всегда старается доставить какое-нибудь удовольствіе. Онъ не виноватъ, что такъ некрасивъ, да еще слишкомъ располнѣлъ за послѣдніе годы.

Вѣдь, можно же думать, только думать. Никто не умѣетъ читать въ мысляхъ.

Заскрипѣли сухія сосновыя иглы подъ чьею-то осторожной, подкрадывающейся поступью. И Вѣра Ивановна уловила этотъ звукъ, только когда онъ былъ совсѣмъ уже близко, такъ что едва успѣла запахнуть капотъ, оправить складки. Въ глазахъ все еще мелькаютъ красные свѣтлячки, и сердце бьется неровно, порывисто. Конечно, это онъ, Кулаковскій. Сегодня суббота.

Вѣра Ивановна вглядывается пристально и чему-то улыбается. Можетъ быть, видѣлъ, пока пробирался сквозь кустарникъ? И еще краснѣе дѣлаются горячіе метлячки.

— Вы всегда здѣсь, на любимомъ обрывѣ. Я знаю уже. Потому и пошелъ прямо сюда.

— Здравствуйте... А гдѣ мужъ?

— Привезъ изъ города новый рецептъ салата и проповѣдуетъ о немъ кухаркѣ. Прекрасный салатъ, говоритъ. Послѣдняя новость изъ Парижа. По этому случаю раньше, какъ черезъ часъ, обѣда не ждите.

Сѣлъ рядомъ на пескѣ очень близко, такъ что колѣни соприкасались. Нужно бы отодвинуться, но не хочется, потому-что такъ удобно сидѣть. У Кулаковскаго новая шляпа,—панама, и ловко повязанный галстухъ. Онъ много тратитъ на костюмы, и Вѣра Ивановна знаетъ, что у него много долговъ: банковскаго жалованья не хватаетъ. Мужъ уже второй годъ ходитъ дома въ одномъ и томъ же старенькомъ пиджакѣ, а новый снимаетъ сейчасъ же, какъ приходитъ со службы и аккуратно вѣшаетъ его на патентованную вѣшалку. Зато женѣ никогда не отказываетъ въ обновахъ, особенно теперь, когда есть свободныя деньги. Нѣтъ, онъ—добрый, хорошій, и его нужно любить.

Кулаковскій смотритъ, и Вѣра Ивановна чувствуетъ, что его острые глаза стараются проникнуть сквозь тонкую ткань платья, скользятъ по плечамъ, по груди.

— А вы очень хороши сегодня. И какое у васъ чудное тѣло...

Это немножко нагло, какъ всегда. Навѣрное, онъ видѣлъ. Хочется досадовать, обидѣться,—но мѣшаетъ этому радостная гордость за свою признанную красоту.

— Ниночка, иди ко мнѣ, моя крошка...

— Ахъ, она здѣсь...

Кулаковскій только сейчасъ замѣтилъ дѣвочку и, видимо, разочарованъ. Злая гримаса пробѣжала по лицу.

Ниночка неумѣло карабкается вверхъ по обрыву. У нея большая, рахитичная голова съ жидкими желтыми волосами и тонкія кривыя ноги.

— Посиди со мной рядомъ, Ниночка! Ты устала... А ручки-то какія грязныя!

Кулаковскій незамѣтно отодвигается подальше. Она искоса взглядываетъ на него и потомъ спрашиваетъ:

— Вы любите дѣтей? Вы должны любить. Кто любитъ природу, тотъ долженъ любить и дѣтей.

— Н-даа...—Онъ смотритъ на шишковатую голову, на мокрый носикъ, вокругъ котораго лупится кожа.—Я думаю, что не всѣ дѣти близки къ природѣ.—И неожиданно прибавляетъ:—Ниночка похожа на отца.

Опять слѣдовало бы обидѣться,—но вѣдь онъ же совершенно правъ, этотъ красивый человѣкъ со сдвинутой на затылокъ панамой. Ниночка—уродлива, вѣчно хвораетъ, и мать никогда не рѣшается поцѣловать ее въ губы. И даже самъ Непенинъ относится къ ней какъ-то странно: окружаетъ ее попе-

ченіями, но не любитъ ласкать, какъ другіе нѣжные отцы. А ужъ Кулаковскій, конечно, не обязанъ ее любить. И винить его за это нельзя.

Позвала:

— Няня, возьмите Ниночку и идите домой. Да не забудьте смазать ей носикъ.

Нянька съ длиннымъ желтымъ зубомъ поднимается, старая и мрачная, какъ макбетова вѣдьма. И, проходя мимо гостя, бормочетъ что-то невнятное своимъ шлепающимъ старушечьимъ шепотомъ. У нея всегда свои думы и слова, враждебныя и чуждыя всему, что ее окружаетъ. Дѣвочку она любитъ небрезгливо и искренно. Поэтому ей прощаются разныя мелкія грубости и нарушенія дисциплины. Кулаковскій говоритъ ей вслѣдъ:

— Слѣдовало бы убивать всѣхъ стариковъ, перешедшихъ за предѣльный возрастъ. Они похожи на гнилые грибы. Портятъ землю и заражаютъ воздухъ, а пользы отъ нихъ никакой нѣтъ.

— Неправда, вы не можете такъ думать. Вы совсѣмъ не злой человѣкъ.

— Развѣ такъ дурно быть злымъ?

Конечно, на это многое можно было бы отвѣтить. Пусть онъ не думаетъ, что она такъ уже глупа и только онъ одинъ можетъ развивать свои собственныя теоріи. Но скучно говорить объ этомъ. Хочется другихъ словъ, простыхъ и ясныхъ, и глубоко проникающихъ въ душу, а не безслѣдно скользящихъ по поверхности. И даже не нужно словъ. Вотъ,—молчать, полулежа на горячемъ пескѣ и закрывъ глаза, чтобы ослабленный солнечный свѣтъ розовой пеленой проникалъ сквозь опущенныя вѣки. Лежать и чувствовать, что рядомъ бодро и сильно бьется другое сердце,—и чувствовать еще, что во всемъ мірѣ сейчасъ есть, какъ будто, только одно сердце,—и оно бьется вотъ именно такъ, вздрагивая и замирая въ истомныхъ предчувствіяхъ.

Что-то щекочетъ шею, открытую надъ низкимъ воротникомъ платья. Можетъ быть, сухая былинка. И обжигаетъ кожу горячее дыханіе. Открыть глаза? Вѣки отяжелѣли, и все тѣло замерло, сдѣлалось не своимъ, такъ что ощущается въ почти болѣзненномъ напряженіи каждый нервъ, каждый мускулъ. Похоже на то, когда стоишь на краю глубокой пропасти и заглядываешь внизъ.

Чужія губы припали жадно, словно хотятъ напиться горячей крови сквозь тонкую кожу. И цѣлуютъ, не отрываясь, и

чужая рука обнимаетъ вздрагивающія плечи. Что же будетъ? Невозможно...

Съ усиліемъ поднимается, садится и растерянными движеніями трепещущихъ пальцевъ оправляетъ прическу. Двѣ пары глазъ встрѣтились. Одна—съ темной тѣнью стыда и испуга въ глубинѣ лучистыхъ голубыхъ райковъ; другая—такая увѣренная въ себѣ, почти властная—и въ то же время молящая. А губы говорятъ совсѣмъ другое:

— Когда долго смотришь въ небо—оно поднимается все выше и выше, и кажется, наконецъ, что самъ отрываешься отъ земли и летишь кверху на большихъ бѣлыхъ крыльяхъ.

— Да, но вѣдь это... Уже пора... Пойдемте обѣдать.

Возвратились домой, какъ всегда, рука объ руку, и дорогой говорили о чемъ-то ничтожномъ. Вѣра Ивановна коротко, вскользь, поздоровалась съ мужемъ и долго старалась не смотрѣть ему въ глаза. Потомъ рѣшилась. Ничего. Это такъ просто. Ничего.

Непенинъ угощалъ диковиннымъ салатомъ съ раковыми шейками, сардинками и спаржей. Было невкусно, но остро.

— Кушайте хорошенько, господа! Собственнаго изготовленія. Шедевръ, не правда ли?

И аппетитно чмокалъ выпачканными масляной подливкой губами. Лысина тоже лоснилась, какъ масляная, а челюсти двигались медленно и непрерывно, какъ жернова мельницы.

Послѣ обѣда хозяинъ взглянулъ на часы, бережно погладилъ себя по животу и пошелъ отдохнуть. Спросилъ, лѣниво мигая и все еще ощущая во рту пикантный вкусъ новаго салата:

— Вы, навѣрное, гулять? Такъ ты распорядись, мамочка, чтобы самоваръ былъ пораньше. Послѣ острыхъ блюдъ очень пить хочется.

— Нѣтъ, мнѣ нездоровится сегодня. Я не пойду.

— Да? Ну, какъ хочешь. Только гость-то у тебя заскучаетъ, пожалуй...

Скрипнулъ дверью, потомъ слышно было, какъ кряхтѣлъ, снимая башмаки. Кулаковскій покачивался въ качалкѣ и грызъ зубочистку.

— Такъ не пойдете?

Въ глазахъ появилось, какъ тамъ, на обрывѣ, что-то властное и, вмѣстѣ, молящее. Холодный страхъ подкрался къ самому сердцу, но трудно, почти невозможно было сказать: нѣтъ.

— Не знаю. Можетъ быть.

Заглянула въ спальную. Мужъ уже дремалъ, и большая зеленая муха сидѣла у него на лбу. Заботливо отогнала ее, такъ же заботливо поправила подушку и задернула темную занавѣску на окнѣ. Тогда почувствовала, что успокоилась, и пошла вмѣстѣ съ Кулаковскимъ все по той же любимой тропинкѣ.

Онъ остановилъ ее въ густомъ кустарникѣ, не доходя до обрыва. Насильно увлекъ немного въ сторону, на маленькую полянку. Здѣсь солнце играло круглыми пятнами на мягкой травѣ, и пронизанный его лучами воздухъ волновался, казался разноцвѣтнымъ.

— Что вы? Зачѣмъ?

Вмѣсто отвѣта обнялъ ее, поцѣловалъ въ шею, около уха, гдѣ росли рыжеватые золотистые волосы. Она зажмурилась отъ страха и отбивалась, отталкивая его сильныя, крѣпкія руки своими обезсилѣвшими руками.

— Нѣтъ... нѣтъ... ни за что...

Но сама не вѣрила себѣ, и, безцѣльно сопротивляясь, все-таки хорошо знала, что должно сейчасъ случиться. Уже совсѣмъ изнемогая, теряя силу и волю подъ его поцѣлуями, глубоко вздохнула, ловя ртомъ воздухъ, какъ выброшенная на берегъ рыба. Видѣла близко склоненное поблѣднѣвшее лицо,— знакомое и новое...

Потомъ плакала и смѣялась, и прятала лицо у него на груди, царапая щеку пуговицами пиджака. Кулаковскій ласкалъ ее нѣжно и благодарно, и нашептывалъ ей слова, которыя не были уже теперь страшными. Но она не понимала и не хотѣла понимать того, что онъ говорилъ ей, потому что вся была еще во власти чувства сильнаго и до сихъ поръ не испытаннаго. Воплотилось то, о чемъ были смутныя думы на песчаномъ обрывѣ, въ лѣтній полдень.

— Ты видишь—глупо отказываться отъ счастья. И я давно зналъ, что ты любишь меня.

Эти слова первыми достигли до ея слуха, разбудили околдованную мысль. Онъ—зналъ, а она сама не знала. Или не понимала только? Но тогда—любить не его одного, а лѣто и солнце, и горячій песокъ, обнимающій, какъ живое тѣло, и еще многое, многое...

— Люблю.

Словно облако набѣжало на солнце—и танцующія пятна замерли, остановились, и воздухъ пересталъ трепетать въ просвѣтахъ кустарника. Запахло измятой, умершей травой, сломленными папоротниками.

— А мужъ? Онъ узнаетъ. Я—гадкая и безчестная... Онъ узнаетъ.

Казалось, что вся земля прокричитъ объ этомъ, какъ о несмываемомъ стыдѣ. Когда мужъ будетъ проходить сквозь кустарники, они остановятъ его своими цѣпкими вѣтвями, будутъ шептать ему на ухо.

А еще страшнѣе—встрѣтиться съ нимъ лицомъ къ лицу. Ясно встало передъ глазами лѣниво-добродушное лицо, на которое откуда-то извнутри выплываетъ страшная, незнакомая гримаса.

Метнулась къ обрыву такъ быстро, что Кулаковскій едва успѣлъ ее удержать.

— Оставьте меня... Я—туда. Я не могу иначе.

— Туда? Ну, хорошо... Я буду вмѣстѣ съ вами. Пойдемте...

Онъ говорилъ съ нею ласково и полунасмѣшливо, какъ говорятъ съ любимыми избалованными дѣтьми. Бережно провелъ ее къ обрыву, помогъ присѣсть.

— Вотъ здѣсь. И не нужно плакать. Такъ некрасиво, когда глаза опухаютъ отъ слезъ.

Отъ рѣки вѣяло свѣжестью, и не было здѣсь пьянящей зеленой духоты кустарника. То, что тамъ казалось такимъ рѣзкимъ и вызывающимъ отчаяніе, здѣсь постепенно теряло свою остроту, блѣднѣло, какъ минувшее сновидѣніе. Положила голову на плечо Кулаковскаго и незамѣтно задремала,—какъ ребенокъ. Грудь дышала ровно.

Не замѣтила, какъ Кулаковскій осторожно цѣловалъ ее въ губы и въ шею, надъ низкимъ воротомъ. Когда очнулась, нѣсколько мгновеній смотрѣла прямо передъ собой остановившимся взглядомъ, ничего не помнила.

Кулаковскій негромко сказалъ ей:

— Пора идти, милая...

— Ахъ, да... Зачѣмъ?

Опять вернулись прежнія тревоги; но уже не такъ холодили душу, и не было прежняго ужаса, а только маленькій, обыденный страхъ, такой мелкій и непріятный. Хотѣлось поскорѣе побороть его.

Непенинъ встрѣтилъ ихъ на балконѣ. Отлежалъ одну щеку, и она пошла неровными красными полосами. И все было, какъ всегда: пыхтящій никкелированный самоваръ, свѣжее печенье, которое привезъ изъ города хозяинъ, вазочки съ вареньемъ.

— Нагулялись? А я было хотѣлъ уже одинъ приниматься. Боялся, что самоваръ остынетъ.

Вѣра Ивановна мимо чайнаго стола прошла въ спальную

и остановилась тамъ передъ зеркаломъ, отдернувъ у окна драпировку. Съ прозрачнаго стекла смотрѣло лицо,—такое же, какъ всегда, но съ едва замѣтнымъ лихорадочнымъ румянцемъ и темными тѣнями подъ глазами. Лицо хранило тайну,—и Вѣра Ивановна облегченно вздохнула. Онъ ничего не замѣтитъ.

На балконѣ заняла свое обычное мѣсто, у самовара. Спросила Кулаковскаго:

— Вамъ какого варенья? Есть очень хорошее апельсиновое. Или вы, какъ всегда, землянику?

— Пожалуй, положите апельсиноваго.

Принимая блюдечко, взглянулъ на Вѣру Ивановну и слегка, одними уголками губъ улыбнулся поощрительно. Значитъ,—тоже боялся, какъ бы не выдала себя. За нее боялся.

И она сама не думала, что это будетъ такъ просто. Словно не произошло ничего особеннаго. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ—ничего?

Непенинъ, въ промежуткахъ между глотками горячаго чая, говоритъ о новой дачѣ.

— Понимаете, даже спалъ плохо. Все думалъ: не повернуть ли фасадъ такъ, чтобы верхній балконъ смотрѣлъ на западъ, а не на юго-востокъ? Тогда за вечернимъ чаемъ всегда было бы солнце.

Кулаковскій не одобрилъ проекта.

— Нельзя. Съ дороги испортится видъ. Всю постройку придется передѣлывать.

— Ты думаешь? Ну, ладно. Пусть будетъ по старому. А то я страшно безпокоился. Ей Богу, даже спалъ плохо.

Кулаковскому онъ вѣритъ, — тѣмъ болѣе, что тотъ очень рѣдко высказываетъ свои мнѣнія серьезно. По большей части, только подсмѣивается или шутитъ. И сейчасъ опять уже Кулаковскій принимается разсказывать какой-то двусмысленный анекдотъ, въ которомъ фигурируетъ въ качествѣ дополнительныхъ аксессуаровъ и новая дача, и повороченный на западъ балконъ.

Непенинъ смѣется сочно и заразительно.

— Ну, братъ... И откуда у тебя берется такое? Ты слышала, мамочка?

Вѣра Ивановна тоже смѣется. Ей весело, безъ удержу весело. И когда вечеромъ, послѣ двухъ партій въ стуколку, мужчины идутъ купаться, она заботливо снабжаетъ обоихъ мохнатыми простынями и напоминаетъ мужу:

— Ты не сиди долго въ водѣ. Тебѣ вредно.

А передавая простыню Кулаковскому, незамѣтно задерживаетъ его руку въ своей и жметъ его пальцы.

И всегда будетъ такъ,—и здѣсь нѣтъ ничего особеннаго, потому что всѣ такъ дѣлаютъ. И развѣ мужъ сегодня не такъ же счастливъ и доволенъ своей жизнью, какъ вчера и много дней тому назадъ, когда ничего еще не было?

Въ дѣтской ждала нянька. Нужно поставить Ниночкѣ клизму, а такую важную операцію Вѣра Ивановна не рѣшается довѣрять прислугѣ. Сдѣлала все, что слѣдовало, вымыла себѣ лицо и руки пѣнистымъ, душистымъ мыломъ и прилегла на кушетку съ книжкой въ рукахъ. Но читать не хотѣлось. Смотрѣла поверхъ страницъ, видѣла что-то въ бѣловатыхъ тѣняхъ комнаты и безсознательно улыбалась.

IV.

Появились грибы: хорошіе бѣлые и красные, съ круглыми крѣпкими шляпками и мясистыми ножками; темныя, словно загорѣвшія, масленки; волнистыя, ярко желтыя лисички; солидные сѣрые обабки. Дня три подрядъ шелъ мелкій, теплый дождь,—грибной,—а потомъ сильно пригрѣло солнце, и тогда особенно весело и дружно полѣзли изъ лѣсного перегноя разноцвѣтныя головки. Обабки у старыхъ пней поднялись цѣлой щеткой и ихъ почти не брали: искали бѣлыхъ.

Непенинъ умилялся.

— Нѣтъ, вы посмотрите: вѣдь это—не грибъ, а младенчикъ. Такого маринада даже и у архіерея не попробуешь. И главное—произведеніе собственныхъ рукъ.

Все свободное время проводилъ теперь въ лѣсу, съ берестяной корзиночкой въ рукахъ, а по праздникамъ водилъ съ собою Кулаковскаго. Ходила, конечно, и Вѣра Ивановна, хотя Непенинъ рѣшительно заявилъ, что никакихъ способностей къ этому спорту у нея не имѣется.

— Ты, мамочка, больше въ небо глядишь, воронъ считаешь. А для грибного дѣла нужна аккуратность. Ни одного кустика пропустить нельзя. Думаешь, что тутъ нѣтъ ничего, а поройся—и найдешь. Хорошій молодой грибокъ никогда сверху не увидишь... Да и Кулаковскій тоже—одного съ тобой поля ягода. У меня одного—полная корзина, а у васъ у обоихъ вмѣстѣ—даже донышко не покрыто.

Кулаковскій скромно оправдывался.

— У всякаго свой талантъ...

Грибовъ онъ не любилъ, но былъ доволенъ грибнымъ сезономъ, который давалъ ему возможность проводить много времени наединѣ съ Вѣрой Ивановной. Непенинъ забирался куда-нибудь въ самую глушь,—«гдѣ еще бабы не истоптали»,—и только изрѣдка подавалъ голосъ, а Кулаковскій, въ это время, ставилъ пустую корзину на землю и цѣловался со своей спутницей.

Вѣра Ивановна все сильнѣе чувствовала потребность въ его ласкахъ. Прежде тревожилась, раздумывала, и эта тревога временами была острѣе наслажденія, — но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ тѣснѣе и необходимѣе становилась эта, какъ будто случайно возникшая, связь. Недѣля тянулась въ томительномъ ожиданіи, а праздникъ наступалъ, какъ желанный и радостный день. Въ этотъ день хотѣлось возмѣстить все, чего не хватало безъ Кулаковскаго. Иногда уже гостю приходилось говорить, останавливая ея порывы:

— Будь осторожнѣе. Онъ замѣтитъ.

— Онъ? Слѣпой? Но вѣдь онъ грибы ищетъ. Какое ему дѣло до насъ?

Сначала таилось еще нѣчто вродѣ жалости къ мужу. Какъ будто была ему нанесена незаслуженная обида. Но онъ не видѣлъ и не чувствовалъ этой обиды, попрежнему сытно ѣлъ и хорошо спалъ.

— Ты знаешь,—говорила Кулаковскому Вѣра Ивановна,—пока я не полюбила тебя, — не знала, что онъ такъ жалокъ. Можетъ быть, это всегда такъ бываетъ, я не знаю. Но страшно подумать, что если бы я не встрѣтила тебя, я такъ и не поняла бы никогда настоящей любви, настоящаго счастья.

Въ Кулаковскомъ все-таки заговаривала ревность.

— А однако же ты живешь съ нимъ.

— Ты сравниваешь, милый?—и укоризненно качала головой.—И не стыдно тебѣ?

— Да, да, конечно... Будь съ нимъ поласковѣе. Это необходимо.

Выбирался изъ лѣсной чащи Непенинъ, со сбитой на бокъ шляпой, весь въ сухихъ листьяхъ и въ паутинѣ, красный и задыхающійся.

— Вотъ такъ добыча у меня! Двѣнадцать бѣлыхъ—и всѣ красавчики, одинъ къ одному. А у васъ?

Гордый своимъ непревзойденнымъ искусствомъ, заглядывалъ къ нимъ въ корзину.

— Эхъ, вы... Не стоитъ васъ и маринадомъ кормить. Ну, пойдемте теперь къ мельничному бору. Тамъ обабки хорошіе. Это уже грибъ видный. Всякій ребенокъ разыщетъ.

Запинаясь за выступающія изъ земли корневища, шли плохо наѣзженной лѣсной дорогой къ мельничному бору. И, пока Непенинъ былъ близко, молчали или вяло говорили о чемъ-нибудь совсѣмъ неинтересномъ и ненужномъ. А удаляясь, Непенинъ слышалъ за своей спиной веселый говоръ и смѣхъ.

— Право, ты слишкомъ неосторожна!—все чаще напоминалъ Кулаковскій.—Онъ догадается.

Но она инстинктивно не переходила границы, за которою начинается явная опасность. Пусть онъ подозрѣваетъ. Всѣ мужья подозрѣваютъ своихъ женъ. Но гдѣ доказательства? Ихъ онъ никогда не получитъ. Она увѣрена въ этомъ. Въ крайнемъ случаѣ, она всегда съумѣетъ убѣдить его въ своей правотѣ.

Одинъ разъ Непенинъ случайно вышелъ на полянку, гдѣ были его гость и жена, раньше, чѣмъ его ждали. И успѣлъ замѣтить, что Кулаковскій держитъ жену за руку и нашептываетъ ей что-то на ухо, а она, смѣясь, наклонила голову, почти лежитъ на его плечѣ. Въ первую минуту даже не обратилъ на это вниманія,—такъ это было для него ново и неожиданно,—потомъ захолонуло сердце. Посмотрѣлъ угрюмымъ, неподвижнымъ взглядомъ и сказалъ сухо:

— Пора домой.

На обратномъ пути Кулаковскій тоже хмурился и съ досадой кусалъ усы, стараясь идти подальше отъ Непенина, въ сторонѣ отъ дороги. Вѣра Ивановна была спокойна, смотрѣла ясно и невинно. Непенинъ всю дорогу молчалъ. Кулаковскій въ этотъ день скоро уѣхалъ въ городъ, а вечеромъ мужъ устроилъ Вѣрѣ Ивановнѣ сцену. Широкими шагами ходилъ взадъ и впередъ по тѣсной спальнѣ, натыкался на мебель, и сбивчиво, путая слова и запинаясь, говорилъ. Жена сидѣла у зеркала и причесывалась на ночь.

— Это мнѣ совсѣмъ не нравится, да, не нравится. Конечно, онъ—мой товарищъ и твой хорошій знакомый, но все-таки это мнѣ не нравится. Ты не знаешь его взглядовъ на женщинъ. Онъ циникъ, говорю тебѣ, что онъ циникъ. И для него нѣтъ ничего святого. Ты не ребенокъ, ты должна понимать, что среди лѣса онъ держитъ тебя за руку вовсе не для того, чтобы поздороваться. Онъ не можетъ относиться къ женщинѣ съ уваженіемъ. Онъ не умѣетъ. И ты обязана вести себя съ нимъ болѣе сдержанно.

Вѣра Ивановна отдѣлила спереди, у лба, длинную прядь волосъ и, не спѣша, накручивала ее на папильотку. Приколола закрученную прядь шпилькой и взялась за слѣдующую. Нагнулась близко къ зеркалу и прищурилась. Кажется, есть лишняя морщинка. Нужно будетъ зимой дѣлать массажъ.

Непенинъ, нетерпѣливо поворачиваясь на каблукахъ, долго ждалъ ея отвѣта.

— Ну, такъ какъ же? Ты слышала, я полагаю?

Она повернулась къ нему, приподняла брови.

— Что такое?

— Какъ—что? А тебѣ еще мало? Ты хочешь, чтобы на всѣхъ перекресткахъ кричали?

— Извини, пожалуйста, я не могу думать, что ты говоришь серьезно. Ты, кажется, слишкомъ много портвейна выпилъ за обѣдомъ. Иначе я не могу объяснить... Нельзя же допустить, въ самомъ дѣлѣ, чтобы ты такъ мало уважалъ меня... Кажется, за все время нашего супружества я не подала никакого повода. Ты самъ—грязный человѣкъ. Я знаю, куда ты въ городѣ таскался по ночамъ вмѣстѣ съ Кулаковскимъ. Только, пожалуйста, не мѣряй всѣхъ на свой аршинъ и не оскорбляй меня.

Непенинъ вынулъ платокъ и съ разсчитанной медлительностью обтеръ себѣ лобъ, хотя совсѣмъ не было жарко. Но, когда покончилъ съ этимъ дѣломъ и спряталъ платокъ въ карманъ, все еще не придумалъ, что отвѣтить. Очень это трудно—говорить съ женщинами о чемъ-нибудь важномъ. Онѣ относятся ко всему какъ-то особенно, не по мужски, и, поэтому, трудно втолковать имъ самую простую истину.

— Я не хочу обижать тебя, мамочка. Но я говорю тебѣ, какъ твой старшій и болѣе опытный товарищъ.

— Да, конечно, ты опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ. Я не спорю.

— Ну, хорошо, нападай на меня. Я стерплю. А съ Кулаковскимъ, все-таки, веди себя сдержаннѣе.

— Откажи ему отъ дома, если ты такъ боишься за мою добродѣтель. Можетъ быть, это не будетъ... смѣшно.

— Ты же сама понимаешь, что это невозможно. Я увѣренъ, что нѣтъ пока еще никакого серьезнаго повода,—и, кромѣ того, при всѣхъ его недостаткахъ, онъ, все-таки, прекрасный человѣкъ и мой старый другъ.

— Оставь меня въ покоѣ, пожалуйста. У меня болитъ голова отъ твоихъ глупостей.

Когда легли спать, Непенинъ обнялъ жену и попытался

было извиниться, но Вѣра Ивановна повернулась къ нему спиной и, повидимому, очень скоро уснула; а самъ Непенинъ долго лежалъ на спинѣ, смотрѣлъ въ потолокъ широко открытыми глазами и тяжело вздыхалъ.

Съ этого вечера прежнія привычныя отношенія между мужемъ и женой, какъ будто, нѣсколько испортились. Непенинъ чувствовалъ себя неспокойно и старался поменьше оставлять жену наединѣ съ воскреснымъ гостемъ. Вѣра Ивановна нервничала, заставляла мужа терзаться одновременно ревностью и раскаяніемъ. Раскаяніе все росло и скоро сдѣлалось сильнѣе всѣхъ остальныхъ чувствъ.

Раньше было такъ удобно жить, и такъ ласкова была жена, веселъ и разговорчивъ Кулаковскій. Можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ иногда позволялъ себѣ по отношенію къ Вѣрѣ Ивановнѣ что-нибудь лишнее. Но развѣ это такъ уже важно? Вѣдь это ничему, совершенно ничему не мѣшаетъ. Все шло хорошо и гладко. А теперь, если все пойдетъ и дальше такъ же, какъ идетъ сейчасъ, то станетъ совсѣмъ уже неудобно жить. Нѣтъ, пусть лучше будетъ по старому.

Принималъ твердое рѣшеніе, но, когда встрѣчалъ горящій взглядъ Кулаковскаго, устремленный на жену, или слышалъ случайно его страстный полушепотъ,—терзался ревностью и слѣдилъ неотступно, какъ тѣнь.

— Видишь?—негодовалъ Кулаковскій на свою возлюбленную.—Видишь? Я говорилъ тебѣ, что нельзя такъ открыто... Толстый догадывается.

Вѣра Ивановна пожимала плечами.

— Ничего, это ненадолго. Ему надоѣстъ, и онъ самъ убѣдитъ себя, что все обстоитъ благополучно.

Иногда Непенинъ, въ качествѣ соглядатая, навязывалъ вмѣсто себя—Ниночку, надѣясь, что Кулаковскій не рѣшится предпринять что-нибудь при ребенкѣ. Но добился этимъ только того, что Вѣра Ивановна окончательно возненавидѣла болѣзненнаго уродца. Ниночка смотрѣла любопытными, ничего не понимающими глазами на ихъ поцѣлуи и, должно быть, это ей нравилось, потому что иногда она просила Кулаковскаго поцѣловать и ее. Вѣра Ивановна грубо отталкивала ее прочь.

— Убирайся ты, соплячка... Цѣлуй своего папочку, если хочешь.

Когда не было по близости Непенина, она становилась грубой,—словно стряхивала съ себя какіе-то надоѣдливые путы. При Кулаковскомъ можно было говорить то, что думалось, и

дѣлать то, что хотѣлось,—и когда онъ, въ свою очередь, бывалъ такъ же простъ и грубоватъ, то это не обижало, а радовало.

— Почему я не жена твоя?

— А развѣ я—плохой любовникъ?

— Это не удовлетворяетъ меня. Я хотѣла бы быть твоей женой. Такъ скучно всегда видѣть рядомъ съ собой лишняго человѣка, чувствовать, что зависишь отъ него на каждомъ шагу.

— Не можешь же ты развестись. Мужъ не согласится—да и семейное счастье хорошо только въ мечтѣ. Если мы женимся, то въ концѣ концовъ начнемъ обманывать другъ друга такъ же точно, какъ теперь обманываемъ Непенина. Это тоже скучно. А сейчасъ насъ связываетъ только любовь, потому что я люблю тебя, какъ никого еще не любилъ. Я думалъ видишь ли, что это будетъ самый обыкновенный маленькій романъ,—но ты умѣешь привязывать.

— Да?

И она, счастливая, радостно смотрѣла на него лучистыми глазами. Ей нравилось всецѣло повиноваться ему,—и въ то же время нравилось повелѣвать безъ принужденія и просьбъ, одной силой страстной любви. Ничего подобнаго не давалъ ей мужъ. Онъ только смотрѣлъ на нее своими рабскими и похотливыми глазами, могъ быть только трусливымъ рабомъ и тупоумнымъ деспотомъ.

Иногда она спрашивала.

— Чѣмъ же это кончится, скажи мнѣ?

— Не стоитъ задумываться. Сейчасъ—хорошо; а дальше будетъ или лучше, или хуже, пока все не кончится само собою.

Но такой отвѣтъ не удовлетворилъ ее.

V.

Осень наступила дождливая, холодная, съ сырыми промозглыми туманами и леденящимъ вѣтромъ,—въ городъ пришлось переѣхать раньше предположеннаго времени. Непенинъ схватилъ бронхитъ, и Вѣра Ивановна каждый вечеръ мазала ему бокъ какою-то пахучей и липкой бѣлой мазью. Ниночка тоже кашляла, похудѣла и поблѣднѣла больше прежняго. Одинъ Кулаковскій, несмотря на осенніе туманы, былъ свѣжъ и здоровъ, какъ всегда, звучно смѣялся, показывая бѣлые зубы, и съ прежней

аккуратностью до самаго отъѣзда съ дачи ходилъ купаться на рѣчку.

Уложили на три большихъ воза дачные пожитки и подъ мелкимъ моросящимъ дождемъ повезли ихъ на станцію. Потомъ начались нудные, надоѣдливые хлопоты на городской квартирѣ: вѣшали драпировки и гардины, стлали ковры, разставляли мебель, ссорились съ управляющимъ по поводу дымящихъ печей и неисправнаго водопровода. Радостное лѣто осталось позади.

Среди всякихъ хлопотъ и домашнихъ волненій Вѣра Ивановна похудѣла и осунулась. Ей было жутко при мысли, что минувшее можетъ не вернуться, что новая любовь, вмѣстѣ съ лѣтомъ, не возродится больше. Заботило, какъ устроить свиданія здѣсь, въ городѣ. Объ этомъ обѣщалъ похлопотать Кулаковскій, но за первыя двѣ недѣли жизни въ городѣ ничего не предпринялъ.

— Слишкомъ гадко здѣсь послѣ того, что было тамъ, въ лѣсу. Тамъ было особенное, а здѣсь все опять сведется къ обыкновенной интрижкѣ. Да и толстый идіотъ не перестаетъ подозрѣвать и подсматривать. Придется подождать немного.

Дважды въ недѣлю играли въ стуколку. Кромѣ Кулаковскаго приходили и другіе знакомые,—по большей части—банковскіе служащіе. Съ тѣхъ поръ, какъ Непенинъ получилъ наслѣдство, эти гости относились къ нему съ большимъ почтеніемъ, чѣмъ прежде, и усерднѣе закусывали, потому что Непенины держали теперь хорошую кухарку. А горничная ходила въ маленькомъ бѣломъ чепчикѣ и въ разглаженномъ мелкими складочками кружевномъ передникѣ. Непенинъ былъ очень доволенъ всѣми этими радостными мелочами, усердно угощалъ, сидя на своемъ хозяйскомъ мѣстѣ за ужиномъ, и хвастался своей жизнью. Выпивать началъ больше и чаще, чѣмъ прошлой зимой.

Зато у Кулаковскаго городская жизнь ладилась плохо. Въ банкѣ не дали давно обѣщаннаго повышенія. Одолѣвали кредиторы. Раза три-четыре онъ занималъ по мелочамъ у Вѣры Ивановны, которая экономила для этого выдававшіяся ей мужемъ хозяйственныя деньги. Ходилъ сгорбившись и часто забывалъ смывать съ выхоленныхъ рукъ чернильныя пятна. Даже самъ Непенинъ замѣтилъ однажды:

— Грустишь?

И истолковалъ это по своему. Очевидно, съ женой у него ничего не вышло, и онъ страдаетъ нераздѣленной любовью. Поэтому говорилъ съ Кулаковскимъ снисходительно и ласково, и

въ то же время, изъ маленькой мести, часто цѣловалъ жену въ его присутствіи. Какъ будто хотѣлъ сказать этимъ:

«Видишь, я—ея собственникъ. И моя собственность—неотъемлема, потому что не захотѣла измѣнить мнѣ, хотя ты красивѣе».

И корень его ревности заключался не въ боязни потерять любовь жены, а въ боязни утратить привычную собственность. Въ проявленіяхъ ея любви онъ особенно и не нуждался. Лишь бы не нарушала установленнаго порядка жизни.

Не жалѣлъ денегъ на ея туалеты.

— Ничего, одѣвайся получше... У насъ, слава Богу, на это хватитъ. Я люблю, когда ты одѣта лучше другихъ.

Любилъ ея кружева, шуршанье шелковыхъ юбокъ, атласъ и перья модныхъ шляпокъ. И часто спрашивалъ даже совсѣмъ не близкихъ знакомыхъ:

— А вѣдь недурная бабенка — моя жена, какъ вы находите?

Нѣкоторые, поощренные этими вопросами, пытались ухаживать, но Вѣра Ивановна держала себя съ ними очень холодно. И это выходило у нея какъ-то само собой, безъ всякихъ усилій воли, хотя она и любила поклоненіе. Привязанность къ Кулаковскому вытѣснила всѣ другія чувства, и теперь, когда переѣздъ въ городъ поставилъ неожиданныя препятствія продолженію ихъ связи, эта привязанность сказывалась еще острѣе.

Разъ встрѣтилась съ Кулаковскимъ на улицѣ и сказала ему:

— Я не могу больше. Я не ручаюсь за себя... Мы должны видѣться, какъ прежде, или я во всемъ признаюсь мужу и открыто уйду къ тебѣ.

Кулаковскій былъ блѣденъ, кусалъ губы.

— Но что же дѣлать? Я не вижу пока никакого исхода. А насчетъ открытаго разрыва—конечно, глупости. Ты сама понимаешь, и я уже говорилъ тебѣ не разъ, что я не гожусь въ мужья.

— Хорошо, я не спорю съ тобой, не могу спорить. Но ждать больше я не могу тоже.

Квартира Кулаковскаго для свиданій не подходила, потому что онъ снималъ для себя двѣ комнаты у сослуживца. И если даже перемѣнить квартиру, то все-таки слишкомъ опасно. Найдется доброхотный шпіонъ, который выслѣдитъ и направитъ мужа по вѣрнымъ слѣдамъ.

Оставалось одно—меблированныя комнаты, второсортные номера для пріѣзжающихъ, съ продавленными диванами и со-

мнительными простынями на жесткихъ кроватяхъ. Это былъ слишкомъ рѣзкій переходъ послѣ тѣнистой лѣсной глуши, послѣ яркаго солнца и теплаго песчанаго берега,—и Кулаковскій долго колебался, прежде чѣмъ въ первый разъ передалъ Вѣрѣ Ивановнѣ условленный адресъ.

Она явилась въ назначенный часъ сіяющая и радостная, со сбившейся на бокъ густой вуалью. Быстро, мелькомъ, взглянула на незнакомую обстановку и бросилась на грудь къ Кулаковскому.

— Наконецъ-то...

И только потомъ уже, когда миновалъ первый пылъ страсти, внимательнѣе осмотрѣлась и замѣтила:

— Однако, какъ здѣсь... Я представляла себѣ все это немножко иначе... Вѣдь, я никогда не бывала въ такихъ мѣстахъ.

Кулаковскій отвѣтилъ почти злобно:

— Я не могу предоставить тебѣ дворецъ съ мраморными колоннами и золотымъ ложемъ. Ты должна была знать это.

— Конечно, милый. Но, вѣдь, я не сержусь. Для меня достаточно, что ты, наконецъ, со мною, что я могу, какъ прежде, цѣловать тебя.

И, уже собираясь уходить, сказала задумчиво и съ непривычной сдержанностью:

— И все-таки, лѣтомъ было лучше. Ты не виноватъ въ этомъ, но лѣтомъ было лучше. Можетъ быть, въ такіе же номера ты водилъ когда-то другихъ, а тогда я была единственная и знала это. И мнѣ кажется еще, что здѣсь ты можешь меня разлюбить.

— Если бы ты не боялась этого — разлюбилъ бы. А теперь—нѣтъ.

Послѣ перваго свиданія встрѣчались рѣдко, каждый разъ мѣняя изъ осторожности—и изъ отвращенія—адреса меблированныхъ комнатъ, но всѣ они были одинаковыя, какъ ихъ дешевая мебель, сдѣланная по одному и тому же, давно установленному шаблону. И каждый разъ къ радости свиданія примѣшивалась тоска и злобная ненависть къ кому-то, кто упрямо становился поперекъ жизни и отнималъ яркія краски отъ ея радостей.

И, подъ вліяніемъ этой ненависти, ихъ объятія были теперь не такъ страстны, не такъ поглощали мысли и волю, какъ лѣтомъ. Словно больше нравилось вспоминать о прошломъ, а не переживать настоящее, которое было только блѣдной тѣнью этого прошлаго.

Вѣра Ивановна все чаще говорила о томъ, какъ хорошо жилось бы, если бы совсѣмъ не было на свѣтѣ Непенина и Кулаковскій всецѣло занималъ его мѣсто.

Онъ говоритъ, что не годится въ мужья. Но пусть. Совсѣмъ и не нужно быть мужемъ. Они и безъ Непенина жили бы, какъ любовники,—но не здѣсь, въ загаженныхъ меблированныхъ комнатахъ, а тамъ, на свободѣ зеленой лѣсной жизни. Тому, Непенину, ничего этого не нужно. Онъ умѣетъ любить только въ положенные часы, и плохо приготовленный обѣдъ заставляетъ страдать его больше, чѣмъ слишкомъ холодныя ласки жены. Ему ничего не нужно,—и онъ имѣетъ все. А Кулаковскій побирается у его стола по крохамъ, какъ нищій.

Съ грубоватой откровенностью она говорила все, что думала, не замѣчая, что иногда слишкомъ больно задѣваетъ своего возлюбленнаго. А тотъ блѣднѣлъ отъ ея словъ и дышалъ тяжело, какъ загнанный звѣрь.

Одинъ разъ неожиданно сорвалось съ его губъ:

— Ну, если такъ... если такъ—убью его, вотъ и все...

Она испуганно схватила его за руки, словно онъ держалъ уже оружіе.

— Что съ тобой? Не говори такъ... Я боюсь.

Но скоро и сама уже, незамѣтно для себя самой, развивала эту мысль. Конечно, это только шутка, — говорить объ убійствѣ. Но если бы онъ просто умеръ, самъ умеръ, — это было бы хорошо. У него не такое уже отличное здоровье: слабое сердце, одышки, а за послѣднее время и желудокъ начинаетъ плохо варить. Какой-нибудь серьезной болѣзни, вродѣ тифа или воспаленія легкихъ, онъ ни за что не перенесетъ.

Тогда они не женятся. Останутся въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и сейчасъ. А если женятся—«вѣдь можемъ же мы тогда и жениться, милый? Я не буду стѣснять тебя!»—все равно, будутъ жить такъ, какъ хочется, и не будетъ больше этого препятствія на пути жизни. Кулаковскій останавливалъ ее,—иногда очень рѣзко.

— Молчи! Болтаешь, какъ всякая глупая баба. Что толку въ этихъ дурацкихъ мечтахъ?

Она смущенно останавливалась, но скоро возвращалась къ тому же. Если мужъ умретъ, новая дача будетъ принадлежать ей одной,—а она подаритъ ее Кулаковскому. Вѣдь, онъ такъ любитъ природу, лѣсъ, солнце. Если захочетъ, то броситъ проклятую службу въ банкѣ. Денегъ хватитъ, чтобы прожить вдвоемъ, не слѣдуетъ только расходоваться по пустякамъ. А ей самой такъ

мало будетъ нужно. Она обойдется безъ туалетовъ, безъ самаго необходимаго, если этого захочетъ Кулаковскій. Тотъ сжималъ кулаки.

— Оставь, говорю тебѣ.

По вечерамъ, послѣ обычныхъ картъ, онъ часто ссорился съ Непенинымъ, безсильный сдерживать свою неукротимую ненависть. Ссорились изъ-за пустяковъ,—и со стороны эти ссоры звучали почти смѣшно, но Непенинъ пугался и всячески старался какъ-нибудь загладить недоразумѣніе.

— Что ты... что ты... Ну, пусть будетъ по твоему, если тебѣ такъ хочется. Мнѣ вѣдь все равно.

И переводилъ разговоръ на политику, въ которой Кулаковскій ничего не понималъ и о которой терпѣть не могъ разговаривать. Вѣра Ивановна смотрѣла на него любовными глазами и, улучивъ минуту, торопливо и страстно шептала:

— Дорогой мой, не волнуйся такъ. Изъ за него, этой гадины... Стоитъ ли? Ради меня... Ну, я прошу, ради меня...

Во второй половинѣ зимы, когда начались частыя гнилыя оттепели, заглянула въ домъ смерть, какъ будто названная разговорами въ меблированныхъ комнатахъ. Но миновала Непенина, который чувствовалъ себя теперь вполнѣ здоровымъ, и остановилась у изголовья Ниночки.

Дѣвочка простудилась на прогулкѣ, заболѣла инфлюенцей. Родители безпокоились мало, потому что рѣдкій мѣсяцъ проходилъ безъ Ниночкиной болѣзни. Позвали, какъ всегда, дешеваго врача, стараго и полуглухого. Тотъ не нашелъ ничего особеннаго.

— Не хорошо только, что дѣвочка, вообще, слабовата. Дурное питаніе и, можетъ быть, наслѣдственность. Но черезъ недѣлю встанетъ... Благодарю васъ.

Черезъ недѣлю Ниночка металась въ жару, никого не узнавала. Инфлюенца осложнилась воспаленіемъ брюшины. Пріѣхалъ важный профессоръ, развелъ руками и, уѣзжая, неторопливо спряталъ въ жилетный карманъ крупную бумажку, обѣщая побывать завтра, но на другой день Ниночка умерла.

Вѣра Ивановна раза два падала въ обморокъ, а Непенинъ ходилъ потерянный, осунувшійся, съ разстегнутымъ жилетомъ, изъ-подъ котораго выглядывала смятая манишка, и съ табачнымъ пепломъ на отворотахъ пиджака. Въ домѣ все вдругъ оказалось не на мѣстѣ, какъ послѣ переѣзда на новую квартиру.

Ниночку одѣли въ парадное платьице, украсили цвѣтами. Батюшка отслужилъ панихиду, выпилъ въ сосѣдней ком-

натѣ три стакана чаю съ вареньемъ и громкимъ, сочнымъ голосомъ говорилъ складывавшіяся въ привычныя фразы слова утѣшенія. Все было, какъ слѣдуетъ: словно весь домъ, дѣйствительно, погрузился въ печаль.

Похоронили тоже какъ слѣдуетъ,—съ митрофорнымъ протоіереемъ, который издали совсѣмъ былъ похожъ на епископа, но за похороны бралъ дешевле. Кулаковскій шагалъ на кладбище рядомъ съ Непенинымъ. Поддерживалъ его подъ руку, хотя Непенинъ уже успокоился и шагалъ твердо, въ свѣжемъ сюртукѣ и застегнутомъ на всѣ пуговицы жилетѣ. Обратную дорогу съ кладбища всѣ трое,—мужъ, жена и Кулаковскій—сдѣлали въ наемной каретѣ. Было холодно, но Непенинъ вытиралъ платкомъ лобъ и нѣсколько разъ сказалъ, слезливо сморкаясь въ тотъ же платокъ:

— Что дѣлать... Когда умремъ, всѣ опять будемъ вмѣстѣ съ Ниночкой. Можетъ быть, и правда лучше, что недолго мучилась.

Вечеромъ Вѣра Ивановна съ облегченіемъ подумала, что не надо больше возиться съ клизмами и лекарствами, заботиться о кашкѣ и молокѣ, а Непенинъ ходилъ взадъ и впередъ по кабинету и радовался трусливой, скрытной радостью, что не слышно больше дѣтскаго плача, который былъ такъ надоѣдливъ и мѣшалъ по вечерамъ сидѣть надъ срочными банковскими вѣдомостями или играть въ стуколку. Дѣвочку при ея жизни онъ, все-таки, насколько могъ и умѣлъ, любилъ, но эта чахлая любовь легко и спокойно умерла вмѣстѣ съ самой Ниночкой.

Черезъ два дня послѣ похоронъ Вѣра Ивановна была на свиданьи въ меблированныхъ комнатахъ. И, такъ какъ похороны были еще слишкомъ живы въ воспоминаніяхъ, то много говорили о нихъ въ промежуткахъ между поцѣлуями и объятіями.

Вѣра Ивановна думала вслухъ:

— Вотъ, она умерла и для всѣхъ это лучше, даже для нея самой. Зачѣмъ есть на свѣтѣ такія безполезныя жизни, которыя только мѣшаютъ другимъ? Конечно, онъ живетъ не такъ, какъ жила Ниночка, доволенъ своей жизнью и совсѣмъ не хочетъ умирать, но все-таки было бы хорошо, если бы его тоже не стало больше.

Кулаковскій оттолкнулъ ее отъ себя такъ грубо, что она посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ и гримасой боли на лицѣ.

— Сколько разъ я говорилъ тебѣ... Замолчи!

VI.

Тоскливые дни тянутся долго, но въ памяти оставляютъ мало слѣдовъ. И когда прошла зима, то воспоминаніе о нѳй было смутно и далеко, а давно минувшее лѣто все еще было ближе мыслямъ и сердцу. Все напоминало о немъ и только о немъ, едва дворники успѣли собрать въ кучи послѣдній грязный снѣгъ, а мѣховыя шубы отправились на покой въ пропитанные вонью нафталина сундуки.

Непенинъ получилъ на двѣ недѣли отпускъ изъ банка. Необходимо присмотрѣть лично за окончаніемъ работъ на собственной дачѣ. Оставилъ пока жену въ городѣ, а самъ отправился туда, нагруженный всякими хозяйственными принадлежностями, образцами красокъ и дверныхъ приборовъ.

Дача сіяла свѣжей окраской. Только что вымытыя стекла блестѣли, и, конечно, вертѣлся флюгеръ надъ остроконечной крышей. Спѣшно нанятый садовникъ съ двумя подручными чухонцами проводилъ дорожки, разбивалъ клумбы, сажалъ цвѣты и кустарники. Непенинъ суетился, командовалъ, путаясь въ собственныхъ распоряженіяхъ и сбивая съ толку рабочихъ. Весь былъ исполненъ сознаніемъ, что онъ полновластный хозяинъ этого зеленаго уголка, и гордился этимъ сознаніемъ, какъ маленькій гимназистикъ круглой пятеркой въ аттестатѣ. Казалось, что и вся прежняя жизнь была прожита только для того, чтобы пріобрѣсти, въ концѣ концовъ, этотъ дачный участокъ, ходить по только что проложеннымъ дорожкамъ, усыпаннымъ скрипучимъ крупнымъ пескомъ, взбѣгать въ верхній этажъ по чистенькой лѣстницѣ съ лакированными перилами и видѣть, что всѣ эти чужіе, нанятые люди трудятся для него одного, для его счастья и удобства.

Мечталъ о днѣ новоселья, хотѣлъ, чтобы онъ наступилъ возможно скорѣе и для этого торопилъ рабочихъ,—и въ то же время намѣренно тянулъ лишніе дни, чтобы продлить именно это острое удовольствіе ожиданія. Наконецъ, все было готово: послѣдній гвоздь заколоченъ и посаженъ послѣдній кустъ въ цвѣтникѣ. Тогда разсчиталъ рабочихъ и поѣхалъ въ городъ, чтобы пригласить знакомыхъ, сдѣлать закупки и, вообще, приготовиться къ торжеству.

Торжество состоялось пышное. За обѣдомъ сидѣло больше двадцати человѣкъ, въ томъ числѣ и банковское начальство. Дамы помоложе были въ открытыхъ туалетахъ, а на Вѣрѣ Ивановнѣ шуршало платье изъ тяжелаго муара. У Непенина топорщился

на кругломъ животѣ новый сюртукъ, и лысина лоснилась отъ пота, хотя день былъ холодный и пасмурный. Къ вечеру тучи разошлись, показалось блѣдно-голубое небо. Настроеніе у гостей повысилось, потому что было выпито много шампанскаго, а за дессертомъ—ликеровъ. Только Кулаковскій былъ сумраченъ и неразговорчивъ и слишкомъ много пилъ, не пьянѣя.

За обѣденнымъ столомъ Непенинъ—должно быть, нарочно,—помѣстилъ его подальше отъ Вѣры Ивановны. И до самаго дессерта они, среди общаго шума, не могли перекинуться двумя словами. А подъ конецъ, за рюмкой зеленаго шартреза, хозяйка оставила свою сдержанность, громко переговаривалась черезъ весь столъ со своимъ любовникомъ и улыбалась ему открыто и вызывающее.

Когда стемнѣло настолько, насколько вообще темнѣетъ въ бѣлыя сѣверныя ночи, Непенинъ пригласилъ гостей на веранду, а самъ отправился въ садъ—зажигать фейерверкъ.

Шипѣли отсырѣвшія ракеты, хлопали римскія свѣчи, выкидывая тусклыя разноцвѣтныя горошинки, трещало и нелѣпо разбрасывало во всѣ стороны красныя искры китайское колесо, которое никакъ не хотѣло вертѣться. Гости снисходительно апплодировали стараніямъ хозяина, который возился со своими пиротехническими принадлежностями весь въ поту и со сбившимся на бокъ галстухомъ.

Кулаковскій смотрѣлъ издали на это скучное веселье и беззвучно шевелилъ губами, какъ человѣкъ, который о чемъ-то сосредоточенно думаетъ. Потомъ сжалъ крѣпкій, тяжелый кулакъ и погрозилъ имъ въ ту сторону, откуда доносился голосъ хозяина.

— Будь ты проклято... сытое чучело.

Послѣ фейерверка гости торопливо разъѣхались, чтобы не опоздать къ послѣднему поѣзду. Китайское колесо еще дымилось и чадило, а площадка передъ цвѣтникомъ уже опустѣла. Слышались у калитки садика прощальныя привѣтствія и мокро шлепали дамскіе поцѣлуи. Когда разъѣздъ кончился, Кулаковскій вышелъ изъ своего убѣжища, отыскалъ запыхавшагося Непенина и протянулъ ему руку,—ту же самую, которою только что грозилъ:

— До свиданья, братъ... Пора и мнѣ.

— Ну, что за пустяки?—искреннимъ голосомъ возмущался хозяинъ.—Оставайся ночевать, а завтра двинемся съ восьмичасовымъ. Вѣрочка, не пускай его, пусть остается.

Показалъ товарищу прожженную полу сюртука.

— Пропалъ новый костюмъ. И все это проклятое колесо.

Не горѣло, не горѣло, а потомъ разомъ и пыхнуло. Хорошо еще, въ глаза не попало. Пойдемъ на балконъ, тамъ, кажется, есть бутылочка краснаго.

Кулаковскій машинально пошелъ за хозяиномъ. Вспышка злобы уже погасла и, вмѣстѣ съ нею, ушла вся энергія. И было пріятно, что можно молчать и слушать, потому что Непенинъ болталъ все время счастливо и беззаботно, хвастался тѣмъ, что уже сдѣлано, и обѣщалъ въ ближайшемъ будущемъ устроиться еще лучше. Вѣра Ивановна была тутъ же и жала подъ столомъ ногу гостя.

Спать уложили Кулаковскаго на кушеткѣ въ гостиной. Спальня супруговъ была по близости, отдѣленная отъ кушетки только досчатой стѣной, которую не хотѣли штукатурить до будущаго года, пока не сядетъ срубъ. Сквозь эту стѣну гость долго слышалъ возню Непенина, его шепотъ, шорохъ снимаемаго платья и шелковыхъ юбокъ. Зажалъ уши, чтобы не слышать,—но все таки угадывалъ звуки поцѣлуевъ. Когда все затихло, долго еще метался на неудобной, слишкомъ короткой кушеткѣ и беззвучно шевелилъ губами...

Утромъ Кулаковскій отправился въ городъ вмѣстѣ съ Непенинымъ, у котораго было тамъ какое-то дѣло по разсчету съ подрядчиками. Вѣра Ивановна одна осталась на дачѣ.

Всю дорогу въ душномъ, провонявшемъ дезинфекціей, вагонѣ Кулаковскій думалъ все о томъ же, что давно уже не давало ему покоя.

Сегодня вечеромъ Непенинъ, все такой же счастливый и довольный собою, вернется къ женѣ и домашнему уюту, будетъ наслаждаться всѣмъ тѣмъ счастьемъ, глубины котораго онъ не способенъ даже понимать. А онъ — Кулаковскій — будетъ попрежнему тянуть давно надоѣвшую лямку своей жизни черезъ чопорно-тоскливыя банковскія залы, черезъ грязныя меблированныя комнаты и дешевые рестораны. И въ его жизни никогда не будетъ ничего, похожаго на счастье, потому что связь съ Вѣрой Ивановной, вмѣсто долго жданныхъ радостей, приносила только обиду и горькую ненависть.

О томъ же самомъ думалъ и за своей конторкой на службѣ, былъ невнимателенъ и разсѣянъ, и получилъ лишній выговоръ отъ начальника,—сухопараго аккуратнаго нѣмца съ геморроидальнымъ лицомъ, который ненавидѣлъ своего подчиненнаго обычной ненавистью больныхъ уродовъ къ здоровымъ и сильнымъ.

Послѣ службы обѣдалъ въ ресторанѣ: три блюда и кофе — пятьдесятъ копѣекъ. Потомъ—все одна и та же чуждая суета

большого города, партія на билліардѣ съ маркеромъ, отъ котораго пахло чеснокомъ и селедкой,—и пьяный угаръ передъ сномъ.

Въ слѣдующую свободную субботу, незадолго до полудня, Кулаковскій поѣхалъ, какъ всегда, на вокзалъ, и остановился уже передъ кассой, чтобы получить билетъ, но вдругъ передумалъ, вышелъ на улицу и вскочилъ въ первый попавшійся трамвай. Хотѣлось хотя бы этимъ неожиданнымъ поступкомъ нарушить цѣпь жизни. Тамъ, на дачѣ, будутъ ждать, недоумѣвать о причинѣ. И, конечно, самъ Непенинъ въ глубинѣ души обрадуется отсутствію обычнаго гостя, а Вѣра Ивановна будетъ безпокоиться и строить тысячи разныхъ предположеній, которыя всѣ сведутся къ одному: разлюбилъ, измѣняетъ.

Впрочемъ, будетъ ли радъ Непенинъ? Конечно, онъ ревнуетъ, но привыкъ уже къ своей ревности, какъ къ досадному, но необходимому неудобству, вродѣ слишкомъ крутой лѣстницы у квартиры. А безъ постояннаго воскреснаго гостя ему будетъ скучно, потому что безъ него весь день придется распредѣлять иначе.

— Еще пришлетъ телеграмму, болванъ. Или завтра, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, самъ прикатитъ въ городъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло.

Шевельнулась неожиданная, злорадная мысль:

«А вотъ, какъ-нибудь подъ сердитую руку возьму и скажу ему все. Скажу прямо, что его жена—моя любовница».

Но и это глупости. Просто тотъ сдѣлаетъ видъ, что не вѣритъ,—и тѣсный кругъ нисколько не сдѣлается отъ этого шире. Все будетъ по старому.

Вышелъ изъ трамвая на ближайшей остановкѣ, замѣтивъ вывѣску знакомаго ресторана. Тамъ еще не кончили утреннюю уборку, пахло сырыми опилками, и вѣнскіе стулья были нагорожены кверху ножками на столикахъ. Спросилъ водки и жадно выпилъ нѣсколько рюмокъ, не закусывая.

А если разорвать все? Сказать ей, что разлюбилъ, что нашелъ другую? Это будетъ тяжело, но характера, можетъ быть, хватитъ. И кромѣ того, можно вѣдь для того, чтобы отвлечься, завести какую-нибудь новую интрижку. Женщинъ такъ много.

Къ чему это приведетъ? Лишнее страданіе себѣ и лишняя радость ему, лишняя ступень къ лѣстницѣ его счастья. Нѣтъ, и это нелѣпо.

Спросилъ еще водки, и невыспавшійся лакей смотрѣлъ на него подозрительно и сурово, принося новый маленькій графинчикъ.

А тамъ, на новой дачѣ, его ждали, и даже отложили на цѣлый часъ обѣдъ, въ надеждѣ, что гость еще пріѣдетъ. Поэтому перестоялся слоеный пирогъ и пережарилось жаркое. Кухарка въ третій разъ пришла съ жалобой, и тогда сѣли обѣдать вдвоемъ, оба недовольные и злые. Вѣра Ивановна поблѣднѣла, и отъ тревожнаго ожиданія у нея заболѣлъ високъ, но за все время обѣда, словно по уговору, ни словомъ не обмолвилась о Кулаковскомъ. Хозяинъ копался вилкой на блюдѣ и жаловался на неудачныя кушанья.

— Настоящая кухарка не должна пересушивать. Что изъ того, что немножко запоздали? Можно было отставить къ сторонкѣ, а не толкать въ самый жаръ.

Искоса поглядывалъ на жену, на ея нервное поблѣднѣвшее лицо съ темными подглазицами. Хорошо зналъ, что когда она— такая, то нужно быть осторожнымъ.

— А ты покушала бы, все-таки. Вотъ, тутъ есть сочный кусочекъ. Дай, я положу тебѣ.

Вѣра Ивановна порывисто отодвинула тарелку.

— Оставь, пожалуйста. Я не нуждаюсь въ твоихъ заботахъ. Лучше постарался бы не изводить меня своимъ дурацкимъ брюзжаньемъ.

Непенинъ обидѣлся.

— Ну, конечно, я не умѣю ухаживать за тобою такъ, какъ нѣкоторые другіе... Гдѣ ужъ мнѣ за ними угнаться.

— На что ты намекаешь, ты, животное?

Сейчасъ упадетъ что-нибудь на полъ,—вѣрнѣе всего дорогой стаканчикъ для вина изъ только что купленной дюжины,— потомъ поднимутся къ лицу дрожащіе пальцы, и придется бѣжать за холодной водой, за нашатырнымъ спиртомъ.

— Ты напрасно думаешь, Вѣрочка... Какая ты, право... Я сказалъ такъ себѣ, а ты сейчасъ же готова сдѣлать цѣлую исторію.

— На кого ты намекаешь, я спрашиваю?

И, не дожидаясь отвѣта, такъ какъ Непенинъ уже трусилъ и извинялся, а, между тѣмъ, такъ хотѣлось помучить этого противнаго надоѣвшаго человѣка, заговорила, не стѣсняясь прислуги, громкимъ, надорваннымъ голосомъ:

— Они, наконецъ, выведутъ меня изъ терпѣнія, эти твои намеки и подозрѣнія. Я тебѣ говорила уже: если хочешь, откажи ему отъ дома или сдѣлай еще что-нибудь въ этомъ родѣ. Все равно, ты постоянно унижаешь меня, а это будетъ только лишнимъ униженіемъ. И я не понимаю, чего ты добиваешься... Да,

онъ нравится мнѣ, очень нравится, потому что ты—безобразный дуракъ, а онъ—красивъ и уменъ, и какъ бы ты ни старался, ты никогда не будешь похожъ на него. Это ты хотѣлъ знать, да? А когда его нѣтъ, мнѣ скучно, и это тоже правда. Чего же ты еще хочешь?

Непенинъ былъ сбитъ съ толку и растерянно мигалъ. Онъ все-таки еще надѣялся, что жена только цѣнитъ и любитъ Кулаковскаго, какъ стараго знакомаго и друга. И онъ не понималъ, какъ слѣдуетъ теперь принять эти ея слова: какъ полное признаніе въ винѣ или, наоборотъ, какъ подтвержденіе его собственныхъ оптимистическихъ предположеній.

— Вотъ, ты уже волнуешься и кричишь... А я совсѣмъ не хотѣлъ сказать что-нибудь особенное. Меня даже очень радуетъ, что тебѣ такъ нравится Кулаковскій. Право, меня очень радуетъ. Я и самъ его люблю, и прекрасно, что онъ развлекаетъ тебя, когда пріѣзжаетъ. Я, конечно, немножко устарѣлъ, тяжелъ на подъемъ, а онъ—молодецъ. Хочешь, я пошлю ему телеграмму съ уплаченнымъ отвѣтомъ?

Вѣра Ивановна бросила на полъ, вмѣсто стаканчика, только салфетку. Проговорила медленно, съ разстановкой:

— Ахъ, какая же ты гадина.

Тогда, наконецъ, и онъ, какъ будто бы что-то понялъ, но ничего не отвѣтилъ, а только смотрѣлъ на жену, широко открывъ глаза. Та подождала съ минуту и ушла изъ-за стола къ себѣ въ будуаръ. Заперлась тамъ на замокъ, теребила зубами кружево платка и плакала. И ей казалось, такъ же, какъ и Кулаковскому, который въ это время скандалилъ съ лакеемъ въ городскомъ ресторанѣ, что жить на свѣтѣ, въ концѣ концовъ, очень скучно и скверно, потому что мелкихъ непріятностей гораздо больше, чѣмъ маленькихъ радостей, и слишкомъ тѣсенъ тотъ кругъ, по которому приходится ходить изо дня въ день, какъ одиночному заключенному на тюремной прогулкѣ.

Непенинъ, докончивъ обѣдъ легъ отдохнуть, но спалъ плохо и поднялся съ постели раньше обычнаго. Чтобы заполнить время до вечерняго чая, совершилъ прогулку по своимъ владѣніямъ, попробовалъ прочность недавно поставленнаго рѣшетчатаго забора, выпололъ грядку съ земляникой «королева Викторія», обругалъ дворника за то, что не закрываетъ помойную яму. Осталось до чаю еще около получаса.

Постучался къ женѣ въ будуаръ.

— Вѣрочка, можно къ тебѣ?

Изъ-за двери женскій голосъ отвѣтилъ грубо:

— Отвяжись...

Но Непенинъ терпѣливо топтался у двери, прильнулъ глазомъ къ замочной скважинѣ, потомъ постучалъ еще разъ.

— Вѣрочка, милочка моя...

Просилъ жалобно, какъ побитая собака,—и дверь открылась. Непенинъ сѣлъ рядомъ съ женой на диванъ, обнялъ ее и началъ цѣловать заплаканные глаза. Ни слова не сказалъ о томъ, что случилось за обѣдомъ. А она покорно подставляла лицо его поцѣлуямъ и думала, что мужъ, несмотря на ея слезы и истерики, всегда одерживаетъ надъ нею верхъ и она, въ сущности, только его раба, бунтъ которой противъ властелина смѣшонъ и нелѣпъ.

Кулаковскій пріѣхалъ на другой день, въ воскресенье, когда хозяева потеряли уже всякую надежду его увидѣть. Непенинъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями, долго жалъ руку гостя и повторялъ убѣдительно, словно это была не самая настоящая правда, а хитрая ложь, въ которой во что бы то ни стало слѣдовало увѣрить:

— А мы-то заждались тебя, совсѣмъ заждались. Ей Богу, такъ-таки и заждались... Даже обѣдъ вчера испортили,—и все изъ-за тебя...

У Кулаковскаго опухло отъ пьянства лицо, и голова болѣла послѣ вчерашняго разгула. Глаза смотрѣли сумрачно и дико, и Непенинъ вздохнулъ облегченно, когда къ гостю вышла Вѣра Ивановна.

— Вотъ и хорошо. Вы тутъ займитесь чѣмъ-нибудь, а мнѣ нужно еще кое-что обдѣлать по хозяйству.

Ушелъ, торопливо сѣменя коротенькими ножками, а гость и хозяйка остались вдвоемъ. Вѣра Ивановна дулась.

— Нехорошій ты... Я совсѣмъ измучилась вчера. Думала уже, что ты заболѣлъ, или, еще хуже, увлекся кѣмъ-нибудь, а ты, кажется, просто кутилъ.

— Да, кутилъ! — спокойно признался Кулаковскій. — И даже чуть не попалъ въ участокъ, потому что устроилъ маленькій мордобой.

— Зачѣмъ ты это? Зачѣмъ? Ты разлюбилъ меня.

— Совсѣмъ нѣтъ. Просто скучно и... и досадно на многое... Посмотри, что я купилъ вчера. Досталъ по случаю, очень дешево, у какого-то пьянчужки.

Вынулъ изъ кармана револьверъ, черный, словно траурный.

— Браунингъ... Хорошая штучка, особенно если надпилить пулю.

Вѣра Ивановна отшатнулась и растерянно посмотрѣла по сторонамъ,—не подслушиваетъ ли кто. Кулаковскій замѣтилъ это и, усмѣхнувшись, спряталъ револьверъ.

— Не безпокойся, это—для себя. Не для кого-нибудь другого, понимаешь? Просто на тотъ случай, если станетъ слишкомъ скучно.

Съ дѣланной усмѣшкой заговорилъ о какихъ-то пустякахъ и съ такою же дѣланной грубостью обнялъ свою любовницу, такъ что та слегка застонала отъ боли. Но ей нравилась эта грубость, и, прижимаясь къ нему, она шептала испуганная и, въ то же время, счастливая:

— Вѣдь ты не сдѣлаешь этого, нѣтъ? А если уже такъ, то—вмѣстѣ? Хорошо?

И въ эту минуту ей казалось, что умереть вмѣстѣ съ этимъ грубымъ и сильнымъ человѣкомъ, у котораго такая мускулистая грудь и горячія губы, радостно, очень радостно, радостнѣе, чѣмъ жить.

VII.

До половины лѣта все шло попрежнему. Топтались по давно проторенной сомкнутой въ кругъ тропинкѣ. Воровали поцѣлуи и ласки и, какъ будто, притворялись, что эти ласки приносятъ настоящее счастье, а Непенинъ тоже притворялся, что ничего не видитъ и не знаетъ, вкусно ѣлъ и каждую недѣлю разставлялъ жилеты.

Въ концѣ іюня по какому-то вздорному поводу вздумали слегка покутить. Изъ банка Непенинъ вмѣстѣ съ товарищемъ отправились по магазинамъ. Кулаковскій выбиралъ вина и закуски, а Непенинъ расплачивался. Пріѣхали на дачу нагруженные кульками и свертками.

— Денекъ-то какой! — восхищался Непенинъ. — Прямо Италія! Послѣ обѣда хорошо будетъ погулять. Я, пожалуй, даже и спать не лягу.

Кулаковскій хмуро поздоровался съ хозяйкой.

— Давайте кутить сегодня.

Вѣра Ивановна опять испугалась, какъ тогда, съ револьверомъ. Выбравъ минуту, когда мужъ ушелъ на кухню отдавать хозяйственныя распоряженія, торопливо спросила:

— Что это ты такой? Не нужно, милый, не нужно...

— Да ничего и не будетъ. Просто напьемся и только.

— Ты за послѣднее время странный какой-то... Мнѣ все кажется...

— Тише... Онъ идетъ... Распорядитесь-ка эту бутылочку бѣлаго отправить на ледъ. А гдѣ же омары? Тутъ была большая коробка...

Непенинъ посмѣивался и съ довольнымъ видомъ потиралъ руки.

— А ты, я вижу, входишь во вкусъ. Современемъ изъ тебя выработается порядочный гурманъ. И меня, братъ, за поясъ заткнешь. Какъ ты думаешь, Вѣрочка?

— Оставь!—оттолкнула его жена. За послѣднее время ей становилось все тяжелѣе переносить постоянную близость мужа. Прежде она думала, что все войдетъ, наконецъ, въ привычку, сгладится. А на самомъ дѣлѣ то, что прежде было совсѣмъ легко и просто, теперь тяготило и дѣлало длинные лѣтніе дни невыносимо томительными. Непенинъ чувствовалъ это и угодничалъ передъ женой, какъ лакей передъ взыскательнымъ бариномъ, и это угодничество дѣлало его еще противнѣе.

И сейчасъ онъ робко отошелъ въ сторону и заговорилъ уже изъ другого конца комнаты:

— Все ты сердишься, Вѣрочка, все сердишься... Ты бы полечилась немножко... Право же, у тебя печень больная.

Кулаковскій привыкъ къ этимъ маленькимъ семейнымъ сценамъ въ его присутствіи настолько же, насколько супруги привыкли ссориться. И эти сцены доставляли ему злобное наслажденіе, потому что видно было, что Непенинъ страдаетъ отъ нихъ и теряетъ почву подъ ногами.

Фамильярно хлопнулъ по плечу хозяина.

— Достается понемножку? Ничего, терпи. Это, другъ мой, неизбѣжные терніи у супружескихъ розъ.

«А вотъ ты, пожалуй, рвешь у меня однѣ розы, безъ шиповъ!»—подумалъ хозяинъ и пошелъ къ столу, откупоривать бутылки.

Сѣли обѣдать. Пили много и за закуской, и за жаркимъ, и за дессертомъ. У Вѣры Ивановны зрачки расширились, и глаза отъ этого казались темнѣе и глубже. Хозяинъ распьянѣлъ, по нѣсколько разъ повторялъ однѣ и тѣ же фразы и обтиралъ лобъ салфеткой. Кулаковскій выпилъ значительно больше, но держался за столомъ прямо, говорилъ мало и сдержанно, и твердой рукой наливалъ новыя рюмки. Только лицо у него сильно покраснѣло, и усы топорщились надъ вздрагивающими губами.

Въ концѣ обѣда, очищая отъ кожицы апельсинъ, Непенинъ,

прищуривъ одинъ глазъ, посмотрѣлъ на гостя, потомъ перевелъ взглядъ на свою тарелку и сказалъ тягучимъ пьянымъ голосомъ:

— А ты, братъ, ловкій человѣкъ... Да.

— То есть?—удивленно и слегка враждебно переспросилъ гость.

— Да такъ ужъ. Ловкій и все тутъ. И насчетъ розъ это ты хорошо сказалъ, хотя и не оригинально. Только нехорошо, братъ, что ты всѣ шипы оставляешь другимъ. Это не по товарищески.

Старательно отдѣлилъ отъ апельсина одну дольку, засунулъ ее въ ротъ и обсосалъ, причмокивая жирными, мягкими губами. Надъ столомъ на нѣсколько мгновеній повисло неловкое, недоумѣвающее молчаніе. Кулаковскій настрожился, отставилъ рюмку, сквозь которую смотрѣлъ, какъ сквозь лорнетъ, на Вѣру Ивановну, и потомъ отвѣтилъ глухимъ, сдержаннымъ голосомъ:

— Можетъ быть. Но ты, вотъ, пьешь, пьянѣешь и начинаешь говорить глупости. Это уже нехорошо.

— Ничего, братъ. Все хорошо. Только не безпокой меня, пожалуйста. Не люблю я всѣ эти непріятности. У меня за послѣднее время жена ведетъ себя, какъ вѣдьма, а это пищевареніе портитъ. Ты бы повліялъ на нее.

Вѣра Ивановна встала.

— Послушай, если ты... Здѣсь не кабакъ, свинья ты этакая...

— Оставьте его, онъ пьянъ!—задержалъ ее Кулаковскій.— Онъ не понимаетъ, что говоритъ.

— Нѣтъ, вы не знаете... какъ онъ измучилъ меня, этотъ низкій человѣкъ. Самъ треплется въ городѣ по ночамъ, чортъ знаетъ гдѣ, и еще смѣетъ...

Непенинъ испугался и выплюнулъ апельсинную дольку. Съ внезапно обострившейся наблюдательностью всматривался въ лицо жены и гостя, и ему показалось, что они искренно возмущены его намекомъ, и что, стало быть, между ними, все-таки нѣтъ ничего серьезнаго. Это обрадовало его, даже отрезвило немного. Онъ потянулся къ женѣ, поймалъ ее за руку и почти насильно усадилъ на прежнее мѣсто.

— Прости, милочка. Вѣдь я же шутя... Неужели я могъ бы подумать? Ну извини же, пожалуйста... Хочешь еще шартрезу?

И до тѣхъ поръ, пока не встали, наконецъ, изъ-за стола, онъ все шутилъ и смѣялся, ласково трепалъ по плечу Кулаковскаго и пытался цѣловать руки Вѣры Ивановны. Но гость и

жена молчали, и жена часто прикладывала руку къ груди, потому что сердце у нея билось тревожно и болѣзненно. Должно быть, она тоже слишкомъ много выпила. И въ то же время близость Кулаковскаго возбуждала ее, и временами горячая волна приливала къ вискамъ, путая мысли. Воспользовавшись тѣмъ, что Непенинъ опять было потянулся къ графинчику съ ликеромъ, она встала изъ-за стола, и вмѣстѣ съ нею поднялся Кулаковскій. Строго сказала мужу.

— Довольно. Иди спать.

— Ну, довольно, такъ и довольно. До другого раза оставимъ.

Покорно поплелся въ спальную. Въ дверяхъ придержался рукой за притолоку: ноги не совсѣмъ твердо ступали, и грузное тѣло раскачивалось изъ стороны въ сторону. Свободной рукой послалъ воздушный поцѣлуй.

— До скораго свиданья, друзья мои!

Кулаковскій подождалъ, пока мужъ скрылся за дверью, потомъ надѣлъ шляпу. Въ немъ трепетало остро и настойчиво желаніе, обостренное виномъ и ссорой.

— Пойдемъ.

Но у Вѣры Ивановны все еще сильно билось сердце, и голова кружилась. Позвала гостя къ себѣ въ будуаръ. Тамъ все равно никто ихъ не увидитъ, даже прислуга, а Непенинъ уснетъ теперь, навѣрное, какъ мертвый.

Непенинъ улегся, какъ былъ, въ пиджакѣ и въ высокомъ крахмальномъ воротничкѣ. Воротничекъ давилъ ему шею, но онъ никакъ не могъ понять, отчего происходитъ это неудобство, ворочался и бормоталъ вполголоса. Потомъ затошнило отъ слишкомъ обильнаго обѣда. И мѣшали мухи, ползали по лысинѣ, щекотали сладкія отъ ликера губы. Забылся на нѣсколько минутъ тяжелой пьяной дремотой, но скоро проснулся, какъ отъ толчка. Тошнило все сильнѣе, и густая слюна набралась во рту. Хорошо было бы теперь выпить сельтерской, — холодной, со льду. Лѣнь было подниматься, но поборолъ себя и всталъ.

Неровно ступая, выбрался въ столовую, оттуда къ дверямъ будуара. Новая дверь съ хорошо смазанными петлями подалась безъ скрипа.

Прямо напротивъ, въ голубоватомъ полумракѣ, потому что шторы на окнахъ были плотно опущены, увидѣлъ жену и гостя. И смотрѣлъ на нихъ долгія мгновенія, пока, наконецъ, жена тоже не увидѣла и съ легкимъ крикомъ оттолкнула отъ себя Кулаковскаго.

Слюны во рту набралось еще больше, и ознобъ пробѣжалъ по тѣлу. Съ необыкновенной быстротой заработала сразу отрезвѣвшая мысль. Такъ неожиданна была послѣ недавняго успокоенія эта полная, несомнѣнная очевидность. Сначала хотѣлъ было, сжавъ кулаки, броситься прямо впередъ, топтать, рвать зубами. Доказать этимъ насиліемъ свое неотъемлемое право, право собственника, такъ грубо нарушенное.

Въ сумракѣ вырисовалось лицо любовника, блѣдное и, какъ будто, растерянное. Это лицо приближалось. Непенинъ сдѣлалъ шагъ назадъ, тяжело перевелъ дыханіе, крѣпко потеръ ладонью по лысинѣ. И, глядя, какъ жена торопливо оправляется, внезапно нашелъ другое, болѣе удобное и простое рѣшеніе. Сказалъ своимъ обыкновеннымъ, заискивающимъ голосомъ, въ которомъ чуть слышно сказывалось что-то надорванное:

— Вѣрочка, ты приготовь мнѣ бутылочку зельтерской. А я пойду сейчасъ, прогуляюсь съ полчасика. Не спится что-то... Приготовь, пожалуйста.

И торопливо засѣменилъ къ выходу, сбѣжалъ по лѣстницѣ, дробными, неровными шажками, перебѣжалъ цвѣтникъ и лужайку. Густые кустарники съ мягкимъ шумомъ раздвинулись, пропуская его потное, разгоряченное тѣло.

Вѣра Ивановна упала лицомъ въ вышитую шелками подушку.

— Боже мой... Теперь все... Что же теперь?

Было страшно и стыдно, и, поэтому, еще сильнѣе разгоралась ненависть къ мужу. Со злобой и болью кусала подушку.

— Все... все кончено...

Кулаковскій смотрѣлъ сквозь широко распахнувшуюся дверь вслѣдъ убѣгавшему Непенину. Наморщилъ лобъ, какъ человѣкъ, рѣшающій трудную задачу. Вѣдь не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ... Не могъ же онъ не видѣть? И въ то же время—стоялъ еще въ ушахъ заискивающій голосъ, нелѣпо выговаривающій смѣшную просьбу.

— Онъ—дьяволъ, твой мужъ! Хуже дьявола...

— Но я никогда не думала, что онъ можетъ подстерегать, подсматривать...

— Дьяволъ, говорю я тебѣ!..

Сбросилъ съ маленькаго круглаго столика какой-то толстый альбомъ, который съ грохотомъ покатился по полу. Вѣра Ивановна вздрогнула и забилась въ уголъ кушетки, какъ будто и ей сейчасъ грозили удары.

— Ну, что же ты не идешь распорядиться насчетъ зель-

терской? Вѣдь онъ хочетъ опохмѣлиться, я полагаю. Или ты ничего не слышала?

Не дожидаясь отвѣта, побѣжалъ изъ дому, вслѣдъ за Непенинымъ. Вѣра Ивановна попыталась позвать его, остановить. Онъ яростно отмахнулся и побѣжалъ дальше, натыкаясь, какъ слѣпой, на кусты и клумбы. Она осталась одна, забилась въ темный уголокъ и затихла. Голова у нея кружилась, и она тщетно старалась представить себѣ, что будетъ дальше. Рѣшила совсѣмъ не думать, ничего не ждать и ни на что не надѣяться. Можетъ быть, какъ-нибудь... Какъ-нибудь все обойдется...

Кулаковскій нагналъ Непенина уже довольно далеко отъ дома, почти у самой рѣчки. Хозяинъ сидѣлъ на старомъ сосновомъ пнѣ, отдувался послѣ быстрой ходьбы и, должно быть, надѣялся никого не встрѣтить въ этой части лѣса, потому что испуганно вскочилъ, когда по сухому вереску заскрипѣли шаги гостя.

Сначала они молча смотрѣли другъ на друга, и Непенинъ маленькими шажками отступалъ назадъ, а Кулаковскій приближался, засунувъ руки въ карманы и кусая губы отъ едва сдерживаемаго волненія. Молчаніе гостя безпокоило Непенина, и, чтобы нарушить это молчаніе, онъ заговорилъ первый.

— А я, вотъ вздумалъ прогуляться. Должно быть, и въ самомъ дѣлѣ хватилъ лишняго за обѣдомъ. Надо, такъ сказать, провѣтриться. А ты что же одинъ отправился?

Кулаковскій молчалъ и кусалъ губы. Тогда Непенинъ набрался смѣлости, подошелъ ближе и предложилъ:

— Можетъ быть, пройдемъ вмѣстѣ на рѣчку? Хочешь?

Это трудно было понять такъ, сразу, еще не остынувъ отъ прерванныхъ объятій. Но по мѣрѣ того, какъ Непенинъ говорилъ, путаясь въ тягучихъ словахъ, съ глазъ гостя, какъ будто, спадала какая-то пелена. И то, что тамъ, въ будуарѣ, представлялось только неяснымъ намекомъ, здѣсь вдругъ обрисовалось твердыми, отчетливыми штрихами.

Конечно, это такъ. Не онъ самъ, но его трусость и боязнь за свой покой такъ дьявольски хитры. Если бы онъ поступилъ такъ, какъ поступаютъ въ такихъ случаяхъ всѣ обманутые мужья, то дѣло кончилось бы скандаломъ. И, конечно, жена уѣхала бы тогда отъ Непенина, а Кулаковскій, сгоряча, взялъ бы ее къ себѣ, чтобы дѣлить съ нею свою жалкую нищенскую жизнь.

А теперь онъ дѣлаетъ видъ, что ничего не видѣлъ, хотя и не могъ не видѣть. И теперь только одинъ исходъ,—уйти самому, оставивъ Непенина попрежнему наслаждаться сытой жизнью, своей красивой женой, которая тогда опять будетъ принадле-

жать только ему одному, своей уютной дачей. Уступить безъ боя поле сраженія, захваченное безстыдной трусливой хитростью.

— Нѣтъ, я не хочу идти съ тобой на рѣку. И никуда я не пойду съ тобой больше!—сказалъ, наконецъ, Кулаковскій.— Скажи мнѣ прямо, зачѣмъ ты продѣлываешь всю эту комедію?

Непенинъ порывисто вздохнулъ, словно охнулъ, и опять отступилъ подальше отъ гостя.

— Какую комедію, голубчикъ? И что это ты такой странный? А я еще думалъ, что на тебя вино не дѣйствуетъ.

У Кулаковскаго плыла земля изъ-подъ ногъ. Онъ чувствовалъ, что, дѣйствительно, пьянъ, и не могъ больше бороться съ этимъ опьяненіемъ, потому что злоба возбуждала его такъ же, какъ и выпитое вино. И, чтобы поскорѣе покончить со всѣмъ этимъ, онъ въ упоръ бросилъ Непенину тяжелыя, отчетливыя слова.

— Ты видѣлъ сейчасъ собственными глазами, что я живу съ твоей женой, и все-таки скрываешь это. Зачѣмъ? Чего ты хочешь?

— А, если такъ...—протянулъ Непенинъ, и лицо у него сдѣлалось совсѣмъ сѣрое.—Это мое дѣло, почему я не хотѣлъ видѣть. Но если ты говоришь такъ прямо, то я попрошу тебя уѣхать. Ты сейчасъ же отправишься на вокзалъ, и больше я не увижу тебя въ своемъ домѣ. Понимаешь? А я самъ, все-таки, хочу и буду думать, что ничего не было... Я знаю, что она увлеклась тобой случайно. Это можетъ случиться съ каждой, самой честной женщиной. А она—моя жена. Она моя жена и ею останется, потому-что ничего не было.

— Нѣтъ, было. И было не одинъ разъ, и не одинъ мѣсяцъ даже, а уже очень давно. Ты думалъ, что счастливъ, и былъ спокоенъ, а тебя обманывали подъ самымъ твоимъ носомъ, и твоя жена не любитъ тебя.

Непенинъ упрямо наклонилъ голову, и его круглая лысина смѣшно блестѣла передъ глазами Кулаковскаго. Тотъ еще глубже засунулъ руку въ карманъ и нащупалъ тамъ что-то жесткое.

— Можетъ быть, она и не любитъ меня,—я не знаю!— тянулъ Непенинъ.—Но она останется со мною и будетъ моей женой, какъ была до сихъ поръ. А ты, уходи отсюда, ты, бездомникъ. Ты думаешь, она будетъ вспоминать тебя больше недѣли? Я даю ей все, что нужно, а ты—ничего.

Онъ заставлялъ самого себя говорить громче и рѣзче, чѣмъ хотѣлось и, чтобы придать себѣ еще больше смѣлости, повторилъ, почти выкрикнувъ:

— Бездомникъ, прощалыга! Я хотѣлъ сдѣлать лучше для всѣхъ троихъ, а ты вламываешься въ амбицію. Ну, и наплевать. Уходи!

И сейчасъ же, закрывъ лицо руками, присѣлъ на корточки и закричалъ, безъ словъ, пронзительнымъ, дикимъ воплемъ, потому-что увидѣлъ въ протянутой рукѣ Кулаковскаго черное дуло револьвера. Ошеломленный этимъ крикомъ гость опустилъ было руку, но Непенинъ продолжалъ визжать и, согнувшись, метался по тѣсной полянкѣ, почти обезумѣвъ отъ ужаса.

— Молчи же! А, что бъ тебя...

Только для того, чтобы заглушить этотъ крикъ, потянулъ за спускъ, который подался съ неожиданной легкостью. И сквозь едва замѣтное облачко прозрачнаго дыма увидѣлъ, какъ Непенинъ закружился на одномъ мѣстѣ, упалъ на спину, а потомъ вдругъ вскочилъ и выпрямился во весь ростъ. Пуля попала ему въ лѣвую сторону живота и свѣтлый жилетъ быстро окрашивался ярко-красной кровью, словно Непенинъ, при паденіи, раздавилъ у себя въ карманѣ баночку съ красными чернилами.

Это было неожиданно и страшно: помертвѣвшее лицо со смертельнымъ ужасомъ въ расширившихся глазахъ, и старавшееся удержаться на слабѣющихъ ногахъ толстое окровавленное тѣло. А губы, жирныя и еще сладкія отъ ликера, сбивчиво лепетали что-то невнятное, умоляли и жаловались.

«Конецъ!»—подумалъ Кулаковскій, и ему показалось, что онъ сдѣлалъ что-то совсѣмъ не страшное и неожиданное, и что надо сдѣлать еще что-то, чтобы это перестало быть смѣшнымъ.

Непенинъ размахнулъ руками и опять сталъ падать, тихонько опустился на колѣни и, придерживая одной рукой конвульсивно вздрагивавшій раненый животъ, поползъ прочь съ неуклюжей торопливостью полураздавленнаго червяка.

И Кулаковскій съ особой, острой дѣловитостью отчаянія сообразилъ, глядя на это извивающееся въ предсмертныхъ мукахъ тѣло, что если Непенину удастся уползти отсюда, то онъ, конечно, разскажетъ, кто убилъ его,—и тогда, въ концѣ концовъ, побѣдитъ, даже мертвый. Быстро перебѣжалъ полянку и загородилъ дорогу. Непенинъ поднялъ было свободную руку, но упалъ грудью на землю и тогда, повернувъ голову на бокъ, однимъ глазомъ посмотрѣлъ на своего убійцу и довольно отчетливо выговорилъ:

— Зачѣмъ это? Я бы никому... А теперь какъ же? Убилъ вѣдь... Охъ! Какъ теперь?

— А вотъ какъ!—отвѣтилъ Кулаковскій негромкимъ шепотомъ и выстрѣлилъ еще разъ,—прямо въ этотъ уставленный на него глазъ. И глазъ исчезъ, а изъ высокаго вереска выглядывалъ круглый лысый затылокъ съ двумя жирными складками надъ крахмальнымъ воротничкомъ. Складки эти вздрагивали, какъ студень, и короткія ноги въ полосатыхъ брюкахъ сгибались и выпрямлялись.

Неужели все? Кулаковскій опустился на колѣни рядомъ съ тѣломъ и, взявшись за плечо, съ усиліемъ повернулъ его на спину. Другой, неповрежденный, глазъ, смотрѣлъ теперь уже безъ ужаса, а тупо и прямо, какъ стеклянный. Только вѣко слегка вздрагивало, но эти послѣднія судороги дѣлались все слабѣе, и лицо мертвѣло. Да, все.

Послѣ крайняго, мучительнаго напряженія, вдругъ всего охватила разслабляющая усталость. Не стало въ головѣ никакихъ мыслей, и это было похоже на первыя минуты пробужденія послѣ крѣпкаго сна. Хотѣлось остаться здѣсь, рядомъ съ кровавымъ трупомъ, который такъ недавно еще дышалъ, ѣлъ и смѣялся, и гордился своей женой и дачей,—сидѣть и безучастно ждать, что будетъ дальше.

А потомъ пришла первая сознательная мысль,—и на эту мысль навелъ стеклянный, остановившійся глазъ.

Того, что сдѣлано, нельзя исправить. Можно звать его, толкать, поднимать съ земли, на которой онъ лежитъ такъ тяжело и крѣпко,—все равно, онъ не очнется, неподвижный глазъ не мигнетъ и не засвѣтится жизнью. Смерть останется смертью, а породившее эту смерть нелѣпое, кошмарное мгновеніе навсегда останется кровавымъ сочащимся пятномъ, по ту сторону котораго—бездна.

Вслѣдъ за сознаніемъ неисправимости этого ужаса, вслѣдъ за мыслью о смерти пришла и мысль о жизни,—не такая зловѣщая, но тревожная, потому что грозила преслѣдованіемъ, тюрьмой, наказаніемъ.

«Еще можно спастись!»—подумалъ Кулаковскій, подымаясь съ земли и оглядываясь по сторонамъ. — «Никто не видѣлъ. Можно спастись».

Самъ не вѣрилъ этой возможности, но старался убѣдить себя, чтобы не совсѣмъ пасть духомъ. Не замѣтилъ, какъ выпалъ револьверъ изъ ослабѣвшей руки, но старательно стряхнулъ съ колѣнъ пыль и мелкія сухія былинки, и побѣжалъ прочь отъ полянки, прижавъ локти къ бокамъ и дѣлая большія прыжки черезъ кусты и кочки.

Бѣжалъ быстро, но страхъ не отставалъ и, вмѣстѣ съ этимъ страхомъ, казалось, догоняло и вдругъ ожившее тѣло убитаго. Вотъ, догонитъ, схватитъ за горло еще теплой, но уже холодѣющей, не живущей рукой. Убѣжать подальше, чтобы ничего не видѣть и не слышать сейчасъ. А потомъ—все равно.

VIII.

Солнце зашло за густое сѣроватое облако, и въ голубомъ будуарѣ сдѣлалось еще темнѣе. Этотъ сумракъ успокаивалъ, приносилъ что-то похожее на легкую, облегчающую дремоту. Вѣра Ивановна приложила руку къ корсажу и чувствовала, что сердце бьется совсѣмъ ровно. Потянулась лѣниво, устроила поудобнѣе вышитую подушку и закрыла глаза. Все какъ-нибудь устроится. Это было, конечно, очень глупо со стороны мужа, а Кулаковскій слишкомъ волнуется изъ-за такихъ пустяковъ. Все уладится. Нехорошо только, что они оба не совсѣмъ трезвы. Пожалуй, могутъ перессориться, если встрѣтятся тамъ, въ лѣсу.

Сквозь дремоту уловила какой-то, прилетѣвшій со стороны лѣса звукъ, отдаленный и слабый, и чуть пріоткрыла глаза, но сейчасъ же опять опустила тяжелѣющія вѣки. И увидѣла во снѣ, что собираетъ яркіе, пахучіе цвѣты въ какомъ-то большомъ саду съ фонтанами, мраморными статуями и украшаетъ этими цвѣтами себя и Кулаковскаго, который ходитъ вмѣстѣ съ нею. Садъ былъ обнесенъ высокой каменной стѣною, за этой стѣною стоялъ мужъ и звалъ Вѣру Ивановну то плаксиво, то требовательно, а она, смѣясь, не отвѣчала, и радовалась, что стѣна такъ высока и черезъ нее нельзя перепрыгнуть. Пусть себѣ стоитъ и зоветъ.

Съ застывшей на губахъ улыбкой проснулась отъ громкаго голоса дворника, который стоялъ въ дверяхъ будуара и странно размахивалъ черными отъ грубой работы руками. Было почему-то очень весело, и, смѣясь, какъ во снѣ, Вѣра Ивановна спросила:

— Чего тебѣ, Павелъ?

— Несчастье. Большое несчастье.

— Да ну, что такое? Какой ты смѣшной...

— Большое несчастье. Барина убили въ лѣсу, надъ рѣчкой.

И пояснилъ, торопясь какъ можно скорѣе разсказать все, что зналъ самъ:

— Сейчасъ чухна прибѣжалъ. Онъ видѣлъ. Кровь, по всему животу и на головѣ. И уже совсѣмъ мертвый. Козявки по лицу ползаютъ.

Дальше все понеслось въ смутномъ вихрѣ. Кто-то разспрашивалъ, кто-то трясъ за плечи, совалъ подъ носъ нашатырный спиртъ и лилъ на темя воду изъ вазочки съ цвѣтами. Бѣгали и суетились невѣдомо откуда взявшіеся незнакомые люди. А потомъ медленные и тяжелые шаги застучали по лѣстницѣ, и въ спальной на кровати положили странно скорчившееся, безобразное тѣло, которое совсѣмъ не было похоже на живого мужа. И когда немного затихла, наконецъ, вся эта суета, былъ уже вечеръ, солнце садилось за лѣсомъ, а горничная трясущимися руками зажигала лампу по приказанію какого-то человѣка въ форменномъ платьѣ, который очень громко говорилъ и всѣмъ распоряжался.

— Сударыня, мнѣ очень печально, что въ такую минуту... Будьте добры присѣсть и дать показаніе. Это совершенно необходимо.

Вѣра Ивановна съ трудомъ оправилась и, когда прояснился передъ глазами мутный туманъ, увидѣла на столѣ, передъ человѣкомъ въ формѣ, хорошо знакомый черный револьверъ, положенный, какъ прессъ-папье, на кипу бумагъ. Тогда она залилась слезами и, когда человѣкъ въ формѣ повторилъ свое предложеніе настойчивѣе, выкрикнула:

— Это не я! Я не виновата! Клянусь вамъ, что я не виновата... Я никогда не думала, что это случится!

И еще нѣсколько разъ она повторяла то же самое, а человѣкъ въ формѣ смотрѣлъ на нее все суровѣе и настойчиво допытывался, признаетъ ли она справедливымъ показаніе дворника, что она находилась въ близкихъ отношеніяхъ съ подозрѣваемымъ убійцей.

— Клянусь вамъ, что я не при чемъ. И я думала, что онъ только шутилъ, когда говорилъ объ этомъ. И даже когда показывалъ мнѣ этотъ револьверъ... онъ говорилъ...

Человѣкъ въ формѣ удовлетворенно кивнулъ головой и принялся быстро писать, скрипя перомъ и разбрасывая чернильныя брызги. Потомъ сказалъ Вѣрѣ Ивановнѣ:

— Потрудитесь не выходить изъ этой комнаты. Я поставленъ въ необходимость арестовать васъ впредь до выясненія обстоятельствъ убійства.

Вѣра Ивановна ползала по полу и цѣловала у человѣка въ формѣ сапоги, отъ которыхъ пахло ворванью. Но человѣкъ

брезгливо сморщился, взялъ подъ мышку портфель и ушелъ, оставивъ арестованную на попеченіи полицейскаго въ кожаной каскѣ, который ни слова не понималъ по-русски и смотрѣлъ на все безучастными рыбьими глазами.

Кулаковскаго арестовали поздно вечеромъ того же дня на сосѣднемъ вокзалѣ. Онъ вышелъ туда прямо изъ лѣса, безъ шляпы, съ паутиной и сухими сосновыми иглами въ спутанныхъ волосахъ, въ изорванныхъ брюкахъ. Два сыщика взяли его подъ руки, но онъ не сопротивлялся, а покорно пошелъ вмѣстѣ съ ними, сгорбившись и втянувъ голову въ плечи, какъ быкъ, котораго ведутъ на бойню.

На видъ онъ былъ спокоенъ и молчаливо злобенъ. И казалось даже, ему было почти пріятно, что собравшаяся на станціи праздная толпа, среди которой мелькало нѣсколько знакомыхъ лицъ, смотрѣла на него съ удивленіемъ и напряженнымъ любопытствомъ.

Николай Олигеръ.

ИСКРЫ.

Мѣсяцъ молодой, тонкій и воздушный,
Точно нарисованъ кистью на шелку.
Звѣздочка предъ нимъ спутницей послушной,
Птичкою трепещетъ въ золотомъ пушку.

Оторвать отъ нихъ не могу я взгляда,
Въ этомъ сочетаньи зовъ весенній есть,
И чему-то сердце безотчетно радо
И о чемъ-то ловитъ ласковую вѣсть.

А. Ѳедоровъ.

ДУНЯША.

Темное зимнее утро смотритъ въ высокія окна больницы. Тишина на улицѣ, тишина въ палатахъ, въ тускло освѣщенномъ, длинномъ и широкомъ бѣломъ корридорѣ. Только въ углу его, на деревянномъ диванчикѣ, тихо посапываетъ дежурная няня, съежившись подъ большимъ платкомъ, да кое-гдѣ въ палатахъ раздается время отъ времени слабый стонъ и неровные вздохи.

Это тотъ часъ, когда измученное тѣло съ его томленьемъ и страданьемъ уже не въ силахъ противиться благодѣтельному сну, когда онъ охватываетъ одинаково и здороваго, и больного, и одинъ царитъ въ тихихъ высокихъ и бѣлыхъ палатахъ, тускло освѣщенныхъ ночниками, предъ лицомъ холоднаго и темнаго зимняго утра.

Но вотъ часы медленно и глухо бьютъ пять. Сонная фигура няни шевелится, поднимается. Медленно, мучительно зѣвая, потягивается и, тихо шаркая туфлями, идетъ по корридору. Черезъ 10 минутъ корридоръ ярко освѣщенъ, и по немъ неслышно скользятъ сѣрыя фигуры нянь со щетками и тряпками.

Ярко блестятъ лампочки по стѣнамъ, ярко отблескиваетъ паркетъ и сверкаютъ безукоризненно бѣлыя стѣны, и только въ палатахъ еще темно и тускло.

Въ 6 часовъ идутъ по палатамъ—начинается уборка больныхъ. Теперь огромныя окна больницы сіяютъ на улицу ярко и празднично; розовый блескъ лампочекъ оживляетъ блѣдныя исхудалыя лица, красиво играетъ на чистой посудѣ и чистомъ бѣльѣ, которое неслышно и быстро проносятъ няни. Дуняша въ крайней къ лѣстницѣ палатѣ уже проснулась и, вытянувъ передъ собой свои блѣдныя прозрачныя руки, пристально разсматриваетъ

ихъ. Тусклый, блѣдный свѣтъ сѣраго зимняго утра путается яркимъ блескомъ электричества и мѣшаетъ ей. Мѣшаетъ ей разсмотрѣть эти ногти, бѣлые до синевы, которые больше всего занимаютъ ее теперь. Она знаетъ, что эта зловѣщая синева появилась недавно; она знаетъ, пожалуй, и значеніе ея; но гдѣ-то далеко, далеко, въ самой глубинѣ души знаетъ это. Объ этомъ нельзя, невозможно думать; этого не надо знать... и Дуняша сама передъ собой дѣлаетъ видъ, что не знаетъ этого. «День-то опять сѣрый, проклятый»,—бормочетъ она: — «и все-то отъ него синее кажется... вотъ при электричествѣ—правильный свѣтъ, и все другое... будь солнышко»... Электричество гаснетъ. Всю палату заливаетъ теперь ровный бѣлесовато сѣрый свѣтъ: бѣлое окно, бѣлыя стѣны, бѣлая кровать, вся комната утомительно бѣлая и однообразная. «Тутъ ослѣпнешь, разсматриваючи»,—и Дуняша опускаетъ руки на одѣяло и старается думать о чемъ-нибудь другомъ. Но черезъ минуту—другую, руки снова поднимаются къ ея лицу. Она то приближаетъ ихъ, то отдаляетъ, то кладетъ на одѣяло. Ей страстно хочется, чтобы ее застала за этимъ занятіемъ няня; она знаетъ, что няня покачаетъ головой и притворно суровымъ голосомъ скажетъ: «что это, Дуняша, ты все руки разсматриваешь!.. Надоѣло, право... смерти не переживешь, да и раньше не умрешь»... И все-таки всякій разъ эти хорошо знакомыя слова вливаютъ ей въ душу успокоеніе и надежду: была бы смерть близко, не стали бы ее поминать...

У Дуняши ракъ. Ее привезли на операцію, потому что думали, можно еще что-нибудь сдѣлать; но на операціонномъ столѣ выяснилось, что сдѣлать ничего нельзя, и Дуняшу увезли обратно въ палату. Дуняша думала, однако, что ей сдѣлали удачную операцію, и ей остается только поправиться. Всѣ знали, что исходъ болѣзни—вопросъ нѣсколькихъ недѣль или, быть можетъ, дней, но объ этомъ не говорили, и надъ ней, обреченной, продѣлывали все то, что дѣлаютъ надъ всѣми, идущими къ выздоровленію; и это поддерживало въ ней надежду и хорошее настроеніе.

Ее только перевели на дняхъ изъ общей, двѣнадцатирублевой палаты, въ одиночную по распоряженію главнаго врача: умирать на людяхъ не полагается. Но Дуняша увѣрена, что это перемѣщеніе сдѣлано для того, чтобы ей было больше воздуха и покоя; ей даже кажется, что и въ самомъ дѣлѣ въ этой палатѣ она чувствуетъ себя лучше и спитъ спокойнѣе.

Сегодня она съ особеннымъ нетерпѣніемъ ждетъ няню; ей пришла въ голову фантазія—непремѣнно, непремѣнно посмотрѣть на

себя въ зеркало. Ей кажется, что какъ она на себя взглянетъ, такъ сейчасъ и пойметъ, что ей суждено.

Въ 6 часовъ приходитъ няня съ водой и тазикомъ для умыванья.

— Ну, какъ спала, Дуняша?—произноситъ она привычную фразу при входѣ въ палату.

— Да что, какъ спала... спала-то дѣло извѣстное, а вотъ что я тебя попрошу,—робѣя и преувеличенно развязно, говоритъ Дуняша:—сдѣлай милость, принеси ты, ради Бога, зеркальце—смерть хочется поглядѣть, какая я страшная стала...—Дуняша сильно конфузится своей просьбы и старается сдѣлать видъ, что ей самой смѣшна ея затѣя.

— Вишь, что выдумала!—восклицаетъ няня, привычнымъ движеніемъ намыливая руки Дуняши надъ тазомъ:—захотѣлось на свои кости да кожу до конца поглядѣть! Думаешь, похорошѣла послѣ операціи-то... небось, сама испугаешься—всѣ вы больно хороши послѣ операцій... Вотъ ужо погоди, добавляетъ она подмигивая, начнешь вставать,—тогда мы тебѣ и зеркальце принесемъ, и папильотки накрутимъ... такъ-то...—И кончивъ обрядъ умыванья, няня сливаетъ грязную воду и бодрой, быстрой походкой идетъ въ другія палаты.

«Ишь, шутница, папильотки»...—съ тихимъ смѣхомъ думаетъ совсѣмъ осчастливленная Дуняша.—«Когда встанешь, сказала»...—шепчетъ она,—«когда встанешь»... Какъ лучшая музыка звучатъ въ ея ушахъ эти два слова...

Бьетъ восемь часовъ. Приходитъ фельдшерица—Александра Николаевна, вся бѣленькая, чистенькая, душистая, съ маленькими ловкими и крѣпкими розовыми руками. Она внимательно смотритъ на Дуняшу веселыми, добрыми глазами, и Дуняша вся сжимается подъ этимъ взглядомъ и мучается вопросомъ о себѣ, котораго не смѣетъ задать.

Но Александра Николаевна умѣетъ читать въ душѣ человѣка.

— Молодецъ, молодецъ, Дуняша,—бодро и весело говоритъ она, смотря температуру:—и температура прекрасная, и спала хорошо, и болей нѣтъ... правда, вѣдь, нѣтъ болей?

— Болей точно нѣтъ,—отвѣчаетъ Дуняша, и сама удивляется, отмѣчая это обстоятельство, какъ это она не замѣтила, что болей нѣтъ: руки разсматриваетъ, а на это вниманія не обратила...—Видно, и впрямь лучше,—добавляетъ она нерѣшительно, вглядываясь въ лицо фельдшерицы.

— Конечно, лучше, Дуняша,—съ глубокимъ убѣжденіемъ подтверждаетъ фельдшерица и спокойно идетъ въ другія палаты.

А Дуняша лежитъ и радуется; прислушивается къ себѣ—и точно болей нѣтъ; и радость, робкая, волнующая, охватываетъ душу, сердце бьется чаще, глаза оживаютъ.

Въ другомъ концѣ корридора Александра Николаевна говоритъ палатному врачу Дуняши.

— Она до сихъ поръ не ощущаетъ болей, такъ что я и сегодня вспрысну ей морфія.

— Конечно, конечно,—отвѣчаетъ тотъ:—теперь все, чтобъ она не страдала.

Въ 8 часовъ по палатамъ проходитъ главный врачъ со своими ассистентами. Къ Дуняшѣ они не заходятъ—незачѣмъ, да она не замѣчаетъ этого.

Въ девять всѣ уже на операціи, больныя дремлютъ; забывается на время и Дуняша.

У Дуняши есть мужъ. Онъ служитъ швейцаромъ въ томъ самомъ домѣ, гдѣ Дуняша служитъ въ горничныхъ. Дуняша безъ памяти любитъ своего рослаго румянаго Степу, все ей кажется, что безъ нея некому приласкать и накормить его... все ей кажется, что сидитъ онъ грустный и одинокій въ своей полутемной коморкѣ, и вся душа ея страстно и мучительно рвется къ нему.

«Степа» рѣдко навѣщаетъ свою супругу. Ему сказали, что она скоро умретъ, и онъ совершенно не знаетъ, какъ себя держать съ ней и что говорить. Бѣлыя палаты, тяжелый воздухъ, прозрачное изсохшее лицо жены, съ тусклыми ввалившимися глазами, дѣйствуютъ на него, какъ тяжелый кошмаръ; и онъ спѣшитъ уйти на свѣжій воздухъ, къ живымъ, здоровымъ людямъ, къ шуму и сутолкѣ жизни, въ которыхъ такъ легко и свободно чувствуетъ себя его крѣпкая, здоровая натура.

И Дуняша боится его посѣщеній, боится, что онъ разлюбитъ ее, такую худую и блѣдную, и всегда старается увѣрить его, что она скоро, скоро совсѣмъ поправится. Проснувшись, Дуняша проситъ ѣсть.

Ей приносятъ бульонъ, но, проглотивъ двѣ-три ложки, она уже чувствуетъ отвращеніе къ нему и снова звонитъ, проситъ убрать. Время среди дня—самое трудное время для Дуняши.

Вчерашняя порція морфія перестаетъ понемногу дѣйствовать: появляется глухая ноющая боль; сначала едва слышная, но постепенно и упорно, все разростаясь, доходитъ до нестерпимыхъ приступовъ. Тихое, угнетенное состояніе покидаетъ Дуняшу; словно завѣса спадаетъ съ ея глазъ, и ужасъ, паническій, животный ужасъ

передъ очевидной развязкой, охватываетъ все ея существо. Мысли, чувства, слова—все тонетъ, все исчезаетъ въ этомъ безпросвѣтномъ ужасѣ передъ концомъ. И Дуняша хватаетъ себя за голову, ломаетъ руки, стонетъ хрипло и мучительно, бьется на кровати и зоветъ всѣхъ, всѣхъ—докторовъ, священниковъ, нянекъ, фельдшерицу...

— Помогите, спасите, — хрипло вскрикиваетъ она, цѣпляясь руками за бѣлый фартукъ Александры Николаевны, за грубыя, шершавыя руки няни.

Ни уговоры, ни ласки не помогаютъ; она даже не слышитъ ихъ... Александра Николаевна молча смотритъ на часы, уходитъ, минутъ черезъ пять возвращается съ единственнымъ вѣрнымъ утѣшителемъ, морфіемъ.

Черезъ четверть часа Дуняша понемногу приходитъ въ себя.

— Что это? Что это было?—безсильно спрашиваетъ она няню, оставленную подежурить при ней, пока она не успокоится.

— Ничего, матушка, ничего,—успокоительно отвѣчаетъ та:—былъ припадочекъ маленькій, да мы тебя отходили...

— Нянечка,—робко спрашиваетъ Дуняша:—нянечка, голубушка, очень страшно мнѣ,—а если еще случится, вы отходите?...

— Конечно, родная, отходимъ... гдѣ жъ это видано, чтобы не отходить...

Дуняша успокаивается; какая-то свѣтлая, сіяющая прозрачная сѣтка застилаетъ все вокругъ... странно мѣняется лицо няни—сѣрое, морщинистое, оно все озаряется розовымъ блескомъ, становится молодымъ и прекраснымъ... бѣлыя стѣны сіяютъ, словно осыпанныя брильянтами, все свѣтится и дрожитъ... Ахъ, это зажгли электричество... Но вотъ новыя лица выступаютъ изъ свѣтлаго пятна двери въ корридоръ,—молодыя, прекрасныя лица, всѣ въ цвѣтахъ и въ блестящихъ нарядахъ и тихо переплетаясь, окружаютъ Дуняшу; странная легкость чувствуется всѣмъ тѣломъ, тихій радостный смѣхъ дрожитъ въ груди и наполняетъ ее ощущеніемъ великаго счастья... глаза смыкаются, въ тихую улыбку складываются губы... Няня ждетъ еще нѣсколько секундъ и, когда дыханіе становится ровнымъ и тихимъ, идетъ доложить фельдшерицѣ, что больная уснула.

День кончается. Въ 7 часовъ—послѣдняя уборка больныхъ, въ 8 по палатамъ проходитъ дежурный врачъ и, въ половинѣ девятаго, гасятъ огни, и все затихаетъ.

Тускло свѣтятся синіе ночники, и страшно неподвижны подъ бѣлыми одѣялами спящія фигуры больныхъ.

Весь большой корридоръ слабо освѣщенъ маленькой лампочкой; подъ ней, на томъ самомъ диванчикѣ у окна, на которомъ черезъ полчаса устроится на ночь дежурная няня, всѣ няни собрались и, бесѣдуя шепотомъ, пьютъ чай. Трудный день конченъ. Холодная зимняя ночь рисуетъ узоры на черныхъ окнахъ. До утра далеко...

О. Н.

ТОЛСТОЙ и РУССО.

1. Толстой—ученикъ Руссо.

Нѣтъ сомнѣнія, что настроенія и идеи Толстого впервые почерпнуты имъ непосредственно и главнымъ образомъ изъ живого родника идей и настроеній Руссо. Фактъ этотъ легко обнаруживается какъ изъ сравненія всего духовнаго наслѣдства обоихъ, такъ и изъ прямыхъ показаній самого Толстого въ разныя эпохи его жизни. Достаточно привести письмо Толстого къ учредителямъ «Общества Ж.-Ж. Руссо» въ Женевѣ, отъ 7—20 марта 1905-го года [1]. Вотъ русскій переводъ этого документа.

«Съ величайшимъ удовольствіемъ я записываюсь въ члены вашего общества. Шлю самыя искреннія мои пожеланія успѣха вашему дѣлу. Руссо былъ моимъ учителемъ, начиная съ 15-лѣтняго возраста. Руссо и Евангеліе—два великихъ и благотворныхъ вліянія въ моей жизни. Руссо не старѣется. Въ самое послѣднее время мнѣ случилось перечитать нѣкоторыя изъ его произведеній, и я испыталъ то же чувство душевнаго подъема и восхищенія, какое испытывалъ, читая ихъ въ ранней молодости. Благодарю васъ за честь, которую вы мнѣ дѣлаете внесеніемъ меня въ списокъ членовъ вашего общества, и прошу принять увѣреніе въ моихъ лучшихъ чувствахъ. Левъ Толстой».

15-лѣтній возрастъ Толстого—это какъ разъ эпоха его поступленія въ казанскій университетъ. Извѣстно, что Толстой былъ далеко не прилежнымъ студентомъ и къ университетской наукѣ относился весьма презрительно. У Руссо онъ могъ

[1]) Подлинникъ, писанный по-французски, хранится въ Женевѣ. Только подпись—руки Толстого; все остальное писано другимъ почеркомъ.

найти подкрѣпленіе для своего юношескаго скептицизма по отношенію къ наукѣ. Руссо твердилъ: «науки и искусства испортили естественныя, добрыя качества человѣка и погубили его первобытное счастье». И Толстой, по слѣдамъ Руссо, съ этихъ поръ начинаетъ искать счастья,—своего и общечеловѣческаго счастья,—подальше отъ «наукъ и искусствъ», подальше отъ искусственной цивилизаціи, въ естественномъ голосѣ человѣческаго сердца, въ средѣ du peuple non cultivé, на путяхъ «природы».

Правда, вліянію Руссо въ душѣ Толстого противодѣйствовали требованія житейскаго благоразумія, затѣмъ преобладающія теченія времени. Такъ, Толстой все же пытается держать экзаменъ на кандидата правъ при петербургскомъ университетѣ. Позднѣе, послѣ Севастополя, онъ примыкаетъ къ «книжникамъ», «жрецамъ вѣры прогресса», какъ онъ выражается въ «Исповѣди», къ писателямъ изъ «Современника». Но все это не находитъ твердой опоры въ его душѣ: кандидатскіе экзамены онъ бросаетъ на полудорогѣ, отъ кружка «Современника» бѣжитъ, какъ Руссо бѣжалъ отъ энциклопедистовъ. Руссо, вмѣстѣ съ Евангеліемъ, побѣждаетъ «соблазнъ міра».

Теперь уже можно считать прочно установленнымъ и тотъ фактъ, что взгляды Толстого, столь враждебные современной культурѣ, современному желѣзному вѣку, вѣку машинъ и кроваваго пота, вѣку огромныхъ городовъ и бездушнаго полицейскаго гнета, стали имъ высказываться въ литературѣ не только послѣ пережитаго имъ духовнаго кризиса, въ эпоху, когда онъ уже давно перевалилъ за «средину жизненной дороги». Нѣтъ, тѣ же взгляды, оставаясь сначала мало замѣченными критикой, очень ярко отразились въ его художественныхъ произведеніяхъ, предшествующихъ «кризису». Внимательнѣе приглядываясь къ творчеству Толстого, мы можемъ даже сказать, что съ самаго начала вдохновляющимъ и образующимъ моментомъ его художественной работы были эти именно, идущіе въ разрѣзъ съ духомъ времени взгляды, унаслѣдованные все отъ того же великаго противника «прогресса», Руссо. Если, напр., въ «Дѣтствѣ, отрочествѣ и юности» художественный матеріалъ черпается главнымъ образомъ изъ личныхъ и семейныхъ воспоминаній, то столь же несомнѣнно и то, что самая идея этого произведенія навѣяна не чѣмъ инымъ, какъ «Эмилемъ» Руссо. Совершенно подобно Эмилю, Николенька Иртеньевъ проходитъ рядъ фазисовъ, изъ которыхъ каждый послѣдующій выше предыдущаго въ нравственномъ отношеніи и, тѣмъ самымъ, какъ бы его отрицаетъ. Движущею силою и тамъ, и тутъ является свободное

сердце юнаго человѣка, его ничѣмъ еще не искаженная, прирожденная любовь къ правдѣ и внутреннему согласію съ самимъ собой, ненависть ко всему условному, ложному. И такъ жесходно, въ борьбѣ съ наступающими со всѣхъ сторонъ силами предразсудковъ среды и вѣка, оба героя успѣваютъ побѣждать враждебныя ихъ природѣ силы, сбрасываютъ одну за другой линяющія, ставшія тѣсными шкурки слишкомъ слѣпого, хотя и счастливаго дѣтства, слишкомъ самодовольнаго, хотя и готоваго любить, отрочества, слишкомъ самонадѣянной, хотя и восторженно стремящейся къ добру юности. За это именно противопоставленіе естественныхъ правъ личности господству безсмысленныхъ стадныхъ «мнѣній» Руссо нерѣдко получалъ названіе индивидуалиста, какъ и Толстой. Излюбленный Руссо «естественный человѣкъ» или «дикарь» всегда рисуется ему въ видѣ свободнаго, одинокаго Робинзона. Потому-то между прочимъ въ своемъ «Эмилѣ» онъ такъ горячо рекомендуетъ «Робинзона Крузо», въ качествѣ единственной пригодной для дѣтскаго чтенія книги. Своего рода Робинзономъ представляется и Иртеньевъ среди окружающаго его свѣтскаго общества, не развращеннаго, но коснаго. Еще болѣе Робинзономъ выглядитъ Оленинъ въ «Казакахъ», чувствующій себя хорошо только въ полузоологической средѣ кавказской станицы,—совершенно необитаемаго острова съ точки зрѣнія «цивилизованныхъ» дворянъ тогдашней Россіи. Таковы и другіе герои Толстого. Вспомнимъ хотя бы смѣшную, одинокую фигуру Пьера Безухаго среди блестящаго, утонченно-культурнаго общества, наполняющаго его залы на раутахъ. Онъ бродитъ въ толпѣ «словно по базару», никого не видя, никѣмъ не интересуясь.

И специфическій протестъ въ духѣ Руссо несутъ съ собой одинокіе среди толпы герои Толстого. Они протестуютъ противъ забвенія культурными верхними слоями русскаго общества и, еще въ большей степени, европейскаго (ср. «Люцернъ») исконной простоты жизни и нравовъ, такъ хорошо гармонировавшей съ братскимъ общеніемъ людей между собой. Они протестуютъ противъ униженія, въ которомъ живетъ сѣрый народъ, тотъ народъ, гдѣ именно только и сохранились во всей чарующей неприкосновенности и простота нравовъ, и незлобивость, и всегдашняя готовность къ помощи ближнему (Платонъ Каратаевъ въ «Войнѣ и мирѣ»). Протестуютъ противъ поклоненія бездушнымъ героямъ цивилизаціи, войны и разрушенія (Толстой—въ лицѣ Наполеона), противъ пренебреженія къ невиднымъ, «сѣрымъ» избранникамъ земледѣльческаго народа (у Толстого—

Кутузовъ) [1]. Протестуютъ противъ вырожденія современной культурной женщины, противъ превращенія ея изъ вѣчнаго образа жены и матери въ образъ жрицы любви и красоты. Протестъ «Анны Карениной» является прямымъ отголоскомъ бичующей эту же сторону жизни «Новой Элоизы». Во второй половинѣ своей литературной дѣятельности Толстой повторилъ съ величайшимъ одушевленіемъ религіозный протестъ Руссо, во имя свободнаго «культа сердца», противъ изсушенія вѣры. Если, быть можетъ, въ этомъ періодѣ на Толстого вліяло еще въ большей степени Евангеліе, то все же «Савойскимъ викаріемъ» Руссо отзывается та великая для вѣрнаго христіанина смѣлость, съ какою нашъ новый евангелистъ отбрасываетъ все догматическое, чудесное, въ видахъ торжества чистаго «культа сердца». Весь такъ называемый «кризисъ» въ жизни Толстого, создавшій изъ прежняго романиста—пророка и проповѣдника, можно разсматривать какъ моментъ, когда онъ собралъ въ одинъ религіозный фокусъ всѣ отдѣльные лучи своего протеста и выступилъ отъ имени Бога, взамѣнъ слишкомъ мало авторитетнаго въ его глазахъ искусства, этого возлюбленнаго дѣтища цивилизаціи. Онъ вступилъ въ новый, высшій для него фазисъ дѣятельности, отрицающій всѣ предыдущіе, низшіе, подобно тому, какъ вылупившаяся бабочка «отрицаетъ» своимъ крылатымъ существомъ безкрылую, неподвижную форму куколки и ползучую форму гусеницы. Но вѣдь и гусеница, и куколка имѣютъ свое объясненіе, свою «конечную причину» въ бабочкѣ. Таково отношеніе Толстого - романиста къ Толстому-пророку. Уже въ своихъ раннихъ дневникахъ (5 марта 1855 г.) Толстой ставитъ себѣ цѣлью «основаніе новой религіи, соотвѣтствующей развитію человѣчества, религіи Христа, но очищенной отъ вѣры и таинственности, религіи практической, не обѣщающей будущее блаженство, но дающей блаженство на землѣ». Мечтанія, крайне сходныя съ мечтаніями Руссо.

Итакъ, протестъ Толстого, какъ и его учителя, направлялся почти съ равною силою въ двѣ стороны: сторону существовавшихъ въ данную эпоху крѣпостническихъ, по ихъ сути, порядковъ и въ сторону новой духовной культуры, «философіи», какъ выражались во времена Руссо. «Порядки» они критиковали съ точки зрѣнія новыхъ идей свободы, что все же роднило ихъ

---

[1] Конечно, Толстому чуждо стало впослѣдствіи поклоненіе и простакамъ Кутузовымъ, какъ служителямъ насилія; но идеалъ мудреца народнаго, глубоко проникшаго въ инстинктивную жизнь массъ, и впослѣдствіи носился передъ нимъ (Будда, Конфуцій).

съ «философами», а «философію» или «вѣру прогресса» (по Толстому)—съ точки зрѣнія «природы» или сердца человѣческаго, или «вѣчныхъ истинъ», что въ дѣйствительности совпадало въ значительной мѣрѣ съ преданіями старины или съ соціальной почвой, возрастившей «порядки». Потому-то и учитель, и ученикъ возбудили противъ себя непримиримую вражду съ двухъ противоположныхъ сторонъ. Въ этомъ отношеніи судьба обоихъ представляетъ довольно сходную картину. Дѣятельность Толстого, особенно во вторую половину его жизни, возмущала, какъ и дѣятельность Руссо, окружающую среду и, вызывая преслѣдованія властей предержащихъ, служила въ то же время причиной жестокихъ размолвокъ съ прогрессивной интеллигенціей.

Напомнимъ факты. Признанный всюду чуть ли не за перваго писателя своего времени, Толстой не могъ выпускать въ свѣтъ многія изъ своихъ писаній иначе, какъ тайкомъ и за-границей, словно какія-то злоумышленныя или порнографическія произведенія, спекулирующія на моральное вырожденіе или на похоть читателя. Такъ какъ сами враги Толстого не смѣютъ обвинять его въ чемъ-нибудь подобномъ, зная хорошо, что каждая строка писана имъ всегда съ глубочайшимъ убѣжденіемъ въ благомъ дѣйствіи его словъ, то спрашивается, откуда же эти ревнивые запреты? Видно, и въ самомъ дѣлѣ бываетъ, какъ говоритъ Юлія въ романѣ Руссо, что «краснорѣчіе добродѣтельнаго человѣка можетъ повергнуть въ ужасъ тиранію». Въ началѣ 90-хъ годовъ существовалъ проектъ заключенія великаго писателя въ Суздальмонастырь, которымъ встарь грозили патріархальные родители своимъ непослушнымъ чадамъ и гдѣ господствующая церковь смиряла своихъ строптивыхъ или дерзостно мыслящихъ служителей. Наконецъ, по свидѣтельству лица, близко стоявшаго къ Толстому, въ эпоху его тяжкой болѣзни въ Крыму, зимою 1901—2 г., оберъ-прокуроромъ Побѣдоносцевымъ, въ ожиданіи близкой смерти страшнаго писателя, была подготовлена цѣлая обстановка примиренія послѣдняго съ оффиціальною церковью. Друзьямъ пришлось противопоставить ей цѣлую стратегію... Да впрочемъ— только ли въ 1901-мъ году?..

Толстого защитилъ его исключительный, всемірный моральный авторитетъ. Оказалось, что не вовсе фантастична, въ извѣстныхъ условіяхъ, его теорія «непротивленія злу насиліемъ». Онъ засѣлъ въ своей Ясной Полянѣ, лишенной и тѣни какихъ-либо фортификацій и гарнизоновъ, не хуже иного средневѣковаго барона въ башнѣ, на скалѣ. Не такъ счастливъ былъ въ столкновеніяхъ съ старымъ порядкомъ учитель. Его сочиненія печата-

лись тоже большею частью тайкомъ, украдкой, за границей— одни въ Женевѣ, другія въ Амстердамѣ, и могли распространяться только благодаря тайному дружескому содѣйствію «директора типографій» Мальзерба, «философа», запряженнаго въ лямку главнаго цензора. Громкая слава, быстро доставшаяся Руссо, не предохранила его отъ грозы. Бастилія открыла передъ нимъ свои врата сейчасъ по появленіи «богохульнаго» Эмиля и потрясающаго основы монархіи «Общественнаго договора». Едва бѣжавъ отъ тюрьмы, Руссо-эмигрантъ въ родной Женевѣ подвергается осужденію и спасается бѣгствомъ. Книги его сжигаются въ Парижѣ, Женевѣ и Гаагѣ рукою палача. Его не могли отлучить отъ господствовавшей во Франціи церкви, какъ протестанта, но архіепископъ парижскій де-Бомонъ издалъ пастырское посланіе, обличавшее и проклинавшее еретика. И потомъ началась для Руссо эпоха укрывательства подъ чужими именами въ Невшателѣ, въ Бернѣ, въ Англіи, во Франціи. Его мирная натура не выдержала, и разумъ, подъ конецъ, помутился.

А между тѣмъ оба эти пугала «порядка» всегда заявляли себя рѣшительными врагами революціи. Болѣе того: они оба, бокъ о бокъ съ ѣдкой критикой «порядка», успѣли на практикѣ оказать самыя серьезныя услуги колеблющимся твердынямъ, въ особенности религіи. Конечно, они оспаривали притязанія господствующей церкви на единоспасающую истину, но зато съ новою, неожиданной силой укрѣпляли въ массахъ религіозное чувство, т. е. необходимую предпосылку всякой религіи. Вѣдь Руссо далъ религіи новую жизнь и силу, въ тотъ самый моментъ, когда она, казалось, окончательно обанкрутилась теоретически въ глазахъ каждаго, кто претендовалъ на мало-мальское образованіе. Руссо вывелъ благочестіе человѣческое изъ дремучаго лѣса абстракцій и теоремъ въ область непосредственнаго чувства, сердечной вѣры. А впослѣдствіи одинъ изъ учениковъ Руссо, Шлейермахеръ, съ его «богословіемъ чувства» противупоставилъ прежнему «обожествленію понятія» новый принципъ: «pectus est, quod facit theologum» и тѣмъ придалъ вѣрѣ новый видъ, гораздо болѣе укрытый отъ стрѣлъ чисто разсудочной критики... За эту-то неожиданную услугу и возненавидѣлъ Руссо злѣйшій врагъ церкви Вольтеръ, называвшій его Іудой, измѣнившимъ дѣлу «философіи», которая, повидимому, уже готова была écraser l'infâme. Таково и отношеніе Толстого къ религіи. Онъ поднимаетъ религіозное чувство въ нашей странѣ, гдѣ равнодушіе къ религіи стало типичной чертой, при наличности

множества суевѣрныхъ и невѣжественныхъ людей, готовыхъ вѣрить какимъ угодно чудесамъ спиритизма, чертямъ, колдунамъ и т. п. Онъ даетъ въ нашъ скептическій вѣкъ замѣчательный личный примѣръ глубокой непосредственной вѣры на почвѣ «христіанства, не какъ мистическаго ученія, а какъ новаго жизнепониманія». А между тѣмъ именно со стороны вѣрующихъ Руссо и Толстой подверглись особо злобнымъ преслѣдованіямъ.

Но не такъ, все же, удивительна непримиримая вражда къ Руссо и Толстому со стороны ненавистниковъ всякой новизны, какъ вражда къ нимъ людей прогресса. Французскіе «философы» до того возненавидѣли Руссо за его измѣну «философіи», что не разбирали средствъ въ борьбѣ съ нимъ. Обширнымъ историческимъ матеріаломъ теперь доказано, что подозрительность Руссо по отношенію къ бывшимъ его друзьямъ не была только плодомъ его маніи. Доказано, что энциклопедисты вызвали путемъ закулиснаго вліянія указъ парижскаго парламента противъ книгъ Руссо и даже «Mandement» архіепископа де-Бомона, а затѣмъ безъ устали преслѣдовали Руссо въ Англіи, опираясь на Юма, Вальполя и другихъ. Въ самое послѣднее время англійская писательница Фредерика Макдональдъ, въ результатѣ многолѣтнихъ и кропотливыхъ архивныхъ изысканій, обнаружила цѣлую сложную редакціонную махинацію надъ мемуарами г-жи д'Эпинэ, направленную къ опозоренію памяти Руссо[1]). И почти цѣлое столѣтіе послѣ этой махинаціи Гримма и Дидро многіе вѣрили легендѣ о лживости, неблагодарности, «моральномъ кретинизмѣ», вредной софистикѣ «хитраго злодѣя» Руссо, что не оставалось безъ вліянія и на оцѣнку его сочиненій. И до сихъ поръ, 130 лѣтъ спустя послѣ смерти Руссо, не прекратилось озлобленіе противъ него иныхъ «друзей прогресса». Не дальше, какъ въ 1907 г., академикъ Ж. Леметръ съ новою энергіей предпринялъ походъ на покойника, открывъ курсъ публичныхъ лекцій съ спеціальной цѣлью уничтоженія Руссо, какъ духовнаго виновника всѣхъ «якобинскихъ ужасовъ». Лекціи вышли затѣмъ отдѣльной книгой и встрѣтили сочувствіе нѣкоторыхъ «культурныхъ умовъ» нашего времени (статья Леона Додэ въ «Libre Parole», 13 янв. 1907 г.).

Толстой не былъ предметомъ такой пламенной ненависти для русскихъ «философовъ», и многіе изъ нихъ, наоборотъ, глубоко цѣнили его, несмотря на идейное несогласіе. Однако, неоспоримъ хроническій разрывъ Толстого, до самаго послѣдняго

1) Frederika Macdonald.—«J. J. Rousseau. A new study in criticism» (Лондонъ, 1906).

времени, со значительной частью русской интеллигенціи, а заграничная, восторгаясь его художественнымъ геніемъ, въ большинствѣ столь же холодна къ его «разрушительнымъ» идеямъ, какъ и къ идеямъ Руссо. И здѣсь, какъ мнѣ кажется, отчетливо обрисовывается та причина, которая въ обоихъ случаяхъ привела съ собою расколъ. Дѣло было не только въ расхожденіи теоретическихъ взглядовъ; ясно, напр., что деизмъ Вольтера весьма легко могъ ужиться съ деизмомъ Руссо, и самъ Вольтеръ даже восторгался «Исповѣданіемъ вѣры савойскаго викарія», которое-де нечаянно удалось написать «этому прохвосту Руссо». Да и новѣйшіе противники Руссо,—Леметръ, Брюнетьеръ, Нуриссонъ,—не могутъ не понимать, сколько наука и искусство обязаны «геніальному безумію» и ядовитымъ доктринамъ Руссо. Дѣло здѣсь въ замкнутости, въ тенденціи «философовъ» смотрѣть на себя, какъ на избранниковъ культуры и, слѣдовательно, презирать массу, какъ profanum vulgus. Руссо же и Толстой проповѣдывали прежде всего *широкую демократію*; умственныя привилегіи имъ такъ же, если не болѣе, были противны, какъ и привилегіи сословныя. Отсюда страстныя выходки Руссо противъ «les beaux esprits», «les Holbachiens» и многочисленныя нападки Толстого на «образованіе». «Образованіе, — говоритъ онъ, напримѣръ,—это тѣ формы знанія, которыя должны отличать человѣка отъ другихъ». («Такъ что же намъ дѣлать?»). Понятно, впрочемъ, что въ Россіи, при сравнительной демократичности ея интеллигенціи, и разногласіе послѣдней съ ученикомъ Руссо не приняло боевыхъ формъ.

На самомъ дѣлѣ никакой «измѣны философіи» со стороны учителя и ученика вовсе не было. Они, правда, горячо возставали противъ современной имъ цеховой или салонной науки и противъ искусства для забавы. Но какъ бы страстно они ни громили «науки и искусства», въ дѣйствительности они не только ими занимались, но и оказали имъ самыя существенныя услуги. То самое «Разсужденіе о происхожденіи и причинахъ неравенства между людьми», которое обвиняетъ науку во всѣхъ несчастіяхъ людей, представляетъ первый въ своемъ родѣ и геніальный эскизъ чисто объективной исторіи цивилизаціи, откуда потомъ черпали широкой рукой и Гердеръ, и В. Гумбольдтъ, и соціалистъ Сенъ-Симонъ, и Гегель, и историки права, хозяйства, философіи, морали и вѣрованій. Педагогія сдѣлала огромный шагъ впередъ и въ «Эмилѣ», и въ толстовскихъ статьяхъ о воспитаніи и образованіи (общественномъ и школьномъ). Толстой, по отзыву компетентныхъ критиковъ, внесъ

новое слово въ современную эстетику, особенно своимъ трактатомъ «Объ искусствѣ». Нечего и говорить о собственныхъ художественныхъ созданіяхъ автора «Новой Элоизы», а тѣмъ болѣе автора «Войны и мира», «Власти тьмы», «Воскресенія».

Среди распавшихся на два лагеря верховыхъ теченій «общества»—теченія властвующаго и теченія стремящагося его смѣнить—Руссо и Толстой не нашли своего лагеря; они стали въ критическую позицію къ тому и другому, невольно служа въ то же время обоимъ. Съ другой стороны, они не успѣли выработать, въ силу своего промежуточнаго положенія, новой, вполнѣ независимой, низовой позиціи, хотя ихъ произведенія и содержатъ для нея богатѣйшій матеріалъ. Въ этой неизбѣжной незаконченности, связанной съ фазисомъ развитія ихъ родины, не дошедшей въ полной сознательности соціальныхъ низовъ,—ихъ несчастіе; но также, можетъ быть, отчасти и ихъ сила.

2. Отклоненіе ученика отъ учителя.

При всемъ внутреннемъ сродствѣ идей Толстого и Руссо, при всемъ сходствѣ ихъ положенія и судьбы среди общественныхъ теченій, все же значительна и разница между учителемъ и ученикомъ. Принадлежа къ разнымъ народамъ, временамъ и соціальнымъ слоямъ, они различно формулировали свой «культъ сердца», свою «религію природы», и неодинаково направляли свой протестъ противъ «наукъ и искусствъ», противъ извращенія культуры, противъ господствующей тираніи. Въ связи съ этимъ измѣнялась и чисто теоретическая основа ихъ ученій, та «метафизика вѣры» или то «объясненіе вѣры», о которыхъ говоритъ Толстой въ своей книгѣ: «Въ чемъ моя вѣра?» Въ концѣ концовъ ученикъ не оказывается столь вѣренъ завѣтамъ учителя, какъ сперва можетъ казаться; многіе взгляды Толстого, особенно взятые сами по себѣ, безъ соотношенія со всею совокупностью ихъ, представляются даже рѣшительною противоположностью мнѣніямъ Руссо.

Наибольшаго расхожденія достигаютъ воззрѣнія обоихъ въ области политики. Толстой безусловно, принципіально отрицалъ всякую политику; женевскій гражданинъ Жанъ-Жакъ выступалъ всегда убѣжденнымъ и принципіальнымъ политикомъ. Главное теоретическое сочиненіе послѣдняго, — «Общественный договоръ или принципы политическаго права», — устанавливаетъ такое

обширное вмѣшательство общества въ жизнь отдѣльнаго лица, такое огромное поглощеніе личной воли «общею волей», хотя и въ цѣляхъ пріобрѣтенія тѣмъ большей свободы, какъ увѣряетъ Руссо, что Толстому до крайности должно было быть противно это стремленіе къ государственному «насилію». Взгляды Толстого въ этомъ отношеніи выражаются, напр., въ слѣдующихъ мѣстахъ изъ «Царства Божія внутри васъ». «Сколько ни придумывали люди средствъ для того, чтобы лишить людей, стоящихъ у власти, возможности подчинять общіе интересы своимъ», но «всѣ употребляемые пріемы и божескаго благословенія, и выбора, и наслѣдственности, и голосованій, и выборовъ, и собраній, и парламентовъ, и сенатовъ, — всѣ эти мѣры оказывались и оказываются недѣйствительными... Какъ скоро явились люди, добровольно не жертвовавшіе своими интересами, и понадобилась власть, т. е. насиліе, для ограниченія этихъ личностей, такъ въ общественное жизнепониманіе и основанное на немъ устройство вошло разлагающее его начало власти, т. е. насиліе однихъ людей надъ другими... Для того, чтобы власть однихъ людей надъ другими достигала своей цѣли—ограниченія людей, стремящихся къ своимъ личнымъ цѣлямъ въ ущербъ общаго,—нужно было, чтобы власть находилась въ рукахъ людей непогрѣшимыхъ, какъ это предполагается у китайцевъ, или какъ это предполагалось въ средніе вѣка и теперь для людей, вѣрующихъ въ святость помазанія. Только при этомъ условіи получало свое оправданіе общественное устройство».

Для Руссо общественное устройство есть продуктъ общественнаго соглашенія (du pacte social), напрашивающагося людямъ силою вещей, въ тотъ моментъ, когда развитіе «естественнаго состоянія», исчерпавъ свои благодѣтельныя для человѣка силы, оборачивается къ послѣднему своей враждебной стороной. «Родъ человѣческій погибъ бы, если бы не измѣнилъ образа жизни». Передъ нимъ возникаетъ затрудненіе: нужно «найти форму ассоціаціи, которая бы защищала и охраняла всею общею силою личность и достояніе каждаго изъ входящихъ въ ассоціацію». Выходъ—въ общественномъ договорѣ. «Каждый изъ насъ отдаетъ свою личность и всю свою мощь въ верховное распоряженіе всеобщей воли»; откуда слѣдуетъ, что цѣлое имѣетъ столь же принудительную власть надъ своими членами, какъ организмъ— надъ своими органами. Въ другихъ мѣстахъ Руссо, правда, ограничиваетъ эту власть предѣлами общей пользы; но вѣдь и организмъ руководствуется тою же пользой, даже когда удаляетъ какой-либо изъ членовъ, ставшій негоднымъ. Понятно,

что изъ общественнаго договора неизбѣжно слѣдуетъ обычное устройство человѣческихъ обществъ: изданіе законовъ, исполнительная власть, судъ, наказанія «за неповиновеніе» и пр.— А «Царство Божіе», какъ дѣло рукъ самого вѣчнаго Добра, рѣшительно отвергаетъ всякую тѣнь Зла, т. е. всякій намекъ на насиліе, на принужденіе, слѣдовательно,—и на законы, и на политическую, «верховную», всеобщую волю. Тотъ общественный порядокъ, который съ одной точки зрѣнія является «священнымъ правомъ», съ другой—«не имѣетъ оправданія». Это до такой степени противоположные полюсы, что, по Толстому, Руссо, какъ автора «Общественнаго договора», слѣдовало бы отнести въ ряды тѣхъ «защитниковъ общественнаго или *языческаго* жизнепониманія», которые не хотятъ «опомниться и понять», что «жизнь общества, жизнь государства не спасетъ отъ погибели». Въ другомъ мѣстѣ, по другому поводу, Толстой прямо опровергаетъ Руссо. Мнѣніе, что деньги—богатство, по словамъ Толстого, «такъ же справедливо какъ и то, что всякое государственное устройство есть послѣдствіе общественнаго договора».

Да это и понятно. Послѣдовательные «духовные» христіане всѣхъ временъ рѣшительно отвергали возможность соединенія ихъ ученія любви съ властью «Звѣря» (антихриста), съ царствомъ «міра сего»,—все равно, идетъ ли рѣчь о монархѣ, папѣ или республикѣ. Оттого-то Руссо въ послѣднихъ главахъ «Общественнаго договора», говоря о глубокомъ уваженіи своемъ къ христіанству Евангелія, какъ истинной «религіи человѣка», тѣмъ не менѣе рѣзко высказывается противъ него же, какъ руководителя свѣтской, общественной жизни: «Эта религія далека отъ того, чтобы привязывать сердца гражданъ къ государству; она отрѣшаетъ ихъ отъ него, какъ и отъ всѣхъ земныхъ вещей; я не знаю ничего болѣе противнаго духу общества»... «Намъ говорятъ, что народъ, состоящій изъ истинныхъ христіанъ, образовалъ бы самое совершенное общество, какое можно себѣ вообразить. Въ этомъ предположеніи я вижу лишь одну большую трудность, а именно: такое общество истинныхъ христіанъ не было бы уже человѣческимъ обществомъ... Въ силу его совершенства ему не хватало бы связи; въ самомъ его совершенствѣ и заключался бы порокъ, ведущій къ разрушенію». И Толстой, какъ будто въ прямое подтвержденіе этого, говоритъ: «Христіанство въ его истинномъ значеніи разрушаетъ государство». Не странно ли, однако, въ виду этого наше прежнее сближеніе Руссо и Толстого, хотя бы оно и опиралось на собственныя

слова послѣдняго? Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, представить себѣ большее разногласіе? Можно ли быть болѣе враждебными другу другу?

И въ дѣйствительности Толстой, безъ сомнѣнія, видѣлъ въ политическихъ ученіяхъ Руссо какъ бы случайную, лишнюю часть его міровоззрѣнія, преходящій историческій наростъ, родъ гипнотическаго ослѣпленія, какое и у лучшихъ людей новаго времени порождается долгимъ господствомъ въ мірѣ «фараона», т. е. государственнаго насилія. Но врядъ ли всѣ читатели Руссо согласятся съ этимъ мнѣніемъ.

Чтобы лучше освѣтить рѣшительное разногласіе ученика съ учителемъ, необходимо припомнить то главное, въ чемъ они были согласны, т. е. то требованіе полной личной свободы для человѣка, которое является исходной точкой «индивидуализма» Толстого и Руссо. Теперь мы видимъ, до чего различно понимаютъ они это свое требованіе. Руссо подъ полной личной свободой понимаетъ «истинную» свободу гражданскую, иначе—«права человѣка»; только актомъ полнаго отреченія отъ своей первоначальной, естественной свободы человѣкъ получаетъ новую, высшую свободу гражданина, какъ участника «высшаго моральнаго тѣла». У Толстого личная свобода ниспровергаетъ всякую форму права, какъ чуждое, внѣшнее ограниченіе, и единственнымъ закономъ личности остается ея собственный—или Божій—внутренній законъ.

Для Толстого «языческое жизнепониманіе» Руссо представляется слишкомъ ухищреннымъ; онъ смѣло производитъ его упрощеніе и, принимая только основную индивидуалистическую идею Руссо, признавая только ее естественной, побиваетъ ею все «искусственное» въ системѣ Руссо. Гражданская свобода, право, политика—все это «искусственно», все это не встрѣчается въ природѣ, есть, слѣдовательно, лишь порча прекрасной природы, и, какъ инородный элементъ въ чистыхъ воззрѣніяхъ Руссо, подлежитъ усѣченію. Въ этомъ случаѣ учителемъ Толстого оказывается гораздо больше Евангеліе, чѣмъ Руссо. Смѣлая операція Толстого не только вытравляетъ сразу почти все конкретное содержаніе изъ Руссо, какимъ мы его знаемъ по его сочиненіямъ, но обнаруживаетъ въ Толстомъ слабое проникновеніе самымъ методомъ умственной работы Руссо. Если бы Толстой не былъ такъ близокъ къ послѣднему по мотивамъ *чувства*, не менѣе характернымъ для Руссо, какъ и теоретическій его методъ, то врядъ ли сохранился бы въ ученикѣ какой-либо слѣдъ вліянія учителя, кромѣ пустой абстрактной формы.

Методъ Руссо необходимо долженъ приводить къ идеѣ «правъ человѣка», къ идеѣ политической свободы, «хорошо упорядоченной» (liberté bien réglée). Нѣтъ ничего ошибочнѣе ходячаго предразсудка, котораго не избѣгъ и Толстой,—будто Руссо ставилъ идеаломъ для современнаго ему человѣчества то блаженное состояніе, въ какомъ, по его мнѣнію, человѣкъ вышелъ изъ рукъ природы. Руссо, дѣйствительно, считалъ это естественное блаженство достойнымъ зависти; но въ то же время онъ находилъ совершенно немыслимымъ возвращеніе къ нему. Методъ мышленія Руссо былъ *историченъ* по самому существу. Въ силу этого онъ полагалъ, что у естественнаго человѣка были и потребности, и чувства, и желанія естественныя, несложныя, почти цѣликомъ физическія. У насъ—потребности и «страсти», издавна и наслѣдственно сложныя, искусственныя, соціальныя. Мы—уже «искусственные люди съ искусственными страстями», у насъ «стала иною самая, такъ сказать, природа человѣческой души и страстей». Слѣдовательно, и счастье естественнаго человѣка было бы для насъ несчастьемъ, и наоборотъ.

Мысль Руссо будетъ совершенно ясна, если мы прибавимъ, что для него и мораль есть пріобрѣтеніе соціальное, искусственное; въ естественномъ состояніи существуетъ лишь безсознательная доброта или столь же безсознательная злость—качества, лишенныя сами по себѣ моральнаго значенія, «не законъ», а случайность. Для насъ же мораль, добродѣтель, любовь къ ближнему—все это уже является своего рода закономъ, нераздѣльно входитъ въ составъ самыхъ цѣнныхъ нашихъ чувствъ, нашего «сердца», нашей личности, свобода которой такъ дорога Руссо и Толстому. Руссо можетъ вздыхать о первобытной невинности и блаженствѣ рода человѣческаго, о печальной необходимости перехода къ «гражданскому состоянію», можетъ пессимистически относиться къ перспективамъ, передъ нами открывающимся; но отказаться отъ этого новаго состоянія онъ не можетъ, не отказываясь отъ самого себя. Поэтому для него вопросъ о свободѣ человѣческой можетъ быть только вопросомъ о политической свободѣ, о наилучшемъ способѣ осуществленія общественнаго договора. А такой наилучшій способъ неизбѣжно заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, и общественное принужденіе, въ случаѣ несоблюденія договора. Но вѣдь это ограниченная, неполная свобода? Руссо отвѣтилъ бы на такой вопросъ: это—*полнѣйшая*, какая возможна для цивилизованныхъ людей. Безъ нея настанутъ всѣ прелести «права сильнаго».

Толстой не хочетъ такой общественной, исторической сво-

боды, тѣмъ болѣе, что она допускаетъ весьма разнообразныя приспособленія къ народу, къ мѣсту и времени. Онъ понимаетъ подъ словомъ «естественный человѣкъ» нѣчто какъ разъ противоположное тому, что понимаетъ подъ нимъ Руссо. Естественный—для него то же, что вѣчно-истинный, добрый и прекрасный. Потерять естественныя свойства, стать искусственнымъ человѣкомъ—для Толстого равносильно полному разврату. Поэтому все доброе, добродѣтель, совѣсть, любовь къ ближнему, онъ вмѣщаетъ уже въ сердце своего естественнаго человѣка. И если дикари, по Толстому, находятся въ «эгоистическомъ, животномъ жизнепониманіи», то отсюда слѣдуетъ лишь, что они не дошли еще до естественнаго или вѣчнаго пониманія, такъ же, какъ и цивилизованные язычники, ставящіе выше всего общество или «благо всѣхъ». Естественное или вѣчное пониманіе, очищенное отъ всякой примѣси эгоизма и «общественности»,—иначе сказать, чистый Руссо, какъ его понялъ Толстой,—отнюдь не считается съ тѣми общественными, историческими условіями, въ какихъ находится человѣкъ того или иного народа, либо времени, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ приписывать этимъ условіямъ значительной роли въ созданіи моральныхъ истинъ. Скорѣе какъ разъ напротивъ: эти общественныя, историческія условія представляютъ собою не что иное, какъ развитіе той организаціи насилія, страха и обмана, которая подъ именемъ цивилизаціи успѣла въ теченіе тысячелѣтій до крайности затемнить въ сознаніи людей голосъ вѣчной, внутренней правды, начертанной даже въ душѣ дикаря, не смотря на всю грубость его практическаго эгоизма. Историческія, соціальныя условія, въ глазахъ Толстого—всегда не больше, какъ досадные тормазы, мѣшающіе полному проявленію вѣчной Любви, вѣчнаго Добра—тѣ косныя матеріальныя тягости на быстрыхъ крыльяхъ души, которыя именно и приходится ежечасно одолѣвать намъ въ нашей жизненной борьбѣ, въ нашемъ естественномъ стремленіи къ освобожденію себя. Исторія, соціальныя условія — это синонимъ самого діавола-Зла, самого насилія. Вотъ почему Толстой такъ издѣвается, напр., надъ «глупостью» «Жизни Іисуса» Ренана, гдѣ авторъ всю личность и ученіе Христа старается выяснить изъ историческихъ условій. Толстой говоритъ, что, на его взглядъ, вся историческая обстановка тутъ не болѣе, какъ «песокъ», въ которомъ его интересуетъ исключительно лишь вымытое изъ него «золото» христіанской истины (Письмо къ Н. Н. Страхову, 1878 г.).

Что же послѣ этого можетъ думать Толстой объ «Общественномъ договорѣ», который, въ глазахъ Руссо, долженъ

обезпечить новую, гражданскую свободу? Разъ всякая общественность уже заранѣе равносильна искаженію первоначальнаго образа Божія, начертаннаго на днѣ каждаго сердца, то какую, спрашивается, пользу могли бы принести тѣ или другіе способы общественной организаціи? Совершенно безразлично, будетъ ли у насъ монархія или республика, демократія или аристократія, даже, пожалуй, рабство или общее равенство; словомъ, безразличны всѣ вопросы, которые такъ заботятъ дѣйствительнаго, историческаго Жанъ-Жака, а не того учителя вѣчныхъ истинъ, который рисуется намъ изъ-за принциповъ его ученика. Задача, возникающая, по словамъ Жанъ-Жака, передъ людьми, спасающимися отъ золъ естественнаго состоянія—задача пріисканія такой «формы ассоціаціи, которая бы защищала и охраняла всею общею силою личность и достояніе каждаго»—эта задача не можетъ быть для русскаго ученика ничѣмъ инымъ, кромѣ жесточайшаго самообмана. «Общею силою не создается ни защита, ни охрана, а лишь вящшее угнетеніе и рабство». Однимъ словомъ, всѣ попытки человѣческой организаціи a priori осуждены [1]). Въ такихъ попыткахъ всегда таится злой червь внутренняго противорѣчія: онѣ хотятъ организовать завѣдомое царство зла для цѣлей увеличенія человѣческаго блага—предпріятіе безнадежное, дѣтское или даже безумное, ибо организація зла есть усиленіе зла, т. е. тѣмъ большая угроза добру. Это-то и заставляетъ Толстого отвергать всѣ «языческія» теоріи «блага всѣхъ» (или хотя бы большинства).

Злая искусственность общества абсолютно противопоставляется Толстымъ доброй естественности человѣка. Все злое заползаетъ въ человѣка исключительно изъ общества; все доброе, что еще можетъ проявляться въ обществѣ, идетъ отъ отдѣльныхъ лицъ. Борьба личности съ покушающимся на нее со всѣхъ сторонъ обществомъ, борьба, составляющая главное содержаніе художественнаго творчества Толстого, потому лишь увѣнчивается, въ его глазахъ, побѣдой, что личность имѣетъ дарованную свыше инстинктивную способность, какъ бы зрѣніе сердца («свѣтъ» или «разумъ», какъ впослѣдствіи выражался Толстой, однако далеко не въ обычномъ смыслѣ слова «разумъ»), которое помогаетъ во время разглядѣть гибельность всего идущаго отъ общества и освободиться отъ этого зла. Это—безмѣрное преувеличеніе той *относительной* противоположности между личностью и обществомъ, которая имѣется у Руссо.

---

[1]) Вотъ почему Толстой всегда упорно отказывался поддержать стремленіе «толстовцевъ» къ организаціи.

Для Руссо, правда, личность можетъ, въ данную историческую минуту, стоять въ положенiи борца за добро противъ испорченнаго общества, опираясь только на свои внутреннiя силы. Но возможно и совсѣмъ иное между ними отношенiе—отношенiе гармонiи, согласiя личной добродѣтели «патрiота»-гражданина съ обществомъ, построеннымъ на мудрыхъ началахъ, дающихъ полную свободу дѣйствiй доброй личности. Возможенъ даже еще иной случай: добрая общественная среда можетъ исправлять человѣка, впавшаго, по личной слабости, въ порокъ или моральныя ошибки. Руссо говоритъ: «Различныя наши положенiя (въ обществѣ) опредѣляютъ и измѣняютъ безъ нашей воли движенiя нашего сердца... и мѣнять намъ слѣдуетъ не столько наши желанiя, сколько положенiя, которыя ихъ производятъ. Если мы хотимъ стать добрыми, устранимъ отношенiя, препятствующiя намъ въ этомъ: другого средства нѣтъ». Эта мысль совершенно неперeварима для Толстого. Бѣжать отъ соблазняющей среды—это слабость и невозможность. Вѣдь всякая среда, всякое общество одинаково полны скверны и соблазна; бѣжать—некуда. Да это и не по-христiански: вѣдь личность, какъ единственный сосудъ добра въ мiрѣ, должна, наоборотъ, всегда подавать «примѣръ жизни» заблудшимъ людямъ. «Примѣръ—доказательство возможности христiанской, т. е. разумной и счастливой жизни *при всѣхъ возможныхъ условiяхъ*; это одно двигаетъ людей» (Письмо Толстого къ В. И. Алексѣеву, окт., 1881 г.). Бѣжать—было бы измѣной своему долгу въ борьбѣ съ обществомъ, а Руссо говоритъ: «другого средства нѣтъ»... Вотъ почему Толстой не могъ совершить «ухода» изъ Ясной Поляны. Только, когда онъ ослабѣлъ... а впрочемъ, быть можетъ, — когда еще разъ старый учитель успѣлъ убѣдить его въ своей правотѣ?

Если воззрѣнiя Руссо и его методъ характеризуются общею чертою «историчности», то воззрѣнiя и методъ Толстого должны быть охарактеризованы, какъ «абсолютные». Во имя абсолютно-доброй, естественной личности, онъ требуетъ для нея и абсолютной свободы отъ внѣшнихъ общественныхъ связей. Онъ—индивидуалистъ абсолютный; по сравненiю съ нимъ пресловутый индивидуализмъ Руссо можетъ показаться скорѣе отрицанiемъ индивидуализма. Единственная общественность, какую еще можетъ признавать Толстой, это внутренняя общность чувства людей, свободное единство мнѣнiй, иначе — общественное мнѣнiе, силу котораго онъ, повидимому, въ концѣ концовъ

и считаетъ движущею человѣчествомъ [1]). Собраніе людей, совершенно единогласныхъ въ признаніи абсолютной, естественной правды, и будетъ осуществленіемъ идеальнаго «Царства Божія», безъ законодательства, безъ судовъ и наказаній. Гармонія внѣшняя будетъ сама собою вытекать изъ гармоніи внутренней, безъ всякихъ искусственныхъ аппаратовъ.

Но разумѣется, на этомъ не останавливается логика толстовской абсолютности. Его вѣрѣ въ абсолютно-человѣческое, въ вѣчно-доброе соотвѣтствуетъ и «объясненіе вѣры» или «метафизика вѣры». Абсолютная аксіома «прекрасной души» (беремъ терминъ Руссо) не можетъ опираться на какія-либо историческія или соціальныя соображенія, ибо все соціально-историческое преходяще, обманчиво, лукаво. Она можетъ имѣть своимъ фундаментомъ только Вѣчность, Абсолютную сущность всего, съ которой она прямо сливается и изъ которой проистекаетъ. Абсолютная метафизика Толстого (поскольку мы находимъ ее, въ особенности, въ книгѣ «О жизни» и въ брошюрѣ «Христіанское ученіе»), представляетъ собою повтореніе многихъ другихъ метафизикъ, надѣявшихся возвысить человѣческую природу перенесеніемъ особо цѣнныхъ свойствъ послѣдней въ сферу вѣчности, а прочія предоставить презрѣнной сферѣ преходящаго. Со временъ Платона вѣчнымъ признавался разумъ, Духъ, со временъ Канта — Воля. Толстой беретъ сродный послѣдней, но и отличный отъ нея элементъ Чувства («Любви»), т. е. тотъ самый элементъ, который заимствованъ имъ въ качествѣ исходнаго принципа у Руссо.

Здѣсь еще разъ съ особой яркостью отражается «абсолютная» тенденція Толстого. У Руссо «голосъ сердца», чувство отнюдь не возводится на степень единственно-сущаго, абсолютнаго и вѣчнаго. Правда, въ своемъ «Исповѣданіи вѣры савойскаго викарія» онъ пользуется фактомъ чувства благоговѣнія, какъ своего рода опытнымъ доказательствомъ бытія Бога—подобно тому, какъ Декартъ выводилъ то же самое изъ факта присутствія въ нашемъ конечномъ мышленіи идеи безконечнаго. Однако Руссо никогда не доводилъ этого своеобразнаго доказательства до обожествленія самого чувства. Его Богъ—обычный Богъ деистовъ, т. е. всемогущая личность, одаренная разумомъ и волей (также и чувствомъ), задача которой — учрежденіе и охрана «законовъ природы», сбереженіе нашего грѣшнаго міра

1) «Стоитъ уничтожиться соблазну, оправдывающему денежную власть надъ людьми, и измѣнится общественное мнѣніе о томъ, что похвально и что стыдно, и измѣнится жизнь».

такъ, какъ онъ есть (ср. два «члена символа вѣры» савойскаго викарія, а также письмо къ архіепископу Бомону).

Совсѣмъ другое дѣло—метафизика Толстого. Его Богъ-Любовь есть абсолютное чувство и единственное бытіе, исключающее изъ своихъ предѣловъ все, что не чувство, что не любовь. Поэтому, Богъ прежде всего не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ матеріальнымъ міромъ, способнымъ оскорбить его святую сущность однимъ своимъ наличіемъ. Толстой пишетъ, напр., священнику С. К. (25 дек. 1908 г.): «Для меня лично самое высшее пониманіе Бога, вполнѣ удовлетворяющее меня, есть то, которое выражено въ I посланіи Іоанна, гл. IV, стихи 7, 12, 16, именно то, что Богъ есть Любовь». Полная внѣприродность Бога у Толстого устанавливается многочисленными его указаніями, что Богъ есть «внѣпространственное, внѣвременное начало». Въ книгѣ «О жизни», приравнивая Бога къ понятію «жизни» (вѣчной, истинной), онъ утверждаетъ, что «съ сознаніемъ жизни не соединено понятіе времени и пространства... Не сознаніе (жизни) есть призракъ, а *все пространственное и временное призрачно*».

Призрачно, т. е., на самомъ дѣлѣ, не существуетъ. Весь нашъ ощущаемый нами міръ, съ Эвклидовымъ пространствомъ и астрономическимъ временемъ—только нѣчто кажущееся. А существуетъ какая-то вѣчная «жизнь» (не наша, естественная, а очевидно, сверхъестественная), которая и есть Богъ, чистая, безличная Любовь. Это хотя и послѣдовательно въ своемъ родѣ, но какъ это далеко и отъ насъ, и отъ міра, и отъ Руссо! Это значитъ прямолинейнымъ, абстрактнымъ, логическимъ путемъ превратить первоначальное понятіе «естественнаго» въ полное отрицаніе естественнаго. Руссо не повиненъ въ такомъ безысходномъ противорѣчіи, ибо всегда умѣетъ ограничивать всякую свою идею предѣлами, условіями, въ которыхъ она только и можетъ имѣть смыслъ. Такъ, его религія отнюдь не исключаетъ міра временнаго и пространственнаго. Напротивъ, она очень опредѣленно признаетъ міръ. «Мои ощущенія происходятъ во мнѣ, такъ какъ даютъ мнѣ чувствовать мое существованіе; но ихъ причина мнѣ чужда, такъ какъ я испытываю ихъ, не обладая этой причиной, и отъ меня не зависитъ ни производить ихъ, не уничтожать. Итакъ, я ясно понимаю, что мое ощущеніе, которое во мнѣ, и причина его или объектъ, находящійся внѣ меня — не одно и то же. Такимъ образомъ не только существую я, но существуютъ и другія существа, т. е. объекты моихъ ощущеній... Но все, что я чувствую внѣ меня, и что дѣйствуетъ на мои чувства, я и

называю матеріей». Поэтому Богъ Руссо—пусть это будетъ и непослѣдовательно съ абсолютной точки зрѣнія — ограниченъ міромъ. Да и самая его роль, въ сущности, связана только съ міромъ. Даже любовь къ Богу у Руссо есть «любовь къ порядку», т. е. къ законамъ природы, прежде всего, а затѣмъ—и къ законамъ гражданскаго общества. Поэтому-то «мудрый законодатель» Руссо подводитъ подъ свой «общественный договоръ» добавочный фундаментъ «гражданской религіи». Такая «гражданская религія» должна быть для Толстого синонимомъ насилія надъ совѣстью, и,—согласимся здѣсь съ Толстымъ,—не безъ основанія. Руссо вѣдь доходитъ съ своей гражданской религіей до требованія смертной казни для каждаго ея сознательнаго нарушителя: онъ, вѣдь «совершилъ величайшее изъ преступленій, онъ солгалъ предъ законами». Однако, грѣхъ Руссо свойства тоже относительнаго, условнаго; это частное уклоненіе Руссо отъ его собственныхъ принциповъ. Толстой, создавъ себѣ абсолютнаго Бога, непримиримаго съ міромъ, какъ вода съ огнемъ, едва ли не подрываетъ разъ навсегда почву подъ своими принципами. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь эта Любовь самымъ жестокимъ образомъ ненавидитъ міръ, словно Ормуздъ Аримана. Если же не забывать, что этотъ бѣдный міръ для насъ, земныхъ людей, есть, пожалуй, единственный, то Богъ Толстого—*начало всененавидящее.* Такъ-то любовь оправдываетъ здѣсь свое обычное, близкое и понятное каждому земному сердцу (по мнѣнію самого же Толстого) содержаніе! Таковъ результатъ желанія обладать величинами только безконечными, вѣчными, безусловными, «чистыми». Неуклонный итогъ всякой неумѣренной абстракціи, не желающей оглядываться на свои неизбѣжныя, реальныя условія и послѣдствія...

Съ моей стороны здѣсь нѣтъ преувеличенія. Принципы Толстого, въ ихъ чистомъ видѣ, несомнѣнно, клонятъ къ уничтоженію сей грѣховной жизни. Вспомните, что онъ говорилъ о половомъ вопросѣ, когда захотѣлъ высказаться откровенно и рѣшительно. «Крейцерова соната» дышитъ жестокой враждой къ самому источнику человѣческой жизни. И какъ бы ни пытался смягчить Толстой это схимническое произведеніе въ «послѣсловіяхъ», вѣрно то, что онъ проповѣдуетъ здѣсь всеобщее безбрачіе, т. е. добровольное самоубійство человѣчества. Къ тому же выводу онъ приходитъ и другими путями: такъ, оставивъ первоначальную проповѣдь святости труда (знаменитыя «Четыре упряжки»; ср. также предисловіе къ сочиненію крестьянина Бондарева «Трудолюбіе или торжество земледѣльца»), онъ потомъ,

въ 90-хъ годахъ, уже рѣшительно осуждаетъ свою прежнюю точку зрѣнія. Онъ убѣждаетъ теперь своихъ послѣдователей: «работа, какъ добродѣтель, le travail, какъ то считается въ Европѣ и у насъ трудолюбивыми мужиками, есть величайшій и злѣйшій соблазнъ»... «Я думаю и думалъ, что идеалъ Христа, какъ и въ брачномъ вопросѣ, состоитъ въ томъ, чтобы не жать, не сѣять» (Письмо Е. И. Попову, авг. 1890 г.). Онъ идетъ дальше и утверждаетъ «*необходимость бездомовности, бродяжничества для христіанина*».

Это—также вѣрный путь къ истребленію жизни, заодно съ ненавистной цивилизаціей. Слишкомъ много ненавидитъ пророкъ единосущей любви! Этого бы не случилось съ нимъ, если бы онъ, какъ савойскій викарій Руссо, ограничивалъ свои абстрактныя умозрѣнія земными условіями. Онъ бы тогда зналъ, что «истина—въ вещахъ, а не въ моемъ разумѣ, который ихъ судитъ, и, чѣмъ менѣе я вкладываю своего въ сужденія, какія я о нихъ составляю, тѣмъ болѣе я увѣренъ, что приближаюсь къ истинѣ».

Именно эта всегдашняя оглядка на «вещи», эта осторожность въ методѣ сдѣлала идеи Руссо въ концѣ концовъ столь научно-объективными и практически-вліятельными, вопреки его видимой субъективности («чувствительности»). Толстому, чтобы удержаться на уровнѣ жизненности, приходилось постоянно вырываться изъ мертвящихъ рукъ своего «вѣчнаго» принципа. И дѣлалъ онъ это съ величайшей непринужденностью, каждый разъ, когда поднимало свой голосъ его необычайно кипучее, жизнелюбивое чувство, его страстно-дѣятельная природа. Не только его образцовая дѣятельность во время самарскаго голода 1873 г. и тульско-рязанскаго голода 1891—92 гг., не только его школы, мировое посредничество, издательство «Посредникъ» и прочія нарушенія христіанскаго недѣланія свидѣтельствуютъ противъ его догмы. Всѣ его художественныя произведенія, дышащія безсмертной, вѣчной (мы, разумѣется, говоримъ о *человѣческой* вѣчности, въ предѣлахъ исторіи) любовью къ жизни, идутъ въ разрѣзъ съ абсолютными принципами ихъ творца. Оттого-то онъ и былъ съ ними въ крупной ссорѣ. Но, ссорясь съ «Войной и миромъ» и «Анной Карениной», онъ въ то же время выпускалъ политическій памфлетъ за памфлетомъ, брошюру за брошюрой, мѣтя въ сердце стараго порядка. И сила въ нихъ была отнюдь не отъ «чистаго принципа». Отрицать начисто трудъ и хлопотать, напр., о націонализаціи земли по Г. Джорджу—это ужъ уступка «князю міра

сего», и не маленькая. Убѣждать рабочихъ, хотя и «религіозно», не работать на капиталистовъ за слишкомъ низкую плату—тоже значитъ соприкасаться съ прахомъ земли. Чистая Любовь, пожалуй, побрезговала бы вмѣшательствомъ въ «царство денегъ». А тамъ еще совѣты «высшимъ сферамъ» о введеніи конституціи... Все это—непослѣдовательности съ точки зрѣнія вѣчности. Но не будемъ слишкомъ придирчивы. Толстой былъ всегда строго послѣдователенъ по отношенію къ своему непосредственному, естественному чувству, а эта послѣдовательность всего цѣннѣе въ глазахъ адептовъ «культа сердца».

Итакъ, хотя бы и противъ логики, но согласіе ученика съ учителемъ оказывается въ значительной мѣрѣ возстановленнымъ. Вѣчная Любовь Толстого силою земной дѣйствительности оказывается сведенной опять-таки къ глубоко-соціальному чувству, къ «человѣчности» Руссо. Естественный инстинктъ сильнѣе искусственнаго разума. Здоровое чувство Эмиля еще разъ освобождается отъ метафизическихъ предразсудковъ среды.

А. Дивильковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МОЛОДНЯКЪ.

(Очерки).

I.

Ѳомка-Косорукій и Валентинычъ.

Почти на самомъ краю села, у болота, заросшаго камышомъ и ветлами, жила вдова Панферова съ тремя сыновьями, изъ которыхъ самый младшій и былъ Ѳомка-Косорукій. Хата Панферовыхъ давно уже свалилась на бокъ и настоятельно требовала ремонта, но хозяева ея все какъ-то не могли собраться со средствами, чтобы поправить разрушающееся жилище, и находились подъ вѣчнымъ страхомъ быть когда-нибудь задавленными крышей. Всѣ они были какіе-то неудачники и давно уже потеряли всякій крестьянскій порядокъ жизни. Когда у нихъ еще была лошадь и корова, дѣло кое-какъ шло, но два голодныхъ года подъ рядъ съѣли у нихъ и лошадь, и корову, а безъ нихъ и крестьянствовать стало не съ чѣмъ. Чтобы поддержать существованіе, мать стала ходить на поденную, а старшіе сыновья подались на Ростовъ, да такъ и застряли тамъ, являясь домой только затѣмъ, чтобы выправить паспорта и посмотрѣть, не развалилась ли совсѣмъ изба. Они еще не теряли надежды вернуться къ крестьянству и все собирались купить лошадь, но должно быть ростовская жизнь была привлекательнѣе деревенской, потому что они не торопились съ этимъ дѣломъ и откладывали его съ году на годъ. Въ послѣднее время они что-то и совсѣмъ стали отлынивать отъ Муравлевки и только писали матери письма, въ которыхъ совѣтовали «уповать на Бога» и низко кланялись «отъ бѣла лица до сырой земли». Надъ этими письмами старая

Панфериха горько плакала и свою досаду вымещала на Ѳомкѣ, который жилъ при ней. Изъ всѣхъ дѣтей это былъ самый неудачный. Въ дѣтствѣ онъ плохо росъ, голова у него была какъ-то клиномъ, ноги кривыя, животъ большой. Ѣлъ онъ больше всѣхъ, но отъ этого не только не поправлялся, но кажется еще больше худѣлъ и хирѣлъ. Потомъ у него что-то сдѣлалось съ лѣвой рукой: въ то время, какъ правая росла себѣ ничего, какъ слѣдуетъ, лѣвая начала сохнуть и высохла, наконецъ, до того, что онъ совершенно перестал ею владѣть. Такъ Ѳомка и остался уродомъ навсегда и въ 18 лѣтъ напоминалъ 10-лѣтняго мальчика. Ростомъ былъ низенькій, а голова большая; спина немножко горбатая и лѣвая рука короче правой. Съ годами онъ началъ немножко ею двигать, но работать по крестьянству уже ничего не могъ, и мать иногда, въ сердцахъ на семейныя неудачи, кричала Ѳомкѣ, чтобы онъ поскорѣе издыхалъ или, по крайней мѣрѣ, шелъ бы по міру. Эти злыя слова очень огорчали Ѳомку; онъ былъ мальчикъ нѣжный, чувствительный, все принималъ близко къ сердцу и, уйдя куда-нибудь въ сарай, горько плакалъ отъ обиды. Его единственнымъ утѣшеніемъ въ эти горькія минуты было воображать, какъ онъ уйдетъ изъ села куда-нибудь далеко, какъ разбогатѣетъ тамъ и какъ, наконецъ, вернется въ Муравлевку такимъ щеголемъ, такимъ молодцомъ, что его никто не узнаетъ.—«А знаете вы, кто я»?—спроситъ тогда Ѳомка.—«Нѣтъ, не знаемъ»,—отвѣчаютъ ему.—«Я—Ѳомка-Сухорукій... помните, какъ вы всѣ меня дразнили, били и смѣялись надо мной?». Всѣ поражены, изумлены и сконфужены... но Ѳомка на нихъ не сердится. Онъ одѣляетъ всѣхъ подарками,—причемъ матери достается, конечно, самый лучшій,—потомъ устраиваетъ хорошее угощеніе, и вся Муравлевка сбѣгается смотрѣть на него, на смѣшного, убогаго Ѳомку-Косорукаго, превратившагося въ богача и красавца.

Эти мечты доставляли Ѳомкѣ большое удовольствіе и помогали ему переносить и нищету, и брань, и колотушки. Но такъ какъ онѣ были все однѣ и тѣ же и, кромѣ того, на яву никогда не сбывались, то скоро надоѣли Ѳомкѣ, и онъ нашелъ себѣ другое удовольствіе. Разъ какъ-то онъ бродилъ по ярмаркѣ и остановился передъ лавочкой, гдѣ продавались картины. Ихъ было множество,—все больше лубочныя,—но были и олеографіи, и даже гравюры. Ѳомка какъ сталъ передъ ними, такъ уже больше и не отрывался до тѣхъ поръ, пока не пересмотрѣлъ всѣхъ. Когда свечерѣло, и торговецъ началъ закрывать свою лавочку, Ѳомка отошелъ отъ него какъ пьяный. Въ головѣ у

него кружилось, ноги подгибались, въ глазахъ прыгали разноцвѣтныя радуги. Всю дорогу онъ шелъ и смѣялся самъ съ собой отъ радости. Съ этого дня для него открылся новый, свѣтлый и прекрасный міръ, и Ѳомка началъ жадно присматриваться ко всему, что нарисовано. Когда онъ бывалъ въ церкви, то вмѣсто того, чтобы молиться, разсматривалъ образа и восхищался тонкостью работы. Волосики, глазки, ручки, а на ручкахъ—каждый пальчикъ и даже съ ноготками.... это было удивительно и непостижимо! Ѳомка не могъ понять, какъ можно все это такъ живо изобразить, и наконецъ, рѣшилъ самъ попробовать нарисовать что-нибудь подобное. Въ это время онъ началъ ходить въ школу, и у него завелись карандаши, бумага, перья. Онъ подбиралъ на улицахъ, въ грязи, разныя бумажки, обертки отъ табаку, отъ леденцовъ, приносилъ ихъ домой и сейчасъ же срисовывалъ въ свои тетрадки все, что на нихъ было изображено,—медали съ двуглавыми орлами «за трудолюбіе и искусство», турка съ трубкой, какой-нибудь фруктъ, китаянку, если обертка была чайная. Потомъ, когда уже срисовывать было не съ чего, онъ попробовалъ рисовать съ натуры и вездѣ—на тетрадкахъ, на грифельной доскѣ, на углахъ букварей, даже на стѣнахъ—изображалъ кошекъ, птицъ, людей, домики и цвѣты. Но все это выходило совсѣмъ не такъ, какъ на образахъ, и Ѳомка съ огорченія плакалъ и рвалъ свои рисунки. Вдругъ ему пришло въ голову: не оттого ли у него такъ плохо выходитъ, что рисуетъ онъ не красками, а углемъ и карандашемъ? Въ это время у о. Агафоника красили крышу и полы, и, выждавъ минуту, когда маляры ушли обѣдать, Ѳомка прокрался къ оставленнымъ ими ведрамъ и набралъ себѣ цѣлыхъ два пузырька краски. Увы!.. Книжки и тетрадки, даже пальцы и носъ у Ѳомки выкрасились въ зеленый и бурый цвѣтъ, а по прежнему ничего не выходило, и кошка была похожа на колесо, баба—на мѣшокъ, домъ—на стогъ сѣна. Вдобавокъ еще крѣпко досталось отъ Михаила Денисыча.

— Ѳома Панферовъ!—строго замѣтилъ ему учитель.—Ты неопрятно держишь свои книги и тетради. Отчего онѣ у тебя всѣ въ краскѣ?

Ѳомка разрюмился и послѣ нѣкотораго колебанія признался, что ему очень хотѣлось нарисовать такой образъ, какъ въ церкви. Михаилъ Денисычъ разсмѣялся.

— Да развѣ этими красками пишутъ образа?—сказалъ онъ.—Для картинъ нужны совсѣмъ другія краски. И потомъ масляными красками пишутъ только на полотнѣ, а не на бумагѣ.

Больше онъ ничего не объяснилъ, вѣроятно, потому, что самъ не умѣлъ рисовать, и Ѳомка опять остался въ недоумѣніи, что же надо дѣлать для того, чтобы на бумагѣ выходило такъ, какъ и въ натурѣ. Дни и ночи онъ ломалъ себѣ голову надъ этимъ вопросомъ, перевелъ пропасть карандашей и бумаги, исчертилъ углемъ всѣ стѣны въ избѣ и неоднократно былъ за это битъ сердитой Панферихой. Онъ началъ изобрѣтать собственныя краски,—выдавливалъ сокъ изъ свеклы, воровалъ у матери синьку для бѣлья, красилъ травой, бузинными ягодами, сажей, разведенной въ водѣ... Всѣ эти ухищренія привели, наконецъ, къ тому, что однажды Ѳомкѣ удалось нарисовать великолѣпнаго генерала верхомъ на великолѣпной лошади. Лошадь была вороная, а генералъ пестрѣлъ всѣми цвѣтами радуги. На щекахъ у него рдѣли два лиловыхъ пятна отъ свеклы; глаза были синіе, волосы натерты кирпичемъ; мундиръ раскрашенъ крапивой, и хотя лицомъ генералъ напоминалъ разсерженную кошку, а на рукахъ у него было по восьми пальцевъ, но тѣмъ не менѣе эффектъ онъ произвелъ необычайный. Панфериха даже прилѣпила его къ стѣнкѣ и съ гордостью показывала всѣмъ сосѣдкамъ, а поощренный этимъ успѣхомъ Ѳомка съ новымъ рвеніемъ принялся за свою мазню. Случайно его рисунки попались молодому псаломщику, Александру Валентинычу, который и самъ былъ большой любитель живописи и даже умѣлъ немного малевать масляными красками. Онъ заинтересовался Ѳомкинымъ художествомъ и, подъ пьяную руку, зазвавъ его однажды къ себѣ, преподалъ ему нѣсколько уроковъ живописи и даже подарилъ кистей и красокъ. Это обстоятельство окончательно рѣшило судьбу Ѳомки - Косорукаго, и скоро онъ достигъ такого совершенства въ живописи, что превзошелъ своего учителя.

Панфериха только-что отстиралась и развѣшивала на плетнѣ своей избы бѣлье для просушки, когда къ ней подошли Анночка и Иванъ Кириллычъ.

— Здравствуй, Ивановна!—сказала Анночка.—Вотъ мы къ Ѳомѣ въ гости пришли. Дома онъ?

Панфериха была не въ духѣ и посмотрѣла на гостей додольно недружелюбно.

— А гдѣ же ему быть?—проворчала она сквозь зубы.—Никуда онъ не провалится... сидитъ, небось, да мазюкаетъ. Вотъ еще родимецъ навязался!

Иванъ Кириллычъ переглянулся съ Анночкой, и, больше ни о чемъ уже не разспрашивая, они пошли въ избу. Но тамъ

никого не было, кромѣ курносой свиньи, которая, опрокинувъ ушатъ съ помоями, хозяйничала какъ у себя дома.

— Должно быть, онъ въ сараѣ!—догадался Иванъ Кириллычъ.—Пойдемте туда!

Они прошли дворъ и въ полуразвалившемся сараѣ дѣйствительно увидѣли Ѳомку. Онъ сидѣлъ на опрокинутомъ боченкѣ передъ довольно страннымъ сооруженіемъ изъ старыхъ носилокъ, которыя сзади были подперты колышками, а спереди поддерживались двумя досками, лежавшими на низенькихъ козлахъ. Повидимому, это сооруженіе представляло изъ себя самодѣльный мольбертъ; на немъ гвоздиками былъ прибитъ кусокъ толстой бумаги, и Ѳомка тщательно срисовывалъ на нее фотографическую карточку, приколотую къ доскѣ булавкой. Онъ такъ былъ погруженъ въ свою работу, что даже не замѣтилъ гостей, и страшно перепугался, когда Иванъ Кириллычъ его окликнулъ.

— У, какой!—сказалъ онъ тоненькимъ голоскомъ, въ которомъ слышалась досада и испугъ.—Чего пугаешь? Я думалъ, мамынька...

— А ты ее боишься?—спросилъ Иванъ Кириллычъ, смѣясь.

— А то! Она всегда вотъ эдакъ подкрадется сзади, да что-нибудь и сдѣлаетъ! Одинъ разъ цѣлое ведро воды на голову вылила, а то возьметъ вѣникъ, да вѣникомъ по спинѣ...

Иванъ Кириллычъ и Анночка засмѣялись. Услышавъ Анночкинъ голосъ, Ѳомка обернулся, переконфузился и хотѣлъ-было закрыть свою работу газетной бумагой, но Анночка не дала ему этого сдѣлать и подошла къ картинѣ.

— Небось, Ѳома, мы, вѣдь, тебя водой обливать не станемъ! Ну-ка покажи, что ты рисуешь?

— Да стыдно...—совсѣмъ по-дѣтски сказалъ Ѳома.—Вы смѣяться будете.

— Ну, вотъ еще, выдумаетъ! Чья это у тебя карточка?

— Александръ Валентинычевой сестры...—робко отвѣчалъ Ѳома и весь съежился въ ожиданіи строгой критики.

Но Анночка и не думала критиковать. Она разсматривала Ѳомкину работу и была поражена успѣхами, которые онъ сдѣлалъ съ прошлаго года. Онъ снималъ карандашемъ увеличенную копію съ фотографіи, и сходство было удивительное. Правда, рисунокъ былъ грубоватъ, въ растушевкѣ чувствовалась неувѣренность, но лицо дѣвушки было совершенно живое, а глаза прямо смотрѣли и улыбались.

— Послушай, Ѳома, да вѣдь ты настоящій художникъ!—

воскликнула Анночка.—Я не ожидала... Когда это ты выучился? Вѣдь, твой портретъ прямо живетъ и дышитъ, ей-Богу!

— Ловко сдѣлано!—восхищался Иванъ Кириллычъ.

Ѳомка немножко оправился отъ своего смущенія, и блѣдный румянецъ выступилъ на его худыхъ, желтыхъ щекахъ.

— Не больно ловко!—сказалъ онъ, стараясь говорить небрежно.—Карандашемъ-то я еще плохо рисую... красками лучше!

— Отчего же ты красками не рисуешь?

— Нѣту!—со вздохомъ сказалъ Ѳомка.—Давно уже всѣ вышли, а Александръ Валентинычъ обѣщалъ въ городѣ купить, да забылъ.

— Жалко!—задумчиво проговорила Анночка и поглядѣла кругомъ.—Эдакъ много не наработаешь... ишь, у тебя и мастерская-то какая...

— Что вы, Анна Егоровна!—съ гордостью возразилъ Ѳома.—Здѣсь мнѣ хорошо,—не то что зимой въ избѣ! Вы посмотрите-ка!

Анночка пошла осматривать мастерскую и Ѳомкины работы. Въ самомъ дѣлѣ мастерская была хоть куда: спокойно, просторно, никто не мѣшаетъ, а надъ самой головой въ крышѣ дыра, такъ что свѣту сколько угодно. Вотъ только когда дождь идетъ, точно, протекаетъ немного, да одинъ разъ забрела чужая корова, мольбертъ сломала, а картину сжевала. Но это бываетъ рѣдко; вообще же очень хорошо, если бы только не ругалась мамынька...

— Да за что же она ругается?—спросила Анночка.

— Кто ее знаетъ, я и самъ не пойму!—печально отвѣчалъ Ѳома.—Когда еще маленькій былъ, не такъ ругалась, а теперь прямо проходу не даетъ. Коли ты, говоритъ, убогій, ступай къ старчикамъ на паперть, все насбираешь чего-нибудь на прокормъ. А идоловъ твоихъ глазастыхъ,—это она про картинки!—я, говоритъ, когда-нибудь соберу да всѣ въ печкѣ пожгу... Я ихъ отъ ней ужъ вонъ куда прячу.

Онъ пошелъ въ самый темный уголъ сарая, порылся и вытащилъ изъ ямки толстый свертокъ, тщательно увязанный въ газетную бумагу. Анночка развернула его и стала разсматривать картинки, удивляясь все больше и больше. Тутъ были портреты, наброски, разныя сценки съ натуры. Особенно понравился Анночкѣ одинъ пьяненькій мужичекъ, въ полномъ самозабвеніи отхватывающій трепака.

— Вѣдь это Кудинычъ!—воскликнулъ Иванъ Кириллычъ.—Ахъ, чтобъ тебѣ треснуть, гдѣ это ты, Ѳомка, его эдакъ зацѣпилъ?

— На масляницу около винополіи, — улыбаясь, сказалъ Ѳомка.—Онъ плясалъ, а я въ сторонкѣ стоялъ да на бумажкѣ его записывалъ. Ругался страсть, хотѣлъ мнѣ голову отвертѣть!

— За что?—спросила Анночка.

— Да вотъ, стало быть, за это, за самое. Я ребятамъ показывалъ, а они возьми, да Кудинычу и скажи: «видалъ, говорятъ, какъ тебя Ѳомка-Сухорукій припечаталъ? Здорово подъ винопольской ногами выкидываешь, чисто битюкъ на кордѣ!» Ну, онъ и разсердчалъ. Намедни иду,а онъ мнѣ съ крыльца кричитъ: «погоди, сухорукій дьяволъ, я тебѣ покажу, какъ хорошихъ людей пропечатывать! Караулъ, православные, житья въ деревнѣ нѣту! Были у насъ прежде храмъ Божій, да царевъ кабакъ, ходили мы молиться, умѣли и веселиться, а теперича пошли школяры да маляры,—послѣдній конецъ свѣту приходитъ!..» Я ужъ теперь кого нарисую, такъ и показывать боюсь, и вправду вздуютъ,—прибавилъ Ѳома и, порывшись въ сверткѣ, вытащилъ другую картинку.

— А это никакъ Лазутка?—сказалъ Иванъ Кириллычъ и захохоталъ. — Живой! Прямо живехонекъ... вотъ-вотъ разинетъ ротъ и пѣсню заиграетъ...

На картинкѣ былъ изображенъ парень лѣтъ 20 въ дырявомъ полушубкѣ, накинутомъ на плечи, въ лаптяхъ, но съ гармоникой въ рукахъ.

Кудрявые спутанные волосы копной торчали на большой четырехугольной головѣ; изъ-подъ широкихъ черныхъ бровей, сросшихся надъ переносьемъ, смѣло и вызывающе глядѣли маленькіе калмыцкіе глазки, и во всемъ его широкоскуломъ лицѣ дрожалъ такой заразительный смѣхъ, сверкала такая забубенная удаль, что, глядя на него, самому хотѣлось и смѣяться, и свистать, и притопывать ногами...

— Ахъ, Лазутка, Лазутка!—сказала Анночка, смѣясь.—Все такой же!

— Куда тамъ! — воскликнулъ Иванъ Кириллычъ.—Еще отчаяннѣе сталъ! Ужъ его нынѣшней зимой пороть старики хотѣли, да онъ пригрозилъ все село сжечь, ну и оставили. Теперь ждутъ не дождутся осени; осенью ему въ солдаты идти, такъ старики и говорятъ: «шутъ съ нимъ, пускай погуляетъ, ужъ недолго!..»

— А жалко его, хорошій парень!—со вздохомъ вымолвила Анночка и еще разъ посмотрѣла на картинку.—Экая рожа веселая... и непремѣнно съ гармошкой! Ты знаешь что, Ѳома, вѣдь у тебя талантъ, настоящій талантъ, право!

Ѳома покраснѣлъ отъ удовольствія.

— Талантъ-то ужъ не знаю есть ли...—нерѣшительно проговорилъ онъ,—а вотъ больно мнѣ хочется какъ слѣдуетъ выучиться. Вы говорите: хорошо я рисую... гдѣ же хорошо, вы поглядите, ноги-то какія у Лазутки, чисто лошадиныя копыта! Лицо еще ничего выходитъ похоже, а вотъ какъ цѣлый человѣкъ, такъ и никуда не годится!

— Да это ничего, еще выучишься!—попробовала утѣшить его Анночка.

— Ну, нешто здѣсь выучишься!..—Ѳома помолчалъ немного и, оглядѣвшись кругомъ, прибавилъ вполголоса:—хочу того... въ городъ подаваться... Какъ вы скажете?

— Что же я скажу? Хорошо-то оно, хорошо... да жить чѣмъ будешь?

Большіе глаза Ѳомы засвѣтились.

— А ужъ это я найду, Анна Егоровна! Чего-нибудь, хоть улицы мести буду. Только бы мнѣ до этой самой школы добраться. Нешто мнѣ много нужно? Ломоть хлѣба, да уголъ, вотъ и все. А ужъ больно мнѣ хочется дойти до настоящаго дѣла, чтобы не ляпать вотъ эдакъ зря, а съ пониманіемъ чтобы... Кто его знаетъ, можетъ я и выду человѣкомъ! Какъ вы думаете, Анна Егоровна, а?

Анночка подумала и сказала рѣшительно:

— Ничего, — валяй, Ѳома... волка бояться, въ лѣсъ не ходить!

Они простились съ Ѳомой и, чтобы не попасться на глаза Панферихѣ, которая уже звонко ругалась съ кѣмъ-то, пошли не черезъ улицу, а перелѣзли черезъ плетень и спустились къ оврагу, густо заросшему лознякомъ. На гибкихъ вѣтвяхъ кустарника, налитыхъ сокомъ, уже вспухли большія почки, готовыя лопнуть; внизу глухо шумѣла вода, и глинистые бока оврага жирно краснѣли и маслились подъ солнечными лучами.

— Постой, — сказала Анночка, останавливаясь на краю оврага.—Послушаемъ, какъ вода шумитъ. Я люблю.

Они постояли, прислушиваясь къ глухому гулу, доносившемуся изъ темной глубины оврага. Казалось, что тамъ билось и ворчало какое-то живое существо, стѣсненное въ своемъ движеніи, и изо всѣхъ силъ рвалось изъ темноты на просторъ, на свѣтъ. Изрѣдка къ голосу потока примѣшивались другіе звуки; что-то съ шорохомъ катилось внизъ, грузно падало на дно, заставляя испуганно дрожать вѣтви лозняка, и вслѣдъ за тѣмъ вода еще громче начинала пѣть свою однообразную пѣсню.

— Хорошо! —сказала Анночка.—Хорошо, Ваня, быть сильнымъ, молодымъ, здоровымъ!.. Все впереди, все... и намъ съ тобой только еще 20 лѣтъ! Ваня, ты радъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Иванъ Кириллычъ, неловко улыбаясь.

— Эхъ, ты... мямля! Ну, ты посмотри кругомъ, послушай... солнце, вода шумитъ, все живетъ, все дышитъ... люблю весну, люблю шумъ, блескъ, движеніе... А то вотъ еще что люблю: степь, дорогу и, чтобы идти по ней все прямо, прямо, все впередъ, впередъ и... конца чтобы не было!

Она взглянула на Ивана Кириллыча и расхохоталась.

— Что ты на меня такъ смотришь? Думаешь, съума сошла? Не бойся, ничего,—просто одурѣла отъ радости, что опять дома, въ своей милой Муравьевкѣ. Ну, пойдемъ, а то меня батя заждался.

Она побѣжала по краю оврага, припрыгивая и напѣвая; Иванъ Кириллычъ неуклюже слѣдовалъ за нею.

— Веселая ты, Анна Егоровна! —говорилъ онъ на ходу. Веселая, оттого тебѣ вездѣ весело. А я такъ вотъ не знаю, куда бѣжалъ бы отсюда!

— А что-жъ, мѣста на свѣтѣ много,—куда хочешь, туда и иди,—отозвалась Анночка. — Вотъ двинется наша Муравлевка, вотъ зашумитъ!.. точно полая вода въ оврагѣ! Смотри-ка, сколько насъ: ты, Варя, я, Ѳомка-Сухорукій... Знаешь, Иванъ Кириллычъ, я думаю, Ѳомка-то до чего-нибудь дойдетъ, вотъ помяни ты мое слово. Непремѣнно дойдетъ!

Иванъ Кириллычъ вздохнулъ и почесалъ въ затылкѣ.

— Онъ-то дойдетъ, Анна Егоровна, это видно... а вотъ я,— не знаю, до чего я дойду... не знаю, да и шабашъ! Чего-й-то нѣту во мнѣ, чую я, право... вотъ этого настоящаго-то самаго, какъ оно называется,—нѣту и нѣту... и ничего ты съ нимъ не подѣлаешь, хоть ты что!..

— Погоди!—перебила его вдругъ Анночка.—Смотри, вѣдь это никакъ Валентинычъ идетъ...

На перерѣзъ имъ, шлепая по лужамъ большими болотными сапогами, шагала длинная фигура въ сѣромъ захлюстанномъ балахонѣ, въ громадной поповской шляпѣ, съ ружьемъ за плечами. Сзади, пригнувъ морду къ землѣ, бѣжала рыжая, лопоухая собаченка, такая тощая, что у нея какъ будто совсѣмъ не было живота, и съ такимъ безнадежно-унылымъ видомъ, который явно свидѣтельствовалъ о глубокомъ разочарованіи и недовольствѣ своей жизнью. Замѣтивъ Анночку, человѣкъ въ балахонѣ метнулся было въ сторону, съ явнымъ намѣреніемъ скрыться, но быстро-

ногая поповна предупредила его и въ одну секунду отрѣзала ему всякій путь къ отступленію.

— Постойте, постойте, милостивый государь! — вскричала она, разставляя руки и загораживая дорогу.—Куда это вы собираетесь удирать? Хорошо, нечего сказать, отъ старыхъ пріятелей бѣгать! Здравствуйте, что ли!

Валентинычъ остановился и, глядя не на Анночку, а куда-то въ сторону, протянулъ ей большую, грязную руку. Желтая собака только остановилась, повиляла хвостомъ, но видя, что на нее никто не обращаетъ вниманія, вздохнула, усѣлась прямо въ грязь и, опустивъ уши, стала глядѣть на всѣхъ съ такимъ видомъ, какъ будто хотѣла сказать: «Эхъ, господа, и житье на свѣтѣ, подумаешь... прямо, собачье!»

— Откуда это вы идете?—спросила Анночка.

— Да вотъ... на тягу ходилъ въ Заболотное, — отвѣчалъ Валентинычъ хриповатымъ, но пріятнымъ баритономъ.—Двѣ зори прошлялся... ни черта нѣту!

— А служба?

— Э, ну ее! Небось, и безъ меня отслужатъ. Надоѣли мнѣ всѣ... а пуще всего Агафоникъ. Не могу я съ нимъ вмѣстѣ служить... Когда - нибудь такъ наскандалю, что вся вселенная содрогнется.

— Ну, ужъ вы... и охота вамъ? Вѣдь, онъ васъ прогонитъ.

— А пускай. Эка важность... боюсь я!

— Да что же вы тогда будете дѣлать?

— На Кавказъ уйду... въ разбойники!—сказалъ Валентинычъ и хмуро улыбнулся.

Анночка качала головой и пристально всматривалась въ его худое, смуглое лицо, изрытое преждевременными морщинами. Валентинычу было всего 24 года, но казалось, что онъ прожилъ на свѣтѣ гораздо больше: впалыя щеки его одрябли и висѣли некрасивыми мѣшками; цвѣтъ кожи былъ нездоровый, блеклый, какъ цвѣтъ осеннихъ листьевъ; подъ глазами лежали глубокія, темныя тѣни; тонкія, сухія губы постоянно подергивались странною гримасой, которая придавала его молодому лицу какое - то старчески-циническое выраженіе. А между тѣмъ онъ могъ бы быть красивъ съ своими правильными чертами иконописнаго типа, съ густой волнистой шевелюрой и тонкими, точно нарисованными бровями, подъ которыми онъ упорно пряталъ отъ Анночки свои глаза. Она сейчасъ же это замѣтила.

— Отчего вы на меня прямо не смотрите, Валентинычъ?—спросила она.

— Что мнѣ смотрѣть... я и такъ васъ знаю.

— Ахъ, Валентинычъ, Валентинычъ! — съ упрекомъ воскликнула Анночка.—Ну, что вы скрываете... вѣдь, глаза-то нѣтъ?

Валентинычъ немного смутился, но скрылъ свое смущеніе подъ небрежною усмѣшкой и въ первый разъ взглянулъ прямо на Анночку.

— А чортъ съ нимъ, съ глазомъ... наплевать на глазъ!— сказалъ онъ рѣзко.—Тутъ, можетъ, вся жизнь пропадаетъ, а вы съ глазомъ. Эхъ вы, филантропія кисейная!

— Я-то филантропія, а вотъ вы когда пить-то бросите, Валентинычъ?

— А что же мнѣ дѣлать, если не пить?

— Что дѣлать! Господи!—всплеснула руками Анночка. — Какъ что дѣлать? Да тутъ столько дѣла кругомъ, что и въ жизнь свою не передѣлаешь... Школы, книжки, чтенія... развѣ это не дѣло? Все вездѣ кипитъ, живетъ, волнуется, а онъ спрашиваетъ:— что дѣлать... Ну, не хотите въ деревнѣ,—ступайте на фабрику, въ городъ, къ рабочимъ... вездѣ, вездѣ есть дѣло... да вѣдь какое дѣло,—живое, горячее, захватывающее, прямо съ головой можно уйти...

— Я въ разбойники пойду!—оборвалъ ее Валентинычъ и снова засмѣялся короткимъ, непріятнымъ смѣшкомъ.—Ну, ты!.. Псовка, пойдемъ! — позвалъ онъ собаку и повернулся уходить.

«Псовка» неохотно поднялась, отряхнулась и покорно уткнула морду подъ ноги хозяину, выражая полную готовность слѣдовать за нимъ.

— Постойте, куда же вы? Пойдемте вмѣстѣ, — сказала Анночка.

Валентинычъ не выразилъ ни протеста, ни согласія, и всѣ трое молча пошли къ селу. На площади Анночка остановилась.

— Ну, я домой. Прощайте, разбойникъ Брынскихъ лѣсовъ. Приходите на Пасху подъ колокольню,—споемъ что-нибудь. Пѣть-то вы еще не разучились?

— Могу!—пробурчалъ Валентинычъ.—А подъ колокольню, пожалуй, приду... если не запью... — прибавилъ онъ съ своей цинической гримасой.

— Непремѣнно приходите!—звонко крикнула Анночка уже съ своего крыльца.

II.

Великопостный день въ благочестивомъ домѣ.

— Дура махровая!—сказалъ Валентинычъ, когда они остались съ Иваномъ Кириллычемъ одни.—Воображаетъ себя умной, а... первой гильдіи дурища!

— Кто это?—не понявъ, спросилъ Иванъ Кириллычъ.

— Да вотъ эта ваша милая Анночка. Чего она тутъ назвонила... школы, чтенія, книжки... Эхъ, малодумы эдакіе, дальше своего носа ничего не видятъ! Я самъ въ семинаріи учился и тоже въ книжку-то глядѣлъ... А на кой онѣ мнѣ, эти книжки ваши, когда я, можетъ, человѣка въ себѣ потерялъ? Дурачье!

— Ну, это ты, Александръ Валентинычъ, нехорошо...—сказалъ Иванъ Кириллычъ, обиженный за Анночку.—Про Анну Егоровну даже стыдно такія слова говорить... она, братъ, лучше насъ съ тобой понимаетъ.

— Чего она понимаетъ?—насмѣшливо вымолвилъ Валентинычъ.

— А то, что ученье просвѣщаетъ человѣка. Что жъ, по твоему, такъ дураками и жить? Нѣтъ, погоди, будетъ ужъ нашего брата на веревкѣ-то держать! Дескать, ты сиди, а мы за тебя думать будемъ... Нѣтъ, позвольте вамъ сказать, мы эдакъ не желаемъ! Можетъ, это вамъ книжки не въ пользу пошли, а намъ давайте сюда—не для васъ однихъ онѣ писаны...

Валентинычъ посмотрѣлъ на взволнованнаго и раскраснѣвшагося Ивана Кириллыча и захохоталъ.

— Ну, поѣхалъ! Ишь вѣдь какъ они тебя настропалили, эти ученыя обезьянки!.. «Ученье просвѣщаетъ человѣка!»—передразнилъ онъ Ивана Кириллыча.—Эхъ, дяденька, ни шута ты не понимаешь!

— Можетъ, и не понимаю,—продолжалъ горячиться Иванъ Кириллычъ.—Я не столько ученъ, какъ вы. Но про Анну Егоровну ты худого не говори. Можетъ, для васъ такіе люди и ничего не стоятъ, а намъ дай Господи ихъ побольше! Для насъ они все равно, что свѣтъ въ потемкахъ...

— Ну, и чортъ ихъ возьми, ступай съ ними въ болото. И чего мы здѣсь на площади стоимъ? Пойдемъ ко мнѣ, закусимъ, выпьемъ.

Такой неожиданный переходъ отъ серьезнаго разговора къ

выпивкѣ и закускѣ немножко задѣлъ и обидѣлъ Ивана Кириллыча. «Ишь ты, тоже пренебрегаешь!»—подумалъ онъ.—«Дескать, что съ мужикомъ говорить,—съ мужикомъ только водку можно пить!..»

— Нѣтъ, я ужъ ко дворамъ пойду,—сухо сказалъ онъ.— Домой надо.

— Не ври!—возразилъ Валентинычъ.—Ничего тебѣ дома не надо. Анночки боишься, больше ничего. Небось, вы тамъ меня давно отпѣли и крестъ надо мной поставили, а?

— Никакого разговору про это не было,—отвѣчалъ Иванъ Кириллычъ сдержанно.

— Ну, какъ это не было, не финти! Осудили и прокляли на всѣхъ соборахъ! Какъ же: вѣдь вы—свѣтъ, а я — тьма!.. Я—чорту баранъ! Оттого ты и рыло отъ меня воротишь, Анночка не велѣла со мной якшаться! Ну, и наплевать, коли такъ, я и одинъ напьюсь...

И сердито нахлобучивъ на глаза свою исполинскую шляпу, онъ быстро зашагалъ по площади. Псовка съ покорной преданностью поплелась за нимъ. Ивану Кириллычу стало жаль Валентиныча, и онъ пустился его догонять.

Валентинычъ жилъ у вдовы дьячка, просвирни, которая сдавала ему лучшую половину своей избушки, а сама ютилась въ другой половинѣ, гдѣ у нея было и тѣсно, и темно, но за то всегда вкусно пахло горячими просфорами и мочеными яблоками, которыя она умѣла какъ-то особенно хорошо приготовлять. Валентинычъ былъ жилецъ довольно безпокойный, но платилъ очень исправно, поэтому благочестивая просвирня примирялась съ его шумными выпивками, игрой на гитарѣ въ постъ, ночной пальбой изъ ружья на огородѣ и даже съ Псовкой, которая безотлучно находилась при Валентиничѣ и спала съ нимъ вмѣстѣ на кровати. Въ концѣ концовъ, она даже полюбила своего буйнаго жильца, потому что когда онъ бывалъ въ трезвомъ видѣ, то не было человѣка услужливѣе и добрѣе его. Онъ кололъ ей дрова, таскалъ воду, чистилъ коровій хлѣвъ, однимъ словомъ совершенно замѣнялъ работника, а въ благодарность за это просвирня каждый день молилась о спасеніи грѣшной души раба Божія Александра и послѣ обѣдни преподносила ему освященныя просвирки собственнаго печенія.

Изба, которую занималъ Валентинычъ, была довольно просторная, но въ ней свирѣпствовалъ такой безпорядокъ, что она казалась даже тѣсной. У стѣны стояла кровать, сооруженная изъ козелъ и досокъ, на которыхъ вмѣсто тюфяка была постлана де-

рюжка, прикрытая на скорую руку ветхимъ ваточнымъ одѣяломъ. Подушки не было, и ее замѣнялъ старый кожаный мѣшокъ, изъ разинутой пасти котораго торчали углы какихъ-то истрепанныхъ книгъ и тетрадокъ. Весь столъ былъ загроможденъ самыми разнообразными предметами: порохомъ и дробью въ бумажкахъ, кистями и красками, горшками и табакомъ, гвоздями и корками хлѣба. У окна на полу стояла гитара съ оборванными струнами; на лавкахъ, подъ лавками, вмѣстѣ съ стоптанными калошами, ремнями и всякой рухлядью, валялись свернутыя въ трубку картины и рисунки тушью, соусомъ и масляными красками. Тутъ же, въ числѣ прочей мебели, находился и сундукъ, но въ немъ хранился только одинъ рукавъ отъ шубы, оторванный когда-то собаками во время ночныхъ похожденій Валентиныча; сама же шуба была имъ подарена одному проходимцу, который шелъ изъ Арзамаса въ Армавиръ по волчьему билету.

Войдя въ избу, Валентинычъ сунулъ ружье въ уголъ, шляпу швырнулъ на кровать и куда-то ушелъ. Иванъ Кириллычъ остался одинъ и отъ нечего дѣлать началъ разсматривать рисунки. Но интереснаго ничего не было: портреты Псовки въ разныхъ положеніяхъ, каррикатуры на о. Агафоника и его жену, какіе-то фантастическіе орнаменты, и все это по большей части недодѣланное, недоконченное, иногда замаранное, видимо, въ порывѣ недовольства своей работой. Иванъ Кириллычъ ничего не понималъ въ живописи, но вспомнилъ видѣнные имъ давеча рисунки Ѳомки-Сухорукаго и мысленно отдалъ имъ предпочтеніе. Отъ тѣхъ рисунковъ вѣяло жизнью, тепломъ, бодростью духа; здѣсь же были только болѣзненныя попытки или изобразить человѣка въ смѣшномъ и гадкомъ видѣ, или передать какіе-то смутные и прекрасные образы, существующіе въ воображеніи художника. Но это смутное и прекрасное, должно быть, ускользало отъ него самого, потому что въ досадѣ на неудачу онъ жирнымъ мазкомъ разрушалъ свою собственную работу или вдругъ, ни съ того ни съ сего, къ какому-нибудь красивому профилю придѣлывалъ огромный уродливый носъ. Особенно Ивана Кириллыча поразила одна картинка, изображавшая ангела съ большими голубиными крыльями и тонкими бѣлокурыми локонами, разсыпающимися по плечамъ, но въ то же время на головѣ у этого ангела красовались настоящіе козлиные рога, а бѣлому и розовому лицу его Валентинычъ придалъ такое отвратительное выраженіе, что даже смотрѣть было непріятно. «Ишь ты, вѣдь, что дѣлаетъ!» подумалъ Иванъ Кириллычъ со смутнымъ чувствомъ обиды за ангела, котораго такъ изуродовалъ Валентинычъ. «Ну, пу-

скай бы ужъ Агафоника раздѣлывалъ, а ангела-то зачѣмъ?..»

Вернулся Валентинычъ. Въ одной рукѣ онъ несъ деревянную чашку съ кислой капустой и огурцами, а въ другой—большой край чернаго хлѣба. Неизмѣнная Псовка шла за нимъ, умильно махая хвостомъ и глядя на него своими выразительными глазами, въ которыхъ свѣтился голодъ.

— Царская закуска!—сказалъ Валентинычъ и, локтемъ очистивъ отъ хлама одинъ уголъ стола, положилъ на него хлѣбъ и поставилъ чашку. Потомъ онъ досталъ изъ-подъ кровати наполовину опорожненную четверть съ водкой и присоединилъ ее къ закускѣ. Иванъ Кириллычъ смотрѣлъ на всѣ эти приготовленія съ нѣкоторымъ смущеніемъ и страхомъ.

— Ну, что жъ, Кириллычъ, подвигайся? — пригласилъ его Валентинычъ, наливая водку изъ четверти въ чайный стаканъ.— Вкусимъ.

— Я, Валентинычъ, пить не буду, —заявилъ Иванъ Кириллычъ.

— Почему такое? Анночка не велѣла?

— Что ты все—Анночка да Анночка!—возразилъ Иванъ Кириллычъ, начиная сердиться.—Очень я ей нуженъ! Не пью, потому что не люблю... душа не принимаетъ!

— А у тебя есть душа?—насмѣшливо вымолвилъ Валентинычъ.—Любопытно бы поглядѣть, какая такая она бываетъ! Эхъ, Кириллычъ, совсѣмъ тебя бабье опутало! Въ душу вѣришь, водки не пьешь... что ты есть за человѣкъ? Вотъ погляжу я на тебя, сидишь ты и слово боишься сказать: «а ну какъ я скажу, да не такъ? А ну какъ надо мной смѣяться будутъ?.. А что на этотъ счетъ въ книжкахъ сказано?..» Плюнь ты на книжки, ничего хорошаго въ нихъ нѣту; будь хоть одинъ день въ своей жизни самимъ собою... выпей стаканчикъ!

Иванъ Кириллычъ молчалъ, пораженный словами Валентиныча, и вдругъ протянулъ руку къ стакану.

— Давай...—сказалъ онъ отрывисто и, закрывъ глаза, однимъ духомъ выпилъ водку.

— Здорово!—похвалилъ Валентинычъ.—Поглядѣть — кислятина, а пьешь по гусарски!

Но у Ивана Кириллыча съ непривычки захватило духъ, и онъ долго сидѣлъ, вытаращивъ глаза и отдуваясь. Тѣмъ временемъ Валентинычъ тоже выпилъ и, расхаживая по избѣ, закусывалъ соленымъ огурцомъ.

— Человѣкъ—страшный трусъ!—задумчиво говорилъ онъ.

—Человѣкъ всего боится. Боится жить и умирать; боится другихъ людей и самого себя; боится Бога и чорта... боится вѣрить, боится и не вѣрить. Самое подлое животное... Я не хочу быть такимъ.

— А ты ничего не боишься?—перебилъ его Иванъ Кириллычъ и захохоталъ. Водка начала на него дѣйствовать, и онъ почувствовалъ въ себѣ небывалый приливъ смѣлости и откровенности, которую въ обычное время онъ старался подавлять изъ боязни показаться смѣшнымъ.

Валентинычъ не обратилъ никакого вниманія на его вопросъ и продолжалъ:

— Я не хочу быть такимъ... и поэтому я пью. Водка это такой ядъ, который убиваетъ на время всю человѣческую слякоть, и когда я пьянъ, я начинаю чувствовать въ себѣ злого, здороваго и веселаго звѣря. Звѣрь ничего не боится... ничего не бояться,—это хорошо.

— Ну, а все-таки, стало быть, боишься?—снова перебилъ его Иванъ Кириллычъ.

Но Валентинычъ или не слышалъ или не хотѣлъ отвѣчать, углубленный въ свои мысли, и съ какимъ-то холоднымъ спокойствіемъ продолжалъ говорить:

— Вотъ я теперь напьюсь, и мнѣ наплевать на все. Я ничего не боюсь и все могу. Могу сказать Агафонику, что онъ лицемѣръ и стяжатель, могу выйти на площадь и закричать, что Бога нѣтъ, могу перевернуть кверху ногами всѣ порядки и законы, и ничего мнѣ не страшно, ничего не жалко. Я звѣрь! Свободный, смѣлый, дикій звѣрь! А завтра... Завтра я просплюсь и, поджавъ хвостъ, поплетусь въ церковь... Завтра я буду бояться, какъ бы меня не прогнали съ мѣста, и буду врать, притворяться и корчить смиренно-мудрыя, лицемѣрно-подлыя рожи. Однимъ словомъ, завтра я буду жалкая, скверная тварь, псаломщикъ Каменноградскій, которому надо жрать и у котораго есть дорогіе родители, плачущіе и рыдающіе о блудномъ чадѣ своемъ... И мнѣ ихъ будетъ жалко... понимаете вы, черти, — жалко... и отъ жалости этой я погибаю, ненавижу себя... и пью!

Валентинычъ подошелъ къ столу, какъ-то машинально выпилъ новую порцію водки и опять заходилъ по избѣ.

— Съ самаго рожденія человѣка учатъ бояться,—началъ онъ.—Не успѣлъ еще онъ выклюнуться, ему ужъ грозятъ пальцемъ и говорятъ: бойся моего носика! Потомъ ему говорятъ: бойся Боженьки... бойся солдата, бойся домового, бойся розги.

Везутъ учиться,—опять бойся и трепещи! И вотъ когда человѣкъ выросъ—онъ уже со всѣхъ сторонъ связанъ, скованъ и запуганъ, какъ рыба въ сѣтяхъ. Начинается не жизнь, а страхъ... онъ не живетъ, а дрожитъ. Да чортъ васъ возьми совсѣмъ, я не хочу бояться! Жить я хочу, слышите вы, черти, — жить, а не дрожать!—вскрикнулъ вдругъ Валентинычъ и, ударивъ себя въ грудь, остановился передъ Иваномъ Кириллычемъ, который давно уже пересталъ смѣяться и съ печальнымъ недоумѣніемъ прислушивался къ его рѣчамъ.

— Чего же ты боишься, Валентинычъ? — спросилъ онъ тихо.

Валентинычъ сердито посмотрѣлъ на него своимъ живымъ глазомъ, который мрачно сверкалъ, въ то время какъ другой его глазъ, стеклянный, оставался неподвижнымъ и свѣтился тусклымъ, холоднымъ блескомъ.

— Что?—произнесъ онъ какъ будто спросонья и, отойдя къ столу, налилъ водки.—На вотъ, пей лучше... все равно, ни черта не поймешь!

Иванъ Кириллычъ покорно выпилъ и снова ощутилъ приливъ смѣлости.

— Можетъ, я не пойму, — вызывающе сказалъ онъ, — а все-таки ты мнѣ разъясни, чего ты боишься?

— А ты въ Бога вѣришь?—вмѣсто отвѣта спросилъ его Валентинычъ.

— Что ужъ это ты...—съ упрекомъ проговорилъ Иванъ Кириллычъ.—Да, конечно, вѣрю!

— Ну, а я не вѣрю!—свирѣпымъ шепотомъ сказалъ Валентинычъ, и живой глазъ его снова сверкнулъ мрачнымъ огнемъ.—Понимаешь ты,—не вѣрю!.. а состою псаломщикомъ... потому что боюсь... Можешь ли ты понять, что это за штука такая? Вѣдь, это заживо — геенна огненная! А вы ко мнѣ съ книжками лѣзете! — крикнулъ онъ злобно и засмѣялся.— Что тутъ книжки, когда у человѣка вѣры нѣтъ... ничего нѣтъ! Вотъ я когда-нибудь пойду, да и... повѣшусь въ алтарѣ!

— Э, ну тебя, Валентинычъ...—сказалъ Иванъ Кириллычъ, чувствуя, какъ его прохватываетъ дрожь.—Что ты говоришь такое... тебя и слушать ажъ страшно...

— Страшно?—прошепталъ Валентинычъ, близко заглядывая ему въ лицо и корчась отъ беззвучнаго смѣха. Тебѣ страшно? А мнѣ... ты думаешь, не страшно? Жить-то, жить-то съ этимъ... не страшно, а?

Иванъ Кириллычъ не зналъ, что говорить, что дѣлать... но въ эту минуту одна изъ оконныхъ рамъ вдругъ задребезжала, отворенная съ улицы чьей-то сильною рукою, и вслѣдъ затѣмъ въ избу просунулась веселая, курносая рожа съ узенькими смѣющимися глазками и улыбкой до ушей.

— Эге-ге-ге! — воскликнулъ неожиданный посѣтитель.—Что же это вы, подлецы, водку пьете, а меня и не позвали?

Услыхавъ этотъ, должно быть, хорошо знакомый ей голосъ, мирно дремавшая подъ столомъ Псовка вскочила и радостно завизжала, а Иванъ Кириллычъ съ Валентинычемъ оглянулись и оба разомъ воскликнули:

— Лазутка?

— Я-то Лазутка!—сказалъ веселый гость, посмѣиваясь,—а вотъ вы—ужъ и не знаю, какъ васъ назвать. Эдакъ хорошіе дружки не дѣлаютъ!

— А шутъ тебя знаетъ, гдѣ ты шляешься! — проворчалъ Валентинычъ.—Ну, маршъ скорѣй налѣво кругомъ, тутъ еще на твою долю осталось!

Лазутка исчезъ и черезъ минуту былъ уже въ избѣ въ своихъ стоптанныхъ лаптяхъ, въ дырявомъ полушубкѣ, небрежно накинутомъ на плечи, въ картузѣ на бекрень,—однимъ словомъ, совершенно такой, какимъ его изобразилъ Ѳомка-Сухорукій. Псовка съ истерическимъ визгомъ бросилась къ нему на грудь, пытаясь лизнуть его въ носъ и въ губы.

— Ну-ну-ну, давно не видалась, обрадовалась!—говорилъ Лазутка, ласково трепля ее за длинныя уши и гладя по худымъ бокамъ.—Вотъ, вѣдь, животина, а добрѣй человѣка, право слово! Человѣкъ-то только и норовитъ, кабы тебя обмануть, аль по мордѣ погладить, а эта, гляди, какъ привѣчаетъ, словно ты ей роднѣй родни. А однако похудала она у тебя, Валентинычъ, видать, ты ее плохо кормишь?

— Ничего... это ей полезно,—буркнулъ Валентинычъ.

Лазутка засмѣялся и, отломивъ большой кусокъ хлѣба, далъ его Псовкѣ. Собака благодарно лизнула ему руку, потомъ взяла хлѣбъ и, деликатно отойдя къ сторонкѣ, принялась за ѣду.

— Ну, а теперь и я выпью! — воскликнулъ Лазутка. — Здравствуйте, дружки; что-то, погляжу я на васъ, оба вы не веселы! Ванька, ты чего задумался? Намъ плакать еще не время,— еще не пробилъ часъ нашей старости! Придетъ она, беззубая корга, ну тогда и сдавайся, а всему прочему я и шапки не сниму! Да выпьемъ же мы за здравіе юныхъ дней!

Съ этими словами онъ залпомъ выпилъ стаканъ, хлоп-

нулъ имъ по столу и, придвинувъ къ себѣ чашку съ капустой, запѣлъ:

Капуста моя мелко рубленая,
Невѣста моя крѣпко любленая!..

Иванъ Кириллычъ смотрѣлъ на него и смѣялся. Лазутка какъ будто принесъ съ собой радость и веселье, и съ его приходомъ въ пустой и мрачной избѣ стало и уютнѣе и свѣтлѣе. Только Валентинычъ ничуть не повеселѣлъ и продолжалъ угрюмо расхаживать взадъ и впередъ, погруженный въ какія-то свои, особыя мысли.

— Давно я тебя не видалъ, Лазутка, — сказалъ Иванъ Кириллычъ. — Слыхать много слыхалъ... говорятъ, ты все бунтуешь?

— Не я бунтую, старики бунтуютъ! — отвѣчалъ Лазутка равнодушно.—Ты, вѣдь, меня знаешь, Ваня, вмѣстѣ мы съ тобой на одной скамейкѣ сидѣли. Не тронь меня, и я никого не трону, ну, а ужъ если зацѣпятъ,—прошу не прогнѣваться: чѣмъ получилъ, тѣмъ и отдаю.

— Нѣтъ, Лазутка, постой, будемъ по совѣсти говорить... Конечно, старики... это народъ стараго вѣка, они по руководствамъ размышляютъ. Ну, а все-таки, какъ подумаешь, тоже и ихъ жалко. Тоже вѣдь они жили, для насъ же дорожку пробивали, для молодняка, а молоднякъ—глядь!—анъ ужъ вонъ куда зашагалъ, въ другую сторону, за нимъ и не поспѣешь. Обидно это имъ, Лазутка, а?

— Здоровое дѣло!—насмѣшливо проговорилъ Лазутка.—Что же теперь и мнѣ что ли за ними на четвереголькахъ ползти? Ну, ужъ я на это не согласенъ,—ползи кто хочетъ, а я на двухъ ногахъ пойду!

— Ну, и иди, иди, а дразнить-то зачѣмъ? Дразнить не надо.

— Я ихъ и не дразнилъ,—возразилъ Лазутка.—Я человѣкъ веселый и житье люблю веселое, больше мнѣ ничего не надо. Чего я у нихъ просилъ, у кого изъ горла кусокъ отнималъ? Никто про меня этого не скажетъ. Вотъ есть у меня овчина на плечахъ, есть гармошка, я и доволенъ: выду на улицу, пѣсню заиграю, и чтобы ни одна душа мнѣ поперекъ не становилась. А они ввязались, притѣснять начали: почему не работаю, да зачѣмъ шапки передъ ними не ломаю, да то, да это... Ты слыхалъ, вѣдь, меня на волостномъ судили?

— Какъ же, слыхалъ. Корольковы на тебя жаловались?

— Вотъ, вотъ, эти самые кровесосы, мірскіе дольщики! Ну ужъ и судъ былъ, Ванюха, чисто изъ дѣдушки-Крылова! Я тамъ чуть со смѣху не треснулъ. Сидитъ это старичье пьянѣй вина зеленаго и по глазамъ видать, что всѣмъ-то имъ цѣна—четвертакъ пара. Ну, и стану я эдакимъ уважать? А они мнѣ: «ты, говорятъ, Лазарь Кайдаковъ»?.. Будто не знаютъ, ха, ха! «Я»! говорю. — «Какое же ты имѣешь право при всемъ народѣ, на площади, порочить поштенныхъ людей и разныя подлыя слова высказывать?» — «А что же, говорю, — какіе поступки, такія и слова! Дѣла хорошія и слова хорошія, — про это, говорю, и въ писаніи говорится: воздается коемуждо по дѣламъ его! А какія же хорошія дѣла у Королькова, ежели онъ весь народъ притѣсняетъ и за каждый мѣдный грошъ съ мужика лихвенные ростки [1]) беретъ?» — Уставились мои старики лбами, словно бараны, и говорятъ: «ты еще молодъ больно, чтобы тебѣ чужія дѣла судить, давно ли поперекъ лавки лежалъ?» — «Ничего, что младъ, говорю, бываетъ, что и задній переднему укажетъ». Тутъ на меня этотъ рыжій Макарычъ, знаешь, Корольковъ кумъ, такъ и вздыбился. — «Ахъ ты, говоритъ, такой-сякой, лантрыга, вотъ мы на тебя приговоръ сдѣлаемъ, чтобы твоего духу въ селѣ не пахло! Ты, говоритъ, у насъ все село бунтуешь, покою отъ тебя нѣтъ; по всей ночи шумъ да гульба, да похабство, а теперича еще мало тебѣ, что ты у насъ весь молоднякъ перепортилъ, такъ надо поштенныхъ людей цѣплять!» Ужъ онъ кричалъ-кричалъ, ажъ посинѣлъ отъ крику, ровно котелъ сдѣлался. Ну, я сначала смѣялся, а потомъ и самъ разозлился. — «Что, говорю, аль правда-то въ носъ шибаетъ? Привели вы меня судить, а судить-то и не за что, потому, выходитъ, не тотъ виноватъ, кто караулъ кричитъ, а тотъ, кто грабитъ». Такъ я имъ все въ глаза и отпечаталъ, думаю себѣ: ужъ коли въ одноглазкѣ сидѣть, такъ было бы за что.

— Такъ и отсидѣлъ?

— Какъ же, двѣ недѣли. Вѣдь, они какъ дѣло повернули,— будто бы за буйство и за непочтеніе къ старшимъ, а то, что я Королькова всенародно грабителемъ называлъ, это они смазали, потому что, вѣдь, всѣ они тамъ въ его дѣлахъ запутаны, пуще всего Макарычъ. Онъ, рыжій чортъ, подъ конецъ всего, со слезой меня увѣщевать началъ. «И что ты, говоритъ, Кайдаковъ, пьянствуешь, мальчикъ ты молодой, тебѣ это непристойно! Успокой

[1]) Ростки — проценты.

родителей, брось ты свою гульбу да буянство, не доведутъ они тебя до добра!» Ну, я ему на это возмѣстилъ: «что, говорю, вы меня пьянствомъ упрекаете, я еще своей совѣсти не пропилъ и мірскихъ капиталовъ на водку не хапалъ. А гулять гуляю, и дѣло это до васъ не касающее, потому какъ человѣкъ я самъ по себѣ и хочу жить свободно!»... Такъ онъ съ этихъ словъ и осѣлъ, какъ опара въ дижѣ.

— А все-таки выживутъ они тебя, Лазутка!

— А мнѣ что, пускай!—безпечно сказалъ Лазутка.—Боюсь я ихъ страсть! мнѣ все равно, гдѣ не жить,—небось, вездѣ одно солнце свѣтитъ! Эхъ, жалко, гармошки нѣтъ, отодрать бы пѣсенку хорошую, со вздохомъ, со слезой, съ сердечною любовью... Не могу я жить безъ пѣсни!

— Да, вѣдь, у тебя была гармонія?

— Была, да бабушка схитрилась и въ укладку заперла. «Хоть постомъ-то, говоритъ, не скрипи, вѣдь, грѣхъ; люди Богу молятся, а онъ на гармошкѣ торабанитъ!» Пробовалъ было я ей доказывать, что въ пѣснѣ грѣха нѣтъ, не вѣритъ; такъ вотъ теперь и буду говѣть до Святой. Аль попробовать и безъ гармошки?

Лазутка подумалъ немного, потомъ подперъ голову рукою и мягкимъ баритономъ негромко запѣлъ:

Ужъ какъ нынче день ненастный, нельзя въ полѣ работать,
Нельзя въ полюшкѣ работать, черну пашеньку пахать...

Иванъ Кириллычъ пріятнымъ теноркомъ ему подтягивалъ, и широкая, грустная пѣсня разлилась по избѣ, наполнивъ ее вѣковѣчными жалобами молодости, рвущейся на волю изъ стѣснительныхъ цѣпей обыденщины.

Мы пойдемъ съ тобой, милая, во зеленый садъ гулять,
Во зеленомъ, во садочкѣ соловьи громко поютъ...

Заливался Лазутка съ беззаботной удалью, а Иванъ Кириллычъ печально и тихо ему вторилъ:

Они поютъ—распѣваютъ на разные голоса,
А про насъ, моя милая, по людямъ идетъ молва...
Люди баютъ и гуторятъ, что не пара я тебѣ.
Эхъ, прощай, моя зазноба, знать такая намъ судьба!
Тебѣ, дѣвушкѣ, выходитъ за постылаго идтить,
А мнѣ, молодцу, въ Сибири буйну голову сломить...

В. І. Дмитріева.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО И ЮЖНО-РУССКІЕ КУРГАНЫ.

Странный и оригинальный видъ имѣютъ ближайшія окрестности всѣхъ почти старыхъ греческихъ поселеній на югѣ Россіи, за исключеніемъ, можетъ быть одного только Херсонеса,—видъ, непохожій на окрестности другихъ греко-римскихъ городовъ.

И здѣсь, конечно, какъ и во всемъ греко-римскомъ мірѣ, приближающагося путника встрѣчаетъ «городъ мертвыхъ»; но не густой лѣсъ стелъ, какъ въ Аѳинахъ и другихъ греческихъ городахъ, не ряды величественныхъ архитектурно-богатыхъ мавзолеевъ, какъ въ Римѣ или около большихъ городовъ Италіи и романизованныхъ провинцій, не странные ряды высѣченныхъ въ скалѣ или изваянныхъ въ мраморѣ саркофаговъ, какъ въ Ликіи, не густая сѣть архитектурныхъ фасадовъ въ нависшихъ надъ городомъ скалахъ, какъ въ Египтѣ, той же Ликіи и другихъ частяхъ М. Азіи, въ Сиріи и даже Аравіи. Нѣтъ, его встрѣчаютъ длинные ряды и отдѣльныя группы, — чѣмъ ближе къ городу, тѣмъ гуще,—высокихъ и низкихъ, острыхъ и плоскихъ, широкихъ и узкихъ, конусообразныхъ насыпей-холмовъ, которые издавна носятъ у насъ имя кургановъ. Ничего подобнаго этому обилію густыхъ курганныхъ насыпей мы въ другихъ мѣстахъ греко-римскаго міра не знаемъ. Нѣчто подобное мы имѣемъ въ нѣкоторыхъ равнинахъ М. Азіи, на широкихъ поляхъ Македоніи и Ѳракіи, а также въ окрестностяхъ старо-этрусскихъ городовъ, но вездѣ это отдѣльныя насыпи, а не настоящіе курганные некрополи.

Особенно эффектны эти цѣпи кургановъ не тамъ, гдѣ онѣ растянулись на гладкой степи, а тамъ, гдѣ онѣ взгромоздились на невысокіе, правда, но эффектные кряжи, прорѣзывающіе какъ

окрестности Керчи, такъ и противуположный Керчи Таманскій полуостровъ. На скалистыхъ пикахъ этихъ кряжей группами по два, по три насыпались курганы и широко раскрывается съ нихъ окрестная даль: и Крымская хлѣбная степь, и плоскій берегъ Сѣв. Кавказа, и Черное море, и узкій Боспоръ, а въ ясные дни виднѣются вдали и туманныя очертанія Кавказскаго хребта.

Густая сѣть кургановъ расположена около городовъ—древнихъ Пантикапея, Фанагоріи, Горгиппіи, Танаиды, Ольвіи; но не только здѣсь встрѣчаются они на нашемъ Югѣ,—въ широкихъ степяхъ Прикубанья, Придонья, Прибужья и Приднѣпровья, заходя часто далеко на сѣверъ, одиноко или группами, высятся курганы повсюду; чѣмъ ближе къ югу, тѣмъ гуще.

Съ давнихъ поръ этотъ рой зеленѣющихъ холмовъ будитъ фантазію, дразнитъ любопытство, разжигаетъ жадность окрестныхъ жителей. Сотни лѣтъ, отъ времени до времени, вооружаются мѣстные люди кирками и заступами, идутъ группами и поодиночкѣ пытать счастья въ нѣдрахъ этихъ холмовъ, рискуя сломать свои головы въ узкихъ ходахъ, которыми пробиваются они къ заповѣдному кладу, къ могилѣ когда-то погребеннаго здѣсь покойника. И сейчасъ еще, когда наука раскрыла уже тайну кургановъ, смела съ ихъ верхушекъ и нѣдръ дымку легенды и заклятія, тянутся къ нимъ жадныя руки и богатыхъ владѣльцевъ земли, и жалкихъ профессіоналовъ-счастливчиковъ въ погонѣ за золотомъ, которое схоронено подъ тяжелою землею кургана.

Уже болѣе ста лѣтъ назадъ за дѣло изслѣдованія кургановъ взялась русская историческая наука. Задача, поставленная мѣстнымъ агентамъ того учрежденія, на которое государство возложило обязанность разслѣдованія кургановъ и другихъ некрополей нашего юга,—въ Россіи дѣло началось съ иниціативы государства—была сразу и безповоротно поставлена, какъ задача не кладоискательства и обогащенія музеевъ, а научнаго историческаго изслѣдованія, тщательнаго и всесторонняго изученія каждаго кургана, каждаго погребенія. И хотя исполнители далеко не всегда были на высотѣ своего положенія, были по большей части не учеными, а чиновниками, планъ дѣйствій былъ начертанъ столь простой и ясный, руководитель археологической жизни Россіи требовалъ такого точнаго исполненія своего плана, что разслѣдованія могилъ и описанія раскопокъ этого ранняго періода можно считать по тому времени образцовыми. Къ сожалѣнію, эта традиція въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ прервалась, и работы этого времени, ведшіяся петербургскими и московскими учеными, далеко не стоятъ на прежней высотѣ по

детальности разслѣдованія и точности фиксаціи найденнаго. Только въ самое послѣднее время возобновленная старая традиція въ рукахъ крупныхъ спеціалистовъ опять нагоняетъ такъ блестяще и далеко ушедшее впередъ развитіе техники археологическаго изслѣдованія западной Европы.

Гораздо печальнѣе стоитъ дѣло съ научнымъ использованіемъ научно добытаго матеріала. Если тексты и образцово собранныя и комментированныя надписи дали намъ теперь схему политическаго развитія отдѣльныхъ греческихъ городовъ, схему ихъ строя и хронологическій списокъ ихъ правителей, а также болѣе или менѣе вѣроятную схему распредѣленія и передвиженія кочевыхъ и осѣдлыхъ племенъ въ степяхъ нашего юга; если лингвистика, правда порывами и неувѣренно, пытается поставить остатки мѣстныхъ языковъ въ связь съ нашими знаніями въ области лингвистики вообще,—то далеко позади стоитъ самая богатая матеріаломъ область, область использованія для культурной исторіи и для опредѣленія культурныхъ связей богатѣйшаго археологическаго матеріала, наполняющаго наши столичные и провинціальные музеи и таящагося въ нѣдрахъ архивовъ Археологической Комиссіи. Еще менѣе использованъ этотъ же матеріалъ, а также и матеріалъ текстовъ и надписей, для возсозданія соціальнаго и государственнаго типа тѣхъ образованій, что сложились у насъ на югѣ за многовѣковой періодъ развитія здѣсь эллинизирующей и эллинской культуры.

Я не берусь здѣсь изслѣдовать весь вопросъ и сразу выстроить все зданіе, у котораго нѣтъ еще и фундамента. Мнѣ хочется на нѣсколькихъ примѣрахъ показать, что могло бы быть сдѣлано, и разсказать, иногда по необходимости безъ приведенія доказательствъ, часть того, къ чему привела меня теперь уже многолѣтняя работа надъ сырымъ и труднымъ матеріаломъ.

I.

Первымъ результатомъ, къ которому приводитъ изученіе наиболѣе богатыхъ курганныхъ погребеній юга Россіи, это однородность царившей на всемъ нашемъ Югѣ матеріальной и художественной культуры, однородность одновременныхъ группъ этой культуры. Второй не менѣе важный результатъ это тотъ, что наиболѣе пышный расцвѣтъ этой культуры падаетъ на три эпохи: эпоху архаическую въ Кубанскихъ степяхъ и въ Ольвіи, эпоху ранняго эллинизма—второй половины IV и III вѣка до Р. Хр.—

по всему сѣверному побережью Черноморья и прилегающихъ степей, эпоху ранняго римскаго императорскаго времени (I—II в. по Р. Хр.) на Кавказѣ, въ Боспорскомъ царствѣ и отчасти въ Ольвіи и Херсонесѣ. На этихъ эпохахъ сосредоточивается огромное большинство наиболѣе богатыхъ и характерныхъ погребеній какъ въ окрестностяхъ городовъ, такъ и въ безбрежныхъ степяхъ нашего Юга.

Не останавливаясь на архаической эпохѣ, скажу нѣсколько словъ о времени наиболѣе блестящаго расцвѣта, о IV—III вв. до Р. Хр. и о I—III вв. по Р. Хр.

Побудемъ нѣкоторое время въ окрестностяхъ наиболѣе крупнаго центра античной культуры того времени, въ ближайшихъ окрестностяхъ столицы боспорскаго царства—Пантикапея.

Всѣмъ русскимъ людямъ должны были бы быть извѣстны тѣ поразительные памятники гробничной архитектуры, которые скрываютъ въ себѣ наиболѣе крупные и важные курганы окрестностей Керчи. До самаго недавняго времени можно было любоваться могучимъ куполомъ варварски разрушеннаго склепа золотого кургана и таинственнымъ, ведшимъ въ него корридоромъ. Еще сейчасъ можно посѣтить богатѣйшій теперь эпиграфическій музей Россіи въ двухъ курганахъ окрестностей Керчи—Царскомъ и Мелекъ-Чесменскомъ.

Плавно подымаются здѣсь надъ зрителемъ гигантскіе уступы потолка дромоса этихъ могучихъ склеповъ и далеко вглубь и вверхъ уходятъ концентрическіе каменные уступы погребальной комнаты второго и рѣзкіе ребра уступчатаго квадратнаго покрытія перваго.

Мало кто знаетъ даже изъ тѣхъ, кому знакомы эти памятники, что такихъ склеповъ открыто было въ курганахъ около Керчи десятки съ тѣми же уступчатыми или стрѣльчатыми корридорами и богатыми погребальными комнатами часто съ полуцилиндрическими покрытіями. Еще меньше тѣхъ, которымъ извѣстно, что во многихъ изъ этихъ, въ большинствѣ варварски разрушенныхъ, памятниковъ найдены были въ свое время лучшіе перлы Эрмитажа: роскошные золотые уборы, сосуды и оружіе, великолѣпныя пурпуровыя ткани, изящныя и богатыя глиняныя вазы съ обильной позолотой, съ нѣжными фигурами эротовъ и женщинъ, занятыхъ своимъ туалетомъ, съ величавыми сценами изъ жизни греческаго міра боговъ и особенно изъ круга мистической тріады Элевзина, и, наконецъ, единственные въ своемъ родѣ расписные и золоченые токарные и рѣзные саркофаги—чудеса токарной техники и столярнаго искусства.

Но еще болѣе неожиданнымъ покажется тѣмъ немногимъ, кто это знаетъ, тотъ разительный фактъ, что эти десятки склеповъ выросли одинъ за другимъ въ короткій промежутокъ времени,—между второй половиной IV вѣка и второй же половиной III в. до Р. Хр.

Этого мало. Перенесемся на Тамань. Могучими конусами высились здѣсь когда-то двѣ Близницы, два кургана; роскошные уступчатые богато расписанные склепы хранили они въ своихъ теперь изрѣзанныхъ заступомъ и киркой нѣдрахъ. Рядомъ, на высокомъ кряжѣ Васюринской горы, стоятъ и сейчасъ конусы цѣпи кургановъ, доминирующихъ надъ всѣмъ Таманскимъ полуостровомъ; и въ нихъ найденъ былъ рядъ склеповъ съ полуцилиндрическимъ покрытіемъ, съ богатой архитектурой входа, одинъ—съ богатой росписью внутри. Ряды кургановъ разсыпаны также по всему побережью Тамани,—отъ Тузлы до Сѣнной,—и во многихъ изъ нихъ открыты были такіе же монументальные склепы. Здѣсь тоже число ихъ насчитывается десятками. И опять-таки все найденное въ нѣкоторыхъ изъ нихъ богатство точно датируется тѣмъ же временемъ, тѣми же немногими десятилѣтіями. То же около Ольвіи, нынѣшней Анапы древней Горгиппіи, и то же, съ нѣкоторыми модификаціями, около древняго Танаиса.

Мы стоимъ передъ фактомъ необычайной важности. Еще рельефнѣе станетъ онъ, если мы вспомнимъ, что въ эти же десятки лѣтъ погребены были тѣ сильные и богатые люди, что лежатъ подъ большинствомъ могучихъ кургановъ Кубани (Карагодеуашхъ), степей Тавриды (Сѣрогозы), Приднѣпровья и Прибужья (Чертомлыцкій, Александропольскій и друг. курганы). Потоками нахлынуло въ это время богатство въ наши степи, на берега Понта, высоки были культурные запросы первыхъ людей того времени, могучи и богаты были верхи тогдашняго общества. Гдѣ причина этому, откуда этотъ расцвѣтъ?

Но посмотримъ раньше, что это былъ за расцвѣтъ, откуда и каковъ характеръ вкусовъ, характеръ культуры.

На три группы распадаются эти одновременныя погребенія. Одна съ сравнительно простымъ обрядомъ погребенія и съ чисто греческими вещами классическаго стиля, другая съ болѣе сложнымъ обрядомъ и съ вещами частью греческими, частью полугреческаго характера, и третья съ сложнымъ обрядомъ и большинствомъ вещей того загадочнаго оріентализирующаго и архаизирующаго типа, который зовутъ типомъ скиѳскимъ. Чѣмъ дальше отъ города, тѣмъ ярче смѣна. Не стану характеризовать обрядъ погребенія всѣхъ трехъ типовъ; остановлюсь на вто-

ромъ, среднемъ, гдѣ на базѣ перваго типа наслоились элементы третьяго.

Возьмемъ погребенія Васюринской горы съ ихъ роскошными каменными склепами, которыхъ нѣтъ уже въ степныхъ погребеніяхъ третьей категоріи. Широкая лѣстница спускается къ колоннамъ [1]) передъ входомъ въ корридоръ склепа, къ пропилеямъ его. По обѣ стороны ея каменные ящики, въ которыхъ погребена была четверка лошадей и остатки колесницы. У входа въ склепъ принесена была въ жертву привязанная къ стѣнѣ на цѣпочкѣ собака. Широкое дверное отверстіе ведетъ въ просто, но изящно, на греческій ладъ, расписанный корридоръ; изъ него другая—въ богато расписанный склепъ. Здѣсь посрединѣ высится богатѣйшій рѣзной саркофагъ, покрытый пурпуровымъ пологомъ; надъ нимъ живописью брошенъ на сводъ голубой коверъ съ богатымъ бордюромъ. По стѣнамъ въ моментъ погребенія горѣли цвѣтныя свѣчи, на крюкахъ развѣшаны были между свѣчами одежда и вооруженіе покойника. Передъ гробомъ два мраморныхъ стола,—побольше и поменьше, — на нихъ десятки бронзовыхъ золоченыхъ сосудовъ. На полу большія чернолаковыя вазы съ богатой позолотой. Кромѣ самого склепа, въ цѣломъ рядѣ кургановъ указаннаго времени и типа находилось еще мѣсто, на которомъ сожжена была часть утвари и обстановки, сопровождавшей покойника, а также площадка, обнесенная сырцовой стѣной, гдѣ возвышался надъ жертвенной ямой алтарь для кровавыхъ возліяній.

Всѣ эти находки позволяютъ возстановить обрядъ погребенія полностью. Изъ города къ далекому хребту горы, гдѣ выстроена была усыпальница, двигается траурный кортежъ. Четверка лошадей везетъ траурный катафалкъ, на которомъ стоитъ покрытый роскошнымъ покрываломъ саркофагъ или погребальное ложе, кругомъ лежитъ оружіе, брошена одежда покойника. Въ кортежѣ несутъ роскошные сосуды, идутъ музыканты, плакальщики и плакальщицы. Ведутъ любимаго коня.

У могилы приносятъ въ жертву надъ алтаремъ жертвенныхъ животныхъ, вѣроятно, уже послѣ окончанія церемоніи, передъ тризной, для которой варятъ мясо жертвенныхъ животныхъ въ огромныхъ мѣдныхъ каганахъ, которые тутъ же и бросаются. Остатки тризны сжигаются, и вмѣстѣ съ ними бросаются въ огонь и разбиваются сосуды, драгоцѣнныя вещи, монеты, остатки ложа,

---

[1]) Имѣется только въ одномъ изъ склеповъ Васюринской горы. Въ своемъ описаніи я даю не характеристику какого-нибудь опредѣленнаго погребенія, а характеристику типа богатаго погребенія этого времени вообще, соединяя въ одно черты различныхъ модификацій одного типа.

на которомъ былъ поставленъ покойникъ и на которомъ его, можетъ быть, везли къ мѣсту послѣдняго упокоенія. До похоронъ, вѣроятно, убивали лошадей и собаку, а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ можетъ быть, и жену, и раба покойнаго (Куль-Оба).

Въ приведенной реконструкціи насъ интересуетъ не столько внѣшность обряда, сколько несомнѣнная его сложность, пестрота и архаичность. Есть здѣсь и греческіе элементы, но не эпохи классической Греціи, а старой Греціи, геройской,—Греціи эгейской и микенской: къ этому я отношу и постоянство обряда погребенія, а не сожженія, и богатство погребальной обстановки, обиліе золота, появленіе въ нѣкоторыхъ гробницахъ золотой маски покойника, кровавое жертвоприношеніе надъ жертвенной ямой, принесеніе въ жертву собаки и коня, вѣрныхъ спутниковъ покойнаго, и, наконецъ, самую форму погребальнаго склепа, сильно напоминающаго микенскіе.

Всѣ эти элементы сохранились, какъ намъ это отчасти извѣстно, въ Іонійской М. Азіи, если не въ большихъ городахъ побережья, то въ болѣе архаичныхъ поселеніяхъ центра страны и на ея периферіяхъ, могли сохраниться они и на Боспорѣ, гдѣ выселенцы-іоняне изъ М. Азіи, очевидно, строго охраняли старую традицію своей родины.

Все въ обрядѣ, однако, этими іоническими элементами не покрывается. Если погребальный катафалкъ и могъ удержаться въ М. Азіи,—а объ этомъ говоритъ намъ перевозъ тѣла Александра въ Мемфисъ,—то нигдѣ въ эллинизованномъ мірѣ не слышимъ мы о жертвоприношеніи и могилахъ ряда лошадей, о принесеніи въ жертву людей и, можетъ быть, о нѣкоторыхъ другихъ чертахъ обряда.

Откуда же это? Архаическія гробницы Кубанскихъ кургановъ даютъ намъ ясный отвѣтъ: въ оригиналѣ, въ первоначальныхъ формахъ мы находимъ и погребальную колесницу, и жертвоприношеніе ея лошадей, и людскія жертвы въ обычаяхъ старой Скиѳіи, удержавшихся вплоть до IV — II вв. до Р. Хр. и такъ рельефно описанныхъ Геродотомъ. И отсюда, можетъ быть, въ свое время, отъ этихъ полукультурныхъ жителей кибитокъ до и послѣ смерти, отъ этихъ смѣлыхъ наѣздниковъ, для которыхъ конь и собака были истинными друзьями, многое, можетъ быть, въ свое время перешло и въ обычаи іонической Греціи.

Присмотримся теперь къ вещамъ, погребеннымъ съ покойникомъ. И здѣсь, рядомъ съ греческимъ, аѳинскимъ и мало-азій-

скимъ импортомъ, приноровленнымъ къ вкусамъ окраины, мы имѣемъ нѣчто не чисто греческое, и не то, что мы привыкли называть варварскимъ. Мы имѣемъ какой-то особый стиль, какъ особымъ былъ и обрядъ погребенія. Этотъ стиль т. наз. скиѳскихъ вещей, это тѣ же пережитки, та-же архаика, какъ и обрядъ погребенія: въ немъ живетъ и эгейская старина, и греко-вост. искусство М. Азіи и Персіи, но все это уже въ пережиткахъ, въ условной схемѣ, въ подчасъ новой стилизаціи, создавшейся не безъ вліянія мѣстной среды и мѣстныхъ навыковъ.

Имѣются ли однако въ этомъ стилѣ,—который можно назвать и который зовутъ звѣринымъ на основаніи крупной роли, которую въ его орнаментовкѣ играютъ звѣриные мотивы,—элементы чисто мѣстные, вполнѣ независимые отъ Востока и Греціи? Это вопросъ, на который скорѣе всего можно дать отвѣтъ отрицательный. И тѣмъ не менѣе этотъ провинціальный стиль, зародившійся, вѣроятно, въ VII—VI вв. до Р. Хр., пустилъ въ области нынѣшней Россіи глубокіе корни, отразившись и на т. наз. сибирскихъ вещахъ, и на варварскихъ продуктахъ финновъ, перейдя черезъ посредство т. наз. романскаго стиля въ Европу, а черезъ посредство Византіи и Запада и въ русское искусство.

Къ какимъ же выводамъ привело насъ изслѣдованіе серій курганныхъ погребеній IV—II вв. до Р. Хр.?

Намъ стало яснымъ прежде всего, что въ основѣ культурной жизни жителей городовъ Боспорскаго царства лежитъ принесенная ими съ собою старая архаическая культура Іоніи съ цѣлымъ рядомъ еще болѣе архаическихъ пережитковъ, доводящихъ насъ до эгейскаго періода. Эта культура держится здѣсь цѣпко и не уступаетъ новымъ волнамъ культурнаго развитія, идущимъ изъ Греціи и гл. обр. М. Азіи. Вліяніе послѣдней становится особенно крупнымъ только тогда, когда сама она на зарѣ эллинизма вновь сильно оріентализируется, возвращаясь къ завѣтамъ старой Іоніи. Это оріентализирующее теченіе, продолжающееся и въ эпоху эллинизма, находитъ себѣ яркій откликъ особенно на периферіяхъ античнаго міра.

Приверженность къ архаическимъ устоямъ жизни объясняется во-первыхъ, тѣмъ, что на Боспорѣ соціальная и, какъ увидимъ ниже, государственная жизнь прочно сложились на архаическихъ іоническихъ базахъ. Объ этомъ краснорѣчиво говоритъ намъ та роль, которую играетъ высшая, богатая и могущественная знать, тѣ могучіе роды, которые очевидно были строителями великолѣпныхъ курганныхъ погребеній и только первымъ изъ которыхъ былъ родъ, ставившій архонта, царя или тиранна Боспора, какъ

его звали греки. Второе, чѣмъ объясняется указанное явленіе, это тотъ несомнѣнный по археологическимъ даннымъ фактъ, что аристократія Боспора,—т. е. руководящій классъ,—развивалась столько же въ общеніи со своей іонійской родиной, сколько и при непосредственной связи и взаимнопроникновеніи со слабо эллинизованными мѣстными скиѳскими и сарматскими элементами, часть руководящихъ родовъ которыхъ, при посредствѣ коммерческихъ и экономическихъ связей, перешла въ составъ боспорской аристократіи.

Оба выше намѣченные процесса находятъ себѣ полное подтвержденіе и въ тѣхъ скудныхъ литературныхъ данныхъ, которыя говорятъ намъ объ исторіи эллиновъ на Черномъ морѣ. Мы знаемъ, что эллинство издавна укрѣпилось на сѣв. побережьѣ Чернаго моря не столько на Боспорѣ, сколько на конечныхъ пунктахъ тѣхъ великихъ торговыхъ путей, которые перерѣзывали Сѣверъ и Востокъ: на великомъ пути отъ Балтики по Днѣпру и отъ Чернаго моря до Сибири и Индіи основалась Ольвія; на великомъ пути изъ Сибири же и на другомъ такомъ же пути изъ центральной Азіи—сѣв. и южныя греческія колоніи Кавказа. Рыба, скотъ и мѣха по первому пути; тѣ же продукты и золото по вторымъ создали благосостояніе этихъ старѣйшихъ греческихъ колоній. Черезъ нихъ начатки культуры перешли и къ мѣстному населенію, которое приняло интенсивное участіе въ обмѣнѣ.

Но грекъ никогда не былъ только торговцемъ и рыболовомъ,—онъ былъ прежде всего земледѣльцемъ. Рано поэтому начинаетъ онъ обрабатывать сосѣднюю со своими стѣнами территорію и открываетъ великую силу южно-русскаго чернозема. Роскошные урожаи не только обезпечиваютъ городамъ прокормленіе его жителей, они даютъ и излишекъ, который съ охотой берутъ купцы, пріѣзжающіе за рыбой и шкурами. Хлѣбъ, такимъ образомъ, входитъ въ число тѣхъ объектовъ обмѣна, которые даетъ Черноморье. Но трудно хозяйство въ открытыхъ степяхъ, трудно оградить себя отъ мѣстнаго населенія, трудно оградить свои поля отъ набѣговъ. Только когда сосѣди начинаютъ постигать великія выгоды землепашества и когда часть сосѣднихъ грекамъ племенъ постепенно переходитъ къ полуосѣдлому быту, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Геродотъ для окрестностей Ольвіи, лишь тогда на рынокъ поступаютъ не тысячи, а десятки и сотни тысячъ медимновъ хлѣба, лишь тогда черноморскій хлѣбъ выступаетъ на міровой рынокъ.

Позднѣе Ольвіи и кавказскихъ городовъ возникаютъ города по Азовскому морю, Дону и Керченскому проливу. Донской

торговый путь былъ всегда второстепеннымъ; но тѣмъ благопріятнѣе были условія развитія новыхъ городовъ. Прекрасныя гавани обезпечивали морскую торговлю, баснословное богатство рыбой и скотомъ давали великолѣпный матеріалъ для сбыта. Но этого мало. Самое расположеніе Боспорскаго царства, относительная изолированность Тамани и той части Крыма, что прилегаетъ къ Керчи, отъ сосѣднихъ степей, возможность во всякомъ случаѣ ихъ защищать при совмѣстномъ усиліи всѣхъ жителей,—позволили обитателямъ греческихъ городовъ мечтать о концентраціи, о созданіи большого государства, о созданіи крупныхъ территорій, эксплоатируемыхъ греками. А тутъ какъ разъ въ Греціи появляется все большій и большій спросъ на продукты Черноморья. Въ VI и особенно въ V в., послѣ персидскихъ войнъ, Греція пошла гигантскими шагами по пути своего городского развитія, по пути развитія торговаго и промышленнаго; она жаждала сырья для обработки, съ одной стороны и хлѣба для прокормленія рабочихъ и матросовъ, съ другой.

Этотъ подъемъ отразился на подъемѣ культурной жизни вездѣ: и въ Италіи, Сициліи, Галліи и Испаніи, и въ М. Азіи, и въ Египтѣ, и на нашемъ Черноморьѣ. Но М. Азія и Египетъ вскорѣ заперты были персами, греческіе города М. Азіи отрѣзаны отъ внутренней страны, а Египетъ вообще началъ хирѣть; тѣмъ больше запросовъ направлялось на Западъ и Востокъ. И тамъ, и здѣсь наблюдаемъ мы поэтому быстрѣйшее движеніе впередъ.

Естественно, что какъ разъ въ это время начинается подъемъ Боспора, и онъ, географически сконцентрированный, выступаетъ на міровомъ рынкѣ, какъ серьезный конкуррентъ Ольвіи. Его первой задачей теперь было развить свой хлѣбный экспортъ, для чего прежде всего нужны рабочія руки и большая территорія. Греческихъ жителей городовъ для этого было мало и греческое мелкое хозяйство для этого непригодно; нужны были крупныя капиталистическія предпріятія съ большимъ количествомъ дешевыхъ рабочихъ. И начинается процессъ созданія большого царства крупныхъ помѣщиковъ полуфеодаловъ, во главѣ которыхъ стоитъ главный военачальникъ-архонтъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ этотъ процессъ зовется завоеваніемъ сосѣднихъ племенъ. На дѣлѣ онъ сложнѣе. Конечно, греческая фаланга гоплитовъ, сначала гражданская, а затѣмъ наемная, сыграла огромную роль въ завоеваніи государства, въ его образованіи; но еще большую роль сыграло то, что сосѣднія, тяготѣвшія къ морю, племена вовлечены были въ обмѣнъ, въ міровую торговлю, какъ хлѣбные

производители, и что въ этомъ прежде всего была заинтересована аристократія каждаго племени, роды племенныхъ царьковъ, находившіе поддержку и защиту въ аристократіи Пантикапея, Фанагоріи, Горгиппіи и т. д.

Для своихъ цѣлей и задачъ эта аристократія прежде всего должна была создать одного главу государства, должна была создать монархическій строй сначала по образцу іонійской, карійской лидійской, ликійской тиранніи, затѣмъ по образцу эллинистической монархіи. Эта монархія должна была убить гражданское развитіе и сдѣлать городъ служебнымъ элементомъ. Такъ оно и было на Боспорѣ. О роли гражданства, о его суверенности не говорятъ намъ наши источники.

Съ другой стороны мѣстное населеніе, какъ и вездѣ, гдѣ совершаются подобные процессы, должно было потерять экономическую самостоятельность и превратиться въ крѣпостныхъ большихъ родовыхъ хозяйствъ, во главѣ которыхъ стоитъ знать греческая и мѣстная, стоятъ греческіе и мѣстные жрецы, и храмы. Что это было такъ на Боспорѣ, объ этомъ мы имѣемъ рядъ свѣдѣній: и указаніе на крупныя помѣщичьи хозяйства около Ѳеодосіи, и указаніе на пожалованія царями большихъ территорій пришлымъ грекамъ, и указанія на крѣпостныхъ частныхъ лицъ, становящихся крѣпостными храмовъ, и указанія на то, какъ,—обратно процессу, наблюдаемому въ М. Азіи,—храмы греческаго типа становятся храмами типа восточнаго, а греческіе боги сближаются съ мѣстнымъ персидско-вавилонскимъ Пантеономъ.

Примитивность этой соціальной и государственной рыцарски-феодальной организаціи увѣковѣчила на Боспорѣ и тотъ культурный архаизмъ, который адэкватенъ былъ этой ступени развитія въ Средиземноморьѣ, тотъ архаизмъ, который созданъ былъ когда-то рыцарскимъ и тиранническимъ укладомъ Іоніи, тѣмъ самымъ укладомъ, который когда-то отличалъ Этрурію и Самній, съ одной стороны, Ѳракію,—одновременную въ своемъ развитіи съ Боспоромъ, съ другой. Немудрено поэтому, что между Ѳракіей и Боспоромъ уже съ этого времени устанавливаются прочныя коммерческія и культурныя связи [1]).

[1]) Разительной противуположностью строю Боспора является строй сосѣдняго еще болѣе молодого дорійскаго (колонія Гераклеи) Херсонеса. Херсонесъ былъ и остался чисто греческимъ городомъ, на немъ не сказалась варваризація, какъ на Ольвіи и еще больше на Боспорѣ. Мѣстныя условія не позволяли ему развиться въ центръ крупнаго хлѣбнаго производства и экспорта. Но общій подъемъ сказывается и на немъ, и причина его лежитъ въ блестящемъ расцвѣтѣ торговой Ольвіи и, главнымъ образомъ, помѣщичьяго Боспора, производившихъ массами хлѣбъ, но не производившихъ вина. На виноградной культурѣ сосредоточились херсонеситы

Наибольшаго расцвѣта достигъ этотъ строй и вообще все Боспорское царство въ тотъ моментъ развитія Греціи, когда Боспоръ и Черноморье оказались почти безъ конкуррентовъ въ міровой торговлѣ хлѣбомъ. Это были смутныя времена, главнымъ образомъ, во второй половинѣ IV в. до Р. Хр., даже въ теченіе всего IV в. Греція въ это время достигла апогея своего культурнаго и экономическаго развитія. Ростъ населенія и промышленности требовалъ массы сырыхъ продуктовъ и прежде всего хлѣба. Между тѣмъ продуктивность самой Греціи подъ вліяніемъ безконечныхъ войнъ, начиная съ Пелопонесской, пала, а внѣшніе рынки закрывались одинъ за другимъ. На западѣ хирѣла Сицилія подъ напоромъ Карѳагена; въ Италіи шла борьба не на жизнь, а на смерть съ самнитами, и затѣмъ наступаетъ процессъ поглощенія Италіи Римомъ; въ М. Азіи греческіе города захирѣли и рады были вновь вернуться подъ высокую руку персовъ. Немудрено, что главное русло торговли натуральными продуктами и спеціально хлѣбомъ пошло по направленію къ Черноморью, и—что въ этомъ положеніи находилось дѣло вплоть до полной консолидаціи великихъ эллинистическихъ государствъ.

Спросъ достигъ такимъ образомъ высшаго размѣра, огромныя богатства хлынули и на Боспоръ, и въ Ольвію, и въ Херсонесъ, а черезъ нихъ въ море тавровъ, сарматовъ, скиѳовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ анархія и возрастаніе населенія въ Греціи мобилизовали тамъ огромную бродячую армію condottieri, готовыхъ служить тѣмъ, кто больше платитъ. За деньги можно было купить военный аппаратъ, технически совершеннѣйшій въ мірѣ, которому не могли противостать слабо вооруженныя племена скиѳовъ и сарматовъ. Опираясь на это наемное войско, Боспоръ могъ продолжать свою политику расширенія и подчиненія сосѣднихъ пле-

---

и ближайшую свою территорію превратили въ рядъ мелкихъ прочно защищенныхъ крѣпкими стѣнами отъ варварскихъ набѣговъ виноградниковъ. Раскопки полк. Печенкина въ окрестностяхъ Херсонеса, рѣшивъ вопросъ о такъ называемомъ старомъ Херсонесѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ выяснили систему земельнаго уклада и аграрнаго быта херсонеситовъ. Одинъ къ другому въ окрестностяхъ Херсонеса верстъ на 15 вглубь страны тѣснятся огороженные участки; ихъ перерѣзываютъ укрѣпленныя, охваченныя двумя стѣнами дороги; въ центрѣ каждаго участка простой мужицкій домъ. Гдѣ только можно, группами въ нѣсколько сотъ участковъ, эти херсонесскія аграрно-военныя поселенія огораживаются отъ степи, отъ моря и до моря, стѣнами; большая стѣна того же типа отгораживала и всю территорію. Характеренъ этотъ мужицкій виноградарскій укладъ жизни греческой πόλις; въ сравненіи съ іонійско-персидскимъ рыцарски-феодальнымъ укладомъ Боспора. Поучительно и то, что ничего подобнаго описаннымъ дѣлянкамъ Херсонеса ни въ окрестностяхъ боспорскихъ городовъ, ни въ окрестностяхъ Ольвіи не имѣется. Валами начинаетъ защищать Пантикапей свою территорію, какъ увидимъ ниже, значительно позже. Интересно, что время апогея Херсонеса все тотъ же IV в. до Р. Хр. и длится этотъ апогей лишь до II в. до Р. Хр.

менъ, политику умноженія городскихъ центровъ, политику расширенія земельно-капиталистическаго хозяйства. Какъ разъ въ это время и выросли всѣ тѣ наполненные золотомъ склепы на Боспорѣ и далеко за его предѣлами, которые явились для насъ краснорѣчивыми свидѣтелями былого блеска Боспора.

Но времена измѣнялись. Эллинизмъ высосалъ всѣ соки изъ Греціи и перебросилъ жизнь на Востокъ и Западъ. Сырые продукты свои эллинистическія государства перерабатывали сами, а промышленность Греціи, какъ и ея населеніе пали. Наемные солдаты стали дороги и рѣдки и набирались изъ варваровъ. Рядомъ съ этимъ такъ наз. варварскія племена и въ Крыму, и въ степяхъ, и на Кавказѣ сложились въ прочныя государственныя образованія со своими городами и съ концентраціей власти. Начались смуты и броженія и въ самихъ греческихъ центрахъ. Жизнь стала падать на Черноморьи, а тутъ еще началось и новое, на время только задержанное или отклоненное, движеніе и передвиженіе отдѣльныхъ племенъ въ южно-русской степи. Жить становилось трудно, и жизнь стала угасать. Погибъ крайній пунктъ эллинизма, Танаисъ, еле держалась Ольвія, прошелъ расцвѣтъ Горгиппіи, колебались стѣны Херсонеса.

Новая эра наступила только въ концѣ I в. до Р. Хр. съ основаніемъ великаго понтійскаго царства Митридата, а затѣмъ съ раствореніемъ его въ Римской имперіи.

II.

Понтійское царство Митридата не было прочнымъ политическимъ образованіемъ и въ культурную жизнь Черноморья новыхъ элементовъ развитія не внесло. Большое историческое его значеніе лежитъ въ томъ, что оно вынудило Римъ включить въ сферу своихъ интересовъ весь бассейнъ Чернаго моря, включая и его сѣверное и восточное побережье.

И здѣсь Римъ взялъ на себя задачу охранителя греческой культуры и греческаго городского строя, задачу продолжателя дѣла великихъ эллинистическихъ царей Ѳракіи и Македоніи. Благодаря Риму греки не только удержались на побережьи Чернаго моря, но пережили новый блестящій расцвѣтъ. Характерно, однако, насколько Римъ считается съ особенностями мѣстной жизни и мѣстнаго уклада. Если города Кавказа онъ превращаетъ въ рядъ военныхъ лагерей,—цѣпь укрѣпленій охраняющихъ берегъ, если въ Херсонесѣ и Ольвіи, городскихъ цен-

трахъ по преимуществу, греческая городская жизнь тщательно защищается римскими гарнизонами, причемъ города эти по существу дѣлаются одними изъ многихъ провинціальныхъ муниципіевъ Рима — правда, съ нѣкоторыми, но не принципіальными особенностями, то Боспоръ трактуется совершенно иначе. Онъ трактуется такъ, какъ трактовали Римляне государства, жившія внѣ греческой городской организаціи, въ условіяхъ полуфеодальной персидскаго типа монархіи, такъ, какъ они смотрѣли на царства Дейотора и Аминты въ М. Азіи, на царства Каппадокійское и Коммагенское, наконецъ, на царства Армянское и отчасти Парѳянское.

Надо отмѣтить, кромѣ того, что боспорское царство было, рядомъ съ Арменіей и кавказскими царствами,—гл. обр. Иберіей и Албаніей единственнымъ изъ вассальныхъ Риму царствъ, въ которыхъ вассальное царство не смѣнялось постепенно строемъ римской провинціи, разбитой на городскія территоріи; причемъ въ этомъ отношеніи Боспоръ стоитъ въ условіяхъ, можетъ быть, даже болѣе благопріятныхъ, чѣмъ Аршакидская Арменія, въ которой городской строй одно время почти побѣдилъ полу-феодальную монархію. Только однажды Римъ помышлялъ объ аннексіи Боспора—въ эпоху Клавдія и Нерона; но послѣ Флавіевъ мысль эта была оставлена, и Боспоръ продолжалъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ—охраняемымъ римскимъ войскомъ, но внутренне самостоятельнымъ царствомъ, въ центрѣ котораго, Пантикапеѣ, постояннаго римскаго гарнизона не было. Характерно и то, что, если Римъ при Августѣ и его ближайшихъ преемникахъ играетъ съ Боспоромъ и его династіей, какъ съ одною изъ многочисленныхъ пѣшекъ провинціальнаго управленія, мѣняя царей и династіи, то и эта политика потомъ прекращается, и на престолѣ Боспора окончательно осѣдаетъ полуѳракійская, полу-мѣстная династія, все болѣе и болѣе самостоятельныхъ царей. Объяснить такую политику Рима можно только тѣмъ, что условія жизни Боспора въ соціальномъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ не допускали аннексіи и связаннаго съ нею перехода къ греческой городской жизни, требовали строя монархическаго на адэкватныхъ ему культурныхъ, соціальныхъ и экономическихъ началахъ. Каковы же были эти условія и каковъ былъ укладъ жизни Боспора и его окрестностей въ римское время? Отвѣтъ на это даютъ намъ опять-таки не писатели, а либо памятники эпиграфическіе и монеты, въ еще большей мѣрѣ могилы и курганы Пантикапея римскаго времени.

Прежде всего мы должны констатировать, что въ римское

время гробницы говорятъ намъ о новомъ могучемъ подъемѣ благосостоянія, о новомъ экономическомъ расцвѣтѣ. Характерно, однако, что этотъ расцвѣтъ теперь ограниченъ гораздо болѣе узкимъ пространствомъ, чѣмъ въ IV-III в.в. до Р. Хр. Если Пантикапей окруженъ, какъ и раньше, сѣтью кургановъ съ монументальными склепами этого времени, если рядомъ съ этимъ склоны горы Митридата изрѣзаны сотнями вырѣзанныхъ въ скалѣ частью богатѣйшихъ склеповъ, то почти ничего подобнаго этой роскоши и богатству нѣтъ ни въ окрестностяхъ Фанагоріи, ни около Горгиппіи, ни даже въ окрестностяхъ новаго возродившагося Танаиса. Нѣтъ слѣдовъ богатыхъ погребеній и въ южно-русскихъ степяхъ; исчезли полные золотомъ склепы, съ десятками закланныхъ лошадей, съ разломанными колесницами и катафалками. Только кавказское побережье и кавказскія царства даютъ еще роскошныя погребенія прежняго типа и рядъ великолѣпныхъ золотыхъ вещей, приспособленныхъ къ мѣстнымъ полуварварскимъ вкусамъ жителей кавказскихъ царствъ. Нельзя, однако, сказать, чтобы жизнь въ мелкихъ городахъ Боспорскаго царства умерла; тамъ продолжаютъ жить и торговать, но, очевидно, діапазонъ жизни понизился въ зависимости отъ прекращенія начавшейся было ассимиляціи сосѣднихъ племенъ, переставашихъ быть кочевыми. Это вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, что мы знаемъ о жизни нашихъ степей въ это время. Новыя и новыя надвигающіяся племена не даютъ консолидироваться зарождающимся здѣсь политическимъ и экономическимъ организаціямъ, не даютъ при широкомъ спросѣ обезпечить постоянное и прочное предложеніе.

Съ одной стороны эта постоянная смѣна выгодна для Пантикапея, не допуская созданія большихъ степныхъ царствъ, начавшихъ было развиваться въ III в. до Р. Хр., съ другой, однако, широкія степи Юга почти перестали имѣть земледѣльческіе центры и продуцировать хлѣбъ для экспорта. Интенсивная экономическая жизнь должна была, такимъ образомъ, сконцентрироваться около Пантикапея; тамъ былъ, очевидно, теперь главный пунктъ не только политической, но и экономической жизни.

Но откуда шло благосостояніе Боспора и Пантикапея? Отвѣтъ на это даютъ нѣкоторыя наблюденія. Во-первыхъ, вновь слышимъ мы о хлѣбномъ экспортѣ въ обширныхъ размѣрахъ, экспортѣ, доходящемъ до Египта и направленномъ, очевидно, главнымъ образомъ въ Грецію. Во-вторыхъ, мы имѣемъ явные слѣды того, что хлѣбъ этотъ не только скупается торговцами Танаиса у сосѣдей, но главнымъ образомъ добывается въ сосѣднихъ съ Пантикапеемъ степяхъ. Не даромъ же три вала одинъ

за другимъ охватываютъ территорію города, обезпечивая возможность хозяйства на десяткахъ тысячъ черноземныхъ десятинъ. Къ сожалѣнію, эти любопытнѣйшія сооруженія до сихъ поръ не изслѣдованы, и мы не можемъ отвѣтить на вопросъ о томъ, когда и въ какой послѣдовательности эти валы возникли, какъ и кѣмъ они охранялись. За этими валами, очевидно, шла интенсивная земледѣльческая работа; здѣсь росъ тотъ хлѣбъ, который нагружали на свои корабли мѣстные и пріѣзжіе торговцы.

Если такимъ образомъ главная причина благосостоянія Боспора для насъ болѣе или менѣе ясна, то не менѣе ясны для насъ тѣ соціальныя и экономическія условія, въ которыхъ проходила жизнь страны, условія, вызвавшія ту особую трактовку Боспора со стороны Рима, о которой мы только что говорили. Намъ важно было бы знать не только то, что боспорская монархія была вассальна Риму, но и то, какова она была по существу и каковы были ея базы.

Уже то обстоятельство, что около Пантикапея въ I—II в.в. по Р. Хр. вновь выростаютъ курганы съ монументальными погребеніями, какъ въ былое время, показываетъ, что высшій слой общества въ Пантикапеѣ вновь оперился, вновь расцвѣлъ, сохранивши при этомъ въ неприкосновенности свой старый укладъ и свои старые навыки. Дѣйствительно, насколько можно судить, обрядъ погребенія сохранился старый, тотъ же, что и въ IV—III в. до Р.-Хр. Тѣ же курганы, тѣ же склепы, то же трупогребеніе, то же погребеніе, если не лошадей, то ихъ убора, тѣ же саркофаги, тѣ же катафалки, можетъ быть, даже тѣ же жертвенныя ямы, тотъ же, наконецъ, общій родовой или семейный укладъ погребенія, который такъ характеренъ былъ и для IV—III в.в. до Р. Хр. Это сохраненіе героическаго уклада, или лучше—его воскресеніе, уже само по себѣ краснорѣчиво говоритъ за то, что сохранился или вновь окрѣпъ и родовой помѣщичій бытъ стараго времени. Но о томъ же краснорѣчиво говорятъ намъ и другія данныя.

Если стѣны гробницъ перваго періода украшались въ стилѣ ранняго эллинизма, въ богатомъ орнаментальномъ стилѣ, подражавшемъ облицованнымъ мраморомъ постройкамъ, почти безъ фигуръ, то тѣмъ богаче фигурными сюжетами росписи гробницъ римскаго времени. То же надо сказать и о надгробныхъ памятникахъ. Эти росписи говорятъ намъ, главнымъ образомъ, о вѣрованіяхъ пантикапейцевъ, о ихъ исключительно сильной вѣрѣ въ загробную жизнь; въ этой области онѣ свидѣтельствуютъ частью о проникновеніи ихъ мистикой элевзинскихъ таинствъ; частью,

о переживаніяхъ въ ихъ средѣ героическихъ представленій, перенесенныхъ и въ загробную жизнь. Рядомъ съ богами элевзинскаго круга, сценами похищенія Коры, поисковъ Деметры, рядомъ съ изображеніями мистически-просвѣтленныхъ и обожествленныхъ покойниковъ мы имѣемъ шаблонныя сцены изъ области представленій о покойникѣ, какъ о героѣ: и сцену трапезы, и сцену выѣзда, и сцены боя, и сцены охоты. Все это трактуется въ духѣ того же стараго іонизма, его уклада и его привычекъ. Но на базѣ эллинизма іонизмъ не довольствовался архаически-условными схемами; эти схемы онъ пытается оживить, внести въ нихъ реализмъ повседневной жизни, реализмъ бытовой и этнографическій. Подъ этими вліяніями шаблонныя сцены на стѣнахъ керченскихъ гробницъ превращаются иногда въ реалистическія бытовыя изображенія, дающія драгоцѣнный матеріалъ для знакомства съ реальными условіями быта и строя керчанъ. И характерно, что тамъ, гдѣ это наблюдается, мы имѣемъ два типическія для эллинизма теченія: либо идиллическое; либо героическое; или мягкую сценку мирной семейной жизни, или грозный эпизодъ боя не на жизнь, а на смерть.

Присмотримся къ этимъ сценамъ. Въ сценахъ идиллическихъ передъ нами деревенская жизнь погребеннаго; но это не деревня грека, не деревня клеруха или георга-виноградаря и садовника греческихъ городовъ (напр. Херсонеса IV—III в. до Р. Хр.). Передъ нами земледѣлецъ и коневодъ степного типа, конный помѣщикъ и воитель, съ оружіемъ въ рукахъ охраняющій свои табуны и, вѣроятно, свои запашки. Живетъ онъ въ степи въ кибиткѣ или юртѣ, очевидно не весь годъ, а только въ хозяйственный сезонъ; въ юртѣ съ нимъ въ это время и вся семья,—жена и дѣти, рабы и оруженосцы, всегда сопровождающіе своего коннаго хозяина.

Но не одна идиллія и мирный сельскій трудъ ждутъ керченскаго рыцаря въ степи. Съ оружіемъ въ рукахъ, во главѣ своей дружины, приходится ему отстаивать свою юрту и своихъ коней противъ набѣговъ конныхъ и пѣшихъ степняковъ и горцевъ. Эта послѣдняя черта особенно характерна. Передъ нами настоящій рыцарь-феодалъ со своимъ личнымъ войскомъ коннымъ и пѣшимъ, отстаивающій на собственный страхъ свое достояніе,—тотъ типъ и то образованіе, которые значительно позже сдѣлаются характерными и для уклада жизни всей римской имперіи, постепенно оріентализованной. Передъ нами притомъ опять-таки не грекъ, а такой же полуварваръ, какъ и его дружина. Какъ и послѣдняя, онъ одѣтъ въ штаны и сапоги, а не въ сандаліи;

его рукавчатый, въ основѣ греческій, хитонъ укороченъ и превратился въ рубашку; гиматій одѣтъ и закрѣпленъ не на греческій ладъ. И оружіе у него сарматское: на головѣ коническій рѣшетчатый шлемъ, длинный сарматскій панцырь на тѣлѣ, въ рукахъ рыцарское копье, огромное и тяжелое, и мѣстный, такъ наз. скиѳскій лукъ, на боку длинный мечъ и на ляшкѣ короткій кинжалъ.

Ясно, такимъ образомъ, что помѣщичій укладъ остался типиченъ для Пантикапея; осталось типичнымъ и сліяніе съ мѣстнымъ населеніемъ, въ результатѣ чего шла интенсивная сарматизація населенія, хотя и говорившаго по-гречески, но становившагося все менѣе и менѣе греческимъ. Притокъ свѣжихъ греческихъ силъ въ Боспоръ этого времени, очевидно, прекратился; Греція сама захирѣла и не въ силахъ была питать своихъ старыхъ колоній. Притокъ давали не греки, а отчасти м. азійскіе сосѣди, главнымъ же образомъ, старые сосѣди и подданные Боспора— сарматскія племена. Они же подъ командой боспорскихъ рыцарей защищали государство; частью отражали они мелкіе набѣги, частью подъ руководствомъ царя бились въ регулярныхъ битвахъ и походахъ, частью служили въ римскихъ войскахъ, какъ союзные вспомогательные отряды.

Какъ организовано было это царское войско Боспора, мы въ точности не знаемъ; но знаемъ одно: большинство горожанъ было помѣщиками; какъ помѣщики, они имѣли свою, большую ли, маленькую ли, дружину и съ этой дружиной являлись, очевидно, на зовъ царя. Врядъ ли дружинники помѣщика были его наемниками; гораздо вѣроятнѣе, что передъ нами крѣпостные колоны, столь типичные для всего феодальнаго Востока, тѣ колоны, которыхъ одинъ фанагоріецъ даритъ мѣстной богинѣ Афродитѣ-Ураніи вмѣстѣ съ землей. Дальнѣйшія свѣдѣнія даютъ намъ тѣ же надписи, монеты и утварь, находимыя въ гробницахъ.

На помѣщичьей знати базировалось все государство. Изъ ея рядовъ выходила вся администрація царя, его ближайшіе помощники, составлявшіе его «дворъ», который мы застаемъ въ одной надписи объединенныхъ въ сакральную коллегію «аристопилитовъ».

Самъ царь, стоящій во главѣ государства, испытываетъ на нашихъ глазахъ чрезвычайно характерную эволюцію. Если въ первомъ вѣкѣ по Р. Хр. онъ подчеркиваетъ въ своей власти, на своихъ монетахъ, главнымъ образомъ, ея характеръ жалованный, вассальный, то, чѣмъ дальше, тѣмъ больше выдвигается рядомъ съ этимъ элементомъ новый мѣстный элементъ. Какъ въ IV—III в.

до Р. Хр. цари отдѣльныхъ скиѳскихъ племенъ подъ сильнымъ, несомнѣнно, иранскимъ вліяніемъ, подчеркиваютъ на изготовляемыхъ для нихъ іоническими греками памятникахъ, самостоятельность своей власти, даруемой имъ непосредственно въ видѣ эмблемъ этой власти,—скипетра и ритона, — богомъ, такимъ же коннымъ, какъ и самъ царь, или торжественно сидящей на тронѣ богиней, такъ и боспорскіе цари II—III в. по Р. Хр. воспринимаютъ всецѣло и въ тѣхъ же формахъ ту же традицію, воспроизводя сцену пожалованія и на монетахъ своихъ, и на погребальныхъ своихъ золотыхъ вѣнцахъ.

Не случайно, что та же сцена повторяется во всѣхъ ея деталяхъ на рельефахъ сасанидской Персіи, гдѣ указанное воззрѣніе является исконнымъ; не случайно это и въ высшей степени характерно. На Боспорѣ, очевидно, какъ и въ Персіи, Арменіи, Грузіи, мы имѣемъ передъ собою типичное иранское царство, сравнительно слабо эллинизованное и все болѣе и болѣе возвращающееся отъ первоначальныхъ формъ греческой тиранніи и эллинистической монархіи къ формамъ иранской феодальной монархіи божьей милостью, на базѣ земледѣльческаго помѣщичьяго уклада. Понятно, что при такомъ ходѣ эволюціи, обратной чѣмъ та, которая наблюдается въ большинствѣ римскихъ провинцій, Риму нечего было и думать о подведеніи Боспора подъ шаблонъ римскаго провинціальнаго управленія.

Характерная, постепенная иранизація Боспора сказывается и на его религіи, и на его культурѣ. Какъ разъ во II в. по Р. Хр. на монетахъ Боспора появляются солнечные боги, правда, въ греческихъ образахъ, но съ явно мѣстнымъ характеромъ: верховный богъ и верховная богиня, тѣ самые, которые завоевываютъ и значительную часть умовъ жителей римской имперіи, создавая извѣстный солярный монотеизмъ III в. по Р. Хр.

Еще любопытнѣе то, что эти солярные греческіе мѣстные боги подвергаются сильнѣйшему монотеистическому вліянію главнымъ образомъ со стороны іудейства и, можетъ быть, даже христіанства. Численная еврейская колонія въ Пантикапеѣ, Горгиппіи и Танаисѣ слилась съ одной стороны съ мѣстнымъ населеніемъ, отожествивъ своего высшаго бога съ ѳракійскимъ и м. аз. Сабазіемъ, который въ свою очередь, какъ солнечный богъ, связался съ мѣстными солярными богами, и повліяла, съ другой стороны, на монотеизацію самого культа Сабазія, чѣмъ расчищена была почва для ранняго принятія христіанства.

Въ области культурной мы имѣемъ почти тотъ же процессъ. Мы присутствуемъ при возрожденіи архаическаго звѣринаго стиля,

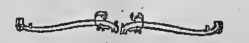
выростающаго на базѣ нѣкоторыхъ элементовъ такъ назыв. доисторической культуры поздняго La Tène, возрожденіи тѣмъ болѣе интересномъ, что отсюда новый стиль, который мы привыкли называть готскимъ или лангобардскимъ, широкой волной разлился по всей Западной Европѣ.

Но за расцвѣтомъ I—II в. по Р. Хр. при этихъ условіяхъ быстро, разительно быстро наступаетъ глубокій упадокъ. Слабая культура Боспора не выдерживаетъ все болѣе интенсивной сарматизаціи, и мѣстная культурная жизнь въ ея проявленіяхъ сближается въ значительной степени съ доисторическимъ примитивнымъ укладомъ сосѣднихъ кочевыхъ племенъ. Стоитъ взглянуть на монеты III—IV вв. по Р. Хр. Приличная по концепціи греческая фигура Афродиты-Ураніи со скипетромъ и державой и подчасъ недурная портретная голова царя противъ головы богини въ два-три десятилѣтія превращаются въ подобія головъ и фигуръ, а затѣмъ и въ чисто геометрическія дѣтскія ихъ изображенія при посредствѣ прямыхъ линій, пересѣкающихся подъ прямыми углами.

При такихъ условіяхъ Пантикапей утерялъ окончательно свою роль оплота греческой культуры на нашемъ Югѣ и не пріобрѣлъ того, чѣмъ силенъ сталъ Херсонесъ и чѣмъ крѣпки были государства Кавказа,—не сдѣлался очагомъ новой христіанской вѣры и новой христіанской культуры, просвѣтителемъ на этой почвѣ близкихъ и далекихъ сосѣдей.

Чѣмъ это объясняется и почему сложилось такъ, о томъ, можетъ быть, когда-нибудь разскажутъ намъ памятники этого времени, систематически и методически добытые и изученные. Пока только въ немногихъ пунктахъ освѣщенъ этотъ темный уголъ безконечно интересной картины эволюціи степного, сначала іонійскаго затѣмъ иранскаго и, наконецъ, сарматскаго царства.

М. Ростовцевъ.

ГОЛОДНАЯ ДЕРЕВНЯ.

(Продолженіе).

IV.

Посѣвъ Александрычъ.

Его зовутъ Феликсъ Александровичъ Севъ, но крестьяне называютъ его «Посѣвъ Александрычъ».

Эта любопытная кличка, безсознательно мѣткая, соотвѣтствуетъ истинѣ, ибо во всемъ околоткѣ верстъ на сто въ окружности онъ разсѣваетъ горстями и всячески распространяетъ сѣмена земледѣльческихъ наукъ, а также болѣе простыя сѣмена,—пшеницу бѣлотурку и нойку, и «русскую», кукурузу и ячмень, и не только одни сѣмена, но даже и сѣялки.

Ибо, какъ сказано мудро въ прэкрасной рекламѣ на синихъ фаянсовыхъ кружкахъ:

Сѣйте разумное, доброе, вѣчное
Сѣялками Эльворти!..

Уже изъ имени его вы можете видѣть, что онъ не принадлежитъ къ господствующей націи и, стало быть, не занимаетъ никакого казеннаго мѣста. Это доброволецъ, человѣкъ безпокойный, и въ сущности, суется «не въ свое дѣло». Но я извиняю его, ибо я знаю, что многіе другіе агрономы съ казенной печатью сидятъ себѣ смирно, и ничего объ нихъ не слышно. Теперь мода пошла разводить агрономовъ, числомъ поболѣе, цѣною подешевле. Я видѣлъ такихъ, напримѣръ, которые получаютъ жалованья—

1800 руб., а на всякіе опыты, нужды и расходы — 2000 р. На эти огромныя деньги полагается устроить опытное поле, испытательную станцію, продажу улучшенныхъ орудій и сѣмянъ, и еще, Богъ знаетъ, что. Впрочемъ, знаю я и такого агронома, который сталъ сѣять на опытномъ полѣ кукурузу, а сѣялка была поставлена на номеръ, соотвѣтственный пшеницѣ. Вмѣсто кукурузы сквозь дырочки прошла кукурузная каша. Потомъ крестьяне съ тріумфомъ говорили: «Видно, по нашей землѣ кукуруза не годится».

Посѣвъ Александрычъ служитъ агрономомъ на большомъ рафинадномъ заводѣ. При этомъ заводѣ имѣются земли, гдѣ раньше свеклу сажали, теперь сѣютъ кукурузу и пшеницу.

Мы ѣздили съ нимъ по ближнимъ селеніямъ, смотрѣли голодныхъ лошадей и обезсиленныхъ коровъ. Эти коровы лежатъ на землѣ, пролежни себѣ належали, какъ будто паралитики въ больницѣ. А лошади мокли отъ слабости. Ихъ посыпали золой и съ перваго взгляда казалось, будто онѣ заплеснѣвѣли. Мы видѣли дѣвчонокъ, которыя питаются глиной, одну даже поймали съ поличнымъ и подсунули проѣзжему фотографу. Вы можете видѣть эту характерную картинку россійскаго жанра въ «Огонькѣ» или въ «Искрахъ». Ботокуды въ Гвіанѣ и австралійскіе негры въ голодное время питаются жирной землей. Мы видно тоже ушли не далеко, если голодная діэта нашего народа состоитъ изъ коры, лебеды, желудоваго тѣста и глины.

Посѣвъ Александрычъ, впрочемъ, по своей природѣ склоненъ къ оптимизму. Его не смущаютъ коровы тасканской породы, которыхъ таскаютъ за хвостъ; мышистыя лошадки особой разновидности «коняка», которую французскій туристъ Бриссо давно уже открылъ въ глубинѣ волынскихъ лѣсовъ на радость ученаго міра; пшеница перес родъ, полузаглушенная овсюгомъ и прочими сорными травами. Онъ доказывалъ мнѣ съ большимъ увлеченіемъ, что кризисъ хозяйства за Волгой у русскихъ и также у башкиръ въ томъ состоитъ, что оно переходитъ на высшую ступень. У башкиръ отъ скотоводства къ земледѣлію, у русскихъ отъ залежнаго однополья, минуя трехполье, прямо къ многополью.

— Наше хозяйство линяетъ, какъ раки линяютъ,—закончилъ Посѣвъ Александрычъ оригинальнымъ сравненіемъ. Мнѣ это сравненіе показалось зловѣщимъ. Впрочемъ, не вся ли Россія стала, какъ будто линяющій ракъ?.. Но я предпочелъ бы, чтобъ былъ не линяющій ракъ, а линяющій лебедь. Ибо ракъ, даже линяющій, пятится назадъ, а линяющій лебедь можетъ вновь отростить свои крылья и летѣть въ облака.

Посѣвъ Александрычъ не только оптимистъ, но также и практикъ. Онъ самъ говорилъ мнѣ объ этомъ разъ десять. Меньше всего онъ желалъ бы внушить крестьянамъ идею о своемъ безкорыстіи. Напротивъ того, при каждомъ удобномъ случаѣ онъ стремится подчеркнуть: я вамъ совсѣмъ не благодѣтель; я продаю сѣмена и машины и даже барышъ получаю.

Крестьяне сочувственно киваютъ головой, но, впрочемъ, не вѣрятъ. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, крестьяне не вѣрятъ безкорыстію.

Упрямый народъ.

Итакъ, Посѣвъ Александрычъ «торгуетъ», «продаетъ» сѣялки и вѣялки, косилки и жатки, экстирпаторы, плуги, конныя грабли и даже молотилки. Онъ добился того, что во всемъ околоткѣ совсѣмъ перестали сѣять руками, пашутъ плугомъ изъ кованной стали, бреютъ косилкой траву. Теперь онъ старается ввести многопосѣвную систему, плугопропашную культуру, кукурузу, картофель и другіе корнеплоды.

— Однопосѣвное поле,—вродѣ какъ въ трынку играть,—внушаетъ онъ крестьянамъ.—Фартъ такъ фартъ. Не то доведется, что и съ сумою пойдешь. Пора вамъ пахать поумнѣе, да сѣять поскладнѣе.

Мы были вмѣстѣ съ нимъ на сельскомъ сходѣ въ селѣ Шероченкѣ. Дѣло шло о «продажѣ» запашной общественной земли на одинъ посѣвъ 1913 года желающимъ сосѣдямъ изъ селенія «Гвардейцы».—Крестьяне всегда говорятъ: «продажа», не «сдача въ аренду».

Гвардейцы — прекрасное село, красавцы на подборъ, по мѣстнымъ разсказамъ—отъ расселеннаго гвардейскаго полка. Впрочемъ, въ эту тяжелую зиму они голодали одинаково съ другими.

Продажа была произведена тутъ же на сходѣ съ публичнаго торга.

Сельскій староста велъ аукціонъ. Землю покупали богатѣи изъ Гвардейцевъ и двое изъ мѣстныхъ.

— Да что, у васъ много земли?—спросилъ я у старосты.

— Какое тамъ много. Тѣсно такъ, что становой не пролѣзетъ. Да вѣдь это сумежные клинья. Ихъ не подѣлишь никакъ. Пущай обчеству на доходы. А земля первосортная, бывало ходила, повѣрите, по 40 рублей десятина.

Клиньевъ набралось 15 десятинъ; они были проданы по 17 рублей десятина.

— Надо бы борозды обмыть,—сказали изъ толпы.

Но староста уперся.

— Годъ не такой, мужики. Еще «волостные» не плачены.

Я посмотрѣлъ окладную книгу. Столбцы недоимокъ стояли, какъ башни изъ цифръ. 120 руб., 150 руб. у каждаго сплошь, даже у самыхъ богатыхъ.

— У насъ безъ общественныхъ винъ не бываетъ,—галдѣла толпа о своемъ.—Ну, да ужъ Богъ съ вами, пользуйтесь нашимъ несчастьемъ.

Послѣ аукціона Посѣвъ Александрычъ сталъ говорить свою рѣчь.

Жалѣю, что я не художникъ, и не умѣю представить наглядно эту характерную картину. Сельская сборня набита мужиками, чуть стѣны не лопнутъ. Ребята на палатяхъ, ребята на печи,—рядами, какъ чурки. А въ центрѣ у стола эта нервная фигура въ городскомъ пальто, съ блестящими глазами и быстрыми жестами.

— Вотъ что, мужики. Надо кукурузу, траву.

— У-у, не хватитъ земли,—гудѣли мужики.

— Да вы разсчитайте по пальцамъ, мужики,—доказывалъ Посѣвъ.—Десятина кукурузы даетъ: одно,—двѣсти пудовъ кормовъ, другое,—сто пудовъ топлива. Посѣйте, пропашите. Вотъ я говорилъ вамъ о сѣялкахъ. Тоже вы мялись, а теперь разобрали. Завели экстирпаторы, да.

— Спасибо за сѣялки и за всякія выдумки,—гудѣли крестьяне.

— Я вамъ скажу, мужики. Сей годъ кукуруза все-таки дала 92 пуда съ десятины. Іюльскіе дожди ей помогли. Въ маѣ она терпитъ, а въ іюлѣ поливка придетъ, она оживаетъ. А пшеница не такъ, мужики.

— Да какъ его сѣять,—сказалъ какой-то упрямый старикъ.

— Смотрите, — грозно заговорилъ Посѣвъ. — Земля у васъ вѣкъ пашенная, году не лежитъ. Вотъ проростетъ овсюгомъ, корками треснетъ, возьмется солонцами,—тогда что скажете?..

— Посѣемъ, ей Богу, посѣемъ,—уступила толпа.—По двѣ сажени на душу.

Посѣвъ Александрычъ смягчился.

— Мнѣ гораздо *любѣе*, когда вы вытащите свои думки безъ всякаго стѣсненія. Сдѣлаемъ *спытку*, мужики. Берите меня хоть въ компанію...

— Какъ скажешь, такъ и сдѣлаемъ,—кричали мужики.

— Мы дадимъ вамъ сѣмена даромъ,—инспирировалъ По-

сѣвъ,—по 3 пуда на сотельную десятину (100×40 саженей). Я вамъ пошлю ученика-практиканта. Жить будетъ у батюшки, вамъ ничего не будетъ стоить.

— Ладно этакъ,—кричали мужики. Эта даровщина понравилась имъ пуще всего.

— Посѣемъ кукурузу и рядомъ пшеницу на самомъ плохомъ мѣстѣ. Какая больше дастъ доходу. Посмотрите сами. Она кукуруза святая. Кромѣ спасиба опять ничего не скажете.

Онъ говорилъ еще долго, съ пыломъ, съ пламенемъ, съ характерными мужицкими словечками, довольно неожиданными въ его городскихъ устахъ. Такъ и звенѣло за каждою фразой: мужики, мужики!

И мало по малу крестьяне пришли въ тяжелый экстазъ, даже непонятный моему непосвященному сердцу. Здѣсь словно завязывалась какая-то новая вѣра, кукурузная секта. Долго ли нынѣ въ Россіи основать еще одну вѣру, хотя бы кукурузную, что ли.

Одинъ помоложе даже съ мѣста вскочилъ и шапку ударилъ объ землю.

— Умру, а посѣю!

Ибо старое хозяйство дошло до банкротства воочію всѣмъ. И всѣ понимаютъ одно, что либо по міру идти, либо «пахать поумнѣе, да сѣять поскладнѣе».

Я смотрѣлъ на этотъ своеобразный митингъ, тоже отростокъ недавняго бурнаго времени, и думалъ не безъ удивленія:

«Все-таки, чему-то научились, ключъ отыскали къ мужицкому сердцу и ведутъ пропаганду... о всеобщей, равной и тайной святой кукурузѣ. Сперва завели про политику, а свели на поливку. Видно, такъ полагается въ мужицкой странѣ».

Господи, хоть бы что-нибудь новое выросло изъ этого мудраго Сева...

V.

Птеродактиль.

«Глубокоуважаемый такой-то!. Изъ газетъ я узналъ, что Вы пріѣхали въ г. Расхлѣбскъ и пишете «Голодныя письма». Сильное желаніе Васъ видѣть, съ Вами поговорить, дало мнѣ смѣлость побезпокоить Васъ этой писулькой, которая, впрочемъ, не увѣренъ, дойдетъ ли до Васъ. Пишу на «уру» по адресу редакціи

газеты. Можетъ быть, пока она доѣдетъ до Расхлѣбска, Вы ужъ исчезнете. Недалеко отъ Расхлѣбска есть городъ Барагулъ, гдѣ я и живу. Во имя нашего прежняго знакомства прошу Васъ заѣхать ко мнѣ. Такъ давно я не видѣлъ людей и не велъ человѣческаго разговора. Если хотите сдѣлать счастливымъ единаго изъ малыхъ міра сего, заѣзжайте хотя бы мимолетомъ. Я встрѣчу Васъ на вокзалѣ, а если, паче чаянія, задержатъ меня мои «сложныя и разностороннія» обязанности, то вы не смущайтесь и этимъ. Берите извозчика и велите ему везти Васъ къ земскому начальнику Ильинскому. Во всякомъ случаѣ не откажите черкнуть хоть строчку. У меня Вы найдете комфортабельный пріютъ и, можетъ быть, кое-что интересное для Васъ, какъ для писателя. Уважающій и любящій Васъ такой-то».

Я встрѣчалъ Павла Петровича Ильинскаго четыре года тому назадъ въ Москвѣ. Это былъ офицеръ довольно добродушный, упитанный съ виду, и весьма беззаботный насчетъ конституцій и гарантій. Впрочемъ, по существу онъ былъ человѣкъ вполнѣ порядочный, и его основнымъ убѣжденіемъ было: «если я никого не трогаю, то и меня никто не тронетъ».

Ильинскій вышелъ въ отставку и поступилъ въ земскіе начальники, какъ другіе поступаютъ бухгалтеромъ въ банкъ. Съ тѣхъ поръ я его утратилъ изъ виду, но въ этомъ письмѣ звучалъ истерическій вопль. Я рѣшилъ непремѣнно заѣхать въ богоспасаемый Барагулъ и посмотрѣть на эту знакомую фигуру съ измѣненною душой.

Я подъѣхалъ къ квартирѣ Ильинскаго поздно вечеромъ безъ всякихъ предупрежденій. Окна квартиры свѣтились огнемъ и изъ двери скрипѣлъ граммофонъ чудовищной силы, какъ будто изъ трактира: «Перестань, не мани!..»

Павелъ Петровичъ встрѣтилъ меня дружелюбно и нѣсколько шумно.

— А у насъ вотъ праздникъ, «свиданіе друзей». Позвольте васъ представить. Товарищи мои: Волло, Колдобинъ, Караевъ Василискъ. Не вѣрите? Ей Богу, Василискъ. Но мы его называемъ: Васяся. А это—Зосименко, приставъ.

Ломберный столъ былъ заставленъ закусками, и длинныя бутылки уже опустѣли почти до половины.

Волло, мордастый и круглый, выступилъ впередъ и крѣпко потрясъ мою руку.

— Андрей Аристидовичъ Волло,—повторилъ онъ отчетливымъ и тонкимъ теноркомъ.—*Аристидовичъ*, да, какъ Левъ Ари-

стидовичъ Кассо. Я тезка по отчеству Его Превосходительства, и я счастливъ этимъ совпаденіемъ.

— Отстань ты!

Ильинскій безъ церемоніи отстранилъ его рукой.

— Вотъ этотъ Колдобинъ, потѣшный,—прибавилъ онъ выразительно, выдвигая слѣдующаго.

— Какъ это потѣшный?—спросилъ я довольно удивленно.

— Да онъ, видите, устроилъ въ селѣ Размазнѣ двѣ роты потѣшныхъ...

— Петя, разскажи, какъ на тебя губернаторъ наѣхалъ.

Петя Колдобинъ выпятилъ грудь колесомъ.

— Наѣхала коса на камень. Онъ мнѣ говоритъ: «Бросьте свои пустяки. Нашли, чѣмъ заниматься въ голодное время». А я ему скромно отвѣтилъ: «Ваше Превосходительство, благоволите прислать мнѣ письменное предписаніе». Ну онъ—того, и осѣкся.

— А Васяся Караевъ очень предводителей любитъ,—продолжалъ Ильинскій какъ-то особенно неугомонно, словно бѣсъ въ него вселился. Онъ вообще измѣнился во всемъ. Щеки у него стали впалыя, а черные глаза сверкали страннымъ и матовымъ блескомъ, вродѣ антрацита.

Караевъ нахмурился.

— Полно, Васяся,—тотчасъ же воскликнулъ Ильинскій,— здѣсь всѣ свои. У насъ, видите, былъ юбилей,—началъ онъ,— празднество дней нашей жизни, въ клубѣ, съ парадомъ. Выпили немножко, вотъ также, какъ теперь, рѣчи такія развели, тосты застольные. Кто у насъ первый ораторъ? — Васяся Караевъ. «Позвольте, говоритъ, господа предводители дворянства, изъ самой глубины моей умиленной и пьяной души сказать вамъ привѣтственное слово.—Двое ихъ было, господъ предводителей, дѣйствительный и бывшій, титулярный.—Вы мнѣ оказали покровительство,—говоритъ. Безъ васъ я не былъ бы земскій начальникъ. Мы просимъ васъ по прежнему относиться къ земскимъ начальникамъ, какъ къ людямъ...»

Караевъ Василискъ, тщедушный, чахоточнаго вида, обвелъ василисковымъ взглядомъ нескромнаго товарища.

— А тебѣ волостные писаря тоже самое пишутъ,—сказалъ онъ довольно ядовито.

— Правда,—воскликнулъ Ильинскій,—пишутъ. Хвалю...

Онъ снялъ со стѣны какой-то дипломъ съ широкой виньеткой, въ багетной золоченой рамкѣ. Это оказался, дѣйствительно, адресъ отъ всѣхъ волостныхъ писарей и старшинъ 7-го

участка, составленный въ довольно необычныхъ и наивныхъ выраженіяхъ.

«Ваше Благородіе, почтенный Павелъ Петровичъ! Позвольте выразить Вамъ, что Вы въ короткое время завѣдыванія привели этотъ участокъ въ подлежащую форму своими умѣлыми распоряженіями. Въ періодъ нужды и неурожая хлѣбовъ, имѣя гуманное сердце, энергично пошли на встрѣчу нуждамъ населенія. Касательно же къ намъ, должностнымъ лицамъ волостныхъ правленій, всегда поступали человѣчно и относились къ намъ, какъ къ людямъ»...

— Видите, вотъ,—сказалъ съ торжествомъ Павелъ Петровичъ,—какая мы дешевка, что писарь, что земскій начальникъ... Насъ даже за людей не всякій считаетъ.

— Не слушайте его,—сказалъ улыбаясь «тезка по отчеству». Онъ сѣлъ рядомъ со мной и крѣпко жалъ мою руку своими потными ладонями.

— Земскій начальникъ—самая веселая служба. Что знаетъ слѣдователь объ деревнѣ? Онъ знаетъ только преступную деревню. А я знаю интимную сторону, могу войти въ любую крестьянскую избу, мирить мужа съ женой, судить отца съ дочерью. И царь и Богъ,—какъ говорится...

Въ голосѣ его звучала сладострастная нота.

— Вамъ бы, писателю, сдѣлаться земскимъ начальникомъ,— сказалъ онъ мечтательно.

— Ты опять прилипъ, — воскликнулъ Ильинскій довольно сурово, хватая его за плечо.—Лучше пойдемъ, выпьемъ.

Остатокъ вечера прошелъ довольно шумно. Около полуночи мы пили на брудершафтъ, но, впрочемъ, продолжали говорить другъ другу: *вы*. Караевъ съ Ильинскимъ усѣлись на полу и стали тянуться на палкѣ, приставъ Зосименко, вынулъ нагайку и сталъ предлагать киргизскую «пробу спины», взаимно поочереди, всѣмъ.

— Не надо нагайки,—заспорилъ Кузьминскій, — давайте лучше телескопы. Тоже состязаніе устроимъ... Вотъ наши телескопы!..

Онъ взялъ со стола бѣлую бутылку съ казенной печатью.

— Это нѣмецъ сказалъ: «Русскіе люди большіе астрономы, выйдутъ на улицу, смотрятъ на небо въ стеклянный телескопъ». Возлѣ казенки, то есть, изъ горлышка тянутъ,—прибавилъ онъ для большей ясности.

Началось состязаніе на телескопахъ. Въ углу комнаты стояла батарея совершенно одинаковыхъ «двадцатокъ». Гости взяли по бутылкѣ, откинули голову назадъ и стали тянуть изъ горлышка. Они, дѣйствительно, будто смотрѣли наверхъ въ стеклянный телескопъ.

— Булькъ, булькъ, булькъ.

Ильинскій топнулъ ногой. Всѣ отняли бутылки отъ рта и разомъ поставили ихъ на столъ.

— Ну, кто перепилъ? Зосименко перепилъ.

Въ бутылкѣ Зосименки трепался на донышкѣ жалкій остатокъ.

— Перепилъ! Перепелъ! Зосименко перепелъ!..

— Пить пойдемъ, пить пойдемъ!—«стукалъ» тезка по отчеству, какъ перепелъ въ травѣ.

Было уже два часа ночи.

— Пойдемъ, погуляемъ, — предложилъ неожиданно Ильинскій,—пусть намъ головы обдуетъ.

— Безъ шапокъ пойдемъ,—съ усиліемъ выдыхнулъ Зосименко. Онъ покраснѣлъ, какъ кумачъ, сдѣлалъ шагъ и уперся въ стѣну.

— Не лѣзь,—проворчалъ онъ сердито, отталкивая ее руками.

Гости съ шумомъ одѣлись, даже шапки забрали и высыпали гурьбою на улицу. Хозяинъ задержался сзади, потомъ, къ моему удивленію, заперъ дверь и заложилъ засовъ.

— Ну васъ къ чорту,—крикнулъ онъ въ видѣ напутствія гостямъ. Не знаю, слышали они, или нѣтъ.

— Пойдемте назадъ!..

Мы вернулись въ его кабинетъ.

— Что, хороши! — сказалъ онъ со странной улыбкой.—Видали вы такихъ?

Онъ быстро отодвинулъ въ сторону бутылки и закуски, потомъ сѣлъ за столъ и сталъ крѣпко тереть руками голову.

— Голова кружится!..

Но, я съ удивленіемъ видѣлъ, что глаза его становятся осмысленнѣе, словно въ сторону сползаетъ матовая пелена и въ антрацитѣ загорается искра.

— Теплая компанія,—опять усмѣхнулся Ильинскій,—какъ говорится: шпикъ, да солдатъ, да монахиня. Вы думаете, я тоже пьянъ?

Я покачалъ головой, впрочемъ, довольно неувѣренно.

— Я ихъ ненавижу,—воскликнулъ Ильинскій, — всѣхъ ненавижу: начальниковъ, крестьянъ и самого себя!.. Ухъ, если я

бы былъ писатель, вотъ я бы имъ задалъ, полетѣли бы и пухъ, и перья. Жалилъ бы ихъ, какъ осенняя муха...

— Вы думаете, я пьянъ? — настаивалъ онъ.—Нѣтъ, вы войдите въ мою шкуру... Служба моя—непрерывная мука. Поѣду по селамъ, зубами скриплю...

Онъ былъ страшенъ и близокъ къ истерикѣ.

— Ужасно, когда передъ вами на колѣни становятся. Ухъ, мерзавцы, скоты! Схватилъ бы чернильницу да въ лобъ запустилъ бы ему. Значитъ, онъ меня считаетъ за звѣря. Пришелъ правосудія искать, а стукаетъ въ землю лбомъ. Нѣтъ, какъ онъ смѣетъ такъ думать обо мнѣ?..

Онъ даже затрясся весь и пальцы растопырилъ, словно собирался вцѣпиться въ чье-то незримое горло.

— Я прежде не думалъ, служилъ, какъ овчарка при стадѣ. Теперь я разумѣю, какъ стригутъ, какъ бреютъ и какъ кровь отворяютъ. Для этого и циркуляры пишутъ: землю, напримѣръ, укрѣпить, а крестьянъ разогнать. Куда же они пойдутъ, а? Развѣ имъ приготовили мѣсто? Люди они, или крысы?.. Къ чорту пойдутъ по дорогѣ!.. Помните у Гейне:

Нѣтъ у нихъ хлѣба ни крошки;
Имъ ужъ не страшно ни Бога, ни кошки.
Сѣрая, злая, голодная рать
Съ бѣшенымъ пискомъ идетъ умирать...

Онъ помолчалъ и потомъ прибавилъ, понизивъ голосъ:

— А можетъ быть, лучше, чтобъ были они, какъ голодныя крысы. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Пусть знаютъ, холопы. Такъ имъ и надо.

Я смотрѣлъ на него съ безмолвнымъ удивленіемъ. Это была совсѣмъ для меня новая фигура. Земскій начальникъ въ казенномъ мундирѣ, весь начиненный какой-то стихійной и взрывчатой злостью. Словно казенная бомба, вмѣсто мелинита, наполненная спиртомъ.

— Вы думаете, я болтаю,—опять заговорилъ Ильинскій.— Нѣтъ, я вамъ душу свою открываю. Злость меня душитъ, какъ шаровидная молнія въ горлѣ... Чѣмъ я только не спасаюсь. Книги покупаю,—единственная радость. Читаю запоемъ, дѣла запускаю. Чортъ съ ними, кому отъ нихъ польза?.. Потомъ книги сгребу, да въ чуланъ. Возьму этакій стеклянный телескопъ, двери запру, заведу грамофонъ, самъ сяду на полъ, лакаю и плачу, какъ песъ съ перешибленной лапой.

Онъ посмотрѣлъ на меня въ упоръ.

— А то есть у меня и другой телескопъ...

И къ моему ужасу онъ открылъ ящикъ въ столѣ и вынулъ оттуда большой револьверъ казеннаго образца.

— Вотъ въ эту трубку я тоже заглядываю часто,—сказалъ онъ, прищуривъ глаза.—Да только темно и не видно, что на концѣ.

— Господи, положите револьверъ!..

— Что, испугались,—сказалъ Ильинскій съ кривою усмѣшкой. А по моему, чего тутъ бояться? На смарку, долой!.. Пусть убиваются, пусть! Хоть цѣлая страна.

— Звѣря въ человѣкѣ ненавижу... Вотъ разослали циркуляръ, поддерживать господствующую національность. А я ненавижу всякую національность. Есть въ моемъ околоткѣ русскіе, татары, и нѣмцы, и евреи. Взялъ бы ихъ за чуприну и стукнулъ головами. Черти такіе, будьте другъ съ другомъ, какъ братья. Если бы я могъ, я бы нарушилъ всѣ циркуляры. Живите на волѣ. Съ землей, напримѣръ: хотите, живите въ общинѣ, а нѣтъ, продавайте. Какое право мы имѣемъ опекать и насиловать личность. Пусть водку пьютъ и газеты читаютъ, пусть живутъ или пусть умираютъ.

Онъ долго молчалъ, потомъ поднялъ голову и почти простоналъ:

— Уйти бы мнѣ отсюда. Толстой вѣдь ушелъ...

И даже грубая наивность этого сравненія не была смѣшною. Въ его рѣчахъ и фигурѣ былъ какой-то неясный и тяжелый порывъ въ пространство, въ высоту. Онъ былъ похожъ на крокодила, который захотѣлъ бы летѣть, стать птеродактилемъ, что ли. Но онъ по прежнему грузно сидѣлъ въ казенномъ креслѣ изъ поддѣльнаго дуба и не могъ улетѣть никуда.

Горе странѣ, гдѣ крокодилы летаютъ и земскіе начальники плачутъ.

Простому смертному остается лечь и умереть на мѣстѣ.

VI.

Пастыри добрые.

Два часа ночи. Жестокій буранъ. Все-таки, Богъ знаетъ какъ, добрались до села. Но на улицѣ тоже не лучше, чѣмъ въ степи. Такъ и задуваетъ, чуть вверхъ не поднимаетъ вмѣстѣ съ

санями. Закупорились, спятъ въ бѣломъ саванѣ черныя приземистыя избы. Куда намъ заѣхать? Развѣ опять на «дворянскую квартиру»? Нѣтъ, покорный слуга. Довольно съ меня и предыдущихъ опытовъ. Дворянская квартира—это единственный отзвукъ дворянскаго имени въ дальнихъ заволжскихъ уѣздахъ. Она предназначена для въѣзда земскихъ начальниковъ, становыхъ приставовъ и прочаго начальства. Но, право, «дворянскіе» клопы кусаются хуже крестьянскихъ.

Прямо предъ нами стоитъ помѣстительный домъ, два крыльца, девять оконъ подъ желѣзною крышей,—поповское гнѣздо. Тамъ внутри, должно быть, удобно и чисто. Печи натоплены жарко. Можно улечься у печки хотя бы на полу въ гостиной или въ залѣ.

— Слушай, ямщикъ, каковъ у васъ батюшка?..

— Батюшка, отецъ Серафимъ, хорошій, простой, молодой.

— Ну, давайте стучаться...

Мой спутникъ протестуетъ.

— Знаете, неловко будить. Лучше къ мужику постучимъ.

— А мужика ловко будить?.. Нѣтъ, ужъ лучше мы къ батюшкѣ. Да онъ не разсердится. Ему, должно быть, скучно до смерти въ этихъ унылыхъ степяхъ.

Стали стучать; разбудили. Дѣйствительно, батюшка радъ. Такъ и вцѣпился въ насъ обѣими руками. Не знаетъ, куда посадить, и чѣмъ угостить лучше. Показываетъ все и разсказываетъ все.

— Вотъ это мои дѣти: четыре гвардейца да двѣ амазонки. Трудно мнѣ съ ними теперь. Зато послѣ будетъ пріятно. Будутъ въ домѣ студенты, курсистки. Кругомъ стола сидитъ молодежь въ образованномъ видѣ... Споръ заведутъ, вспотѣютъ, какъ сказано у Огарева...

Батюшка встряхнулся и хочетъ блеснуть литературной цитатой. Но прежде, должно быть, онъ тоже лелѣялъ такую мечту: сидѣть за столомъ «въ образованномъ видѣ» и спорить, и потѣть.

— У матери моей было 13 человѣкъ,—продолжаетъ отецъ Серафимъ.—Какъ сядутъ у стола, отецъ мой сейчасъ говоритъ: «Вотъ жена моя, аки смоковница плодоносная, а дѣти мои, аки отрасли. 12 патріарховъ, а тринадцатая Дина, патріаршая сестра...

Ужинъ, закуски, самоваръ.

— Курочки, чаю, блинковъ!.. Попробуйте этихъ потоньше. По нашему зовутся Христовы онучки...

А выпивки нѣту.

— Батюшка, выпить хотите? У насъ есть съ собою...

— Нѣтъ, я, признаться, зарекся. Было время такое, буйные

годы. Пріѣхали мы къ прихожанамъ Скворцовымъ на праздникъ; богатые участники, по вашему владѣтели участковъ, старой жизни люди. Мы съ дьякономъ выпили, запѣли: «Вы жертвою пали»... «Ахъ,—говоритъ старичокъ,—духовнымъ лицамъ такъ не подобаетъ».—«А вы лучше любите, чтобъ ваши духовные отцы «Маташю» распѣвали?..»—И вправду обнимутся и запоютъ: «Разнесчастный день суббота». Закрутилъ головой. А дьяконъ подходитъ къ нему и въ самое ухо какъ дернетъ: «Вихри враждебные»... До револьверовъ дошло. «Попотчуемъ васъ, долгогривыхъ». А мужики говорятъ:—«не бойтесь, батюшка; да въ случаѣ чего отъ нихъ мокренько останется». Я своего ямщика по шеѣ: «гони, уноси!» Ускакали отъ нихъ...

А Ветчинкинъ, Скворцовыхъ своякъ, донесъ архіерею. Намъ сообщаютъ изъ города: «Видно, дѣло-то выходитъ пики козыри»... Ну что же, сыграемъ въ пикахъ, да какъ бы не остаться безъ одной... По пьяному дѣлу простили. Съ тѣхъ поръ самъ не пью и другимъ не велю.

Мой спутникъ смѣется.

— О, да вы, батюшка, озорной!

— Богъ съ вами, помилуйте. У насъ этихъ республикъ не бывало. Я съ каѳедры объявилъ прихожанамъ, что, если кто хоть фунтъ чужого возьметъ, а паче того подожжетъ,—анаѳема проклятъ!..

— Можетъ, все-таки выпьете?

Обидѣлся батюшка.

— Богъ съ вами, вы судите по старому. Но теперь въ духовенствѣ пьяныхъ немного среди молодежи. Образованія больше и стали жить отъ крестьянъ подальше. Выше себя держатъ. Жаль только, въ послѣдніе годы пошли карьеристы, подлизы, недоучки... Но въ прежнее время зато священникъ съ крестьянами и посудачитъ, и выпьетъ, и даже попляшетъ. Любили это до смерти крестьяне: «Совѣтный батюшка. Придешь къ нему, бутылку изъ кармана, а онъ тебѣ двѣ, и пошло. Поговорили по душамъ... А ты вонъ сухой человѣкъ». Прежде со свадьбы священникъ идетъ, непремѣнно ему двѣ, три бутылки дадутъ. Отецъ мой тутъ же священствовалъ, былъ человѣкъ трезвый и строгой жизни, а у него въ подполицѣ тоже боченокъ стоялъ, куда и сливали водчонку. Вдовые священники, правда, спиваются и нынѣ. Вотъ въ этакомъ большомъ домѣ, да если одному, да буранъ зашумитъ. Полѣзутъ въ голову мысли. Поневолѣ запьешь...

— А зачѣмъ у отца Венедикта носъ такой красный,— лукаво говоритъ мой спутникъ,—онъ вѣдь не вдовый.

— У отца Венедикта, изъ Ромжи?.. Вѣдь это у него родимое пятно. Игра природы. Будто по виду онъ съизмала дуетъ коньякъ, а онъ вовсе трезвый...

— А крестьяне по прежнему пьютъ?..

— Э, говорить не охота. Волостные старшины такъ пьютъ, что разсказывать страшно. Дешевые людишки. Вонъ Мизянковскій старшина столько пилъ, что сталъ нанимать одного мужика: «Василь, сколь ты съ меня возьмешь, чтобъ пройти нагишемъ отъ Липъ до Сухого Конца?» Три версты будетъ, да все по селу. Срядились за три рубля. И выбрали свѣтлый и теплый день. Вотъ онъ идетъ по улицѣ, какъ облупленный гусь, въ чемъ мати родила, а они сзади его съ гармошками и балалайками. Къ вечеру такъ налакались, старшина сталъ этого Василія стричь, полголовы обрѣзалъ и полбороды. Василій разсердился и доносъ написалъ на крестьянъ. Будто въ 1905 году они сѣяли хлѣбъ, а выручку сдавали въ партію, и старшина съ ними. Правда ли, нѣтъ ли, никто уже и не помнитъ. Тутъ посадили 6 человѣкъ мужиковъ, потомъ выпустили, потомъ опять посадили... «Голодные» списки у насъ составляли. Съ того полбутылки, съ другого полбутылки,—такъ писарь опился. Горѣть началъ, водой заливали его, какъ будто головешку.

— А много голодныхъ у васъ?

— Нѣтъ, наши мужики гордые. Крышу раскроетъ до послѣдняго свясла, а не станетъ просить.

— Я, знаете, здѣшній коренной. Вотъ въ этомъ домѣ родился и выросъ. Духовныя дочери мои, старушки, бывало, за уши драли меня... Страшно смотрѣть, что дѣлаютъ съ народомъ. Какъ говорится, жилы мотаютъ и собакамъ бросаютъ. Все зря, безъ всякаго толку. Устроили общественныя работы, только для лошадныхъ. Писарь и староста въ первую голову вписали богатыхъ. У одного 5 паръ быковъ, у другого 10 лошадей. А работниковъ нѣтъ. Такъ они бѣдняковъ безлошадныхъ стали нанимать по полтиннику въ день, при своихъ лошадяхъ. Иные заработали на этомъ въ сутки по десять рублей...

Разсказы его нескончаемы. Всего и не переслушаешь. Надобно ѣхать. А онъ не пускаетъ.

— Нѣтъ,—говоритъ,—ужъ, какъ вамъ угодно, а вы должны осмотрѣть наши школы.

И опять начинается сочная, яркая рѣчь.

— Наши школы только для виду, фальшивыя школы. Надо настоящую науку, насильственно, со штрафомъ, какъ было у японцевъ. Вотъ они намъ показали, почемъ за сотню гребешки...

Двѣ школы—земская и церковно-приходская. Обѣ подъ общею крышей. Двѣ двери рядомъ. Недолго ученику ошибиться. Впрочемъ, въ земскую школу ходятъ мальчишки, въ церковную дѣвчонки. Это общій порядокъ.

— Какая чудная постройка!..

— А это, видите, двѣ старыя избы перенесены съ мельницы, жилая да помольная, и связаны вмѣстѣ.

Земская учительница смотритъ на насъ растеряннымъ взглядомъ. И руки у ней трясутся.

— Зачѣмъ пришли? — говоритъ.—Невѣдомо, кто. Зачѣмъ пишете въ книжку? Можетъ, ревизія?..

Не помогаютъ никакіе уговоры и резоны.

— Что вамъ писать-то объ насъ? Не будетъ ли вреда... Инспекторъ узнаетъ.

Батюшка смѣется:

— Ей Богу, у насъ лучше. Меньше начальства, не столько циркуляровъ. А тутъ пріѣдетъ инспекторъ изъ бывшихъ акцизниковъ, привыкъ за прилавкомъ стоять, грубый такой, какъ пенька несученная. Ужъ онъ всѣ учебники пересмотритъ, всю пыль перетрясетъ. Ищетъ, ищетъ. Чего онъ только ищетъ!..

И вправду церковная учительница свободнѣе и проще и не столько похожа на старую плакучую иву. Вотъ и подите, скажите, какая школа лучше и какая школа хуже. Обѣ хуже.

Надобно ѣхать, пора. Попрощались съ однимъ. А къ вечеру глядишь ужъ попали къ другому. Ѣздимъ отъ церкви до церкви, бесѣдуемъ съ попами. Если бы всѣхъ ихъ вмѣстѣ собрать, вышелъ бы, если не цѣлый соборъ, то хоть малый соборикъ. Одна за другою мелькаютъ фигуры, странныя съ виду, въ длинныхъ одеждахъ, съ воскрыліями рукавовъ:

У попа-то рукава-то,
Батюшки!..

Медленный русскій прогрессъ, который наконецъ захватилъ и деревню своими лѣнивыми колесами, коснулся одновременно различныхъ слоевъ населенія.

Онъ заставилъ долбить мужика:

Дружно, дѣти, всѣ заразъ:
Буки-азъ, буки-азъ!
Счастье въ грамотѣ для васъ.

Сдѣлалъ учителя скорбнымъ и жаждущимъ высунуть голову въ духовное окно лѣтнихъ курсовъ и столичныхъ экскурсій. А

образъ отца Серафима онъ превратилъ въ человѣческій образъ. Теперь какъ и прежде, образъ этотъ стоитъ надъ деревней одинъ, почти безъ соперниковъ. Пастыри добрые... Русская земля велика и обильна. Бываютъ и такіе.

Я знаю, конечно, что такихъ меньшинство.

— Каждому поютъ: «аксіосъ», но не каждый достоинъ,— какъ говорилъ мнѣ старый священникъ Кузьминскій.

— Насъ мало, увы,—изъ десятка одинъ, но мы интеллигенты,—указывалъ другой помоложе, Арсеній Миловидовъ.

Но что изъ того? Чуткіе люди и вездѣ составляютъ меньшинство. Спасибо за 10%... Въ «голодныхъ» столовыхъ на всѣ наши сборы и жертвы мы можемъ кормить только 10% счастливцевъ. Но за это никто намъ не предъявляетъ неоплаченнаго счета. Изъ всѣхъ этихъ столовыхъ, въ Расхлѣбской губерніи, какъ сказано выше, $^9/_{10}$ устроены сельскимъ духовенствомъ. Вотъ отчего намъ и приходится ѣздить отъ церкви до церкви, отъ пастыря къ пастырю. Сегодня встрѣтишь такого, который умѣетъ ладить съ различнымъ начальствомъ и преуспѣваетъ всячески. У него, по пословицѣ, волки сыты, да и овцы... накормлены казенною ссудой, по пуду на мѣсяцъ. А завтра, напротивъ, наткнешься на такую секретную бумагу:

«Ваше Преосвященство, милостивый государь и архипастырь!.. Мною получены свѣдѣнія, что священникъ села Самаянова, о. Василій Чижовъ, 30 минувшаго октября 1911 г., получивъ отъ неизвѣстнаго лица 150 рублей на открытіе столовыхъ, сталъ поступать *не вполнѣ* цѣлесообразно, выбравъ уполномоченнымъ лицо *не весьма* благонадежное, которое въ 1905 году *могло быть* привлечено къ отвѣтственности за преступную агитацію. Сообщая объ изложенномъ и испрашивая вашихъ архипастырскихъ молитвъ, съ чувствомъ глубокаго уваженія остаюсь тайный совѣтникъ такой-то».

Я подчеркнулъ курсивомъ эти характерныя ограничительныя нарѣчія и сослагательныя наклоненія: *не вполнѣ, не весьма, могло бы.*

По этому поводу одинъ знакомый мнѣ губернаторъ изволилъ сказать:

— «Голодная» столовая должна быть, какъ жена Цезаря. Къ ней не должна прикоснуться ни тѣнь подозрѣнія...

Но рѣчи о русской деревнѣ однѣ у кроткихъ и рѣзкихъ поповъ. Первая тема: голодъ и земскій начальникъ.

Оба эти явленія какъ-то сливаются вмѣстѣ. Двѣ русскія стихіи, природа и начальство...

— Братъ мой себя загубилъ у земскаго начальника. Былъ онъ псаломщикъ, поѣхалъ зимой на хуторъ къ земскому, за 40 верстъ, съ дополнительнымъ спискомъ по ссудѣ. Земскаго не было, а въ домъ госпожа не пустила. Мальчикъ стѣснительный; онъ и не сталъ напирать. Три часа ходилъ на морозѣ кругомъ лошадей, тутъ и простудился. Въ недѣлю сгорѣлъ...

Жестокая жизнь.

— Меня самого не пустили,—ведется разсказъ,—съ церковнымъ попечителемъ моимъ. Пріѣхали, встали на дворѣ. Никто не выходитъ. Толкнулись въ одну дверь, какая-то кладовка. Оттуда выскакиваетъ *она*, ровно сова: «куда лѣзете?»—«Ахъ ты Господи,—говоримъ.—Барыня, такъ мы промерзли». Смотрю на своего попечителя, какая намъ честь по общественному дѣлу. «Пришли вы, такъ ждите», кричитъ; а въ домъ не пустила. Такъ и ждали, какъ псы у крыльца. А земскій такой, все подсѣкается къ мордѣ, и материтъ, сколько угодно. Татары его рѣзать хотѣли. Татарку побилъ. Цѣлая деревня пришла на него, а онъ заперъ ворота и собакъ спустилъ. Они только ометъ соломы сожгли и ушли...

А кроткій священникъ, пожалуй, прибавитъ идиллическую повѣсть.

— Былъ у насъ земскій начальникъ, тоже помѣщикъ, Тейхъ, лютеранинъ, дай ему, Господи... Жилъ онъ тоже на хуторѣ за 70 верстъ отъ участка. Но придутъ крестьяне къ нему,—у него кубъ кипитъ, можно чаю напиться, сахару кусочекъ дадутъ. Лошади тоже сѣнца; а ночуй безъ отказу...

Много ли надо незлобивому сердцу.

Тема вторая: сельскія власти и водка, тоже сливаются вмѣстѣ.

Страшная водка, зеленый акцизный драконъ, повисшій надъ деревней.

— У насъ старшину выбирали. Два кандидата поятъ стариковъ: прежній старшина поитъ и другой хочетъ стать старшиной, тоже поитъ. Сталъ новый стараго перепаивать. Старый ко мнѣ прибѣжалъ: «Батюшка, что дѣлать, поятъ. Мотри, не по закону».—«Пойдемъ, поглядимъ». Пошли задворками. Пришли. Сидятъ, пьютъ. Сталъ я ихъ бранить: «что вы дѣлаете?» Одинъ говоритъ: «ничего!» А другой говоритъ,—прямой такой, любопытный мужикъ:—«Вотъ старшину пропиваемъ. Онъ далъ намъ 5 цѣлковыхъ. Мы пропиваемъ. Ты давай 10, мы тоже пропьемъ, и тебя въ старшины выберемъ (это мнѣ-то, попу, говоритъ), а его не выберемъ, на что онъ намъ сдался?..»

Наслушаешься этихъ разсказовъ, впору хоть съ Челышевымъ сочинять этикетки на казенныя бутылки.

VII.

Публицистъ.

Изъ всѣхъ рясофорныхъ фигуръ самая рельефная отецъ Алексѣй Небожиловъ въ селѣ Шаропани. Его знаютъ не только въ губерніи, но также въ столицахъ. Сосѣди по приходамъ называютъ его публицистомъ, ибо своими воззваніями онъ поднялъ по поводу голода шумъ, который далеко отозвался въ Россіи. И самъ онъ напористый, шумный, прямое приволжское зелье, самарская горчица; прочный, большой, — не скоро сковырнешь.

— Вы думаете, я политикъ; ничуть не бывало. А если хотите узнать, просто я былъ на свадьбѣ у брата въ голодное время, въ 1906 году. Вотъ въ этомъ же самомъ селѣ. Братъ мой покойный священствовалъ здѣсь, а я въ Молоковѣ. Вернулись со свадьбой, тутъ мужики пришли. «Батюшка, что-жъ, помирать будемъ?» — «Зачѣмъ помирать, — говорю. — Будемъ письма писать. Ребенокъ не плачетъ, такъ мать не разумѣетъ... Заплачемъ,» — говорю. Тутъ я написалъ сразу въ Вольно-Экономическое Общество и въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, въ учрежденія Великой Княгини Ксеніи Александровны и въ вѣдомство Императрицы Маріи, въ «Церковныя Вѣдомости», въ «Колоколъ», въ «Волжское Слово»... Стали мнѣ посылать деньги, сталъ я кормить...

— А много столовыхъ у васъ?

— Кто же ихъ знаетъ? Разныя есть, Вольно-Экономическая, Народнаго Здравія, Пироговскаго Общества,—а крестьяне говорятъ: «Пирожковское Общество» и даже «Пирожки»,—Кедровскія, Биржевыя, и просто ничьи, безымянныя, отъ добрыхъ людей. Однѣ закрываются, другія потомъ открываются, какъ денегъ хватаетъ... Сколько одной бухгалтеріи. Надо отсчитываться на восемь лавочекъ, да все по разнымъ образцамъ. Вотъ бы гдѣ объединеніе сдѣлать.

Онъ показалъ мнѣ огромный архивъ писемъ, открытокъ, почтовыхъ талоновъ, товарныхъ квитанцій,—цѣлое море. Изъ этого моря я выудилъ нѣсколько странныхъ жемчужинъ.

1) Милый батюшка! Мы прочитали въ газетахъ, что вы видѣли страшный голодъ и нищету и приглашаете людей къ пожертвованіямъ. Вотъ мы и собрали кой-чего и шлемъ вамъ, дорогой батюшка, а вы раздайте вашимъ несчастнымъ голоднымъ. Мы хоть прислуги и бѣдныя, но не голодныя и живемъ въ теплыхъ кухняхъ, а тѣ, о которыхъ вы пишете, такіе несчастные, что и сказать нельзя. Милый батюшка, прикройте бѣдненькихъ голенькихъ дѣтокъ, что тамъ у васъ. Прошу молитвъ вашихъ.

На штемпелѣ отмѣтка: Пенза. 11. 12. 11

2) Прошу вашего благословенья и при семъ посылаю въ собственныя руки денегъ десять рублей и прошу помолиться объ успеніи души дѣвицы Агриппины, моей новопреставленной сестры, и прошу васъ, во-первыхъ, отслужить панихиду, а деньги за труды возьмите себѣ сами, а остальное на голодающихъ дѣтей, но только не давайте въ Комитетъ.

Козловъ Тамбовской губ. 1911. 10. 12.

Комитетъ—вѣроятно, Комитетъ «Краснаго Креста», къ которому почти всѣ жертвователи, особенно изъ нижнихъ слоевъ, питаютъ идіосинкразію.

Союзникъ изъ Томска прислалъ 10 рублей съ припиской: «Только не давайте «Кресту». И подпись внизу: «Членъ Союза Русскаго Народа такой-то».

Ерзи Скворонекъ изъ Кіева—40 коп.
Хаимъ Соперникъ изъ Орши—1 р. 10 коп.
Арвидъ Коппъ изъ Либавы—3 руб.—для голодныхъ язычниковъ.

Это совсѣмъ не иронія. Въ голодныхъ губерніяхъ есть черемисы язычники и даже земскія школы примѣнительно къ язычникамъ. И взрослые, и школьники всѣ сплошь голодаютъ.

Весьма характерная серія писемъ относится къ найму рабочихъ, ибо отецъ Алексѣй въ печатныхъ воззваніяхъ предлагаетъ своихъ шаропанцевъ въ наймы urbi et orbi. Явились запросы изъ разныхъ губерній, все больше онъ такихъ землевладѣльцевъ, къ кому на мѣстахъ перестали наниматься.

— Ваше Высокоблагословеніе! Не можете ли выслать мнѣ изъ голодныхъ губерній рабочихъ? Мнѣ нужны скотникъ и скотница, мужъ и жена, безъ дѣтей, умные и трезвые. Жалованіе могу уплатить таковымъ до 90 рублей на обоихъ.

Смоленская губернія 1911. 29. XII.

Это выходитъ 4 рубля ежемѣсячно каждому. Теперь такихъ цѣнъ нѣтъ даже въ Бѣлоруссіи.

Отецъ Алексѣй качаетъ головой:

— А здѣшніе «участники» хуже. Вотъ Суходоловъ прямо изъ хлѣба нанимаетъ... Да хлѣбъ-то какой. Мѣсяцъ походитъ батракъ, вѣтромъ качаетъ его... Просили у нихъ на голодныхъ, гроша не далъ никто.

Столько работы у отца Алексѣя, что даже не справиться. Ему помогаютъ московскія курсистки. Странный это симбіозъ. Пожилой, положительный попъ, вросшій въ степной черноземъ узловатыми корнями, и курсистки первокурсницы, все больше горожанки, которыя сроду не видали деревни, и, кажется, до самаго пріѣзда вѣрили, что булки на елкѣ ростутъ, а манную крупу сѣютъ на полѣ, потомъ собираютъ въ колосьяхъ.

Московскіе женскіе курсы сдѣлали сборъ и отправили деньги отцу Алексѣю на устройство столовой. Эта столовая такъ и зовется: «имени московскихъ женскихъ курсовъ». По просьбѣ отца Алексѣя, они прислали делегатокъ слѣдить за расходомъ продуктовъ. Эти делегатки были запряжены въ лямку,—ѣздили по селамъ во всемъ околоткѣ, слѣдили за столовыми и провѣряли отчеты, отпускали продукты, прибавляли, убавляли. Русскіе ихъ называли: «сестрица», а татары просто: «дивка». Онѣ черезъ мѣсяцъ мѣнялись. Однѣ вернутся въ Москву, а другія пріѣдутъ.

Такимъ образомъ округъ отца Алексѣя служилъ практической школой познанія деревни для женской молодежи. Мнѣ кажется, эта наука стоитъ того, чтобы ею заняться хоть мѣсяцъ.

Мы застали въ селѣ Шаропани двухъ делегатокъ, Катю и Лизу. Лиза была бѣлокурая, тонкая, задумчивая. Голодная деревня ее ошеломила, и она все повторяла вслухъ, но какъ будто про себя.: «Господи, я и не знала, что у нихъ такой ужасъ—и подкупъ, и пьянство. Безъ вина ничего не обходится. Къ чему же говорятъ про ихнюю сознательность... А намъ они не вѣрятъ, что будто мы безплатно. «Полно врать, говорятъ, какъ это безплатно? Значитъ, воруете что ли»?

— Да,—поясняетъ отецъ Алексѣй,—у нихъ и пословица есть: «какъ кизякъ ни неси, все съ него соръ сыплется».

— А какіе они грязные, Господи Боже,—думаетъ Лиза по прежнему вслухъ, и ея свѣтлые глазки темнѣютъ отъ печали.

Катя—беззаботная, смуглый чертенокъ, переодѣтый мальчишка. Съ перваго дня она стала ѣздить верхомъ безъ сѣдла, по-мужски, на деревенскихъ клячахъ. Правда, эти голодныя клячи были на манеръ механическихъ лошадокъ съ плохою пружиной. Два шага ступитъ и станетъ. Дня черезъ три Катя ве-

лѣла запречь лошадей, чтобъ ѣхать въ Медвѣдку, еще и Лизу сманила и третью подругу Клестову; потомъ отъ гумна отпустила ямщика и поѣхала сама за ямщика. До Медвѣдки онѣ добрались, а на обратномъ пути заблудились и блуждали всю ночь. Лиза чуть не замерзла. Когда онѣ добрались, наконецъ, до села, ей по степному обычаю оттаивали руки въ холодной водѣ. Клестова послѣ того три дня пролежала въ постели и тотчасъ же сбѣжала въ Москву. А Катѣ спола-горя, скалитъ острые зубки и шныряетъ глазами кругомъ, выискиваетъ случая, какъ бы опять накуралесить.

Батюшка ворчитъ, а въ сущности не чаетъ души въ залетныхъ гостьяхъ своихъ.

— Слоняетесь по избамъ,—говоритъ,—макушки обиваете.

И вправду, избушки такія низкія,—только ступи на порогъ, тотчасъ же макушку себѣ обобьешь объ косякъ или объ балку.

Округа у отца Алексѣя татарская. Только село Шаропань русское старинное, тамбовскаго корня. Даже и говоръ у нихъ «тамбоватый», по слову сосѣдей: Ваньтя, Дуньтя. У нихъ уцѣлѣла тамбовская «форма»,—шерстяныя паневы, ковры домотканные, даже оборы къ лаптямъ самодѣльнаго тканья.

Верстъ за 7 еще одна церковь въ Бурдашкинѣ, мордовскомъ селѣ. Здѣсь священника нѣтъ и, должно быть, не будетъ; а псаломщикъ назначенъ. Нѣтъ ни дохода, ни службы, ни сборовъ. За 5 мѣсяцевъ онъ получилъ 17 руб. 42 коп. доходу, изъ которыхъ уплатилъ благочинному сборовъ на духовно-учебныя заведенія и на всякія нужды 9 р. 55 к.

— А какъ вы живете?

— Да пойду по домамъ, спрошу кошолку соломы для коровы, да съ корчагу муки для дѣтей. Прежде давали, теперь не даютъ. Прошеніе подалъ благочинному: переведите куда-нибудь. Но архіерей положилъ резолюцію: пяти лѣтъ еще не прослужилъ на мѣстѣ и поведенія «весьма хорошаго», а надо отличнаго, на *5*.

— Намъ, духовенству, ставятъ отмѣтки, какъ школьникамъ,— поясняетъ отецъ Алексѣй.—Но нашъ благочинный ставитъ пятерку: «отлично», только тремъ старикамъ, а всѣмъ остальнымъ четверку: «весьма хорошо», а псаломщикамъ по просту тройку: «хорошо».

Татары совсѣмъ пропадаютъ отъ голода, тифа, цынги.

— Боже васъ сохрани это цынгой называть, — предупреждаетъ отецъ Алексѣй.—У насъ даже татары не смѣютъ ска-

зать, что цынга, а называютъ скромненько и тоже по-русски: *хурпухъ* (пухлая хворь).

— Вы шутите, батюшка?

— Какія тутъ шутки! Въ прошлую голодовку въ селѣ Батраковѣ столовая была у священника, а онъ предоставилъ распредѣленіе ссуды крестьянамъ. Они такъ распредѣлили, чтобъ всѣмъ хотя по фунту досталось, и бѣднымъ и богатымъ. Ну, бѣдныя семьи, сидя на одномъ фунтѣ, стали пухнуть отъ голода, синія пятна по тѣлу пошли. Онъ возьми съ большого ума и напиши корреспонденцію въ «Новое Время», что въ Батраковѣ цынга. Губернаторъ отправилъ врача, а врачъ не нашелъ цынги. Губернаторъ сейчасъ къ архіерею. Потянули моего попа за распространеніе ложныхъ слуховъ. Я въ то время былъ въ гостяхъ у врача Архангельскаго. «Ты, говоритъ, видѣлъ цынготныхъ?»—«Нѣтъ, не видалъ».—«Айда, говоритъ, смотрѣть». Пришли. Трое лежатъ, десны кровавыя, синія пятна по тѣлу и даже суставы опухли. «Вы откель?»—«Изъ села Батракова. Тамъ и еще два десятка такихъ же лежатъ». Зло меня разобрало. Я сейчасъ къ губернатору въ городъ. «Я, говоритъ, къ вамъ полицію пришлю. Вы мутите народъ».—«Нѣтъ, говорю, вы ужъ лучше пошлите лимоновъ». Правда, купили сахару, чаю, лимоновъ, отправили туда, чайную открыли на 600 человѣкъ, затоптали цынгу.

— Вамъ, батюшка, вѣрно, тоже влетало.

— Было всего. На конѣ и подъ конемъ. За штатомъ я былъ и даже въ монастырь посылали. Слыхали, небось, каковы монастырскіе блины. Келья какъ карцеръ, голая койка, сальный подрясникъ виситъ на стѣнѣ, а въ ящикѣ бутылки. Да спасибо, крестьяне вступились...

Отецъ Алексѣй, впрочемъ, не унываетъ. Дѣтей у него нѣтъ. Все безпокойство ума своего и живость темперамента онъ вкладываетъ въ общественныя дѣла.

— Работаемъ нынѣ запоемъ,—разсказывалъ онъ,—гдѣ что берется; а кончится эта голодная кампанія, такъ скучно станетъ, смерть. Нашъ родъ такой безпокойный. Мой братъ старшій здѣсь раньше служилъ, а я въ Молоковѣ. До того заработался, померъ. Церковь затѣялъ кирпичную строить безъ денегъ, два часа въ сутки спалъ. Крецитное товарищество упало, а онъ возобновилъ. Я теперь его попечителемъ состою. Столовыя организую, работы направляю, плотины и дамбы, планы черчу и техникомъ давно состою. Вы спросите, чѣмъ я не состою. Жаль, что насъ малому учатъ. Надо бы духовенство обучать не греческому да римскому,

а медицинѣ и русскимъ законамъ. До чего доходитъ. Мальчикъ сидѣлъ на печи, и такъ ее жарко истопили, что онъ не замѣтилъ и сидѣнье обжогъ. И ему эту рану посыпали солью подъ видомъ лекарства. Въ 1906 году я построилъ въ Молоковѣ плотину на средства трудовой помощи, 600 саженей длины. Сколько рыбы потомъ развелось, какой водопой. Да отъ голодной кампаніи двѣ тысячи остались. Не бывать бы счастью, да несчастье помогло. Мы основали отдѣлъ трудовой помощи, еще денегъ собрали, три школы построили,—въ Кутушахъ, Ананьевѣ, Лаврентьевѣ. Случные пункты основали, агронома завели. Устроили пріютъ для бѣдныхъ дѣтей. Дали намъ отъ общества землю. 80 дѣтишекъ учились ремесламъ. Вотъ сколько настроили. Ну, знаете, священникъ—статья преходящая. Сегодня здѣ, а завтра индѣ. Такъ все и разсохлось... А вотъ и теперь посмотрите, не я буду, если на остатки не построю хоть школу. Уже примѣряемся. Думаемъ на шесть лѣтъ закатить, съ двойнымъ курсомъ. Лекціи будемъ читать. Устроимъ кружокъ. Тутъ два священника славные есть, учитель хорошій, да агрономъ, да два-три мужика. Широкій размахъ заведемъ. Не знаемъ, куда онъ захватитъ... Вотъ, если будетъ у насъ новая волость, тогда мы, дѣйствительно махнемъ.

— А что, батюшка, вы бы пошли въ волостные старшины?

Отецъ Алексѣй засмѣялся.

— Ужъ дѣлали опытъ въ 1905 году. Былъ молодой благочинный, отецъ Никаноръ, семейный человѣкъ, уравновѣшенный, спокойный. Ѣздили къ нему, собирались, выпивали. Онъ былъ человѣкъ сильный. Ему выпить бутылку ничего не значило. Тутъ пріѣхалъ делегатъ изъ города, воззваніе привезъ: «Пастыри, священники, отцы, прояснитесь и будьте вождями народа!» Онъ и прояснился. Собралъ всесословную волость, а старую отставилъ, и былъ избранъ предсѣдателемъ. За то его запретили; и назначили другого. Я ѣздилъ депутатомъ хлопотать; новый благочинный тоже поѣхалъ и сказалъ, что я, молъ, не желаю быть на мѣстѣ несправедливо смѣщеннаго. Тогда его возобновили и такъ онъ и умеръ въ благочинныхъ, еще молодымъ, отъ саркомы... Царство ему небесное!..

Мнѣ надоѣло спрашивать о голодѣ и слушать отвѣты о водкѣ, и я измѣнилъ постановку вопроса.

— Скажите, отецъ Алексѣй, неужели у вашихъ крестьянъ отъ трехъ урожаевъ ничего не осталось?

— Откуда останется?—Онъ покачалъ головой.—Вѣдь они были голые, босые, жили въ землянкахъ. Вотъ прежде всего

они накупили одежды, такіе пиджаки да штиблеты, для бабъ пуховые платки и «японки», тѣ, что съ рукавами разлетайными (кимоно). Послѣ того они бросились въ стройку. Видали по селамъ, какія хоромы взбодрили. Бревенчатыя стѣны. А вѣдь каждое бревно обходится только за доставку отъ Волги по 3 рубля, не считая продажной цѣны. Потомъ стали покупать машины, сѣялки да вѣялки, лобогрѣйки, плуги. А пуще всего закупили скота. Нашъ мужикъ жаденъ къ скоту не меньше башкирца. Коровы, лошади, овцы,—вся его радость. «Скотина дворъ краситъ». А теперь и скотина пропала.

Я вспомнилъ недавнюю встрѣчу въ степи. Бездомный батракъ, обратный сибирскій пришелецъ, въ конецъ разоренный и разбитый переселенческой тягой, разсказывалъ съ жаромъ о старыхъ поселкахъ на какой-то миѳической рѣчкѣ Саракутъ у озера Кара-Суль.

— О, и богато живутъ, по многу скота держатъ. Когда проѣзжалъ губернаторъ, они собрали ему весь скотъ на поглядѣнье. Ну и скотъ. Спины-то красныя, головы лысыя, а ноги въ чулкахъ. Одна къ одной. Такъ онъ даже руками всплеснулъ: «Молодцы саракутскіе». Потомъ старшина похвалялся, что если весь этотъ скотъ рядами поставить, до Акмолинска хватитъ.

Такъ говорилъ этотъ бездомный батракъ, и взглядъ его вспыхивалъ жаднымъ огнемъ. Стихійная русская степь, еще кочевая въ инстинктахъ и стремленіяхъ...

А отецъ Алексѣй продолжалъ—въ тонъ моимъ мыслямъ.

— У насъ вѣдь по старому живутъ. Взять хоть кулачные бои. Стѣнка на стѣнку выходятъ, *какъ искони-бѣ*. Дерутся *до согрѣву, до первой крови, до перваго увѣчья.* Увѣчатъ другъ друга. Даже почтенные люди дерутся, сѣдые старики... Ужъ я что ни говорилъ, унять не могу. Разъ въ церкви послѣ обѣдни всталъ на колѣни. «Вотъ православные, я вамъ говорилъ проповѣди, чтобъ вы на кулачки не дрались, а вы не слушаете. Что же мнѣ дѣлать? Апостолъ Павелъ говоритъ: «Моли!» Вотъ я на колѣнки встану». И всталъ посередь церкви. Такъ крикъ прокатился. «Не будемъ!» Стыдно имъ стало.

Вотъ какими путями насаждаютъ въ Россіи простѣйшую культуру.

Впрочемъ, село Шаропань—это идиллическій островъ среди безконечнаго моря, ибо слѣва и справа идетъ мордобой. Сосѣднія села блюдутъ старинный обычай и бьются на славу, на площади, тутъ же у церкви. Мы проѣзжали на Масляной и видѣли это повсюду. Человѣкъ 300 сойдется и даже 500, раздѣлятся

на два стана и лупятъ другъ друга по мордѣ, только плескъ раздается, словно полощутъ бѣлье. Ямщикъ мой, бывало, глядитъ и презрительно щурится:

— Какая это драка! Это голодная драка. Вотъ въ урожайное время дерутся не этакъ. У насъ на селѣ два конца—«Конный» и «Голый». Лѣзутъ, какъ звѣри, одни на другихъ, кулаки не берутъ, такъ гирями дерутся. На прошлую Масляну два человѣка убили...

Отецъ Алексѣй разсказывалъ дальше.

— Въ селѣ Марковѣ, такъ вышло по худому. Пришелъ торговецъ къ священнику. «Откроемъ Союзъ русскаго народа». Тотъ человѣкъ аккуратный, подумалъ: «Союзъ такъ Союзъ, не все ли мнѣ равно. А если не сдѣлать, вѣдь онъ донесетъ». Устроили союзъ. Пріѣхалъ человѣкъ изъ «губерніи» и знамя привезъ. То знамя внесли въ церковь и пошла булга. Другіе крестьяне стали говорить: Какъ это «Русскаго народа»? «А мы кто, не русскаго народа?»—«Стало быть, нѣтъ. Вы—люцинеры, враги».—«Да развѣ мы не одного отца дѣти?»—«Вы—с... дѣти». Дальше и больше. «Въ тысячи»—самый союзъ. Ворота дегтемъ вымазали. Вотъ подошло самое кулачное время. Они подѣлились пополамъ и полѣзли на бой. Тутъ они и рѣзались, и дрались, и грызлись, какъ собаки. А ночью священника домъ облили керосиномъ и зажгли. Священникъ ушелъ и назадъ не вернулся. Съ тѣхъ поръ каждую весну выходятъ партія на партію, дерутся смертнымъ боемъ.

На слѣдующій вечеръ я еще разъ убѣдился, что приволжская степь, дѣйствительно, живетъ по старому. Это было въ Прощеное Воскресенье. Ударили къ вечернѣ. Мы захотѣли взглянуть на недостроенную церковь, подъ камнями которой одинъ іерей ужъ положилъ свою жизнь.

Церковь была построена вчернѣ, но тамъ было холодно, холоднѣе, чѣмъ на улицѣ. Заволжскія церкви, впрочемъ, отопляются рѣдко, и въ нихъ отправляется зимою холодная служба. Прихожане приходятъ въ тулупахъ, а батюшка подъ ризами закутанъ во всякую рухлядь, но все-таки мерзнетъ. Не отсюда ли пословица:—«стоитъ попъ низокъ, на немъ сто ризокъ»?

Такъ было и здѣсь. Народу собралось довольно, но всѣ лица были запрятаны въ овчину. Только свѣтились макушки открытыхъ головъ. У всѣхъ были валенки, двойныя рукавицы, тугіе пояса. Бабы закутались въ шали до глазъ. Старухи кашляли. Кончилась служба. Отецъ Алексѣй вышелъ впередъ и сказалъ:—«Ну, православные, зима у насъ тяжко прошла, а нынѣ Прощеный день. Можетъ, я вамъ обиду причинилъ, или слово дурное сказалъ, не

помогъ вамъ, не защитилъ васъ. Простите меня, ради Христа!» И всталъ на колѣни. Люди въ тулупахъ бухнули прямо на землю, долго лежали и встали съ трудомъ.

Мы посинѣли отъ стужи и рады были вернуться обратно въ тепло. Но батюшка послѣ за чаемъ сказалъ:

— Какая это стужа! Вотъ на Срѣтенье былъ морозъ. Слышу: ризы на мнѣ застыли и стали, какъ ледъ. Насилу дослужилъ. Подъ руки меня увели домой, снѣгомъ лицо растирали...

Съ вечера пріѣхалъ литвинъ-арендаторъ, близкій сосѣдъ и шахматный партнеръ отца Алексѣя. Они сѣли играть очередную партію. У нихъ затѣялся матчъ на 20 партій и былъ поставленъ закладъ. батюшка поставилъ чернаго козла изъ конюшни, а арендаторъ кривую кобылу. Кобыла была крестьянская, куплена съ осени за три рубля «на шкуру» въ сотнѣ другихъ, но случайно уцѣлѣла. Условіе было такое, что если батюшка возьметъ хотъ одну партію, то кобыла его. Но каждый разъ арендаторъ вставалъ и хладнокровно заявлялъ: «еще двадцатую часть козла я выигралъ».

На слѣдующее утро мы снаряжались въ дорогу, собираясь отправиться дальше. Съ нами уѣзжали обѣ дѣвицы, и Катя и Лиза. Они направлялись къ желѣзной дорогѣ, и дальше въ Москву. Имъ предстояло сдавать первый экзаменъ, и онѣ ни за что не хотѣли отстать отъ подругъ. На ихъ мѣсто должны были пріѣхать другія.

Отецъ Алексѣй огорчился. Даже смотрѣть на него было жалко. Онъ и объ насъ позабылъ и все ходилъ да посматривалъ на залетныхъ столичныхъ птичекъ, которыя собрались улетѣть изъ заволжскихъ степей обратно на сѣверъ. Съ ними словно улетали изъ этого дома, лишеннаго дѣтей, и радость, и свѣтъ. Матушка готовила корзину съ провизіей, чайникъ, какой-то дорожный погребецъ. Тутъ были куры и свѣжія лепешки, огромный пирогъ, даже коньякъ въ плоской бутылочкѣ.

— А ну, покажите ваши шубы,—сурово сказалъ отецъ Алексѣй.

— Сейчасъ,—отвѣчали дѣвицы.—У насъ все снаряженіе есть,—говорили они съ гордостью.

— Намъ собирали на курсахъ. Отличныя шубы, валенки и шапки. Что у кого было...

Шубы оказались на рыбьемъ мѣху, валенки вродѣ суконныхъ чулокъ, а шапки изъ поддѣльнаго барашка. Отецъ Алексѣй презрительно фыркнулъ и принесъ пару огромныхъ тулуповъ, валенки широкія, какъ ведра, пояса, одѣяло изъ овчины.

Своими руками онъ завернулъ въ тулупы и Катю, и Лизу, затянулъ пояса, завязалъ башлыки.

— Ну, стрекозы, давайте, попрощаемся по русски!..

Голосъ его задрожалъ и сорвался.

— Трогай, ямщикъ!..

— Стрекозы мои!..

Исчезло село Шаропань...

Лошади вытянулись гусемъ по узкой дорогѣ, выпуклой отъ вѣтра. Ямщикъ поднимаетъ первый коротенькій кнутъ, и хлещетъ налѣво, по задней; потомъ другой кнутъ, въ четыре сажени длиною, и хлещетъ направо, по передней гусевой. Оба кнута привязаны сверху, на общей ременной петлѣ.

Жарь въ два кнута налѣво и направо!.. Въ русской деревнѣ иначе не принято ѣздить...

VIII.

Голосъ изъ публики.

— «Кто ѣдетъ?»—«Голодные члены!»

Мы странствуемъ въ далекой степи по Иргизу и Общему Сырту, и съ нами гуляетъ легенда. Она насъ обогнала и странствуетъ предъ нами: ѣдутъ князья изъ Петербурга, везутъ сто тысячъ рублей для раздачи народу.

Легенда не очень полезная. Какъ бы еще насъ по голодному дѣлу не ограбили въ дорогѣ. Все-таки насъ встрѣчаютъ съ почетомъ,—какъ пошехонцы рака встрѣчали со звономъ колокольнымъ,—а провожаютъ, увы, съ унылой и постною миной.

Князья изъ Петербурга!.. Одинъ изъ насъ, дѣйствительно, имѣетъ право на титулъ. Но что касается тысячъ, то всѣ наши рессурсы состоятъ изъ двухъ четвертныхъ, да и то сборныхъ. Одна изъ нихъ моя, а другая—моего спутника. Все остальное конфисковано въ зародышѣ, «дабы не разъединять планомѣрной рзботы по оказанію помощи», — какъ сказано въ циркулярѣ г. казанскаго губернатора отъ 23 ноября 1911 года, за № 16.744. Даже сговориться съ мужиками намъ не всегда удается. Вотъ, напримѣръ, «Красный Крестъ». Устроители столовыхъ, съ попами во главѣ, и тѣ, кто деньги собирали по рублямъ и копѣйкамъ, отъ самого бѣднаго рабочаго до богатаго купца, и слышать не желаютъ этого почетнаго имени, а крестьяне раз-

бираютъ по своему. Вся продовольственная помощь дѣлится для нихъ на двѣ категоріи. I. Казенная ссуда. Это—*комитетъ*.

— Сколько получаешь комитета?

— Полтора пуда комитета.

А все остальное, включая «Народное Здравіе», «Вольно-Экономическое Общество» и «Пироговское Общество» и Кедрова съ Цвѣтковымъ,—это отъ «Краснаго креста».

Мнѣ, положимъ, смѣшно, но спутникъ мой трясется отъ злости. Приходится провѣрять продовольственные списки, кто получаетъ казенную ссуду и кто частную помощь. Волей неволей надо примѣняться къ крестьянской терминологіи, иначе они не понимаютъ.

— Ты что получаешь, комитетъ? Сколько пудовъ комитета?..

— А дѣти твои получаютъ отъ «Краснаго креста?..»

Послѣ каждой провѣрки мой спутникъ читаетъ крестьянамъ длинную рѣчь, о томъ, что это не отъ «Краснаго Креста», ничуть не отъ него, что это «жертвенныя» деньги, собранныя бѣдными людьми по копѣйкамъ, безъ помощи начальства. Они слушаютъ внимательно, а понимаютъ по своему.

Помните у Чехова:

— Мы относимся къ вамъ по человѣчески. Платите и вы намъ той же монетой.

— Платить надо. Платите, говоритъ, братцы, монетой.

И въ новомъ селѣ опять начинается тоже.

Мы заѣзжаемъ порою въ странныя мѣста. Въ субботу пріѣхали въ полночь въ село Лепешово и заѣхали въ «волость». Вздули огонь, и первое, что я увидѣлъ въ огромной и грязной избѣ, было пять паръ лаптей, торчавшихъ мнѣ прямо на встрѣчу, какъ десять указательныхъ пальцевъ.

— Чьи это ноги?

И стражникъ отвѣтилъ:

— Это арестанты порубщики. Въ холодной они замерзали. Вотъ мы ихъ перевели сюда.

Я присмотрѣлся поближе: головъ было только четыре. Опять пересчиталъ ноги—пять паръ. Что за оказія? Или это пошехонцы, тѣ самые, что потеряли лаптей шесть, а сыскали семь?..

Но потомъ оказалось, что отъ холода одинъ изъ крестьянъ подкатился подъ тѣло другого и сунулъ голову ему подъ мышку, какъ дѣлаютъ гуси въ пустынѣ.

Настало воскресное утро, широкая масляница. Мы сѣли пить чай, а арестанты посмотрѣли, помолчали и вдругъ попросили: «хлѣбца!»

Насъ обуялъ духъ расточительности, и мы накупили баранокъ и хлѣба, масла, и сахару, и отдали все это злосчастнымъ нарушителямъ закона. Они поблагодарили, а потомъ самый старшій взглянулъ мнѣ съ надеждой въ лицо и внезапно спросилъ:

— Не вы ли будете нашъ новый земскій начальникъ?

Это показываетъ, что даже въ сердцахъ закоснѣлыхъ порубщиковъ таится лазурная греза о земскомъ начальникѣ, который безплатно раздаетъ желающимъ баранки и масло.

На дѣлѣ однако земскіе начальники ничего не раздаютъ, а, напротивъ, собираютъ.

Изъ села Лепешова мы забрались на самую границу губерніи. Здѣсь мѣсто, гдѣ бабы втыкаютъ прялки въ небо и вѣшаютъ на нихъ кудель. Почта приходитъ сюда съ опозданіемъ на мѣсяцъ. Кругомъ еще сохранилась цѣлина, ковылевая степь. Надѣлы крестьянъ 28 десятинъ на душу, есть даже 31 десятина. Сюда переселяются тысячи полтавцевъ и тавричанъ, словно въ обѣтованную землю. Мѣстные жители высокіе, толстые, красные, какъ степные быки. Вотъ этотъ съ лица, какъ огонь, а тотъ поднимаетъ 2 пуда на лѣвомъ мизинцѣ (?).

Странные люди и странная жизнь. Огромныя села въ 4000 душъ, просторныя избы съ рѣзными коньками, дорогія машины; но сѣялки и вѣялки зимуютъ подъ снѣгомъ безъ всякаго прикрытія, какъ будто кусты саксаула. Въ селѣ трое портныхъ съ зелеными вывѣсками, а слесаря нѣтъ, чтобъ починить не то что косилку, а даже замокъ. Имѣется только ведерникъ, который вставляетъ въ старыя ведра новыя желѣзныя донья. Патріархальные нравы, а чуть не у каждой избы ворота замазаны дегтемъ и даже не обтерты. Прохожіе, любуйтесь!

Грамотныхъ разъ два и обчелся, но на каждомъ заборѣ красуется русская надпись, вродѣ помпейскихъ графитовъ.

Зато въ этихъ далекихъ Украйнахъ нѣтъ человѣческихъ копій, стертой дешевой монеты. Все оригиналы.

Хохлацкій ходокъ Неудаха, унылое имя. Пробовалъ варить для дѣтей похлебку изъ сѣна, хоть не былъ въ Куоккалѣ. Но дѣти не ѣли; даже не ѣла корова.

Василій Силайкинъ, интеллигентный портной, по жизни и по мыслямъ. Съ голоду помретъ, а куска не попроситъ.

Староста Авдотья. Сама надѣваетъ мѣдную бляху на бѣлую

грудь и задаетъ трепку пьяному мужу, да кстати и всѣмъ старикамъ.

Священникъ Кузьминскій. Ему 70 лѣтъ, у него цѣлы всѣ зубы, а волосы расчесаны кудрями. Онъ ѣздитъ за требой въ лютые морозы и бураны въ самые глухіе хутора, куда и дорогъ не бываетъ.

Но можетъ быть, всѣхъ любопытнѣе Василій Алексѣичъ Тягуновъ, торговецъ изъ Черниговки.

11 января текущаго года, на публичномъ засѣданіи Общества Народнаго Здравія въ губернскомъ городѣ, товарищъ предсѣдателя сдѣлалъ докладъ о голодѣ. Народу было, увы, немного, человѣкъ пятьдесятъ. Докладчикъ, однако, такъ взволновался, что не могъ докончить своего разсказа.

— Можетъ быть, есть тутъ кто-нибудь,—сказалъ онъ безпомощнымъ тономъ,—кто тоже видѣлъ собственными глазами, какъ маленькія дѣти отруби жуютъ вмѣсто хлѣба.

Въ отвѣтъ на это изъ публики поднялся человѣкъ и въ такихъ же несвязныхъ словахъ сталъ говорить, что онъ пріѣхалъ изъ деревни и что народъ переживаетъ тяжелое время. На другой день «Голосъ Октябриста», вздорная мѣстная газетка, въ сущности совсѣмъ не октябристская, а черносотенная насквозь, назвала этотъ инцидентъ «митинговымъ выступленіемъ».

Этотъ докладчикъ изъ публики и былъ Тягуновъ. Я встрѣтилъ его послѣ въ Черниговкѣ. Это былъ человѣкъ уже не очень молодой, высокаго роста и желѣзнаго сложенія. Онъ считался первымъ силачемъ въ огромномъ селѣ и о крѣпости его ходили баснословные разсказы. Онъ, впрочемъ, говорилъ о себѣ скромно: «я силой не хвастаюсь; вотъ если бы я упражнялся, тогда другое дѣло».

Несмотря на свою силу, Василій Алексѣичъ былъ человѣкъ степенный и склонный къ меланхоліи. Онъ не пилъ ни капли, въ кулачныхъ бояхъ не участвовалъ и даже дома не дрался никогда. Онъ остался послѣ отца девятилѣтнимъ сиротой и началъ съ немногаго. Теперь лавка его имѣла стотысячный оборотъ, у него были значительные запасы хлѣба и участокъ земли въ тысячу слишкомъ десятинъ.

Василій Алексѣичъ — человѣкъ настойчивый. Въ городъ поѣдетъ, такъ ѣдетъ и ночью и днемъ,—буранъ не буранъ,—пока не доѣдетъ. За нимъ не угонишься. Въ случаѣ чего самъ и лошадь потащитъ вмѣстѣ съ санями. Въ дѣлахъ у него былъ исключительный нюхъ.

— Сколько сѣяли сей годъ хлѣба, Василій Алексѣичъ?..

— Не сѣялъ ничего. Тотъ годъ сѣялъ 130 десятинъ, десять тысячъ пудовъ хлѣба собралъ. Подумалъ, подумалъ: хлѣбъ дешевый,

взялъ да и бросилъ. Только еще прикупилъ десять тысячъ пудовъ. Мнѣ всегда везетъ. Нажилъ копѣйку на копѣйку.

— А землю скупаете?

Василій Алексѣичъ нѣсколько насупился, но отвѣтилъ правдиво.

— Да, скупаю. 33 надѣла скупилъ по 400 руб., да своихъ было 3. Три года крѣпился. Придутъ продавать, а я ему читаю программу: «что ты дѣлаешь, да какъ будешь жить?» А онъ пойдетъ и другому продаетъ дешевле, чѣмъ мнѣ. Сей годъ завалили меня надѣлами, не могъ устоять.

Однако, рядомъ съ этими дѣловыми инстинктами въ душѣ Тягунова жили совсѣмъ другія чувства, и его взволнованныя рѣчи о тяжелыхъ временахъ не были только пустыми фразами. Онъ показалъ намъ цѣлую сѣть голодныхъ столовыхъ, раскинутую на 20 селеній. Столовыя эти были закрыты по манію урядника, но нынѣ имѣли открыться. Василій Алексѣичъ бросилъ свою лавку и ѣздилъ съ нами изъ села въ село, съ безконечнымъ терпѣніемъ возстановляя разорванныя петли, разрѣшая безпрестанные споры и распыляя пайки, такъ, чтобы хватило по возможности больше народу.

Дѣлу кормленія онъ отдавалъ не только свое время, но также свои деньги, что пріобрѣтательскому сердцу дается труднѣе.

— До вашихъ столовыхъ казенныя были, — разсказывалъ онъ.—Мы съ батюшкой собственныхъ денегъ истратили сотню рублей, а земскій не хочетъ отдать. Ну, и Богъ съ ними, пусть пропадаютъ.

Съ нами онъ держалъ себя, впрочемъ, угрюмо, почти непріязненно.

— Садитесь, Василій Алексѣичъ!

— Ничего-съ, мы привычны стоять.

Только придемъ въ столовую:

— Извольте провѣрить отчетность. Не будетъ ли жалобъ.

И самъ тотчасъ же на улицу уйдетъ, чтобы возможные жалобщики были смѣлѣе.

Но этимъ голоднымъ старухамъ было, конечно, не до жалобъ.

Мы подъѣзжали къ нему и такъ, и этакъ.

— Вы гдѣ учились, Василій Алексѣичъ?

— Нигдѣ не учился. Я—человѣкъ неученый.

— А газету выписываете?

— Да, «Русское Слово». Это моя газета. Ужъ я и бросалъ ее, и хворалъ отъ нея, а отстать не могу, какъ пьяница отъ водки.

— А книги читаете?

— Люблю читать,—скромно признался онъ,—выписываю серьезные журналы, «Родину», «Ниву», «Лучъ». Я человѣкъ неученый,—повторилъ онъ тотчасъ, замѣтивъ улыбку въ глазахъ моего спутника.—Не успѣваю читать.

Но на слѣдующее утро его, наконецъ, прорвало. Онъ пришелъ сердитый, съ какимъ-то измятымъ лицомъ и сталъ говорить, почти кричать на насъ обоихъ.

— Что вы думаете, отчего народъ худой? Все съ него, все на его шею. Онъ извѣрился теперь въ васъ. Вы думаете, онъ вѣритъ вамъ, что вы ѣздите такъ, безъ платы, или хоть мнѣ, что я для него стараюсь. Думаютъ, что я 500 цѣлковыхъ наживу. Отчаянье приходитъ...

И вдругъ на глазахъ его показались слезы, и этотъ огромный человѣкъ съ желѣзными руками всхлипнулъ и присѣлъ на стулъ. Потомъ досталъ платокъ и сталъ некрасиво утирать лицо.

— Богъ съ вами, Василій Алексѣичъ; что вы такой чувствительный.

— Да какъ же, вѣдь не съ кѣмъ подѣлиться... Накипѣло на душѣ... Вы отвѣтственны, вы—писатели, земцы, князья, стоите наверху. Что же вы не учите, не пишете, какъ надо. Водкой поите, ѣсть не даете...

— Богъ съ вами, развѣ мы поимъ?

— А то кто же? Вы на верху, а мы на низу. Съ кого же намъ спрашивать? Покинуты мы, неученые, бѣдные, злые...

Его политическая невинность была несокрушима. Но часто онъ говорилъ такія словечки, что стѣны могли расколоться.

— Богъ съ вами, что это вы говорите. Знаете вы, что за это бываетъ?..

— Да вѣдь я говорю правду. Что можетъ быть за правду?..

И его круглые глаза были наполнены наивнымъ удивленіемъ.

Послѣ этого случая, впрочемъ, онъ сталъ гораздо довѣрчивѣе, и часто открывалъ предъ нами свои безсвязныя мысли и горькія чувства. Его злѣйшимъ врагомъ, какъ у всѣхъ деревенскихъ политиковъ, была водка. Онъ даже называлъ ее не прямо, а обходомъ: «жидкая», какъ дьявола называютъ «нечистый» или «черный».

— Деревня совсѣмъ залилась. За «жидкую», что хочешь, то купишь. Вотъ, къ примѣру, работы осеннія. Ямы копали. Тутъ было пьяное царство. Техники пили, десятники пили, крестьяне тоже пили. Напьется, начнетъ колобродить: «Отъ меня все зависитъ. Хочу—разрѣшу работы, хочу—отмѣню». Пляшетъ потомъ кругомъ ямы вмѣстѣ съ мужиками.

Этотъ разговоръ происходилъ у него въ домѣ. Его старенькая мама подняла руки къ небу.

— Ой, Боже, они тебя возненавидятъ. Ты станешь виноватымъ. Всѣхъ вѣдь не переучишь.

— Что вы, маменька?

И глядитъ на нее тѣми же невинными, круглыми глазами.

— Но только, конечно, не надо наказывать ихъ. Истреблять ихъ за то, что они худо живутъ, не кормить ихъ голодныхъ.

И словно, какъ эхо, на слѣдующій день башкирскій мулла Шакиръ Укерхановъ, торговый «дружокъ» Тягунова и стараго священника Кузьминскаго, тоже по своему идеалистъ, сказалъ мнѣ о своей паствѣ:

— Пьяные бываютъ. А что дѣлать будемъ. Если не кормимъ, совсѣмъ кончалъ будетъ. Такой глупый народъ.

Василій Алексѣичъ былъ горячимъ поклонникомъ Челышева, самарскаго депутата.

— Вы какъ хотите,—говорилъ онъ упрямо,—а я его одобряю. Надо большое развитіе народа, а то жить страшно. Худо намъ будетъ. По глупости своей и по лѣности они говорятъ про новый передѣлъ въ 1912 году, а работать между прочимъ не хотятъ. Надо бы все щегольство запретить, пиджаки и калоши, трактиры уничтожить, и винныя лавки, а устроить вездѣ школы, тысячи школъ, лекціи, тысячи лекцій.

Онъ повторилъ эти тысячи и тысячи, и глаза его сверкнули жаднымъ огонькомъ.

— А что же замѣнитъ винные доходы, Василій Алексѣичъ?

— Я въ это не вхожу. И какъ вы можете такъ словами играть,—сказалъ Тягуновъ, потомъ по привычкѣ насупился и рѣшительно отрѣзалъ:—Ну, пусть на наши лавки налоги наложатъ. Мы не поперечны...

Въ дѣлѣ устройства столовыхъ Василій Алексѣичъ часто проявлялъ рѣшительность своего нрава.

Онъ, напримѣръ, разсказывалъ.

— Пріѣхалъ я въ село Лебедиху, къ старшему священнику сходилъ. Онъ говоритъ: «не могу». Я къ младшему сходилъ. Онъ тоже говоритъ: «куда молъ иголка, туда же и нитка; если я пойду противъ старшаго, то мнѣ попадетъ». Тутъ я запечалился. «Батюшка, говорю, это плохая штука. Вѣдь люди голодные. Что они скажутъ, отцы, объ вашихъ отказахъ»? И вправду были на сходѣ, общество заревѣло: «на смарку поповъ».—Я, говорю, пріѣхалъ васъ не ссорить съ духовенствомъ, а мирить.—Тутъ

младшій священникъ, отецъ Черноводовъ, взялъ съ опасеніемъ. А послѣ втянулся въ дѣло, теперь какъ старается.

Василій Алексѣичъ увлекся.

— Это мы сдѣлаемъ все, какъ палкой сшибемъ. По нашему ты хоть телись, а сдѣлай, какъ надо.

Домъ у Тягунова былъ просторный и теплый. Всѣ бревна обхватныя, что требуетъ въ степи значительныхъ издержекъ. Но дѣтей у него не было. Были да мерли. Быть можетъ, поэтому его темпераментъ искалъ для себя общественнаго русла. Онъ былъ подъ пару отцу Алексѣю Небожилову, безпокойному іерею изъ села Шаропани.

Мы просидѣли цѣлый вечеръ и все разсуждали о томъ, когда лучше народу жилось, теперь или прежде. Жена Тягунова молчала, но старая мама поправила платокъ, повязанный повойникомъ, подперла рукою щеку и рѣшила.

— Теперь жить хуже. Раньше у крестьянъ стояли клади хлѣба. Молотили весной, когда сѣять. Сколько надо сѣмянъ, столько и намолотятъ. Жгли лучину, носили все свое. Трое братовъ имѣли одну шубу. А если женить жениха, ходили «въ шабры» (къ сосѣдямъ) сапоги занимать. Возьмутъ сапоги и оженятъ, и вернутъ сапоги. Теперь стали одѣваться безбожно. Идутъ хозяинъ и работникъ. Работникъ почище одѣтъ: теплый пиджакъ, высокій картузъ. Отъ этихъ молодыхъ вертопраховъ хлѣбъ изъ крестьянства уходитъ.

Василій Алексѣичъ молчалъ и по обыкновенію хмурился.

— А какъ по вашему?

— А по моему, Россія выходитъ, какъ я книгу читалъ, разсказъ. Шли трое и нашли бумажникъ денегъ. Стали дѣлить. Одного двое убили, а онъ имъ прежде яду подсыпалъ. Такой русскій народъ теперь. Такимъ его сдѣлали.

— Кто сдѣлалъ?

Василій Алексѣичъ повернулся и жестко сказалъ:

— Вы сдѣлали... Начальство...

Онъ по прежнему продолжалъ настаивать, что мы и начальство—одно и тоже.

— Другому человѣку свиней пасти не годится, а онъ выходитъ начальникъ,—сказалъ онъ въ видѣ комментарія.

— Ну, а выборы въ Государственную Думу?

Василій Алексѣичъ посмотрѣлъ какъ-то свысока и махнулъ рукою.

— Какіе выборы!.. У насъ что десятника выбрать, что сотскаго, или тамъ десятидворника для Думы, все одно.

— И въ четвертую Думу такъ будетъ?

— И въ четвертую такъ.

— А вы не выбирались?

— Я не охотникъ до казенныхъ должностей. Много охотниковъ есть на всякія мѣста. Къ примѣру, Рудаковъ. Если не выбрать его, такъ онъ захвораетъ. Какая бы ни была должность, хоть сторожемъ при сборнѣ. Сколько вина выпоитъ. Ну, ужъ чортъ съ нимъ, —самъ кричу: «выбирай Рудакова!»

— Какъ же будетъ?—началъ я безпомощнымъ тономъ. Этотъ безнадежный пессимизмъ дѣйствовалъ на меня заразительно.

— Не знаю,—сказалъ чистосердечно Василій Алексѣичъ.— Наша степная земля вродѣ, какъ хвостъ у собаки. Послѣ всѣхъ перевалится, сзади другихъ... Думаю, плохо будетъ, — прибавилъ онъ все-таки въ видѣ припѣва.

На слѣдующій день мы открывали столовыя довольно торжественно, при общемъ собраніи голодныхъ. Было это послѣ полудня. Они были голодные въ буквальномъ смыслѣ слова, ибо съ утра ничего не ѣли. Василій Алексѣичъ неожиданно расчувствовался и сказалъ коротенькую рѣчь о томъ, что это не казенная ссуда, а жертвенный хлѣбъ.

— Люди давали копѣйки, не отъ богатства, а отъ бѣдности своей, такіе же, какъ вы. И надо безъ шапки подходить, ѣсть съ благодарностью, Бога за братьевъ молить.

— Я имъ програму прочелъ,—сказалъ онъ намъ *a parte*, блестя разнѣженными глазами.

Рѣчи у него назывались «программами».

Но къ вечеру, когда мы уѣзжали, онъ хмурился опять и въ видѣ напутствія говорилъ намъ свое неизмѣнное *memento mori*.

— Помните, вы на верхахъ: если вы ничего не измѣните, погибнетъ Россія. Распадется по пылинкамъ, какъ снѣгъ на буранѣ. Помните! Богу дадите отчетъ!..

Что изъ того, что мы помнимъ...

Покинуты мы, неученые, бѣдные, злые.

Танъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

I.

НА КАРТИНЫ БЁКЛИНА.

Она костлявою рукой
Смычекъ свой медленно водила,
Дышали—въ мертвомъ взглядѣ сила,
И въ пѣснѣ неземной покой.

А онъ, откинувшись назадъ,
Внималъ напѣву, и на мигъ
Казалось духъ его постигъ,
Что струны смерти говорятъ.

II.

МОЛЧАНІЕ ВЪ ЛѢСУ.

Дубы стоятъ, какъ изваянья,
Встаетъ луна,—горитъ востокъ.
Идетъ, какъ тѣнь, единорогъ,
Идетъ глубокое «молчанье»...

Оно во мглу вперило взоръ,
Сковало сномъ густыя ели,
Оцѣпенѣлъ могучій боръ,
Стволы дубовъ окаменѣли.

Взглядъ тѣни мертвенно глубокъ,
И въ немъ—нѣмое приказанье...
Идетъ глубокое «молчанье»,
Идетъ, какъ тѣнь, единорогъ.

СТУДЕНЧЕСКІЕ ГОДЫ А. И. ЧУПРОВА.

(Въ письмахъ къ В. Н. Амфитеатрову).

Покойный протоіерей В. Н. Амфитеатровъ,—о. Валентинъ какъ звала его Москва,—былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ людей для А. И. Чупрова. Связь ихъ началась еще во время ученья А. И. въ калужской духовной семинаріи, гдѣ В. Н. былъ тогда преподавателемъ, и продолжалась всю жизнь, благодаря женитьбѣ В. Н. на сестрѣ А. И., Елизаветѣ Ивановнѣ. Послѣ кончины В. Н. въ бумагахъ его нашлась бережно сохраненная пачка писемъ, которыя А. И. присылалъ ему съ женой въ первые свои студенческіе годы. Мы помѣщаемъ здѣсь часть этихъ писемъ. Помимо цѣнности для біографіи А. И., свѣтлый, живой и увлекающійся характеръ котораго отражается въ нихъ необыкновенно ярко, письма эти заслуживаютъ воспроизведенія и какъ памятникъ студенческаго быта и настроеній общества въ 60-е годы.

Введеніемъ къ этимъ письмамъ могутъ послужить строки, которыми въ день исполнившагося шестидесятилѣтія А. И. Чупровъ помянулъ у себя въ дневникѣ свое дѣтство и первую юность. «Я выросъ въ прекрасной семьѣ и провелъ счастливѣйшее дѣтство, среди разумныхъ заботъ родителей и простой, но достаточной обстановки маленькаго города (Мосальска). Первоначальное ученіе подъ руководствомъ добрѣйшаго отца, отличнаго педагога, началось съ пяти лѣтъ и шло помаленьку, безъ всякаго излишняго напряженія силъ, всегда съ пріятностью и съ достаточнымъ успѣхомъ. Поступивъ въ калужскую семинарію уже на 16-мъ году жизни (нѣсколько мѣсяцевъ въ калужскомъ духовномъ училищѣ не идутъ въ счетъ), я имѣлъ счастье встрѣтить наставниковъ (Николай Лазаревичъ Зайцевъ и Валентинъ

Николаевичъ Амфитеатровъ), которые вызвали въ моей душѣ горячіе порывы къ знанію, къ общественному благу и влили зачатки того идеализма, которымъ были проникнуты сами. Въ концѣ семинарскаго ученія мнѣ выпало на долю пережить незабвенное начало 60-хъ годовъ и перечувствовать въ лучшую пору молодой жизни всю сладость существованія въ общественной средѣ, полной радостнаго возбужденія и свѣтлыхъ надеждъ. Задумавъ поступить въ университетъ, я былъ посланъ въ петербургскую академію, что дало мнѣ интереснѣйшій годъ жизни и возможность осенью перейти въ московскій университетъ безъ экзамена».

Къ этому моменту перехода изъ академіи въ университетъ и относится первое изъ сохранившихся у В. Н. Амфитеатрова писемъ.

Петербургъ, 25 августа 1862.

Милые мои Валентинъ Николаевичъ и Лиза.

Извините, что я двѣ почты не писалъ Вамъ. Въ Петербургѣ для меня такъ хлопотно, что трудно удѣлить даже нѣсколько минутъ на письмо. Я бѣгаю постоянно то туда, то сюда, такъ что цѣлыя полторы недѣли прихожу въ Академію часовъ въ 12 вечера. Дѣла мои, вѣроятно, скоро окончательно уладятся. Я подалъ прошеніе объ увольненіи изъ Академіи еще въ прошлое воскресенье, но до сихъ поръ не получилъ окончательнаго результата. Не знаю, что за крайность монахамъ держать меня въ Академіи. Такія ужъ видно у нихъ кунктаторскія натуры. Впрочемъ, ихъ нельзя обвинять въ этомъ дѣлѣ безусловно. Исключеніе студентовъ изъ Академіи сопряжено съ тысячью формальностей, соединенныхъ съ значительною проволочкой времени. Я воображалъ, что дѣло не пойдетъ дальше ректора, а оказалось, что придется тутъ потрогать митрополита и оберъ-прокурора. Хоть бы на слѣдующей-то недѣлѣ дѣло мое кончилось, и мнѣ можно было переселиться въ Московію.

Въ Петербургѣ я не скучаю. Мои знакомые принимаютъ меня такъ радушно; товарищи мои еще любезнѣе, чѣмъ прежде: знаютъ, что я живу съ ними послѣднее время. Сегодня я только пріѣхалъ съ дачи отъ Карновича, гдѣ провелъ два дня очень нескучно. Жена его,—чистая, кровная полька, такъ любезна ко мнѣ, что вѣкъ бы не уѣхалъ отъ нихъ. У нихъ я видѣлъ много порядочныхъ людей, между прочимъ Писемскаго и вскользь Май-

кова. Эти господа живутъ такъ-же, какъ и Карновичи, въ Парголовѣ на дачѣ. Подивился я простотѣ нравовъ пишущаго люда: глупятъ и шалятъ, какъ малые ребята. Завтра иду на имянины къ сестрѣ А. И. Рѣпиной, и вѣроятно проведу время тоже недурно. Словомъ, для меня продолжаются вакаціи. Впрочемъ, я не совсѣмъ безъ дѣла. Хоть я получилъ деньги за переводъ, но оказывается, что ихъ мало на прожитіе полугода въ Москвѣ. Посему я предпринялъ экскурсію къ Тиблену, чтобы захватить переводцевъ. Но оказалось, что нѣмецкихъ переводовъ у него нѣтъ въ настоящее время. По сей причинѣ я взялъ англійскій переводъ для опыта, и до вторника долженъ представить поллиста печатныхъ. Не знаю удастся ли опытъ, а если бы удался, дѣло было бы хорошо. Въ такомъ случаѣ Тибленъ хотѣлъ дать мнѣ изъ Маколея статью. Онъ мнѣ предлагаетъ переводить Куно-Фишера, но я не соглашаюсь, ибо зѣло трудно; и притомъ переводъ долженъ представляться не ему, а Страхову, человѣку мнѣ вовсе незнакомому. Мѣсяца черезъ три Тибленъ обѣщаетъ мнѣ и нѣмецкій переводъ, но долго ждать. Впрочемъ, это все-таки хорошо. Значитъ не останемся безъ куска хлѣба. Теперь главное дѣло нужно заняться англійскимъ языкомъ. Это самая хлѣбная вещь. Французскій языкъ не принесетъ ничего. За переводъ романа Гюго «Les misérables» даютъ всего по пяти рублей сер. за листъ. Знать ученыхъ-то больно много стало, такъ что нашему брату—недоучкѣ и не совсѣмъ повадно. Единственное средство достать хлѣбъ — это получить какое-нибудь спеціальное образованіе. Спеціалистамъ нынѣ хорошо.

Новости въ Питерѣ есть, но уже нѣсколько устарѣвшія. Заключенные въ крѣпость сочинители сидятъ и приперты такъ строго, что никого къ нимъ не допускаютъ. Даже ближніе родные не могутъ пробиться къ нимъ для свиданія. Въ газетахъ пишутъ о нихъ очень много любопытнаго. Прочитайте во вчерашнихъ газетахъ (то есть отъ 24 августа) извѣстіе объ открытіи въ Польшѣ революціоннаго комитета. Вѣсть о взятіи въ плѣнъ Гарибальди значительно взволновала питерскіе умы, такъ что нѣсколько дней сряду только и слышалось во всѣхъ кружкахъ это имя. Толкуютъ и pro и contra Гарибальди. Я наслушался столько мнѣній о его значеніи, что въ ушахъ стонъ стоитъ. Изъ внутреннихъ извѣстій нѣтъ ничего замѣчательнаго. Толкуютъ о скорой отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Этотъ вопросъ уже прошелъ почти всѣ инстанціи. По поводу его собирали мнѣнія у разныхъ значительныхъ лицъ. Между этими мнѣніями особенно замѣчательно мнѣніе Филарета Московскаго. Святой отецъ текстами Священнаго Писанія, выдерж-

ками изъ святыхъ отцовъ и аргументами собственнаго архипастырскаго разума доказываетъ, что тѣлесныя наказанія необходимы. Объясненіе Филарета сдѣлалось просто притчею во языцѣхъ. На дняхъ выйдетъ манифестъ о наборѣ. Предполагаютъ, (но не знаю, когда осуществится это предположеніе), брать въ солдаты лицъ всѣхъ сословій безъ исключенія, но избраннымъ будетъ представляться право вносить во избавленіе отъ службы извѣстную сумму, на которую само министерство будетъ вмѣсто ихъ выставлять охотниковъ. При производствѣ наборовъ сдѣланы многія важныя и полезныя улучшенія.

Въ духовномъ мірѣ есть одна очень важная новость: о. Θеодоръ, авторъ очень многихъ душеспасительныхъ сочиненій, въ томъ числѣ «о православіи въ отношеніи къ современности», разстригается изъ иноческаго чина. Всѣ воображали его мистикомъ, а онъ оказался совсѣмъ не такимъ человѣкомъ. По его слѣдамъ и бывшій ректоръ Казанской академіи, Іоаннъ, хочетъ выйти изъ монашества. Θеодоръ написалъ чрезвычайно рѣзкое и оригинальное прошеніе. Теперь для формы послали ему увѣщаніе, но онъ упорно стоитъ на своемъ. Каковъ ударъ монашеству!

Вотъ и все, что есть новаго. Теперь я уже буду писать Вамъ изъ Москвы.

Прощайте. Вашъ А. Ч.

A propos. И наши академическіе студенты не свободны отъ нападеній тайной полиціи. Одного изъ студентовъ старшаго курса схватили на вакаціи и посадили неизвѣстно куда. Объ немъ уже былъ запросъ. Посадили его будто бы за то, что онъ свободно выражался о правительствѣ въ какомъ-то помѣщичьемъ кружкѣ.

Московія, 10 октября, 1862.

Недавно я послалъ Вамъ огромнѣйшее посланіе, любезнѣйшій мой Валентинъ Николаевичъ, а теперь пишу опять. Главная цѣль настоящаго моего письма состоитъ въ томъ, чтобы окончательно успокоить Васъ относительно моего, по мнѣнію калужскихъ радикаловъ-консисторіаловъ, шаткаго положенія. Увѣдомляю Васъ, что я въ прошлую пятницу получилъ увольнительное свидѣтельство изъ Академіи, и уже переслалъ его въ университетъ, такъ что теперь я совершенно спокоенъ, потому что

въ университетѣ мнѣ сказали, чтобы я объ увольненіи изъ духовнаго званія не безпокоился: это, дескать, дѣло ихъ, а не мое. Замедленіе въ высылкѣ документовъ произошло вовсе не отъ недоброжелательства ко мнѣ ректора, какъ представлялъ Герасимъ, а единственно вслѣдствіе задержки дѣла въ Синодѣ. Что ректоръ Іоанникій не питаетъ ко мнѣ особеннаго недоброжелательства, это видно изъ его аттестаціи, сдѣланной въ моемъ свидѣтельствѣ. Онъ аттестовалъ меня такъ. Способности, дескать, у него «очень хорошія», поведеніе «очень хорошее», «успѣхи хорошіе», «прилежаніе достаточное». Положимъ, что эта аттестація не блестяща, но чего же мнѣ было и ждать отъ Іоанникія? Онъ выдалъ мои документы на другой же день по полученіи изъ Синода. Итакъ, мои предположенія насчетъ письма Іоанникія къ Герасиму оправдываются отлично. Вы можете ясно выразить послѣднему, что онъ солгалъ по его обыкновенію.

Извините, что до сихъ поръ не выслалъ Вамъ книги. Ей-ей, некогда сходить въ магазинъ, а еще болѣе сходить въ почтамтъ. Я Вамъ вышлю ее въ слѣдующій вторникъ непремѣнно. Дѣло въ томъ, что я теперь страшно занятъ англійскимъ переводомъ, который тоже долженъ отослать во вторникъ. Я покончилъ его, кажется, порядочно, такъ что надѣюсь получить и деньги за него, и дальнѣйшій переводъ. Впрочемъ, ежели и не получу денегъ, мой трудъ не останется безъ пользы. Я, занимаясь переводомъ, порядочно познакомился съ англійскимъ языкомъ, такъ что историческія и вообще ученыя сочиненія могу читать при незначительной помощи словаря. Впрочемъ, мнѣ было не легко покончить переводъ. Главное затрудненіе состояло въ спеціальности статьи. Въ этой статьѣ Маколей разбираетъ теорію правленія по понятіямъ утилитаристовъ (С. Милля и др.). Еще болѣе важная трудность была въ томъ, что Маколей постоянно дѣлаетъ выдержки изъ разбираемыхъ сочиненій,—выдержки, разобщенныя съ предыдущими и послѣдующими мѣстами, и потому весьма трудныя для пониманія. Переводить съ англійскаго, впрочемъ, все-таки легче, чѣмъ съ нѣмецкаго, потому что въ англійскомъ языкѣ конструкція словъ далеко не такъ своеобразна и несогласна съ французской или нашей русской, какъ нѣмецкая. Теперь я думаю заняться главнымъ образомъ и даже, если можно будетъ, исключительно англійскими переводами.

Вмѣстѣ съ переводами я началъ заниматься юридическими науками. Теперь я взялся за энциклопедію законовѣдѣнія, и до святокъ буду заниматься одною ею. На первый разъ читаю сочиненіе д-ра Аренса подъ заглавіемъ «Юридическая энцикло-

педія», — недавно переведенное на русскій языкъ, классическое по этой части. Въ этомъ сочиненіи и вообще въ энциклопедіи, бездна интереса, такъ что я просто зачитываюсь. На первый разъ юридическія науки меня увлекли страшно; да и кого не увлечетъ рѣшеніе самыхъ близкихъ жизненныхъ вопросовъ? Не нравится мнѣ то, что въ философіи права, которую теперь я слушаю, много идеализма, но вѣдь эта особенность не существенна въ философіи права, и оставляя ее въ сторонѣ, все таки можно получать здоровыя практическія мысли. Если бы Вы прочитали эту философію права вмѣстѣ съ исторіей права, какъ она изложена у Аренса, Вы, я знаю, заинтересовались бы ею. Я думаю, эта книга есть въ гимназіи.

Отъ университетскихъ лекцій я немного поотсталъ въ эту недѣлю, занимаясь переводомъ. А то я началъ было слушать постоянно, кромѣ своихъ лекцій, еще лекціи политической экономіи, государственнаго права и философіи. Изъ лекцій можно вынести много, если слушать ихъ исправно. Каждая лекція сообщитъ что-нибудь новенькое. Это далеко не то, что бывало въ Академіи. Впрочемъ, я не стану пускаться въ описаніе университета; это заведетъ далеко, а время страхъ какъ дорого: уже почти недѣля, какъ я занимаюсь въ день по 12 часовъ. Окончивъ переводъ, я буду занятъ меньше, потому что мои работы не будутъ срочны. Къ знакомымъ я никуда не хожу; будетъ шататься. Въ Питерѣ годъ прошатался, — пора взяться за дѣла. Какъ-то пріятно чувствуешь себя, когда видишь, что время не идетъ задаромъ. Одно дурно, что глаза мнѣ измѣняютъ. Я теперь занимаюсь съ очками.

Нашелъ себѣ квартиру и перешелъ въ нее. Квартира очень выгодна. За довольно большую комнату, перегороженную на три отдѣленьица, мы съ Богдановымъ [1]) платимъ 10 руб., на Тверской же, въ домѣ княгини Шаховской, почти напротивъ дома генералъ-губернатора. Кромѣ того, за обѣдъ у кухмистера каждый день плачу 15 копеекъ. Обѣдъ изъ двухъ блюдъ, но очень сытный и довольно вкусный. Какъ видите, содержаніе обходится недорого. Одно скверно, я принужденъ былъ купить себѣ шубу (въ 25 рублей), потому что шинель потерялъ въ

---

[1]) Рѣчь идетъ о Михаилѣ Егоровичѣ Богдановѣ, землякѣ А. И., сынѣ мосальскаго городского головы. Студенческая дружба А. И. съ Богдановымъ закрѣпилась женитьбой А. И. на сестрѣ Мих. Егор.; — Ольгѣ Егоровнѣ. Впослѣдствіи Мих. Егор. вмѣстѣ съ А. И. былъ дѣятельнымъ участникомъ въ изданіи «Русскихъ Вѣдомостей», гдѣ онъ работалъ по вопросамъ финансоваго хозяйства.

Питерѣ. Надѣюсь, впрочемъ, что дефицитъ пополнится переводами.

Напишите, пожалуйста, согласно обѣщанію Вашему, письма къ Раичамъ и Викторову и пришлите ихъ. Мнѣ съ нетерпѣніемъ хочется познакомиться съ ними. Вы знаете, что пріятно время отъ времени бывать въ кружкѣ людей образованныхъ, для того, чтобы послѣ съ большимъ рвеніемъ приняться за труды для собственнаго образованія. Пишите, пожалуйста, мнѣ чаще. Ваши письма дѣйствуютъ на меня такъ же, какъ и кружокъ образованныхъ людей. Они вливаютъ въ меня какую-то энергію.

Надѣюсь получить отъ Васъ скоро письмо.

Вашъ А. Чупровъ.

Москва 20 ноября 1862 г.

Давненько я не писалъ Вамъ, любезный Валентинъ Николаевичъ. Отчасти причиною этому было ожиданіе письма отъ Васъ, такъ какъ Вы упоминали объ этомъ будущемъ письмѣ въ прошедшемъ Вашемъ, полученномъ мною въ послѣднихъ числахъ октября; отчасти недосугъ, и наконецъ, лѣнь. Не поставьте мнѣ всего этого въ осужденіе: вѣдь сами знаете, слаба человѣческая натура...

Живу я такъ же, какъ жилъ тому назадъ двѣ недѣли,—или лучше сказать три, когда писалъ Вамъ. Привыкъ къ Москвѣ и къ студентской жизни такъ, что лучше и желать не надо. Занимаюсь я болѣе урывками: то просидишь часовъ пять или шесть кряду за книгой, а то въ цѣлый день двухъ строкъ не прочитаешь. Заведенный мною въ первое время систематическій порядокъ занятій прилагался къ дѣлу недолго, до тѣхъ именно поръ, пока я ни съ кѣмъ не познакомился. Теперь же нужно и бывать кое-гдѣ, и къ себѣ принимать кое-кого. Какъ ни непріятенъ мнѣ такой несогласный съ моей цѣлью образъ жизни, но жить вовсе безъ знакомыхъ я также почти не могу. Впрочемъ, мои знакомцы большею частью студенты, (и доложу Вамъ, студенты не кутящіе, какихъ въ университетѣ меньшинство). «Компанство» съ ними не скажу, чтобы было положительно безполезно. Почти всегда послѣ обычныхъ житейскихъ бесѣдъ поднимается какой-нибудь юридическій вопросъ, и начинается споръ. Я прежде не охотникъ былъ до споровъ, а теперь

полюбилъ ихъ и сознаю ихъ пользу. Въ нихъ научаешься излагать на словахъ свои мысли, и излагать логично; пріобрѣтаешь въ нѣкоторомъ родѣ діалектическую ловкость. Впрочемъ, Вы не думайте, чтобы я каждый день проводилъ такимъ образомъ. У меня на каждой недѣлѣ остается дня четыре свободныхъ,—такихъ, которыми я имѣю полную возможность располагать какъ вздумается. Въ эти вожделѣнные дни я по преимуществу читаю. Изъ юридическихъ сочиненій я успѣлъ прочитать только двѣ юридическія энциклопедіи: Аренса,—громадное сочиненіе въ 800 страницъ, изъ которыхъ болѣе половины пришлось прочитать по нѣмецки, и Шиллинга, переведенную на русскій языкъ. Изъ этихъ двухъ сочиненій я порядочно познакомился съ энциклопедіей, этимъ необходимѣйшимъ для начинающаго заниматься юриспруденціей предметомъ. Читалъ еще кое-что по мелочи. Недавно мнѣ пришлось прочитать «Очерки Англіи и Франціи» Чичерина. Я съ восхищеніемъ анимался этой книгой. Правда, со многими политическими взглядами автора нельзя согласиться, но вообще въ ней масса интересныхъ свѣдѣній. Мнѣ не встрѣчалось сочиненія, въ которомъ бы такъ ясно и полно былъ разобранъ средневѣковой бытъ. Кромѣ чтенія, я началъ заниматься на этихъ дняхъ переводомъ. Недѣли двѣ тому назадъ получилъ отъ Тиблена письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ, что мой переводъ изъ Маколея оказался не вполнѣ удовлетворительнымъ, такъ что онъ не можетъ мнѣ дать работы по этому изданію. Не хочетъ онъ также, по какимъ то очень важнымъ, какъ онъ говоритъ, обстоятельствамъ, издавать исторію философіи Швеглера, которую я ему предлагалъ издать. Взамѣнъ всего этого, онъ мнѣ предложилъ перевести для пробы нѣсколько страницъ изъ 3-го тома Куно-Фишера, и отослать Страхову, который пишетъ во «Времени» и редактируетъ Куно-Фишера. Я до сихъ поръ только собирался исполнить это, и завтра отсылаю поллиста перевода. Переводъ сдѣлалъ тщательно, и если не выйдетъ удачнымъ, то я припишу это явному нежеланію дать мнѣ работу. Вообще переводовъ, въ настоящее время, достать чрезвычайно трудно. Я ходилъ почти ко всѣмъ извѣстнымъ въ Москвѣ издателямъ съ предложеніемъ издать Швеглера, и вездѣ получилъ вѣжливый отказъ. Вездѣ отзывались чрезвычайно дурнымъ положеніемъ книжной торговли. Вотъ причина, почему я не только Вамъ, но и себѣ не могу достать переводовъ, хотя, право, согласился бы переводить легкое сочиненіе рублей за десять съ листа.

Университетъ я посѣщаю довольно исправно. Лекціи по

прежнему хороши. Тихонравовъ ѣздилъ въ Петербургъ, и по пріѣздѣ началъ опять читать великолѣпныя лекціи о состояніи Россіи въ XVI вѣкѣ, о Стоглавѣ, и послѣднюю лекцію о Максимѣ Грекѣ. Буслаевъ все возится съ Каролингскимъ періодомъ средневѣковой литературы. Бабстъ уже кончилъ свои лекціи и по статистикѣ, и по политической экономіи, начинаетъ дѣлать экзамены и готовиться къ отъѣзду. Жаль, что послѣ святокъ не будемъ мы слушать ни Чичерина, ни Бабста, ни Тихонравова. Впрочемъ, хотятъ пригласить новыхъ профессоровъ,—именно Живаго на исторію новой европейской литературы и еще кого-то, котораго фамилію я забылъ. Я началъ слушать еще лекціи Любимова по популярной физикѣ и Бредихина по популярной же астрономіи. Великолѣпно читаютъ! Я съ удовольствіемъ трачу на ихъ лекціи четыре часа въ недѣлю.

Вы просили меня сообщить Вамъ свѣдѣнія о томъ, что я узналъ въ Лаврѣ особеннаго. Я ѣздилъ уже давно, именно возвратился 28 октября, и всѣ почти впечатлѣнія изгладились. Но могу сказать, что студенты страшно недовольны назначеніемъ Гурскаго въ ректоры Академіи: онъ сталъ въ послѣднее время такой фуріей, что не дай Господи. У Егора Васильевича я не былъ, потому что не имѣлъ времени. Въ Академіи вообще все идетъ старой колеей. Профессора витаютъ въ «областяхъ болѣе отвлеченныхъ», такъ что нѣкоторыя ихъ изреченія по темнотѣ и надутости выраженія могли бы украсить «Искру». Въ особенности отличается въ этомъ отношеніи какой-то Гупоцкій. Слушалъ я Кудрявцева. И онъ, съѣздивши къ наслѣднику, что-то началъ терять свою прежнюю славу, хотя до сихъ поръ считается лучшимъ профессоромъ. Наши земляки живутъ тамъ хорошо; они заняли очень видное положеніе въ ряду товарищей и сдѣлались въ нѣкоторомъ родѣ авторитетиками. С—кій не блеститъ. Больно онъ уже смиренъ, и съ своимъ смиренствомъ даже какъ-то чуденъ. Мнѣ жаль его: надъ нимъ потѣшаются товарищи, и онъ не имѣетъ силы характера, чтобы отразить нападенія. Впрочемъ, онъ очень симпатичный малый. Будь у него немножко поменьше женственности, онъ былъ бы просто великолѣпный молодой человѣкъ.

Я слышалъ, что Арцимовичъ [1]) попалъ подъ судъ. Правда ли это? Жаль, если правда.

Что у Васъ новенькаго? Я слышу отъ всѣхъ калужскихъ

---

[1]) Викторъ Антоновичъ—извѣстный калужскій губернаторъ въ эпоху освобожденія крестьянъ, а впослѣдствіи—сенаторъ.

о пакостяхъ Герасима. Сердце кровью обливается, когда вспомнишь, какое деморализирующее вліяніе производитъ на семинарію эта противная личность. Господи, покуда будутъ царствовать эти черти! Благодарю небо, что судьба вынесла меня изъ подъ ихъ адской ферулы. И вѣдь такіе дьяволы не только у насъ въ Калугѣ водятся, а и вездѣ. Недавно къ намъ въ университетъ пріѣхалъ одинъ студентъ семинаріи изъ Ярославля, который болѣе, чѣмъ кто-нибудь выстрадалъ отъ монаховъ. За то, что онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими товарищами въ дружеской бесѣдѣ осмѣлился что-то поговорить о Фейербахѣ, его засадили на пять недѣль въ заточеніе въ монастырь и послѣ этого пустили съ волчьимъ билетомъ [1]). Еще на нашемъ курсѣ есть одинъ студіозъ изъ Владиміра, котораго выгнали за Щаповское дѣло изъ Казанской Академіи за нѣсколько мѣсяцевъ до окончанія курса. Дѣльнѣйшій господинъ этотъ студентъ! Всѣ эти господа примкнули къ тому кружку, который прежде составляли мы.

Вашъ А. Ч.

Марта 5.

Милые мои Валентинъ Николаевичъ и Лиза.

Скучно становится, ей Богу, когда представишь, какъ часто писали Вы мнѣ въ Петербургъ, и какъ, напротивъ, рѣдко пишете въ Москву. Перебирая на дняхъ свои письма, я нашелъ, что во все полугодовое пребываніе въ Москвѣ я получилъ отъ Васъ всего на всего пять писемъ. Тогда, когда всего болѣе нужны письма, ихъ-то и нѣтъ. Я теперь стою совершенно, какъ отчужденный отъ всѣхъ не-московскихъ интересовъ. Изъ Мосальска пишутъ въ три недѣли разъ и даже рѣже, а отъ Васъ съ конца Генваря ни слуху, ни духу. Ей-Богу, молчалъ, молчалъ, наконецъ, и горе взяло. И обстоятельства-то мои были скверныя, и родные-то тутъ отдалились какъ будто. Тоска такая!—Знакомствъ у меня почти никого нѣтъ, а если есть, то ерунда такая, что Боже упаси. Выйти рѣшительно некуда. Все одни студенты и студенты на глазахъ... Сидишь, сидишь за работой, да наконецъ такъ за-

---

[1]) Рѣчь идетъ объ И. Ф. Ковалевѣ, освобожденію котораго очень способствовалъ Евгеній Ивановичъ Якушкинъ при содѣйствіи тогдашняго ярославскаго губернатора И. С. Унковскаго. По окончаніи курса въ Московскомъ университетѣ, Ковалевъ въ началѣ 70-хъ годовъ былъ преподавателемъ въ Демидовскомъ юридическомъ лицеѣ, во время директорства М. Н. Капустина.

сидишься, что дѣлаешься хуже тряпки. Пошелъ бы поразвлечься, да денегъ нѣтъ. Вообразите, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ подѣйствовало бы такое письмецо, какія Вы мнѣ бывало въ Питеръ писывали, и которыя мы часто съ увлеченіемъ читывали даже въ товарищескомъ кружкѣ.

Причина того, что я во все время великаго поста чувствовалъ себя дурно, состояла почти исключительно въ недостаткѣ денегъ. На Масляницѣ у меня въ театрѣ украли портмоне и 5 рублей. Я только что въ тотъ день получилъ деньги отъ Страхова. Съ тѣхъ поръ до настоящаго дня у меня не было ни копѣйки. Сегодня я раздобылся немножко, и пооживился. Во все время поста сидѣлъ за работой, и въ три недѣли перевелъ страницъ 150. Денегъ заработалъ много, но еще ничего не получалъ. Страховъ ужасно медлитъ высылкой денегъ. На этой недѣлѣ я думаю мои дѣлишки поправятся. Мнѣ нужно отъ него получить пока рублей 40. Кромѣ перевода, я исправно слушаю лекціи. Вмѣстѣ-то и приходится сидѣть часовъ по 14 въ день за работой. Теперь нужно мнѣ опять работать усидчиво. Я много надѣлалъ долговъ, и, чтобы расплатиться съ ними, нужно довольно много денегъ, а чтобы пріобрѣсти деньги, нужно безъ устали работать. Такъ и дѣлаемъ-съ.

Въ университетѣ хорошо. На нашемъ курсѣ, кромѣ лекцій, устроены теперь еще диспуты. Студенты возражаютъ профессору, и спорятъ другъ съ другомъ. Это очень оживленныя бесѣды. Въ Москвѣ учреждается Юридическое общество, тоже съ цѣлью обсуждать разныя юридическія матеріи. Пока еще оно не осуществилось окончательно. Я былъ на одномъ изъ засѣданій и не могъ еще составить объ обществѣ опредѣленнаго понятія, потому что на этомъ засѣданіи дѣло шло объ уставѣ общества и его редакціи. Судя по отзывамъ, отъ него можно ожидать много хорошаго. Конечно, здѣсь много зависитъ отъ участвующихъ въ обществѣ лицъ. Но на первый разъ въ него вошло много профессоровъ, лучшіе московскіе практики-юристы и вообще люди, знающіе дѣло. Значитъ, можно ожидать кое-чего порядочнаго.

Множество въ Москвѣ публичныхъ лекцій. Я слушалъ нѣсколько лекцій Юркевича по философіи, но остался недоволенъ ими. Онъ хорошій знатокъ исторіи философіи, но собственной философіи не имѣетъ. Лекціи какъ-то пустоваты. Я слушалъ лекціи двѣ и ничего почти не нашелъ новаго для себя. Борется съ матерьялизмомъ, но борется не совсѣмъ удачно. Впрочемъ, онъ все-таки замѣчательный профессоръ. Вашъ А. Ч.

7 марта.

Вообразите, какую удивительную метаморфозу производятъ въ человѣкѣ деньги. Не правда ли вчерашнее мое письмо полно какой-то хандры, какой-то апатіи. Прочиталъ я его сегодня и хотѣлъ было уничтожить, какъ уничтожены многія изъ моихъ начатыхъ писемъ къ Вамъ, писанныя подъ настроеніемъ минуты. Но я оставилъ его, чтобы доказать фактически, какое вліяніе на всю душевную жизнь имѣютъ деньги. Сегодня я получилъ изъ кассы 8 рублей и отъ Страхова, 15 рублей. Хотя у меня ничего не остается изъ этихъ денегъ, но на душѣ полегчало. Притомъ же я получилъ письмо и изъ Мосальска, въ которомъ увѣдомляютъ, что всѣ здоровы и благополучны, (въ чемъ я сомнѣвался). Значитъ, мы опять заживемъ отлично.

Вашъ А. Ч.

Москва 12 марта 1863.

Милые мои Валентинъ Николаевичъ и Лиза.

Несчетное число разъ благодарю Васъ за пріятнѣйшее Ваше письмо, и такое же число разъ прошу у Васъ извиненія за нѣкоторыя несовсѣмъ любезныя выраженія, допущенныя мною въ прошедшемъ моемъ, посланнымъ на прошлой почтѣ, письмѣ. Ребячество такое: пишешь подъ вліяніемъ минуты. Найдетъ хандра, и напорешь такой ерунды, что послѣ самому совѣстно становится.

Я очень радъ, что хорошо идутъ Ваши дѣла по Сиротскому дому. Признаюсь, я не мало безпокоился о томъ, чтобы новое начальство не взглянуло на Васъ косо. Слышавъ въ Москвѣ о качествахъ новаго губернатора, и зная всесиліе россійскихъ губернаторовъ, я опасался даже за твердость Вашего новаго положенія. Слава Богу, что мои опасенія разсѣялись. Жаль, что много работать приходится вамъ, Валентинъ Николаевичъ. Но безъ «евтаго нельзя-съ». Безъ труда сытъ не будешь. Лишь бы прибыль была, а трудиться, отчего же не трудиться.

И мы трудимся по-маленьку. Сегодня цѣлый вечеръ просидѣлъ надъ Шведенборгомъ. Вы не думайте, чтобы я самъ сдѣлался прозелитомъ шведенборгіанства... Нѣтъ-съ. Это, изволите видѣть, Куно-Фишеръ трактуетъ о шведенборгіанствѣ, насколько оно относится къ исторіи Канта. Ужъ и раздѣлалъ же его Кантъ. Прелесть что такое. А вмѣстѣ съ нимъ и всю догматическую

метафизику. Говорилъ, говорилъ, да и вывелъ, что они смотрятъ въ небо, а подъ носомъ ничего не видятъ... И сущая правда. Такая подумаешь ерунда эти отвлеченія, что не дай Господи. У насъ въ университетѣ, напримѣръ, возбудился теперь стародавній вопросъ объ отношеніи души и тѣла. Юркевичу прислали анонимное письмо, съ требованіемъ, чтобы онъ разобралъ этотъ предметъ и поразилъ при этомъ матеріализмъ на своихъ лекціяхъ—публичныхъ. Онъ поболталъ кое-что, все въ надзвѣздномъ родѣ. Публика въ восторгъ пришла. Хлопали такъ, какъ давно никому не хлопали. Даже барыни, и тѣ, потерявъ обыкновенную норму, начали сводить для апплодисментовъ свои раздушенныя и облаченныя въ тончайшія перчатки руки. Экстазъ, доложу Вамъ, несказанный. А что изъ этого вышло? Ровно нуль. Студенты горячатся, толкуютъ pro и contra дуалистическаго пониманія, и никогда не рѣшатъ дѣла, только языки почешутъ, да чего добраго, пожалуй, въ жару спора, другъ друга по физіономіямъ наладятъ. Можно ли разрѣшить эту проблему, когда нѣтъ никакихъ данныхъ для ея разрѣшенія, когда все основывается на грезахъ, которыя наши философы вслѣдствіе болѣзненнаго разстройства своей мозговой системы (Кантъ объясняетъ даже, какого разстройства), принимаютъ за ощущаемые и познаваемые факты. Конечно, пріятно объ этакихъ матеріяхъ потолковать для пищеваренія послѣ обѣда съ сигарой въ одной рукѣ, съ стаканомъ пива въ другой. Но чтобы толковать серьезно, чтобы заниматься этими отвлеченностями, это для меня просто не понятно. И вѣдь Москва вызывается сама на такія разсужденія. Юркевичъ объявилъ прямо, что ненавидитъ полемику, что не станетъ толковать о матеріализмѣ, и вдругъ вызываютъ на это. Взбѣшенный, прерывающимся голосомъ онъ прочиталъ желанную лекцію, и прочиталъ ерунду порядочную. Въ среду я буду у него, и непремѣнно наведу рѣчь на его послѣднюю лекцію. Посмотримъ, какъ онъ отзовется о ней.

Досадно, ей Богу, становится, когда вспомнишь, въ какое время толкуютъ о подобныхъ матеріяхъ. Вѣдь,—чтобы догадаться кому прочитать публичный курсъ о новомъ судоустройствѣ, провести параллель его съ иностранными формами и съ нашимъ прежнимъ историческимъ порядкомъ. Вѣдь это было бы во сто разъ практичнѣй. Нашъ Побѣдоносцевъ читалъ объ этомъ лекціи, которыя не стыдно было бы прочитать хоть—гдѣ, но читалъ не для публики. Хорошо, что мнѣ пришлось выслушать ихъ, а то остался бы въ невѣдѣніи объ этомъ.

Я и то остаюсь въ блаженномъ невѣдѣніи о всемъ, что дѣ-

лается внѣ моей квартиры и университета. Не говоря о томъ, что дѣлается за границей и въ нашихъ границахъ, я не знаю, что и въ Москвѣ дѣлается. О польскихъ дѣлахъ слышишь ежеминутно, но уже не смѣешь своего сужденія имѣть, потому что боишься скомпрометировать себя какою-нибудь обветшалою новостью, а отчасти и по другимъ причинамъ. Въ самомъ дѣлѣ, недѣли двѣ ничего не читалъ, кромѣ Куно-Фишера русскаго и нѣмецкаго, и по временамъ статистики. Опустился совсѣмъ. И все изъ-за чего? Изъ денежныхъ видовъ. Возьмешься за книгу, да и думаешь: прочитаю я два часа, а въ это время успѣю перевести четыре страницы, а четыре страницы стоютъ почти три рубля. Закроешь книгу, да и начнешь строчить о разныхъ метафизическихъ матеріяхъ.

Выходить почти вовсе пересталъ. Признаюсь Вамъ, вѣдь я у Викторова не былъ. Я все ждалъ отъ Васъ письма вначалѣ, а получилъ его поздно. Мнѣ и совѣстно было показаться. А теперь и подавно. Какъ мнѣ ни желательно было, но я все считалъ какъ-то неловкимъ явиться къ нему. Ужъ, лучше, сойдемся послѣ. Вчера былъ у Молчанова, бывшаго жиздринскаго откупщика. Аристократизмъ такой, что страхъ. Впрочемъ, меня приняли довольно любезно и пригласили бывать. Будемъ бывать... Дочки у него славныя, а это весьма важно.

Вообще, я чувствую самый ощутительный недостатокъ именно въ женскомъ обществѣ. Я не идеалистъ, но все какъ-то тянетъ къ женщинамъ. Вѣдь отъ святокъ я не видалъ какъ слѣдуетъ ни одной женщины. Все въ уединеніи пребываю. Вслѣдствіе такой уединенной жизни я просто жажду увидѣться съ Вами, и непремѣнно явлюсь къ Вамъ наканунѣ Благовѣщенія. Развѣ только задержатъ какія-нибудь особенныя обстоятельства.

На вакацію я постараюсь набрать побольше переводовъ. Хочу взяться переводить подъ редакціей Капустина какое-нибудь юридическое сочиненіе. Въ воскресенье я отправлюсь къ нему, по приглашенію его, для совѣщанія по этому дѣлу. Хорошо, ежели бы дѣлишки сошлись. Отъ Куно-Фишера, по моимъ расчетамъ, рублей 200, за уплатой всѣхъ долговъ, останется, да еще не мѣшало бы выручить столько же. Досадно, что Страховъ страшно медлителенъ съ высылкой денегъ. Присылаетъ не раньше двухъ недѣль по полученіи перевода. Не свинство ли это?

Досвиданія. Вашъ Александръ Чупровъ.

Милые мои Валентинъ Николаевичъ и Лиза.

Уже недѣля, какъ я существую въ Москвѣ. Доѣхалъ порядочно, хотя не безъ приключенія. На Сѣмякинской станціи я забылъ серебряную ложку. Ѣхали мы довольно долго: меня привезли въ Воскресенье уже въ 9 часовъ вечера. На другой же день я помѣстился на квартиру, предварительно уже найденную Богдановымъ. Я живу теперь близъ Москворѣцкаго моста въ домѣ Мамонтова, № 893. (Такъ адресуйте мнѣ и письмо). Моя квартира такъ хороша, что я еще не живалъ въ подобныхъ. Мамонтовъ убилъ пропасть денегъ на свой домъ, и, дѣйствительно, сдѣлалъ дѣло отлично. За десять рублей въ мѣсяцъ я имѣю большую комнату, оклеенную миленькими обоями, съ крашенымъ поломъ и съ хорошенькими драпри. Мебель изящная. У меня въ комнатѣ обрѣтается письменный столъ,—весьма удобный, умывальный столъ съ ящиками, шкафъ съ зеркальной доской, со множествомъ ящиковъ и перегородокъ, диванъ мягкій подъ орѣхъ, обитый великолѣпною зеленою клеенкой, четыре мягкихъ стула, обитые новою заграничною волосяною матеріей, и, наконецъ, желѣзная койка. Всѣ деревянныя вещи сдѣланы изъ ясеневаго дерева безъ политуры (новый и самый дорогой видъ мебели). Прислуга прекрасная. Изъ всѣхъ номеровъ въ номеръ, гдѣ помѣщается прислуга, проведенъ комнатный телеграфъ. Чай можно пить хоть десять разъ, потому что внизу дома трактиръ, и воду въ чайникахъ носятъ изъ трактира. Словомъ, всѣ удобства: живи—умирать не надо. Въ изящной комнатѣ какъ-то чувствуется лучше: больше домовитости. Правда, квартира немножко дорога, но дѣло въ томъ, что порядочной квартиры дешевле трудно найти; а во вторыхъ, это только на первый мѣсяцъ, а въ слѣдующій мѣсяцъ со мной поселится Богдановъ, и значитъ я буду истрачивать на квартиру всего по 5 рублей. Къ довершенію совершенства моей квартиры прибавлю, что у меня теперь прекрасная вентиляція, что для нашего брата очень важно, и великолѣпные ватерклозеты, чего уже никакъ не встрѣтишь, на другихъ московскихъ квартирахъ. Но домъ Мамонтова, какъ онъ ни хорошъ, ничего не значитъ передъ домомъ Кокорева, который находится вблизи его. Я на дняхъ осматривалъ этотъ домъ, и пришелъ отъ него въ восторгъ. Кокоревъ истратилъ на него гораздо болѣе милліона, и, дѣйствительно вышло, хорошо. Домъ устроенъ чисто на манеръ заграничныхъ гостин-

ницъ. Въ каждомъ номерѣ по три комнаты, чрезвычайно высокія, а въ бельэтажѣ и съ дверью на балконъ; полы паркетные, мебель роскошная. Потомъ онъ примѣнилъ къ дѣлу англійское расположеніе комнатъ; у него устроены такъ называемыя «мансарды»: изъ передней по лѣсенкѣ вы поднимаетесь на верхъ; наверху надъ передней устроена еще комната, которая должна служить для спальни, такъ что спальныхъ принадлежностей вовсе и не видно. Въ каждой комнатѣ—каминъ. Корридоры сдѣланы совершенно прямые и свѣтлые; на нихъ подѣланы скамейки, такъ что по вечерамъ зимою тамъ будутъ гулянья. На каждомъ этажѣ комната, гдѣ стоятъ ванны, въ которыхъ каждый можетъ мыться, сколько душѣ угодно. Ванны мраморныя; въ корридорахъ стѣны подъ мраморъ, подъоконники мраморные; бронза и мраморъ на каждомъ шагу. Я просто пришелъ въ восхищеніе. Между тѣмъ, представьте себѣ: квартиры въ этомъ домѣ, когда онъ будетъ отдѣланъ (а отдѣланъ онъ будетъ къ 1-му октября), будутъ стоить отъ 6 до 25 р. Я непремѣнно туда переѣду съ Богдановымъ. Въ 15 рублей тамъ можно имѣть такое миленькое помѣщеніе, съ такими удобствами, что въ Калугѣ рѣдко у кого и изъ аристократовъ найдется. Мебель, напримѣръ, орѣховаго дерева, и обтянута алой матеріей съ вызолоченными пряжками, письменный столъ съ ящиками.—Въ высшей степени благодѣтельно, что два такіе капиталиста, какъ Мамонтовъ и Кокоревъ, употребили свои деньги на такую полезную вещь, какъ устройство общихъ квартиръ. Въ этихъ помѣщеніяхъ небогатый человѣкъ пользуется въ маленькихъ размѣрахъ такимъ же комфортомъ, какъ богатый пользуется въ большихъ. Московцы только еще разнюхали эти вещи. Не дальше, какъ за двѣ недѣли въ домѣ Мамонтова изъ 90 номеровъ было занято всего десять, а теперь не занято только 5.

Вообще, въ я Москвѣ чувствую себя отлично. Отъ платы меня освободили окончательно. Товарищи мои встрѣтили меня радушно. Университетъ, послѣ долгой разлуки съ нимъ, представляется какъ-то особенно пріятнымъ. Дѣйствительно, на 2-мъ курсѣ лекціи несравненно интереснѣе, нежели на 1-мъ. Чичеринъ началъ читать исторію политическихъ наукъ, — отдѣлъ, наиболѣе обработанный изъ всего его курса. Ешевскій началъ читать всеобщую исторію среднихъ вѣковъ, и нужно замѣтить, отлично. Юркевичъ на нашемъ курсѣ началъ исторію средневѣковой философіи, Бабстъ и Крыловъ еще не начинали. Началъ читать у насъ приватъ-доцентъ Корсакъ (тотъ, который переводилъ статистику Кольба) статистику, и притомъ самый

интересный отдѣлъ ея,—стат. народонаселенія. Съ охотки я первыми лекціями просто увлекся. Началъ я уже заниматься помаленьку, читаю теперь «Сѣвернорусскія народоправства» и пишу о низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Статья выйдетъ, кажись, длинная. Если хорошо пойдетъ дѣло, я помѣщу ее въ Правосл. Обозр., а для васъ изображу бурсаковъ, ибо эта статья будетъ неудобна для Эпархіальныхъ. Кажется, настоящая статья выйдетъ недурна.—Нужно будетъ заняться и лекціями. Словомъ, дѣла будетъ куча.

Я познакомился здѣсь съ сестрой Рѣпиныхъ и ея мужемъ. Люди отличные. Я провелъ у нихъ два дня съ полнымъ удовольствіемъ. Былъ уже въ театрѣ и слушалъ «Травіату». Былъ въ Румянцевскомъ музеѣ. Что за прелесть. Я тамъ видѣлъ картину Иванова, которая мнѣ чрезвычайно понравилась. Но что мнѣ болѣе всего показалось интереснымъ, такъ это рукописи средневѣковыя, и древніе папирусы. Вообще, отдѣленіе рукописей здѣсь чрезвычайно богатое. Я уже два раза осматривалъ, и еще буду похаживать туда.

Новаго въ Москвѣ мало. Слухи о реакціи, столь ужаснувшіе меня, не подтверждаются. Константинъ съ Государемъ, говорятъ, въ хорошихъ отношеніяхъ. Вообще измѣненія политики правительства не замѣтно.—Впрочемъ, за хлопотами по квартирѣ и по другимъ дѣламъ я не успѣлъ еще хорошенько узнать того, что нужно и интересно знать. Обо всемъ, что буду узнавать хорошаго, буду извѣщать. Пишите только вы-то.

Прощайте. Вашъ А. Чупровъ.

---

29 сентября.

Любезные мои Валентинъ Николаевичъ и Лиза.

Въ Москвѣ не все спокойно. Почему, не знаю, но, какъ слышно, арестовано уже много молодыхъ людей. На дняхъ запечатали, вслѣдствіе обыска, магазинъ Кунта [1]). Опять какая-то заворушка. О польскихъ дѣлахъ толкуютъ мало какъ-то. Вѣроятно уже наскучило повторять одно и то же. Я думаю, Вы уже слышали, что Арцимовича назначили въ Варшаву членомъ Совѣта управленія Царства Польскаго. Онъ трижды отказывался

[1]) Нѣмецкаго книгопродавца въ Москвѣ.

отъ этого мѣста, сознавая, что положеніе его въ Варшавѣ будетъ очень трудное; но по настоятельному требованію Императора, отправился туда. О революціонномъ комитетѣ, о которомъ такъ много говорили въ Калугѣ, я ничего не слышалъ. — Слухи о томъ, что преобразованія судебной части отлагаются на неопредѣленное время, не основательны. Говорятъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ, въ видѣ опыта, новое судопроизводство будетъ введено въ самомъ непродолжительномъ времени.

Университетъ меня интересуетъ все больше и больше. Я теперь уже такъ привязался къ нему, что пропустить лекцію для меня большое лишеніе. Дѣла на второмъ курсѣ множество. На нашъ курсъ перенесли 5 лишнихъ факультетскихъ предметовъ, такъ что экзаменъ, который нужно будетъ держать въ будущемъ году, будетъ несравненно труднѣе кандидатскаго. На послѣднемъ нужно будетъ держать экзаменъ изъ 7 наукъ, а теперь изъ 12, не считая языковъ. Такъ какъ очень важно сдать хорошо предстоящій экзаменъ, то я уже началъ заниматься сильно. Профессора читаютъ несравненно интереснѣе, нежели на первомъ курсѣ. Крыловъ читаетъ просто великолѣпно. Чичеринъ тоже. Я заинтересовался весьма лекціями общественнаго права Лешкова. Этотъ господинъ доказываетъ, что устройство нашей древней Руси было чисто демократическое,—и нужно замѣтить, доказываетъ весьма основательно. Теперь пока всѣ профессора читаютъ еще историческіе курсы и извлекаютъ самое интересное изъ всей исторіи. Представьте, Чичеринъ смотритъ на развитіе государственныхъ идей, Лешковъ на развитіе общественныхъ идей, Крыловъ на отношеніе римскаго права и древней и послѣдующей исторіи. Словомъ, каждый отыскиваетъ въ данномъ періодѣ новыя стороны, и изъ совокупности ихъ слагается въ головѣ полный образъ духовнаго состоянія эпохи. Какъ-то и не утомляешься, когда предметы чтеній интересуютъ тебя, не смотря на то, что у насъ въ недѣлю 23 лекціи, кромѣ приватъ-доцентовъ и лекторовъ языковъ.

Видите, значитъ, у меня дѣла порядочно. Читать рѣшительно некогда. Я записываю почти всѣ лекціи. Дома я долженъ перечитать ихъ и исправить такъ, чтобы можно было послѣ разобрать. А чтобы исправить четыре лекціи, нужно по меньшей мѣрѣ четыре часа. Нужно еще, кромѣ того, возстановлять опущенное за прошедшій годъ. Впрочемъ, при дѣятельности чувствуется какъ-то хорошо. Никакія дурныя мысли не лѣзутъ тебѣ въ голову. Притомъ же и внѣшняя сторона моей жизни порядочная,—квартира очень хорошая. Знакомыхъ уже

достаточно. Товарищи встрѣтили меня съ радушіемъ. Словомъ, живется отлично. Одно скверно: Страховъ денегъ не шлетъ, а привезенныя отчасти прожилъ, отчасти же оставилъ за долги.— Для исторіи права, я началъ читать Сѣвернорусскія народоправства Костомарова. Сочиненіе хорошее, въ особенности 2-я часть.

Прощайте. Пишите ко мнѣ, если будетъ благое произволеніе.

Чупровъ.

Москва,
28 октября 1863 г.

Милые мои Валентинъ Николаевичъ и Лиза.

Давно уже не писалъ я Вамъ, хотя давно получилъ письмо отъ Васъ. Извините, пожалуйста. Не лѣность и не невнимательность—причины моей медленности, а совершенно другія обстоятельства. Въ продолженіе мѣсяца-времени, въ которое я не писалъ Вамъ, — жизнь моя текла какимъ-то страннымъ образомъ. Въ началѣ октября я переѣхалъ было изъ дома Мамонтова, не потому, чтобы квартира была неудобна, а потому, что въ этомъ домѣ нельзя было имѣть стола: въ трактирѣ кушанье было очень дорого, и по отношенію къ моему карману недоступно. Другая же и болѣе важная причина была та, что меня осадили знакомые. Чортъ знаетъ, у меня есть какая-то особенная способность сходиться съ людьми. Познакомился я съ партіей студентовъ изъ Таганрога,—людей богатыхъ, но кутилъ и мотовъ. Понравился я имъ до страсти, и они начали являться ко мнѣ. Жили они тоже въ домѣ Мамонтова, и, значитъ, имѣли полную возможность шляться, сколько имъ угодно. Въ послѣднюю недѣлю передъ отъѣздомъ визиты ихъ сдѣлались до того частыми и продолжительными, что я не имѣлъ почти времени заниматься. Прогнать ихъ совѣстно было, потому что ребята, хотя довольно пустые, но любезные и предупредительные до крайности. Я, наконецъ, нашелъ, что лучшее средство избавиться отъ наскучившихъ посѣтителей—уѣхать куда-нибудь подальше. Я и переѣхалъ было на Молчановку, гдѣ вмѣстѣ съ Богдановымъ и Губинымъ нанялъ было квартиру въ три комнаты съ переднею за 20 рублей сер. Квартира сначала мнѣ очень понравилась, но потомъ я горько разочаровался. Дѣло въ томъ, что я нанималъ ее безъ мебели. Хозяйка обязалась къ нашему пріѣзду меблировать ее, и что же оказалось? На двѣ большія комнаты поставленъ одинъ крошечный столикъ съ крошечнымъ диван-

чикомъ, пара креселъ и 6 стульевъ. Вся мебель сдѣлана изъ отвратительнаго матеріала и грязна до безконечности. Для троихъ одна кровать, такъ что остальные вынуждены были спать на полу, отчего у меня завелись было даже чужеядныя. Прибавьте къ этому еще слѣдующія прелести. Обѣдъ грязнѣйшій, по крайней мѣрѣ сравнительно; въ сосѣдней съ нами комнатѣ поселились два студента, учащіеся на флейтѣ и терзающіе нашъ слухъ по нѣскольку часовъ въ сутки. Я хотѣлъ было уѣхать на другой же день, но дѣло въ томъ, что уже данъ былъ задатокъ 10 р. сер., и мы принуждены были прожить около 10 дней. Оказалось еще что же: хозяинъ квартиры дьячекъ, исключенный изъ духовнаго званія и потомъ поступившій на службу въ полицію, гдѣ часто исполняетъ и тайныя порученія. Жена его—сваха, впрочемъ молодая и не глупая женщина. Оба—и хозяинъ, и хозяйка,—люди занятные, и я отъ нихъ узналъ много кое-чего интереснаго. Но какъ ни занятны были хозяева, я все-таки рѣшился переѣхать съ квартиры и поселился опять у Мамонтова, гдѣ мы втроемъ заняли прекрасный номеръ въ двѣ комнаты за 15 р. сер. Меблированы комнаты такъ же прекрасно, какъ я Вамъ описывалъ; словомъ, мнѣ опять чувствуется въ этой квартирѣ отлично. Главная причина, заставившая меня переѣхать, была та, что у Мамонтова неудобно было имѣть столъ, но мнѣ пришлось устранить это неудобство. Я написалъ Мамонтову анонимное письмо, въ которомъ, изобразивъ ему всѣ выгоды, какія онъ можетъ имѣть, устроивъ дешевый столъ, просилъ его сдѣлать распоряженіе объ этомъ. На другой же день сдѣланы были распоряженія объ устройствѣ стола. Теперь за 7 рублей мы имѣемъ превосходный трактирный обѣдъ въ два блюда. Отъ посѣтителей я также избавился, ибо черезъ посредство нѣкоторыхъ лицъ передалъ, что частые визиты пріятелей для меня отяготительны. Такимъ образомъ зажилъ опять славно. —Одно теперь неудобно, что мы много споримъ. Губинъ консерваторъ страннѣйшаго свойства. А такъ какъ предметы юридическихъ лекцій такого рода, что въ нихъ непремѣнно должны высказаться личныя убѣжденія, то, слѣдовательно, его направленіе обнаруживается на каждомъ шагу. Я и Богдановъ вступаемся за противоположный взглядъ, и такъ какъ отличительное свойство консерватизма—упорство въ своихъ часто совершенно парадоксальныхъ мнѣніяхъ, то споры бываютъ очень продолжительные и въ нѣкоторомъ смыслѣ ожесточенные.

Работы у меня очень много. Въ университетѣ я не пропускаю ни одной лекціи, а ихъ 23 въ недѣлю. Чѣмъ больше

уходишь въ глубь юридическихъ наукъ, тѣмъ больше симпатіи чувствуешь къ нимъ. На дняхъ Чичеринъ кончилъ у насъ изложеніе исторіи политическихъ теорій. Курсъ вышелъ великолѣпный. Въ небольшомъ по объему курсѣ изложена вся сущность политическихъ ученій; а такъ какъ въ большей части случаевъ политическія ученія бывали прямымъ выводомъ изъ общефилософскихъ началъ, то, значитъ, здѣсь можно видѣть картину развитія всего человѣческаго мышленія. Во всемъ курсѣ строгая система, вездѣ проведены одни и тѣ же начала. Какъ результатъ всей исторіи развитія политическихъ идей, выводится у него слѣдующее опредѣленіе государства: государство есть союзъ людей, живущихъ подъ одними законами и управляемыхъ верховною властью для блага союза и для высшаго единенія общей жизни. Въ это опредѣленіе вошли всѣ начала, которыя должны быть въ государствѣ: законъ, лица, власть и цѣль. Въ историческомъ курсѣ Чичеринъ доказалъ, что въ каждый отдѣльный періодъ исторіи развитія политическихъ идей повторяются эти основныя начала. Какъ скоро установляется государственная теорія, основанная исключительно на одномъ изъ этихъ началъ, сейчасъ же являются теоріи, составленныя подъ вліяніемъ другого начала.

Мнѣ приходится теперь довольно много читать. У Богданова много прекрасныхъ книгъ. Онъ, по рекомендаціи одного своего рижскаго знакомаго профессора, пріобрѣлъ философскія сочиненія Эрдмана. Этого барина, сколько мнѣ извѣстно, вовсе не знаютъ у насъ, но судя по сочиненіямъ его, надо полагать, что это человѣкъ очень ученый. Въ главномъ своемъ сочиненіи «Психологическія Письма» онъ поставилъ себѣ задачею познакомить публику съ современнымъ положеніемъ антропологіи и психологіи. Сколько можно судить по «Психологическимъ письмамъ, Эрдманъ эклектикъ, но болѣе придерживающійся Гегеля, въ особенности по отношенію къ изложенію. Въ діалектическія рамки Гегелевой онтологіи и феноменологіи онъ влагаетъ новыя свѣдѣнія, выработанныя уже послѣ Гегеля. Связность изложенія и въ то же время популярность удивительная. Отсюда я узналъ много новаго. Такъ напр., вѣроятно вамъ не приходилось встрѣчать такого объясненія происхожденія особенностей въ очертаніи лица различныхъ расъ. Объяснивъ вліяніе климата и пищи, Эрдманъ высказываетъ слѣдующее любопытное объясненіе особенностей лица негритянской породы. Нужно замѣтить предварительно, что Эрдманъ предполагаетъ существованіе первоначальнаго человѣка, въ которомъ не было расовыхъ особен-

ностей. Потомъ люди, расшедшись по разнымъ мѣстамъ, измѣнились, и получили типы до такой степени разнообразные, въ какой мы видимъ ихъ въ настоящее время. Главную роль играютъ здѣсь свойства мѣстностей, въ которыхъ поселились люди. Африканская природа представляетъ чрезвычайно рѣзкіе переходы отъ засухи къ страшнымъ дождямъ, отъ скудости къ изобилію. Нигдѣ природа такъ не капризна, какъ тамъ. Значитъ, въ той мѣстности никакъ нельзя быть увѣреннымъ въ томъ, что завтра придется имѣть такую же пищу, какъ сегодня. Когда не увѣренъ въ томъ, что завтра будешь ѣсть, то естественно является желаніе сегодня наѣсться вдоволь, съѣсть, какъ можно больше. Эта особенность и развилась у негровъ. Губы ихъ и выдавшіяся скулы — выраженіе обжорства. Эрдманъ допускаетъ, что вслѣдствіе преобладанія извѣстныхъ влеченій въ человѣкѣ, развиваются у него тѣ черты физіономіи, въ которыхъ выражается это влеченіе. Такъ, отъ частаго обжорства развиваются у негровъ жевательные мускулы. Переходя отъ отца къ дѣтямъ, эти особенности укрѣпляются въ цѣломъ племени. Я непослѣдовательно изложилъ эту мысль, но мнѣ она чрезвычайно понравилась. Интересно еще у него замѣчаніе о томъ, что появленіе извѣстныхъ эпидемическихъ болѣзней совпадаетъ съ періодами великихъ революцій. Такъ, въ Греціи во время Пелопонезскихъ войнъ явилась язва Θукидида, у Евреевъ при распаденіи ихъ національной жизни-проказа, при появленіи магометанъ—оспа, реформаціи—какая-то потная лихорадка (по нѣм.—Schweissfieber), при открытіи Америки—сифилисъ и желтая горячка. Появленіе холеры онъ поставляетъ въ связь съ новыми революціями. Это, повидимому, случайное и странное совпаденіе онъ объясняетъ измѣненіями въ земной поверхности, вліяющими на климатическія условія, а черезъ нихъ и на органическую сторону людей (эпидеміи) и на психическую склонность къ революціонной ажитаціи. Еще Нибуръ сдѣлалъ замѣчаніе, что на исходѣ великихъ историческихъ эпохъ (или какъ нѣмцы выражаются, міровыхъ вѣковъ—«Weltaltern») незамѣтные переходы между двумя періодами, такіе переходы, при которыхъ историки не могутъ различить, гдѣ начинается новый и кончается старый періодъ (такъ сказать историческія сумерки), обозначались опустошительными болѣзнями. Упомянувъ тѣ примѣры, о которыхъ я уже сказалъ, и дополнивъ ихъ тѣмъ, что появленіе холеры въ 1830 г., въ 1848 г. и пр. совпадаетъ съ революціоннымъ броженіемъ идей, Эрдманъ продолжаетъ: «не безъ естественныхъ же причинъ вдругъ распространяется въ массахъ состояніе ирритаціи, а эти естественныя причины должны

лежать въ свойствахъ нашей планеты. Не видимъ ли мы, что землетрясенію предшествуетъ какая-то томительная тишина во всей природѣ, которая заставляетъ животныхъ прятаться инстинктивно въ разныя мѣста и вызываетъ въ людяхъ мысль о своемъ концѣ. Отсюда близка та мысль, что строгое научное развитіе метеорологіи и геологіи приведетъ насъ къ возможности предсказывать, что въ извѣстное время случится нѣчто великое въ человѣческомъ родѣ, если не опредѣлять что именно». Какъ хотите, а этотъ взглядъ, при всей своей кажущейся парадоксальности, вызываетъ на многія размышленія. Вообще, въ книгѣ Эрдмана замѣтно желаніе объяснить различные повидимому аномальные факты, но которые, уже вслѣдствіе своего постояннаго повторенія, предполагаютъ общіе законы, такъ напримѣръ,—предчувствія, предвѣщательные сны, сомнамбулизмъ и другія мистическія явленія въ человѣческой натурѣ. Вообще, вопросы, которыхъ по преимуществу касается Эрдманъ, такъ близки каждому, что книга представляетъ очень большой интересъ, по крайней мѣрѣ для меня.

Замѣчу, что у меня чрезвычайно много матеріала для чтенія, но читать некогда. Когда вспомнишь, что все это могло бы быть перечитано раньше, то беретъ какая-то досада за потерянное время. Представляется такая масса интереснаго, что не знаешь, на что и броситься; притомъ же времени остается мало. Университетскія занятія отнимаютъ большую часть времени. Просидишь на лекціяхъ часа четыре, да испишешь листа четыре мелкимъ почеркомъ, такъ голова забивается порядочно. А тутъ еще посѣтители мѣшаютъ.

Вы можете судить изъ моего письма, что мнѣ живется недурно, и даже можно сказать хорошо. Сознаешь, что не безъ пользы для себя проводишь время. Извините меня, что я пустился сегодня въ разглагольствованія объ ученыхъ матеріяхъ, но я основываюсь въ этомъ случаѣ на неоднократной просьбѣ Вашей, Валентинъ Николаевичъ, сообщать о томъ, что узнаю хорошенькаго. А такъ какъ въ настоящее время я оторвался отъ всякой общественной жизни и погрузился въ нѣкоторомъ смыслѣ въ науку, то и сообщаю то, что мнѣ казалось новымъ и интереснымъ въ моихъ новыхъ знаніяхъ. Когда узнаю что-нибудь изъ другой сферы,—сообщу. Не лишайте меня своихъ писемъ.

А. Чупровъ.

Москва, 16 декабря 1863.

Милѣйшій мой Валентинъ Николаевичъ.

Искренно благодарю Васъ за ваши дружескія письма. Вы не ошибаетесь, видя въ моихъ писаніяхъ выраженіе полной дружбы съ моей стороны. Съ нѣкотораго времени, а въ особенности съ нынѣшней вакаціи, я почувствовалъ такое душевное родство съ Вами, что не обинуясь могу назвать и считать Васъ лучшимъ моимъ другомъ. Я убѣдился, что и Вы смотрите на меня такъ же, или по крайней мѣрѣ весьма близко къ тому, какъ я смотрю на васъ. Почему не прежде, какъ годъ тому назадъ, я сталъ въ такія отношенія съ Вами, я сейчасъ объясню. До послѣдняго времени, т. е. до послѣдняго года, я не могъ въ представленіи Васъ раздѣлить понятіе друга и родственника и понятіе профессора моего. Сознавая превосходство Вашихъ знаній и Вашей головы надъ моею, я смирялся передъ Вами и только уважалъ Васъ. По моему мнѣнію, всякое уваженіе есть умаленіе собственной личности; а гдѣ одна личность умалена въ сравненіи съ другою, тамъ не можетъ быть любви и дружбы. Любовь и дружба основываются на взаимной нравственной потребности нѣсколькихъ лицъ. Я сознавалъ, что я для Васъ ничего не значу; что будь я на свѣтѣ или нѣтъ—это все равно. Я не былъ убѣжденъ въ томъ, что и Вы имѣете уваженіе ко мнѣ, что я для Васъ значу что-нибудь. — Въ послѣднее время я пріобрѣлъ это убѣжденіе. Наши дружескія вполнѣ откровенныя бесѣды, наши письма, наконецъ, наши ученые споры, въ которыхъ можно было замѣтить, что и Вы иногда принимаете мои аргументаціи,—дали мнѣ почувствовать, что неравенство между мною и Вами болѣе или менѣе сгладилось, и что слѣдовательно мы можемъ быть друзьями, чего мнѣ давно такъ искренно хотѣлось. Теперь я сознаю, что могу писать къ Вамъ все, что мнѣ придетъ на умъ, не опасаясь нарушить нашихъ отношеній, тогда какъ раньше, когда мои отношенія къ Вамъ имѣли форму «уваженія», я опасался какимъ-нибудь неосторожно выпущеннымъ словомъ унизить себя въ Вашемъ мнѣніи.

Не смѣйтесь надъ этими нѣсколько филистерскими замашками объяснять фактъ, самъ по себѣ весьма понятный. Съ нѣкотораго времени, и даже, могу сказать, довольно давно, у меня явилась страсть анализировать свои отношенія къ людямъ. Вся-

кое столкновеніе съ новымъ лицомъ, всякій новый шагъ въ знакомствѣ съ давно знакомымъ человѣкомъ, заставлялъ меня задумываться надъ нимъ, и часто продумывать цѣлые часы. Мнѣ не одну сотню разъ приходилось думать о моихъ отношеніяхъ къ Вамъ, и я радъ былъ подѣлиться съ Вами, но не былъ убѣжденъ въ томъ, что Вы благодушно примете мои мысли. Теперь я убѣжденъ въ томъ, что наши дружескія связи прочны, и что какая-нибудь неловкость съ моей стороны не оторветъ меня отъ Васъ. Вѣдь это такъ?—Скажу откровенно: въ послѣдніе годы, когда мнѣ пришлось столкнуться не съ одной сотнею людей, я довольно хорошо изучилъ всю область тѣхъ человѣческихъ отношеній, которая зовется дружбою и уваженіемъ, такъ что двухъ-трехъ словъ, тона рѣчи мнѣ достаточно для того, чтобы опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ человѣкъ ко мнѣ, или нѣсколько отдѣльныхъ людей между собою, и, слѣдовательно, въ какія отношенія мнѣ себя поставить. Благодаря такому знанію отношеній, я скажу, не хвалясь, что и въ Академіи меня любили, и здѣсь въ университетѣ мой кружокъ, довольно обширный, искренно привязанъ ко мнѣ. Я слишкомъ глубоко уважаю личность другого, и потому никогда не считалъ себя вправѣ выходить изъ тѣхъ отношеній, какія по моему мнѣнію, единственно возможны между нами. Если между мной и другимъ нѣтъ, на мой взглядъ, вѣрныхъ задатковъ дружбы, то я считаю себя не вправѣ навязываться съ дружбой, какъ глубоко ни уважаю и искренно ни люблю человѣка. Самымъ характеристическимъ признакомъ дружбы я считаю такія отношенія, когда упреки или что-нибудь подобное со стороны другого не отзываются болѣзненно въ моемъ сердцѣ. Скажу откровенно: Вы теперь можете ругать меня, выказывать мнѣ массу недостатковъ во мнѣ, и это не будетъ колоть меня. До такого момента доживешь не скоро, даже при постоянномъ сожитіи: я живу съ Богдановымъ уже цѣлые полтора года безотлучно, но только въ послѣднее время мы перестали колоться взаимными замѣчаніями. До тѣхъ поръ пока мои отношенія къ другому не перейдутъ на такую степень дружбы, я держу себя болѣе или менѣе разсчитанно и по плану, въ особенности съ тѣмъ человѣкомъ, котораго уважаю, а какъ скоро перейденъ этотъ предѣлъ, всякіе планы исчезаютъ. Здѣсь я однажды навсегда разсчитываю: «для того, чтобы сойтись съ этимъ человѣкомъ, все сдѣлано, и мы, кажется, сошлись; значитъ, я вправѣ дѣлать и поступать, какъ мнѣ угодно, не стѣсняясь тѣмъ, что я оскорбляю личность другого своими дѣйствіями; я убѣжденъ, что образъ моихъ дѣйствій

и мыслей не противенъ другому. Если послѣ этого мы разойдемся, то это уже не моя вина, а Naturdelict, какъ говорятъ нѣмецкіе юристы: обстоятельства виноваты. Въ этомъ случаѣ я такъ же чувствовалъ бы себя правымъ, и считалъ бы правымъ своего ближняго, какъ если бы камень, упавшій съ крыши дома, около котораго мы разговаривали, раздробилъ голову моему ближнему».

Pardon, что я вошелъ въ такія разглагольствованія. Но право, перечитывая сейчасъ Ваше письмо, я былъ наведенъ на размышленія и не могъ оторваться отъ нихъ, не изложивъ Вамъ ихъ. Право, Ваши послѣднія письма такъ хороши, что я ихъ перечитываю по нѣскольку разъ. Прочитавши сейчасъ же по полученіи, въ ту же минуту хочешь отвѣчать, но вдругъ оторветъ тебя что-нибудь, и выйдетъ, что отвѣтишь черезъ недѣлю или больше. А матеріаловъ-то для письма много. Пустишься ли въ научныя разсужденія,—здѣсь и двухъ листовъ не хватитъ, чтобы передать все, что хотѣлось бы передать. Напримѣръ, я теперь кончилъ политическую экономію, и признаюсь, при чтеніи руководства по этому предмету, явилось у меня очень много соображеній и плановъ, которыми весьма хотѣлось бы подѣлиться съ вами. Скажу одно, не пускаясь въ дальнѣйшія объясненія: позаймитесь въ свободное время этой наукой, и Вы найдете такую массу вопросовъ, что удивитесь сами. Я совѣтовалъ Вамъ въ прошломъ письмѣ заняться статистикою мѣстною. Теперь я думаю, что безъ знанія политической экономіи это прямо безполезно, или хоть и полезно, но не въ такой мѣрѣ. Между тѣмъ, какая громадная возможность у Васъ собрать такія статистическія данныя, которыхъ собрать никто другой не сможетъ. Знаете ли Вы, что ваши описи Сиротскаго дома и подряды за старые годы могутъ служить великолѣпнымъ матеріаломъ для исторіи цѣнъ въ Калугѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исторіи всего экономическаго быта города въ старое время. Нужно только умѣть связать эти голыя данныя. Прочитавъ политическую экономію по Рошеру, Вы сами убѣдитесь, что я не преувеличиваю дѣла. Но Вы могли бы расширить область своихъ изслѣдованій. Вы говорили мнѣ однажды, что Лерхе далъ вамъ позволеніе разъѣзжать для собиранія данныхъ по Вашей работѣ по губерніи. Во время этихъ путешествій Вы могли бы собрать столько матеріаловъ, что Вамъ была бы благодарна не только Калуга, а все наше ученое общество.

А. Чупровъ.

СОСѢДИ.

...Отсюда, съ лѣстничной площадки, Исаакій былъ виденъ, какъ на ладони. До звона было далеко; но уже запылали огромные красные факелы по угламъ собора и надъ ними,—розовые снизу, черные сверху, взвились клубы дыма. Выше они стали четырьмя бѣлыми облачками и метнулись всѣ въ одну сторону.

Инженеръ Фоминъ не зналъ, что потянуло его на холодную лѣстницу, къ этому окну. Съ утра онъ былъ нездоровъ: слегка лихорадило, въ затылкѣ отяжелѣлъ какой-то старый, слежавшійся комъ, и лѣвое колѣно мозжило тоже старой, надоѣвшей и нудной болью. Было не до праздничныхъ розговѣнъ и еще больше не до той ночной сутолоки, которая имъ предшествуетъ. Онъ написалъ благодарственныя записки на всѣ приглашенія и рѣшилъ всю субботу просидѣть дома.

Но уже съ полдня стала просыпаться знакомая тоска, росшая съ суетой и безпокойствомъ, наполнившими квартиру. Вкусно пахло куличемъ, окорокомъ, ванилью. Хозяйка въ папильоткахъ (что съ нею за всю зиму ни разу не случалось), заглянула въ дверь и сказала голосомъ, словно разбухшимъ отъ лишней злобы:

— Я и вамъ, Владиміръ Матвѣичъ, куличикъ, пасочку приготовила. Можетъ быть, еще что-нибудь надо?

Фоминъ далъ деньги на покупки и плотнѣе заперъ двери. Принесли цвѣты... Сквозь запахъ съѣдобнаго пробился сильный и сладкій ароматъ гіацинтовъ: «Точно покойникъ въ домѣ»,—досадливо подумалъ Фоминъ; но не сказалъ ничего, когда стукнули въ дверь и вслѣдъ за горничной, принесшей подносъ съ виномъ и закусками, вплыла хозяйка въ новомъ, обвѣшенномъ

блестками, платьѣ, съ развитыми кудерками на лбу и двумя цвѣточными горшками въ рукахъ.

— Вотъ и у васъ праздничекъ будетъ,—сказала она все тѣмъ же злобнымъ голосомъ, ставя цвѣты на переддиванный столъ.—Только ужъ позвольте, чтобъ Ариша вамъ самоварчикъ подала часовъ въ десять, а сама къ заутренѣ сходила. Очень просится...

— Отчего же! Пусть идетъ, — отвѣтилъ Фоминъ, радуясь мысли, что наконецъ кругомъ станетъ тихо.

И тишина наступила сразу. Щелкнулъ ключъ кухонной двери, затихли на лѣстницѣ проворные шаги, и въ большой, тѣсно заставленной квартирѣ остались только тѣ смутные шорохи, что томятъ и пугаютъ въ безсонныя ночи тяжелыхъ, горячечныхъ болѣзней... Тикаютъ часы; гулко падаетъ капля за каплей въ кухонную раковину и промежутки между ихъ паденьемъ становятся все томительнѣе, все напряженнѣй... не то обои коробятся, не то мышь скребется съ чуть уловимымъ, опасливымъ потрескиваньемъ.

— Фу ты! Точно въ склепѣ... — сказалъ Фоминъ и прошелся по комнатѣ.—Онъ остановился у стола и для чего-то потрогалъ оба гіацинта, одинъ бѣлый, совсѣмъ распустившійся, другой—въ лиловато-розовыхъ, съ темными полосками, бутонахъ. Потомъ надѣлъ кожаную куртку и вышелъ на площадку.

И онъ стоялъ долго, глядя, какъ оживаетъ улица, какъ по ней пестрыми толпами плывутъ люди, какъ все чаще и чаще, непривычно громко стуча копытами по оттаявшей мостовой, проносятся лошади. И казалось ему, что кромѣ живыхъ и громкихъ, приносящихся съ улицы, звуковъ,—сторожкая, замершая жизнь шепчетъ о себѣ изъ-за каменныхъ, обступившихъ площадку, стѣнъ. Онъ обернулся на шорохъ и вздрогнулъ отъ неожиданности:—съ трехъ ступенекъ чердачной лѣстницы проворно сбѣжалъ человѣкъ. Впрочемъ, ничего страшнаго не было въ фигурѣ нежданнаго гостя. Скорѣе она могла показаться чуть-чуть комичной: бархатная коричневая блуза была узковата для высокой груди и широкихъ плечъ, на которыя напялили ее вплотную; а совершенно круглый, розовый, какъ у ребенка, черепъ, былъ покрытъ длинными, рѣдкими, бѣловатыми волосами.

— Простите: я васъ испугалъ?—спросилъ гость, подходя къ окну.

— Ничуть. Я только немножко удивился,—думалъ, что дверь ведетъ на чердакъ.

— Не говорите! Нынѣшніе хозяева ухитряются изъ чер-

дака десятокъ мастерскихъ надѣлать для злополучныхъ художниковъ, изъ нихъ же первый есмь азъ. Мерзъ въ собачьемъ холодѣ всю зиму... Сейчасъ хотѣлъ на Неву посмотрѣть, и той изъ моей скворешни не видно. А я Неву люблю въ эту ночь:—огни эти разноцвѣтные, Исаакій... И потомъ перламутровые, розовые тона на разсвѣтѣ...

Онъ не кончилъ. Ударилъ соборный колоколъ. Близко, за самой стѣной, дряблымъ звономъ отвѣтила звоничка богадѣльни, помѣщавшейся на сосѣднемъ дворѣ, и море звуковъ, могучихъ и нераздѣлимыхъ въ своей весенней радости, понеслись надъ крышами города.

Тысячи огоньковъ загорѣлись на площади, то мелькая и двигаясь межъ деревьевъ, то вытягиваясь вдоль рѣшетокъ и панелей, то сплетаясь разноцвѣтнымъ узоромъ.

— А красиво!—похвалилъ художникъ:—что твоя Венеція. Да нѣтъ!—у насъ лучше... Ширь это,—просторъ! Не неволя насъ въ лужу загнала,—мы сами заставили отступить море... И знаете что? Давайте съ вами выпьемъ ради праздника!

И прежде, чѣмъ Фоминъ успѣлъ отвѣтить, сосѣдъ убѣжалъ къ себѣ и вернулся съ двумя стаканами, бутылкой и складнымъ стуломъ въ рукахъ.

— Ну, вотъ, садитесь, а я буду васъ угощать.

— У васъ выпивка, у меня — закуска, — отвѣтилъ Фоминъ.—Въ своей комнатѣ онъ мимоходомъ закутался въ башлыкъ, закурилъ новую папиросу и вернулся на лѣстницу съ полнымъ подносомъ въ рукахъ. Отъ налитыхъ стаканчиковъ потянуло тонкимъ ароматомъ дорогого коньяку.

— Съ праздникомъ!

— За ваше здоровье! Христосъ воскресе!

Собесѣдники выпили,—и странное, съ дальней юности не испытанное, чувство охватило обоихъ:—вспомнился ясный день, который подъ страхомъ родительскаго и учительскаго гнѣва удалось имъ урвать у школы. И заговорили объ этомъ оба разомъ.

— Я въ Москвѣ росъ,—сказалъ Фоминъ. — Разъ, помню, вмѣсто гимназіи отправился въ Петровское-Разумовское...

— У меня вотъ тоже!.. Отецъ-покойникъ старой вѣры держался... Сибирскіе мы... И грамотѣ меня по старинѣ «мастеричка» обучала. Сухая была, какъ стрючокъ, а кляузная порядочно... И разъ съ букваремъ и указкой я мимо нея—въ лѣсъ... А лѣсъ нашъ какой?.. Тайга!

Опять выпивали. Ѣли въ перемежку сырую пасху и сардины, и бросали другъ другу короткія, отрывистыя фразы.

— Глубоко сидятъ въ человѣкѣ вѣковые предразсудки...

— Привычка...

— Ну, что для насъ съ вами этотъ праздникъ?..

— Ничего... А поди-жъ ты, подмываетъ!

Розовый черепъ художника совсѣмъ покраснѣлъ и отсвѣчивалъ подъ свѣтомъ электрической лампы. Черные глаза инженера подернулись поволокой... Художникъ жаловался:

— Для нашего брата, бобыля, эти нарочитые дни—чистая смерть! Вѣрите, сегодня, какъ послѣ обѣда вздремнулъ, мать пригрезилась. У меня это всегда передъ какимъ-нибудь несчастьемъ бываетъ... Стоитъ, какъ живая бывало, рукою щеку подперши, и головою покачиваетъ.

— Да! Эта праздничная тоска—своего рода налогъ на насъ, старыхъ холостяковъ.

— Ну! Холостому еще съ пола- -горя! Все думаешь успѣется! А то и къ чужому гнѣзду примоститься норовитъ. А вотъ, когда съ этимъ звономъ кричитъ тебѣ въ уши твоя пропащая жизнь не умирающими голосами,—это худо... это ужъ вовсе худо!

Онъ прошелся по площадкѣ отъ двери къ двери.

— Проклятое дѣло—семья! Подлое дѣло,—потому что творится оно женщиной, а нѣтъ на свѣтѣ пакости, которая шла бы не отъ женщины.

— Ну, я не согласенъ,—протянулъ инженеръ, и его красивое лицо приняло ласковое, вспоминающее выраженіе.—Женщина—наша судьба! Какъ судьба,—одному даетъ она много, другому мало, а третьему—нѣтъ ничего! Но ко мнѣ она была небывало щедра. Она дала мнѣ все, что на землѣ есть самаго лучшаго... Мать у меня была какой-то ангелъ бѣлокрылый. Я такъ только и помню ее—бѣлую, въ гробу... Сестра—сама кротость... Ради меня забыла о красотѣ, молодости, замужествѣ. И теперь, старая, совсѣмъ сѣдая, живетъ на отцовскомъ пепелищѣ и ждетъ годами, пока я, скитаясь по Россіи, заверну къ ней въ гости на денекъ-другой.

Инженеръ, казалось, забылъ о слушателѣ. Его тонкая рука играла стаканомъ, въ грани котораго блестѣло и вспыхивало золотыми искорками вино. Онъ смотрѣлъ на эти искры, улыбался, и на его щекахъ выступили два яркія пятна: не то хмѣльной румянецъ, не то старческія подкожныя жилки.

— ...Ждетъ, милая... Да и не сестра одна ждетъ... Я зналъ и любилъ многихъ женщинъ и ни одной не бросилъ, не забылъ, не потерялъ... Иныя сами отошли,—отошли куда-то въ сторону а иныя и теперь ждутъ:—въ Саратовѣ, въ Кіевѣ, въ Бѣлгородѣ,—

Курской губерніи... Славный такой городокъ... бѣленькій весь...

— Да вы—счастливчикъ,—усмѣхнулся художникъ. Васъ не то что по всѣмъ губерніямъ—вонъ и по уѣзднымъ городамъ поджидаютъ... А бываютъ такіе незадачливые люди, что весь вѣкъ отъ бабы добра ждутъ, да такъ и помрутъ, не дождавшись... Хоть бы меня взять! Съ восьмнадцати лѣтъ я,—градскаго головы и перваго въ городѣ богача сынъ,—только и свѣта видѣлъ, что въ дѣвченкѣ. А что въ ней было? Всего—ничего! Только коса длинная по поясъ да глаза большіе,—по яблоку. Вѣру дѣдовскую забылъ, отъ отца-матери откачнулся, на богатство рукою махнулъ... А на своемъ поставилъ: женился на своей дворяночкѣ, безприданницѣ. Было срама довольно, какъ изъ Ирбита и Екатеринбурга наѣхали тетушки и сестрицы молодую невѣстку смотрѣть. А у невѣсты приданаго—одинъ рояль на трехъ ножкахъ. И какъ королеву, какъ императрицу Византійскую изукрасилъ я ее каменьями, золотомъ, шитыми шелками... И старики мои на нее не надышались: удачу въ торговлѣ и счастье въ домъ дворяночка принесла. И не знали мы въ ту пору, что слѣдомъ вползетъ несчастье, не узнанное, непримѣтное, неизбывное. Надумали наши отцы градскіе портретъ съ головы въ думѣ повѣсить. Старикъ мой сначала уперся: по старинѣ за великій грѣхъ почиталъ. Да самолюбіе старика одолѣло,—захотѣлъ чести... Выписали изъ Москвы художника.—И фамилія у него русская, и говоръ чистый, а не могу я повѣрить, чтобъ онъ русскій былъ: не можетъ въ одномъ подлинномъ русскомъ человѣкѣ столько подлости помѣщаться! Врѣзался онъ въ мою жизнь дубовымъ клиномъ:—въ гостинной, въ конторѣ, на мельницѣ, на баржахъ, на заимкѣ,—всюду онъ! И, вѣдь, самъ я его ласкалъ, задаривалъ, въ компаньоны присоглашалъ. А почему? По глупости... Хоть отошелъ я уже отъ нашей сѣрой, старинной жизни, и людей видѣлъ, и въ реальномъ обучался, да совѣсть во мнѣ жила дѣдовская, старинная. Все думалось: выкину-ка я ему сладкій кусъ: либо подавится, либо посовѣстится,—самаго сладкаго, самаго завѣтнаго не тронетъ. А у нихъ, у обоихъ, господскою, дворянскою совѣстью еще дѣды-прадѣды поиздержались... Порошинки единой внукамъ не оставили. Приходятъ мои голубки ко мнѣ въ кабинетъ, ручка въ ручку, и говорятъ прямо: «Зная твое благородство, желаемъ мы соединиться на вѣки... А письма намъ пиши въ Москву»... Но только Москву я имъ показалъ не ихнюю, а нашу, русскую, ту самую, что слезамъ не вѣритъ!..

Онъ остановился, перевелъ духъ и, выплеснувши въ стаканъ послѣднія капли коньяку, жадно глотнулъ.

— Полно вамъ, полно,—успокоительно заговорилъ Фоминъ,—зачѣмъ въ свѣтлую ночь вспоминать старыя обиды? У всякаго было темное въ жизни... Только жить не сможешь, если станешь о немъ думать. Забыть надо...

— Забыть?! Кто вамъ сказалъ, что я хочу забывать. Если я о своемъ торжествѣ, о своей мести забуду, что-жъ мнѣ останется?

— Какъ что? Чѣмъ другіе люди живутъ? Работа, искусство, новыя женщины...

— Не могу я—отъ бабъ только свирѣпѣю, а настоящей радости нѣтъ. Пробовалъ ужъ я... Въ Парижѣ, въ Римѣ, въ Монако былъ... И хоть бы она мнѣ сына оставила! А то нарожала дѣвченокъ (и теперь у двоюродной тетки растутъ); а мальчишку ухитрилась тогда принести, когда и сама не знала, чей онъ: мой или того, молодчика... Умеръ, слава Богу.

— Странно вы говорите о ребенкѣ!

— Полноте вамъ! Что тутъ страннаго?.. Для насъ, мужчинъ, дѣти существуютъ постольку, поскольку мы ихъ матерямъ вѣримъ. И если бы нашелся хоть одинъ правдивый человѣкъ, онъ, какъ царь Давидъ библейскій, придумалъ бы форменную одежду для своихъ сыновъ и дщерей, потому—не въ силахъ человѣческихъ ихъ именъ и лицъ упомнить. Гдѣ нѣтъ нашихъ дѣтей? На постоялыхъ дворахъ, въ чужихъ селеньяхъ, въ селахъ и заимкахъ, въ притонахъ... И всѣ тѣ женщины, что дожидаются васъ по всей Россіи, отъ Архангельска до Астрахани...

— Да, въ этомъ вопросѣ вы нѣсколько правы,—согласился Фоминъ.—Но я тутъ былъ порядоченъ и честенъ. Каждую изъ нихъ я предупреждалъ, что весь рискъ падаетъ на нее, никакихъ обѣщаній не давалъ, и каждая знала, на что шла. Сперва сдѣлалось это само собою, потому что у меня не было угла и куска, которые я могъ бы раздѣлить съ милой. А потомъ... потомъ я полюбилъ мою свободу. Свобода была одна; а женщинъ было такъ много! И всѣ-то онѣ жалѣли меня одинаковой, красивой, любовной, сердечной жалостью... Это оттого, что жизнь моя сложилась не совсѣмъ обычно... Нѣтъ! Совсѣмъ не обычно!.. Вы знаете?—меня въ восемнадцать лѣтъ приговорили къ смертной казни!..

— Ну? За что? Бунтовали, видно?

— Дѣло прошлое,—вспоминать не стоитъ... Тогда это

слово звучало страшно, потому что теперешней привычки къ нему не было. Закипѣли вокругъ меня событія, разыгрались страсти. Близкіе мнѣ люди и совсѣмъ чужіе посылали телеграмы, ѣздили, хлопотали и добились того, что смерть была мнѣ замѣнена даже не каторгой, а во вниманіе къ заслугамъ отца, боевого генерала, сдачей въ солдаты, въ дѣйствующую армію. И выпустили меня изъ каземата только на одну ночь, чтобы передъ отъѣздомъ я могъ съ родными проститься. Но къ роднымъ я не пошелъ. Изъ тюрьмы я пошелъ прямо въ свѣтлицу моей подружки, Тани. Сосѣдка была, мѣщаночка... въ горѣлки когда-то играли вмѣстѣ. Бѣлокуренькая, тихая, на все согласная... Въ монастырѣ потомъ вѣкъ свѣковала. И теперь жива, въ Бѣлгородѣ... А на Кавказѣ! Какія тамъ были женщины! Какъ меня обласкали...

Фоминъ остановился, потому что его собесѣдникъ заливался жидкимъ, прерывистымъ хохотомъ.

— Что вы?

— Да я подумалъ, что чернявый солдатъ дюжины двѣ кукушатъ господамъ офицерамъ подкинулъ.

— Не знаю, не считалъ,—отвѣтилъ Фоминъ, и въ его хмѣльномъ голосѣ прозвучала сдержанная сухость.

Но черезъ минуту онъ опять жмурился на золотистое вино въ своемъ долитомъ стаканѣ и опять разсказывалъ. — Я ужъ говорилъ вамъ, какъ смотрю на этотъ вопросъ. Разъ я сказалъ женщинѣ, что беру ее не въ жены,—вопросъ о послѣдствіяхъ всецѣло касается ея одной. Это — ея частное дѣло. Малолѣтковъ я не трогалъ. Я вамъ больше скажу: въ моемъ сближеніи съ женщиной эта, физическая, сторона стояла далеко не на первомъ мѣстѣ. Главное для меня было, чтобы женщина мнѣ вѣрила, подчинялась, слушала меня... Именно слушала! Ахъ, какая великая прелесть въ женщинѣ—умѣнье красиво, покорно и чутко слушать! А мнѣ надо, чтобы меня умѣли слушать... Привыкъ я... Сперва въ казармѣ одинъ знающій, много учившійся среди темныхъ, пришедшихъ изъ еще болѣе темныхъ трущобъ, солдатъ... Потомъ старый студентъ съ сѣдѣющимъ усомъ въ толпѣ молодежи, окружившей меня ореоломъ мученичества. А за то время, что я не былъ въ Петербургѣ, народился новый типъ женщинъ: мыслящія, разумныя, работящія. И эти женщины, въ гладкихъ прическахъ и темныхъ платьяхъ, принесли высшія, доступныя человѣку радости...

— Это курсятины-то? И ко мнѣ хаживали...

— Я ихъ такъ не называлъ. И не нравится мнѣ ваше

слово... Въ нихъ—наше будущее. Только изъ ихъ толпы можно взять подругу, которая не побоится ни старости, ни хворости мужа и останется чистой и вѣрной... И сегодня все вспоминается мнѣ одна... Лѣтъ десять тому это было... И какъ-то забылъ я объ ней, упустилъ изъ виду... Странная была немножко, восторженная. Мечтала о сценѣ... А какая тутъ сцена, когда,—подруги ея говорили,—жить ей приходилось чуть не на десять рублей въ мѣсяцъ! И оттого, должно быть, что денегъ у нея совсѣмъ не было, одѣвалась она странно,—зиму и лѣто въ ситцевыя платьица, не имѣвшія ничего общаго съ тогдашней уродливой модой. Захаживала она ко мнѣ частенько и каждый разъ я придумывалъ для нея какую-нибудь работу: то докладъ переписать, то бѣлье помѣтить, то что-нибудь съ французскаго перевести,—лишь бы дать трехрублевку заработать. Весною собрался я ѣхать въ дальнюю дорогу и попросилъ ее помочь уложить пожитки. Свалилъ грудой книги на полъ, велѣлъ дворнику съ чердака сундукъ принести, что и теперь у меня «ковчегомъ» называется, а самъ пошелъ по дѣлу. Прихожу къ вечеру, глядь-поглядь, моей барышни нѣту. Только слышу жалобное, тихое всхлипываніе: такъ больной ребенокъ плачетъ, когда его обидятъ. Смотрю, въ сундукѣ, на стопкѣ сложенныхъ книгъ, сидитъ она, прижавшись бѣлокурой головкой къ его краю, и читаетъ синюю тетрадку. Дневникъ мой былъ. Конечно, о женщинахъ я писалъ и все въ ту пору, когда кончалась любовь и наступали слезы, упреки, проклятія и обѣщанья застрѣлиться. Въ такое время дневникъ очень помогаетъ: точно со стороны на себя и на женщину взглянешь... И до того дѣвченочка чтеніемъ этимъ увлеклась, что и не услышала, какъ я подошелъ вплотную и сталъ за крышкой. Читаетъ, глотаетъ рыданія и слезы, какъ малый ребенокъ, по лицу кулачкомъ размазываетъ.

— Дѣтка моя,—говорю,—о чемъ эти слезы?

Вижу, дрожитъ она каждымъ волоскомъ, каждымъ суставчикомъ своего чистаго, дѣтскаго тѣла.

— Зачѣмъ, зачѣмъ,—всхлипываетъ,—жизнь такъ грязна, такъ мучительно ужасна!? Зачѣмъ вы—тотъ, кому молиться хотѣлось... Вижу я, моя дѣвочка бредитъ... Вытащилъ ее изъ сундука, сталъ успокаивать, сказки сказывать...

— Что-жъ потомъ? Тоже въ монастырь сплавили?

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ! Сдѣлать этого я не посмѣлъ-бы... Наплакавшаяся, затихшая, успокоенная ушла она отъ меня такая же чистая, какъ пришла, въ томъ же свѣтломъ ситцевомъ платьицѣ съ голубыми и бѣлыми широкими полосками. И

вотъ теперь мнѣ хочется вернуть тотъ вечеръ. Я теперь бы ее не отпустилъ, я увезъ бы ее съ собою... Нѣтъ, нѣтъ не въ любовницы, а въ жены.

— Чудакъ же вы, право! По дѣлу видать, что дѣвченка съ вами, можетъ, ужъ съ десятымъ «лазурь»-то эту берлинскую разводила! Знала, зачѣмъ къ вамъ шла. За женщину заплатить надо. И ужъ если она къ тебѣ сама пришла, такъ тутъ,—много ли ты за нее дашь, мало ли,—а бери всю цѣликомъ. Бери! А то, подлая, отвертится. Тутъ ужъ надо помнить, что каждый поцѣлуй—расплата. Даже не расплата, а месть, потому что, если эта баба передъ тобой неповинна, такъ за нее сторицею отомститъ другая. И я свою месть довелъ до конца! Безъ шума, скандала, выстрѣловъ и развода... По-коммерчески, по-купечески... Пока мои голубки въ Москвѣ цѣловались, я наладилъ дѣло. Черезъ годъ наша фирма обанкротилась. Отецъ въ ту пору умеръ. Меня судили, судили и его,—моего обидчика,—не даромъ же онъ втерся ко мнѣ въ компаньоны. У меня на лицо оказались оправдательные документы, встрѣчные иски, векселя, — (да и малая толика въ заграничный банкъ переправилась); а у него—краденая жена да злостное банкротство. Посадили соколика въ тюрьму, а я махнулъ въ Парижъ,—живописи учиться.

— Живописи? Почему живописи?

— Съ дѣтства любилъ; а главное—сердитъ человѣкъ, если его обидятъ! Мучила меня мысль, что есть у него, моего недруга, что-то такое, въ чемъ не только не могу я сравниться, но и бороться съ нимъ не умѣю... Что-жъ! прошло только семь лѣтъ... Мою картину съ нынѣшней выставки въ галлерею купили. А онъ...—Художникъ засмѣялся хриплымъ, короткимъ смѣхомъ, похожимъ на стонъ.—...Онъ—въ сумасшедшемъ домѣ, въ буйномъ изоляторѣ стѣны размазываетъ.

Фоминъ отшатнулся отъ разсказчика, и на его хмѣльномъ лицѣ засвѣтилась гнѣвная мысль.

— Что же съ нею, съ этой несчастной, сдѣлалось?

— А ничего... Сколько разъ приходила ко мнѣ, любить обѣщалась, руки мои цѣловала, на колѣняхъ ползала, просила отдать милаго. Только я тутъ при чемъ же? Законъ его въ тюрьму посадилъ, законъ въ желтый домъ перевелъ и тамъ забылъ его на вѣки-вѣчные. Ну, а моя благовѣрная ежедѣнъ ходитъ къ нему въ гости,—худая, сѣдая, нищенски одѣтая... совсѣмъ не аппетитная; гостинчики носитъ: печеное яблочко или киселокъ. Твердаго доктора не позволяютъ: помирать хочетъ.

Внизу стукнула дверь. Люди шли по лѣстницѣ. Громко говорили, смѣялись, поздравляли другъ друга съ праздникомъ. Собесѣдники словно отъ сна проснулись. Глянули другъ на друга внимательными, сразу отрезвившими глазами, и, схвативши бутылки и приборы, пошли каждый къ своей двери.

Съ тѣхъ поръ сосѣди не встрѣчались.

С. Караскевичъ.

И. А. ГОНЧАРОВЪ.

I.

Бѣлинскій и Добролюбовъ установили взглядъ на Гончарова, какъ на художника по преимуществу *объективнаго*, понимая «объективность» въ смыслѣ безпристрастія и безстрастія, способности изображать людей и вещи sine ira et studio. Но, въ примѣненіи къ художественному творчеству, терминъ «объективность» въ указанномъ смыслѣ представляется весьма неудобнымъ,—какъ неудобенъ и терминъ «субъективность», если брать его въ смыслѣ страстности отношенія къ изображаемому, внесенія въ художественное произведеніе личной точки зрѣнія на вещи, проявленія симпатій и антипатій автора. Въ книгахъ о Гоголѣ, Тургеневѣ, Толстомъ и Пушкинѣ [1]), я сдѣлалъ попытку утилизировать эти термины въ другомъ смыслѣ, а именно: *субъективный* художникъ—это тотъ, который, въ своихъ важнѣйшихъ созданіяхъ, исходитъ по преимуществу *отъ себя*, черпая матеріалъ изъ своего личнаго внутренняго опыта, воспроизводитъ себя самого или извѣстныя стороны своей натуры, а также и ту среду, гдѣ художникъ выросъ и воспитался; *объективный* художникъ, напротивъ, — это тотъ, который, въ своихъ важнѣйшихъ созданіяхъ, воспроизводитъ не себя и не «свое», а другихъ и «чужое», отправляясь отъ наблюденій надъ нравами, бытомъ, психологіей, понятіями, для него посторонними, «не своими». Обычно эти элементы или пути творчества совмѣщаются: трудно найти художника, творчество котораго было бы сплошь субъективно или объективно. Различая эти два типа, мы имѣемъ

[1]) Томы I, II, III и IV «Собранія сочиненій».

въ виду *преобладаніе* у одного художника субъективныхъ элементовъ, у другого объективныхъ. А что касается безстрастія или страстности отношенія къ изображаемому, выраженія или, наоборотъ, устраненія личныхъ взглядовъ, симпатій и антипатій автора, то все это, не имѣя никакого отношенія къ субъективности и объективности творчества, въ большинствѣ случаевъ встрѣчается у художниковъ, какъ того, такъ и другого типа.

Понятія субъективнаго и объективнаго творчества, взятыя въ указанномъ смыслѣ, были положены Е. А. Ляцкимъ въ основу его цѣнной книги о Гончаровѣ [1]), гдѣ онъ убѣдительно показалъ, что творчество Гончарова было по преимуществу *субъективнымъ*.

Но и раньше, на основаніи всего, что мы узнали о самомъ Гончаровѣ по его воспоминаніямъ («На родинѣ») и о его творчествѣ по статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда», можно было утверждать, что въ ряду нашихъ большихъ художниковъ Гончаровъ былъ самымъ субъективнымъ, — субъективнѣе даже Достоевскаго.

Въ статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» онъ говоритъ, что въ лицахъ, имъ изображенныхъ, «сквозитъ много близкаго и родного автору», что «дѣйствительно много личнаго, интимнаго, т. е. своего, и себя самого, вложено авторомъ туда».—Очень показательны въ этомъ отношеніи заключительныя строки этой «авторской исповѣди» Гончарова:

«Напрасно... нѣкоторые предлагали мнѣ задачи для романа. «Опишите такое-то событіе, такую-то жизнь, возьмите тотъ или другой вопросъ, такого-то героя или героиню!»—Не могу, не умѣю! *То, что не выросло и не созрѣло во мнѣ самомъ*, что я не видалъ, не наблюдалъ, чѣмъ не жилъ, то—недоступно моему перу!... Я писалъ только то, *что переживалъ, что мыслилъ, что чувствовалъ, что любилъ, что близко видѣлъ и зналъ*,—словомъ писалъ и *свою жизнь, и то, что къ ней прирастало*».

Для Гончарова *наблюдать* значитъ *переживать*. То, что онъ наблюдалъ, могло стать объектомъ его творчества только при условіи, чтобы оно входило въ сферу его *личной жизни* или, по крайней мѣрѣ, *прирастало къ ней*.

Но вотъ на что — въ этомъ вопросѣ — слѣдуетъ обратить вниманіе. Въ противуположность Толстому, художнику въ высокой степени субъективному, воспроизводившему въ рядѣ образовъ себя самого (Иртеньевъ, Оленинъ, Левинъ), Гончаровъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ вывелъ себя только

---

[1]) Первое изданіе—1904 г., второе, дополненное,—1912 г.

два раза и то—мелькомъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, почти случайно (писатель съ сонными глазами въ эпилогѣ «Обломова» и беллетристъ Скудельниковъ въ «Литературномъ вечерѣ»). Въ другихъ лицахъ вовсе не выведенъ И. А. Гончаровъ in persona, а только воспроизведено разное «гончаровское»: въ Адуевѣ-дядѣ—одно, въ Адуевѣ-племянникѣ—другое, въ Обломовѣ—третье и т. д. Въ нѣкоторыхъ женскихъ образахъ (мать Адуева, бабушка въ «Обрывѣ», Маѳинька, Вѣра и нѣкоторыя другія) воспроизведено то, что входило въ сферу интимныхъ переживаній Гончарова, съ чѣмъ съ дѣтства онъ сроднился и сжился. Въ изображеніи быта, склада жизни, понятій и психологіи среды, во всѣхъ трехъ романахъ, находимъ одно и тоже, только въ различномъ освѣщеніи, — то, что обозначается терминомъ *«обломовщина»*,—а обломовщина—явленіе по существу «гончаровское». Въ нашей литературѣ понятіе обломовщины было однимъ изъ крупнѣйшихъ художественныхъ обобщеній. Имъ Гончаровъ обезсмертилъ свое имя. Такъ вотъ и оказывается, что онъ художественно открылъ и постигъ обломовщину путемъ не объективныхъ, а *субъективныхъ* наблюденій,—онъ открылъ ее *въ себѣ и въ своихъ присныхъ, родныхъ по духу, въ своей психологіи и въ томъ, что находилось въ «избирательномъ средствѣ» съ нею.*

Если въ своихъ романахъ Гончаровъ уклонялся отъ воспроизведенія себя самого — in persona, то, въ замѣнъ того, въ другихъ произведеніяхъ онъ далъ намъ свой портретъ, можно сказать, выписанный въ деталяхъ, съ большой тщательностью и, несомнѣнно, вполнѣ сходный съ оригиналомъ. Это именно—въ воспоминаніяхъ, «На родинѣ», въ очеркѣ «Наши слуги» и, наконецъ, въ «Фрегатѣ Палладѣ». Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ весьма много специфически и лично «гончаровскаго», и они незамѣнимый источникъ для выясненія того, что въ И. А. Гончаровѣ было—*обломовскаго.*

II.

Слова «Обломовъ» и «обломовщина» сразу (послѣ появленія въ 1859 г. знаменитаго романа) стали нарицательными, крылатыми и—по истинѣ—вѣщими. Они выразили новое понятіе, котораго до Гончарова не доставало,—понятіе, для насъ чрезвычайно важное, ибо въ немъ былъ подведенъ итогъ кореннымъ и широко-распространеннымъ свойствамъ русской національной

психологіи. Въ этомъ главная—и огромная—заслуга Гончарова. Посмотримъ, какъ у него возникло это понятіе, и какимъ путемъ пришелъ онъ къ его художественному обнаруженію.

Въ автобіографическихъ очеркахъ «На родинѣ» онъ у разныхъ лицъ своего круга (Якубовъ, Козыревъ, Гастуринъ), а также вообще у обывателей родного города (Симбирска), во всемъ складѣ и тонѣ жизни отмѣчаетъ тѣ черты, которыя мы называемъ «обломовскими»: вялость, бездѣятельность, лежаніе, даръ сна, медлительный, апатичный темпъ жизни. Онъ вспоминаетъ (изъ временъ своего дѣтства) фигуры господъ, которые рѣдко вылѣзали изъ халата, жили халатно, по цѣлымъ часамъ среди бѣлаго дня лежали «въ лѣнивомъ покоѣ»... Онъ говоритъ: «Мнѣ кажется, у меня, очень зоркаго и впечатлительнаго мальчика, уже тогда, при видѣ всѣхъ этихъ фигуръ, этого беззаботнаго житья-бытья, бездѣлья и лежанія, и зародилось неясное представленіе объ обломовщинѣ».—Когда потомъ, по окончаніи университетскаго курса, онъ пріѣхалъ на родину, его (пишетъ онъ) «обдало той же обломовщиной...»—И вотъ какъ рисуетъ онъ ее: «Такъ и хочется заснуть самому, глядя на это затишье, на сонныя окна съ опущенными шторами и жалюзи, на сонныя физіономіи сидящихъ по домамъ и попадающіяся на улицѣ лица.—«Намъ нечего дѣлать!», зѣвая, думаетъ, кажется, всякое изъ этихъ лицъ, глядя лѣниво на васъ: «мы не торопимся, живемъ—хлѣбъ жуемъ, да небо коптимъ...»

Въ другомъ мѣстѣ (въ статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда») онъ, говоря о томъ, когда создавался въ его умѣ типъ Обломова, выражается такъ: «Мнѣ прежде всего бросался въ глаза лѣнивый образъ Обломова—*въ себѣ и въ другихъ*—и все ярче и ярче выступалъ передо мною. Конечно, я инстинктивно чувствовалъ, что въ эту фигуру вбираются мало-по-малу *элементарныя свойства русскаго человѣка...*»

Итакъ, идея развивалась, можно сказать, органически. Ея зерно запало въ душу ребенка и прозябало вмѣстѣ съ его ростомъ; она росла вмѣстѣ съ развитіемъ юноши, и наконецъ взрослый, сложившійся человѣкъ—художникъ ощутилъ въ себѣ и уразумѣлъ въ другихъ типичный «лѣнивый образъ Обломова». Субъективность процесса бросается въ глаза. И вмѣстѣ съ тѣмъ явственно выступаютъ въ немъ характерныя для Гончарова особенности творчества, обнаруживающія несомнѣнное родство съ самимъ образомъ и его идеей. Медленно созрѣвалъ образъ, постепенно, капля за каплей, накоплялись въ душѣ впечатлѣнія; потомъ столь же медленно обдумывался, обобщался и разрабаты-

вался образъ—цѣлыхъ 10 лѣтъ, въ теченіе которыхъ «элементарныя свойства русскаго человѣка» вбирались въ него неспѣшно, постепенно, «мало-по-малу»—по обломовски.

Обломовщина многогранна... Она богата оттѣнками и даже контрастами. Нельзя уловить грань, гдѣ кончается она—какъ лѣнь, какъ безволіе и апатія, и гдѣ она начинается—какъ методическая, неторопливая дѣятельность, какъ медлительная, затяжная и основательная работа. Понятіе обломовщины чрезвычайно виртуозно, его примѣнимость—весьма велика, ибо само явленіе, въ немъ обобщенное, необыкновенно пластично, легко мѣняетъ формы своего выраженія, принимаетъ разное обличье и распадается на множество разновидностей. Въ этомъ разнообразіи проявленій, прежде всего, различаются два основныхъ вида: 1) *обломовщина крайняя, явно-болѣзненная,—явленіе отрицательное*, и 2) *обломовщина умѣренная, нормальная, въ которой отрицательныя черты смягчены или затушеваны, и на первый планъ выступаютъ другія, либо индифферентныя либо—въ своемъ родѣ—положительныя.* Каждый изъ этихъ двухъ видовъ имѣетъ свои разновидности и оттѣнки, и рядомъ постепенныхъ, часто нечувствительныхъ переходовъ. между ними устанавливаются промежуточныя звенья...

Въ романахъ «Обыкновенная исторія» и «Обрывъ» воспроизведены различные оттѣнки и переливы обломовщины, если и не нормальной, то и не слишкомъ патологической. Въ «Обломовѣ», напротивъ, дана великолѣпная картина обломовщины въ крайнемъ выраженіи, картина ея болѣзни.

Обломовъ «лежитъ»—упорно и безнадежно... Гончаровъ поясняетъ: «Лежаніе у Ильи Ильича не было ни необходимостью, какъ у больного, или какъ у человѣка, который хочетъ спать, ни случайностью, какъ у того, кто усталъ, ни наслажденіемъ, какъ у лѣнтяя: это было нормальнымъ состояніемъ».

Очевидно, человѣкъ, для котораго вѣчное лежаніе является нормальнымъ состояніемъ, не можетъ быть признанъ нормальнымъ, здоровымъ. Другія черты, которыя съ такою обстоятельностью воспроизведены въ романѣ, вполнѣ подтверждаютъ это заключеніе. Онѣ рисуютъ Обломова, какъ субъекта психически неблагополучнаго.

Его косность и апатія —черты не только физическія, но и *умственныя* и *моральныя*. Илья Ильичъ опустился духовно. Онъ почти ничего не читаетъ, даже газетъ. Онъ потерялъ умственные интересы, которые когда-то у него были. — «Серьезное чтеніе его утомляло»,—свидѣтельствуетъ Гончаровъ (I, IV).—

«Неестественно и тяжело казалось ему... неумѣренное чтеніе...» (ib.),—неумѣренное, конечно, съ его точки зрѣнія... Онъ—рецидивистъ образованія... Изрѣдка являлись у него «сознательныя минуты», когда онъ чувствовалъ, что опустился, заснулъ духовно. Въ одну изъ такихъ минутъ «ему грустно и больно стало за свою неразвитость, остановку въ ростѣ нравственныхъ силъ, за тяжесть, мѣшающую всему; и зависть грызла его, что другіе такъ полно и широко живутъ, а у него какъ будто тяжелый камень брошенъ на узкой и жалкой тропѣ его существованія» (I, VIII).—«Въ робкой душѣ его вырабатывалось мучительное сознаніе, что многія стороны его натуры не пробуждались совсѣмъ, другія были чуть-чуть тронуты, и ни одна не разработана до конца...» (ib.).

Мы знаемъ, что онъ—человѣкъ далеко не обиженный природой. У него есть и умъ, и игра воображенія, и даръ мечты,—въ немъ были какіе-то задатки развитія, какія-то возможности. Но это «хорошее, свѣтлое начало зарыто въ немъ, какъ въ могилѣ... Кто-то будто укралъ и закопалъ въ собственной его душѣ принесенныя ему въ даръ міромъ и жизнью сокровища... И ужъ не выбиться ему, кажется, изъ глуши и дичи на прямую тропинку. Лѣсъ кругомъ его и въ душѣ все чаще и темнѣе; тропинка заростаетъ все болѣе и болѣе; свѣтлое сознаніе просыпается все рѣже, и только на мгновеніе будитъ спящія силы. Умъ и воля давно парализованы и, кажется, безвозвратно» (ib.).

Выходитъ какой-то «прогрессивный параличъ духа»—безъ его физіологической основы. Явно—больной духъ въ относительно здоровомъ тѣлѣ...

Въ одну изъ своихъ «свѣтлыхъ» минутъ Обломовъ сталъ доискиваться причины своего упадка, апатіи и незадачливости. «Безплодныя сожалѣнія о минувшемъ, жгучіе упреки совѣсти язвили его, какъ иглы, и онъ всѣми силами старался свергнуть съ себя бремя этихъ упрековъ, найти виноватаго внѣ себя и на него обратить жало ихъ... Но на кого?—Это все... Захаръ!—прошепталъ онъ...» (ib.).

Захаръ, дѣйствительно, «виноватъ» въ томъ, что Обломовъ—Обломовъ, но вѣдь и Обломовъ, въ свою очередь, виноватъ въ томъ, что Захаръ есть Захаръ. Между ними неразрывная связь,—они—величины соотносительныя, взаимно другъ друга обусловливающія... Тутъ мы подходимъ, вслѣдъ за Гончаровымъ, къ разгадкѣ ребуса, къ діагнозу одной изъ наиболѣе патологическихъ формъ обломовщины. Но самъ-то Илья Ильичъ, хотя и подходилъ къ этому пункту, однако, такъ и не дошелъ до него: «Поискавъ без-

полезно враждебнаго начала, мѣшающаго ему жить, какъ слѣдуетъ... онъ вздохнулъ, закрылъ глаза, и черезъ нѣсколько минутъ дремота опять начала понемногу оковывать его чувства...»—Онъ самъ не замѣтилъ, какъ перешелъ «отъ волненія къ нормальному своему состоянію, спокойствію и апатіи...» И кончилъ тѣмъ, что заснулъ.

Во снѣ онъ увидѣлъ родную Обломовку и себя—маленькимъ Ильюшей. Слѣдуетъ великолѣпная IX глава (I-й части)—«Сонъ Обломова», гдѣ и вскрываются причины обломовщины, какъ болѣзни: крѣпостное право, привольное, безпечальное житье-бытье, отсутствіе заботъ и тревогъ, кромѣ нелѣпыхъ и суевѣрныхъ, наслѣдственность физической лѣни и духовной спячки, избытокъ сытости, тишина и застой жизни, отсутствіе стимуловъ къ борьбѣ, къ иниціативѣ, къ риску и, наконецъ, даже климатическія вліянія,—размѣренный, по календарю, слишкомъ правильный распорядокъ въ природѣ, гдѣ даже «грозы не страшны... и бываютъ постоянно въ одно и то же установленное время», при чемъ «и число, и сила ударовъ, кажется, всякій годъ одни и тѣ же, точно какъ будто изъ казны отпускалась на годъ на весь край извѣстная мѣра электричества...» (IX).

Блаженный край, гдѣ «не слыхать ни страшныхъ бурь, ни разрушеній», гдѣ вѣками, на лонѣ тишины, упрочилось безпечальное житье обломовцевъ, гдѣ развернулась идиллія обломовщины на основѣ симбіоза баръ и мужиковъ,—симбіоза, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ крѣпостного права!

Шагъ за шагомъ слѣдитъ художникъ за развитіемъ этой идилліи; обстоятельно повѣствуетъ онъ о всѣхъ условіяхъ и вліяніяхъ, которыя воспитывали поколѣнія господъ и слугъ въ духѣ обломовщины и, въ результатѣ, создали добрѣйшаго и несчастнаго Илью Ильича—такимъ, какимъ мы его знаемъ по роману. Самъ Гончаровъ понимаетъ этотъ видъ обломовщины—*какъ болѣзнь*. Онъ—отличный *діагностъ* и *патологъ*, и знаменитый романъ—художественная «исторія болѣзни», «скорбный листъ обломовщины». Недугъ представленъ какъ хроническій, тяжелый и неизлѣчимый. Онъ оттѣненъ и объясненъ противопоставленіемъ Обломову натуръ Штольца и Ольги, не зараженныхъ обломовщиной, даже умѣренной. И вся картина смягчена и просвѣтлена участливымъ, сердечнымъ отношеніемъ художника, который любитъ своего «паціента», видитъ въ немъ родного, близкаго, интимно понимаетъ его болѣзнь и съ грустью долженъ признать, что она—неизлѣчима...

Она не излѣчима у Ильи Ильича Обломова. Но у другихъ

Обломовыхъ, очевидно, возможно встрѣтить иныя, не столь тяжелыя формы ея. Въ очеркахъ «На родинѣ» Гончаровъ рисуетъ свое родное гнѣздо, да и жизнь всего города — какъ картину обломовщины, но лица, которыя тутъ выведены, при всемъ своемъ лежаніи и другихъ обломовскихъ признакахъ, далеко не приравниваются къ Ильѣ Ильичу Обломову. Одно изъ нихъ, морякъ Якубовъ (крестный Гончарова, Трегубовъ) даже совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Передъ нами—картина смягченной, такъ сказать, относительной обломовщины,—одной изъ сравнительно легкихъ формъ этой болѣзни. У другихъ возможны, конечно, и другія ея формы, еще болѣе легкія... И слѣдя за этими смягченными проявленіями обломовщины, мы шагъ за шагомъ,—полегоньку, по обломовски,—дойдемъ до нормальной обломовщины, какъ русскаго національнаго уклада психики, воспроизведеннаго, напр., Толстымъ въ геніальныхъ художественныхъ образахъ Кутузова и Каратаева и выразившагося въ его своеобразной, глубоко-національной философіи исторіи.

Болѣзнь Обломова, по діагнозу Гончарова, сводится къ слѣдующимъ пунктамъ: *1) упадокъ жизненной энергіи вообще, 2) апатія мысли и чувства, 3) парализація воли.*

Отправляясь отсюда, будемъ постепенно смягчать эти симптомы. Представимъ себѣ, что нѣтъ упадка жизненной энергіи, а есть только нѣкоторая задержка въ ея проявленіяхъ, — темпъ психической жизни представляется замедленнымъ; нѣтъ апатіи мысли и чувства, а есть только извѣстная медлительность или вялость въ ихъ проявленіи и выраженіи; нѣтъ никакой парализаціи воли, — волевые акты протекаютъ правильно, но только — безъ поспѣшности, безъ стремительности, размѣренно, кунктаторски... Въ результатѣ получается картина отнюдь не сна души, не лежанія, не «лѣниваго покоя», а только какой-то особой уравновѣшенности духа, спокойной созерцательности, психологическаго «laissez faire», «laissez aller» и другихъ чертъ, безконечно разнообразящихся отъ россіянина къ россіянину и получившихъ одно изъ наиболѣе полныхъ и лучшихъ выраженій — въ лицѣ самого И. А. Гончарова.

Къ нему-то мы и обратимся теперь...

III.

Если въ *нормальной, здоровой обломовщинѣ* мы будемъ видѣть не лѣнь, не апатію, не безволіе, а только нѣкоторую

медлительность душевныхъ процессовъ, предпочтеніе покоя движенію, а созерцательности—дѣйствію, то мы легко узнаемъ ее прежде всего въ *стилѣ* Гончарова, въ его писательской манерѣ, а затѣмъ въ пріемахъ и въ психологіи его творчества.

Стиль Гончарова — *эпическій* по преимуществу и въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ у другихъ нашихъ романистовъ. Въ немъ нѣтъ ни силы, ни страсти, ни движенія. Читая Гончарова, чувствуешь, что имѣешь дѣло съ художникомъ, который не спѣшитъ, не забѣгаетъ впередъ, не любитъ ускореннаго темпа рѣчи,—я бы сказалъ даже: не вмѣшивается въ развитіе своей мысли и рѣчи, предоставляя имъ функціонировать самимъ, какъ если бы это были функціи, столь же независимыя отъ воли, какъ дыханіе, сердцебіеніе и кровообращеніе. Такъ и кажется, что художникъ не въ силахъ остановить преждевременно работу мысли и слова и долженъ терпѣливо ждать, когда они сами остановятся... Не онъ творитъ, а творческій процессъ въ немъ совершается... Прочтемъ, что самъ говоритъ онъ о своемъ творчествѣ:

«Рисуя, я рѣдко знаю въ ту минуту, что значитъ мой образъ, портретъ, характеръ: я только вижу его живымъ, передъ собою—и смотрю, вѣрно ли я рисую, вижу его въ дѣйствіи съ другими,—слѣдовательно, вижу сцены и рисую тутъ этихъ другихъ, иногда далеко впереди, по плану романа, не предвидя еще, какъ вмѣстѣ свяжутся всѣ, пока разбросанныя въ головѣ, части цѣлаго. Я спѣшу, чтобы не забыть, набрасывать сцены, характеры на листкахъ, клочкахъ, пишу сначала вяло, неловко, скучно,.... и мнѣ самому бываетъ скучно писать, пока вдругъ не хлынетъ свѣтъ и не освѣтитъ дороги, куда мнѣ идти. У меня всегда есть одинъ образъ и вмѣстѣ главный мотивъ: онъ-то и ведетъ меня впередъ—и по дорогѣ я нечаянно захватываю, что попадется подъ руку, т. е. что близко относится къ нему. Тогда я работаю живо, бодро, рука едва успѣваетъ писать, пока опять не упрусь въ стѣну. Работа, между прочимъ, идетъ въ головѣ, лица не даютъ покоя, пристаютъ, позируютъ въ сценахъ, я слышу отрывки ихъ разговоровъ,—и мнѣ часто казалось, прости Господи, что я это не выдумываю, а что это все носится въ воздухѣ около меня, и мнѣ только надо смотрѣть и вдумываться...» («Лучше поздно, чѣмъ никогда»).

Это тянулось долгіе годы. Гончаровъ не уставалъ смотрѣть и вдумываться, пока, наконецъ, приступалъ къ самому писанію. «Обломовъ» созидался такими видѣніями 10 лѣтъ, «Обрывъ»—20 лѣтъ. Художественное твореніе прозябало, росло, цвѣло и—

по истеченіи потребнаго срока—наконецъ созрѣвало окончательно и почти непроизвольно отпечатывалось на бумагѣ. Зерно «Обрыва» запало въ душу Гончарова еще въ 1849 году; оно тамъ пускало ростки вмѣстѣ съ ростомъ «Обломова»; въ 1855 г. возникъ уже *замыселъ* «Обрыва»—подъ впечатлѣніемъ родныхъ мѣстъ: «Сады, Волга, обрывы Поволжья, родной воздухъ, воспоминанія дѣтства,—все это залегло мнѣ въ голову и почти мѣшало кончать «Обломова», котораго написана была первая часть, а остальныя гнѣздились въ головѣ. Я унесъ новый романъ, возилъ его вокругъ свѣта въ головѣ и въ программѣ, небрежно написанной на клочкахъ,—и говорилъ, разсказывалъ, читалъ вслухъ всѣмъ, кому попало, радуясь своему запасу»... (ib).

Медленность созиданія въ головѣ, въ воображеніи и легкость, скорость выраженія въ словѣ — характерная черта творчества Гончарова. Извѣстно, что вторую часть «Обломова» онъ написалъ въ пять недѣль (въ Маріенбадѣ). Тутъ — страннымъ образомъ—не видать «мукъ слова», столь знакомыхъ каждому художнику. Нѣтъ сомнѣнія, что они были вѣдомы и Гончарову, но, очевидно, онѣ были у него какія-то особыя, какія-то обломовскія. Не видать и «мукъ творчества»... Тѣмъ не менѣе, нельзя думать, что ихъ такъ и не было. Онѣ были, но, при методическомъ, затяжномъ, спокойномъ творчествѣ, его муки протекали сравнительно легко, дробясь, — на протяженіи многихъ лѣтъ,—на малыя доли. И выходило, что трудъ Гончарова былъ огромный, но не трудный. Это былъ процессъ какъ бы стихійный, непроизвольный,—такой, что такъ и напрашивался на сравненіе съ процессами физическими. Прочтемъ еще.

«Я самъ и среда, въ которой я родился, воспитывался, жилъ, все это, помимо моего сознанія, само собою отразилось... у меня въ воображеніи, какъ отражается въ зеркалѣ пейзажъ изъ окна, какъ отражается иногда въ небольшомъ прудѣ громадная обстановка: и опрокинутое надъ прудомъ небо, съ узорами облаковъ, и деревья, и гора съ какими-нибудь зданіями, и люди...» — «*Такъ и надо мною и надъ моими романами совершался этотъ простой физическій законъ—почти незамѣтнымъ для меня самого путемъ* [1])...» — Конечно, это только—метафора, но какъ характерна она для Гончарова!

Излюбленной формою творчества Гончарова былъ *романъ*. И вотъ какія мысли на эту тему влагаетъ онъ въ уста Райскаго, собирающагося писать романъ: «...въ романъ все уходитъ—это

[1]) Курсивъ мой.

не то, что драма или комедія, это—какъ океанъ: береговъ нѣтъ, или не видать; не тѣсно, все умѣстится тамъ...» («Обрывъ» I, V).

Бываютъ романы, въ рамки которыхъ не все «умѣщается»... Гончаровъ предпочиталъ тѣ, которые позволяютъ питать иллюзію, будто все «уходитъ» туда, иллюзію простора, подобнаго простору нашихъ степей. Тамъ «не тѣсно»: сколько угодно, художникъ можетъ повторять и безъ конца варіировать одинъ и тотъ же мотивъ. Сравненіе съ океаномъ, такъ хорошо знакомымъ Гончарову, напрашивалось само собой. Но это—океанъ, такъ сказать, въ обломовскомъ освѣщеніи,—спокойный, однообразный, неторопливо вздымающій и лѣниво опускающій свои волны...

IV.

Обломовщина, какъ все психологическое, имѣетъ свои противорѣчія, свои полюсы. Въ ея крайнемъ выраженіи, какъ болѣзни, она, по объясненію самого Гончарова, равносильна *застою* и выражается: 1) въ отвращеніи къ труду, дѣятельности, иниціативѣ, 2) въ отчужденности отъ міра, отъ цивилизаціи передовыхъ народовъ, 3) въ боязни перемѣнъ, новшествъ, пробужденія, — всего, что грозитъ нарушить вѣковой сонъ мысли, спячку воли, устоявшіяся формы быта. Напротивъ, обломовщина, болѣе или менѣе смягченная, оздоровляющаяся, просыпающаяся, уже не обнаруживаетъ этихъ чертъ и выдѣляетъ изъ себя такія натуры, какъ Адуевъ-дядя или какъ самъ Гончаровъ, который утверждалъ, что «мотивъ «Обыкновенной Исторіи»—слабое мерцаніе необходимости труда,—настоящаго, не рутиннаго, а живого дѣла, *въ борьбѣ съ всероссійскимъ застоемъ...*» («Лучше поздно, чѣмъ никогда»).—

Дѣйствительно, И. А. Гончаровъ и выступилъ на «борьбу» съ всероссійскимъ застоемъ... Съ этою цѣлью онъ и написалъ три романа, гдѣ объяснялъ намъ нашу обломовщину въ разныхъ ея видахъ, формахъ и проявленіяхъ...

И объяснялъ онъ все это—по-обломовски, и боролся—по-обломовски, но, разумѣется,—въ формахъ «здоровой» обломовщины... Тутъ, между прочимъ, и обнаружились ея, частью кажущіяся, частью дѣйствительныя, противорѣчія: съ одной стороны предпочтеніе покоя безпокойству, культъ размѣренной, упорядоченной, однотонной жизни и явная любовь къ обломовщинѣ даже въ ея крайнихъ выраженіяхъ, интимное сочувствіе ея идил-

ліи и ея эстетикѣ, а съ другой, тутъ же, рядомъ—стремленіе куда-то вдаль, кругосвѣтное плаваніе, жажда новыхъ впечатлѣній, тяга къ всемірной цивилизаціи, къ западной—въ особенности, культъ труда, дѣятельности, иниціативы, перемѣны, прогресса. Гончаровъ любуется Штольцомъ; онъ его идеализируетъ, онъ любитъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и англичанъ,—англійскихъ коммерсантовъ, «просвѣщенныхъ мореплавателей», столь чуждыхъ какой бы то ни было обломовщинѣ. Уже въ дѣтствѣ онъ зачитывался описаніями путешествій и «Исторіей кораблекрушеній», и разсказы и уроки крестнаго, моряка Трегубова, несомнѣннаго обломовца, внѣдрили въ душу ребенка эту мечту, это любопытство—видѣть свѣтъ, испытать и пережить всѣ впечатлѣнія, всѣ страхи, всѣ наслажденія кругосвѣтнаго плаванія. Мечта осуществилась... И Гончаровъ на фрегатѣ «Паллада» и онъ же въ знаменитой книгѣ «Фрегатъ Паллада» являетъ намъ любопытное зрѣлище—путешествующаго обломовца, сохраняющаго среди треволненной и безпокойной жизни моряка коренныя черты обломовщины,—конечно, въ ея здоровомъ, въ ея нормальномъ видѣ...

Въ одномъ мѣстѣ онъ проводитъ параллель между англійскимъ коммерсантомъ и русскимъ дореформеннымъ помѣщикомъ и рисуетъ цѣлую бытовую картину, отъ которой такъ и вѣетъ обломовщиной, патріархальностью, деревенской идилліей, провинціальнымъ благодушіемъ... Онъ залюбовался этой картиной, но отдаетъ явное предпочтеніе англійскому коммерсанту, а въ заключеніе всей «притчи» говоритъ: «Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы я не заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея!» («Фрег. Паллада», I, стр. 81). Тамъ же находимъ вѣщія, гончаровскія, слова: «дѣятельная лѣнь» и «лѣнивая дѣятельность», въ которыхъ схваченъ какъ бы синтезъ противорѣчій обломовщины.

Обломовцы «лежали въ лѣнивомъ покоѣ», боясь жизни, ея тревогъ, ея безпокойства, ея бурь.—«Жизнь трогаетъ!»—говорилъ Илья Ильичъ, когда ему приходилось мѣнять квартиру. Обломовцы, даже тѣ, что не дошли до предѣловъ Ильи Ильича, любятъ затишье и забытье жизни, почти ея летаргію; имъ не по нраву даже «лѣнивая» дѣятельность. Не то у Гончарова... Онъ не лежалъ въ «лѣнивомъ покоѣ», напротивъ... Онъ никогда не «опускался»,—совсѣмъ напротивъ... Но онъ любилъ однообразіе и благообразіе хорошо налаженной жизни, ея размѣренный, ритмическій темпъ, ея идиллію и еще—«дѣятельную

лѣнь» или «лѣнивую дѣятельность». Такъ именно онъ и наладилъ свою жизнь въ Петербургѣ и пробовалъ налаживать на кораблѣ. Не любилъ онъ всего, что нарушаетъ порядокъ жизни и грозитъ нарушить ея уютъ и покой тревогами, суетой, страстями.

Во время долгой стоянки въ Капской колоніи онъ совсѣмъ было обжился тамъ и писалъ: «...если мнѣ гдѣ-нибудь хорошо, я начинаю пускать корни. Удобна ли квартира, покойно ли кресло, есть хорошій видъ, прохлада,—мнѣ не хочется дальше. Меня влечетъ уютный домикъ съ садомъ, съ балкономъ, останавливаетъ добрый человѣкъ, хорошенькое личико. Сколько страстишекъ успѣетъ забраться въ сердце! Сколько тонкихъ, сначала неосязаемыхъ нитей протянется оттуда въ разныя стороны! Поживи еще—и эти нити окрѣпнутъ, обратятся въ такъ называемыя «узы». Жаль будетъ покинуть знакомый домъ, улицу, любимую прогулку, добраго человѣка...» («Фр. Палл»., I. IV).

Онъ любилъ природу, но ея тишину предпочиталъ ея бурямъ. Однажды разразился жестокій штормъ, дождь лилъ, какъ изъ ведра, сверкала молнія. Гончаровъ разсказываетъ: «Какова картина»?—спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ.—«Безобразіе, безпорядокъ«!—отвѣчалъ я, уходя, весь мокрый, перемѣнить обувь и бѣлье...» («Фрег. Пал.», I, V).

V.

Гончаровъ любилъ жизнь, но—по-обломовски, предпочитая ея порядокъ, уютъ, удобства и покой ея безпорядку, неожиданностямъ, разсѣянію,—не говоря уже о ея буряхъ.

Для порядка и удобства жизни необходима хорошая прислуга. Эта «истина» очень занимала Гончарова, и онъ, съ свойственною ему обстоятельностью, разслѣдовалъ ее чуть ли не во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, не исключая и «Фрегата Паллады».

Слуга—не машина. Онъ человѣкъ—не только въ смыслѣ лакея. Барину приходится жить съ нимъ. Между ними устанавливается родъ симбіоза, какъ у Обломова съ Захаромъ. Не довольствуясь изображеніемъ крѣпостныхъ слугъ въ «Обыкновенной исторіи», въ «Обломовѣ», въ «Обрывѣ», деньщиковъ во «Фрегатъ Палладѣ», Гончаровъ, на закатѣ жизни, пишетъ особый этюдъ: «Наши слуги», гдѣ выведенъ рядъ типовъ, и гдѣ видно, какъ добрый баринъ входитъ въ интересы и внутренній міръ прислуги, какъ онъ умѣетъ относиться къ ней—по человѣчеству и вмѣстѣ

съ психологическимъ и художническимъ интересомъ. Онъ наблюдаетъ ихъ, изучаетъ... А попутно и самъ обнаруживается —своею обломовскою стороною.

Среди слугъ были, конечно, и пьющіе. Обстоятельно и sine ira описалъ ихъ Гончаровъ. Описалъ и свои огорченія. Одинъ эпизодъ особливо характеренъ. Какъ нѣкогда Илья Ильичъ Обломовъ морщился и ворчалъ, когда «жизнь его трогала», почти такъ Ив. Ал. Гончаровъ омрачился и упалъ духомъ, когда пришлось поставить и рѣшить вопросъ: «гдѣ искать трезваго слугу?»—И онъ повѣствуетъ:

«Задумчивый, печальный, направился я къ Аннѣ Петровнѣ, своей пріятельницѣ, охотницѣ устраивать свадьбы.—«Что это васъ давно не видать?»—встрѣтила она меня.—«Да что вы такой невеселый?»—Я молча опустился на диванъ, подлѣ нея, около ея рабочаго столика.—«Отчего быть веселымъ?»—вяло замѣтилъ я, въ раздумьѣ о томъ, какъ мнѣ устроить свой уголъ такъ, чтобъ не мучиться—въ ожиданіи то воровъ, то пожара отъ пьяной прислуги. Меня занималъ одинъ вопросъ: есть ли непьющіе слуги на свѣтѣ?—«Вы чѣмъ-то поглощены»,—сказала она, пристально глядя мнѣ въ глаза: «у васъ есть какая-то забота».—«Это правда: я ищу феномена...»—«Ахъ, какъ вы хорошо сдѣлали, что зашли!»—вдругъ встрепенулась она, отложила свое вязанье въ сторону и подвинулась поближе ко мнѣ.—«Представьте, у меня именно есть настоящій феноменъ! Красота, грація, воспитаніе, и какая душа, какое сердце!...»—«И не пьетъ?»—разсѣянно спросилъ я, и самъ разсмѣялся,—«не можетъ быть!»—«Да вы о комъ? Какой вамъ нуженъ феноменъ?»—спросила она, равнодушно отодвигаясь отъ меня на свое мѣсто.—«Мнѣ нуженъ... трезвый, совсѣмъ не пьющій слуга. Я сомнѣваюсь, чтобы нашелся такой—и въ этомъ моя забота и печаль».—«Женитесь»,—помолчавъ, запѣла она свое—«и тогда...»—«Прислуга не будетъ пить, вы думаете?»—«Вы не будете замѣчать этого: напьется лакей и уйдетъ, тамъ будетъ поваръ и кухарка, не то такъ горничная: домъ никогда не останется пустымъ..»—«Значитъ, мнѣ нужно жениться, кромѣ жены, еще на горничной, на кухаркѣ, на лакеѣ?» (XII).

VI.

Одна изъ наиболѣе симпатичныхъ, обломовскихъ, чертъ Гончарова это—его любовь къ иностранцамъ, къ русскимъ нѣмцамъ въ особенности. Это вытекало изъ общей прогрессивности

Гончарова. Онъ сочувствовалъ всѣмъ реформамъ 60-хъ годовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что эти реформы останутся недовершенными, если русское общество не пробудится отъ вѣкового сна къ самодѣятельности. А въ этомъ пробужденіи русскіе нѣмцы призваны, по мысли Гончарова, сыграть крупную роль. Если Штольцу не удалось разбудить И. И. Обломова, то другимъ Штольцамъ удастся разбудить другихъ Обломовыхъ.

Въ статьѣ «Лучше поздно, чѣмъ никогда» онъ, по поводу Штольца, говоритъ: «...меня упрекали, ...отчего нѣмца, а не русскаго поставилъ я въ противоположность Обломову?.. Покойный Ѳ. И. Тютчевъ однажды ласково, со свойственною ему мягкостью, упрекая меня, спросилъ, зачѣмъ я взялъ Штольца. Я повинился въ ошибкѣ, сказавъ, что сдѣлалъ это случайно: подъ-руку, молъ, подвернулся! Между тѣмъ, кажется, помимо моей воли—тутъ ошибки собственно не было, если принять во вниманіе ту роль, какую играли и играютъ до сихъ поръ въ русской жизни и нѣмецкій элементъ, и нѣмцы. Еще доселѣ они у насъ учители, профессоры, механики, инженеры, техники по всѣмъ частямъ. Лучшія и богатыя отрасли промышленности, торговли и другихъ предпріятій въ ихъ рукахъ. Это, конечно, досадно, *но справедливо* [1])—и причины этого порядка дѣлъ истекаютъ все изъ той же *обломовщины* (между прочимъ изъ крѣпостнаго права), главный мотивъ которой набросанъ въ *Снѣ Обломова*.—Я вижу, однако, что неспроста подвернулся мнѣ нѣмецъ подъ-руку... Обрусѣвшіе нѣмцы... сливаются, хотя туго и медленно, съ русскою жизнью и—нѣтъ сомнѣнія—сольются когда-нибудь совсѣмъ. Отрицать полезность этого притока посторонняго элемента къ русской жизни—и несправедливо, и нельзя. Они вносятъ во всѣ роды и виды дѣятельности прежде всего свое терпѣніе, persévérance своей расы, а затѣмъ и много другихъ качествъ»...

Но Гончаровъ предвидитъ, что когда обломовцы проснутся, тогда уже не замедлятъ выступить и дѣятели чисто-русскіе. «Сколько Штольцовъ должно появиться подъ русскими именами!» [2])—восклицаетъ онъ... И такого вполнѣ русскаго «Штольца» онъ и очертилъ въ «Обрывѣ». Это *Тушинъ*, о которомъ Райскій (проснувшійся, но еще зѣвающій и потягивающійся Обломовъ) говоритъ: это—«наша настоящая партія дѣйствія, наше прочное будущее: когда наступитъ настоящее дѣло, явятся вмѣсто утопистовъ, работники—Тушины на всей лѣстницѣ русскаго общества...» (Обр.», II, XVIII). Эти слова цитируетъ самъ Гончаровъ въ своей

[1]) Курсивъ мой.
[2]) «Обломовъ», II, II.

авторской исповѣди. Тушинъ противопоставленъ Марку Волохову,—*нигилисту,* который не созидаетъ, а разрушаетъ, представляя собою,—по мысли Гончарова,—отрицательную сторону русскаго пробужденія и прогресса. Не одобряя «нигилизма», Гончаровъ выдвигаетъ идею *постепенности* въ прогрессивномъ движеніи. Онъ говоритъ: «Крупные и крутые повороты не могутъ совершаться, какъ перемѣна платья, они совершаются постепенно, пока всѣ атомы броженія не осилятъ—сильные слабыхъ и не сольются въ одно. Таковы всѣ переходныя эпохи...» («Лучше поздно, чѣмъ никогда»).—Отмѣтимъ здѣсь мимоходомъ это сравненіе общественнаго движенія съ органическимъ процессомъ: «атомы броженія»... И прочтемъ дальше: «Мелкая пресса смѣялась когда-то надъ этою постепенностью и насмѣшливо прозвала *постепеновцами* всѣхъ партизановъ этого мудраго закона, дающаго старому отживать свою пору, а новому упрочиваться, безъ насилія, боя и крови...»

Итакъ, Гончаровъ былъ *постепеновецъ.* Постепеновцемъ былъ и Тургеневъ. Но стоитъ только сравнить Базарова съ М. Волоховымъ или Соломина съ Тушинымъ, чтобы уловить существенное различіе—не въ самомъ понятіи о постепенности прогресса, а въ психологическихъ отношеніяхъ къ нему Тургенева и Гончарова.

У Гончарова отношеніе къ прогрессу съ его постепенностью—какое-то... обломовское, благодушное и на рѣдкость *оптимистическое.* Онъ какъ будто не видитъ отрицательныхъ сторонъ эволюціи, въ томъ числѣ и всего трагическаго въ ней, и наивно думаетъ, что разъ дана постепенность, то нѣтъ ни насилья, ни боя, ни крови. Увы! Самая затяжная, самая «постепенная» эволюція сопряжена со всяческими бѣдами и ужасами: достаточно вспомнить о той роли, какую играетъ въ ней борьба за существованіе въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ...

Наивный оптимизмъ Гончарова сквозитъ всюду: и во всѣхъ трехъ романахъ, и въ воспоминаніяхъ, и во «Фрегатъ-Палладѣ», и въ авторской исповѣди. Вотъ, для образчика, отрывокъ изъ «Фрегатъ-Паллады». Дѣло идетъ о Якутской области (гдѣ Гончарову пришлось пробыть нѣкоторое время на обратномъ пути): «Несмотря... на продолжительность зимы, на лютость стужи, какъ все шевелится здѣсь, въ краю! Я теперь живой, заѣзжій свидѣтель того химически-историческаго процесса, въ которомъ пустыни превращаются въ жилыя мѣста, дикари возводятся въ чинъ человѣка, религія и цивилизація борются съ дикостью и

вызываютъ къ жизни спящія силы...» («Фрег. Палл.», II, VIII).

Робкія начинанія, добрыя желанія онъ склоненъ принять за исполненіе. Слабый проблескъ свѣта—за ручательство, что вотъ-вотъ прольются ослѣпительные снопы его. А какъ привѣтствовалъ онъ Штольца и предсказывалъ, что не сегодня, такъ завтра появятся гурьбою такіе же дѣятели, но уже съ русскими именами,—и дѣло двинется впередъ споро и дружно и... «все образуется»!

Стоитъ только обломовцу встряхнуться, раскрыть глаза, и ему—по контрасту—кажется, что уже нѣтъ обломовщины. Вмѣстѣ съ Штольцомъ онъ говоритъ: «Прощай, старая Обломовка! Ты отжила свой вѣкъ!»—По этому поводу Добролюбовъ (въ знаменитой статьѣ «Что такое обломовщина») резонно замѣтилъ: «Вся Россія, которая прочитала или прочитаетъ «Обломова», не согласится съ этимъ. Нѣтъ, Обломовка есть наша прямая родина... Въ каждомъ изъ насъ сидитъ значительная часть Обломова, и еще рано писать намъ надгробное слово...»

Безстрастіе, оптимистическій фатализмъ, спокойное, благодушно-ироническое созерцаніе жизни—вотъ отличительныя черты умонастроенія Гончарова, вытекавшія изъ коренныхъ, обломовскихъ, свойствъ его натуры. Его умственное и художническое зрѣніе было устроено такъ, что онъ хорошо видѣлъ стоячую или плавно-волнующуюся гладь жизни и не проникалъ въ ея темную пучину. На уродливое, какъ и на трагическое, въ жизни и психологіи людей онъ не отзывался. Единственная трагедія, которую онъ понялъ лучше многихъ, это—«милльонъ терзаній» Чацкаго. Причина ясна: тутъ частный случай все той же излюбленной имъ общей темы,—столкновеніе пробудившагося и просвѣщеннаго человѣка съ застоявшимся и гніющимъ бытомъ,—съ тою же обломовщиною въ ея старо-московскомъ выраженіи.

VII.

Оставляя въ сторонѣ крайнюю, патологическую форму обломовщины и имѣя въ виду только ея умѣренную, смягченную, болѣе или менѣе нормальную форму, дробящуюся на множество разнообразныхъ проявленій и оттѣнковъ, мы скажемъ такъ: *это—основная черта нашей національной психологіи*, выражающаяся въ сферѣ воли болѣе или менѣе «лѣнивымъ дѣйствіемъ», недостаткомъ иниціативы, выдержки и стойкости, а—

въ сферѣ мысли — склонностью къ фаталистическому оптимизму.

Національная психологія, варіируя отъ человѣка къ человѣку, измѣняется и во времени, исторически. Въ сочиненіяхъ Гончарова запечатлѣна одна изъ *уходящихъ* формъ ея. А въ немъ самомъ эта форма была выражена съ исключительною полнотою и типичностью, и вмѣстѣ съ тѣмъ являла своеобразное сочетаніе захолустныхъ элементовъ (или ихъ пережитковъ) съ элементами столичными, а ея противорѣчія осложнялись воздѣйствіями большого созерцательнаго ума и огромнаго художественнаго дарованія.

Д. Овсянико-Куликовскій.

ГЕРЦЕНЪ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНІЕ НА ЗАПАДѢ.

Герценъ покинулъ Россію въ 1847 году и провелъ начало революціонной эры частью въ Италіи, частью во Франціи [1]). Изъ-за рубежа Герценъ открылъ свою литературную дѣятельность въ Россіи письмами изъ Avenue Marigny, вызвавшими изумленіе и даже негодованіе его друзей. Отъ русскаго прогрессиста не ждали столь скептическаго и презрительнаго отношенія къ западно-европейской общественности. Письма показались не только поверхностными, но и крайне неуважительными. Не одинъ Боткинъ считалъ себя задѣтымъ выходками Герцена противъ буржуазіи, къ которой онъ самъ себя причислялъ. Тоже изумленіе, связанное съ недовольствомъ, высказывали и другіе члены того кружка, къ которому въ Москвѣ принадлежалъ Герценъ, въ томъ числѣ и проф. Грановскій, и редакторъ «Московскихъ вѣдомостей» Евгеній Коршъ. Обо всемъ этомъ мы узнаемъ изъ собственныхъ писемъ Герцена, недавно попавшихъ, правда, не въ оригиналѣ, а въ копіи, въ руки г. Иванова-Разумника. «Крѣпко оттузили вы меня за письмо изъ Avenue Marigny, пишетъ Герценъ.—Позвольте рѣчь держать. Во-первыхъ, вы имъ придали важность, которой въ нихъ не было. Это шалость, à la Reisebilder Гейне; я не думалъ имъ придать смыслъ отчета о Европѣ». Легкое и въ то же время дерзновенно-насмѣшливое отношеніе къ тому, чѣмъ въ это время жилъ Парижъ, а съ нимъ вмѣстѣ

[1]) Въ «Былое и думы» отъѣздъ его ошибочно показанъ 21-го января 1847 г. Въ своей недавней статьѣ о Герценѣ Ивановъ-Разумникъ исправляетъ эту неточность и указываетъ, что прощаніе его съ друзьями въ «Черной грязи» произошло 19-го января 1847 года. (Современникъ 1912 г. кн. 4-я).

и вся Франція, представляло изъ себя, дѣйствительно, нѣчто еще небывалое. Письма Герцена далеки были и отъ того уравновѣшеннаго повѣствовательнаго тона, какимъ Фонвизинъ въ разгаръ великой революціи велъ свой дневникъ изъ Франціи—дневникъ, который и доселѣ можетъ интересовать историка этой эпохи, и отъ того восторженнаго преклоненія предъ страною свободы, какимъ проникнуты «Письма русскаго путешественника» Карамзина, готоваго цѣловать землю не одной Гельвеціи.

Въ самый расцвѣтъ россійскаго абсолютизма и проведенія въ жизнь принциповъ самодержавія, православія и народности, Герценъ пишетъ о французахъ 1847 г. съ нескрываемымъ презрѣніемъ, какъ о людяхъ забывшихъ великіе завѣты революціи и занятыхъ, въ сущности, пустяками. Въ своемъ письмѣ къ друзьямъ, впервые появляющемся въ статьѣ г. Иванова-Разумника, Герценъ раскрываетъ причину своего пренебрежительнаго отношенія, говоря о французахъ своего времени: «Это безсмысленныя дѣти великихъ отцовъ. Я хожу съ непокрытой головою по кладбищу Père Lachèse и не хочу кланяться людямъ безъ таланта, безъ энергіи, безъ правилъ, называемыхъ французами. Есть у нихъ печальный и заслуживающій состраданія bas peuple (простонародье), но онъ, по образованію, не ушелъ еще за предѣлы XVI-го столѣтія. Остальныхъ можно не токмо не любить, но презирать. Что за пустое сердце! Что за слабая голова! Живутъ себѣ на двухъ, трехъ нравственныхъ сентенціяхъ и на profession de foi «Савойскаго викарія», не замѣчая, что послѣ Руссо прошло столѣтіе» [1]).

Герценъ показываетъ нѣсколько ниже, что сказанное имъ о Франціи можетъ быть распространено на всю Европу и, прежде всего, на Германію, въ которой онъ иронически находилъ въ своихъ письмахъ изъ Avenue Marigny одно торжествующее мѣщанство, порядокъ и расправу (Ordnung und Zucht). «Европа вообще,—пишетъ Герценъ въ своемъ интимномъ письмѣ къ Коршу, Грановскому и Кавелину, за три недѣли до февральской революціи, и не изъ Франціи, а изъ Рима (30-е января 1848 г.)—не можетъ подняться на высоту своей цивилизаціи. Послѣдняя остается отвлеченнымъ идеаломъ, врядъ ли исполнимымъ». Духовное разложеніе французской буржуазіи или мѣщанства особенно оскорбляетъ его. Бѣлинскій, одновременно

---

[1]) Это письмо съ проповѣдью гуманнаго отношенія къ народу и религіозной терпимости вошло, какъ извѣстно, въ составъ знаменитаго «Эмиля».

съ Герценомъ бывшій въ Парижѣ, а именно съ конца іюля по конецъ сентября 1847 г.,—также не прочь считать «буржуазію сифилитической раной на тѣлѣ Франціи». Немудрено, если изъ всей компаніи друзей, оставшихся въ Москвѣ, онъ одинъ относится положительно къ письмамъ изъ Avenue Marigny. «Они писались при мнѣ,—говоритъ онъ,—на моихъ глазахъ, подъ вліяніемъ тѣхъ ежедневныхъ впечатлѣній, отъ которыхъ краснѣли и потупляли голову честные французы, да и мошенники-то мигали не безъ замѣшательства».

Какія же, спрашивается, явленія вызывали въ русскихъ путешественникахъ, проникнутыхъ западничествомъ и уваженіемъ къ европейской культурѣ, настроеніе, крайне ей неблагопріятное? Франція въ 1847 г. доживала эпоху буржуазной монархіи, этого сознательнаго использованія зажиточными классами своей монополіи политической власти въ интересахъ матеріальнаго обогащенія, устраиванія своихъ частныхъ, классовыхъ дѣлъ и дѣлишекъ. Извѣстно обращеніе Гизо къ депутатамъ, гласившее: «Enrichissez vous messieurs». Оно находитъ объясненіе себѣ въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ рѣчи, произнесенной Одилонъ Барро по поводу обсужденія реформы, имѣвшей въ виду освободить палату депутатовъ отъ лицъ на правительственномъ жалованьи или на пенсіи.

«Тамъ,—говоритъ знаменитый ораторъ,—гдѣ выборы не служатъ выраженіемъ убѣжденій голосующихъ, но являются результатомъ своего рода торговъ, при заключеніи которыхъ принимаются во вниманіе одни матеріальные интересы, не можетъ въ строгомъ смыслѣ слова существовать парламента. Мы имѣемъ въ немъ дѣло только съ политическими спекулянтами. Съ сѣвера на югъ и съ востока на западъ темою, затрагиваемою избирательными агентами, надо считать слѣдующее: да падетъ вашъ выборъ на депутата, пріятнаго правительству, такъ какъ въ этомъ случаѣ депутатъ добудетъ для васъ возможно больше выгодъ... Въ депутатѣ надо видѣть уполномоченнаго, приставленнаго къ власти и умѣющаго извлечь изъ нея возможно больше выгодъ для своихъ кліентовъ. Надо, поэтому, брать его изъ числа агентовъ власти; а если такъ, то немудрено, что между депутатами число правительственныхъ чиновниковъ возрастаетъ. Кончится дѣло тѣмъ, что бюджетъ будетъ вотироваться тѣми, кто призванъ расходовать даруемыя имъ средства» [1]).

---

[1]) Этотъ отрывокъ приведенъ Pierre de la Gorce въ его извѣстной Исторіи второй республики во Франціи, т. I-й, стр. 13-я.

Что такія заявленія не были утрировкой, тѣмъ, что французы называютъ «шаржъ»,—доказательство этому мы находимъ въ нѣкоторыхъ одновременныхъ свидѣтельствахъ. Извѣстный историкъ французскаго парламентаризма Дювержье де-Горранъ, консерваторъ, сдѣлавшійся подъ вліяніемъ самого хода событій либераломъ, слѣдующимъ образомъ описываетъ политическую среду въ послѣдніе годы іюльской монархіи: «Мнѣ суждено было,—говоритъ онъ,—знать многихъ и многихъ избирателей, которые смотрѣли на свое право голоса, какъ на частную собственность; они интересовались не убѣжденіями своего избранника, а вопросомъ о томъ, какія онъ можетъ оказать имъ услуги. Между министерствомъ и депутатами, депутатами и избирателями, устанавливалось своего рода товарищество съ цѣлью совмѣстной эксплоатаціи народнаго бюджета» [1]).

Либеральная профессура, съ Мишле и Эдгаромъ Кинэ во главѣ, первая подняла знамя протеста противъ этого, какъ сказалъ бы Мережковскій, торжествующаго хамства; ихъ проповѣдь, съ каѳедры перешедшая въ область распространенной въ широкихъ кругахъ исторической литературы—(напомнимъ, что къ 1847 году относится выходъ въ свѣтъ и I-го тома «Исторіи французской революціи» Мишле и I-го тома такой же исторіи, написанной Луи Бланомъ, не говоря уже объ исторіи Жирондистовъ Ламартина)—находитъ отзвукъ и въ стѣнахъ парламента. Не одно меньшинство радикаловъ, руководимыхъ Ледрю Ролленомъ, но и вся та партія, которая составляла такъ называемую династическую оппозицію или лѣвый центръ,—серьезно озабочена была мыслью и объ избирательной реформѣ въ смыслѣ пониженія ценза съ 200 на 150 франковъ, и реформой парламента въ смыслѣ исключенія изъ его среды бюрократовъ и пенсіонеровъ правительства.

Начавшіеся лѣтомъ 1847-го года судебные процессы, въ которыхъ обвиняемыми оказались бывшіе министры и члены кассаціоннаго суда, заподозрѣнные въ мздоимствѣ при управленіи арміей и флотомъ (я разумѣю, между прочими, процессъ Теста, въ іюлѣ 1847 г., бывшаго министра публичныхъ работъ) доказывали воочію, что должностями стали торговать въ цѣляхъ наживы. Съ этими процессами совпали по времени таинственныя убійства и самоубійства. Они одни прерывали монотонный ходъ жизни, переданный Ламартиномъ въ 1847 г. извѣстной фразой: «Франція скучаетъ». Общественное сознаніе, будимое такими романистами,

---

[1]) Ibid. стр. 17.

какъ Эженъ Сю, съ его изображеніемъ подонковъ парижскаго общества, начинало нервно относиться къ вопросу о томъ, въ какой мѣрѣ двѣсти тысячъ избирателей способны служить вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительныхъ нуждъ и желаній 30-ти и болѣе милліонной націи. Меньшинство въ парламентѣ начинало понимать необходимость, по счастливому выраженію Кинэ, относящемуся еще къ 1846-му году, «раскрыть окна», т. е. войти въ непосредственное общеніе съ массами. Такіе даже убѣжденные консерваторы, какъ Токвиль не скрывали отъ правительства необходимости удовлетворить требованія общественнаго мнѣнія своевременными реформами. Въ рѣчи, произнесенной имъ въ палатѣ депутатовъ 22-го января 1848 г., Токвиль заявлялъ: «За послѣдніе шестнадцать лѣтъ впервые чувствуется непрочность созданнаго положенія. Это чувство, обыкновенно являющееся предшественникомъ революціи, уже выступаетъ съ ужасающей силой. Отсутствіе порядка замѣтно не въ ходѣ дѣлъ, а въ настроеніи умовъ. Мы засыпаемъ на вершинѣ вулкана; въ воздухѣ дуетъ вѣтеръ революціи; буря показывается на горизонтѣ».

Къ сожалѣнію, не всѣ отличались такой прозорливостью. Гизо на вопросы о реформахъ отвѣчалъ слѣдующей самоувѣренной фразой: «разумное правительство можетъ и должно иногда идти на нихъ, когда моментъ кажется ему наступившимъ; до этого же ему выгоднѣе молчать, не расточая обѣщаній». Большинству правительство казалось еще прочнымъ. Придворные славословили Людовика-Филиппа, называя его «Наполеономъ мира», и сравнивали іюльскій переворотъ со второй англійской революціей (1688 г.), обошедшейся безъ пролитія крови и надѣлившей страну такой же новой династіей, какой во Франціи съ 1830 г. стала Орлеанская линія Бурбоновъ.

И русскій путешественникъ такъ мало ждалъ быстраго наступленія переворота, что уѣхалъ изъ Франціи въ Италію, гдѣ въ это время уже опредѣленно шла агитація въ пользу объединенія, начатая еще Карломъ-Альбертомъ въ Пьемонтѣ и направленная Мадзини изъ Генуи къ выгодѣ республики. Герцену пришлось наблюдать національное движеніе итальянцевъ въ Римѣ и изъ Рима. «Вѣчный городъ» сдѣлался въ концѣ сороковыхъ годовъ однимъ изъ главныхъ очаговъ идеи политическаго единства. Одно время можно было думать, что оно осуществится подъ властью не Савойской династіи, а папства, готоваго стать снова во главѣ лиги свободныхъ городовъ-республикъ, какъ это было въ XII-мъ и XIII-мъ вѣкахъ, въ эпоху борьбы ломбардскихъ и тосканскихъ коммунъ съ императорами—Фридрихомъ I Барбароссою и Фрид-

рихомъ II. Происходившая въ это время война Карла-Альберта съ Австріей изъ-за независимости Ломбардіи окрыляла надежды патріотовъ. И въ римскомъ простонародьѣ сказывался неожиданный подъемъ, равнаго которому нельзя было найти въ «вѣчномъ городѣ» со временъ Кола-ди-Ріенци—послѣдняго трибуна, а во Флоренціи съ эпохи нашествія французовъ и религіозно политическаго движенія, связаннаго съ именемъ доминиканца Саванароллы.

4 февраля, 1848 года Герценъ пишетъ изъ Рима: «Вечеромъ 31 декабря дождь лилъ проливной, сильные удары грома и безпрерывныя молніи напоминали, что это не русскій новый годъ. Piazza del Popolo покрылась народомъ, и зажженные факелы, невесело потрескивая и дымясь, зажигались тамъ и сямъ... Толпа построилась правильной колонной и, грянувъ scuoti il polvere, пошла по Корсо къ Квириналу. Анджелло Брунетти велъ римскій народъ поздравить святого отца съ новымъ годомъ, прокричать ему e viva такъ, какъ ему одному кричать, и напомнить, что римляне ожидаютъ въ этомъ году исполненія тѣхъ упованій, на которыя онъ дозволилъ надѣяться, но которыя еще не удовлетворены консультой. Въ 12 часу ночи по дождю и грязи спокойно и стройно пришла колонна съ факелами къ Монте Кавалло съ криками viva Pio nono, e viva sempre! Народъ звалъ папу на балконъ; папа не вышелъ, а выслалъ сказать, чтобы народъ расходился. Отношенія, образовавшіяся между народомъ и папой, избаловали римлянъ; они нѣсколько разъ плакали и клялись во взаимной любви. Отказъ папы удивилъ всѣхъ. Люди, промокнувшіе до костей, не ждали такого пріема; они стали еще громче и настоятельнѣе требовать появленія папы. Тогда губернаторъ объявилъ имъ, что если они не пойдутъ сейчасъ же по домамъ, то онъ, по приказанію святого отца, ихъ разгонитъ съ помощью солдатъ. Народъ въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ, что солдаты подъ ружьемъ. Тактъ римлянъ въ этихъ случаяхъ удивителенъ: вдругъ все перемѣнилось, факелы погасли, ни одного крика; мрачно, безмолвно, свернувши свое знамя, народъ пошелъ домой. На другой день нигдѣ ни толпы, ни веселья; праздника нѣтъ, городъ оскорбленъ, народная милиція громко ропщетъ. Двое сенаторовъ приняли сторону народа и отправились къ Пію IX. Пій IX расплакался и объявилъ, что для вознагражденія римлянъ онъ самъ поѣдетъ благословить ихъ на новый годъ. Часовъ въ двѣнадцать 2 января Корсо покрылся людьми. Правильная масса народа двигалась съ Piazza Colonna... Анджелло Брунетти, по прозвищу Чичеровэккіо, шелъ впереди съ знаменемъ, на которомъ былъ написанъ слѣдующій упрекъ—краткій, простой и

полный смысла: «Святой отецъ, правосудіе народу, который съ вами!» Народа было по крайней мѣрѣ тысячъ 20; ни хохота, ни крика. Никто не толпился, не давилъ. Ни одного карабинера, ни одного полицейскаго не было видно (они вообще здѣсь гдѣ-то прячутся, въ особенности, когда есть демонстрація). Явилась милиція безъ ружей и стала въ ряды народа. Порядокъ былъ удивительный; только по временамъ поднимался крикъ, который распространялся все далѣе и далѣе, какъ круги въ водѣ отъ брошеннаго камня. Крикъ былъ выразительнѣе, нежели прежде: «Долой іезуитовъ, да здравствуетъ свободная печать, да здравствуетъ Пій IX, но онъ одинъ». Кто-то прокричалъ: да здравствуютъ Пьемонтцы. Народъ подхватилъ; при этомъ вдругъ, пробирается сквозь густую толпу сѣдой, но здоровый старикъ и начинаетъ благодарить римлянъ отъ имени Генуи. Словъ его я не разслышалъ, но по мимикѣ можно было догадаться; лицо у него разгорѣлось; онъ плакалъ; въ концѣ рѣчи онъ закричалъ: «да здравствуетъ свобода», бросилъ свою шапку вверхъ и самъ бросился обнимать солдата національной гвардіи, потомъ другого, третьяго... Народъ бѣшено рукоплескалъ генуезцу. Часа въ два раздалось: «ѣдетъ, ѣдетъ»! Папа ѣхалъ шагомъ, сопровождаемый четырьмя драгунами и каретой, въ которой сидѣлъ кто-то изъ министровъ. Онъ былъ взволнованъ и очень блѣденъ. Народъ его встрѣтилъ громкимъ безконечнымъ привѣтствіемъ. Чичероваккіо поднялъ знамя къ его окошку, и двадцать тысячъ человѣкъ пошли провожать Пія IX».

Развѣ все это не сцены изъ жизни? Какой историкъ пройдетъ мимо этого описанія, не воспользуется имъ, какъ неоцѣненнымъ документомъ, позволяющимъ проникнуть въ самую душу того движенія, которое охватило со всѣхъ сторонъ Италію и повело къ ея объединенію, если не подъ главенствомъ папы и не въ формѣ республики, о которой одно время одинаково мечтали и Мадзини, и Гарибальди, то подъ властью наслѣдника короля-патріота Карла-Альберта, конституція котораго, данная Пьемонту, сдѣлалась основнымъ закономъ Итальянскаго королевства. Какъ прозорливо Герценъ оцѣниваетъ грядущія событія, пользуясь своимъ знаніемъ итальянскаго прошлаго, того стремленія Италіи оградить свои судьбы отъ иноземцевъ, которое сказалось въ словахъ Маккіавелли, обращенныхъ даже къ такимъ тиранамъ-узурпаторамъ, какъ вѣроломный Цезарь Борджіа. Кому не памятенъ его призывъ собрать всю Италію въ единую храмину и направить ее противъ враговъ отчизны. «Съ какой благодар-

ностью, съ какими слезами, писалъ Маккіавелли, встрѣчено будетъ это давно желанное освобожденіе».

Кто-то весьма вѣрно назвалъ сочиненіе Герцена «Былое и Думы» великолѣпной эпопеей, эпопеей побѣды и пораженій, понесенныхъ политической свободой Италіи и Франціи въ періодъ времени между 47-мъ и 51-мъ годами. Какъ здраво понимаетъ въ немъ Герценъ счастливую особенность итальянцевъ, позволившую имъ въ концѣ концовъ выйти свободными изъ-подъ французскаго, испанскаго и австрійскаго гнета. «Несмотря на нравственную неволю, пишетъ Герценъ, итальянцы никогда не были до того задавлены, какъ французы и нѣмцы. Не надо забывать, что правительства итальянскія прескверно организованы, что ихъ государственные люди такъ же безпечны, какъ земледѣльцы; но главная причина въ томъ, что итальянецъ не на всю свою жизнь связанъ съ государствомъ. Для него государство было формой, условіемъ, а не цѣлью, какъ для француза; оттого паденіе государства не могло совсѣмъ раздавить человѣка. Крестьянинъ средней Италіи такъ же мало похожъ на задавленную чернь, какъ русскій мужикъ—на собственность. Нигдѣ не видалъ я, кромѣ Италіи и Россіи, чтобъ бѣдность и тяжелая работа такъ безнаказанно проходили по лицу человѣка, не исказивъ ничего въ благородныхъ и мужественныхъ чертахъ. У такихъ народовъ есть затаенная мысль, или лучше сказать, не мысль, а непочатая сила, непонятная имъ самимъ до поры до времени, которая даетъ возможность переносить самыя подавляющія несчастія, даже крѣпостное состояніе».

Герценъ не разъ проводитъ параллель между итальянскимъ и русскимъ простонародьемъ. У нихъ общее — пассивное отношеніе къ государству. Народъ, пишетъ Герценъ о русскихъ въ своемъ Дневникѣ, собственно мало участвовалъ въ исторіи. Онъ пробуждался иногда, выступалъ съ энергіей, какъ въ 1612, такъ и въ 1812 году, никогда не показывалъ ни малѣйшаго, построяющаго, зиждущаго начала и удалялся пахать землю. Эта даль и безучастіе народа есть, можетъ быть, великое пророчество. Расторженность народа и государства еще болѣе увеличилась съ Петра и его реформъ по западному образцу. Желая привить Россіи европеизмъ, Петръ началъ съ учрежденія страшнаго высшаго деспотизма и инквизиціонно-канцелярскаго управленія. Расторженность народа съ правительствомъ спасла Россію. Ей мы обязаны тѣмъ развитіемъ, которое даетъ намъ право высказывать большія надежды на счетъ нашего будущаго призванія (Томъ 6-ой, Дневникъ и статьи изъ Колокола, стр. 108). При управленіи не національномъ съ каждымъ десятилѣтіемъ у насъ

все же видѣнъ шагъ впередъ; оппозиціонность растетъ»,— восклицаетъ Герценъ. «Если бы не такъ терзали всякую свободную мысль, мы сразу шагнули бы ужасно».

Въ Италіи Герценъ впервые сталъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ объ обновляющемъ вліяніи націоналистическаго движенія. Вмѣсто того, чтобы быть разлагающимъ началомъ, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, сложившихся искусственно подъ вліяніемъ завоеванія или еще брачныхъ союзовъ правящихъ династій, національный вопросъ въ Италіи принялъ съ самаго начала характеръ центростремительной силы, объединяющей разрозненныя вѣтви одного и того же народа. Національное движеніе направлено было къ освобожденію итальянцевъ отъ ига иноземцевъ и одно время обѣщало образованіе на Аппенинскомъ полуостровѣ цѣлой федераціи свободныхъ республикъ, идущихъ отъ Венеціи къ Генуѣ и отъ Милана къ Неаполю и Сициліи. Насколько въ Герценѣ еще въ бытность его въ Москвѣ заложены были старославянофилами зародыши не панславизма, разумѣется, а вѣры въ образованіе въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ федераціи освободившихся отъ иноземнаго ига славянскихъ племенъ; насколько окрылило эту надежду въ 1848-мъ году внезапное выступленіе чеховъ съ запросомъ на возстановленіе ихъ самобытности и исторической культуры; насколько славянская идея проявила для него свою творческую силу и на томъ Пражскомъ съѣздѣ, на которомъ, рядомъ съ Палацкимъ и Ригеромъ, вождями чеховъ, выступилъ и русскій республиканецъ Бакунинъ,—Герценъ не могъ иначе, какъ съ энтузіазмомъ, отнестись къ побѣдоносному шествію идеи итальянскаго объединенія, тѣмъ болѣе, что послѣднее велось съ поразительнымъ успѣхомъ такими республиканцами-патріотами, какъ Мадзини и Гарибальди. Въ позднѣйшіе годы, когда Герцену суждено было раздѣлить съ ними изгнаніе сперва въ Женевѣ, а затѣмъ въ гостепріимной къ чужестранцамъ Англіи, онъ ближе сошелся съ обоими вождями итальянскаго возрожденія; во второй части «Былое и Думы» начертаны необыкновенно яркіе портреты этихъ піонеровъ идеи итальянскаго единства. «Рѣдко, гдѣ можно встрѣтить, пишетъ Герценъ о Мадзини, такую изящную въ своей серьезности, такую строгую античную голову. Минутами выраженіе его лица было жестко, сурово, но оно быстро смягчалось и прояснялось; дѣятельная, сосредоточенная мысль сверкала въ его печальныхъ глазахъ; въ нихъ и въ морщинахъ на лбу—бездна воли и упрямства; во всѣхъ чертахъ видны слѣды долголѣтнихъ заботъ, недоспанныхъ ночей, пройденныхъ бурь,

сильныхъ страстей или, лучше сказать,—одной сильной страсти, да еще что-то фанатическое, быть можетъ аскетическое. Мадзини простъ, любезенъ въ обращеніи, но привычка властвовать видна, особенно въ спорѣ. Онъ едва можетъ скрыть досаду при противорѣчіи, а иногда и не скрываетъ ея. Силу свою онъ знаетъ и откровенно пренебрегаетъ всѣми наружными знаками диктаторіальной обстановки» [1]).

Для Герцена Мадзини не только фанатикъ, но и организаторъ. «Въ Женевѣ, въ своей маленькой комнаткѣ съ вѣчной сигарой во рту Мадзини, какъ папа въ Авиньонѣ, сосредоточивалъ въ своей рукѣ, говоритъ Герценъ, нити психическаго телеграфа, приводившіе его въ живое общеніе со всѣмъ Аппенинскимъ полуостровомъ. Онъ зналъ каждое біеніе сердца своей партіи, чувствовалъ малѣйшее сотрясеніе, немедленно отвѣчалъ на каждое и давалъ общее направленіе всему и всѣмъ съ поразительной неутомимостью. Мадзини покрылъ Италію сѣтью тайныхъ обществъ. Они вѣтвились неуловимыми артеріями, дробились, мельчали и исчезали въ Аппенинахъ и Альпахъ, въ царственныхъ дворцахъ аристократовъ и въ тайныхъ переулкахъ итальянскихъ городовъ, въ которые ни одна полиція не можетъ проникнуть. Сельскіе священники, кондукторы дилижансовъ, ломбардскіе князья, контрабандисты, трактирщики, женщины, бандиты,—все шло на дѣло; всѣ были звеньями цѣпи, примыкавшей къ нему, Мадзини. Такой революціонной организаціи, замѣчаетъ Герценъ, никогда не бывало нигдѣ».

Съ Гарибальди Герценъ встрѣтился впервые въ Женевѣ. «Въ простыхъ и безцеремонныхъ разговорахъ его, пишетъ онъ, чувствовалось присутствіе силы; безъ фразъ, безъ общихъ мѣстъ, народный вождь, удивлявшій своей храбростью старыхъ солдатъ, во всемъ давалъ себя чувствовать; въ этомъ капитанѣ частнаго корабля легко было узнать того уязвленнаго льва, который, огрызаясь на каждомъ шагу, отступилъ послѣ взятія Рима и, растерявъ своихъ сподвижниковъ, снова сзывалъ въ Санъ-Марино, въ Равеннѣ, въ Ломбардіи, въ Тиролѣ, въ Тессино, солдатъ, мужиковъ, бандитовъ, кого попало, чтобы ударить на врага. Мнѣнія его уже значительно расходились съ мнѣніями Мадзини. Онъ при мнѣ говорилъ ему, что Пьемонтъ дразнить не надо, что главная цѣль теперь освободиться отъ австрійскаго ига, и очень сомнѣвался, чтобы Италія такъ была готова къ

[1]) Собраніе сочиненій, т. III-й, стр. 53 и 54.

единству и республикѣ, какъ думалъ Мадзини. Гарибальди былъ противъ всѣхъ попытокъ и опытовъ возстанія» [1]).

Жизнь въ Италіи въ 1847 году, такъ сказать, на зарѣ ея національнаго подъема, закончила политическое воспитаніе Герцена и обратила его не въ одного только противника «торжествующаго мѣщанства», но и въ республиканца-націоналиста. Ему легче будетъ, поэтому, сойтись въ будущемъ съ федералистомъ Прудономъ, чѣмъ съ его принципіальнымъ противникомъ, авторомъ «Нищеты философіи—(отвѣтъ на «Философію нищеты)»,—Карломъ Марксомъ. Для Маркса, рѣзко разошедшагося съ Бакунинымъ, Герценъ, подобно послѣднему, являлся какимъ-то панславистомъ, чѣмъ онъ, разумѣется, никогда не былъ. Во время моего знакомства съ Марксомъ я не разъ наводилъ разговоръ на ту тему, какія причины заставили его сторониться отъ всякаго общенія съ нашимъ великимъ агитаторомъ-мыслителемъ. Марксъ указывалъ мнѣ на то, что Герценъ всего болѣе дружилъ съ такими націоналистами-патріотами, какъ Мадзини, къ которымъ авторъ «Капитала» не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія. Когда читаешь даже въ новѣйшихъ работахъ, напр., въ прекрасной и въ общемъ объективной книгѣ Фридъюнга объ исторіи Австріи съ 1848 по 1860-й годъ отчетъ о первомъ славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ, или характеристику той роли, какую хорватскому бану Елачичу пришлось играть въ усмиреніи венгерскаго возстанія въ пользу независимости,—легче начинаешь понимать, почему въ глазахъ нѣмецкихъ эмигрантовъ не только Бакунинъ, какъ участникъ пражскаго съѣзда, но и Герценъ—съ его сравнительно барской обстановкой и нескрываемымъ сочувствіемъ къ вождямъ националистическаго движенія, вызывали почти болѣзненную подозрительность. Въ разговорѣ со мною Марксъ отмѣчалъ также и другія причины нерасположенія его къ Герцену, а именно доброе отношеніе послѣдняго къ Руггэ, нѣмецкому патріоту-эмигранту, съ которымъ когда-то Марксъ былъ близокъ и разошелся впослѣдствіи, а также общій Герцену съ Прудономъ тонъ пренебрежительнаго и нѣсколько насмѣшливаго отношенія къ утопическому соціализму и коммунизму, къ Фурье и фурьеристамъ, которыхъ Марксъ ставилъ весьма высоко, говоря мнѣ, напримѣръ, что въ одномъ мизинцѣ Фурье скрыто для человѣчества больше залоговъ счастливаго будущаго, чѣмъ въ надерганной отовсюду энциклопедической освѣдомленности его суроваго критика, Дюринга, не разъ величавшаго творца

[1]) Т. III-й, стр. 59.

фаланстеровъ, «главою соціалистовъ-идіотовъ» (Idioten-Sozialismus). Я полагаю, что Герценъ и Марксъ далеко не стояли на непримиримыхъ точкахъ зрѣнія, что Герценъ былъ коммунистомъ въ своемъ родѣ и, конечно, въ гораздо большей степени, чѣмъ его соратникъ по изданію журнала «La Voix du peuple», —Прудонъ.

Во всякомъ случаѣ Герценъ, будучи націоналистомъ, въ то же время отнюдь не раздѣлялъ надежды объединенія всѣхъ славянъ подъ властью Россіи. Онъ видѣлъ и желалъ чего-то, весьма отличнаго отъ панславлизма—свободы самоопредѣленія для націй, а поэтому Герценъ не былъ противникомъ ни нѣмецкаго объединенія, ни самостоятельности Венгріи. Его отношеніе къ Кошуту, напримѣръ, было столь же положительнымъ, какъ къ Карлу Фохту, одно время вице-президенту знаменитаго Франфуртскаго парламента, на которомъ впервые во всю широту развернулся вопросъ о германскомъ единствѣ. Что касается до Маркса, то онъ, несомнѣнно, видѣлъ во всемъ националистическомъ движеніи, откуда бы оно ни шло, только задержку для рѣшенія соціальнаго вопроса. Ему одинаково были чужды и идея возстановленія короны Святаго Стефана, и идея объединенія Чехіи, Моравіи и Силезіи въ тріединое королевство, болѣе или менѣе автономное, возрождающее традицію временъ Св. Венцеслава и порядки, предшествовавшіе пораженію, понесенному чехами въ Бѣлогорскомъ сраженіи. Національная идея и вѣра въ сельскую общину, въ аграрный коммунизмъ, основанный на началѣ мірскаго владѣнія, приближающагося къ земледѣльческой артели въ отношеніи къ совмѣстному пользованію продуктами общаго труда,—таковы были тѣ двѣ руководящія и основныя мысли соціально-политической доктрины Герцена, которыя стали складываться еще въ первые годы его пребыванія въ Европѣ, въ частности во Франціи и Италіи. Эти мысли пустили въ немъ болѣе глубокіе корни подъ вліяніемъ рѣшительнаго пораженія соціально-политической революціи во Франціи, въ Германіи и Австріи, и наступленія той мертвой зыби, которой онъ былъ свидѣтелемъ въ эпоху Второй Имперіи и возрожденія бюрократическаго абсолютизма въ Австріи.

Чтобы прослѣдить за тѣмъ вліяніемъ, какое жизнь европейскихъ народовъ, наряду съ крестьянской реформой въ Россіи и сохраненіемъ ею исконныхъ началъ нашего аграрнаго коммунизма, оказала на ростъ соціально-политической доктрины Герцена, намъ необходимо перейти къ бѣглому, очерку политическихъ событій, развернувшихся во Франціи и въ другихъ странахъ континента въ памятную годину 1848-го года.

Можно было бы думать, что событія, отстоящія отъ насъ всего на 64 года, по которымъ мы имѣемъ мемуары не однихъ только современниковъ, но и ближайшихъ участниковъ, не способны болѣе вызывать сомнѣній ни на счетъ ихъ ближайшихъ причинъ, ни на счетъ той роли, какая выпала въ нихъ отдѣльнымъ дѣятелямъ. Оказывается, однако, что въ примѣненіи къ февральскому перевороту 1848-го года такого заявленія сдѣлано быть не можетъ. Говоря это, я имѣю въ виду не только хорошо извѣстное обстоятельство, противъ котораго протестовалъ Луи Бланъ, а именно, полное искаженіе его роли въ созданіи знаменитыхъ «національныхъ мастерскихъ», искаженіе, сдѣланное тогдашнимъ англійскимъ посланникомъ въ Парижѣ, лордомъ Норманди, но и то, что мы все еще должны спрашивать себя: на кого падаетъ отвѣтственность за рѣшительное отклоненіе въ 1848 г. требуемой общественнымъ мнѣніемъ реформы избирательнаго права и исключенія изъ парламента лицъ, состоящихъ на жалованьи или на пенсіи у правительства: на главу ли тогдашняго министерства — Гизо, на весь ли кабинетъ или, наконецъ, на короля.

Только что появившійся отрывокъ изъ мемуаровъ Шамболя, сотрудника руководящаго органа либераловъ — National, человѣка, повидимому, посвященнаго въ мельчайшія подробности разсказываемыхъ имъ событій, рѣшительно переворачиваетъ всѣ тѣ представленія, какія, на основаніи мемуаровъ Гизо, Ламартина, Гарнье Пажеса, Луи-Блана, можно было составить себѣ о распредѣленіи отвѣтственности за февральскія событія въ Парижѣ между важнѣйшими ихъ участниками. Въ извѣстной «Исторіи второй республики», написанной Пьеромъ де ла Горсъ и появившейся въ 1887 г., члены кабинета съ Гизо во главѣ представлены противниками требуемой меньшинствомъ палаты представителей политической реформы.

Въ тронной рѣчи, прочитанной при открытіи парламента, говорилось о готовности власти, придерживаясь текста хартіи 1830 г., «поддерживать существующій общественный порядокъ и всѣ условія его существованія (et toutes ses conditions), равно и публичныя вольности французовъ со всѣми вытекающими изъ нихъ послѣдствіями». Въ существующемъ конституціонномъ порядкѣ правительство видѣло средство противъ «слѣпыхъ враже-скихъ ненавистей» (passions ennemies ou aveugles), подъ чѣмъ, очевидно, разумѣлись всякіе запросы на реформу. Правительство обѣщало «передать безъ всякихъ измѣненій грядущимъ поколѣніямъ права и вольности, охрана которыхъ была ему поручена» [1]).

[1]) См. de la Gorce, т. I стр. 20-я.

Такъ какъ въ своихъ мемуарахъ Гизо ни однимъ словомъ не обмолвился насчетъ того, въ какой мѣрѣ самъ король Людовикъ-Филиппъ стоялъ за такую политику non—possumus, то до послѣдняго времени отвѣтственность за нее признавалась падающей исключительно на членовъ кабинета. Въ появляющихся мемуарахъ Шамболя представленъ, однако, рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что Гизо далеко не былъ слѣпъ къ послѣдствіямъ, къ какимъ поведетъ правительственное упорство, и съ своей стороны готовъ былъ встрѣтиться на полупути съ тѣми, кто настаивалъ на пониженіи избирательнаго ценза, на увеличеніи личнаго состава палаты и удаленіи изъ нея правительственныхъ чиновниковъ. На выборахъ въ Лизье въ своей рѣчи Гизо развилъ слѣдующую мысль: «оппозиція обѣщаетъ вамъ реформы; сдѣлаетъ же ихъ консервативная партія». Имѣя въ виду эти обѣщанія, члены либеральной печати въ числѣ 62-хъ человѣкъ обратились къ Гизо съ письменнымъ заявленіемъ, что рѣшительный отказъ на всѣ ходатайства оппозиціи, объявлявшей себя конституціонной и которая въ устахъ радикаловъ слыла за династическую, создаетъ серьезную опасность для будущаго. Они ходатайствовали поэтому о томъ, чтобы быть допущенными къ королю; они желали поставить ему на видъ необходимость обезпечить прочность его престола и успокоить умы уступками. Допущенные къ личному свиданію съ Гизо, они услышали изъ его устъ слѣдующее заявленіе:

— То, что вы предполагаете сдѣлать, весьма серьезно, господа. Достаточно ли обдуманъ вами этотъ шагъ?

— Мы взвѣсили всѣ обстоятельства и приняли неотложное рѣшеніе,—послѣдовалъ отвѣтъ.

— Какъ велико ваше число?

— Насъ шестьдесятъ два человѣка.

— Шестьдесятъ два, готовыхъ подписать такую декларацію?..

— Да, господинъ министръ.

— Въ такомъ случаѣ, господа, изложите письменно все вами сказанное, снабдите актъ вашими подписями и передайте его мнѣ. Я увижусь съ королемъ и озабочусь устройствомъ вамъ аудіенціи у монарха.

Когда эти условія были выполнены, Гизо передалъ бумагу королю и сказалъ ему:

— Ваше Величество, до сихъ поръ я въ точности подчинялъ мое поведеніе Вашей политикѣ, но чтобы придерживаться ея впредь и обезпечить ей торжество, намъ необходимо разсчитывать на поддержку большинства.

— Разумѣется, — отвѣтилъ король.—Но развѣ мы не имѣемъ ея?

— Мы можемъ потерять ее съ часу на часъ. Шестьдесятъ два депутата-журналиста готовы отдѣлиться отъ насъ въ томъ случаѣ, если мы не сдѣлаемъ уступокъ оппозиціи.

Говоря это, Гизо держалъ въ рукахъ текстъ врученной ему деклараціи. Людовикъ-Филиппъ принялъ изъ его рукъ бумагу, прочелъ ее, пробѣжалъ стоящія подъ ней подписи и затѣмъ, скомкавъ въ рукахъ переданный ему актъ, бросилъ его презрительно на землю и оттолкнулъ ногою, говоря:

— Скажите этимъ господамъ, чтобы переходили налѣво,— я въ нихъ не нуждаюсь [1]).

Упорство короля, которое Гизо не рѣшился раскрыть въ своихъ мемуарахъ, отмѣчено и нѣкоторыми другими одновременными свидѣтельствами. Въ самой семьѣ короля не только герцогиня Орлеанская, но и сыновья Людовика-Филиппа, принцъ Жуанвиль и герцогъ Омальскій, чувствовали необходимость уступокъ. Жуанвиль не считалъ нужнымъ скрывать своего мнѣнія передъ отцомъ и вызвалъ тѣмъ его неодобреніе. Послѣдствіемъ было то, что Жуанвиля отправили на мѣсто военныхъ дѣйствій въ Алжиръ. Въ письмѣ, уже обнародованномъ, Жуанвиль сообщалъ одному изъ своихъ братьевъ:

«Насъ ведутъ къ революціи. Король упорствуетъ и не хочетъ болѣе слышать никакихъ совѣтовъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы все подчинилось его волѣ. Болѣе нѣтъ министровъ, отвѣтственность ихъ ничтожна. Все восходитъ до короля. Онъ привыкъ править и дорожитъ тѣмъ, чтобы знали, что правитъ страною онъ, а не кто другой».

Близкій къ Жуанвилю контръ-адміралъ Гэрну, одновременно состоявшій и флигель-адъютантомъ принца, и депутатомъ, по желанію обоихъ сыновей короля, готовъ былъ заявить въ палатѣ о необходимости сдѣлать уступки. Такъ какъ онъ принадлежалъ къ правительственной партіи, то отъ этого заявленія ждали серьезныхъ послѣдствій, надѣясь, что большинство въ палатѣ расколется, и реформы своевременно будутъ проведены.

Третій и старшій братъ Жуанвиля, герцогъ Немурскій, поставленъ былъ въ извѣстность о предстоящемъ шагѣ. Онъ посовѣтовалъ ничего не предпринимать, не предупредивъ королевы. Любящая жена Людовика-Филиппа, не высказываясь сама противъ

[1]) Revue de Paris. 1-го мая 1912 г.

реформъ, испугалась тѣхъ послѣдствій, какія для Жуанвиля можетъ имѣть выступленіе въ палатѣ близкаго къ нему человѣка. Король, полагала она, увидитъ въ этомъ заговоръ противъ себя.

— «Воздержитесь,—сказала она дѣтямъ,—отъ демонстраціи, которая только вызоветъ въ немъ (королѣ) раздраженіе, но не измѣнитъ его убѣжденій».

Герну принужденъ былъ отказаться отъ своихъ намѣреній и самъ посвятилъ впослѣдствіи во всѣ указанныя подробности автора мемуаровъ—Шамболя.

Упорство короля не составляло секрета для барона Штокмара, корреспондента англійской королевы Викторіи, друга столько же принца Альберта, сколько и Бельгійскаго короля Леопольда I. «Король и министерство, писалъ онъ, пріобрѣли равную увѣренность въ томъ, что оппозиція какъ въ палатахъ, такъ и внѣ ихъ, стремится не къ реформамъ, а къ революціи, желаетъ паденія династіи и низверженія существующаго соціальнаго порядка. Это подозрѣніе внушило имъ руководящій принципъ ихъ политики». Зная, какой отпоръ намѣрено оказать правительство всякой попыткѣ реформы, министръ внутреннихъ дѣлъ Дю-Шатель еще 15-го августа 1847 года въ письмѣ къ Дюпэну говорилъ: «новаго нѣтъ ничего, все спитъ».

Февральскій переворотъ явился поэтому неожиданностью не для одного Герцена, въ то время вызывавшаго въ Италію своего друга Грановскаго въ виду тѣхъ недоразумѣній, какія возникли между московскимъ профессоромъ и министерствомъ и грозили окончиться для знаменитаго историка вынужденной отставкой.

Повидимому, и самые участники «февральскихъ дней» сразу не предвидѣли ихъ конечнаго исхода. Глава династической оппозиціи Одилонъ Барро разсчитывалъ самое большее на измѣненіе въ направленіи политики, на избирательную и парламентскую реформу, на переходъ власти изъ рукъ Гизо въ руки своихъ друзей и образованнаго изъ нихъ подъ его личнымъ руководительствомъ министерства. Людямъ, ближе стоящимъ къ рабочимъ массамъ, рисовались, однако, иныя перспективы. Луи-Бланъ въ бесѣдѣ съ Шамболемъ не скрывалъ отъ него надежды не только на установленіе республики, но и на то, что она послужитъ средствомъ для осуществленія соціальной революціи. Въ отвѣтъ Шамболю, сомнѣвавшемуся въ томъ, чтобы у него было необходимое для достиженія такой цѣли число приверженцевъ, Луи-Бланъ отвѣчалъ: «У насъ нѣтъ арміи, говорите вы; такъ ли это въ дѣйствительности, и не кажется ли вамъ, что ея нѣтъ только потому, что она не

устраиваетъ парадовъ на Марсовомъ полѣ? Подождите немного, и вы увидите, какъ она поднимется изъ-подъ земли».

Экономистъ Воловскій, профессоръ въ консерваторіи искусствъ и ремеслъ въ Парижѣ, при посѣщеніи Ліона пораженъ былъ размѣрами, какіе соціалистическая пропаганда приняла въ этомъ городѣ. Онъ встрѣтился въ немъ съ Прудономъ, который въ это время состоялъ на службѣ при одномъ торговомъ домѣ и руководилъ фабрикой. Въ Парижѣ тотъ же Воловскій имѣлъ случай не только встрѣчаться съ Луи-Бланомъ, но и бесѣдовать съ самими рабочими. Они не скрывали отъ него, что готовится возстаніе. «Ничто, прибавляли они, не можетъ остановить его. Въ теченіе ряда лѣтъ правительство отказывалось выслушивать наши жалобы и признавало возможнымъ даже совершенно не заниматься нами... Въ то время, какъ оно обнаруживало по отношенію къ намъ полное равнодушіе, люди, которыхъ вы называете агитаторами, пришли къ намъ на помощь. Они заинтересовались нашими страданіями, приняли нашу сторону, обѣщали намъ исполненіе нашихъ давнишнихъ желаній. Вы говорите, что это пустыя обѣщанія, что намъ подскажутъ опасные шаги и что наше бѣдственное состояніе, въ концѣ концовъ только усилится. Это возможно; намъ самимъ приходила та же мысль; но теперь уже поздно для отступленія; нами приняты извѣстныя обязательства»[1]).

Въ мою задачу, разумѣется, не входитъ описаніе самыхъ событій, развернувшихся въ Парижѣ въ памятные дни 22, 23 и 24-го февраля 1848 г. Отмѣчу только тотъ фактъ, что временное правительство было предложено въ палатѣ представителей почти одновременно съ провозглашеніемъ въ ней регентства герцогини Орлеанской при малолѣтнемъ ея сынѣ, графѣ Парижскомъ, къ которому, за отреченіемъ Людовика-Филиппа и по его выбору, перешло право на престолъ. Когда поэтъ Ламартинъ началъ свою рѣчь въ палатѣ, большинство по первымъ произнесеннымъ ораторомъ словамъ ожидало поддержки имъ регентства; но рѣчь закончилась призывомъ къ созданію республики. Такъ какъ Ламартинъ стоялъ внѣ партій, примыкая въ то же время къ оппозиціонному движенію, то проникшая въ палату толпа прежде всего высказалась за передачу временной власти этому популярному поэту. Къ нему присоединены были имена главы радикаловъ, Ледрю-Роллена, стараго поборника народныхъ вольностей и члена французскаго учредительнаго собранія 1789 г., Дюпонъ де Лера, такого

---

[1]) Revue de Paris, 1-е мая 1912 г. стр. 161 и 162-я.

виднаго ученаго, какъ Франсуа Араго, и нѣкоторыхъ сотрудниковъ журнала «National», руководящаго органа либеральной партіи. Временное правительство было провозглашено въ залѣ засѣданій палаты. Чтобы получить освященіе народа, члены его двинулись въ городскую ратушу (Hôtel de Ville) и проникли въ нее не безъ труда. Въ то время, какъ они распредѣляли между собою портфели, другая депутація, посланная изъ болѣе радикальнаго органа («La Réforme»), явилась въ Hôtel de Ville съ требованіемъ, чтобы въ раздѣлѣ власти приняли участіе и редакторъ газеты Флоконъ, и соціалистъ Луи-Бланъ, и рабочій Альбэръ. Ламартинъ пробовалъ воспротивиться этому, но неудачно. Названныя лица вошли въ кабинетъ на правахъ секретарей; но на разстояніи нѣсколькихъ дней всякія различія перестали соблюдаться между ними, и временное правительство составлено было изъ 13-ти членовъ, при чемъ министерство внутреннихъ дѣлъ перешло къ Ледрю-Роллену, а иностранныхъ дѣлъ—къ Ламартину; Луи Блана же поставили во главѣ министерства труда.

Народныя массы, повидимому, съ самаго начала оспаривали законность титула у новаго правительства, которое, дѣйствительно, не было выбрано въ какомъ-либо закономѣрномъ порядкѣ. Ламартинъ отвѣтилъ на эти нареканія поэтической импровизаціей, говоря: «источникомъ нашей власти является готовность къ самопожертвованію для блага страны. Наши титулы лежатъ въ нашей совѣсти и въ желаніи придти вамъ на помощь при грозящей опасности». Съ этого времени и въ теченіе всѣхъ трехъ мѣсяцевъ пока длилась диктатура этихъ скорѣе самозванныхъ, чѣмъ выборныхъ вождей народа, Ламартинъ оставался душою правительства. О его популярности можно судить по тому, что въ собранное временнымъ правительствомъ учредительное собраніе онъ былъ выбранъ въ десяти избирательныхъ округахъ. Рѣшающее значеніе онъ сохранилъ и въ день открытія новаго собранія, когда поддерживаемое имъ предложеніе сдѣлалось причиной выбора депутатами исполнительной комиссіи въ 5-ть человѣкъ, къ которой и перешли функціи правительства, въ томъ числѣ выборъ министровъ.

Но Ламартину пришлось, съ самаго начала и не вполнѣ по собственной волѣ, раздѣлить власть съ вожакомъ радикаловъ Ледрю-Ролленомъ и, скрѣпя сердце, пойти на провозглашеніе того «права на трудъ», въ требованіи котораго Луи-Бланъ поддерживаемъ былъ уже довольно численной въ то время соціалистической рабочей партіей. Признаніе обязанностью государства—доставлять

трудъ нуждающимся, естественно повело къ созданію «національныхъ мастерскихъ», а послѣдовавшее закрытіе ихъ сдѣлалось ближайшимъ поводомъ къ вооруженному возстанію парижскихъ рабочихъ, подавленному силою и при участіи войска подъ начальствомъ Кавеньяка. Это настолько напугало французскую буржуазію, что она рѣшилась въ стѣнахъ палаты, заодно съ реакціонерами, поднять руку на предложенное Ледрю-Ролленомъ и проведенное временнымъ правительствомъ начало всеобщаго голосованія.

Я не имѣю, конечно, возможности останавливаться на изображеніи дальнѣйшихъ событій, къ тому же слишкомъ хорошо извѣстныхъ, чтобы нужно было излагать ихъ снова въ подробности. Для меня важно, разумѣется, установить только отношеніе къ нимъ Герцена. Но чтобы понять причину, по которой русскій революціонеръ, такъ критически отнесся къ революціонерамъ Франціи, надо возстановить въ умѣ, хотя бы въ самымъ сжатыхъ чертахъ постепенный ходъ французской революціи 1848-го года. Сдѣлать это намъ тѣмъ легче, что проф. Карѣевъ въ общемъ своемъ курсѣ весьма сжато указалъ на этотъ ходъ. Господствовавшая до февральской революціи буржуазія менѣе всего была склонна подчиниться какимъ бы то ни было соціалистическимъ требованіямъ. Она отнеслась, поэтому, далеко не сочувственно къ созданію въ Люксембургскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ Луи-Блана особой комиссіи для разработки вопросовъ, касающихся труда и благосостоянія рабочихъ. Комиссія эта превратилась въ своего рода рабочій парламентъ, лишенный, однако, всякой власти и матеріальныхъ средствъ. Одновременно для успокоенія безработныхъ временное правительство устроило особыя мастерскія, которымъ дано было громкое названіе «національныхъ». Каждому желающему трудиться въ предпринятыхъ въ Парижѣ земляныхъ работахъ давалось по 2 франка въ день. Это привлекло въ столицу массу безработнаго люда. Рабочіе національныхъ мастерскихъ организовались постепенно въ грозную революціонную силу, подпавшую подъ вліяніе демократическихъ круговъ. Она начала вскорѣ выступать съ соціальными и политическими требованіями. Въ рядахъ либеральной буржуазіи даже тѣ, кто стоялъ за республику демократическую, слышать не хотѣли о соціализмѣ. Введеніе всеобщей подачи голосовъ, по предложенію Ледрю-Роллена, открыло возможность значительнаго участія въ выборахъ крестьянскихъ массъ, отличавшихся консерватизмомъ и бывшихъ подъ вліяніемъ духовенства. Предъявленныя рабочими требованія запугали крестьянъ. Между ними стали ходить слухи о томъ, что городской пролетаріатъ намѣ-

ренъ добиться передѣла земель. Повышеніе земельнаго налога, вызванное отмѣной нѣкоторыхъ косвенныхъ сборовъ, непопулярныхъ въ глазахъ городского населенія, не могло, разумѣется, содѣйствовать сочувственному отношенію крестьянъ къ рабочимъ. Выборы поставили въ учредительное собраніе значительное меньшинство консерваторовъ. Къ нимъ принадлежали не одни приверженцы свергнутой династіи Орлеановъ, но также легитимисты и клерикалы. Ихъ сознательной политикѣ удалось исключить изъ числа членовъ исполнительной комиссіи вожака рабочаго движенія Луи-Блана.

Новое правительство стало стягивать въ Парижъ войска въ виду революціоннаго настроенія рабочихъ. Одновременно національное собраніе приняло мѣры противъ національныхъ мастерскихъ, дорого обходившихся плательщикамъ налоговъ, а это, разумѣется, не могло увеличить его популярности въ рабочей средѣ. Послѣ неудавшейся народной вспышки 15-го мая число войскъ въ Парижѣ было увеличено и, чтобы очистить столицу отъ чрезмѣрнаго числа безработныхъ, всѣмъ холостымъ въ возрастѣ отъ 18-ти до 25-ти лѣтъ, призрѣваемымъ національными мастерскими, предложено было поступить въ солдаты. Кто отказывался отъ этого, принужденъ былъ покинуть Парижъ.

Нѣсколько дней спустя рѣшено было рабочихъ, не жившихъ въ Парижѣ въ теченіе послѣднихъ шести мѣсяцевъ, отправить въ провинцію для производства земляныхъ работъ. Попытка проведенія въ жизнь этихъ мѣръ вызвала волненіе. Борьба считалась неизбѣжной; правительство, говоритъ Карѣевъ, даже готово было ускорить моментъ столкновенія. Генералъ Кавеньякъ выработалъ планъ уличной борьбы съ пролетаріями. 22-го іюня на большой народной сходкѣ рѣшено было на другой день прибѣгнуть къ возстанію и направить его одновременно и противъ правительства, и противъ національнаго собранія. Рано утромъ 23-го іюня выросли одна за другой баррикады. Попытки Ламартина успокоить народъ оказались безуспѣшными. Рабочіе требовали роспуска національнаго собранія и возстановленія національныхъ мастерскихъ. Уличный бой начался 23-го іюня и окончился только на четвертый день, 26-го іюня. Національное собраніе объявило себя непрерывнымъ и засѣдало цѣлую ночь. На слѣдующій день введено было осадное положеніе и вся исполнительная власть передана была собраніемъ Кавеньяку.

Линейные полки, искавшіе отмщенія за февральскую революцію, національная гвардія, возмущенная требованіями рабочихъ, и такъ называемая подвижная гвардія (guarde mobile), составленная изъ всякаго сброда, соперничали въ жестокости при усмиреніи

возстанія, что заставило и самихъ рабочихъ дойти до крайней степени ожесточенія. Множество домовъ было сожжено, въ другихъ пробиты стѣны, и въ образовавшіеся такимъ образомъ бреши врывались солдаты, убивая всѣхъ встрѣчныхъ. Месть побѣдителей была безгранична. Разстрѣливали даже мирныхъ жителей при малѣйшемъ подозрѣніи. Ледрю-Ролленъ и Луи-Бланъ едва спаслись отъ преслѣдовавшихъ ихъ членовъ національной гвардіи. Терроръ продолжался еще нѣсколько дней послѣ усмиренія возстанія. Къ нему подстрекали нѣкоторыя газеты.

Іюньскіе дни, разумѣется, усилили реакцію и подготовили паденіе самой республики. Такъ какъ по выработанной учредительнымъ собраніемъ конституціи выборъ президента республики порученъ былъ народу, то враждебное настроеніе рабочихъ массъ къ республиканцамъ—подавителямъ ихъ возстанія, въ связи съ старой наполеоновской традиціей, сдѣлалось причиной того, что выборъ палъ на наслѣдника имени великаго императора, Людовика-Наполеона. Послѣдній, разумѣется воспользовался властью, чтобы проложить себѣ,—хотя бы цѣною преступленія, посредствомъ переворота 2-го декабря 1851-го года,—дорогу къ диктатурѣ и имперіи [1]).

Я опустилъ, разумѣется, все то, что случилось во Франціи со времени подавленія іюньскаго возстанія и указалъ наодинъ лишь конечный исходъ событій, благодаря которому вторая республика отошла въ область прошлаго и пришлось прождать почти четверть столѣтія возстановленія во Франціи системы народоправства.

6-го сентября 1848-го года Герценъ пишетъ изъ Парижа друзьямъ и подводитъ итогъ тому, чему научили его недавнія событія. «Въ 1847 году, говоритъ онъ, при всей гадости было сноснѣе. Тогда былъ, по крайней мѣрѣ, порядокъ. Къ нему можно было примѣниться, да и требованія были не тѣ. Четыре первые мѣсяца нынѣшняго года сгубили насъ. Мы такъ откровенно были надуты февральской революціей, мы такъ гордо и такъ свободно ходили, поднявши голову, по улицамъ республиканской столицы; вмѣсто всего этого—зависѣть отъ любого полицейскаго комиссара, отъ агента, отъ перваго встрѣчнаго солдата! Безстыдное собраніе вотируетъ конституцію при существованіи осаднаго положенія. Подлое населеніе приготовляется къ выборамъ въ то время, когда радикальная партія не смѣетъ даже назвать своихъ кандидатовъ. Или въ скоромъ времени должна кровь литься рѣками,

---

[1]) См. Н. Карѣевъ. «Общій курсъ исторіи 19-го в.» стр. 294 и слѣд.

или на время Франція погибла. Изъ глубоко выстраданныхъ трехъ мѣсяцевъ главные результаты таковы. До тѣхъ поръ, пока правительство будетъ идти отъ начала, что спасеніе народа высшій законъ, что личность сама по себѣ ничего не значитъ, что представитель власти выше гражданина, что меньшинство можетъ быть задавлено большинствомъ, разъ это большинство вышло изъ всеобщаго голосованія,—до тѣхъ поръ правительство останется аггресивнымъ, насильственнымъ, монархическимъ даже при республикѣ».

Письмо Герцена долженъ былъ доставить въ Москву Анненковъ. Говоря о его оптимизмѣ и резонерствѣ въ толкованіи событій, «въ отыскиваніи имъ объясненій, и изъ начала необходимости, подобно тому, какъ нѣкогда Бѣлинскій строилъ русскую исторію», Герценъ, просилъ своихъ друзей остерегаться его толкованій, и сознавался: «мнѣ веселѣе было бы видѣть Генриха V-го на тронѣ, чтобы опозорить эту республику, чтобы покончить съ этимъ недоразумѣніемъ. Анненковъ до сихъ поръ защищаетъ, прибавлялъ онъ, пошлую личность Ламартина, а я его ненавижу, ненавижу не какъ злодѣя, а какъ молочную кашу, которая вздумала представлять изъ себя жженку».

Герценъ предвидитъ уже въ этомъ письмѣ, что успѣхъ Франціи на войнѣ, успѣхъ ея надъ австріяками въ Италіи, необходимо поведетъ къ потерѣ республики. «Тутъ-то и будетъ ей карачунъ, и мы спокойно въѣдемъ въ имперію, подъ какимъ бы то ни было именемъ».

Проходитъ еще годъ, и уже изъ Женевы, куда Герцену пришлось бѣжать съ чужимъ паспортомъ послѣ участія въ новой революціонной вспышкѣ 13-го іюня, опять-таки подавленной въ крови, русскій революціонеръ раскрываетъ передъ пріятелями свою душу, говоря: «глупый день 13-го іюня (1849 года), въ который парижскій народъ заплатилъ «Горѣ», т. е. радикаламъ, за іюньскіе дни 1848-го года—вы знаете. Тогда «Гора» не явилась предводительствовать колоссальнымъ возстаніемъ, теперь явилась Гора одна-одинешенька и разбѣжалась, не родивши мыши».

«Демократическая сторона движенія, читаемъ мы далѣе въ письмѣ Герцена, была побѣждена (на протяженіи всей Европы), потому, что была недостойна побѣды. А недостойна побѣды потому, что вездѣ дѣлала ошибки, вездѣ боялась быть революціонной до конца, вездѣ бросалась съ яростью на порожній тронъ и царствовала по своему... Пустымъ людямъ, какъ Ледрю-Ролленъ и Луи-Бланъ—революція не можетъ удасться. Я былъ и теперь еще знакомъ почти со всѣми громозвучными репутаціями рево-

люціи, развалины которыхъ теперь проживаютъ въ Швейцаріи. Есть между ними люди прекрасные, болѣе или менѣе умные; это тѣ, кто наименѣе участвовали въ дѣлѣ или участвовали безъ вѣры. Да и какіе политическіе перевороты возможны въ наше время! Какъ будто достаточно, въ самомъ дѣлѣ, объявить уничтоженіе пролетаріата, всеобщее обученіе, братство и любовь между людьми, чтобы изъ этого что-нибудь вышло. Грядущая революція, поясняетъ далѣе свою мысль Герценъ, должна начать не только съ вѣчнаго вопроса: съ собственности и гражданскаго устройства, а и съ нравственности человѣка... Конецъ политическихъ революцій и восхожденіе новаго міросозерцанія—вотъ что вы должны проповѣдывать. Я попробовалъ эту проповѣдь—успѣхъ превзошелъ мои ожиданія. Отдали справедливость «демонической ироніи», но не только нѣтъ симпатіи къ истинѣ, но, наоборотъ, имѣется враждебное чувство. Самъ Мадзини—величайшій политическій человѣкъ въ наше время—морщится и въ спорѣ со мною отворачивается отъ нѣкоторыхъ истинъ».

Чтобы понять источникъ скептицизма Герцена къ происходившимъ на его глазахъ событіямъ и его сомнѣніе въ томъ, чтобы будущая революція могла быть чѣмъ инымъ, какъ не соціальной,—надо принять во вниманіе подготовку, имъ полученную еще въ бытность его на родинѣ. Развивающее вліяніе оказали на него, какъ и на все поколѣніе, впервые выступившее на арену исторіи въ 30-хъ годахъ, сперва нѣмецкая философія съ Гегелемъ во главѣ, а затѣмъ — французскій сенъ-симонизмъ. Самъ Герценъ говоритъ намъ объ этомъ въ первой части «Былое и думы». «Дѣтскій либерализмъ 26-го года, сложившійся мало-по-малу во французское воззрѣніе, которое проповѣдывали Лафаетъ и Бенмаженъ Констанъ, пѣлъ Беранже, потерялъ для насъ послѣ гибели свою чарующую силу; тогда-то часть молодежи бросилась на глубокое и серьезное изученіе русской исторіи, другая—на изученіе нѣмецкой философіи. Мы съ Огаревымъ не принадлежали ни къ тѣмъ, ни къ другимъ. Вѣра въ беранжеровскую застольную революцію была потрясена. Мы искали чего-то другого, чего не могли найти ни въ Несторовой лѣтописи, ни въ трансцендентальномъ идеализмѣ Шеллинга. Среди этого броженія, среди догадокъ, усилій понять сомнѣнія, пугавшія насъ, попались въ наши руки сенъ-симонистическія брошюры, ихъ проповѣди, ихъ протесты; они поразили насъ. Торжественно и поэтически являлись середь мѣщанскаго міра эти восторженные юноши съ неразрѣзными жилетами и отращенными бородами. Они возвѣстили намъ новую вѣру. Съ одной стороны освобо-

жденіе женщины, призваніе ея на общій трудъ, отданіе ея судебъ въ собственныя ея руки; союзъ съ нею, какъ съ равнымъ; съ другой—оправданіе искупленія плоти. Наше монашеское развратное воображеніе боится плоти, боится женщины. Религія жизни шла отнынѣ на смѣну религіи смерти. Религія красоты на смѣну религіи бичеванія и худобы отъ поста и молитвы. Распятое тѣло воскресало въ свою очередь и не стыдилось больше себя. Человѣкъ достигалъ созвучнаго единства, догадывался, что онъ существо цѣлое, и не составленъ какъ маятникъ изъ двухъ разныхъ металловъ, удерживающихъ другъ друга. Съ сенъ-симонистами новый міръ вторгался въ дверь. Наши души, наши сердца растворились для него. Сенъ-симонизмъ легъ въ основу нашихъ убѣжденій и неизмѣнно остался существомъ ихъ»[1]).

Рѣдко два человѣка расходились больше между собою въ пониманіи ближайшихъ требованій времени и того, что нынѣ называютъ соціальной тактикой, какъ Герценъ и Марксъ. Одинаково поклонники Гегеля, одинаково борцы за эмансипацію народныхъ массъ, одинаково сторонники соціализма,—они съ самаго начала почувствовали неотразимое нерасположеніе другъ къ другу, и полемика между ними продолжена была ихъ сторонниками и послѣ кончины обоихъ. А между тѣмъ и тотъ, и другой, одинаково испытали на себѣ вліяніе сенъ-симонизма. Марксъ разсказывалъ мнѣ, что отецъ его невѣсты, фонъ-Вестфаленъ, самъ убѣжденный сенъ-симонистъ, впервые повелъ съ нимъ, кандидатомъ въ преподаватели философіи въ Бонскомъ университетѣ и горячимъ поклонникомъ Гегеля, разговоры о соціальномъ вопросѣ. Онъ первый породилъ въ немъ желаніе познакомиться съ брошюрами Сенъ-Симона и дѣятельностью сенъ-симонистовъ.

Но тогда, какъ на Маркса сенъ-симонисты и еще въ большей степени Фурье съ его фаланстеромъ, вліяли проповѣдью коммунистической организаціи труда, Герцена, съ его темпераментомъ индивидуалиста и болѣе разрушителя, чѣмъ созидателя, привлекала въ сенъ-симонизмѣ критическая сторона ученія: идея эмансипаціи женщины, протестъ противъ подавленія плоти, призывъ къ свободной любви. Какъ объяснить, что Герценъ могъ пойти впослѣдствіи за одно съ тѣмъ писателемъ, который изъ всѣхъ соціалистовъ болѣе всего оставался проникнутымъ ходячей католической моралью въ только что указанныхъ нами вопросахъ? Какъ случилось, что Герценъ сталъ ближайшимъ сотруд-

---

1) «Былое и думы». Конецъ части 1-ой, изданіе второе собранія сочиненій, стр. 119 и 120.

никомъ Прудона по изданію журнала «La voix du peuple»? Ихъ, разумѣется, не свело одинаковое пониманіе вопроса о нормальномъ отношеніи половъ. Герценъ и впослѣдствіи писалъ о Прудонѣ: «у него есть отшибленный уголъ, и тутъ онъ не исправимъ, тутъ предѣлъ его личности и, какъ всегда бываетъ, за нимъ,—онъ консерваторъ и человѣкъ преданія. Я говорю о его воззрѣніи на семейную жизнь и назначеніе женщины вообще. Какъ счастливъ нашъ N, говаривалъ Прудонъ шутя, у него жена не настолько глупа, чтобы не умѣла приготовить хорошаго потофе, и не настолько умна, чтобы толковать о его статьяхъ. Это все, что надобно для домашняго счастья. Въ этой шуткѣ, прибавляетъ Герценъ, Прудонъ, смѣясь, выразилъ серьезную основу своего воззрѣнія на женщину. Понятія его о семейныхъ отношеніяхъ грубы и реакціонны. Но и въ нихъ выражается не мѣщанскій элементъ горожанина, а скорѣе упорное чувство сельскаго pater familias, гордо считающаго женщину за подвластную работницу, а себя за самодержавнаго главу дома» [1]). Въ Прудонѣ Герценъ оцѣнилъ не теоретика принципа взаимности и не политическаго дѣятеля, а прежде всего разрушителя. «Я многимъ обязанъ Прудону въ моемъ развитіи, пишетъ Герценъ; чтеніе его, какъ и чтеніе Гегеля, даетъ особый пріемъ, оттачиваетъ оружіе, даетъ не результаты, а средства. Прудонъ по преимуществу діалектикъ, контроверсистъ соціальныхъ вопросовъ. Не находя у него ни смѣты фаланстера, ни икарійской управы благочинія, французы пожимаютъ плечами и кладутъ книгу въ сторону». Въ большей части сочиненій соціальнаго характера важны, продолжаетъ Герценъ, не идеалы, которые почти всегда не досягаемы въ настоящемъ или сводятся на какое-нибудь одностороннее рѣшеніе; въ отрицаніи, въ улетучиваніи стараго общественнаго быта страшная сила Прудона. Онъ такой же поэтъ діалектики, какъ Гегель, съ той разницей, что одинъ держится на покойной выси научнаго движенія, а другой толкнутъ въ сумятицу народныхъ волненій, въ рукопашный бой партій». И Прудонъ цѣнилъ въ Герценѣ не его организаторскіе таланты, и не его проектъ будущаго общества, котораго, къ счастью, и не было на лицо, а то, что онъ называлъ «варварскимъ задоромъ» (verve barbare) (письмо Прудона изъ тюрьмы Консьержери отъ 15 сентября 1849 г.). Авторъ «Съ того берега», какъ и авторъ «Экономическихъ противорѣчій», одинаково сходились въ 1849 году въ отрицательномъ отношеніи къ потерявшимъ республику республи-

[1]) Былое и думы ч. 5, гл. 41.

канцамъ. Оба они принимали ихъ за разновидность доктринеровъ. Герценъ писалъ Прудону: «Я знаю одного свободнаго француза, это—вы; ваши революціонеры—консерваторы: они христіане, не зная сами того, и монархисты, сражаясь за республику. Вы одни подняли вопросъ отрицанія на высоту науки, вы первый сказали французамъ, что нѣтъ спасенія внутри разваливающагося зданія, что и спасать изъ него нечего, что сами ихъ понятія о свободѣ и революціи проникнуты консерватизмомъ и реакціей. Политика республиканцевъ не болѣе, какъ варіація на ту конституціонную тему, на которую играютъ свои мелодіи Гизо, Одилонъ-Барро и др.» (Ibid. стр. 153). Это письмо Герцена даетъ выраженіе тѣмъ же мыслямъ, развитіе которыхъ мы находимъ въ его «Западныхъ арабескахъ». «Послѣ іюльскихъ дней, пишетъ Герценъ, я видѣлъ, что революція побѣждена, но вѣрилъ еще въ побѣжденныхъ, въ падшихъ, вѣрилъ въ чудотворную силу мощей, въ ихъ нравственную могучесть. Въ Женевѣ я сталъ понимать яснѣе и яснѣе, что революція не только побѣждена, но что она должна быть побѣжденной; не реакція побѣдила ее; реакція вездѣ оказалась тупой, трусливой. Она вездѣ позорно отступала за уголъ передъ напоромъ народной волны и воровски выжидала времени: въ Парижѣ и въ Неаполѣ, въ Вѣнѣ и Берлинѣ революція пала, какъ Агриппина подъ ударами своихъ дѣтей и, что всего хуже, безъ ихъ сознанія; героизма, юношескаго самоотверженія было больше, чѣмъ разумѣнія, и чистыя благородныя жертвы пали, не зная за что. Несчастье, праздность и нужда внесли нетерпимость, упрямство, раздраженіе...... Эмиграціи разбились на маленькія кучки, средоточіемъ которыхъ стали имена, ненависти, а не начала. Въ раздорѣ между собою, въ личныхъ спорахъ, въ печальномъ самообольщеніи, разъѣдаемые необузданнымъ самолюбіемъ, останавливались вожаки на своихъ неожиданныхъ торжествахъ и не хотѣли снять ни увядшихъ вѣнковъ, ни вѣнчальнаго наряда. Взглядъ, постоянно обращенный назадъ, исключительно замкнутое общество, начало выражаться въ рѣчахъ и мысляхъ, въ пріемахъ и одеждѣ. Новый цехъ — цехъ выходцевъ, складывался и костенѣлъ рядомъ съ другими» (т. 3, стр. 95 и 96). Неувядаемыми красками написалъ Герценъ портреты нѣкоторыхъ изъ этихъ выходцевъ. Въ «Былое и думахъ», проходитъ рядъ революціонеровъ-неудачниковъ, съ которыми приходилось встрѣчаться Герцену. Тутъ и нѣмецкіе разрушители (Umsturzmänner), и члены французской «Горы», и итальянскіе изгнанники. Очень комичны «Баденскіе разрушители»: Густавъ Струве, величаемый генераломъ, и Гейнцель, требовавшій двухъ милліоновъ головъ, чтобы обезпечить

блаженство человѣчества. Семь бичей, по мнѣнію Струве, виновники человѣческаго угнетенія: папа, ксендзы, короли, солдаты, банкиры и т. д. Въ разговорахъ съ Герценомъ Струве проповѣдывалъ какую-то новую демократическую и революціонную религію и говорилъ о душѣ міра. Въ составленномъ имъ календарѣ для вольной Германіи, вмѣсто святыхъ, каждый день былъ посвященъ воспоминанію о двухъ знаменитостяхъ, десятый же назначался въ память враговъ рода человѣческаго, напр., Меттерниха. 25 декабря переставало быть Рождествомъ и становилось праздникомъ жены Струве—Амаліи. Гейнцель озабоченъ былъ мыслью издавать какой-то общій всѣмъ эмиграціямъ журналъ на трехъ языкахъ. «У него не было, пишетъ Герценъ, даже тѣни новой мысли; программа журнала была тысячной варіацией тѣхъ демократическихъ разглагольствованій, которыя составляютъ такую же риторику на революціонные тексты, какъ церковные проповѣди на библейскіе. Демократическая республика, по убѣжденію Гейнцеля, должна сама уладить экономическій вопросъ къ общему удовольствію всѣхъ».

Не менѣе комиченъ типъ зауряднаго французскаго революціонера, нарисованный Герценомъ во образѣ прокурора французской республики въ Ниццѣ—Матье. По случаю декабрьскаго переворота онъ построилъ цѣлый планъ высадки на французскій берегъ въ департаментѣ Варъ, но всего съ экипажемъ, помѣщавшимся на одной лодкѣ. Чтобы обратить его въ бѣгство и избавиться такимъ образомъ отъ докучливаго и смѣхотворнаго агитатора, Карлу Фохту достаточно было намекнуть ему на возможность выдачи его французскому имперскому правительству. И Матье бѣжитъ въ Туринъ, гдѣ изъ устъ министра узнаетъ, что надъ нимъ подшутили. «Революціонеромъ Матье, пишетъ Герценъ, былъ до конца ногтей. Онъ отдался революціи такъ, какъ отдаются лирѣ. Никогда не дерзалъ ни понимать, ни сомнѣваться, ни мудрствовать лукаво, а любилъ и вѣрилъ. Получивъ вѣсть о декабрьскомъ переворотѣ, устроенномъ Людовикомъ-Наполеономъ, онъ внезапно исчезъ изъ принадлежавшей еще Пьемонту Ниццы и возвратился черезъ два дня съ глубокимъ убѣжденіемъ, что Франція поднялась и особенно на югѣ въ департаментѣ Варъ, около Драгиньяна. Главное дѣло состояло, по его мнѣнію въ томъ, чтобы ночью, перейдя Варъ, въ извѣстномъ мѣстѣ собрать людей важныхъ и надежныхъ. Но чтобы жандармы не могли догадаться, было положено съ обѣихъ сторонъ подавать сигналы коровьимъ мычаньемъ. Исполняя этотъ планъ Матье всю ночь мычалъ коровой; нѣсколько разъ, казалось, ему,

онъ слышалъ отвѣтъ; шелъ на сигналъ и находилъ дѣйствительнаго быка или корову. И тѣмъ кончилась вся авантюра». А между тѣмъ возстаніе въ Варѣ было дѣйствительно сильное, народныя массы поднялись и были усмирены оружіемъ съ обычной французской кровожадностью. Отчего же, заканчиваетъ Герценъ, не позаботились узнать Матье и его тѣлохранители, при всемъ своемъ усердіи и мычаніи, гдѣ къ нимъ примкнутъ возставшіе?... Это отсутствіе первоначальнаго уговора, эта игра въ революцію, повторившаяся на протяженіи не одного департамента Варъ, имѣли однако самыя ужасныя послѣдствія. Нѣсколько дней спустя, какъ желтый листъ гонимый вихремъ, пишетъ Герценъ, стали падать на Ниццу несчастныя жертвы подавленнаго возстанія, Ихъ было такъ много, что и Пьемонтское правительство дозволило имъ остановиться какимъ-то цыганскимъ таборомъ возлѣ города. «Сколько бѣдствій и несчастій видѣли мы на этихъ кочевьяхъ. Тутъ были простые земледѣльцы, мрачно тосковавшіе о домѣ, о своей землицѣ и наивно говорившіе: мы хотѣли защищать порядокъ, какъ добрые граждане. Эти мерзавцы (подъ ними разумѣли мэровъ, чиновниковъ) измѣнили присягѣ и долгу, а мы должны теперь умирать съ голоду въ чужомъ краю или идти подъ военный судъ. Тутъ были простые, небогатые буржуа, жалкіе ограниченные люди, усвоившіе себѣ двѣ—три мысли и полумысли объ обязанностяхъ гражданина. Они возстали, увидѣвъ, что ихъ святыня попрана. Это побѣда эгоизма, говорили они о декабрьскомъ переворотѣ. А гдѣ эгоизмъ,—тамъ неизбѣжно порокъ. Надо, чтобы каждый исполнялъ долгъ свой безъ эгоизма. Тутъ были, разумѣется, и городскіе рабочіе — этотъ искренній элементъ революціи, стремящійся декретировать соціальную республику и воздать буржуа и «аристо» въ той же мѣрѣ, въ какой они воздаютъ имъ».

Герценъ ищетъ и не всегда находитъ достаточно сильныхъ словъ, чтобы заклеймить и тѣхъ возстановителей порядка, которые, идя нерѣдко противъ права и жертвуя всѣмъ собственному эгоизму, и въ 1832-мъ г. (Ліонское возстаніе рабочихъ), и въ 1848-мъ и въ 51, не щадили человѣческой крови для сохраненія существующаго или ломки его въ собственныхъ интересахъ.

Въ Ліонѣ проводникъ, показывая ему на одну террасу, сказалъ: «Сюда загнали солдаты и національная гвардія работниковъ въ 32-мъ году. Какъ они столпились тамъ, на нихъ вдругъ открылся пушечный огонь изъ-за Роны. Сойти имъ было некуда. Назадъ двинуться невозможно, дороги узки и вездѣ штыки, ну, тутъ ихъ и покончили картечью!» Не менѣе жестоко было пода-

вленіе попытокъ отстоять республику отъ успѣшнаго заговора бонапартистовъ. Разсказавъ объ усердіи французской полиціи и жандармовъ, продолжавшихъ стрѣлять въ раненыхъ и тѣмъ препятствовать ихъ побѣгу, Герценъ останавливается затѣмъ на усердіи мэровъ, ихъ помощниковъ, прокуроровъ республики и префектовъ. Оно сказалось при подсчетѣ голосовъ, поданныхъ за плебицистъ, сдѣлавшій Людовика-Наполеона пожизненнымъ президентомъ и проложившій ему путь къ имперіи. По ту сторону Вара, который въ это время составлялъ границу Франціи, въ любомъ мѣстечкѣ можно было видѣть, по словамъ Герцена, мэра и жандармовъ, сидящими возлѣ урны и наблюдающими за тѣмъ, какъ кто кладетъ свой бюллетень. Съ истинно сельской простотой они тутъ же грозили свернуть въ бараній рогъ всякаго бунтовщика. Казенные бюллетени были отпечатаны на особой бумагѣ; ихъ легко было отличить отъ неказенныхъ; немудрено, если находилось всего на всего пять - десять безпардонныхъ смѣльчаковъ, готовыхъ подать голосъ противъ плебисцита. Остальные и вся Франція вотировали имперію in spe» [1]).

Но бичуя новую феодальную знать въ лицѣ французской буржуазіи, заступившей мѣсто земельной аристократіи и безжалостнымъ эгоизмомъ которой сами современники, по словамъ Герцена, объясняли преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ идейными въ эпоху Іюльской монархіи, не находя достаточно сильныхъ проклятій для тѣхъ политическихъ авантюристовъ, которые какъ Людовикъ-Наполеонъ, не отступали, по выраженію Гюго, и передъ преступленіемъ лишь бы забрать въ свои руки, вмѣстѣ съ властью, и деньги, обвиняя буржуазію въ томъ, что у нея нѣтъ другой религіи, кромѣ вѣры въ собственность со всѣми вытекающими изъ нея римско-феодальными послѣдствіями (т. V-й стр. 46), Герценъ не щадилъ и революціонеровъ по карьерѣ, готовыхъ рисковать жизнью сотенъ и тысячъ человѣкъ для того, чтобы имѣть возможность драпироваться въ тогу римскаго трибуна и вызывать восторги въ тѣсномъ кружкѣ поклонниковъ, лишенныхъ всякой инициативы и всякой способности критическаго отношенія къ своимъ идоламъ. Онъ бережно относился къ крови народной и не готовъ былъ считать героемъ всякого, кто на свой страхъ предпринимаетъ устройство революціонныхъ вспышекъ съ тѣмъ, чтобы на чужбинѣ кичиться своимъ временнымъ и преходящимъ величіемъ. То, что французы называютъ la bosse de l'admiration,—способность преклоненія передъ лицами, исполняющими главныя роли на сценѣ исторіи, во-

[1]) «Былое и думы», гл. 42-ая, стр. 174-я.

обще не свойственна была Герцену. Характерно въ этомъ смыслѣ его отношеніе къ Ламартину. Вотъ какими чертами рисуетъ онъ его въ роли народнаго оратора: «Онъ говорилъ своимъ извѣстнымъ напыщеннымъ слогомъ; его рѣчи были похожи на взбитые сливки: кажется, берешь нѣсколько капель молока съ сахаромъ». А вотъ общая оцѣнка дѣятельности всего временнаго правительства 48-го года: «Почему именно этимъ людямъ, спрашиваетъ Герценъ, попалась въ руки судьба народа, освободившагося за минуту до того? Какъ они стали правителями? Знали они что-нибудь о желаніяхъ, о нуждахъ народа? Подвергались ли они за него смерти? Они ли побѣдили или можетъ у нихъ была мысль новая, плодовитая; поняли ли они лучше другихъ современное зло, придумали ли они средство ему помочь?

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Они заняли мѣсто потому, что нашлись люди довольно смѣлые, чтобы выбирать ихъ не на баррикадахъ, а въ бюро журналовъ, чтобы провозглашать ихъ имена не на мѣстѣ битвы, а въ набитой народомъ камерѣ. Народу не дали опомниться,—временное правительство явилось передъ нимъ совсѣмъ не кандидатами, а готовымъ правительствомъ. Ламартинъ и люди National во главѣ движенія были великимъ несчастіемъ для Франціи. И что могло выйти изъ двуглаваго правительства, руководимаго Ламартиномъ и Ледрю-Ролленомъ? Ледрю-Ролленъ хотѣлъ во что бы то ни стало утвердить республику, Ламартинъ— обуздать революцію; Ледрю-Ролленъ шелъ въ правительство для того, чтобы двигать впередъ, Ламартинъ для того, чтобъ подставлять ногу, чтобъ тормозить движеніе. Ледрю-Ролленъ хотѣлъ нести революцію въ Бельгію и Германію, Ламартинъ въ мартѣ мѣсяцѣ писалъ въ Швейцарію, чтобъ не очень настаивали на признаніи республики: «мы де не знаемъ, прочна ли она?»

Ламартинъ въ концѣ концовъ, нехотя провозгласилъ республику. Многіе роптали; чтобы ихъ успокоить, приставили къ Ламартину и Ледрю-Роллену Луи Блана, котораго работники любили; другіе члены правительства проскользнули какъ-то незамѣтно. И вотъ какъ совершился великій актъ водворенія новой республики. Она объявляла себя съ самаго начала со своимъ трехцвѣтнымъ знаменемъ — мѣщанской; она не разрывала съ прошлымъ и, слѣдовательно, необходимо должна была встрѣтиться съ республикой ожидаемой и встрѣтиться злѣе, нежели монархія».

Тьеру приписываютъ слова о республикѣ: «она будетъ консервативной или ея не будетъ вовсе». Герценъ придерживается противоположной точки зрѣнія: онъ полагалъ что рес-

публика погибла во Франціи потому, что не рѣшилась развернуть во всей его широтѣ соціальный вопросъ, а когда онъ развернутъ былъ самимъ народомъ,—для его вразумленія не побоялись прибѣгнуть и къ картечи. «Временное правительство,—пишетъ Герценъ, приняло за главный вопросъ успокоить среднее состояніе во Франціи и встревоженныя правительства въ Европѣ. Оно не вѣрило въ свое собственное дѣло и оттого погубило его. Оно хотѣло *какъ-нибудь* уладить республику, *какъ-нибудь* удержать миръ—и достигло цѣли. Оно боялось порвать съ прежнимъ порядкомъ; новой, государственной, построяющей мысли у него не было; отсюда это непріятное, нестройное колебаніе между разными направленіями: то является законъ, основанный на соціализмѣ, то чисто монархическое распоряженіе; въ однѣхъ мѣрахъ видно блѣдное подражаніе комитету общественнаго спасенія; въ другихъ остался весь характеръ конституціоннаго королевства. Люди, судившіе и рядившіе Францію, а съ ней вмѣстѣ и всю Европу, ни разу не подумали, чѣмъ собственно должна отличаться новая республика отъ старой монархіи» [1]. Всеобщая подача голосовъ, организація труда—вотъ чего хотѣла февральская революція и чего не осмѣливалось оспаривать временное правительство. Но грубое непониманіе вопроса и механически-холодное разрѣшеніе его привели къ тому, пишетъ Герценъ, что всеобщая подача голосовъ убила организацію труда. Герценъ обвиняетъ временное правительство въ томъ, что оно дало себя знать крестьянамъ установленіемъ добавочнаго налога въ 45 сантимовъ. «Нелѣпость этой мѣры, пишетъ онъ, превышаетъ всякое человѣческое пониманіе. Она оскорбила земледѣльцевъ, она возстановила ихъ противъ республики». Но откуда брать деньги? Сэръ Робертъ Пиль, конечно, не революціонеръ, отвѣчаетъ Герценъ, прибѣгнулъ же онъ, тѣмъ не менѣе, къ подоходному налогу? Послѣ кроваваго подавленія рабочаго возстанія въ іюньскіе дни народъ, по словамъ Герцена, разстался съ революціонерами именно потому, что остался вѣренъ революціи. Но революція не остановилась; вмѣсто неосторожныхъ попытокъ и заговоровъ, рабочій думаетъ крѣпкую думу. Съ тѣхъ поръ, какъ грубая рука полиціи закрыла клубы и избирательныя собранія, трибуна работниковъ перенеслась въ деревню. Въ груди крестьянина собирается тяжелая буря» [2].

Предсказаніямъ Герцена на этотъ разъ не суждено было

---

[1]) т. V, стр. 12.
[2]) Ibid. стр. 51.

сбыться: 2 декабря, подготовленное народнымъ недовольствомъ создало не республику, а имперію. «То, что не удалось революціонерамъ 15-го мая бѣлымъ днемъ во имя свободы, то удалось Людовику-Наполеону и полицейскимъ сыщикамъ темной ночью во имя насилія. Республика пала, зарѣзанная по-корсикански, по-разбойничьи, при обманѣ изъ-за угла».

Герцену не пришлось дожить до возстановленія республики во Франціи. Былъ ли бы онъ доволенъ теперешнимъ порядкомъ ея учрежденій? Я полагаю, что нѣтъ. Въ правѣ ли мы думать, что новѣйшій ходъ событій измѣнилъ бы его увѣренность въ томъ, что старый міръ болѣе или менѣе сходитъ со сцены и что одна Россія—эта, какъ онъ выражается падчерица, эта Сандрильона между европейскими народами, призвана подарить міръ новыми порядками справедливости въ виду того, что въ ней одной уцѣлѣло общинное устройство и коллективное землевладѣніе?

То, что держалось въ его время—близится къ разрушенію подъ ударами, наносимыми новыми ревнителями порядка, радикально разошедшимися съ стариннымъ пониманіемъ общественныхъ устоевъ нашего отечества. Вожаки народные по прежнему мудрятъ надъ нимъ, полагая, что они призваны обойтись безъ его совѣта при устройствѣ его судебъ; представительныя палаты такъ же мало выражаютъ дѣйствительныя его нужды и желанія, какъ и тѣ, какія созываемы были въ эпоху обѣихъ реставрацій во Франціи или въ начальный періодъ конституціоннаго движенія въ различныхъ королевствахъ и герцогствахъ Италіи. Народъ по прежнему думаетъ свою глубокую думу и хранитъ про себя свое недовольство. Самозванные глашатаи его велѣній озабочены мыслью о сохраненіи занятыхъ ими мѣстъ и легко пріобрѣтенной ими популярности.

Въ странахъ, гдѣ нѣтъ и помина о прямомъ выборѣ депутатовъ народомъ, гдѣ землевладѣльцы и священники, руководимые своимъ ближайшимъ начальствомъ, опредѣляютъ результатъ выборовъ, а бюрократія по прежнему диктуетъ свои велѣнія послушнымъ палатамъ, тамъ будущее рисуется въ образѣ неограниченныхъ возможностей. Но «прошлое чревато будущимъ», сказалъ еще Паскаль. Безъ всякаго самообольщенія, безъ всякихъ притязаній на ясновидѣніе, историкъ и общественный дѣятель вправѣ воспользоваться накопленнымъ опытомъ прошлаго для того, чтобы предсказать, куда мы идемъ. И вотъ почему тотъ живой и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкій анализъ психическихъ мотивовъ неудавшихся переворотовъ первой половины прошлаго столѣтія, какой сдѣланъ былъ Герценомъ, заслуживаетъ одновременно и благодарной памяти, и неустаннаго

изученія. Воздаваемая ему похвала по случаю столѣтняго юбилея со дня его рожденія необходимо должна обнять и ту оцѣнку событій его времени, какую заключаютъ въ себѣ «Былое и думы», «Письма изъ Франціи и Италіи», «Европейскія арабески» и рядъ другихъ болѣе мелкихъ, но не менѣе замѣчательныхъ очерковъ.

Въ лицѣ Герцена мы вообще имѣемъ первую нашу живую связь съ западомъ. Онъ жилъ его интересами, никогда не теряя изъ вида своей родины, такъ какъ понималъ столько же умомъ, сколько и сердцемъ, что задачи прогрессирующаго человѣчества всюду едины. Быть можетъ въ томъ отношеніи, въ какое Герценъ сталъ къ людямъ, подымающимъ народъ противъ власти безъ достаточной оцѣнки дѣйствительнаго соотношенія силъ и при отсутствіи вполнѣ опредѣленной программы, мы найдемъ для себя и кое-что поучительное. На современниковъ сильное впечатлѣніе производили, какъ производятъ до сихъ поръ на меня, слѣдующія слова Герцена въ его извѣстномъ сборникѣ съ «Того берега»: «Видѣть исполняющимися всѣ лучшія пожеланія, всѣ задушевныя надежды, видѣть возможность ихъ осуществленія, и пасть такъ глубоко и такъ низко, все утратить, и не въ бою и не въ борьбѣ съ врагомъ, а отъ собственнаго безсилія, неумѣнія». Такъ передавалъ Герценъ то настроеніе, въ какое сперва быстрый ростъ революціи, а затѣмъ не менѣе быстрое ея паденіе на Западѣ, привели русскихъ обновленцевъ, попавшихъ по велѣнію судьбы на тотъ берегъ и принужденныхъ такимъ образомъ оставаться, какъ онъ выражается, «зрителями, вѣчными зрителями, жалкими присяжными, которыхъ приговоръ не исполняется» [1]). Хотя событія, среди которыхъ протекла жизнь Герцена, начиная со времени почти вынужденнаго оставленія имъ своего отечества въ 1847 году, и переживаемое нами время отдѣлены другъ отъ друга почти тремя четвертями столѣтія, но можно сказать безъ преувеличенія, что многіе изъ моихъ современниковъ найдутъ въ приведенныхъ словахъ вѣрную передачу собственныхъ настроеній. Мы также пережили иллюзіи и страдаемъ разочарованіемъ; мы также мнили себя близкими къ цѣли и оказались весьма далекими отъ нея. Мы въ правѣ при справедливой оцѣнкѣ нашей дѣятельности, повторить слова Герцена, что многое утрачено по собственному безсилію и неумѣнію; но наше положеніе тѣмъ тягостнѣе, что, въ отличіе отъ Герцена, мы стоимъ на собственномъ берегу и являемся не только свидѣтелями, но и участниками того освободительнаго движенія, зарю котораго мы привѣтствовали нѣсколько лѣтъ тому назадъ

[1]) „Vixerunt“, Сочиненія Герцена, томъ V, стр. отъ 206 по 224.

и которая, при дальнѣйшихъ ошибкахъ, легко можетъ закатиться на нашихъ глазахъ.

При внимательномъ чтеніи всего сказаннаго Герценомъ о причинахъ неудачи освободителей 1848-го года необходимо приходишь къ заключенію, что разбродъ, неспособность согласиться насчетъ общей программы, выступить дружно и одновременно,—лежитъ въ основѣ ихъ неуспѣха. Либералы сводили счеты съ радикалами, радикалы не пришли на помощь рабочимъ, а рабочіе потеряли вѣру въ необходимость спасать республику и допустили возстановленіе самовластія. Да послужитъ это предостерегающимъ урокомъ тѣмъ, кто не видитъ необходимости единенія оппозиціи въ борьбѣ со все еще усиливающейся реакціей. Только отказавшись на время отъ междупартійныхъ споровъ и признавая своимъ союзникомъ всякаго, кто даетъ утвердительный отвѣтъ на поставленные на очередь вопросы,—оппозиція можетъ усилить свое положеніе и обезпечить себѣ, если не побѣду, то, по крайней мѣрѣ, болѣе серьезное признаніе. «Viribus unitis»—долженъ быть лозунгомъ тѣхъ, кто на ближайшихъ выборахъ будетъ служить идеи прогресса.

Максимъ Ковалевскій.

ИЗЪ СЕЛЬСКИХЪ РАЗСКАЗОВЪ П. РОЗЕГГЕРА.

I.

Исторія упрямой Ганнеле.

Между лѣсомъ и лугомъ стоялъ дворъ Висмейеровъ, какъ онъ и теперь еще стоитъ. Молоденькая Ганнеле была дома совсѣмъ одна; она, да еще большая сѣрая кошка; всѣ другіе разошлись, разъѣхались, разлетѣлись. Всѣ домашніе ушли на свадьбу въ деревнѣ. И Ганнеле слѣдовало бы быть тамъ, такъ какъ вѣнчалась ея родная сестра, но она сказала, что не желаетъ видѣть такихъ глупостей. Вѣдь, ей самой, Ганнеле, могъ бы достаться этотъ женихъ, но не по душѣ ей были мужчины. И все-таки она бы взяла его, если бы знала, что его подцѣпитъ сестра—лицемѣрка-то какая! Нѣтъ, на такую свадьбу не стоитъ ходить, во сто разъ лучше сидѣть дома съ сѣрой кошкой.

Что ты мнѣ дашь, любопытный читатель, за то, что я опишу тебѣ Ганнеле? Дѣвушка такъ хороша, что обычной цѣны тутъ недостаточно. Вотъ, напримѣръ, Степанъ Люгеръ, предлагалъ ей домъ свой и дворъ, и не получилъ ее. Андерль— такъ тотъ и честь свою готовъ былъ отдать, такъ какъ ради Ганнеле хотѣлъ бросить свою невѣсту, но она отказалась и отъ него. А дровосѣкъ Фейтль теряетъ изъ-за нея все счастье своей жизни, — и все-таки ему не купить ее. У нея мягкіе, какъ шелкъ, волосы, красновато-золотистые, которые вьющимися кольцами падаютъ на лобъ и капризными змѣйками спускаются

на круглую шею. Такія змѣйки—опаснѣе всѣхъ змѣй; онѣ—сродни той змѣѣ, которая была въ раю. Но еще соблазнительнѣе были ея глаза, зеленые, какъ морская волна, отѣненные длинными, слегка изогнутыми рѣсницами; взглянетъ, словно обожжетъ. Къ счастью только взглядывала-то она рѣдко. А тонкій, прямой носикъ,—такой очаровательный; а яркія, красныя губы! Эти единственныя въ своемъ родѣ губы воспрещено закономъ описывать подробнѣе, такъ какъ многіе изъ тѣхъ, кто ихъ видѣлъ и не могъ поцѣловать, лишились разсудка. Не такъ опасно, однако, было слушать то, что слетало съ этихъ губъ,—мы увидимъ дальше.

Такъ вотъ эта дѣвушка и была одна во всемъ дворѣ Висмейеровъ. Она готовила рыбу къ обѣду. Сѣрая кошка ходила по столу и терлась объ дѣвушку, и ея длинный, пушистый хвостъ щекоталъ щеку Ганнеле. Дѣвушка, по совѣсти говоря, была очень не въ духѣ, но то, что кошка ласкалась къ ней, успокоивало ее.

Вдругъ Ганнеле пріостановила свою работу и прислушалась. Прогремѣли по дорогѣ колеса и стихли у дома. Что бы это могло быть? Неужели женихъ соскучился на свадьбѣ? Она выглянула. Видитъ: телѣжка въ одну лошадь; на козлахъ сидитъ старый Рукеръ съ маленькимъ коричневымъ лицомъ и сѣдыми усами. А позади — узлы, вещи и дровосѣкъ Фейтль. Господи, помилуй! Опять этотъ Фейтль! Три раза онъ подъѣзжалъ къ ней со своей любовью, и три раза она обливала его холодной водой. А статный все-таки парень! Какъ онъ съ повозки сошелъ! Не чета ему сестринъ женихъ. Все на немъ—праздничное, хоть и понедѣльникъ сегодня. Въ рукахъ палка, хоть ноги-то молодыя; и видъ серьезный-пресерьезный,— не узнать, какой онъ весельчакъ. Что такое случилось? Вотъ онъ подходитъ къ двери, нажимаетъ ручку,—но дверь заперта.

— Дома ли кто?—кричитъ онъ. Боже, какой у него хриплый голосъ сегодня!—Дома ли кто?—снова кричитъ онъ, уже погромче и неистово дергаетъ за ручку. Ганнеле беззвучно двигается по комнатѣ и нерѣшительно потираетъ руки. Онъ хочетъ войти,—что ей дѣлать? Открыть? Онъ войдетъ. Не открывать? Онъ останется за дверью.

— Ты что же? Боишься меня?—кричитъ парень.

Что онъ сказалъ? Теперь она подходитъ къ окну:

— Боюсь? Ха-ха! Развѣ ты сталъ другимъ, или я другая стала?

— Тогда открой, Ганнеле! Хочу тебѣ сказать что-то важное. Въ послѣдній разъ я безпокою тебя.

Какъ торжественно! Она пошла къ двери и отодвинула тяжелый деревянный засовъ, чтобы показать ему, что вовсе не боится. Фейтль, нахлобучивъ свою коричневую шляпу на самый лобъ, переступивъ порогъ, прошелъ мимо нея въ комнату, точно въ домѣ господинъ—онъ, а она—служанка. Откуда только этотъ человѣкъ набрался такой дерзости? Она пошла за нимъ, остановилась посреди большой комнаты и, подбоченясь, спросила:

— Ну? за что мнѣ такая честь?

— Ганнеле!—сказалъ онъ. Голосъ у него срывался и молодое лицо передергивало. — Хочу пожелать тебѣ счастливо оставаться... Я уѣзжаю.

— Отчего не ѣхать? никто не держитъ,—былъ ея отвѣтъ.

— Да, можешь радоваться теперь, Ганнеле! Уѣду и будешь отдыхать отъ меня... всю жизнь.

Ганнеле стала внимательнѣе.

— Сейчасъ Рукеръ отвезетъ меня въ Тальгамъ, на вокзалъ,—продолжалъ Фейтль прерывистымъ голосомъ. — Ѣду въ Америку.

Ганнеле помолчала, а затѣмъ произнесла:

— Такъ ѣдешь въ Америку. Туда, говорятъ, путь мокрый, мокрый!

— Ты, можетъ быть, слыхала, что изъ Бабельбаха, изъ Сентъ-Георга выѣзжаетъ партія эмигрантовъ, такъ вотъ и я съ ними.

— А чѣмъ ты сытъ въ дорогѣ будешь?—Въ ея словахъ не было ни любопытства, ни участія,—а только насмѣшка.

Онъ отвѣтилъ спокойно:

— Въ субботу я получилъ черезъ судъ маленькое наслѣдство отъ отца. Деньги небольшія, правда, но я хочу съ ними что-нибудь начать.

Ганнеле провела по стѣнѣ рукой, точно хотѣла выглянуть въ окно.

— Что-жъ? задумалъ ты правильно. Поѣзжай съ Богомъ! Въ Америкѣ, говорятъ, все купить можно,—даже людей... если не даются даромъ.

— Рабовъ мнѣ не надо,—отвѣтилъ онъ, не обращая вниманія на обидную насмѣшку.—Какъ будетъ житься, не знаю. Трудно приходится нашему брату, особенно сначала. Сколько людей пропадаетъ!

— Тебѣ хорошо будетъ. Я желаю тебѣ всего лучшаго,—сказала она, но слова были холодныя, точно ледяныя сосульки, которыя падаютъ въ оттепель съ крыши.

— Не знаю, отчего это, — сказалъ парень и сталъ разсматривать свои ногти, точно хотѣлъ убѣдиться, въ порядкѣ ли они,—ни отца съ матерью у меня нѣтъ, ни сестеръ, ни братьевъ, а все-таки уѣхать тяжело. Трудно. Хоть бы одинъ человѣкъ нашелся, на прощанье доброе слово проговорилъ, отъ чистаго сердца сказалъ бы: «Богъ въ помощь». И чтобы не забыли меня, когда уѣду.

— Кто уѣзжаетъ такъ далеко, тотъ долженъ знать, что его забудутъ,—разсмѣялась Ганнеле.

— И больше ты мнѣ ничего не скажешь?

— Больше? Скажу: «Богъ въ помощь!»

Фейтль молчалъ. У печки мурлыкала сѣрая кошка. Вдругъ онъ подошелъ къ дѣвушкѣ ближе, впился взглядомъ въ ея лицо и проговорилъ тихо, но отчетливо:

— И ты въ правду повѣрила, что я ѣду въ Америку? Такъ и повѣрила? Думала, что начну тамъ работать безъ тебя, когда я и здѣсь пересталъ? Что только за тѣмъ дѣло и стало, чтобы черезъ море переѣхать? Такъ нѣтъ, я долженъ тебѣ сказать, Ганнеле, что не въ Америку я ѣду, а много дальше!

— У-ухъ! Еще дальше? Куда же это?

— Вотъ, покажу тебѣ сейчасъ паспортъ, — промолвилъ Фейтль, засунувъ руку во внутренній карманъ, куда обыкновенно прячутъ бумажникъ или молитвенникъ, и вынулъ оттуда револьверъ.

Дѣвушка всплеснула руками почти весело:

— Въ разбойники собрался?

— Ганнеле, — сказалъ Фейтль, держа револьверъ передъ собой обѣими руками, точно взвѣшивая его,—прошлое воскресенье, когда ты мнѣ дала отвѣтъ, что... Нѣтъ, я не могу, не могу и думать...

— Да, да, знаю ужъ. А дальше?

— Я послѣ того прямо пошелъ въ рынокъ и купилъ тамъ эту штучку. Не хочешь меня живымъ, можетъ быть, мертвымъ больше по душѣ буду.

— Эхъ, парень, парень!—сказала Ганнеле съ выраженіемъ удивленія, явно притворнымъ. — Неужто ты изъ-за меня себя прикончить хочешь?

— А я вотъ и разыграю эту комедію,—съ горечью произнесъ Фейтль.—Не скоро найдется другой, который бы то же продѣлалъ. Будешь потомъ вспоминать на старости лѣтъ: изъ-за меня, молъ, парень застрѣлился.

— Будто это ужъ такая рѣдкость! Если у мужчины не

хватаетъ даже храбрости пустить себѣ пулю въ лобъ, то что это за мужчина?

— Ганнеле,—сказалъ Фейтль слегка дрожащимъ голосомъ,—кинешь мнѣ горсть земли въ могилу?

— Въ могилѣ у тебя и такъ довольно земли будетъ,—отвѣтила дѣвушка.

— Насмѣшка, опять насмѣшка,—вскипѣлъ Фейтль.—Берегись, дѣвушка! Когда-нибудь будешь сама откапывать меня изъ-подъ земли окровавленными руками, но...

— Но что? Что еще выдумаешь?

— Но меня тамъ не будетъ!—воскликнулъ Фейтль.

— Долго ли мнѣ ждать еще тутъ?—закричалъ съ повозки старый Рукеръ, лошадь котораго нетерпѣливо била копытомъ землю.—Кончай скорѣе, Фейтль, не то достанется тебѣ отъ Катерины, что ей такъ долго приходится ждать.

— Слышишь?—спросилъ парень у дѣвушки, пряча револьверъ въ мѣшокъ. На лицѣ его широкая улыбка смѣнила прежнюю печаль.—Ай-ай! Ганнеле! Ты и этому повѣрила? Ты повѣрила, что изъ-за тебя человѣкъ и въ Америку бѣжитъ, и стрѣляться хочетъ? Дѣвченка ты еще, а не дѣвушка.

Ганнеле вся сжалась, но не сказала ни слова.

— О, нѣтъ, моя голубка,—продолжалъ онъ,—и за море не уѣду, и въ землю не лягу. Я отъ тебя еще дальше уйду. Въ Америку ты бы могла за мной поѣхать, на могилу могла бы цвѣтовъ принести, святой водой полить и сказать: «Тутъ покоится мой любезный!» Нѣтъ, такъ легко я тебѣ не дамся! Въ ту страну, куда я ѣду, всѣ пути тебѣ заказаны. Я вступаю въ законный бракъ, и Рукеръ сейчасъ свезетъ меня въ Тальгамъ, въ ресторанъ «Липы», гдѣ служитъ красивая кельнерша Катерина. Мы сговорились съ нею на сегодня, и вотъ я по дорогѣ завернулъ къ тебѣ сказать тебѣ: «Оставайся съ Богомъ, не поминай лихомъ!» А теперь мнѣ пора.

— Проклятое отродье!—закричала вдругъ Ганнеле и швырнула скалкой въ дремавшую у печки кошку. Кошка въ два прыжка очутилась на верху печки и сбросила оттуда старый горшокъ, разбившійся въ дребезги. Изъ темнаго угла сверкали ея зеленые глаза.

Фейтль спокойно направился къ выходу. Ганнеле съ громкимъ смѣхомъ закричала ему въ слѣдъ, что онъ, молъ, за мужчина, если даже старой кошки боится? И не будетъ ли онъ такъ добръ поймать эту сумасшедшую тварь, чтобъ она не разбила всю посуду?

На эту удочку Фейтль попался. Онъ вернулся назадъ, и началась погоня за кошкой. Кошка прыгнула съ печки на стѣнную полку, свалила оттуда мѣдный подсвѣчникъ, затѣмъ вспрыгнула на столъ въ кучу соли, и тутъ она окончательно ошалѣла: чихала, прыскала, мяукала, прыгала со скамейки на скамейку, лѣзла на стѣну, сбрасывая по дорогѣ всѣ вещи на полъ, и, наконецъ, спасаясь отъ протянутыхъ рукъ парня и грозно поднятой метлы Ганнеле, она забилась подъ большой шкафъ. Теперь ужъ съ ней ничего нельзя было подѣлать, и потому Ганнеле поставила метлу у стѣны, отвернулась въ уголъ и стала тихо плакать.

Фейтль спросилъ ее, не ушиблась ли она.

Ганнеле продолжала плакать навзрыдъ и не могла проронить ни слова; наконецъ она стала причитывать и жаловаться на невѣрность мужчинъ. Если дѣвушка соблюдаетъ себя и не поддается соблазнамъ милаго, то онъ сейчасъ бѣжитъ къ другой и ее же винитъ во всемъ.

Фейтль стоялъ посреди комнаты и говорилъ:

— Вотъ какъ! Это называется соблюдать себя—быть такой жестокой? Ты готова была допустить, чтобы я уѣхалъ въ Америку, чтобы я съ отчаянія покончилъ съ собой,—ужъ больно хорошо соблюдала ты себя! А теперь, Ганнеле, въ концѣ концовъ ты все-таки пойдешь за меня?

— Конечно,—закричала дѣвушка и хотѣла броситься къ нему.

Фейтль отступилъ назадъ:

— А я тебя не хочу!

Онъ пошелъ къ двери, вскочилъ въ повозку и уѣхалъ по направленію въ Тальгамъ.

Мучительный это былъ день для Ганнеле, и еще мучительнѣе былъ вечеръ, когда сестра вернулась домой со своимъ молодымъ мужемъ. Всѣ мысли, вся душа дѣвушки были тамъ въ ресторанѣ «Подъ липами». Это былъ адъ, но все-таки она не могла оторвать своихъ мыслей отъ ресторана «Подъ липами», гдѣ, какъ она думала, происходила свадьба самаго глупаго мужчины съ самой скверной женщиной.

Но самый глупый мужчина не доѣхалъ до Тальгамъ; а невдалекѣ отъ него, у лѣсопильни, онъ слѣзъ съ повозки и смѣясь, одарилъ Рукера щедрымъ «спасибо». Старый Рукеръ и не ждалъ отъ дровосѣка другой платы и весело поѣхалъ дальше въ Тальгамъ, къ ткачу, отвезти ему узлы съ шерстью.

Фейтль искалъ работы на лѣсопильнѣ и получилъ ее въ лѣсничествѣ возлѣ Бруннерберга. Онъ нанялся въ качествѣ дровосѣка на цѣлый годъ. А Америка? Эхъ, кто поѣдетъ въ Америку, если и дома можно обернуться! А револьверъ? Эхъ, кто станетъ стрѣляться, когда столько рѣзвыхъ козочекъ бѣгаетъ по зеленому лѣсу! А женитьба? Ха-ха! Зачѣмъ человѣку выбирать одну, если десять другихъ приходятъ въ неистовство, когда узнаютъ объ этомъ! Такъ и будемъ жить по старому.

Горныя дороги въ лѣсу крутыя, деревья крѣпко сидятъ корнями въ землѣ, но нашъ дровосѣкъ полонъ силъ и бодрости. Въ будни за работой онъ радуется, что въ воскресенье можно будетъ повеселиться; въ праздникъ—радъ вернуться къ работѣ. Зимою онъ ждетъ лѣта, когда легче рубить деревья; лѣтомъ онъ ждетъ зимы, когда на полозьяхъ легче спускать бревна въ долину. А Ганнеле—просто негодница, и онъ о ней больше не думаетъ.

Но Ганнеле—женщина, и она много думаетъ о томъ, какъ снова завоевать ушедшаго изъ-подъ ея власти парня. Для нея было большимъ утѣшеніемъ, что съ кельнершей изъ «Липъ» ничего не вышло. Но тяжело огорчало ее то, что Фейтль, встрѣчаясь съ ней по дорогѣ въ церковь, проходилъ мимо совершенно равнодушно, точно эта была не она, Ганнеле, а придорожный крестъ. Хуже того: передъ крестомъ онъ набожно снималъ свою зеленую шляпу, а ей не кланялся вовсе и дѣлалъ видъ, что передъ нимъ не Ганнеле, а просто воздухъ, и къ тому же какъ будто не очень свѣжій, потому что онъ при этомъ морщилъ носъ.

Все-таки утѣшительнымъ признакомъ было то, что онъ держался такъ гордо и неприступно: это значитъ, что она ему не безразлична. Если ужъ онъ не любитъ ее, то по крайней мѣрѣ хоть ненавидитъ, а это ужъ нѣчто... Ганнеле, хоть и молода, но понимаетъ это.

Кромѣ того: если онъ пускался на хитрости, то и она можетъ. Конечно, никто не повѣритъ ей, что она ѣдетъ въ Америку; что она хочетъ стрѣляться тоже, вѣроятно, не повѣрятъ; а что живую ее возьмутъ на небо,—и разсказывать не стоитъ... Хорошо было бы пустить слухъ, что она выходитъ замужъ; но если потомъ ничего изъ этого не выйдетъ, будетъ неладно. Что бы придумать?

Въ одинъ прекрасный день распространилась большая новость. Священнику изъ С.-Георга была довѣрена эта тайна, и онъ въ проповѣди для назиданія объявилъ ее. Дочь Висмейеровъ идетъ въ монастырь.

«Жаль такую красотку»,—говорили нѣкоторые мужчины, которые видѣли ея хорошенькое личико. Но когда въ тотъ же день по дорогѣ изъ церкви Ганнеле встрѣтила дровосѣка Фейтля, она, правда, не видѣла, какое у него выраженіе лица, такъ какъ не подымала глазъ отъ земли, но слышала отлично, что онъ свистѣлъ; онъ насвистывалъ веселую пѣсню:

Башмачекъ свой въ танцахъ
Потеряла я.

А въ одну изъ слѣдующихъ ночей, когда въ лѣсопильнѣ у Бруннберга все стихло, и дровосѣки, одинъ за другимъ, улеглись въ своемъ баракѣ на соломенныхъ тюфякахъ, Фейтль говорилъ во снѣ: «Негодница право... Въ монастырь, въ монастырь! Тамъ ей не нужно того, чего у нея нѣтъ»...

— Это онъ про Ганнеле Висмейеровъ,—прошепталъ одинъ изъ рабочихъ сосѣду.—Между ними что-то есть, помяни мое слово!

— Что есть? Да, вѣдь, они ненавидятъ другъ друга,—пояснилъ другой.

— Ну да, какъ водится,—насмѣшливо замѣтилъ первый.

— Да что ты? Они готовы съѣсть другъ друга!

— Пожалуй, да только не такъ, какъ ты думаешь.

«...Для монастыря... такъ и надо: камень въ груди»,—снова пробормоталъ спящій.

Вскорѣ послѣ этого всѣ въ баракѣ храпѣли.

Такъ прошло лѣто, наступила зима. Весь крутой склонъ позади барака былъ вырубленъ. На широкой снѣжной равнинѣ ослѣпительно играло солнце. Дровосѣки усердно работали; они срубали сучья со стволовъ и сваливали ихъ въ кучи, чтобы затѣмъ свезти ихъ внизъ, въ долину, гдѣ стояла лѣсопильня. Баракъ дровосѣковъ находился у подошвы склона подъ защитой нѣсколькихъ старыхъ, могучихъ деревьевъ. И когда по вечерамъ дровосѣки собирались въ закопченномъ, дымномъ и все-таки уютномъ баракѣ, варили себѣ на ужинъ жирныя клецки, ѣли ихъ и потомъ курили табакъ,—у нихъ шли разговоры о лѣсѣ, который они срубили, или будутъ рубить; о сернахъ, которыхъ застрѣлили въ лѣсной чащѣ, или можно застрѣлить; о красивыхъ дѣвушкахъ, которыхъ любили, или можно полюбить. Тогда Фейтль громко хвасталъ, что у него есть двѣ или три красотки,

что вообще онъ можетъ имѣть ихъ столько, сколько захочетъ. Это было, вообще говоря, не въ его характерѣ, и одинъ изъ старшихъ дровосѣковъ, умный старый холостякъ, покачивалъ при этомъ головой и думалъ: «Ухъ и сидитъ же у него въ сердцѣ эта Висмейерская»!

Но такъ ли это было? Однажды, когда разошелся слухъ, что Ганнеле Висмейеръ сильно заболѣла, Фейтль даже не спросилъ, чѣмъ?—а сталъ насвистывать старую плясовую пѣсню. Онъ словно вовсе не думалъ о ней.

«У меня и мысли нѣтъ о ней»,—говорилъ онъ самъ себѣ и говорилъ это каждый часъ день и ночь. А то, что человѣкъ самъ себѣ говоритъ, то вѣрно.

Ганнеле лежала въ постели, окруженная своими домашними, стонала отъ боли, тряслась отъ озноба и бредила. Докторъ пощупалъ ей пульсъ, выслушалъ легкія, сердце и не зналъ, что дѣлать съ нею. Странная болѣзнь! Пульсъ бился ровно, сердце дѣйствовало правильно, температура нормальная, но при этомъ короткое, судорожное дыханіе, боль въ груди и эти стоны, и бредъ въ полуснѣ! Больная требовала священника, но докторъ сказалъ, что съ этимъ торопиться нечего; больная просила, чтобы всѣ молились о ней; на это докторъ сказалъ, что молитва повредить не можетъ. Лишь въ тѣ минуты, когда Ганнеле оставалась одна, она вздыхала свободнѣе и могла немного отдохнуть отъ своей тяжелой болѣзни. «Ну, теперь онъ все-таки придетъ»,—шептала она:—«онъ услышитъ о моей болѣзни, придетъ и будетъ просить прощенія».

Но Фейтль не приходилъ. Пожалуй, если хотите, онъ проходилъ по улицѣ мимо двора Висмейеровъ, но даже не взглянулъ на ея окно. Онъ въ это время любезничалъ съ сосѣдской дѣвушкой и держалъ ее за руку. Такъ они и прошли, смѣясь, и дурачась, и Ганнеле видѣла и слышала ихъ. Послѣ этого ей стало очень плохо; она перестала видѣть и слышать что бы тамъ ни было, упала на кровать, стала биться головой объ стѣнку, и когда докторъ снова пришелъ, то могъ къ своему успокоенію, констатировать прерывистый пульсъ, сильный жаръ, ускоренное біеніе сердце,—словомъ, лихорадку по всѣмъ правиламъ.

Такъ продолжалось нѣкоторое время, но въ концѣ концовъ Ганнеле это стало неудобно; ея отецъ, Висмейеръ, правда, головы не терялъ, такъ какъ былъ не изъ трусливаго десятка, но, какъ она хорошо замѣтила, сильно тревожился о ней. Жена его уже нѣсколько лѣтъ, какъ умерла; одна дочь переѣхала со своимъ мужемъ въ Сентъ-Леонардъ, и у него осталась одна только Ганнеле. И

Ганнеле часто поэтому думала, что ей надо постараться выбить эту дурь изъ головы и заботиться только объ отцѣ. Но дурь сидѣла крѣпче, чѣмъ можно было ожидать. Иногда человѣку кажется, что «дурь» въ его власти, что онъ только балуется ею отъ нечего дѣлать и можетъ бросить ее, когда захочетъ; и вотъ, въ одинъ прекрасный день, когда онъ храбро рѣшилъ выбросить ее, онъ замѣчаетъ, что не можетъ, что онъ весь запутался въ ея сѣтяхъ, и что она имъ играетъ, а не онъ ею. Такъ было и съ Ганнеле. Она хотѣла думать только о старомъ отцѣ и забыть молодого дровосѣка, а выходило, пожалуй, наоборотъ. Подчасъ ей даже хотѣлось плакать, когда она чувствовала, какъ мало пользы приноситъ она отцу, и все-таки она никогда не говорила ему ласковаго слова,—но и у него нѣжности были не въ обычаѣ. Но такъ какъ сердце требовало пищи, а воспоминаніе о дровосѣкѣ не хотѣло покидать ее, то она рѣшила хорошенько возненавидѣть этого человѣка. Ужъ представится ей когда-нибудь случай крѣпко насолить ему!

Дѣло шло къ Рождеству, и всѣ готовились къ празднику. Съ горъ вѣяло мягкимъ воздухомъ, точно близилась весна. Въ Варваринъ день Ганнеле сорвала вѣтку съ замерзшаго, покрытаго снѣгомъ вишневаго дерева и поставила ее въ стаканъ съ водой возлѣ своей кровати. Еще до сочельника вѣточка выпустила два хорошенькихъ, нѣжныхъ цвѣточка, точь въ точь, какъ въ прошломъ году у сестры, которая теперь замужемъ, и какъ та вѣтка другой сестры два года тому назадъ, которая слѣдующимъ лѣтомъ умерла.

Въ ночь передъ сочельникомъ внизу въ деревнѣ зазвонили колокола. Ганнеле встревожилась, встала съ кровати, закуталась въ бурку и вышла изъ дому. Сосѣди тоже вышли и слушали звонъ. Сначала они думали, что церковный сторожъ ошибся на сутки и звонитъ уже къ Рождественской вечернѣ, но потомъ они поняли, что это набатъ. Однако, далеко кругомъ нигдѣ не было видно зарева. Тѣмъ не менѣе короткіе, тревожные звуки колокола возвѣщали большое несчастье. Кому-то послышался отдаленный громъ. Среди зимы? Гроза? Нѣтъ, въ нашихъ мѣстахъ этого не бываетъ. Всѣ кругомъ проснулись; все больше и больше людей высыпало на улицу, громко перекликаясь, взволнованно переговариваясь, высказывая каждый свое предположеніе. Вдругъ мимо промчались сани, и сидящій въ нихъ человѣкъ коротко и рѣзко крикнулъ: «Съ Бруннберга упала лавина, засыпала дровосѣковъ». Онъ помчался дальше, передавая страшную новость.

Всѣ кто только могъ, двинулись къ Бруннбергу, съ лопа-

тами, топорами, кирками, ломами, пѣшкомъ и на саняхъ торопились, спѣшили по блѣдной снѣжной равнинѣ. Полная луна была затѣнена легкимъ облакомъ, и все-таки было такъ свѣтло, что хотя вѣтромъ и задуло фонари, зажигать ихъ не пришлось. Висмейеръ велѣлъ запречь пару лошадей въ большіе сани, чтобы доставить на мѣсто катастрофы своихъ семь батраковъ. Къ нимъ примостился въ саняхъ закутанный въ бурку юноша. Они подъѣхали къ Бруннбергу и вылѣзли изъ саней, чтобы подойти по склону къ лѣску. Но деревьевъ они не нашли. Стоялъ только голый снѣжный холмъ, высотою въ колокольню, усѣянный въ разныхъ мѣстахъ обломками пней. На этомъ холмѣ при красномъ свѣтѣ факеловъ уже работали люди, стараясь докопаться до того мѣста, гдѣ стоялъ баракъ. Впереди на снѣгу лежали двое дровосѣковъ изъ тѣхъ, что жили въ баракѣ. Ихъ растерли снѣгомъ, и когда они пришли въ себя, то съ удивленіемъ глядѣли вокругъ себя, не понимая, гдѣ они, а потомъ разсказали, что слышали страшный грохотъ и шумъ и вдругъ почувствовали, что все вдругъ трясется; они оба успѣли добраться до двери, которая уже запиралась отъ давленія снѣга; затѣмъ ихъ толкнуло что-то наружу, и дальше они не помнили, что съ ними произошло.

— А другіе? товарищи?

— Вѣрно, тоже повскакали съ мѣстъ, да, должно быть не нашли выхода.

— Фейтль?!—раздался раздирающій крикъ. Но никто не зналъ, кто это крикнулъ. Юноша съ Висмейерскаго двора схватилъ заступъ и съ остервенѣніемъ сталъ копать снѣгъ. Видно, Богъ благословилъ ихъ работу. Скоро откопали они пять человѣкъ; одинъ изъ нихъ былъ тяжело, два—легко ранены, остальные два—невредимы и только оглушены. Юноша въ буркѣ наклонялся къ каждому изъ нихъ, всматривался въ лицо и потомъ снова продолжалъ работу.

— Но, вѣдь, тамъ никого нѣтъ,—закричалъ юношѣ весь черный угольщикъ. Юноша, крѣпко закутанный въ бурку, продолжалъ копать.

Кто-то сталъ совѣтовать, что теперь, когда удалось ихъ спасти, надо поскорѣе уходить отсюда, такъ какъ наверху неблагополучно, и можно ожидать второй лавины.

— Фейтль!—простоналъ юноша.

— Можетъ, его и нѣтъ тамъ,—замѣтилъ одинъ изъ дровосѣковъ.

— А если онъ еще тамъ, то—спаси его Богъ,—сказалъ

другой.—Можетъ быть, потомъ и найдемъ его, а теперь надо о себѣ думать.

Факелы потушили, люди стали расходиться; два дровосѣка несли на носилкахъ тяжело раненаго товарища. Надъ снѣжнымъ холмомъ снова стояла тихая темная ночь, и только въ одномъ мѣстѣ работа продолжалась. Юноша остался, продолжалъ копать, взрывая толщу снѣга.

А въ это время дровосѣкъ Фейтль лежалъ заживо погребенный лавиной, сдавленный и вмѣстѣ съ тѣмъ защищенный бревнами и стволами деревьевъ. Нѣкоторое время онъ былъ безъ сознанія, затѣмъ онъ пришелъ въ себя, понялъ свое положеніе, и первой его мыслью было: «засыпало лавиной!» Онъ слышалъ человѣческіе голоса, слышалъ, что копаютъ, хотѣлъ кричать, но не было голоса. Затѣмъ голоса и шумъ стали стихать.

«Ну, кончено,—подумалъ парень,—теперь надо умирать. Трудно только. Придется погибать отъ холода и голода,—а вотъ за питьемъ дѣло не станетъ—снѣгу довольно. Какъ дьявольски стиснуло! не могу даже полѣзть въ карманъ за ножомъ, а то вскрылъ бы жилы,—и аминь!. Но нѣтъ! Кто знаетъ, можетъ, это и не ладно было бы. Богъ не любитъ, когда человѣкъ самъ собой распоряжается, а съ Нимъ теперь надо быть въ мирѣ... Жалко вотъ Ганнеле,—не досталась она мнѣ... Надо прочесть «Отче нашъ»...

Таковы приблизительно были мысли молодого дровосѣка, погребеннаго подъ снѣгомъ.

Вдругъ онъ сталъ прислушиваться: какъ будто продолжаютъ откапывать. Онъ опять попробовалъ крикнуть. Господи, помилуй, что за голосъ сталъ у него! Звукъ его показался ему самому жуткимъ. Удары заступа стали слышаться отчетливѣе, приближались къ нему. И вдругъ снѣжная стѣна упала, словно занавѣсъ, и онъ увидѣлъ сѣроватый полусвѣтъ, сугробы снѣга, деревья и фигуру человѣка, который киркою тащилъ бревно и такимъ образомъ освободилъ его. Двѣ руки вытащили Фейтля изъ-подъ обломковъ, и когда онъ очутился на свободѣ подъ открытымъ небомъ, то его спаситель быстро бросилъ свою кирку и убѣжалъ.

Хоть и была ночь, но все же было достаточно свѣтло, и Фейтль разсмотрѣлъ лицо юноши, замѣтилъ его хорошо и увидѣлъ то, чего никогда въ жизни не думалъ увидѣть... Это была она, негодница; разумѣется, только ея духъ, потому что, вѣдь она сама лежитъ больная. Впрочемъ, не такъ это ужъ часто бываетъ, что тѣло лежитъ безсильное, а духъ, вооружившись киркой, откапываетъ засыпанныхъ дровосѣковъ...

Небо становилось все свѣтлѣе, верхушки немногихъ, оставшихся невредимыми сосенъ уже не чернѣли, а отливали зеленымъ, зачирикали воробьи. Фейтль стоялъ и оглядывался кругомъ. Въ снѣгу лежало нѣсколько досокъ съ крыши, нѣсколько столбовъ,—больше ничего не осталось отъ барака. Деревья были раздроблены въ щепы, но только обломки стволовъ и вѣтвей торчали изъ сугробовъ.

«Что сдѣлалось съ товарищами?»—подумалъ Фейтль и не зналъ, на что рѣшиться: идти ли звать людей или самому взяться за дѣло. Но въ эту минуту вверху на горномъ склонѣ загремѣло, заколыхалось, и Фейтль едва успѣлъ въ нѣсколько быстрыхъ прыжковъ отскочить въ сторону: деревья и кусты покрылись огромной тучей снѣжной пыли. Какая-то невидимая сила швырнула дровосѣка далеко въ кустарникъ, гдѣ онъ просидѣлъ нѣкоторое время неподвижно, а затѣмъ поднялся, чтобы поскорѣе бѣжать отсюда. «Кажется»,—говорилъ онъ самъ съ собою,—«Господь Богъ рѣшилъ сегодня подмести начисто весь свѣтъ, и нашъ братъ ему всюду мѣшаетъ».

Когда Фейтль очутился въ безопасности, въ долинѣ на гладко укатанной дорогѣ, до него то и дѣло доносился справа и слѣва свистящій шумъ падающихъ лавинъ; время отъ времени ему отвѣчало лѣсное эхо. Тутъ же дровосѣкъ встрѣтилъ двухъ товарищей и узналъ отъ нихъ, что все сошло благополучно.

Куда же идетъ теперь Фейтль? Объ этомъ онъ не думалъ: ноги сами несли его.

Во дворѣ Висмейеровъ были заняты приготовленіемъ къ празднику. На очагѣ что-то варилось, въ печкѣ пеклось, въ комнатахъ шла уборка, въ конюшнѣ и въ коровникѣ работники подкладывали свѣжій кормъ, самъ старый Висмейеръ ходилъ уже одѣтымъ по праздничному, и его хозяйскій глазъ былъ повсюду. Фейтль, войдя во дворъ, постарался не встрѣчаться со старикомъ, а спросилъ у старой служанки, которая мыла въ сѣняхъ полъ, гдѣ Ганнеле.

— Ганнеле? Поди у себя,—былъ короткій отвѣтъ, который, впрочемъ, вполнѣ удовлетворилъ дровосѣка.

Фейтль зналъ, гдѣ ея комната. Сегодня онъ не постучалъ въ дверь вѣжливо, какъ всегда, и не старался даже возможно тише нажать ручку двери; онъ вошелъ смѣло, какъ къ себѣ. Ганнеле сидѣла все еще одѣтая, какъ была на Бруннбергѣ, въ мокрыхъ башмакахъ, ничего не дѣлала и, крѣпко обнявъ колѣни руками, смотрѣла неподвижно передъ собою. Увидѣвъ Фейтля, она вскочила и стала растерянно оправляться.

Дровосѣкъ молча подошелъ къ ней и протянулъ ей обѣ руки. Геннеле отдернула свою руку и смотрѣла на него съ холоднымъ изумленіемъ.

Фейтль въ недоумѣніи пробормоталъ:

— Ну что же, Ганнеле?

— А что?—сказала она съ холоднымъ взглядомъ. Глаза ея какъ бы спрашивали; «Что это значитъ? Что тебѣ здѣсь нужно?»

Тогда Фейтль отважился на большее.

Онъ хотѣлъ обнять ее и поцѣловать въ губы.

Ганнеле съ силой оттолкнула его.

Нѣсколько мгновеній дровосѣкъ стоялъ совершенно озадаченный, затѣмъ онъ произнесъ:

— Что жъ это такое? Ты съ опасностью для жизни откопала меня изъ-подъ лавины, а теперь...

— Я тебя откопала?—рѣзко расхохоталась Ганнеле.—Мнѣ это и не снилось.

— Я видѣлъ тебя. Ты осталась тамъ, когда всѣ ушли, и ты спасла меня.

— А если бы и такъ?—возразила она: —Что-жъ изъ этого? Я только исполнила христіанскую обязанность. И какого-нибудь цыгана откопала бы еще охотнѣе, чѣмъ тебя. Воображать тебѣ тутъ нечего.

Фейтль стоялъ неподвижно, но каждая жила дрожала въ немъ; лицо его и даже губы побѣлѣли, и весь онъ точно выросъ на цѣлую голову.

— Ганна!—закричалъ онъ громкимъ голосомъ:—Когда же, наконецъ, ты заговоришь по человѣчески, негодница?! Ты должна быть моей женой.

Онъ съ яростью бросился къ ней, прижалъ ее къ своей груди, держа крѣпко, какъ въ желѣзныхъ тискахъ, и покрывалъ ея лицо бѣшеными поцѣлуями. Въ такомъ пламенномъ гнѣвѣ не обручался, такъ неистово еще никто не цѣловалъ своей невѣсты.

А Ганнеле? Когда она почувствовала его безудержный порывъ, она перестала противиться. Какъ таетъ воскъ на раскаленномъ желѣзѣ, такъ растаяло ея сердце; она крѣпко обвила его голову обѣими руками и такъ страстно цѣловала его губы, глаза и даже проборъ на головѣ, что у него даже духъ захватило. А она все еще не могла перестать.

Такъ засталъ ихъ старикъ Висмейеръ. Ганнеле опомнилась только тогда, когда отецъ вырвалъ ее изъ объятій дровосѣка.

Она вскрикнула, закрыла лицо руками и громко заплакала: ей было до смерти стыдно, что она такъ забылась. Она чувствовала себя безконечно несчастной и въ то же время безконечно счастливой. Между тѣмъ Висмейеръ коротко и рѣзко указалъ дровосѣку на дверь; Фейтль, не говоря ни слова, вышелъ. А Ганелле? Она стояла, вытянувшись во весь ростъ, сжимала кулаки и мрачно смотрѣла на отца.

Старикъ проговорилъ:

— Ужъ больно весело у тебя тутъ въ комнатѣ!

Ганелле ничего не отвѣтила, повернулась, направилась къ двери и пошла вслѣдъ за дровосѣкомъ.

Затѣмъ они поженились. До свадьбы была еще не одна стычка. А послѣ свадьбы,—ну это ужъ насъ не касается!

Недавно Фейтль и Ганнеле праздновали въ кругу своихъ дѣтей,—среди которыхъ былъ уже и одинъ внукъ,—серебряную свадьбу, и тогда Фейтль сказалъ своему шаферу:

— Такой другой, какъ моя Ганнеле, нѣтъ на свѣтѣ! Трудно было ее добыть, но за то легко было ее сохранить. Лучшей жены не найдешь нигдѣ. Но если бы я сказалъ тебѣ, что она когда-нибудь, хоть разочекъ созналась, что любитъ меня,—то я бы совралъ. Вотъ это таки женщина!

Шаферъ выпилъ за здоровье Ганнеле. Затѣмъ онъ пошелъ домой и написалъ эту исторію упрямой Ганнеле.

II.

Какъ мы держали экзаменъ.

Частенько мнѣ приходилось разсказывать о школѣ въ Кригляхъ-Альпель, гдѣ я научился большему, чѣмъ во всѣхъ прочихъ школахъ, вмѣстѣ взятыхъ. Науки и искусства, которыми я овладѣлъ въ этой «высшей» школѣ, такого рода, что я ихъ никогда не забылъ: это чтеніе, письмо и непоколебимая увѣренность въ томъ, что дважды два всегда будетъ четыре. Объ этой-то школѣ я и хочу кое-что разсказать.

Лѣсной дворъ, въ которомъ старый Михель Паттереръ устроилъ нашу школу, лежалъ на три тысячи четыреста футовъ надъ уровнемъ моря, такъ что основатель ея, хотя и не отличался честолюбіемъ, могъ со спокойной совѣстью присвоить ей названіе—высшей. Михель Паттереръ былъ когда-то штатнымъ учителемъ въ Гауенштейнѣ, но такъ какъ онъ въ сорокъ вось-

момъ году пріобщился къ новымъ вѣяніямъ, то епархіальный совѣтъ сталъ коситься на него, а потомъ безъ особыхъ размышленій выгналъ его. Старикъ пришелъ въ Кригляхъ-Альпель, побираясь по дорогѣ. Альпельскіе мужики подумали и рѣшили: «Нищихъ у насъ и своихъ довольно, а учителя нѣтъ, и съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ стоитъ, и не было тутъ наверху. Пусть остается у насъ, учитъ нашихъ дѣтей грамотѣ; если не будетъ отъ этого пользы, то и вреда не будетъ».

Михель остался въ Кригляхъ-Альпель и ходилъ со своей мудростью въ разносъ изъ дома въ домъ. Недѣлю учились въ одномъ домѣ, недѣлю въ другомъ,—по очереди въ каждомъ изъ двадцати трехъ дворовъ. Дѣти собирались обыкновенно въ комнатѣ батраковъ, садились за большой столъ и учились. Когда приходила хозяйка катать на столѣ тѣсто, или являлись батраки обѣдать, надо было, конечно, очистить мѣсто. Дѣти выходили во дворъ, ѣли принесенный съ собою хлѣбъ; а учитель присаживался къ работникамъ и продѣлывалъ то, къ чему не у каждаго учителя въ то время былъ талантъ: онъ наѣдался до-сыта. Послѣ уроковъ онъ старался еще быть полезнымъ тѣмъ, что помогалъ рубить солому, сгребать сѣно, возить навозъ, и тому подобное. При этомъ онъ всегда носилъ потертую коричневую куртку, а на головѣ шелковый цилиндръ, который ему подарилъ когда-то, въ былыя времена, старый деканъ въ Биркфельдѣ. И смѣхъ, и слезы разбираютъ меня, когда я вспоминаю стараго Михеля Паттерера: какая у него была странная судьба, какая мужественная и кроткая душа! Никого не было у него на свѣтѣ, кромѣ учениковъ, и намъ онъ отдавалъ все лучшее, что у него было; и когда онъ ночью лежалъ на сѣновалѣ, слегка поеживаясь отъ холода и немного потѣя отъ заботы, какъ быть ему на старости лѣтъ,—то, вѣрно, ему приходило въ голову: какъ странно все идетъ на этомъ свѣтѣ.

Довольно долгое время школа находилась наверху въ лѣсномъ дворѣ, о которомъ уже упоминалось, и какъ разъ къ этому времени относится то маленькое воспоминаніе, которое я хочу пересказать.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ о нашей школѣ никто не заботился: она была не запрещена и не разрѣшена, и такъ какъ учителя содержала община, то никто этимъ и не интересовался. Но помилуйте! Тамъ въ горахъ завелся человѣкъ новой закваски и сталъ обучать дѣтей! Хорошіе результаты могутъ получиться отъ этого! Какъ обстоитъ дѣло съ религіей? Ходятъ ли дѣти къ святой исповѣди? Причащаются ли? Все это надо

выяснить, надо! И вотъ однажды разнесся слухъ: въ Альпель пріѣзжаетъ, молъ, высокая духовная особа и учинитъ строгій экзаменъ.

Нашъ старый учитель молчалъ, и трудно было замѣтить: боится ли онъ, или радуется.

Между тѣмъ время шло, волненіе улеглось, а «высокая духовная особа» не появлялась. Вышло совсѣмъ иначе. Ранней осенью, когда приблизился срокъ экзаменовъ въ Кригляхской окружной школѣ, къ которымъ обыкновенно пріѣзжали деканъ, священники, школьные инспектора и учителя изъ сосѣднихъ приходовъ, нашъ Михель получилъ отъ школьнаго совѣта предписаніе явиться со своими учениками для испытанія. Съ этого все и началось. Наша Альпельская школа была въ это время закрыта, такъ какъ всѣ отъ мала до велика были заняты въ полѣ и на сѣнокосѣ. Старый Михель долженъ былъ ходить изъ дома въ домъ и предупреждать всѣхъ дѣтей, чтобы они собрались въ слѣдующій вторникъ на лѣсномъ дворѣ, аккуратно, по праздничному одѣтыя, старательно умытыя и причесанныя, какъ на Пасху въ церковь полагается; не забыть также взять съ собой книги и доски. Мы, дѣти, не представляли себѣ какъ слѣдуетъ, что это будетъ, и что это значитъ: испытаніе! Наши отцы и матери тоже плохо понимали, въ чемъ дѣло, но имъ казалось, что это что-то такое, что должно быть, иначе не говорилось бы о праздничной одеждѣ. Только одинъ старикъ, занимавшійся починкой соломенныхъ крышъ у крестьянъ, имѣлъ на этотъ счетъ свои особенныя соображенія. «Испытаніе?»—говорилъ онъ: «эге-ге! это они хотятъ знать, годятся ли наши мальчики въ солдаты противъ французовъ! Не довѣряйте имъ! Кто имѣетъ мальчишку, пусть прячетъ его».—Но мужики были не согласны съ нимъ, и одинъ изъ нихъ сказалъ прямо: «Намъ, Альпельскимъ, нечего прятать своихъ дѣтей. Мы можемъ ихъ всюду показать».

Нашлось, правда нѣсколько учениковъ, которымъ исторія съ испытаніемъ совсѣмъ не улыбалась, но тѣмъ не менѣе въ назначенный вторникъ мы почти въ полномъ составѣ сошлись на лѣсной дворъ. Насъ было человѣкъ восемнадцать-двадцать дѣтей. Михель нарядился во все лучшее. На немъ былъ черный сюртукъ, который онъ попросилъ на время у своего бывшаго коллеги, учителя изъ Ратена; сапоги его ярко блестѣли; худое лицо было гладко выбрито, а рѣдкіе сѣдые волосы были тщательно примазаны. На шеѣ у него былъ даже бѣлоснѣжный крахмальный воротникъ, а когда онъ надѣлъ къ

тому же на голову выглаженный цилиндръ, то я подумалъ про себя: «намъ не придется краснѣть за своего учителя».

Каждый изъ насъ позавтракалъ дома чѣмъ Богъ послалъ; старый Михель позавтракалъ своей обычной порціей изъ коричневой роговой табакерки, и послѣ этого мы отправились въ Кригляхъ. Пока мы шли лѣсомъ, учитель поучалъ насъ: вѣжливо кланяться важнымъ господамъ, вставать, когда насъ будутъ вызывать (у себя въ Альпельской школѣ, мы всегда сидѣли, отвѣчая), громко и отчетливо отвѣчать на вопросы; если намъ дадутъ что въ награду или пригласятъ въ домъ для угощенія, вести себя прилично и поблагодарить, какъ слѣдуетъ! И все въ такомъ же родѣ. Была ли рѣчь о предметахъ испытанія, не могу вспомнить; но, повидимому, учитель былъ увѣренъ въ насъ.

Погода была пасмурная, туманная, холодная; дождя, собственно, не было, но съ деревьевъ капало. Когда мы дошли до Зандбюгеля, откуда все мѣстечко было видно какъ на ладони, мы сдѣлали остановку. Старый Михель сорвалъ листьевъ подорожника, чтобы счистить дѣтямъ пыль съ сапогъ, и поправилъ на насъ все, что нуждалось въ поправкѣ. Вѣдь большинство изъ насъ, особенно дѣвочки,—въ первый разъ въ жизни очутились внѣ дома, и растерянно ожидали, что будетъ дальше. Тѣсными рядами мы прошли, слѣдуя за нашимъ учителемъ, черезъ большое село къ церкви, рядомъ съ которой находился школьный домъ. Эта школа не похожа была на нашу, Альпельскую. Она была точно дворецъ, съ двойнымъ рядомъ большихъ оконъ, и каждое окно было такъ велико, что всадникъ на конѣ могъ бы свободно въѣхать и выѣхать изъ него. Мы не рѣшились сразу войти въ школу, такъ какъ у дверей стояла старая женщина маленькаго роста, съ очками на носу. Она внимательно осмотрѣла насъ и сказала, что, если мы Альпельскія дѣти, то мы должны пойти въ дровяной сарай и подождать тамъ, пока кончится экзаменъ здѣшнихъ учениковъ; потомъ насъ позовутъ. Мы пошли, и она закрыла за нами дверь такъ крѣпко, точно это было надолго.

Въ сараѣ лежали сваленныя въ кучу дрова; мы усѣлись на нихъ и молчали. Учитель былъ все время съ нами; онъ не говорилъ ничего, но часто нюхалъ изъ своей табакерки. Приблизительно черезъ часъ, когда наши ноги уже застыли, а носы посинѣли, мы услыхали громкій топотъ, какъ будто по ступенькамъ дома бѣжало цѣлое стадо козъ. Вскорѣ послѣ этого

освобожденные школьники высыпали во дворъ, и мы увидѣли, у нихъ много красивыхъ вещей; они разсматривали ихъ и показывали другъ другу. Тутъ были картинки, книжки въ красныхъ переплетахъ съ золотымъ обрѣзомъ, серебряныя монетки съ бантиками. Учитель объяснилъ намъ, что это—награды, которыя даются прилежнымъ ученикамъ послѣ испытанія. Онъ не сказалъ, приготовили ли и для насъ что-нибудь въ этомъ родѣ, но въ нашихъ глазахъ испытаніе получило другое освѣщеніе. Насъ позвали.

Тихо и благоговѣйно мы поднялись по лѣстницѣ и вошли въ комнату. Комната была очень большая, свѣтлая, вся бѣлая; въ ней стояли рядами скамейки и пахло дѣтьми. У стѣны находилась большая черная доска, а на ней мѣломъ были написаны какія-то вычисленія. При видѣ цифръ мнѣ сразу стало худо, потому что насколько я всегда любилъ буквы, настолько же боялся цифръ.

Намъ велѣли сѣсть, и мы съ шумомъ заняли мѣста на скамейкахъ, вытащили свои учебники и грифельныя доски. Старый Михель остался стоять у дверей, слѣдилъ за порядкомъ, и когда вошли экзаменаторы, сдѣлалъ глубокій поклонъ. И они въ самомъ дѣлѣ достойны были поклона. Тутъ былъ стройный пожилой священникъ въ черномъ одѣяніи—пасторъ изъ Кригляха, затѣмъ молодой, тоже стройный священникъ съ очень серьезнымъ лицомъ,—это былъ капелланъ; затѣмъ толстый и краснощекій господинъ,—деканъ изъ госпиталя на Земмерингѣ, и еще много другихъ важныхъ господъ въ черномъ, съ черными и рыжими бородами и въ сверкающихъ очкахъ. Они пристально оглядывали насъ, и не одинъ изъ нихъ пожималъ плечами, словно сожалѣя, зачѣмъ этихъ бѣдныхъ оборвышей тащили понапрасно такую даль. И вправду сказать, среди насъ было много убогихъ малышей страннаго вида.

— Можно себѣ представить, что это будетъ,—прошепталъ одинъ изъ экзаменаторовъ своему сосѣду,—вѣдь, дѣти росли въ лѣсу, какъ звѣри. И еще вдобавокъ такой учитель! Д-да, занятно!

Среди почтенныхъ господъ былъ одинъ, маленькаго роста, толстый человѣкъ, безпрерывно моргавшій глазами и ухмылявшійся; это былъ школьный попечитель сосѣдней общины, и явился онъ, чтобы внести и свою долю участія въ экзаменъ. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онъ выступилъ сразу, подошелъ къ одному изъ мальчиковъ, сидѣвшему на первой скамьѣ, и спросилъ его:

— Сколько у твоего отца дѣтей?

— У моего отца семеро дѣтей,—отвѣтилъ мальчикъ.

— А сколько у твоего отца пальцевъ?

— У моего отца десять пальцевъ.

— Невѣрно! — закричалъ толстякъ.—Если у твоего отца семеро дѣтей, то у него должно быть не менѣе восьмидесяти пальцевъ.

Послышалось нѣсколько короткихъ смѣшковъ, а ученикъ смущенно потупился.

Затѣмъ экзаменаторъ обратился ко второй скамьѣ.

— Теперь,—сказалъ онъ:— я хочу вотъ этой славной дѣвочкѣ задать другой вопросъ. Если на вишневомъ деревѣ сидитъ десять птичекъ, и я застрѣлю одну, сколько останется?

Дѣвочка встала и отвѣтила:

— Останется девять.

Толстякъ хитро улыбнулся и сказалъ:

— А я думаю, что не останется ни одной, потому что всѣ прочія разлетятся.

Тогда старый Михель выступилъ нѣсколько шаговъ впередъ, и обратившись къ экзаменатору, сказалъ покорнымъ, робкимъ голосомъ:

— Я очень просилъ бы васъ не сбивать дѣтей.

— Я полагаю, что мы находимся въ школѣ,—серьезно проговорилъ деканъ.—И такъ какъ мы начали съ ариѳметики, то я хотѣлъ бы задать вопросъ вотъ этому малышу съ красной заплатой на груди.

Этотъ малышъ былъ я.

— Слушай внимательно, мальчикъ,—сказалъ деканъ.—У крестьянина есть поденный рабочій, которому онъ платитъ въ день 36 крейцеровъ; сколько онъ долженъ будетъ ему гульденовъ за недѣлю?

— Если крестьянинъ,—началъ я разсуждать,—даетъ рабочему 36 крейцеровъ, то въ недѣлю онъ будетъ ему долженъ... долженъ...

Я помню до сихъ поръ свое ощущеніе въ тотъ моментъ, Точно я стоялъ на очень высокой лѣстницѣ, которая начала подо мной качаться. Старый Михель какъ будто еще кричитъ мнѣ: «Держись крѣпко!»—но я ужъ не вижу ничего, не чувствую почвы подъ ногами; все возлѣ меня закружилось, я падаю... Когда я снова пришелъ въ себя, я услышалъ только, какъ Михель извиняющимся голосомъ сказалъ:

— Это одинъ изъ наиболѣе слабыхъ у меня.

Я сѣлъ. На этомъ вопросѣ споткнулись еще нѣсколько мальчиковъ. Одинъ сказалъ, что крестьянинъ долженъ рабочему за недѣлю 3 гульдена 36 крейцеровъ; другой отвѣтилъ, что плата за недѣлю—4 гульдена 12 крейцеровъ. Наконецъ выяснилось, что оба правы; только послѣдній считалъ и воскресенье рабочимъ днемъ [1]).

Этому послѣднему мальчику пасторъ изъ Кригляхъ рѣзко задалъ вопросъ:

— Скажи мнѣ первыя два правила церкви:

Ученикъ быстро отвѣтилъ:

— Первое: чти праздникъ; второе: слушай святую церковную службу съ подобающимъ благоговѣніемъ,

— Очень хорошо. Но теперь я бы хотѣлъ услыхать отъ мальчика, сидящаго сзади тебя, сколько дѣвочекъ было убито Иродомъ во время Вифлеемскаго избіенія младенцевъ?

Мальчикъ сзади былъ опять я. Но на этотъ разъ мнѣ не было страшно.

— Дѣвочекъ—ни одной,—отвѣтилъ я.

— Такъ! А чѣмъ ты можешь доказать мнѣ это?

— Я могу доказать тѣмъ, что Иродъ приказалъ убивать только мальчиковъ, потому что онъ искалъ маленькаго Іисуса.

— Отлично! Отлично!—закричали нѣсколько экзаменаторовъ. А пасторъ, повернувшись къ старому Михелю, сказалъ:

— Такого отвѣта я отъ вашей школы не ожидалъ.

Старый учитель поклонился и сказалъ:

— Дѣти очень любятъ священную исторію; я заставляю ихъ читать евангеліе, и то, что они не понимаютъ объясняю имъ.

— Теперь скажи ты, черноглазая, тамъ сзади,—снова началъ деканъ.—Какъ часто долженъ католикъ исповѣдоваться?

— Католикъ долженъ исповѣдоваться по крайней мѣрѣ разъ въ годъ, а на Пасху пріобщаться Святыхъ Таинъ.

На лицѣ школьнаго инспектера не замѣтно больше было насмѣшливой улыбки.

Послѣ того, какъ на нѣсколько заданныхъ еще по Закону Божьему вопросовъ послѣдовали толковые, ясные отвѣты, пасторъ заставилъ еще прочитать отрывокъ изъ Библіи, давая по нѣсколько фразъ каждому. Чтеніе шло прекрасно, и господа экзаменаторы только переглядывались между собою.

— Сколько у васъ классовъ?—спросилъ деканъ нашего учителя.

---

[1]) Въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда происходитъ дѣйствіе разсказа, въ австрійскомъ гульденѣ считалось 60 крейцеровъ.

— Собственно одинъ, или даже ни одного,—отвѣтилъ Михель.—Я не дѣлю ихъ на классы. Мы работаемъ всѣ вмѣстѣ, пока они выучатся читать, писать и немного считать.

Послѣ этого намъ велѣли приготовить наши доски. Деканъ продиктовалъ намъ отрывокъ о Саулѣ и Давидѣ. Диктовка сошла блестяще, почти безъ ошибокъ, только я сдѣлалъ глупую ошибку въ святомъ имени Іеговы, но мнѣ извинили опять-таки тѣмъ, что я одинъ изъ слабѣйшихъ. Работы же другихъ учениковъ были такъ хороши, что экзаменаторы говорили между собой:

— Даже въ четвертомъ классѣ городского училища такой результатъ можно было бы назвать блестящимъ.

Нашъ учитель все еще скромно стоялъ на заднемъ планѣ.

— А, у этой написано съ обѣихъ сторонъ!—неожиданно воскликнулъ пасторъ, повернувъ доску одной дѣвочки и показывая ее декану.

Тогда дѣвочка встала и сказала:

— На другой сторонѣ не сегодня написано, это я писала еще у насъ въ школѣ.

— Посмотримъ, какія вы у себя диктовки пишете?—сказалъ деканъ и прочиталъ громко: «Человѣкъ долженъ быть благороденъ, великодушенъ и добръ. Только это отличаетъ его отъ другихъ твореній».

Деканъ пробормоталъ:

— Не дурно! Жалко только, что это слова стараго язычника.

На этомъ экзаменъ окончился. Экзаменаторы столпились и стали тихо совѣщаться. Пасторъ пожималъ плечами и дѣлалъ руками какіе-то широкіе жесты, которые мы поняли только тогда, когда онъ обратился къ намъ съ слѣдующей рѣчью:

— Милыя дѣти, мы очень довольны вами. Вамъ тоже будутъ выданы награды. Но такъ какъ сегодня все уже роздано, то вамъ придется немного подождать. Вамъ пришлютъ ихъ. Продолжайте также, учитесь прилежно и не забывайте заповѣдей Божьихъ и святой церкви.

Послѣ этого насъ отпустили. Старый Михель снова отвѣсилъ господамъ экзаменаторамъ почтительный поклонъ и вышелъ вмѣстѣ съ нами. Въ дверяхъ мимоходомъ толстякъ-попечитель шепнулъ ему на ухо:

— Тѣ, что удостоились награды, отвѣчали вдвое хуже вашихъ.

Мы еще немного потолкались по церковной площади и, наконецъ, нашъ учитель заявилъ, что пора отправляться домой.

Кто побогаче, пошелъ въ булочную купить булку, а мы, прочіе, выпили воды и на перебой занялись предположеніями, когда мы получимъ награды, и какія онѣ будутъ. Старый учитель бралъ изъ своей табакерки одну понюшку за другой и молчалъ.

Наградъ мы и до сихъ поръ не дождались.

III.

Злая Кадерль.

То и дѣло приходилось Кадерль бѣгать въ трактиръ за новымъ штофомъ вина; и когда она послѣ этого хотѣла постоять немного въ комнатѣ и поглядѣть, какъ пьютъ, хозяинъ сказалъ ей:

— Иди въ кухню, смотри за огнемъ.

А огня вовсе уже и не было въ печи; на догорающихъ угольяхъ и картошки спечь нельзя. А тамъ въ комнатѣ они секретничаютъ о чемъ-то, и гость этотъ ни вѣсть откуда взялся, пьютъ вино, и хозяинъ разгорячился и разволновался. Все это представлялось Кадерль,—маленькой, старой, сгорбленной, хромой работницѣ, единственной оставшейся еще въ домѣ,— въ высшей степени подозрительнымъ. Хоть бы поскорѣй возвращалась хозяйка! Все равно ей бѣдѣ не помочь: если бы помогали молитвы да богомолье, ужъ давно бы у нихъ куры денегъ не клевали. Такъ размышляла Кадерль, сердце которой, видно, было не изъ добрыхъ.

Хозяйка пошла съ двумя своими маленькими дочками на богомолье въ горную церковь святого Ѳомы. Она уже побывала во многихъ святыхъ мѣстахъ, чтобы вымолить удачу въ дѣлахъ, потому что жилось изъ рукъ вонъ плохо. Дрова, скотъ—нипочемъ, въ полѣ работать—рабочихъ рукъ нѣтъ и достать ихъ негдѣ; къ тому жъ еще—неурожаи, высокія подати. А кредиторы выходятъ изъ себя,—приходятъ, ругаются на весь домъ и уже все передали нотаріусу. Податное присутствіе велѣло все опечатать: амбаръ съ хлѣбомъ стоитъ за печатями, мясная кладовая—тоже, ленъ—тоже, даже на коровникъ наложили бы печати, но нельзя же оставитѣ коровъ дохнуть съ голода. И вотъ осталосъ еще право кормить коровъ и свиней каждый день, хотя онѣ уже чужія. Все, все какъ есть пошло прахомъ. Такъ бы и бѣжать отсюда безъ оглядки. Но у крестьянъ осталась еще

надежда на святого Ѳому. Правда, онъ самъ былъ раньше сильно невѣрующимъ. «Но намъ то онъ повѣритъ»,—сказала женщина своимъ дѣвочкамъ: «Молитесь хорошенько, дѣти!»

Когда богомолки вернулись домой, гостя уже не было. Хозяинъ все еще былъ въ возбужденномъ состояніи.

— Лизель,—сказалъ онъ женѣ,—раздѣвайся поскорѣй, мнѣ надо разсказать тебѣ разныя вещи.

И разсказалъ. Уѣхать хочетъ онъ въ Америку. Она не закричала, не заплакала и оставалась спокойной. Не такъ ужъ ново было это. Объ эмиграціи часто уже заходила рѣчь, а возлѣ Зальцбурга образовалась цѣлая партія эмигрантовъ въ Америку,—все крестьяне и ремесленники.

— Вотъ съ ними вмѣстѣ и поѣду,—сказалъ хозяинъ.— Все брошу такъ, какъ есть, и поѣду. Ужъ ничего моего здѣсь не осталось: пусть они дѣлаютъ, что хотятъ. Хорошо, что хоть эти двѣсти гульденовъ за послѣднюю пару воловъ еще не тронуты,—будетъ на харчи въ дорогѣ. Везутъ, правда, даромъ, но безъ денегъ не обойдешься.

— Господи, помилуй!—воскликнула хозяйка.—Неужто такъ далеко въ эту Америку?

— Такъ далеко, что наше здѣшнее горе туда добратьсяне можетъ.

— А того тебѣ на умъ не приходитъ, что, можетъ, тамъ похуже нашего!—сдѣлала предположеніе хозяйка.

Хозяинъ посмотрѣлъ на жену большими глазами и сказалъ:

— Полно, баба, зря болтать! Новое всегда лучше стараго,— отчего же Новому Свѣту быть хуже стараго? Въ тысячу разъ тамъ лучше! Нѣтъ тамъ полиціи, нэ берутъ въ солдаты, и человѣкъ можетъ дѣлать, что хочетъ. Даромъ раздаютъ самые большіе крестьянскіе участки, и нѣтъ податей, милая моя,— податей нѣтъ! Наоборотъ, если ты стараешься, то еще казна тебѣ подарокъ дѣлаетъ. А земля такъ родитъ, что не надо ни унаваживать, ни боронить. Только посыпь сѣмена, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ взошелъ твой хлѣбъ, и какой хлѣбъ! Да, милая моя, земля тамъ не то, что наша! Тамъ она свѣжая, нетронутая, а у насъ ее уже тысячи лѣтъ ковыряютъ. Вѣдь, и съ людьми такъ: свѣжій человѣкъ работаетъ лучше усталаго. А въ Америкѣ пока хлѣбъ растетъ, идешь на гору и копаешь золото. Да-да! Такъ и выкапываешь дукаты изъ земли, точно у насъ картошку!

Тутъ ужъ баба стала втупикъ.

— Но откуда, Михель, ты все это знаешь?—спросила она.

— Господинъ одинъ тутъ былъ, онъ мнѣ все и разсказалъ,— отвѣтилъ Михель.—Онъ самъ въ Америкѣ бывалъ и, кажется, деньга у него завелась. Вотъ онъ и хочетъ помочь мнѣ, посовѣтовать, и всякое такое. Хорошій господинъ! Онъ ѣдетъ съ зальцбургской партіей, вродѣ какъ проводникъ; значитъ бывалый господинъ—все небось знаетъ! Черезъ недѣлю отправляются; вотъ я съ ними и поѣду.

— Ты съ ними?—спросила Михеля жена.—И ты это такъ спокойно говоришь? А съ нами-то что будетъ?

—Я и объ этомъ подумалъ,—отвѣтилъ Михель.—Ты съ дѣтьми останешься пока здѣсь. Надо будетъ подыскать вамъ мѣстечко— тамъ наверху, на просѣкѣ; говорятъ, тамъ нужны теперь люди для работы. Съ лѣсничимъ я знакомъ, и онъ возьметъ васъ. Дѣвченкамъ тоже какая-нибудь работишка перепадетъ, и будетъ вамъ житься лучше, чѣмъ тутъ; вѣдь, отсюда все равно прогонятъ, если сами не уйдемъ.

Баба стала плакать.

— Сколько работали, мучились, копили, и все ни къ чему,— причитывала она.—А теперь разбредемся по свѣту въ разныя стороны, точно никогда и вмѣстѣ не жили!

— Нечего голосить, старая,—утѣшалъ жену Михель.—Я только поѣду впередъ, а какъ устроюсь тамъ, сейчасъ и васъ выпишу. Богъ съ тобой. Развѣ я думалъ бросить васъ тутъ однѣхъ. Какъ пойдетъ дѣло, сейчасъ всѣ и съѣдемся.

— А отчего же намъ сразу съ тобой не поѣхать, Михель? Если и плохо будетъ житься, лучше ужъ быть вмѣстѣ.

— Правильно говоришь, жена,—отвѣтилъ Михель,—но подумай, дорога-то какая. Три недѣли и все водою и водою. Развѣ ребята вынесутъ? А тамъ сначала? Вѣдь, можетъ круто прійтись. Зачѣмъ дѣтямъ мучиться? А черезъ годъ дѣвочки подростутъ, и все будетъ ладно.

Все это переговорили, и многое другое; Лизель успокоилась и согласилась съ мужемъ; а злая Кадерль все подслушала, о чемъ хозяева говорили.

Вечеромъ того же дня Михель еще разъ пересчиталъ свои деньги, о которыхъ кредиторы ничего не знали: всего ихъ было 230 гульденовъ, т. е., какъ объяснялъ любезный господинъ, вполнѣ достаточно, чтобы доѣхать до Америки. Убѣдившись, что деньги цѣлы, Михель завязалъ кошель и тщательно спряталъ его между стѣной и угловымъ шкапомъ,—здѣсь его никто не найдетъ!

А злая Кадерль заглядывала въ щель черезъ дверь и все замѣтила. Какъ она подстерегла Михеля, такъ и мы подстережемъ ее и подслушаемъ ея мысли:

«Ну, погоди, Михель, я покажу тебѣ, какъ бросать жену и дѣтей и бѣжать въ Америку».

Никогда во всю свою жизнь Михель не обнаружилъ столько энергіи и трудолюбія, какъ въ слѣдующіе дни. Прежде всего онъ сдѣлалъ самое вѣрное: перевезъ въ маленькую избушку въ лѣсной просѣкѣ жену и дѣтей, потому что у нихъ ничего не было, кромѣ рукъ для работы и проворныхъ ногъ. А работа въ лѣсу и то, что дѣвочки должны были пасти козъ, должно было давать имъ немного денегъ. Вѣдь, все это только на время.

— Намъ и прощаться-то нечего,—говорилъ Михель семьѣ.— Увидимся, когда буду въ третій разъ послѣ сегодняшняго бриться.—Онъ брился, одинъ разъ въ три мѣсяца.

Прощанья онъ избѣгалъ собственно потому, что не увѣренъ былъ въ твердости своего сердца, а сердце, вѣдь, всегда должно подчиняться головѣ. Дѣти еще разъ напомнили ему, чтобы онъ непремѣнно поймалъ имъ обезьяну, какъ обѣщалъ; жена поплакала немного въ передникъ, и дѣло прощанья этимъ закончилось.

— До свиданья въ Америкѣ!

Но Михель долженъ былъ провести еще нѣсколько дней въ своемъ домѣ и потому скрывалъ отъ сосѣдей свои намѣренія.

Паспортъ получилъ онъ подъ тѣмъ предлогомъ, что собирается въ большое паломничество въ Лушари. Когда, молъ, ѣдешь изъ дому, то лучше имѣть при себѣ бумажку. Оставаясь одинъ въ комнатѣ, онъ не разъ подходилъ къ завѣтному углу возлѣ шкапа и щупалъ, на мѣстѣ ли кошель.

Старая Кадерль все еще была въ домѣ, суетилась цѣлые дни въ своей заплатанной кофточкѣ и работала безъ устали, какъ она привыкла за всѣ тридцать семь лѣтъ, которыя прожила въ этомъ домѣ. Она мыла полы, хотя никто ихъ не пачкалъ, чистила каждый день дѣтскую посуду, хотя ее не употребляли, убирала хлѣвъ и доила коровъ.

— Жалко,—обратилась она какъ-то съ рѣчью къ рыжей коровѣ,—что они еще и тебя не опечатали; пришлось бы хозяину вмѣсто молока водицей прохлаждаться. А хозяйка-то опять молиться пошла; если на нихъ сразу свалится вся благодать, которую она вымолила за свою жизнь, то, пожалуй, крыша не выдержитъ!

Злючка она была, эта Кадерль!

Наконецъ, день отъѣзда наступилъ. Наканунѣ Михель побрился, и теперь съ утра надѣлъ все праздничное. Онъ связалъ свои вещи въ маленькій узелокъ, почти незамѣтный, чтобы не бросалось въ глаза,—кто знаетъ, понравится ли все это общинѣ и кредиторамъ? Еще разъ обошелъ онъ весь домъ, причемъ дверь оставалась раскрытой настежь, и пошелъ въ хлѣвъ, чтобы взглянуть въ послѣдній разъ на скотину: надо же было съ кѣмъ-нибудь попрощаться; онъ явно чувствовалъ эту потребность. Затѣмъ онъ вошелъ въ комнату, и оттуда сейчасъ же послышался его раздирающій крикъ.

— Мои деньги! Гдѣ мои деньги?—кричалъ онъ и яростно сорвалъ шкапъ съ мѣста, такъ что паутина летѣла во всѣ стороны.

Вбѣжала испуганная Кадерль, услыхала, что хозяина ограбили и словно онѣмѣла отъ страха.

— Господи, помилуй, времена-то какія настали! Воры среди бѣла дня!

Хуже всего то, что Михель не могъ даже заявить о пропажѣ, такъ какъ уже успѣлъ заявить, въ виду долговъ, что у него нѣтъ ни гроша. Какъ же могли украсть у него то, чего у него не было?!

Кадерль сложила руки на животѣ и не находила словъ. Она была совершенно подавлена тѣмъ, что случилось съ хозяиномъ. Онъ сообщилъ ей, сколько у него было денегъ, и въ отвѣтъ на это Кадерль стала утѣшать его, разсказавъ ему исторію Святой Розаліи.

Эта святая однажды тайкомъ,—хотя это было запрещено,—несла пищу заключеннымъ; когда ее остановилъ тюремный сторожъ и спросилъ, что у нея въ закрытой корзинѣ, она отвѣтила: розы. Онъ открылъ корзину, и тамъ оказались, дѣйствительно, розы, такъ что ея ложь, волей Господа, стала правдой.

— Гляди-ко, хозяинъ,—закончила Кадерль свой разсказъ,—такъ и твоя ложь, будто у тебя нѣтъ денегъ, волей Господа, стала правдой.

— Убирайся къ чорту со своими поученіями!—загремѣлъ Михель и пошелъ со двора.

Куда онъ пошелъ неизвѣстно, но въ домъ не вернулся, а кредиторы явились. Кто скромно пришелъ пѣшкомъ, кто важно пріѣхалъ; они забрали все, что нашли. Взяли домъ, взяли землю, взяли повозки, взяли—все, только Кадерль не взяли. Изъ всего стараго двора осталась одна только она, безъ дома и безъ хозяевъ и съ злымъ сердцемъ въ груди.

Эмигранты должны были встрѣтиться въ этотъ день въ

Понгау, у церкви Святого Іоанна. Они сходились со всѣхъ сторонъ съ корзинами, узелками и деревянными сундучками, и много ихъ было на этотъ разъ, такъ какъ настали плохія времена. Уже два трактира было полнымъ полно; были здѣсь и женщины и дѣти. Агентъ тоже былъ на лицо, и его со всѣхъ сторонъ осаждали вопросами и просьбами всякаго рода. На нѣкоторыхъ лицахъ сіяла гордая надежда, на другихъ можно было прочесть глупую покорность судьбѣ. Одинъ изъ присутствующихъ, желѣзнодорожный служащій, едва не испортилъ всѣмъ настроенія. Онъ уже бывалъ въ Америкѣ и сталъ разсказывать, что тамъ онъ ѣлъ крысъ, и что это вкуснѣе, чѣмъ дома горохъ и свекла. Тогда агентъ изъ-за своего стола закричалъ, что лучше на прощаніе спѣть пѣсню, чѣмъ слушать разныя враки. И двое изъ уѣзжающихъ запѣли эмигрантскую пѣсню:

Насталъ ужъ часъ, насталъ ужъ часъ,—
Америка, прими ты насъ!..

Въ это время явился и Михель. Онъ усѣлся, какъ ни въ чемъ не бывало, среди другихъ за столъ, такъ какъ времени до прихода поѣзда еще было довольно. Агентъ въ послѣдній разъ внимательно оглядѣлъ свою партію и громко спросилъ:

— Всѣ ли имѣютъ деньги съ собой?

Всѣ сказали: «Да»!—только Михель сдѣлалъ такое лицо, что агентъ спросилъ его отдѣльно.

Дѣло рѣшено было просто и скоро: нѣтъ денегъ, — оставайся. Не смотря на всѣ просьбы и увѣренія Михеля, что онъ честно выплатитъ свою долю изъ заработка, агентъ отвѣтилъ коротко и рѣзко:

— Безъ денегъ не беру никого.

Михель плакалъ, какъ ребенокъ, но это не помогло. Агентъ, казавшійся ему такимъ добрымъ раньше, былъ твердъ, какъ кремень. Одинъ изъ уѣзжавшихъ, бывшій школьный товарищъ Михеля, Кнаппъ, сжалился надъ нимъ, но денегъ у него не было, и онъ обѣщалъ только пріятелю аккуратно писать какъ пойдутъ на чужбинѣ дѣла, и устроить ему тамъ работу, чтобы онъ могъ потомъ пріѣхать.

Съ шумомъ подкатилъ поѣздъ; поднялась суматоха, и за нею всѣ уѣзжавшіе забыли поклониться родной землѣ и поблагодарить ее... Поѣздъ, пыхтя, отошелъ, а Михель остался одинъ. Онъ скрипѣлъ отъ злости зубами и бѣшено проклиналъ вора, который вмѣстѣ съ деньгами укралъ у него и новую жизнь. Чувствуя слабость въ ногахъ и туманъ въ головѣ, Михель по-

шелъ домой, но не въ свой прежній домъ, а наверхъ, въ лѣсную просѣку, къ женѣ и дѣтямъ. Увидя ихъ, онъ захохоталъ, какъ безумный.

— Глядите: вотъ я уже вернулся изъ Америки! Она теперь у меня здѣсь, въ мѣшкѣ!—и Михель долго и неистово бранился.

Когда жена его узнала, въ чемъ дѣло, она сказала:

— Ну, бѣда не такъ велика! Останешься здѣсь и наймешься на работу въ лѣсничествѣ. Лѣсникъ теперь набираетъ людей, и мы тоже переберемся туда, когда покончимъ съ работой здѣсь. Можетъ, заживемъ и не хуже прежняго, и долгу у насъ не будетъ ни гроша,—а это не шутка! Въ праздникъ выпьешь свою кружку пива, — такъ и будемъ жить потихоньку, по-Божьему, и будемъ думать, что мы въ Америкѣ.

Слова жены успокоили Михеля. Онъ рѣшилъ и далъ себѣ клятву оставаться тутъ въ лѣсу и работать усердно, пока не соберетъ денегъ на переѣздъ въ Америку. Михель нанялся въ лѣсничествѣ. Жить ему пришлось съ другими дровосѣками въ общемъ баракѣ, а семья его поселилась у одной старой угольщицы, и оттуда ходила на работу,—собирать хворостъ, ломать сучья, пасти козъ. Не только поле, но и лѣсъ кормитъ людей. Работа въ этомъ лѣсу продолжалась уже нѣсколько лѣтъ; владѣлецъ хотѣлъ его вырубить, а землю потомъ продать. Оттого и Михелю съ семьей перепадало кое-что.

Черезъ нѣкоторое время лѣсничій отдалъ Михелю полуразвалившійся охотничій домикъ и разрѣшилъ ему поселиться въ немъ съ семьей. Домикъ этотъ стоялъ на пологомъ скатѣ среди густыхъ зарослей орѣшника, кустовъ можжевельника и волчьихъ ягодъ. Тамъ водились лисицы, ужи, всякое другое звѣрье, такъ что Лизель, когда увидѣла это сказала:

— Смотри-ка, Михель! Чѣмъ не Америка?

Между тѣмъ изъ Америки пришло письмо отъ Кнаппа. Оно шло съ Миссисипи до бывшей усадьбы Михеля три недѣли, а отъ бывшей усадьбы до лѣса—еще больше, потому что почта разыскивала мѣстожительство получателя. Въ письмѣ Кнаппъ разсказывалъ, что онъ работаетъ по регулированію теченія Миссисипи, и онъ описывалъ рѣку, ея величину и быстроту, въ такихъ самодовольныхъ выраженіяхъ, точно онъ самъ ее создалъ. Затѣмъ онъ сообщалъ, что въ Новомъ Свѣтѣ вообще все великолѣпно. На Миссисипи можно имѣть сколько угодно работы, сколько угодно денегъ, но, правда, и сколько угодно лихорадки. Онъ совѣтовалъ Михелю тоже пріѣхать. Михель этого сдѣлать еще не могъ, но онъ удвоилъ свою трудоспособность и бережливость, чтобы поскорѣе скопить денегъ.

Черезъ полгода пришло второе письмо, въ которомъ говорилось меньше о великолѣпіи, работѣ и деньгахъ и больше—о лихорадкѣ. Кнаппъ лежалъ въ сырой хижинѣ больной. Половина зальцбургскихъ эмигрантовъ,—писалъ онъ,—уже отправилась на тотъ свѣтъ. Изъ другой половины большинство разъѣхалось въ разныя стороны, и онъ о нихъ ничего не знаетъ; только нѣсколько человѣкъ устроилось, какъ слѣдуетъ, а одинъ даже,—Францъ Шаяль изъ Раштадта, — завелъ торговлю кожами и сильно богатѣетъ. Чѣмъ богаче онъ дѣлается, тѣмъ меньше у него сердца; въ первое время, когда онъ имѣлъ всего сто долларовъ въ мѣсяцъ, онъ помогалъ ему, Кнаппу, а теперь когда имѣетъ тысячу, —говоритъ: «каждый за себя, а Богъ за всѣхъ». Затѣмъ Кнаппъ прибавилъ еще, что переѣздъ въ Америку сталъ дешевле, чѣмъ прежде, но онъ совѣтовалъ Михелю не ѣхать теперь, а обождать; самъ онъ Кнаппъ, раскаивается, что поѣхалъ, и не хочетъ подводить другихъ.

Послѣ этого писемъ больше не было, а черезъ два или три года Михель узналъ отъ одного пьяницы—портного изъ Понгау, что Кнаппъ въ Америкѣ умеръ, и что о другихъ эмигрантахъ вѣсти не веселыя. Одни попали въ дурныя руки, и ихъ повезли далеко на Западъ, въ Калифорнійскія копи, гдѣ всѣ скоро погибаютъ; другіе, будто пропали въ дѣвственныхъ лѣсахъ, умерли голодной смертью, или были растерзаны дикими звѣрями: въ Америкѣ ни государство, и никакой чортъ не заботится объ отдѣльномъ человѣкѣ; живи, какъ хочешь, и пропадай, какъ хочешь,—это и называется свободой. Разсказывали, что сынъ мельника изъ Ленда, сумѣлъ вернуться назадъ, такъ какъ онъ изъ предосторожности зашилъ въ жилетку столько денегъ, что хватило ихъ на обратный путь. Вернувшись, онъ будто все время твердилъ одно: «Можетъ быть, можетъ быть... Не знаю, какъ тамъ, но мнѣ больше по душѣ нашъ Зальцбургъ».

Между тѣмъ у Михеля окончательно пропала охота эмигрировать. Онъ съ женой выкорчевалъ заросли возлѣ дома и развелъ огородъ. Капуста, картофель и даже немного пшеницы и ячменя давали прекрасный урожай на солнечномъ склонѣ. Земля была отдохнувшая, точно работникъ на третій день Пасхи; лугъ давалъ отличный кормъ для двухъ коровъ. Затѣмъ Михель вырылъ хорошій колодезь и привелъ домикъ въ лучшее состояніе. Дѣвочки помогали уже матери въ работѣ, и молодое хозяйство процвѣтало.

Когда же у нихъ родился и сынъ, Михель сказалъ въ первый разъ:

— Вотъ кабы мнѣ немного денегъ, я бы зналъ, что сдѣ-

лать! Если бы только имѣть двѣ-три сотни гульденовъ! Сейчасъ бы купилъ все это мѣсто! Теперь его можно имѣть дешево.

Съ тѣхъ поръ онъ это повторялъ часто. Говорилъ и въ будни за работой, и въ воскресенье по дорогѣ въ церковь, но слова не помогали,—заработокъ уходилъ на ремонтъ и на всякіе расходы по дому, и не было надежды стать когда-нибудь владѣльцемъ усадьбы. Ну что-жъ? Приходилось, значитъ, платить небольшую аренду, работать и откладывать сколько можно.

Такъ прошло семь лѣтъ. Въ одно прекрасное воскресенье явилась вдругъ въ лѣсной домикъ старая знакомая Кадерль! Она стала еще меньше, еще больше горбилась и еще больше хромала, но за то у нея былъ зонтикъ, такой большой, такой ярко-красный и съ такой блестящей металлической ручкой, что сразу видно было, что живется ей не плохо. Войдя и увидя всю семью въ сборѣ, Кадерль стала весело ухмыляться. Михель сказалъ ей, что удивляется, какъ это она вдругъ вспомнила о нихъ.

— Да что-жъ? Захотѣлось посмотрѣть, какъ вамъ тутъ живется!—сказала Кадерль.

— Живется, какъ живется, — нечего Бога гнѣвить. Вотъ въ деньгахъ у насъ недохватка! Присаживайся, Кадерль!

— Спасибо,—отвѣтила она.—Денегъ нужно, — говоришь ты, хозяинъ? Деньги найдутся,—было бы все прочее.

— Эхма!—разсмѣялся Михель.—Деньги-то труднѣе всего найти!

— Да вотъ хоть сейчасъ можешь получить,—сказала старая работница и быстро протянула ему книжку сберегательной кассы.—Это—твое, хозяинъ!

— Какъ такъ мое? Я ничего не вносилъ.

— А все-таки это твое! За семь лѣтъ наросло, и теперь больше трехсотъ гульденовъ. И записано на твое имя. Вотъ видишь стоитъ, Михаэль Губингеръ. Вѣдь, имя-то твое? Стало быть, вѣрно я говорю.

— Не могу понять,—возразилъ Михель. — Какъ къ тебѣ попала эта книжка?

— Нашла ее, на улицѣ нашла. И я подумала: ужъ не воръ ли потерялъ эти деньги семь лѣтъ тому назадъ? А другой воръ нашелъ и внесъ ихъ въ кассу на твое имя. Похоже, что и такъ.

Михель пристально разсматривалъ книжку, свое имя въ ней, цифры. Затѣмъ уставился на старую работницу.

— Кадерль,—сказалъ онъ:—не такой я дуракъ, чтобы не

понять.—Теперь я знаю, кто укралъ деньги, и кого надо въ тюрьму посадить.

Затѣмъ Михель взялъ обѣ ея руки въ свои и воскликнулъ:

— Кадерль, ты хорошо сдѣлала! Награди тебя Богъ!

Кадерль не сознавалась; она молчала и только поблескивала глазами. Лизель обняла ее за шею.

— Если бы не ты, Кадерль, пропали бы мы всѣ,—сказала она:—онъ тамъ, а я съ дѣтьми здѣсь. А теперь мы можемъ купить эту усадьбу. Вотъ подите же, молитвы мои и помогли!

Такъ и случилось, что Михель Губингеръ продѣлалъ въ старомъ свѣтѣ то, что другіе дѣлаютъ въ новомъ: подняль новь и обработалъ пустошь; трудолюбіемъ и терпѣніемъ основалъ новое хозяйство, когда старое было потеряно. Теперь онъ собственникъ усадьбы; на ней нѣтъ долговъ, налога съ нея платитъ онъ мало и имѣетъ все свое, что нужно для семьи. Спокойствіе и радость снова вернулись въ домъ, и снова въ немъ хлопотливо работаетъ и суетится по цѣлымъ днямъ маленькая, хитрая, вѣрная—злая Кадерль.

Съ нѣм. пер. М. Славинская.

НАШЕ ПРИАМУРЬЕ.

Лѣтомъ 1911 года мнѣ пришлось посѣтить наши дальневосточныя области. Маршрутъ былъ такой. Чита; затѣмъ по забайкальской дорогѣ до Куэти—того пункта между Нерчинскомъ и Срѣтенскомъ, отъ котораго начинается строющійся въ настоящее время Амурскій рельсовый путь. Отъ Куэти я проѣхалъ по Головному участку и по Западной части Амурской желѣзной дороги. У пристани Часовой я спустился къ Шилкѣ, затѣмъ по ней и по Амуру проѣхалъ въ Джалинду и Благовѣщенскъ. Отсюда я поднялся вверхъ по Зеѣ до деревни Суражевки, разростающейся въ новый городъ. Въ дальнѣйшемъ я побывалъ въ Хабаровскѣ и Владивостокѣ. Изъ Владивостока я отправился въ Маньчжурію...

Три мѣсяца, которыми я располагалъ, для необъятныхъ пространствъ Приамурья—срокъ небольшой: мнѣ пришлось придерживаться главнѣйшихъ водныхъ и рельсовыхъ артерій, и лишь въ немногихъ случаяхъ я могъ проникнуть въ ближайшую полосу забайкальской, амурской и уссурійской тайги. Ясно, что мои впечатлѣнія отрывочны и что количество ихъ для точныхъ выводовъ недостаточно велико; и все же я рѣшаюсь суммировать эти впечатлѣнія. У насъ мало знаютъ нашу колоніальную политику и плохо себѣ представляютъ результаты ея. Въ такихъ условіяхъ, можетъ быть, полезенъ и несовершенный разсказъ.

Приамурье принадлежитъ намъ недавно. Только къ 60-ому году прошлаго столѣтія оно стало русской территоріей. Энергіи и желѣзной волѣ Н. Н. Муравьева и Г. И. Невельскаго Россія обязана своей дальневосточной колоніей; и конечно, еще неописуемымъ страданіямъ, которыя претерпѣли первые казаки, двинутые къ

Тихому океану. Три договора—айгунскій, тяньцзинскій и пекинскій—расширили предѣлы Россіи до Охотскаго и Японскаго морей, до Амура и Уссури и до корейской границы. Около десятилѣтія продолжалось присоединеніе новыхъ земель. Около полустолѣтія прошло съ тѣхъ поръ.

Что сдѣлали мы за этотъ срокъ?

Нуженъ критерій, чтобы измѣрить наши успѣхи; нужно ихъ съ чѣмъ-нибудь сравнить, чтобы знать, велики ли они, или малы. Если мы много затратили, но и многаго достигли, это—хорошо; если мы достигли немногаго, но и расходовали мало, это, быть можетъ, тоже не худо. Остановимся на этомъ пріемѣ,—не особенно безупречномъ, правда,—и прежде всего опредѣлимъ, во что обошелся намъ Дальній Востокъ.

Въ сборникѣ, изданномъ общеземской организаціей подъ заглавіемъ «Приамурье», есть попытка такого подсчета. Она сдѣлана Т. И. Полнеромъ. Попытка, не претендующая на абсолютную точность, но все же достаточно ярко характеризующая финансовое значеніе нашего дальневосточнаго предпріятія. Къ началу 1908 г. дефициты отъ Приамурья и Квантунской области составляли 715,5 милл. руб. Война съ Японіей обошлась намъ въ 2,282,8 милл. р., Китайская Восточная дорога въ 404,8 милл. Все это вмѣстѣ составляетъ 3.403,2 милл. рублей. Съ тѣхъ поръ сдѣланы, разумѣется, новыя затраты. Ежегодный дефицитъ по Приамурью достигаетъ почти 40 милл. Постройка Амурской желѣзной дороги и оборудованье ея подвижнымъ составомъ обойдутся, милліоновъ около 300. Въ ближайшемъ будущемъ вся сумма расходовъ на нашу дальневосточную политику поднимется, такимъ образомъ, до 4 милліардовъ. Въ цѣломъ мірѣ, должно быть, не существуетъ болѣе дорогой колоніи, чѣмъ наша. Если попробовать подсчитать, во что намъ обошлась каждая русская семья на Дальнемъ Востокѣ, то получаются числа болѣе похожія на курьезы, чѣмъ на результаты обдуманнаго государственнаго творчества. Конечно, указанный подсчетъ, въ сущности, не вѣренъ, ибо далеко не всѣ 4 милліарда, упомянутые выше, могутъ быть, разсматриваемы, какъ расходы на Приамурье. То, что погибло на Ляодунскомъ полуостровѣ, то, что затрачено на войну, нашимъ нынѣшнимъ областямъ не принесло никакой или почти никакой пользы. Но и суммы, затраченныя на самое Приамурье, настолько значительны, что даютъ основаніе ожидать отъ нашей колоніальной политики богатыхъ плодовъ. Создали ли мы дѣйствительно на Дальнемъ Востокѣ населенный и зажиточный край?

Наше Приамурье прежде всего довольно безлюдно. По даннымъ областныхъ статистическихъ комитетовъ все населеніе Амурской

области достигало къ 1 янв. 1910 г. 240 тысячъ душъ обоего пола, а населеніе Приморской области 491 тыс. душъ. Вмѣстѣ это составляетъ 731 тыс. человѣкъ. Населеніе большого русскаго уѣзда на территоріи практически безпредѣльной. Но и 731 тыс., какъ показатель результатовъ русской колонизаціонной дѣятельности на Дальнемъ Востокѣ, еще слишкомъ высокая характеристика. Та же оффиціальная статистика среди 731 тыс. всего населенія насчитываетъ 133 тыс. иностранцевъ.

Иностранцы нашего Дальняго Востока—это европейцы, японцы, корейцы и китайцы. Число первыхъ довольно ничтожно. Живутъ они главнымъ образомъ во Владивостокѣ, и нѣмцы преобладаютъ среди нихъ. Нѣмецкіе купцы были, кажется, первыми европейцами,—если не считать, конечно, русскихъ,—проникшими въ Приамурье. Привезти товаръ изъ Гамбурга было не труднѣе, чѣмъ изъ Одессы, и во всякомъ случаѣ легче, чѣмъ изъ Москвы черезъ Иркутскъ. А рынокъ нарождавшейся колоніи не былъ еще захваченъ англичанами, и въ Приамурьѣ можно было расторговаться безъ всякой борьбы. Нѣмцы долго культивировали торговлю съ Владивостокомъ. Самая большая фирма въ немъ и теперь въ нѣмецкихъ рукахъ. Это—торговый домъ «Kunst und Albers», основанный въ 1864 году и играющій въ хозяйственной жизни Приамурья огромную роль. Объ его организаціи стоитъ сказать нѣсколько словъ. Отдѣленія по закупкѣ товаровъ «Kunst» имѣетъ въ Германіи и въ европейской Россіи. Отдѣленія по продажѣ,—въ крупныхъ числахъ,—въ 30 приамурскихъ селахъ и городахъ. Онъ ведетъ оптовую и розничную торговлю рѣшительно всѣмъ: мукою, платьемъ, земледѣльческими машинами, бумагой, виномъ... Его главныя отдѣленія во Владивостокѣ, въ Благовѣщенскѣ и Хабаровскѣ, мало отличаются отъ европейскихъ универсальныхъ магазиновъ, получившихъ названіе въ Германіи Warenhaus. «Kunst» былъ бы хозяиномъ положенія въ дальневосточной торговлѣ, но въ лицѣ фирмы «И. Я. Чурина» съ нимъ борется сильный и способный конкуррентъ. Весьма возможно, что въ настоящее время,—отчасти благодаря закрытію порто-франко,—русская фирма уже переросла нѣмецкую. И вообще въ послѣдніе годы относительное значеніе нѣмецкой торговли въ Приамурьѣ упало.

Нѣмцы дали нашей колоніи продукты своей промышленности и американскія машины; можетъ быть, въ тѣсномъ кругу распространили нѣкоторыя привычки къ комфорту, но большой *культурной* роли на Дальнемъ Востокѣ они не сыграли. Ихъ жизнь и на берегахъ Японскаго моря и Амура осталась нѣмецкой жизнью, а жизнь народовъ, среди которыхъ они дѣйствовали,—жизнью русской, корейской, китайской, но не европейской.

Вслѣдъ за нѣмцами слѣдуетъ назвать японцевъ. Ихъ больше. Среди нихъ много фотографовъ, рабочихъ и работницъ прачешныхъ заведеній, обитателей и обитательницъ домовъ терпимости. А еще больше,—это, говорятъ, на Дальнемъ Востокѣ,—информаторовъ токійскаго правительства. Я не могу ни поддерживать это обвиненіе, ни опровергать его. Я только отмѣчаю, что оно высказывается людьми самыхъ разнообразныхъ направленій, положеній и темпераментовъ. Въ области хозяйства значеніе японцевъ во всякомъ случаѣ ничтожно. Только съ политической точки зрѣнія они, быть можетъ, играютъ въ Приамурьѣ серьезную роль.

Къ числу иностранцевъ принадлежатъ затѣмъ корейцы. По даннымъ губернаторской статистики ихъ около 40.000. Еще недавно ихъ было больше, и теперь ихъ число снова ростетъ. Нынѣшній генералъ-губернаторъ Приамурья, Н. Л. Гондати, имъ покровительствуетъ. Его предшественникъ генералъ Унтербергеръ ихъ преслѣдовалъ. Теперь въ корейцахъ, готовыхъ принять русское подданство, видятъ,—и притомъ справедливо видятъ,—надежный элементъ для нашего укрѣпленія въ краѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ въ корейцахъ видѣли опасныхъ инородцевъ и ихъ изгоняли самыми энергичными мѣрами.

Корейцы — образцовые земледѣльцы, особенно огородники. Ихъ много въ окрестностяхъ Хабаровска, Владивостока, Никольска-Уссурійскаго. Они живутъ на земляхъ крестьянъ и казаковъ, и въ организаціи хозяйства нашихъ новоселовъ они являются часто совершенно необходимымъ элементомъ. Непритязательные въ своихъ потребностяхъ, упорные и терпѣливые въ борьбѣ съ природой, они— превосходные проводники новой жизни въ тайгѣ. Они не привыкли у себя на родинѣ къ земельному простору и живутъ сыто, раскорчевавъ и обработавъ 1—2 десятины на семью. Нашъ переселенецъ, воспитанный въ условіяхъ экстенсивнаго хозяйства, пасуетъ тамъ, гдѣ кореецъ еще умѣетъ приспособиться, и не одно русское хозяйство утвердилось на Дальнемъ Востокѣ лишь благодаря тому, что его поддержалъ въ періодѣ обоснованія кореецъ—арендаторъ или работникъ. Корейцы, наконецъ, въ противоположность китайцамъ склонны принимать нѣкоторые элементы русской культуры, прежде всего внѣшней культуры, приносимой Россіей. Они заводятъ европейскую шляпу, довольно быстро переходятъ отъ бѣлой рубашки къ пиджаку, пріобрѣтаютъ сапоги, по внѣшнему облику стараются слиться съ русскимъ населеніемъ, а это—шагъ къ полному сліянію съ нимъ. Въ особенности въ настоящее время, подъ вліяніемъ гнета японской администраціи на родинѣ, корейцы сильно тяготѣютъ къ Россіи. И мысль использовать въ цѣляхъ заселенія Приамурья

этихъ тихихъ, работоспособныхъ колонистовъ, безъ родины и безъ собственныхъ культурно-политическихъ стремленій, настолько естественна, что невозможно понять, почему ген. Унтербергеръ преслѣдовалъ ихъ. Теперь, когда не только теоретически измѣнились взгляды приамурской администраціи на корейскій вопросъ, но и административная практика пошла по пути покровительства корейцамъ,—ихъ принимаютъ въ русское подданство въ облегченномъ порядкѣ,—теперь печальныя послѣдствія прежнихъ ошибокъ особенно ощутимы. Преслѣдованіе корейцевъ тормазило развитіе производительныхъ силъ Приамурья и форсировало приливъ въ Приамурье тѣхъ самыхъ китайцевъ, борьбой съ которыми, въ настоящее время, поглощена вся гражданская администрація Дальняго Востока. Получилось недоразумѣніе самаго прискорбнаго свойства. Наша дальневосточная золотопромышленность наияснѣйшимъ образомъ иллюстрируетъ его. У меня имѣются данныя только по одному изъ трехъ золотопромышленныхъ округовъ Амурской области, по Буреинскому округу. Но въ отношеніи національнаго состава населенія другіе округи—Зейскій и Амурскій—едва ли сколько-нибудь отличаются отъ него. По вѣдомости горнаго исправника среди населенія Буреинскаго округа было:

	въ 1907 г.	въ 1910 г.
русскихъ	3173	2585
китайцевъ	1395	8429
корейцевъ	2129	307
инородцевъ	17	270
Все населеніе	6714	11591

Корейцевъ почти не стало. Число китайцевъ возросло въ семь разъ. Теперь, когда ген.-губ. Гондати приняты рѣшительныя мѣры къ тому, чтобы вытѣснить изъ Приамурья китайцевъ, вѣроятно, начнется обратный процессъ. Можно спорить о томъ, какая политика по отношенію къ желтолицому населенію Приамурья является болѣе правильной. Повидимому, въ принципѣ (къ сожалѣнію, не въ методахъ осуществленія этого принципа) Н. Л. Гонданти стоитъ на болѣе правильномъ пути. Но во всякомъ случаѣ безотрадна и вредна политика, мѣняющая свои цѣли чуть не черезъ каждыя пять лѣтъ, покровительствующая то одной, то другой народности, заставляющая постоянно мѣнять рабочій составъ неокрѣпнувшихъ предпріятій и подрывающая тѣмъ самымъ производительныя силы края.

Большую часть иностранцевъ Приамурья составляютъ китайцы. По статистикѣ губернскихъ правленій число ихъ доходитъ до

$^1/_{12}$ русскаго населенія—88 тыс. человѣкъ. Статистика, на которую я ссылаюсь, очень далека отъ точности; но если она даже болѣе или менѣе вѣрна, то все же не даетъ полнаго представленія о дѣйствительномъ значеніи китайцевъ въ хозяйственной жизни Приамурья. Быть можетъ, къ 1 янв. 1910 г., къ которому относится приведенная цифра, китайцевъ и было всего около 100.000. Но лѣтомъ въ разгаръ строительной дѣятельности, въ страдное время земледѣльческихъ работъ, въ періодъ добыванія золота на Джилиндѣ, Зеѣ, Селендѣ и Буреѣ, —лѣтомъ число китайцевъ удваивается и утраивается. Теперь, въ связи съ политикой вытѣсненія китайцевъ, для нихъ введена строгая паспортная система и, быть можетъ, со временемъ число ихъ можно будетъ опредѣлить съ достаточной степенью достовѣрности. Пока о размѣрахъ лѣтней иммиграціи китайцевъ можно судить только на глазъ, довѣряясь впечатлѣніямъ старожиловъ и людей знакомыхъ съ рабочимъ вопросомъ въ разныхъ областяхъ нашей дальне-восточной промышленности. Моремъ во Владивостокъ, по рѣкѣ Сунгари въ Хабаровскъ и Благовѣщенскъ пріѣзжаютъ многія десятки тысячъ китайцевъ, разсѣивающихся затѣмъ по всей странѣ.

И чтобы оцѣнить значеніе китайцевъ въ Приамурьѣ, надобно еще принять во вниманіе, что китаянокъ на русской территоріи почти нѣтъ, что дѣтей китайцы, конечно, тоже не берутъ съ собой: Приамурье для нихъ только мѣсто отхожаго промысла. Изъ 88 тыс. китайцевъ, которые были зарегистрированы къ 1 января 1910 г., женщинъ было всего 4 тыс., и смѣло можно сказать, что не больше было и дѣтей. Если же въ лѣтнее время число китайцевъ достигаетъ даже только 150 тыс., то эти 150 тыс. человѣкъ почти сплошь въ рабочемъ возрастѣ. Ихъ надо сопоставлять не съ 600 тыс. русскаго населенія Приамурья и даже не съ 333 тыс. русскаго населенія мужского пола, а приблизительно съ 200 тыс. взрослыхъ русскихъ мужчинъ. И тогда оказывается, что въ лѣтнее время, въ періодъ полнаго развитія всѣхъ работъ на 4 русскихъ рабочихъ приходится 3 китайца, или, если этотъ разсчетъ преувеличенъ, на 2 русскихъ—1 китаецъ. Оказывается, что, по крайней мѣрѣ, на $^1/_3$ нашъ Дальній Востокъ держится китайскимъ трудомъ. Китайцевъ можно найти во всѣхъ отрасляхъ промышленности. Если и существуетъ одно предпріятіе,—Амурская ж. д.,—въ которомъ ихъ нѣтъ, то это происходитъ не потому, что къ такому положенію привела сама жизнь, а потому что это установлено законодательной нормой. Китайцы,—я имѣю въ виду китайцевъ не по національности, а по подданству, т. е. и китайцевъ и маньчжуръ,—играютъ огромную роль въ сельскомъ хозяйствѣ. «Земледѣліе крестьянъ держится на желтомъ трудѣ

на $^1/_3$, земледѣліе казаковъ—на $^1/_2$», утверждаетъ Н. Л. Гондати. Это, разумѣется, опять-таки только опредѣленіе на глазъ; можетъ быть, нѣсколько преувеличенное, но едва ли въ очень большой степени. Земледѣліе, однако, не исчерпываетъ всего. Мы только что видѣли, что золото въ Приамурьѣ добывается, въ настоящее время, почти всецѣло руками китайцевъ. Китайцы-кули играютъ значительную роль въ рыболовствѣ и въ обрабатывающей промышленности нашей окраины. И, наконецъ, любимое занятіе китайцевъ—торговля тоже не въ малой мѣрѣ въ ихъ рукахъ; не крупная, а средняя и мелкая торговля въ городахъ, деревняхъ и столицахъ. О торговой дѣятельности китайцевъ я могу привести слѣдующія цифры.

Число торговцевъ.

Амурская область.

Предпріятія.	Китайцы.	Русскіе.	Остальные.	Всего.
I разряда	»	15	2	17
II »	133	770	17	920
III »	307	1,239	13	1,559
IV »	23	305	2	330
Развозный торгъ	21	112	2	135
Разносный торгъ	55	35	»	90
Всего	539	2,476	36	3,051

Приморская область.

Предпріятія.	Китайцы.	Русскіе.	Остальные.	Всего.
I разряда	3	57	17	77
II „	713	1609	148	2470
III „	1666	1779	166	3611
IV „	420	1352	74	1846
Развозный торгъ	56	75	„	131
Разносный торгъ	122	39	„	161
Всего	2980	4911	405	8296

Въ Амурской области мелкая торговля китайцевъ не такъ распространена, какъ въ Приморской; въ послѣдней же торговыхъ предпріятій третьяго разряда въ китайскихъ рукахъ почти столько же, сколько въ русскихъ, и около 36% всѣхъ торговыхъ заведеній имѣютъ владѣльцами китайцевъ.

«Окраина, на которой китайцы играютъ такую огромную роль,—не русская окраина; задача нашей колоніальной политики заключается между тѣмъ въ томъ, чтобы превратить Приамурье въ русскій край. Сдѣлать это не хитро: надо прогнать китайцевъ, и на ихъ мѣсто явятся русскіе. Если же создать еще и льготныя усло-

вія перевозки, а въ предпріятія государственныя китайцевъ совсѣмъ не пускать, то дѣло должно пойти и быстро, и успѣшно». Таковы тезисы нынѣшней дальневосточной политики по отношенію къ китайцамъ.

Политика эта проводится со всей возможной настойчивостью нынѣшнимъ ген.-губернаторомъ Приамурья и подчиненнымъ ему административнымъ аппаратомъ. Основная мѣра, которой пользуются при этомъ,—требованье отъ китайцевъ довольно дорого оплачиваемыхъ паспортовъ (если не ошибаюсь,—10 рублями). Не допускать китайцевъ на русскую территорію мы, по существующимъ договорамъ съ Китаемъ, не имѣетъ права. Въ этомъ, однако, нѣтъ и нужды: десятирублевая плата за паспортъ оказывается на практикѣ средствомъ, при строгомъ примѣненіи, вполнѣ достигающимъ цѣли.

Какъ относиться къ этой политикѣ? Ни осудить, ни оправдать ее огульно нельзя. Не подлежитъ сомнѣнію, что допустить свободную колонизацію Приамурья китайцами, это значитъ—превратить его въ желтый край и рано или поздно потерять его. Мѣры противъ наплыва китайцевъ необходимы; безъ нихъ обойтись нельзя. Но при всемъ томъ стремительность, съ которой осуществляется изгнаніе китайцевъ, полное пренебреженіе интересами полунищаго желтолицаго люда,—и одіозны, и вредны во многихъ отношеніяхъ. Они порождаютъ въ китайцахъ вражду къ Россіи и, кромѣ того, на хозяйственную жизнь Приамурья дѣйствуютъ чувствительнымъ образомъ. Можно, конечно, перемѣнить составъ рабочихъ во всякомъ предпріятіи, но должно это дѣлать лишь съ осторожностью и постепенностью. Въ любомъ экономическомъ учебникѣ можно прочитать,—и всякій практикъ знаетъ это по опыту,—что нѣтъ ничего болѣе важнаго и болѣе цѣннаго для любого предпріятія, чѣмъ хорошо извѣстный, опытный и преданный дѣлу контингентъ рабочихъ. Если на 2 взрослыхъ русскихъ въ Приамурьѣ приходится 1 взрослый китаецъ, то быстрое изгнаніе китайцевъ неминуемо должно поставить въ критическое положеніе цѣлый рядъ приамурскихъ хозяевъ.

Зло, приносимое неосторожнымъ, импульсивнымъ примѣненіемъ противокитайскихъ мѣръ затушевывается въ Приамурьѣ тѣмъ обстоятельствомъ, что на него, въ настоящее время, снова падаетъ золотой дождь: постройка Амурской желѣзной дороги приноситъ ежегодно десятки милліоновъ и является въ рѣдко населенномъ краѣ факторомъ первой величины. Но скрытое зло все же остается зломъ.

Приамурскія власти, словно, боятся, что имъ помѣшаютъ идти намѣченнымъ нынѣ путемъ; они какъ будто стремятся воплотить

свои мысли въ дѣло съ быстротой людей, являющихся халифами на часъ: сдѣлать это дѣло такъ, чтобы уже не было возврата. Такая психологическая интерпретація, можетъ быть, многое разрѣшаетъ; но она ничего не оправдываетъ. Хороша только та политика, которая увѣренна, по возможности, постепенна и справедлива. Наша дальневосточная политика по отношенію къ китайцамъ грѣшитъ противъ всѣхъ частей этого правила.

Чѣмъ является русское населеніе въ нашей колоніи, едва на $^2/_3$ русской? Что такое тѣ 600 тысячъ душъ обоего пола, которыя переселились на Дальній Востокъ или родились тамъ?

Когда путешествуешь по Приамурью, или просматриваешь статистику приамурскаго населенія, прежде всего поражаешься огромнымъ значеніемъ городовъ на Дальнемъ Востокѣ. Изъ 600 тыс. русскихъ въ городахъ живутъ 177 тысячъ или около 30%, немногимъ меньше $^1/_3$, между тѣмъ какъ въ общемъ составѣ населенія имперіи на долю городовъ приходится всего $^1/_8$—отъ 12 до 13%. Въ Благовѣщенскѣ, по даннымъ на 1/I 1910 г. русскихъ—59 тыс. (все населеніе города—64 тыс.), на Зеѣ-Пристани—5 тыс., во Владивостокѣ—54 тыс. (все населеніе—90 тыс.), въ Никольскѣ Уссурійскомъ—18 т. (всего—29 т.), въ Хабаровскѣ—32 т. (всего—41 т.), въ Николаевскѣ—9 т. (всего—12 т.). Это скопленіе въ городахъ—обстоятельство чрезвычайно существенное и важно для характеристики нашего Приамурья.

По наблюденіямъ надъ фактами западной Европы и—европейской частью Россіи мы привыкли разсматривать большой процентъ городского населенія, какъ симптомъ высокаго развитія обрабатывающей промышленности и торговли. На Дальнемъ Востокѣ обрабатывающая промышленность довольно ничтожна: нѣсколько лѣсопильныхъ заводовъ, мельницы въ Благовѣщенскѣ и другихъ городахъ, винокуренные заводы, пивоваренные и кирпичные, это—почти все. Города Приамурья существуютъ и процвѣтаютъ не благодаря обрабатывающей промышленности. Безспорно, они довольно значительные торговые центры. Благовѣщенскъ для золотопромышленности Зейскаго и Буреинскаго горнаго округовъ и для собственной довольно большой земледѣльческой округи; Николаевскъ—для рыбной промышленности низовьевъ Амура; Владивостокъ—для ввоза иностранныхъ товаровъ въ Приморскую и Амурскую области и для вывоза маньчжурскихъ бобовъ. Но не въ меньшей, скорѣе въ большей степени, чѣмъ въ торговлѣ, причина существованія дальневосточныхъ городовъ коренится въ другомъ: они — военные и

административные центры. Вотъ сопоставленіе цифръ, которое является любопытнымъ. Въ Благовѣщенскѣ дворянъ насчитываютъ 822, а почетныхъ гражданъ и купцовъ (членовъ купеческаго сословія)—1602. Послѣдніе преобладаютъ, но и первые занимаютъ значительное мѣсто. Во Владивостокѣ на 679 дворянъ приходится почетныхъ гражданъ и купцовъ нѣсколько меньше,—1178. Здѣсь соотношеніе уже менѣе благопріятно для купечества. Въ Хабаровскѣ, наконецъ, считаютъ дворянъ—1958, а почетныхъ гражданъ и членовъ купеческаго сословія—1258. Здѣсь уже рѣшительно преобладаетъ дворянство. Цифры эти, конечно, только намѣчаютъ общую тенденцію. И статистика (областная), изъ которой онѣ взяты, крайне плоха, и торговать могутъ не только почетные граждане и гильдейскіе купцы, а также мѣщане и крестьяне, и, наконецъ, на государственной службѣ можно находиться, не обладая даже личнымъ дворянствомъ. Но основную тенденцію онѣ все же намѣчаютъ вполнѣ правильно: Хабаровскъ—чисто административный центръ, Благовѣщенскъ—весьма торговый городъ, а Владивостокъ занимаетъ промежуточное положеніе. Въ итогѣ 30% всего русскаго населенія Приамурья приходится на города, потому что въ общей экономикѣ нашей дальневосточной жизни государственная дѣятельность играетъ пока огромную роль. Что же касается до самостоятельной экономической основы нашихъ дальневосточныхъ областей, то ее приходится искать внѣ городовъ.

Я остановлюсь только на главнѣйшихъ группахъ внѣгородского населенія Приамурья: на казакахъ, крестьянахъ - земледѣльцахъ, на тѣхъ, кто занятъ въ золотопромышленности и на тѣхъ, кто находитъ свое пропитаніе въ рыболовствѣ.

Казаки пришли первыми въ Приамурье, и лѣтопись казачьей колонизаціи—одна изъ самихъ мрачныхъ, можетъ быть, самая мрачная страница въ его исторіи. Въ одной изъ уссурійскихъ станицъ въ разговорѣ съ нѣсколькими пожилыми казаками мнѣ пришлось вызвать энергичные и почти рѣзкіе протесты противъ того, что дальневосточная окраина въ серединѣ прошлаго столѣтія досталась намъ легко. То, что выстрадали первые, по большей части невольные, піонеры, не поддается даже описанію, и съ точки зрѣнія ихъ потомковъ я, конечно, былъ неправъ. Хуже всего были 50-е, 60-е и 70-е годы. Колонизацію построили на принудительныхъ началахъ. Людей отдали въ полное, фактически безконтрольное распоряженіе начальства, часто неумѣлаго, часто недостойнаго. Уже казаки, отправленные первыми на Амуръ, испытали отчаянныя бѣдствія. Наканунѣ переговоровъ съ Китаемъ имъ приказано было возвратиться отъ устьевъ Амура къ его верховьямъ, чтобы продемонстрировать передъ китайцами, какъ мы свободно передвигаемся

по пограничной рѣкѣ. Одинъ изъ амурскихъ казаковъ,—Р. Богдановъ,—оставилъ въ своихъ воспоминаніяхъ описаніе этой трагической демонстраціи нашей мощи. «Солдаты, голодные, шли пѣшкомъ при 35° морозѣ въ однѣхъ шинеляхъ и фуражкахъ, полуживые, обезображенные морозомъ, закоптѣвшіе отъ дыма до неузнаваемости... Несмотря на все это, солдаты тащили ружья и ранцы; случалось встрѣчать солдата едва передвигавшаго ноги; на совѣтъ бросить амуницію отвѣчали, что за потерю казеннаго имущества отдадутъ подъ судъ... Отъ нынѣшней Пермыкинской станицы все чаще и чаще стали попадаться замерзшіе солдаты по дорогѣ и у огней; ниже нынѣшняго Дагановскаго почтоваго стана, на одномъ островѣ, было много труповъ замерзшихъ въ разныхъ позахъ и, большею частью, погибшихъ, должно полагать, отъ голода... На этомъ островѣ застали человѣкъ 20 или 25 живыми, которые по случаю неимѣнія сапогъ и разнымъ другимъ причинамъ, не могли идти далѣе и остались тутъ, питаясь человѣческимъ мясомъ». (Цитирую по «Приамурью», 1909, стр. 69).

Казаки страдали отъ того, что ихъ насильно отрывали съ насиженныхъ мѣстъ; страдали отъ дезорганизованности во время передвиженія. Они гибли отъ того, что ихъ заставляли селиться въ непригодныхъ для земледѣлія мѣстахъ. Къ тому моменту, когда они должны были со свѣжей энергіей колонизаторовъ новаго края приниматься за свою трудную работу, они уже были разорены и доведены до отчаянія. Но и это не все. Въ станицахъ,—для болѣе быстраго заселенія края,—помѣщали штрафныхъ солдатъ, нравственно никуда негодный элементъ, развращавшій станичное населеніе. И въ довершеніе всего вся жизнь казаковъ,—строевая, что естественно, и хозяйственная, что уже неестественно, и семейная, что совсѣмъ противоестественно, была отдана въ распоряженіе сотенныхъ командировъ. Тотъ же казакъ, воспоминанія котораго я цитировалъ, описываетъ и станичную жизнь первыхъ десятилѣтій существованія новаго войска. Сотенными командирами «назначались люди молодые, почти со школьной скамьи, неопытные, а если и въ зрѣломъ возрастѣ, то имѣли слабость къ водкѣ, вслѣдствіе которой дѣлали разныя безобразія... Эти господа исполняли только свои прихоти. Молодежь обоего пола, да нѣкоторые пожилые люди участвовали въ разгулахъ и считали счастьемъ напиться пьяными вмѣстѣ съ сотеннымъ командиромъ. Тѣхъ, кто по нѣкоторымъ семейнымъ обстоятельствамъ, наипаче у кого были взрослыя дѣвушки, не желали участвовать въ разгулѣ, и у себя въ домѣ не дозволяли дѣлать безобразій,—въ силу дисциплины, наказывали розгами, дѣлали виновными посредствомъ разныхъ придирокъ и назначали ихъ, какъ бы

за неповиновеніе начальству, не въ очередь на общественныя работы, а самыхъ упорныхъ посылали въ городъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ самое горячее лѣтнее рабочее время, такъ что по возвращеніи оттуда осенью, онъ оставался почти безъ всего нужнаго для зимы». (Цитирую по «Приамурью», стр. 74).

Въ этой выпискѣ меня интересуетъ не тотъ фактъ, что были плохіе начальники у амурскихъ казаковъ и что совершались жестокія злоупотребленія. Я привожу его только, чтобы показать, подъ какимъ вліяніемъ выработался типъ дальневосточнаго хозяина-казака. Въ началѣ казачьей колонизаціи стояло принужденіе и въ теченіе почти всей ея исторіи принужденію принадлежала выдающаяся роль. Принужденіе нигдѣ не создаетъ энергичныхъ и жизнеспособныхъ хозяевъ, и оно, конечно, не создало ихъ и на Амурѣ, и Уссури. Нынѣшнее казачье населеніе Дальняго Востока въ хозяйственномъ отношеніи не является особенно цѣннымъ элементомъ. Правда, виной тому не одни только историческіе грѣхи.

На Амурѣ особая тягота казачьей воинской повинности, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ и частыя мобилизаціи сдѣлали казачье сословіе малопригоднымъ къ культурной колонизаціи новыхъ земель. Неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ характеризуетъ настроеніе всего населенія Приамурья; но у казаковъ—первыхъ защитниковъ края въ случаѣ внѣшней опасности, это настроеніе естественно должно особенно сильно мѣшать спокойной, мирной дѣятельности. И, что особенно любопытно, начальство до послѣдняго времени полагало, что иначе и быть не должно, что слишкомъ мирная жизнь вредно отражается на боевыхъ качествахъ казачьихъ войскъ. Не очень давно двѣ уссурійскія станицы просили о расквартированіи у нихъ двухъ полусотенъ для защиты отъ хунгузовъ. Бывшій ген. губ. Унтербергеръ отвѣчалъ: «Охрану мѣстнаго казачьяго населенія строевыми частями признаю противорѣчащей духу казачества, умаляющей его значеніе, какъ охранителя нашей государственной границы. При наличіи въ сопредѣльной съ Приамурьемъ мѣстности многочисленныхъ шаекъ хунгузовъ борьба съ ними въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже полезна для здѣшнихъ молодыхъ казачьихъ войскъ, ибо это создаетъ естественныя условія, близкія къ тѣмъ, въ коихъ крѣпло и развивалось древнее русское казачество, и придаетъ жизни войскъ нѣкоторый боевой оттѣнокъ, несомнѣнно повышающій ихъ боевыя качества, чѣмъ особливо нуждается уссурійское войско, наполовину составленное изъ пришлыхъ крестьянъ». (Государственная Дума, комиссія по запросамъ 1911 г. № 402).

«Древнее русское казачество», которое ген. Унтербергеръ ставилъ въ примѣръ уссурійскому войску, отличалось, конечно,

многими доблестями, но едва ли обладало всѣми качествами, которыя необходимы для колонизаціонный работы въ 20-мъ вѣкѣ. Не обладаютъ ими и приамурскіе казаки. Это подтверждаютъ, по крайней мѣрѣ, всѣ, кому пришлось въ томъ или другомъ углу наблюдать станичное хозяйство. Конечно, относительно Приамурья трудно что-либо обобщать. Страна огромная, казачьи станицы разбросаны на протяженіи тысячъ верстъ; казаки приходили въ разное время и изъ разныхъ мѣстъ: изъ Забайкалья, изъ Оренбургской губ., изъ Кубанской области, съ Дона и т. д. Самое переселенье совершалось въ разныхъ условіяхъ. Естественно, что и результаты его должны быть крайне различны. Я видѣлъ очень зажиточныя станицы; но зажиточны онѣ, главнымъ образомъ, не благодаря исключительному трудолюбію своихъ обывателей, а потому, что имъ были даны почти неограниченныя земельныя и водныя богатства. Охота, рыбная ловля и поставка лѣса для быстро развивающагося амурскаго пароходства—основное дѣло многихъ станицъ. Земледѣльемъ занимаются при помощи китайцевъ и корейцевъ, далеко не распахивая всего того, что можно было бы воздѣлать по имѣющемуся количеству удобной земли и свободныхъ рабочихъ силъ. Нельзя сказать, что казачье сословіе въ Приамурьѣ существуетъ лишь благодаря поддержкѣ центральнаго правительства и что станицы опустѣли бы въ тотъ годъ, когда Петербургъ пересталъ бы затрачивать милліоны на нашу дальневосточную колонію. Правда, поддержка правительства проявляется и въ высокомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ,—результатъ особой системы «покровительственныхъ» интендантскихъ закупокъ,—и въ субсидированіи пароходства, которое жители станицъ снабжаютъ дровами; но я думаю, что на обширной площади казачьихъ земель 68000 душъ казачьяго сословія [1]) могли бы прокормиться и безъ всякихъ прямыхъ и косвенныхъ субсидій. Они были бы менѣе сыты, чѣмъ теперь, но они не были бы и голодны и, поглядѣвъ, какъ живется крестьянамъ въ другихъ частяхъ Россіи, они едва ли пожелали бы уйти съ Амура и Уссури.

Что касается крестьянскаго населенія Приамурья, то оно образуетъ непрерывную цѣпь хозяйствъ, стоящихъ на самыхъ различныхъ уровняхъ благосостоянія. Раскольники и сектанты, давно уже пришедшіе въ Приамурье, въ особенности въ Амурскую область, явленіе совершенно исключительное въ нашемъ крестьянскомъ мірѣ. Ихъ называютъ иногда помѣщиками. Это невѣрно. Хотя они и держатъ наемныхъ рабочихъ, особенно желтолицыхъ, но хозяйство ихъ построено на крестьянскій ладъ: они сами дѣльные, усердные работ-

[1]) 39000 входятъ въ составъ Амурскаго казачьяго войска и 29000 въ составъ Уссурійскаго.

ники. Это люди особаго склада. Они не боятся новыхъ опытовъ, не боятся большихъ затратъ, когда могутъ ихъ произвести; они слишкомъ много видѣли на своемъ вѣку, чтобы вѣровать,—по крайней мѣрѣ, въ практической жизни,—въ одну только традицію, освященную стариной. И затѣмъ, они чувствуютъ себя гораздо свободнѣй, чѣмъ крестьяне европейской Россіи. Они приходили въ тайгу, куда рѣдко являлось начальство, и часто жили фактически свободными республиками. Контрастъ между ними и только что пришедшими изъ Россіи переселенцами, выпрашивающими, ломая шапки, «способія» у чиновниковъ, прямо поразителенъ. И хотя ясно, что ихъ высокая зажиточность создалась благодаря исключительно благопріятнымъ условіямъ, которые имѣли мѣсто однажды и едва ли повторятся вновь, хотя дешевый желтый трудъ и интендантскія закупки хлѣба по несоразмѣрно высокой цѣнѣ увеличиваютъ довольно существенно ихъ благосостояніе, но все же причина ихъ успѣха не только въ этихъ обстоятельствахъ, но и въ той энергіи и разсудительности, съ которыми они брались за дѣло. И вотъ почему они мнѣ кажутся отраднымъ примѣромъ того, чѣмъ русскіе крестьяне могутъ быть. Въ Приамурьѣ же они образуютъ самый устойчивый хозяйственный элементъ, одну изъ немногихъ здоровыхъ частей всего нашего колоніальнаго предпріятія.

Другое крайнее звено въ цѣпи дальневосточныхъ хозяйствъ представлено только что пришедшими переселенцами. Въ теченіе первыхъ лѣтъ своего пребыванія въ новомъ краѣ они ведутъ довольно жалкое существованіе; затѣмъ, однимъ удается обосноваться, другіе остаются въ качествѣ безсильныхъ хозяевъ, третьи бросаютъ свои участки, бродятъ по области въ поискахъ работы въ лѣсничествахъ и городахъ, или возвращаются на родину. Число обратныхъ переселенцевъ колеблется отъ года къ году, завися и отъ размѣровъ переселенческаго движенія предыдущихъ лѣтъ, и отъ случайныхъ условій—урожая, наводненій и т. п. Въ 1908 г. въ Амурскую область прибыло 1103 семьи и выбыло изъ нея 216, т. е. 20%. Въ 1909 г. прибыло 3071 сем. и ушло 464, что составляетъ 15%, въ 1910 г. прямыхъ переселенцевъ было 3648 семей, а обратныхъ 708, т. е. снова около 20% вновь пришедшихъ. Въ 1910 г. (по 9 іюля) переселенье сильно замедляется: вселилось въ область 536 семей и выбыло 384, около 71%; прироста числа переселенцевъ почти что не было вовсе. Въ Приморской области число прямыхъ переселенцевъ въ 1908 г. составляло 4475 семей, а обратныхъ 1147 (26%), въ 1909 г.: 5053 и 1238 (24%), въ 1910 г.: 4152 и 589 (14%). Цифровыхъ данныхъ о 1911 г. у меня нѣтъ подъ рукой, но извѣстно, что и въ Приамурской области въ

1911 г. было весьма мало новыхъ переселенцевъ, и соотношеніе между крестьянами, прибывшими на новыя мѣста, и хозяевами, рѣшившими проститься съ областью, было вѣроятно близко къ равновѣсію. Обратныхъ переселенцевъ много: приведенныя числа не оставляютъ въ этомъ сомнѣнія; изъ 5—6 семей возвращается одна, и это тѣмъ болѣе ненормально, что нельзя опредѣленно утверждать, что всѣ остающіяся семьи хорошо устраиваются. Чѣмъ объяснить это явленіе? Я приведу сперва выписку изъ оффиціальнаго документа, касающагося Приморской области. «Обратные переселенцы 1909 г. отличались малосильностью и матеріальной необезпеченностью, едва ли допускавшими для нихъ возможность устроиться въ краѣ даже при усиленной правительственной помощи; если же принять во вниманіе весеннее наводненіе, столь отрицательно повліявшее на психику этой маломощной массы, грозныхъ конкуррентовъ на рынкѣ труда въ лицѣ дешевыхъ желтыхъ рабочихъ и суровую таежную природу предлагаемыхъ нынѣ переселенческихъ участковъ, то станетъ вполнѣ понятнымъ, почему изъ общаго состава 1238 семей 704 даже и не попытались устраиваться на участкахъ, ибо онѣ не выбрали даже водворительныхъ документовъ; но и изъ числа выполнившихъ эту формальность свыше 100 семей не воспользовалось своимъ правомъ на полученіе ссудъ, выдававшихся крупными суммами (?) всѣмъ желающимъ при отправленіи на участки, что указываетъ на сознаніе большинствомъ своей безпомощности въ краѣ на первыхъ шагахъ водворенія». «Наши заключенія, основанныя на семейномъ и экономическомъ положеніи обратныхъ переселенцевъ вполнѣ подтверждаются отвѣтами самихъ выселяющихся о причинахъ оставленія ими Приморскаго района: такъ 43% обратныхъ семей объяснили свой уходъ болѣзнью, смертью, или разладомъ въ семьѣ, 32% объяснили свой уходъ таежностью и кочковатостью участковъ, — развѣ это не признаніе собственнаго безсилія устроиться въ тѣхъ условіяхъ, гдѣ на глазахъ этихъ же обратныхъ водворяются и укрѣпляются ихъ родственники и односельчане?» То, что сказано здѣсь лицами, занятыми переселенческимъ дѣломъ на мѣстахъ и знающими его близко, кажется мнѣ справедливымъ, отвѣчаетъ дѣйствительности. И эта оцѣнка причинъ обратнаго переселенія изъ Приморской области можетъ быть распространена на все Приамурье. Въ Европейской Россіи не имѣются въ достаточномъ количествѣ тѣ элементы, которые, по своему матеріальному положенію, семейному составу, хозяйственнымъ и душевнымъ качествамъ, способны были бы совершить въ Приамурьѣ нынѣшнюю тяжелую колонизаціонную работу. Приходятъ люди, которымъ эта работа не подъ силу: это первое впечатлѣніе, которое получаешь

отъ осмотра деревни новоселовъ; въ ней ясно видишь дворы, безповоротно обреченные на неудачу. Это фактъ, съ которымъ надо считаться. Необходимо признать, что и при лучшей, чѣмъ теперь организаціи переселенья на Дальній Востокъ, оно, будучи дѣломъ вообще труднымъ, вѣроятно, сохранитъ скромные размѣры; теперь-же колонистовъ-борцовъ, многосемейныхъ, предпріимчивыхъ крестьянъ, которымъ есть разсчетъ эмигрировать изъ европейскихъ губерній, Россія можетъ дать далеко не въ большомъ числѣ. Этимъ, однако не исчерпываются причины малаго успѣха переселенческаго дѣла. Оно покоится на неправильныхъ принципахъ—въ этомъ я не могу не согласиться съ общимъ характеромъ выводовъ сотрудниковъ общеземской организаціи на Дальнемъ Востокѣ. Переселенію можно оказывать содѣйствіе двоякаго рода: можно создавать въ новой странѣ все то, что не подъ силу каждому отдѣльному, даже самому сильному, даже самому предпріимчивому колонисту, создавать тѣ культурныя условія, при которыхъ можетъ начаться успѣшная работа переселенца; можно, вмѣсто этого, оказывать переселенцу непосредственную помощь въ разныхъ частяхъ его хозяйства, поддерживая и опекая его. Совершенно точной грани между обоими типами переселенческой политики, разумѣется, не проведешь, но не потому, что такихъ двухъ различныхъ типовъ не существуетъ: просто здѣсь, какъ и всюду, есть рядъ промежуточныхъ явленій. Къ политикѣ перваго рода принадлежитъ проведеніе дорогъ, производство значительныхъ меліораціонныхъ работъ (примѣнительно къ условіямъ Приамурья можно было бы говорить о предварительной расчисткѣ лѣсовъ), организація врачебной и ветеринарной помощи, устройство школъ. Политика второго рода проще и ярче всего выражается въ выдачѣ денежнаго пособія. У насъ центръ тяжести переселенческой политики лежитъ въ денежной поддержкѣ. Дороги, несмотря на улучшенія послѣднихъ годовъ, все еще въ жалкомъ состояніи, меліораціонныхъ работъ вовсе нѣтъ, врачебная помощь и въ особенности ветеринарная крайне недостаточны. А между тѣмъ важно было бы направить переселенческую политику и въ сторону этихъ мѣропріятій. Денежныя пособія выдаются, насколько мнѣ удалось узнать, въ Амурской области въ размѣрѣ до 300—325 рублей; въ Приморской—въ размѣрѣ до 200 р. Эти суммы не совсѣмъ ничтожны; но онѣ выдаются сплошь и рядомъ небольшими частями (часто по необходимости, за отсутствіемъ денегъ у чиновника, завѣдующаго подрайономъ, и невозможностью ихъ своевременно получить при отчаянномъ состояніи почтовыхъ сообщеній).

Сумма въ 300 р. обычно дается лишь въ случаѣ нужды и всегда по особому ходатайству. Поѣздки за пособіемъ бываютъ

иной разъ такъ трудны, отнимаютъ столько времени и силъ, что денежная помощь едва покрываетъ затрату энергіи. Самыя деньги въ значительной мѣрѣ расходуются на прокормленіе малосильной семьи. Въ общемъ нынѣшнія пособія,—по ихъ характеру и способу выдачи,—мало кого ставятъ на ноги и, въ видѣ основы переселенческой политики, едва ли цѣлесообразны. А въ то же время отсутствіе или недостаточность общихъ культурныхъ мѣропріятій отражается и на вполнѣ пригодныхъ переселенцахъ до крайности тяжело. Когда, за отсутствіемъ своевременной прививки, отъ сибирской язвы гибнетъ скотъ, когда въ большой семьѣ легко устранимая болѣзнь разрушаетъ здоровыя и крѣпкія силы благодаря только тому, что врачебная помощь, слишкомъ далека, когда вполнѣ пригодный переселенецъ впадаетъ въ отчаяніе, потому что поѣздка въ ближайшее село по сплошному болоту отнимаетъ у него нѣсколько дней и калѣчитъ его лошадь, тогда въ обратномъ переселеніи или въ бѣдственномъ состояніи приамурскаго крестьянина виновата очевидно не его «маломощность». Вина—въ административныхъ основаніяхъ переселенческаго дѣла.

И въ итогѣ, благодаря неправильнымъ колонизаціоннымъ началамъ—результаты переселенія до сихъ поръ невелики, и наше Приамурье безлюдно. Правда, изъ 5—6 семей уходитъ лишь одна, другія остаются, такъ или иначе устраиваются и въ общемъ даже устраиваются значительно лучше, чѣмъ жили на родинѣ. Если есть среди нихъ хозяйства, пребывающія на своихъ мѣстахъ лишь временно для хищнической эксплоатаціи вздорожавшаго въ послѣдніе годы лѣса, то они все же образуютъ лишь меньшинство. Но отсюда не слѣдуетъ, что и въ будущемъ земледѣльческое переселеніе сможетъ совершаться даже въ нынѣшнемъ прерывистомъ темпѣ. Если понимать подъ колонизаціонной емкостью не ту территорію, которая, при измѣнившихся условіяхъ, будетъ заселена, а ту, которую смогутъ заселить люди ближайшаго десятилѣтія, при отсутствіи правильно поставленнаго правительственнаго содѣйствія, исключительно съ помощью только тѣхъ рессурсовъ, которыми они сами располагаютъ, то емкость эта почти исчерпана. Оффиціальные документы, касающіеся Приморской области, констатируетъ, что ходоки зачислили въ 1910 г. только 50% того числа долей, на которыя они имѣли право по полномочіямъ и объясняютъ: «несомнѣнно, что успѣхъ ходячества зависитъ главнымъ образомъ отъ качества земельнаго фонда, предлагаемаго ходокамъ, и нельзя не признать, что большая часть свободнаго фонда Приморской области представляетъ участки таежные, или удаленные на сотни верстъ отъ заселенныхъ мѣстностей». Въ другомъ мѣстѣ столь же опредѣленно говорится о значительномъ

«истощеніи въ краѣ запаса земель, непосредственно пригодныхъ для водворенія чисто земледѣльческаго населенія». И то же, что въ Приморской области, наблюдается также въ Амурской. Это не означаетъ разумѣется, что колонизація въ ближайшіе годы сведется на нѣтъ; но она будетъ незначительна и ничего существеннаго Приамурью не дастъ.

О томъ, что Приамурье нельзя назвать земледѣльческой колоніей, не существуетъ спора. Нашъ Дальній Востокъ нынѣ не только не имѣетъ избытковъ зерна, онъ не въ состояніи сейчасъ даже прокормиться своимъ собственнымъ хлѣбомъ. Хлѣбъ идетъ въ Приамурье изъ сѣверной Маньчжуріи по Китайской Восточной дорогѣ и по рѣкѣ Сунгари. По разсчетамъ харбинскаго биржевого комитета Маньчжурія вывозитъ въ Приамурье муки и зерна на сумму достигающую 10 милл. руб. въ годъ. Это даетъ около 14 рублей на душу населенія нашихъ двухъ дальневосточныхъ областей. Даже при высокихъ цѣнахъ на хлѣбные продукты и при значительномъ потребленіи хлѣба, маньчжурскій хлѣбъ играетъ очевидно весьма важную роль на приамурскомъ рынкѣ. Если взять завѣдомо преувеличенную цифру душевого потребленія въ 20 пудовъ, то все потребленіе Приамурья выразится въ количествѣ около 15 милл. пудовъ. Если затѣмъ, опять завѣдомо преувеличивая, положить еще половину этого количества на кормъ скоту и птицѣ, то мы получимъ $22^1/_2$ милл. пудовъ зерна въ качествѣ общей потребности Приамурья въ хлѣбныхъ продуктахъ. Цѣнность этого количества хлѣба вмѣстѣ съ переработкой въ муку можно опредѣлить maximum въ 30 милл. рублей. И такъ какъ Маньчжурія даетъ нашей окраинѣ хлѣба на 10 милл., то Приамурье по крайней мѣрѣ на $^1/_3$ кормится иностраннымъ зерномъ [1]).

Приамурье почти не имѣетъ обрабатывающей промышленности,—мы это отмѣтили выше: наша окраина пока не промышленная и не земледѣльческая колонія.

Чѣмъ же Приамурье живетъ? Оно обладаетъ еще нѣсколькими важными отраслями хозяйства, и я остановлюсь, хотя бы въ нѣсколькихъ словахъ, на тѣхъ, которыя являются для него наиболѣе существенными; остановлюсь постольку, поскольку это необходимо для подведенія общихъ итоговъ нашей колоніальной политики. Рыболовство и золотопромышленность играютъ на нашемъ Дальнемъ Востокѣ очень большую роль.

Рыболовство въ Приамурьѣ—это, главнымъ образомъ, ловъ лососевыхъ ниже Хабаровска. Чѣмъ ближе къ устью Амура, тѣмъ

---

[1]) Весь этотъ разсчетъ пришлось дѣлать потому, что сколько-нибудь вѣроятныхъ свѣдѣній о сборѣ зерна въ Приамурьѣ нѣтъ.

рыба лучше и тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаетъ ея ловъ. Около Николаевска работаютъ большія предпріятія, частью и технически хорошо поставленныя. Чѣмъ выше по теченію Амура, тѣмъ больше промыселъ переходитъ въ руки казаковъ, крестьянъ и отчасти инородцевъ. Онъ быстро развился въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Со времени войны амурская рыба и особенно икра пошла и въ европейскую Россію. Ловъ распадается на три періода. Сперва ловятъ «горбушу»—рыбу не особенно цѣнную: ловъ происходитъ во время перваго хода лососевыхъ вверхъ по Амуру, до начала іюля мѣсяца. Въ іюнѣ, іюлѣ и въ началѣ августа ловятъ такъ наз. «лѣтнюю кэту»; съ середины августа идетъ ловъ такъ наз. «осенней кэты»—наиболѣе цѣннаго продукта. Часть рыбы потребляется на мѣстѣ, довольно много идетъ въ послѣдніе годы на отечественные рынки, но главными потребителями остаются до сихъ поръ японцы.

Амуръ богатъ рыбой, и ловъ ея несомнѣнно можетъ рости. Правда, уже теперь замѣчается переполненіе ею существующихъ рынковъ, но можно разсчитывать, что со временемъ емкость ихъ будетъ увеличиваться, и не исключено, что кэта найдетъ новыхъ потребителей на томъ или другомъ материкѣ. Однако, даже при такихъ, оптимистическихъ разсчетахъ, нельзя ожидать, что рыбопромышленность Приамурья станетъ когда-либо однимъ изъ основныхъ занятій его населенія и что на ловѣ рыбы экономически окрѣпнетъ край Въ 1909 г. въ Удскомъ уѣздѣ, первомъ по рыболовству, было поймано около 3 милл. горбушъ, 14 милл. лѣтней кэты и 7 милл. осенней. Цѣнность этого улова равна приблизительно 1 милл. рублей. Рыбопромышленность можетъ, очевидно, давать хорошій заработокъ населенью Николаевска и его окрестностей; но ясно, что процвѣтаніе всей нашей колоніи въ цѣломъ зависитъ теперь и будетъ зависѣть не отъ нея.

Что касается добычи золота, то значеніе ея въ Приамурьѣ чрезвычайно велико. Золото манило сюда людей съ тѣхъ поръ какъ началась колонизація края. Приамурье у насъ долгое время, главнымъ образомъ, и было извѣстно, какъ страна золотыхъ песковъ. Искатели счастья не страшились далекаго пути до Джалинды и Благовѣщенска и трудныхъ поисковъ золотоносныхъ грунтовъ въ тайгѣ по притокамъ Зеи и Буреи. На первыхъ порахъ, пока можно было снимать сливки, здѣсь работали большія золотопромышленныя компаніи. Позднѣе, когда все рѣже стали попадаться грунты съ богатымъ содержаніемъ золота, крупныя предпріятія начали ликвидировать свои дѣла и сходить со сцены. При нынѣшнихъ путяхъ сообщенія, доставка машины изъ Благовѣщенска къ верховьямъ Зеи или

Селенджи почти утраивают ея цѣну. По нынѣшнимъ условіямъ доступъ къ золотопромышленности иностраннымъ капиталамъ крайне затрудненъ, а русскіе капиталы не имѣютъ тяготѣнія къ амурской тайгѣ. Ихъ мыслимо было привлечь, пока смѣло можно было разсчитывать на сказочные барыши, и вполнѣ естественно, что ихъ не находятъ, когда далекое предпріятіе обѣщаетъ прибыль едва ли большую, чѣмъ та, которую можно получить въ Европейской Россіи. Добыча золота перешла въ значительной степени въ руки китайцевъ-рабочихъ и русскихъ лавочниковъ-предпринимателей. Русскій золотопромышленникъ, получающій по заявкѣ отводъ золотоносной площади устраиваетъ складъ припасовъ и продаетъ ихъ своимъ рабочимъ. Рабочіе-китайцы, кромѣ того, обязуются сдавать ему найденное золото по опредѣленной цѣнѣ, низшей противъ рыночной цѣны. Золотопромышленникъ зарабатываетъ на торговлѣ припасами и на золотѣ; къ этому и сводится его организаторская роль. Онъ производитъ еще поиски и развѣдки, но въ большомъ масштабѣ онѣ въ послѣдніе годы почти не предпринимаются; все дѣло измельчало, все оно и экономически, и технически крайне несовершенно. Въ среднемъ за 1890—1894 гг. въ Амурской области добывалось по 434 пуда, за 1895—1899 по 390 п., въ пятилѣтіе 1900—1904 по 455 пудовъ и въ среднемъ за 1905—1909 гг. по 476 п. Но въ послѣднее пятилѣтіе исключительно много было добыто благодаря счастливымъ находкамъ 1907 года. Средняя за 4 года даетъ только 432 пуда [1]). Добыча стаціонарна. Любопытно, что число рабочихъ при этомъ быстро растетъ. Золотопромышленнику довольно безразлично, сколько труда затрачивается на добычу каждаго золотника: рискъ предпріятія, при нынѣшней организаціи, лежитъ, главнымъ образомъ, на самихъ «старателяхъ»—рабочихъ, а не на немъ; и такъ какъ онъ является лавочникомъ, то ему и важно, чтобы кліентелла его была, какъ можно болѣе велика. Онъ приглашаетъ на свой пріискъ все то количество китайцевъ, которое согласно придти. Потребности китайцевъ невысоки, надежда найти богатую площадь и утаить самородокъ манятъ ихъ не меньше, чѣмъ рабочихъ бѣлой расы, и поэтому, несмотря на стаціонарное состояніе добычи золота, число рабочихъ на пріискахъ въ теченіе двухъ десятилѣтій увеличилось въ 4—5 разъ и дошло до 20 тысячъ.

Фактъ добычи золота на 10 милл. рублей [2]) присоединяетъ къ хозяйственной характеристикѣ Приамурья чрезвычайно

---

[1]) Кромѣ того въ Приморской области добывается 50—75 пудовъ въ годъ.

[2]) Добыча во всемъ Приамурьѣ равнялась въ 1909 г. 550 пудамъ. При цѣнѣ золота 18.000 р. за пудъ это составляетъ около 10 милл. руб.

существенную черту. Быть можетъ, все вмѣстѣ: земледѣлье, золотопромышленность, рыболовство, небольшая обрабатывающая промышленность и другія отрасли хозяйства, все это и образуетъ достаточно прочный экономическій фундаментъ, на которомъ зиждится дальневосточное колоніальное предпріятіе? Производительность края, къ сожалѣнію, подсчитать невозможно. Нѣтъ матеріала для этого. Но можно сдѣлать предположенія. И если брать максимальныя цифры для отдѣльныхъ отраслей хозяйства, то можно считать, что итогъ не будетъ ниже действительности. Зерна производится на 20 милл. рублей, это—максимальный разсчетъ, сдѣланный выше. Золота добывается на 10 милл. рублей. Золото и хлѣбъ—главныя богатства края. Вмѣстѣ они даютъ 30 милл. Пусть это будетъ лишь половина всего производства; пусть это будетъ даже треть. Тогда производительность края,—съ несомнѣнным преувеличеніемъ,—можно оцѣнить не выше 100 милл. рублей.

Но Приамурье можетъ, повидимому, сдѣлаться горно-промышленной колоніей. Для этого нужны: пути сообщенія, капиталы, толковые техники и чиновники, не воспитанные на принципѣ волокиты. Золото въ Амурской области въ большихъ еще количествахъ навѣрное есть, и навѣрное есть на нашей части Сахалина превосходный уголь; въ краѣ имѣется еще цѣлый рядъ другихъ минеральныхъ богатствъ, доступныхъ разработкѣ. Можно надѣяться, что широкій притокъ капитала, проведеніе дорогъ и улучшеніе рѣчныхъ сообщеній, лучшее, болѣе ясное и краткое горное законодательство, лучшее управленіе оживили бы горную промышленность края. Тогда бы нашлись въ предѣлахъ самаго Приамурья рынки для рыбы, хлѣба, мяса и лѣса и, можетъ быть, все его развитіе пошло бы ускореннымъ темпомъ.

Но для этого нужно снова затратить деньги, хотя бы на пути сообщенія, а тратимъ мы въ Приамурьѣ и безъ того много. Это безспорно такъ; но нынѣшніе наши расходы почти на $^4/_5$ расходы военные [1]). Изъ общей суммы расходовъ въ 53 милл. р. по смѣтамъ военнаго и морского министерствъ проходятъ около 39 милл. Нынѣшнее международное положеніе на Дальнемъ Востокѣ требуетъ, дѣйствительно, экстраординарныхъ расходовъ на оборону. Но во всякомъ случаѣ нельзя ожидать, чтобы край, въ которомъ по всѣмъ

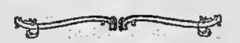
---

[1]) Обыкновенные доходы по Амурской области составляли въ 1909 г. по отчету Государственнаго Контроля 2.893.399 руб., а обыкновенные расходы 10.435.241 руб. Дефицитъ—7.541.942 руб. По Приморской области обыкновенные доходы составляли 11.821.804 руб., а обыкновенные расходы 42.567.750 руб. Дефицитъ 30.745.946 руб. Дефицитъ по всему краю равнялся 38 милл. руб.

вѣдомствамъ затрачивается 14 милл. руб. въ годъ, не только покрывалъ эту сумму, но и давалъ еще на оборону 39 милл. рублей. Покуда въ Приамурьѣ намъ необходимо производить колоссальныя военныя затраты, но эти затраты не могутъ падать на мѣстныя средства, а должны уплачиваться, естественно, государственнымъ казначействомъ; иначе наша колонія будетъ всегда не окупающимся предпріятіемъ. Къ нашимъ внутренно-политическимъ задачамъ присоединяется, такимъ образомъ, еще и задача международной политики во всѣхъ отношеніяхъ огромной важности. Чтобы оздоровить Приамурье намъ нуженъ миръ на Дальнемъ Востокѣ. Нуженъ онъ и для того, чтобы дать людямъ увѣренность въ возможности затраты капитала и труда; нуженъ, чтобы освободить тѣ суммы, которыя необходимо израсходовать на мѣропріятія культурнаго характера, и чтобы сократить общую сумму расходовъ, идущихъ якобы на Приамурье.

И только въ томъ случаѣ, если въ области дальневосточной международной политики мы достигнемъ прочнаго мира; если въ Приамурьѣ мы создадимъ культурный порядокъ; если, кромѣ того, у насъ будутъ вырабатываться типы предпринимателя, инженера, штегейра, вполнѣ пригодные для развитія въ далекой колоніи горнаго дѣла, какъ выработались эти типы въ Англіи, Бельгіи и др. странахъ, только въ случаѣ совпаденія всѣхъ этихъ благопріятныхъ условій, путешественникъ по Приамурью сможетъ подводить своимъ впечатлѣніямъ болѣе утѣшительные итоги, чѣмъ тѣ, которые изложены на предыдущихъ страницахъ.

Л. Юровскій.

ВОЙНА И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

(Письмо изъ Рима).

Девять мѣсяцевъ войны не могли пройти безслѣдно для внутренней жизни Италіи. Правда, послѣдствія этого напряженнаго положенія обнаружатся значительно позже, когда будутъ подводиться итоги. Пока считаютъ,—и плохо считаютъ,—только раненыхъ и убитыхъ; позже будутъ считать протори и убытки. Пока принимается во вниманіе лишь расходъ патріотическаго чувства; позже насту-

питъ время налоговъ. Но и въ текущій періодъ еще не остывшаго военнаго пыла можно подмѣтить нѣкоторыя измѣненія въ сферѣ интимной жизни страны и ея гражданъ. Кой-какія изъ этихъ наблюденій придется истолковать въ пользу Италіи и ея народа, другія внесутъ отрицательный элементъ въ наше привычное очарованіе. Но не считаться съ ними нельзя. Война затянулась и еще затянется, случайные симптомы дѣлаются постоянными, и въ перспективѣ мы можемъ ожидать такихъ потрясеній во внутренней жизни народа, о которыхъ девять мѣсяцевъ назадъ рѣшительно никто не задумывался. Но вѣдь въ то время говорили лишь объ «увеселительной прогулкѣ въ Триполитанію», въ которой не разсчитывали потерять ни одного солдата!. Въ то время итальянская казна была полна сбереженій, накопленныхъ за годы мирной промышленной политики. Вѣра въ собственную мощь, военную и финансовую, была настолька прочна, что запаса этой вѣры хватаетъ и посейчасъ. Періодъ сомнѣнья еще не наступилъ,—Италія лишь переживаетъ періодъ молчаливаго раздумья.

Чтобы хоть сколько-нибудь разобраться въ данномъ настроеніи итальянца, нужно прежде всего отрѣшиться отъ того страстнаго недоброжелательства, съ которымъ общественное мнѣніе всѣхъ странъ обрушилось на Италію непосредственно за объявленіемъ ею войны Турціи,—въ частности общественное мнѣніе русское. Противъ Италіи писано много; въ защиту ея не сказано двухъ связныхъ словъ. Это несправедливо. Я не имѣю въ виду говорить здѣсь о самой войнѣ, о поводахъ къ ней, о европейскомъ равновѣсіи, столь драгоцѣнномъ будто бы для дипломатовъ и о приличіи или неприличіи тѣхъ или иныхъ ультиматумовъ и выступленій. Все это насъ въ данную минуту не касается. Предположимъ, что Италія дѣйствительно, поступила недобросовѣстно, опираясь лишь на право сильнаго и прозрачно прикрывая свой разбойничій набѣгъ культуртрегерскими задачами. Но по какому праву и на какомъ основаніи отъ нея ожидали и требуютъ какихъ-то исключительныхъ идеалистическихъ, благородныхъ жестовъ, въ то время какъ для другихъ державъ эти жесты необязательны? Вскормленная и вспоенная примѣрами старшихъ державъ, Италія лишь откровенно и наивно обнаружила изнанку международной морали, съ такой заботой созданной дипломатіей. Дитя выросло и совершило тотъ самый поступокъ, который неукоснительно совершали старшіе, не сумѣя лишь прикрыть его дипломатическимъ газомъ свѣтскаго приличія. Это—первое. Затѣмъ, упрекая Италію, нужно умѣть отдѣлять въ ней народъ отъ правительства, точнѣе — классы трудовые отъ классовъ правящихъ. Пусть объявленіе войны сопровождалось общественнымъ

ликованьемъ, пусть даже самая война,—какъ не безъ основанія утверждаетъ итальянская пресса,—была вызвана давленіемъ общественнаго мнѣнія на правительство. Но тотъ, кто хочетъ составить себѣ вѣрную картину настроенія итальянскаго народа въ моментъ начала военныхъ дѣйствій, долженъ разслоить общество на группы, а не брать его огуломъ. И тогда въ памяти нашей пройдутъ эпизоды съ остановкой и разгромомъ поѣздовъ, въ которыхъ отправляли солдатъ на войну (разгромы руками деревенскаго населенія!), частичныя стачки протеста противъ колоніальной аферы, рядъ антивоенныхъ демонстрацій, прошедшихъ безудержно черезъ всѣ девять мѣсяцевъ войны и достигшихъ особаго напряженія 1 мая, въ день рабочаго праздника. Такимъ образомъ, при внимательномъ взглядѣ, мы съ первыхъ же дней ясно отличили бы нѣсколько группъ населенія, изначала не сочувствовавшихъ завоевательному настроенію большинства.

Но и это «большинство» не должно вводить насъ въ заблужденіе. Большинству вообще легче ошибаться, чѣмъ единицамъ. Въ данномъ случаѣ передъ массой итальянскаго населенія стоялъ не вопросъ о правѣ и справедливости, а вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Произнося свой судъ, нужно брать не Италію, какъ географическій терминъ, и не итальянцевъ, какъ племя даннаго темперамента и данныхъ задатковъ. Нужно брать реальную страну и реальное ея населеніе, съ его экономическими и нравственными запросами и нуждами. Да не обманываетъ насъ блескъ выставокъ и финансовыхъ отчетовъ! Италія—страна бѣдная и неустроенная. Ея «блестящіе» финансы были бы, дѣйствительно, прекрасны, если бы она жила особнякомъ, не втянутая въ судьбы державъ, не связанная съ ними соглашеніями, можетъ быть и весьма полезными для «европейскаго мира», но весьма вредными для благоденствія внутренняго. Ростъ національнаго богатства слишкомъ слабо отражается на судьбѣ населенія. Это богатство идетъ на обзаведеніе инвентаремъ для защиты и нападенія, на армію, флотъ, крѣпости и орудія. Этого доказывать не приходится. Еще недавно испрашивались кредиты на элементарное образованіе и меліорацію—и денегъ не оказывалось; давали на это лишь гроши. И вдругъ, передъ призракомъ завоевательной войны, отворились кладовыя казны и оказались переполненными золотомъ! Теперь этимъ золотомъ забиваютъ пушки ради морскихъ демонстрацій, ради того, чтобы произвести впечатлѣніе на невпечатлительную Порту. Но если бы это золото не таяло, какъ таетъ оно сейчасъ, оно осталось бы непроизводительнымъ попрежнему; не расходуясь на войну, оно хранилось бы «на случай войны», ибо того требуетъ престижъ державы и ея дружба съ сосѣдями.

Означаетъ ли это, что Италія богата? Нѣтъ, она попрежнему остается бѣдной, разъ попавъ въ заколдованный кругъ междудержавныхъ отношеній. Ея ворота позолочены, у входа стоитъ блестящая стража; внутри же страны прежняя бѣдность и темнота.

Вспомнимъ еще, что Италія болѣе полувѣка обладаетъ великимъ предохранительнымъ клапаномъ противъ взрывовъ народнаго недовольства—парламентомъ. Когда народъ хочетъ хлѣба, является къ нему его депутатъ и говоритъ: «я похлопочу!» До поры до времени это помогаетъ; но лишь до поры до времени. Въ данное время итальянскій парламентъ уже достаточно дискредитированъ въ глазахъ народа. Онъ потерялъ кредитъ не потому, чтобы обнаружилась или усилилась подкупность депутатовъ и продажность министровъ,—какъ это было раньше; напротивъ, въ моральномъ отношеніи парламентъ сильно пообчистился и оправился; лѣвыя партія его оздоровили. Его кредитъ палъ потому, что ясно обнаружилось полное его безсиліе помочь странѣ. Его дѣятельность мало по малу обратилась въ чисто полицейскую. Онъ регулируетъ политически свободную жизнь страны, онъ гарантируетъ ее отъ беззаконій и правонарушеній, онъ на дняхъ расширилъ почти втрое избирательныя права населенія. Но этого мало для населенія. Смогъ ли онъ уменьшить налоги, особенно скрытые? Нѣтъ, это не въ его силахъ. Можетъ ли онъ гарантировать, что эти тяготы, уже и сейчасъ невыносимыя, не выростутъ еще? Нѣтъ, онъ этого не гарантируетъ, особенно сейчасъ, въ военное время. Смогъ ли онъ улучшить положеніе Юга и Сициліи, этихъ несчастныхъ «внутреннихъ колоній»? Да, онъ это постановилъ; но на выполненіе этого нѣтъ средствъ и нѣтъ людей. Къ чему же тогда парламентъ?

Внутреннее спокойствіе, которымъ пользуется Италія уже четырнадцать лѣтъ,—не считая отдѣльныхъ вспышекъ недовольства,—не должно насъ обманывать. У нея есть еще другой предохранительный клапанъ—эмиграція. Элементы молодые и недовольные изъ областей экономически обездоленныхъ громадными массами переселяются въ Америку, чему покровительствуетъ и правительство, и частныя общества. Такъ какъ смѣшно говорить о перенаселеніи Италіи, то эмиграція является лучшимъ показателемъ внутренняго неблагополучія. Съ точки зрѣнія внутренняго политическаго спокойствія, эмиграція—благодѣтельное явленіе; съ точки же зрѣнія экономическаго благополучія — явленіе чрезвычайно печальное. Она является продажей на чужбину здоровыхъ работниковъ за небольшое вознагражденіе (деньги, присылаемыя ими на родину семьямъ). Югъ Италіи пустѣетъ и глохнетъ; запускаются земли, и падаетъ отно-

сительная цифра населенія. Помогая по необходимости такому бѣгству изъ отечества, Италія радоваться этому явленію никакъ не можетъ. Оно остается лишь предохранительнымъ клапаномъ... но также лишь до поры до времени.

Опредѣлить точно «пору и время» дѣйствія этихъ клапановъ,— парламента и эмиграціи, я бы, конечно, не взялся. Но кой-какіе признаки ослабленія ихъ дѣйствій въ ближайшемъ будущемъ намѣчались еще до войны. Таково, напримѣръ, появленіе парламентскаго диктатора, во образѣ Джіолитти, рѣзкое и рѣшительное поправѣніе парламентской фракціи соціалистовъ; этому предшествовало почти двухлѣтнее правительственное междуцарствіе, сопровождавшееся почти полнымъ прекращеніемъ органической дѣятельности палаты;— все это не могло не сказаться на отношеніи народа къ представительному органу. Съ другой стороны, итальянскій рабочій уже не находитъ въ Аргентинѣ, излюбленномъ мѣстѣ выселенія, тѣхъ заработковъ, какіе онъ находилъ раньше, и количество возвращающихся на родину ростетъ. Войнѣ предшествовали острыя столкновенія правительствъ Аргентины и Италіи именно по вопросу объ иммиграціи въ Аргентину итальянскихъ рабочихъ. Все это—первые, слабые пока признаки, но уже способные вызвать раздумье по поводу недалекаго будущаго.

Какъ бы то ни было, но прежнихъ предохранительныхъ клапановъ для политическаго и экономическаго недовольства населенія уже недостаточно. Нужно нѣчто новое, и такимъ новымъ, по мнѣнію правительства Италіи, должна явиться колонія въ сѣверной Африкѣ. Было бы скучно повторять тѣ вдохновенныя пѣсни, которыя «патріотическая» пресса, съ «Трибуной» во главѣ, пѣла подъ камертонъ правительства. Ни въ какой другой странѣ эти легкіе мотивы безъ содержанія (истинные образчики итальянской музыки), не произвели бы желаннаго дѣйствія. Иногда прямо поражаешься, какъ можетъ вообще пытливый умъ итальянца удовлетворяться политико-экономической болтовней фельетонистовъ, спеціальныхъ корреспондентовъ и приглашенныхъ ad hoc «даровитыхъ ученыхъ». Вопросъ о колоніи, ея богатствахъ, ея нужности итальянскому населенію, о легкости ея завоеванія—рѣшался съ одинаковымъ апломбомъ вчерашнимъ театральнымъ рецензентомъ, молодымъ литературнымъ критикомъ, старымъ ветеринарнымъ врачемъ и выжившимъ изъ ума нумизматомъ. Наряду съ почтеннымъ историкомъ Гульельмо Ферреро къ нему руку приложилъ поэтъ футуристъ Маринетти; и едва ли не равноцѣнными оказались ихъ сужденія въ глазахъ публики; быть можетъ, впрочемъ, они и дѣйствительно были равноцѣнными... Дѣло въ томъ, что для итальянской массы была безраз-

-лична вѣскость тѣхъ или иныхъ доказательствъ. Ей хотѣлось вѣрить, что колонія разрѣшитъ назрѣвшіе вопросы, и она вѣрила. Особенно охотно вѣрилъ Югъ, для котораго колоніальная война внезапно показалась желанной и лелѣянной издавна. Это понятно. Новая колонія, гдѣ бы она ни была, и какова бы ни была, есть нѣчто реальное, тогда какъ до сихъ поръ Югъ зналъ только обѣщанья и посулы. А тутъ еще сладкія рѣчи о мнимыхъ богатствахъ Триполитаніи заворожили уши бѣднаго населенія. И война стала сразу популярной. Заднимъ числомъ общественное мнѣніе, дѣйствительно, подписалось подъ извѣстнымъ, до наивности дерзкимъ и нетактичнымъ ультиматумомъ Портѣ итальянскаго правительства.

Что касается до самого правительства, то я далеко не думаю, чтобы оно дѣйствовало «въ угоду капиталистамъ и военнымъ подрядчикамъ», какъ обычно говорятъ оппозиціонеры. Прежде всего въ Италіи нѣтъ всесильной придворной камарильи, которая бы работала изъ-за спины министровъ, вертя ими, какъ маріонетками. Сомнѣваться въ благонамѣренности демократическаго правительства у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Но правители—люди, и ошибки имъ свойственны. Оставаясь искренними и близорукими, они сознательно сдѣлали шагъ, ставшій для Италіи роковымъ, независимо отъ исхода войны. Притомъ имъ казалось, что они бьютъ навѣрняка; поддержка общественнаго мнѣнія развязывала имъ руки. Въ результатѣ поистинѣ трагическая война, конца которой предусмотрѣть невозможно. Кто виноватъ въ томъ, что пылкія рѣчи обманули самихъ ораторовъ?

Итакъ, виновныхъ нѣтъ? О, виновнымъ все же остается правительство, призванное взвѣшивать обстоятельства, прежде чѣмъ дѣйствовать. Не забудемъ, что не только война объявлена въ моментъ парламентскихъ каникулъ, но и самый актъ объявленія Триполитаніи итальянской колоніей,—неблагоразумнѣйшій и самый дѣтскій изъ всѣхъ актовъ двадцатаго столѣтія,—былъ изданъ безъ парламента, который лишь санкціонировалъ его. И могъ ли онъ не санкціонировать? Во всякомъ случаѣ виновны тѣ, кто отвѣтственны ex officio. Вотъ почему я и сказалъ выше, что, осуждая Италію, нужно различать правительство и народъ. То, что можно поставить въ вину первому, послѣднему можетъ отчасти дѣлать даже честь; въ данномъ случаѣ это именно такъ и обстоитъ, и я это постараюсь пояснить.

Несомнѣнно, что объявленіе войны сопровождалось вспышкой національзма невысокой марки; несомнѣнно и то, что этотъ націоналистическій подъемъ искусственно поддерживался прессой и спеціалистами дѣла. Коноводы національзма старались подѣйствовать на

воображеніе потомковъ древнихъ римлянъ увѣреніями, что современная Италія вступила на потерянную было ею дорогу античнаго величія. Съ забытыхъ страницъ исторіи извлекались доказательства былого господства римлянъ въ сѣверной Африкѣ; на монументахъ, полузасыпанныхъ пескомъ пустыни, прочитывались надписи, сдѣланныя предками современныхъ Джованни и Филиппо. Въ послѣднее время цѣлую сенсацію произвело «возвращеніе острова Родоса савойской коронѣ»; не было итальянца въ кафе, который не толковалъ бы непросвѣщенному собесѣднику значенія надписи Fert на ребрѣ современной двухфранковой монеты (Fortitudo eius Rhodum tenuit). Однако, одновременно съ этимъ націоналистскимъ ликованіемъ, итальянцу пришлось встрѣтиться со всеобщимъ осужденіемъ Европы, а къ мнѣнію Европы онъ очень чувствителенъ. При томъ съ первыхъ же шаговъ обнаружилось, что «увеселительная прогулка» должна очень затянуться и обойтись гораздо дороже, чѣмъ предполагалось. Можно было легко ожидать, что преждевременное ликованье смѣнится иными криками, направленными противъ иниціаторовъ колоніальной авантюры. Однако, этого пока не случилось. Съ истинкнымъ гражданскимъ мужествомъ и даже, пожалуй, самопожертвованіемъ, итальянское общество беретъ на свою отвѣтственность иниціативу войны. Мнѣ много разъ приходилось слышать, даже отъ скептиковъ, такія рѣчи: «Пусть мы ошиблись и выказали легкомысліе, пусть дѣйствительность обманула наши ожиданія; но эта война была одобрена обществомъ, и общество за нее отвѣтственно. Мы не въ правѣ теперь метать громъ и молніи въ сторону правительства, которое было лишь исполнителемъ желанія народа». Такое мнѣніе очень распространено, и оно, конечно, дѣлаетъ честь политической выдержкѣ итальянца, свидѣтельствуя о его гражданской зрѣлости и готовности нести отвѣтственность за собственныя ошибки. Вотъ черта, которая теперь обнаружилась въ итальянскомъ гражданинѣ съ полной ясностью, и за которую ему можно простить много легкомысленныхъ выходокъ и нелѣпыхъ націоналистическихъ выкрикиваній. Мнѣ кажется, что европейская пресса, въ своихъ обвиненіяхъ, упустила изъ виду этотъ яркій показатель закончившагося роста итальянской гражданственности.

Попробуемъ, однако, заглянуть въ будущее. Готовность итальянца отвѣтить за основную ошибку, поскольку онъ ее сознаетъ, отнюдь не предполагаетъ въ немъ готовности отвѣчать и за ошибки дальнѣйшія. При этомъ, какъ я выше сказалъ, далеко не всѣ могутъ быть причислены къ разряду политически зрѣлыхъ гражданъ. Поэтому будущее внутренней жизни Италіи далеко не сулитъ полнаго спокойствія. Напротивъ, количество недовольныхъ неизбѣжно должно

расти, пополняясь не только изъ рядовъ прежде индифферентныхъ, но и изъ рядовъ недавнихъ наивныхъ энтузіастовъ войны. Посмотримъ, какъ естественно должна была эволюціонировать мысль итальянца за семимѣсячный періодъ итало-турецкой войны.

Первые мѣсяцы были временемъ всеобщаго, искренняго, легкомысленнаго энтузіазма. Пресса нарисовала пылкому воображенью итальянскаго патріота картину веселаго и легкаго похода въ оазисы сѣверной Африки. Всѣ шансы, казалось, были на сторонѣ этой легкой побѣды: преобладаніе флота, близость Триполитаніи отъ Сициліи, безпомощность Турціи, благосклонность державъ, тайно благословившихъ предпріятіе. Сознаніе несправедливости захвата чужихъ земель парировалось обѣщаньемъ создать для несчастныхъ, подавленныхъ турецкимъ игомъ арабовъ высокую культуру и благоденствіе въ близкомъ будущемъ: ясно, вліялъ недавній примѣръ Франціи, не ставившей въ своихъ марокккскихъ притязаніяхъ вопроса о морали. Турція, еще недавно дружественная, рисовалась теперь давнимъ врагомъ, смѣшнымъ и неопаснымъ. Грезилось будущее величіе Италіи, колоніальной державы, властительницы Средиземнаго моря, быть можетъ, сильнѣйшей имперіи. Внутреннія нужды были внезапно забыты, и дума о нихъ отложена до близкихъ дней побѣды.

Истиннымъ взрывомъ энтузіазма было встрѣчено извѣстіе о первыхъ военныхъ дѣйствіяхъ близъ береговъ Албаніи. Побѣда надъ рыбачьими судами и негодными канонерками, вѣрнѣе,—разстрѣлъ этихъ безоружныхъ и безвредныхъ суденышекъ рисовался прелюдіей къ грандіознымъ морскимъ сраженіямъ, которыя должны были оправдать затраты на флотъ, сильно отразившіяся на обывательскомъ карманѣ. Апплодирующая публика какъ-то не замѣтила при этомъ, что бравый итальянскій флотъ упустилъ дѣйствительный моментъ сраженія, давъ ускользнуть флоту турецкому; позже это было истолковано, какъ великодушный поступокъ. При этомъ пока еще въ разсчетъ Италіи не входила потеря людей и судовъ; побѣда и такъ казалась неминуемой, близкой и безкровной.

Между тѣмъ въ странѣ происходятъ сборы и приготовленія. Тотъ, кто видѣлъ проводы солдатъ въ Триполитанію, не можетъ сомнѣваться, что энтузіазмъ всѣхъ слоевъ общества былъ совершенно искреннимъ. Помню, что я старательно искалъ признаковъ какой-нибудь искусственности подъема. Настроенный рѣзко противъ войны и полный скептицизма, я ни разу не подмѣтилъ фальшивой нотки въ крикахъ привѣтствій и пожеланій этимъ безусымъ юношамъ, шедшимъ умирать въ пески Триполитаніи. Полны браваго энтузіазма и веселы были сами солдаты, и матери ихъ плакали не слезами осужденія посылавшихъ дѣтей ихъ на бойню.

Вскорѣ пришла вѣсть о занятіи Триполи. Еще не искушенными географической картой итальянцами городъ Триполи отожествлялся съ Триполитаніей; взятіе Триполи казалось полной побѣдой предпріятія; оставалось лишь реформами, а если нужно, оружіемъ покорить арабовъ, и безъ того жаждущихъ перейти подъ мягкую руку Виктора-Эммануила. Еще не успѣли итальянскія войска занять весь Триполійскій оазисъ, какъ предпріимчивые граждане метрополіи приступили къ сборамъ въ новую колонію. Это было какой-то повальной болѣзнью! Всѣ, отъ маленькаго коммерсанта, до маленькаго чиновника, всѣ, недовольные жизнью и неустроенные въ родной странѣ—точили зубы на сѣверо-африканскіе финики! Обывателю бѣднаго рабочаго и чиновничьяго квартала Триполитанія еще и до сихъ поръ рисуется почти сказочной по роскоши страной, гдѣ каждый будетъ имѣть свой участокъ земли, которая родитъ шесть разъ въ годъ, гдѣ курица — не роскошь, а обычное блюдо, овощи не стоятъ ни гроша, климатъ благодатный, поддержка правительства кредитомъ широко обезпечена. Въ этотъ періодъ уже не безкорыстнаго увлеченія, прошенія о паспортахъ на Триполитанію писались въ каждомъ тонкостѣнномъ шестиэтажномъ домѣ римскихъ рабочихъ районовъ. Въ то же время молодежь увлекалась сочувственными демонстраціями, втыкала въ петличку трехцвѣтные значки, кричала: «Viva Tripoli italiana!»

Но періодъ наивнаго энтузіазма этимъ и окончился. Первая итальянская кровь, пролитая въ колоніи, сдѣлала всѣхъ болѣе серьезными. Въ этомъ смыслѣ большую роль сыграло знаменитое «предательское нападеніе арабовъ». Эта первая серьезная и открытая неудача итальянскаго оружія, истолкованная, какъ предательскій заговоръ, сразу обнаружила серьезность положенія дѣлъ. Сможетъ ли Турція достойно отвѣтить итальянскимъ пушкамъ—было еще подъ вопросомъ; но, вмѣсто регулярныхъ войскъ, на сцену выступилъ врагъ болѣе опасный—фанатическое враждебное населеніе. Пала иллюзія преданности арабовъ и ихъ желанія «перейти подъ мягкую руку»; итальянцы внезапно оказались въ центрѣ вражескаго стана. Раздраженные и охваченные паникой, видя опаснаго врага въ каждомъ уличномъ мальчикѣ, они начали поистинѣ жестокую рѣзню. Я не пишу здѣсь о моментахъ войны и не могу остановиться на психологіи итальянскаго войска. Но не могу не упомянуть, что европейская пресса пересолила въ своихъ обвиненіяхъ. Итальянскихъ солдатъ называли кровожадными звѣрями, избивающими беззащитныхъ женщинъ и дѣтей. Это неправда; солдатъ не звѣрь, и рѣзня была лишь слѣдствіемъ паники и плохой дисциплины. Истинное звѣрство проявилось не въ уличной рѣзнѣ, а въ дальнѣйшей

регулярной дѣятельности военныхъ судовъ, и солдаты тутъ не причемъ, конечно. Военные же суды дѣйствительно разстрѣливали военноплѣнныхъ, приравнивая ихъ къ измѣнникамъ и опираясь при этомъ на декретъ короля о присоединеніи Триполитаніи къ королевству, позволявшій считать каждаго мѣстнаго аборигена за подданнаго Италіи. Но развѣ не культурныя державы дали въ этомъ примѣръ молодой Италіи?

Внутри Италіи эти кровавыя происшествія на театрѣ войны отразились очень сильно. Идеалистическимъ мечтаньямъ пришелъ конецъ, о «безкровной войнѣ» болѣе уже не говорили. Всеобщій протестъ Европы, не безъ умысла раздувшей эти печальныя извѣстія, тяжело отозвался на психикѣ итальянскаго общества. Не забудемъ, что Италія очень вѣритъ въ высоту своей культуры, гордится свободными учрежденіями, демократическимъ правительствомъ, давней отмѣной смертной казни. Теперь ей отовсюду бросали въ лицо упрекъ въ некультурности и звѣрствѣ, высмѣивали ея культуртрегерскія замашки, приведшія прежде всего къ порубкѣ пальмъ на висѣлицы. Оправдываться было тщетно: факты подтверждались фотографическими снимками, воспроизведенными и въ итальянскихъ изданіяхъ. Въ то время, какъ общество вынужденно молчало, націоналистская пресса дошла до полнаго циничнаго разгула. Я помню газетную полемику о томъ, слѣдуетъ ли арабовъ вѣшать или отрубать имъ головы. «Знатоки» арабскихъ вѣрованій и быта утверждали, что разстрѣлъ не страшитъ арабовъ, такъ какъ смерть отъ пули открываетъ имъ врата магометова рая. Какъ извѣстно, именно въ этихъ соображеніяхъ разстрѣлъ былъ замѣненъ повѣшеніемъ. Но находились скептики, утверждавшіе, что, по вѣрованіямъ арабовъ, въ рай можетъ войти всякій, сохранившій неотдѣленными члены тѣла. Иначе говоря—только отрубаніе головы или четвертованіе можетъ служить достаточнымъ наказаніемъ для измѣнниковъ, въ то время какъ надъ разстрѣломъ и повѣшеніемъ они только смѣются.

При всей моей симпатіи къ итальянцамъ, не могу не сказать, что я ни въ комъ изъ нихъ не встрѣтилъ сомнѣнія по вопросу о правѣ судить арабскихъ героевъ, защитниковъ отечества, какъ вульгарныхъ предателей. Но съ другой стороны я убѣжденъ, что и позорное кликушество прессы, дебатировавшей вопросъ о повѣшеніи и четвертованіи, также не встрѣчало сочувствія въ широкихъ слояхъ населенія. Естественная стыдливость итальянца постаралась замять этотъ вопросъ и пройти мимо него. Сцены кинематографовъ, изображающія ряды висѣлицъ съ жертвами, встрѣчаются гробовымъ молчаніемъ публики, вообще не сдержанной въ аплодисментахъ и свисткахъ. Съ такимъ же сдержаннымъ вниманіемъ стоитъ публика

у витрины магазина, гдѣ выставлена плоская безталанная баталическая картина патріотически-батальоннаго художника, воспроизводящая побоище въ Шара-Шато.

Впрочемъ, вниманіе публики было вскорѣ отвлечено «блестящими побѣдами», о которыхъ старательно сообщало оффиціальное телеграфное агентство Стефани. По этому поводу не могу не вспомнить милаго анекдота, появившагося еще въ началѣ войны въ нѣмецкомъ «Simplicissimus». На небесахъ происходитъ важное совѣщаніе относительно того, кому дать побѣду: итальянцамъ или туркамъ. Апостолъ Петръ отстаиваетъ интересы Италіи. Однако, для всѣхъ очевидно, что итальянцы, во-первыхъ, сильнѣе, во-вторыхъ—несправедливо начали войну. Хотя итальянцы—христіане, а турки—нехристи, но Саваофъ, слѣдуя обычаю, рѣшаетъ оказать помощь слабѣйшему, даровавъ ему побѣду надъ врагомъ. Апостолъ Петръ огорченъ. Онъ спрашиваетъ Верховнаго Судію:

— А что же ты дашь итальянцамъ?

— О, я о нихъ уже позаботился,—отвѣчаетъ Судія,—я дамъ имъ агентство Стефани, а съ нимъ они будутъ имѣть побѣду ежедневно!

И дѣйствительно, побѣды агентства Стефани, съ первыхъ дней войны по сіе время, сыплются, какъ изъ рога изобилія. Строжайшая цензура для частныхъ телеграммъ, какъ съ театра войны, такъ и изъ-за границы, не даетъ доступа никакимъ печатнымъ извѣстіямъ. Такимъ образомъ итальянцы, не читающіе газетъ иностранныхъ, долгое время купались въ лучахъ призрачныхъ побѣдъ своего оружія. Побѣды, дѣйствительно, были, но изъ каждой сотни такихъ «побѣдъ» лишь одна заслуживала упоминанія. Въ качествѣ brillantissima vittoria преподносилась каждая маленькая рекогносцировка, обратившая въ бѣгство арабскую семью, каждый пушечный выстрѣлъ по пустому мѣсту. Потерь было мало; потери-же непріятеля исчислялись, конечно, тысячами. Каждый ничтожный шагъ за предѣлы триполійскаго оазиса, за которымъ немедленно слѣдовало блестящее отступленіе, именовался avanzata, движеніе впередъ, движеніемъ въ глубь материка.

Думается мнѣ, не будь этой безсовѣстной и непрошенной рекламы несуществующихъ побѣдъ, знай итальянцы скромную истину,—моментъ разочарованія не наступилъ бы такъ скоро и неизбѣжно. Въ концѣ концовъ оказалось невозможнымъ скрыть, что «завоеваніе Триполитаніи» топчется на мѣстѣ, что на лицо имѣется лишь такъ знакомая африканскимъ колоніальнымъ войнамъ «осада пустыни», какъ удачно выразился въ «Русскихъ Вѣдом.» г. Діонео. Осада пустыни, гдѣ заблудившаяся ночью лошадь вызываетъ тревогу по всей линіи аванпостовъ, и гдѣ врагъ невидимъ и недостижимъ. Въ

общемъ съ итальянскимъ войскомъ случилось то же, что нѣкогда съ Драгомировымъ, получившимъ приказъ послать отрядъ къ кіевскому университету: «войска двинулись—непріятель не показался». Храброму итальянскому войску воевать не съ кѣмъ, какъ и храброму итальянскому флоту.

Уныніе, которое неизбѣжно влекла за собою безконечная повторяемость побѣдъ агентства Стефани, проявилось не сразу. Оно было задержано новымъ расцвѣтомъ патріотизма, вызваннымъ появленіемъ новыхъ героевъ. Если въ чемъ я никогда не сомнѣвался, такъ это въ природномъ героизмѣ итальянцевъ; тѣмъ болѣе не сомнѣваюсь въ героизмѣ ихъ солдатъ и офицеровъ. Но современная война—плохая арена для проявленія героизма, въ особенности война колоніальная, поскольку рѣчь идетъ о героизмѣ завоевателей. Впрочемъ, причисленіе къ сонму героевъ дѣлается теперь по формулѣ близкой къ условіямъ вступленія въ рай по вѣрованію мусульманъ: герой—тотъ, кто умеръ на войнѣ, хотя бы убилъ его осколокъ собственнаго орудія. Раньше героемъ былъ тріумфаторъ, теперь героемъ считаютъ побѣжденнаго: героизмъ подвига исчезъ; его смѣнилъ героизмъ жертвы. Это и естественно для христіанской эры и демократическихъ государствъ. Но Италія, желающая идти по стопамъ своихъ предковъ, великихъ римскихъ завоевателей, желаетъ имѣть и своихъ героевъ-тріумфаторовъ, преимущественно изъ числа офицеровъ. Роль церемоніймейстера въ этомъ короновaніи героевъ взялъ на себя Габріэле д'Аннунціо, написавшій за короткій промежутокъ времени десять одъ на военныя темы и издавшій ихъ отдѣльной книгой [1]).

Нельзя отрицать за книгой д'Аннунціо не малыхъ поэтическихъ красотъ. Но если когда-нибудь поэты были особенно вредны, такъ это именно сейчасъ въ Италіи. Д'Аннунціо явился выразителемъ и подстрекателемъ мелкаго пѣтушинаго задора, нѣсколько свойственнаго малокультурной итальянской молодежи. Въ его красивыхъ терцинахъ отражается гордость потомковъ тѣхъ гусей, которые нѣкогда спасли Римъ, и прославляются ихъ современные подвиги: отбитіе колодца у голодныхъ арабовъ и стрѣльба пачками по пустынѣ изъ-за надежныхъ окоповъ.

Книга д'Аннунціо—чистѣйшая газетная хроника, герои которой были бы забыты завтра же, если бы поэтъ не пригвоздилъ ихъ имена къ страницамъ литературной исторіи. Конечно, не ради критики я упоминаю здѣсь о книгѣ д'Аннунціо; нѣтъ, она сыграла большую роль въ новой расцѣнкѣ итальянскаго шовинизма. Во всякомъ

---

1) *Gabriele d' Annunzio.* Le canzoni della gesta d' oltremare Milano 1912.

случаѣ она ясно опредѣлила круги, наиболѣе зараженные этой болѣзнью, которую такъ часто смѣшиваютъ съ дѣйственнымъ патріотическимъ подъемомъ. Это именно тѣ круги, которые мы неизбѣжно противополагаемъ трудовымъ слоямъ населенія и которые особенно легко поддаются увлеченію модой. Аудиторіей д'Аннунціо оказались на этотъ разъ аристократическія, особенно военныя сферы, благотворительныя римскія общества и студенчество. Зеленая молодежь, какъ и патріотическія дамы, засыпала своего поэта привѣтственными телеграммами, полными патріотическихъ фразъ; отдѣльныя оды читались въ театрахъ и свѣтскихъ салонахъ; но серьезная критика, отдавъ дань искусству поэта, все же отмѣтила его книгу, какъ незрѣлую хронику и надлитературное явленіе. Но быть можетъ, всего интереснѣе, что главный успѣхъ выпалъ не на долю самой книги, а на долю выброшенныхъ цензурой нѣсколькихъ терцинъ, гдѣ нѣтъ ни слова о герояхъ и о Турціи, но гдѣ д'Аннунціо облекаетъ въ рѣзкія и яркія рифмы старый ирредентистскія мотивъ, посылая звонкую литературную пощечину австрійскому орлу. Эти немногія строки «Пѣсни о Дарданеллахъ», «зарѣзанныя полицейской рукой Джованни Джолитти», обошли все общество въ тысячѣ списковъ и напечатаны во многихъ изданіяхъ. Вотъ лишнее блестящее подтвержденіе популярности антиавстрійской идеи, сумѣвшей заслонить такое случайное явленіе, какъ вражда къ полумѣсяцу!

Но миновалъ и періодъ увлеченія героями. Послѣднія демонстраціи окончились съ утвержденіемъ палатой декрета, и даже бомбардировка Дарданеллъ не вызвала особаго энтузіазма. Уже къ началу весны выяснились два обстоятельства: во-первыхъ то, что движеніе внутрь Триполитаніи требуетъ нѣсколькихъ лѣтъ и колоссальныхъ средствъ; во-вторыхъ, что блестящій флотъ Италіи не сможетъ вызвать на бой слабаго противника, и, такимъ образомъ, роль его сводится только къ преслѣдованію контрабанды и прикрытію высадокъ. Выяснилось еще, что Турція абсолютно не имѣетъ въ виду какихъ-либо уступокъ, продолжая упорствовать съ тою же рѣшительностью, какъ и въ первый мѣсяцъ войны, въ своемъ пассивномъ сопротивленіи. Италія оказалась, такимъ образомъ, въ положеніи не только трагическомъ, но и смѣшномъ. Ея господства надъ Триполитаніей никто не призналъ, ея демонстративныя дѣйствія въ малой Азіи никого не пугали; неприкосновенность же адріатическаго побережья и незыблемость Балканскаго мира она сама должна была гарантировать торжественнымъ обѣщаньемъ. Была на лицо сила, готовность сражаться, національная гордость,—недоставало фактическаго обладанія колоніей и недоставало врага, кото-

раго можно бы силою заставить признать такое господство. Въ этомъ затяжномъ и безвыходномъ положеніи мы застаемъ дѣло и сейчасъ.

Какъ же реагируетъ общество на данное положеніе вещей? Я помню моментъ явнаго ожесточенія слѣдящихъ за войной итальянцевъ, особенно націоналистовъ и ихъ прессы. Ожесточило ихъ поведеніе Европы, которая вначалѣ словно бы покровительствовала Италіи, потомъ обрушилась на нее всей тяжестью своей прессы и даже, главнымъ образомъ въ лицѣ тройственныхъ союзниковъ, стала вставлять палки въ колеса итальянской боевой колесницы (ограниченіе морскихъ операцій). Тогда итальянцы со внезапной гордостью заявили, что Italia farà da se, что она не нуждается въ чужой помощи. Но уже немного погодя, тѣ же голоса заговорили о предательствѣ державъ, покинувшихъ Италію на произволъ судьбы и не дѣлающихъ шага, чтобы оказать серьезное давленіе на Турцію, на эту «сумасшедшую страну, которая сама себя губитъ упрямствомъ». Пришло время и для этихъ шаговъ. Былъ долгій періодъ лихорадочнаго ожиданія. Къ прежнимъ ежедневнымъ заголовкамъ газетъ: «Близится движеніе внутрь страны» и «неминуемо начало дѣйствій на морѣ»,—прибавился новый ежедневный же заголовокъ: «На этихъ дняхъ державы сдѣлаютъ послѣднее предложеніе Турціи». При извѣстіи о томъ, что иниціатива переговоровъ взята на себя Россіей, обычныя симпатіи итальянцевъ къ Россіи выросли до умиленья. Сазоновъ былъ героемъ дня... и оставался героемъ дня вплоть до его послѣдней рѣчи въ Государственной Думѣ. Эта рѣчь, холодно принятая и остальной Европой, сняла имя Сазонова и его портреты со столбцовъ газетъ. Итальянцы считаютъ Россію давнимъ закоренѣлымъ и неизмѣннымъ врагомъ Порты. Во всякомъ случаѣ разочарованіе въ ея настроеніи и въ ея дѣйствіяхъ было началомъ полнаго упадка итальянской лучезарной воинственности. Не оправдалъ ожиданій самый симпатичный изъ союзниковъ!

Только этимъ упадкомъ настроенія и можно объяснить, почему занятіе Италіей нѣсколькихъ острововъ Архипелага не вызываетъ рѣшительно никакого энтузіазма. «Возвращеніе Родоса савойской коронѣ» интересуетъ публику какъ любопытный историческій фактъ и какъ красивая демонстрація, но уже раздаются и скептическіе голоса.

— Вотъ оккупировали мы еще одинъ островъ,—говоритъ въ кафе итальянецъ, прочтя свѣжую газету; — пишутъ, что взяли въ плѣнъ вали и другихъ начальственныхъ лицъ и везутъ ихъ въ Италію. Такъ-то такъ, но вѣдь это значитъ, что adesso ci tocca dar

a magna' a tutta sta gente (теперь нужно кормить всю эту ораву).

Это курьезное замѣчаніе характерно потому, что оно вытекаетъ изъ соображеній экономическихъ. До послѣдняго времени оппозиція была главнымъ образомъ идейной, ограничиваясь рядами лѣвыхъ соціалистовъ и организованныхъ ими рабочихъ. Нѣсколько позже въ ряды оппозиціи встали наиболѣе крикливые изъ націоналистовъ, обвинявшіе правительство въ медлительности дѣйствій и звавшіе его объявить походъ прямо на Константинополь. Теперь молчаливая пока оппозиція растетъ въ обывателѣ, наскучившемъ «побѣдами агентства Стефани» и испугавшемся за свой карманъ. Эта оппозиція, несомнѣнно, самая опасная, такъ какъ обывательская среда и есть то самое мѣсто, изъ котораго въ горячій моментъ выпекаются и скороспѣлые націоналисты, и скороспѣлые революціонеры.

Изъ политическихъ соображеній итальянское правительство оттягиваетъ всѣми силами моментъ призыва населенія оплачивать лишнимъ пятачкомъ за табакъ и соль тѣ сильныя ощущенія, которыя доставила ему полугодовая война. Однако обыватель, равнодушный къ паденію ренты, которою онъ не обладаетъ, чувствуетъ уже вздорожаніе хлѣба, мяса и продуктовъ первой необходимости. У него хватаетъ экономической мудрости, чтобы приписать этотъ фактъ войнѣ.

Лица, изучающія психологію массъ издали, приписываютъ слишкомъ много значенія пропагандѣ оппозиціонныхъ выступленій. Настоящая пропаганда ведется не ораторами на трибунахъ, а хозяйками рабочихъ квартиръ на лѣстницахъ высокихъ домовъ. Когда лавочникъ объявляетъ, что макароны, стоившіе въ концѣ прошлаго года 60 чентезимовъ за кило, а въ прошломъ мѣсяцѣ—65, сегодня подорожали еще на сольдо,—этотъ вопросъ обсуждаетъ со вздохами все собраніе домовитыхъ хозяекъ, столкнувшихся на лѣстницѣ при возвращеніи съ базара. Пятачекъ на главныхъ продуктахъ питанія составляетъ десять лиръ прибавки къ мѣсячному расходу, и бюджетъ семейства трещитъ въ унисонъ съ бюджетомъ государственнымъ. Трудового обывателя не приходится обучать экономикѣ. Онъ ее и самъ прекрасно понимаетъ!

День за днемъ опасеніе новыхъ налоговъ, прямыхъ и косвенныхъ, возрастаетъ все сильнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ приблизился и уже даетъ себя чувствовать другой страшный врагъ рабочаго населенія—безработица, вызываемая пріостановкой фабрикъ. О томъ, что безработица уже не призракъ только, а реальность, свидѣтельствуютъ и данныя безстрастнаго оффиціальнаго бюллетеня, къ

счастію, не подчиненнаго патріотической цензурѣ и публикуемаго не агентствомъ Стефани, а министерствомъ земледѣлія. Изъ этого бюллетеня мы узнаемъ, что безработица проявляетъ себя повсемѣстно и во всѣхъ областяхъ промышленности. Въ Пьемонтѣ уменьшается спросъ на рабочія руки въ производствѣ желѣзодѣлательномъ и шляпномъ; въ Лигуріи закрылись сталелитейни Пра; въ Ломбардіи пониженіе работъ повсемѣстно и почти во всѣхъ главныхъ отрасляхъ (особенно на ткацкихъ фабрикахъ и въ промышленности желѣзной и строительной); въ Венето (Венеціанская провинція) продолжается кризисъ въ хлопчатобумажномъ производствѣ, уменьшается требованіе рукъ въ металлургическомъ и деревянномъ; въ Эмиліи вслѣдствіе кризиса закрыта большая хлопчатобумажная фабрика съ роспускомъ всѣхъ рабочихъ; въ Тосканѣ кризисъ коснулся строительной, гончарной, соломенной, посудной, стеклянной промышленности. То же пониженіе спроса на рабочія руки наблюдается и въ другихъ провинціяхъ. Усилился, подъ вліяніемъ войны, только спросъ на рабочихъ-металлурговъ на заводахъ, исполняющихъ правительственные заказы [1]).

Но гораздо больше, чѣмъ отъ безработицы, трудящаяся масса страдаетъ отъ анархіи, всегда царящей въ итальянской промышленности (особенно земледѣльческой), а теперь еще болѣе усиливающейся. Любопытно отмѣтить, что масса безработныхъ, выбрасываемая фабриками, не переливается въ земледѣльческіе районы, гдѣ какъ разъ въ данное время ощущается громадный и неудовлетворенный спросъ на рабочія руки. «Странствующія каѳедры» и «Аграрныя общества» отмѣчаютъ въ одинъ голосъ оскудѣніе рабочихъ рукъ по причинѣ невѣроятно *усилившейся эмиграціи*! Этотъ фактъ достоинъ особаго вниманія. Оффиціальный бюллетень отмѣчаетъ за мѣсяцы январь и февраль 25 тысячъ эмигрировавшихъ только изъ Reggio Calabria за океанъ, изъ которыхъ 20 тысячъ въ Соединенные Штаты. Онъ же содержитъ такое небезъинтересное свѣдѣніе:

«*Январь*. Безработица среди плотниковъ, нѣкоторые изъ кототорыхъ уѣхали въ Триполи.

Февраль. Безработица среди плотниковъ, многіе изъ которыхъ вернулись изъ Триполи».

Такимъ образомъ, въ ожиданіи будущихъ благъ отъ новой колоніи, населеніе, руководимое инстинктомъ самопомощи, продолжаетъ усиленно и спѣшно покидать отечество, переселяясь въ Америку и оставляя свои поля, обработка которыхъ ихъ прокормить не можетъ.

---

[1]) Avanti, 13 Maggio 1912.

Разсчитывалось, что колонія должна будетъ прежде всего облагодѣтельствовать промышленный Сѣверъ, открывъ ему африканскій рынокъ и усиливъ, такимъ образомъ, его производительность. Такъ ли это будетъ—мы увидимъ позже, когда Триполитанія станетъ итальянской не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности. Пока же безпристрастная статистика говоритъ намъ, что въ значительной части коммунъ миланской провинціи населеніе переходитъ на «желтую муку», т. е. съ пшеницы на кукурузу, и что изъ города Милана возвращаются въ деревню рабочія семьи, привлеченныя туда подъемомъ промышленности за года мирной политики Италіи. При этомъ говорятъ, что безработицы, подобной нынѣшней, въ Миланѣ не наблюдалось за послѣднія двадцать лѣтъ.

Все это можетъ показаться мало убѣдительнымъ на первый взглядъ. Разумѣется, война—бѣдствіе; разумѣется, она влечетъ расходы, которые окупятся сторицей эксплоатаціей завоеванныхъ земель. Но два возраженія встаютъ передъ нами, какъ встаютъ и передъ просыпающимся послѣ націоналистическаго опьянѣнія гражданиномъ Италіи. Во-первыхъ, точно ли колонія вознаградитъ за лишенія сторицей? Во-вторыхъ, когда это будетъ? Не разорится ли Италія прежде, чѣмъ получитъ возможность отдать въ ростъ свои капиталы? И все это—при увѣренно-утвердительномъ отвѣтѣ на самый основной вопросъ: подлинно ли Триполитанія будетъ итальянской?

Политическіе мудрецы говорятъ, что правительства должны руководиться не только благомъ данныхъ поколѣній, но и соображеніями о поколѣніяхъ грядущихъ. Они должны смотрѣть въ даль. Врядъ ли можно найти другой рецептъ, наиболѣе удобный для кривотолкованій. По глубокому моему убѣжденію, основанному на любовномъ изученіи итальянской современности, новое вступленіе итальянскаго правительства на путь колоніальной политики свидѣтельствуетъ не столько о его дальнозоркости, которая весьма проблематична, сколько о его близорукости, которая несомнѣнна. И если нужно протестовать противъ войны, то не съ точки зрѣнія пацифизма и гуманности (это слишкомъ ужъ наивно) и не съ точки зрѣнія нарушенія Италіей принциповъ международнаго права (это еще наивнѣе), а съ точки зрѣнія интересовъ самой Италіи. Если даже, въ наилучшемъ случаѣ, сѣверная Италія и выиграетъ отъ пріобрѣтенія колоніи, то Югъ, злополучный Югъ, уже проигралъ, проигрываетъ и будетъ проигрывать. Волна эмиграціи, несомнѣнно, хлынетъ въ колонію, хлынетъ безудержнымъ потокомъ. И случится съ ней то, что уже случилось съ плотниками оффиціальнаго бюллетеня, уѣхавшими въ январѣ отъ безработицы и вернувшимися въ

февралѣ въ ряды безработныхъ. Гдѣ капиталы для обращенія пустыни въ цвѣтущій садъ? Гдѣ средства для культуртрегерскихъ затѣй? Но и тѣ капиталы, которые Италія сумѣетъ отдать колоніи, будутъ взяты изъ метрополіи въ ущербъ и на окончательную погибель ея Югу. Недавно въ одной оппозиціонной газетѣ я видѣлъ каррикатуру изображающую Сицилію и Сардинію. Первая говоритъ второй:

— Пойдемъ, сестрица, въ Эгейское море! Можетъ быть, итальянцы, которые занимаютъ столько острововъ, займутся также и нами! Но, кромѣ острововъ, есть еще Югъ полуострова, Кампанія, Апулія, несчастная Калабрія и несчастнѣйшая Базиликата. Вотъ гдѣ обширная пустыня для культуртрегерства, вотъ гдѣ истинная колонія для мирнаго завоеванія!

Описывая Югъ въ своей книгѣ «О южномъ вопросѣ» [1]), Этторе Чикотти говоритъ: «Неаполь представляетъ проблему города, самаго населеннаго въ Италіи, гдѣ недостатокъ и чахлость индустріи дѣлаетъ невозможной, мучительной и неустойчивой жизнь большей части избыточнаго населенія. Въ Апуліи, Бари, Лечче все болѣе страдаютъ отъ винныхъ кризисовъ, въ то время какъ Фоджа больше всего заинтересована въ производствѣ хлѣбныхъ злаковъ; и всѣ три области, среди другихъ нуждъ, имѣютъ одну общую: потребность въ водѣ не только для орошенія, но и для питья. Мѣстности Калабріи, отличныя одна отъ другой во многихъ отношеніяхъ, хотя и объединенныя общимъ именемъ, страдаютъ здѣсь отъ овощного кризиса, тамъ отъ виннаго, тутъ отъ отсутствія путей сообщенія или безсистемности водоснабженія. Вся область Аппенинъ и сосѣдняя съ ней гибнетъ отъ обезлѣсенія, въ то время какъ равнины опустошаются такимъ бичемъ, какъ малярія. Итакъ, переходя отъ области къ области, отъ провинціи къ провинціи, мы видимъ; что въ одномъ пунктѣ жалуются на избытокъ населенія, въ другомъ же не хватаетъ рабочихъ рукъ; и въ то же время характеръ и формы производства не даютъ возможности установить равновѣсіе между избыткомъ и недочетомъ. А недостатокъ капиталовъ, ихъ разумнаго приложенія, мудрой техники управленія и хорошей мѣстной администраціи усугубляютъ зло, усложняютъ его, дифференцируютъ въ степеняхъ и формахъ».

Это не значитъ, что Югъ полуострова совершенно не пригоденъ для культуры и, по своей природѣ, не можетъ прокормить своего населенія. Совершенно напротивъ, Апулія въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ могла бы быть истинной житницей Италіи, если бы

---

[1]) *Ettore Cicotti*, Sulla questione meridionale. Milano 1904.

снабдить ее водой для орошенія. Въ концѣ концовъ весь вопросъ о Югѣ сводится, съ одной стороны, къ меліораціи путемъ акведуктовъ, лѣсонасажденій и улучшенія путей сообщенія, съ другой,—къ поднятію образовательнаго уровня населенія и нравственнаго уровня мѣстной администраціи. По сіе время Югъ служитъ мѣстомъ ссылки недобросовѣстныхъ чиновниковъ за проступки по службѣ въ сѣверной и центральной Италіи. До сихъ поръ грамотность Юга остается примитивной по недостатку школъ и учителей. Темнота, некультурность, господство католическаго духовенства, анархія мѣстнаго хозяйства и устарѣлость земельныхъ контрактовъ въ связи съ мстительными эксцессами загубленной или необузданной природы,—вотъ что представляетъ изъ себя Югъ, откуда такъ охотно убѣгаетъ населеніе въ Америку и куда такъ неохотно возвращается. Когда изъ двухъ сосѣднихъ коммунъ одна страдаетъ отъ разрушительнаго дѣйствія весеннихъ потоковъ, другая—отъ хроническаго безводія, то лишь невниманіе центральнаго правительства къ нуждамъ населенія придаетъ этимъ бѣдствіямъ характеръ непоправимости. Сѣверная Италія доказала, что природа, обузданная человѣкомъ, способна создать ему неожиданныя богатства. Пусть на это требуется время и деньги,—но уже, конечно, меньше времени и неизмѣримо меньше денегъ, чѣмъ на ирригацію и засажденіе великаго Сырта! По природнымъ условіямъ одинъ итальянскій Югъ можетъ дать въ короткое время больше, чѣмъ вся огромная Триполитанія въ теченіе десятилѣтій усиленной меліораціи. Вотъ почему великимъ лицемѣріемъ звучатъ слова о томъ, что колонія нужна не только для промышленниковъ Сѣвера, но и для бѣдныхъ элементовъ южнаго населенія. Наоборотъ, интересы Юга и будущей колоніи діаметрально противоположны.

Южный вопросъ родился не сейчасъ; онъ уже давно былъ слабѣйшимъ пунктомъ итальянской экономической политики, и отношеніе къ нему опредѣляло физіономію министерствъ у власти. За послѣдніе годы казалось, что зло настолько сознано (немало изслѣдователей работало надъ его выясненіемъ), что дальнѣйшей проволочки давно намѣченныхъ реформъ и мѣропріятій быть не можетъ. И вотъ, теперь война и призракъ колоніи отодвинули южный вопросъ на самый задній планъ. Пока результаты этого сказываются въ усилившейся эмиграціи. Но на память приходятъ другія формы выраженія недовольства Юга своей жизнью. Не забудемъ, что всѣ итальянскія возстанія зачинаются здѣсь и именно здѣсь погасаютъ медленнѣе. Къ условіямъ быта нужно еще прибавить темпераментъ южнаго населенія и стихійность его вспышекъ, не регулируемыхъ ни партіями, ни естественнымъ благоразуміемъ. Очарованіе трипо-

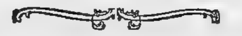
литанскимъ миражемъ не можетъ длиться слишкомъ долго; «мудрая политика» правительствъ, думающихъ о будущихъ поколѣніяхъ, трудно усвояется народомъ, насчитывающимъ 70% безграмотныхъ на провинцію. Въ парламентъ здѣсь не вѣрятъ, и расширеніе избирательныхъ правъ никого не очаровываетъ; южныя коммуны давно уже обратили избирательную кампанію въ арену подкуповъ и кумовства, гдѣ депутата не избираетъ населеніе, а ставитъ и проводитъ коммунальный совѣтъ, находящійся у власти, пуская въ ходъ всѣ мѣры, легальныя, нелегальныя и явно преступныя. Если засорится хоть немного и главный предохранительный клапанъ народнаго недовольства—эмиграція, то мы можемъ здѣсь ждать самыхъ тяжелыхъ соціальныхъ пожаровъ. И достаточно имъ начаться здѣсь, чтобы затѣмъ они разлились по остальной Италіи, идя неугасимой чредой снизу вверхъ.

Это мрачное пророчество пока кажется невѣроятнымъ; сейчасъ Италія пользуется полнымъ внутреннимъ миромъ. Но вѣдь и война,—какъ это ни странно звучитъ,—еще въ самомъ началѣ. Ея послѣдствія лишь начали проявляться въ формѣ вздорожанія хлѣба и нѣкоторыхъ другихъ продуктовъ. На счастіе Италіи нынѣшній годъ наступилъ подъ удивительно счастливой звѣздой: нѣтъ ни землетрясеній, ни потоповъ, ни холеры; «форестьерская индустрія» процвѣтаетъ, какъ никогда, не въ примѣръ несчастному юбилейному году, когда комиссіонеры отелей должны были ловить за фалды на улицѣ рѣдкихъ иностранцевъ. Все это отсрочиваетъ кризисъ. Но если нѣтъ его экономическихъ признаковъ, то есть психологическіе: уже упомянутое мною ослабленіе интереса къ войнѣ, крахъ націонализма (вызвавшій расколъ и въ рядахъ новорожденной націоналистской партіи) и появленіе скептицизма тамъ, гдѣ до сихъ поръ слышалось только «evviva». Данный психологическій моментъ является, на мой взглядъ, мертвой точкой молчаливаго ожиданія того, что принесетъ намъ завтра. Сегодня принесло намъ только нѣсколько ненужныхъ островковъ Архипелага, годныхъ развѣ лишь для будущаго обмѣна на колонію и въ видахъ созданія для Турціи фикціи «почетнаго мира» съ возвратомъ части захваченной островной территоріи.

Говоря о симптомахъ недовольства, я упомянулъ объ обнаружившемся за послѣдніе дни движеніи среди призываемыхъ запасныхъ, столь усердно скрываемомъ патріотической прессой. Но дѣло не въ отдѣльныхъ и случайныхъ симптомахъ. Дѣло въ томъ, что Италія, не созрѣвшая экономически для имперіализма, роковымъ образомъ должна въ той или иной формѣ поплатиться за свое увлеченіе, какъ она уже поплатилась при Криспи. Эти слова—не по-

желаніе, а горькій, и, по моему, необходимый выводъ, подсказываемый безстрастнымъ перелистываніемъ страницъ политической и экономической исторіи этой симпатичной страны.

Н. А. Оссргинъ.

АННА ПАВЛОВНА ФИЛОСОФОВА.

(1837—1912).

Она была счастливая женщина. Она любила жизнь, и жизнь отвѣчала ей взаимностью, увлекая ее за собой туда, гдѣ быстрѣе бьется пульсъ, гдѣ радости и горести окрашены не только лиризмомъ отдѣльныхъ, личныхъ переживаній, но и эпической важностью историческаго процесса. Въ ея впечатлительной, благородной душѣ жило и ярко отражалось все, что въ теченіе болѣе чѣмъ полувѣка переживалось Россіей.

Два великихъ народныхъ перевала,—освобожденіе крестьянъ и конституція, составили и въ жизни Анны Павловны двѣ грани, двѣ эпохи. Пятьдесятъ лѣтъ, протекшіе между этими двумя событіями, она провела не въ пассивномъ ожиданіи, она не была рабомъ лѣнивымъ, зарывшимъ свой талантъ въ землю. Дѣятельный энтузіазмъ отдала она на служеніе русской культурѣ, на подготовку тѣхъ просвѣтительныхъ богатствъ, которыя сдѣлали возможнымъ водвореніе въ Россіи новаго строя. Совсѣмъ молодой женщиной вышла она изъ ограниченнаго круга семейныхъ и салонныхъ интересовъ и пріобщилась къ лучшимъ, къ самымъ плодотворнымъ, къ самымъ свѣтлымъ, общерусскимъ стремленіямъ и домогательствамъ. Но все семейное, домашнее, женственное было ей тоже и необходимо, и близко, и мило. Именно это гармоничное сочетанье личнаго и общаго дѣлало ея жизнь богатой и красочной, дарящей и счастливой. Тѣмъ болѣе, что природа наградила ее однимъ изъ самыхъ завидныхъ даровъ—плѣнительностью. Въ ней была тайна очарованья, умѣнье и желанье привлекать къ себѣ человѣческія сердца. Этотъ счастливый талантъ она сохранила до конца своей долгой и красивой жизни.

Въ домѣ отца П. С. Дягилева жилось не легко. Мать была суровая и суховатая. Дягилевъ,—богатый баринъ, владѣвшій гдѣ-то въ

Перми заводами, страдалъ религiознымъ помѣшательствомъ и наполнялъ домъ странницами и монахами. Образованье дѣтямъ давалось домашнее, но по тогдашнимъ временамъ хорошее. Вѣроятно, идея долга, прямое чувство обязанности рано запали въ сердце молодой дѣвушки, но рядомъ съ этимъ въ немъ билось жадное и радостное любопытство къ жизни, къ солнцу, къ веселью, ко всему, что цвѣтетъ, и движется, и улыбается.

Существуетъ очаровательный акварельный портретъ Ноны Дягилевой, какъ звали шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, ту, кого наше поколѣнiе привыкло чтить какъ Анну Павловну Философову. Изъ золотой овальной рамы смотрятъ на насъ ясные и открытые глаза, такiе же голубые, какъ платье, легко спадающее съ обнаженныхъ покатыхъ плечъ. Въ этихъ глазахъ свѣтится дѣвичья вопросительность. Нѣжныя губы улыбаются задумчиво и лукаво, въ скрытомъ и волнующемъ сознанiи своей красоты. Вся головка тонкая и изящная, напоминаетъ далекiя романтическiя повѣсти. Только не пушкинскую Татьяну, потому что нѣтъ въ этомъ полусложившемся лицѣ покорности, а уже чуется стремленiе и порывъ: точно молодая дѣвушка остановилась на распутьи и, прислушиваясь къ чьимъ-то призывамъ, выбираетъ куда влекутъ ее новые голоса.

Такой была молоденькая Дягилева, когда она вышла замужъ за В. Д. Философова. Онъ былъ старше ее почти на 20 лѣтъ. Но все трудное, порой унизительное, что выпадаетъ на долю женщины въ неравномъ бракѣ, миновало Анну Павловну. Ея мужъ оказался человѣкомъ культурнымъ и мягкимъ. Успѣшная чиновничья карьера не сдѣлала его узкимъ формалистомъ. Вмѣстѣ съ Милютинымъ вводилъ онъ реформы въ военное вѣдомство, и Анна Павловна съ гордостью напоминала, что ея мужъ вывелъ въ войскахъ шпицрутены. Въ обширной перепискѣ, сохранившейся въ семейныхъ архивахъ Философовыхъ, развертывается долгая совмѣстная жизнь, гдѣ мужъ съ перваго и до послѣдняго года окружаетъ жену исключительнымъ чисто юношескимъ обожаньемъ. Ея привязанность къ нему переживаетъ самыя разнообразныя стадiи, потому что вся она неровная и мятежная, страстная и увлекающаяся. Но съ каждымъ годомъ въ Аннѣ Павловнѣ крѣпнетъ не только благородное уваженiе, но и искренняя нѣжность къ мужу. Дѣти,—ихъ было много,—еще крѣпче связываютъ ихъ. Привязанность къ дому, привычка къ помѣщичьему углу, къ ихъ милому Богдановскому, гдѣ такъ много прожито вмѣстѣ, все это придаетъ ея жизни устойчивость и уютность.

Это Богдановское, родовое гнѣздо Философовыхъ, куда при дѣдахъ заглядывалъ по пути изъ Михайловскаго Пушкинъ, вводило

Анну Павловну въ жизнь деревни и народа. По рожденью, по воспитанью, по положенью мужа, она была настоящей барыней. Денежныя затрудненія она знавала, какъ знають ихъ большинство помѣщиковъ даже крупныхъ; но нужды, лишеній, сѣрой и утомительной борьбы за кусокъ хлѣба, она въ своемъ домѣ, въ своей семьѣ никогда не видала. И все-таки быстро и тонко догадывалась она о чужихъ трудностяхъ, и шла на помощь, гдѣ могла. Въ деревнѣ, не ограничиваясь простой помощью, она тотчасъ же послѣ эмансипаціи принялась устраивать, улучшать, организовывать жизнь. Сначала учила ребятъ грамотѣ, читала вслухъ книги, собирала около себя деревенскую молодежь, потомъ создала школу и больницу.

Но главная ея работа шла въ Петербургѣ. Послѣ Севастопольской войны, когда въ немноголюдныхъ рядахъ русскихъ просвѣщенныхъ людей закипѣла неудержимая потребность дѣйствовать, когда съ лихорадочной потребностью занялись переоцѣнкой одряхлѣвшихъ общественныхъ цѣнностей, а сердца горѣли подвижническимъ желаньемъ заплатить народу вѣковой долгъ, въ этотъ предразсвѣтный часъ А. П. Философова была еще совсѣмъ юной красавицей. Она сама, съ улыбкой снисходительнаго и все-таки счастливаго воспоминанья, разсказывала, какъ она «обожала» балы, и театры, и праздники. Но вѣрно было въ воздухѣ что-то заразительное и тревожное, что перекинулось и въ ея безпечную душу, не дало ей успокоиться въ веселомъ вихрѣ баловъ; или уже тогда въ этой душѣ таились зачатки дѣятельной любви и преданности отвлеченному началу. Какая-то неудовлетворенность, непонятная ей самой тоска тревожила ее, пока случай не свелъ молодую свѣтскую женщину съ кружкомъ новыхъ передовыхъ интеллигентокъ, гдѣ царила Марія Васильевна Трубникова.

Съ этого момента опредѣлился дальнѣйшій жизненный путь А. П. Философовой. Быть можетъ, вмѣстѣ съ Некрасовымъ, могла бы она сказать:

Но жизнь любя, къ ея минутнымъ благамъ
Прикованный привычкой и средой,
Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ.
Я для нея не жертвовалъ собой...

Но кто знаетъ, пожалуй, именно то, что она любила жизнь, что въ свою работу вносила не мученичество, не жертвенность, а сплетала ее съ радостью, съ полнотой личнаго существованья, именно поэтому она сумѣла такъ много сдѣлать, такъ расчистила передъ русской женщиной дорогу къ болѣе достойной, а значитъ— и къ болѣе счастливой жизни.

А. П. Философова была одной изъ первыхъ русскихъ феминистокъ. Есть слова, которыя, благодаря тупости враговъ и безтактности друзей, пріобрѣтаютъ ложный, иногда комическій смыслъ. Слово феминистка принадлежитъ къ ихъ числу, хотя на самомъ дѣлѣ феминистка это просто женщина, которая сердцемъ, ясностью проснувшагося ума почувствовала, поняла, что человѣчество не можетъ стать свободнымъ, пока вся его женская половина не получила всей полноты человѣческихъ правъ и обязанностей. Такой феминисткой и была всю жизнь Анна Павловна, хотя въ началѣ 60-хъ годовъ, когда Анна Павловна впервые пріобщилась къ общественной работѣ, самое слово феминизмъ еще не существовало, но понятіе и стремленіе уже выяснялось. Въ кружкѣ М. В. Трубниковой и Н. В. Стасовой, куда вошла А. П. Философова, были женщины разнаго общественнаго положенія, какъ и разной степени развитія. Объединяла ихъ общность энтузіазма, равная потребность дѣйствовать во имя тѣхъ новыхъ освободительныхъ идей, которыми весь воздухъ былъ пропитанъ. М. В. Трубникова, начитанная и умная, была теоретикомъ, Н. В. Стасова организаторомъ, а А. П. Философова своего рода ходатаемъ по дѣламъ. Положеніе ея мужа, ихъ связи, ея несравненное умѣнье обращаться съ людьми, привлекать ихъ къ себѣ, дѣлало молодую женщину незамѣнимой посредницей между этой маленькой группой общественныхъ дѣятельницъ и оффиціальнымъ міромъ, отъ котораго надо было вырывать разрѣшенія и согласія, чтобы помочь русской женщинѣ пробиться къ самостоятельности. Надо было дать ей право на новыя отрасли труда, а значитъ—и право на образованье. Отсюда возникли общества дешевыхъ квартиръ и артель интеллигентныхъ труженицъ, воскресныя школы и вечерніе курсы для взрослыхъ, изъ которыхъ позже вышло русское женское высшее образованіе.

Исторія этого образованія неразрывно связана съ именемъ Анны Павловны Философовой. Она имѣла право съ гордостью говорить: «мои курсы». Ея маленькія красивыя руки, какъ будто созданныя для маленькихъ, пустяшныхъ дѣтскихъ работъ, заложили фундаментъ для прочной и широкой просвѣтительной работы, благодаря которой послѣдующія женскія поколѣнья могли отдаваться научнымъ интересамъ, разносить знаніе по всей Россіи, и, наконецъ, создавать новый, самостоятельный и свободный типъ русской женщины. Но какой запасъ энергіи нужно было, чтобы пробить первую брешь. Годами приходилось просить, ходатайствовать, добиваться, получать отказы, встрѣчать холодное и высокомѣрное недоброжелательство. Гр. Дмитрій Толстой, тогда министръ народнаго просвѣщенья, сказалъ депутаціи, явившейся просить его объ открытіи женскаго университета:

— Это все ваши выдумки. Никому рѣшительно это не нужно, кромѣ васъ самихъ.

Стремленье женщины къ образованью смѣшивалось въ представленіи правительства съ нигилизмомъ и революціей. Тотъ же гр. Толстой, встрѣтивъ какъ-то Анну Павловну на балу въ Зимнемъ Дворцѣ, шутя назвалъ ее M-me Roland и на слѣдующій день прислалъ ей портретъ знаменитой жирондистки. Философова гордилась этимъ подаркомъ, какъ гордимся мы похвалой врага, и портретъ всегда стоялъ у нея въ кабинетѣ, хотя сама она не была и никогда не считала себя революціонной героиней. Въ ней не было ни рисовки, ни преувеличеннаго мнѣнія о самой себѣ. Молодой и мало подготовленной вошла она въ кругъ людей, которые были выше ея по умственному развитію. Это наложило на нее печать внутренней скромности, производившей прямо подкупающее впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что съ годами ея собственные интеллектуальные интересы и углубились, и расширились. То «умное сердце», о которомъ писалъ ей когда-то Ѳ. М. Достоевскій, обогащалось опытомъ и знаніемъ людей. Но не было въ этомъ сердцѣ ни старческаго эгоизма, ни усталаго скептицизма, а все та же счастливая вѣра въ людей и въ отвлеченную силу добра.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ моментовъ въ личной жизни А. П. Философовой былъ годъ, проведенный въ изгнаніи. Это было въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ, послѣ цѣлаго ряда большихъ и шумныхъ политическихъ процессовъ. Правительство энергично боролось не только съ революціонерами, но и со всѣми, кто имъ сочувствовалъ. Среди такихъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствіи, была и Анна Павловна. Несмотря на то, что ея мужъ былъ военнымъ оберъ-прокуроромъ, и на то, что Александръ II его лично зналъ и любилъ, ее все-таки выслали заграницу. Ей было тяжело оторваться отъ привычной жизни, тяжело разстаться съ дѣтьми и мужемъ. Но ссылка продолжалась недолго. Года черезъ полтора, по ходатайству гр. Лорисъ-Меликова государь разрѣшилъ ей вернуться. На нѣсколько лѣтъ А. П. отстранилась отъ общественной жизни, тѣмъ болѣе, что это было время реакціоннаго затишья 80-хъ годовъ, когда всѣ сидѣли по своимъ угламъ. Общественное пробужденіе опять втянуло ее въ жизнь. Существующіе въ Россіи слабые зачатки женскаго движенья, опять-таки, связаны съ Философовой. Женскія общества и организаціи, книги и журналы по женскому вопросу, митинги, петиціи, съѣзды, все это группируется около нея. Мало по малу она становится старѣйшей представительницей и заступницей женскаго дѣла. Ея послѣдняя мечта, создать центральный, объединяющій всѣ женскія организаціи, всероссійскій женскій совѣтъ

параллельно тѣмъ, которые существуютъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, разбилась объ административный запретъ. И какъ не упорствовала Анна Павловна, правительство не уступило, очевидно считая такой женскій союзъ опаснымъ для государства.

Съ какой горечью разсказывала Философова, какъ ей было стыдно докладывать на послѣднемъ (1911 г.) женскомъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ, что совѣтъ не разрѣшенъ. Члены конгресса устроили ей бурную овацію, видя въ ней представительницу затянувшейся и тяжелой борьбы за право.

— Они хлопаютъ, а мнѣ больно,—говорила она, волнуясь отъ этихъ воспоминаній,—думаю: когда же мы-то доростемъ?

Она была искренняя и горячая патріотка, и это чувство стыда за родину, сознаніе, что завѣтный призракъ свободы, такъ гордо вставшій въ октябрьскіе дни, опять исчезъ, окрасило послѣдніе годы ея жизни печалью. Освободительное движеніе она привѣтствовала всей своей не старѣющей душой. О манифестѣ 17 октября, о первыхъ медовыхъ часахъ конституціонной свободы никогда не могла говорить безъ слезъ, но вся послѣдующая, залитая кровью борьба между старымъ и новымъ строемъ, волновала и оскорбляла ее, наполняла тоскливымъ страхомъ за родную страну.

Анна Павловна все читала, за всѣмъ слѣдила, радовалась каждой малѣйшей удачѣ свѣтлаго начала, болѣла отъ каждой побѣды начала темнаго. Уже больная и слабая, окруженная газетами и журналами, она мучилась тѣмъ, что годы и слабость мѣшаютъ ей дѣятельнѣе откликаться на событія. Незадолго до смерти она прочла въ газетахъ описанье вопіющихъ порядковъ въ одной изъ тюремъ. Не долго думая, она послала губернатору той губерніи письмо и газетную вырѣзку.

— Можетъ быть, и онъ человѣкъ. Можетъ быть, и онъ пойметъ, что это дурно. Вѣдь есть же у него совѣсть?

Отвѣта на это письмо она не получила. Да врядъ ли и ждала.

Вѣра въ заложенное въ каждаго человѣка добро была въ ней неразрывно связана съ вѣрой въ Бога. Она всю жизнь была религіозной и православной. Въ письмахъ къ мужу часто разсказываетъ она, что водила дѣтей къ причастію, и всегда удовлетворенная, умиленная нотка звучитъ въ этихъ разсказахъ. Къ чужому невѣрію, или маловѣрію относилась Анна Павловна терпимо, но съ сожалѣніемъ. Точно это была болѣзнь, вызывающая въ ней состраданіе. Но какъ разъ за годъ до смерти ей, какъ православной, привыкшей соблюдать и чтить русскіе обряды, пришлось перенести большое потрясеніе. Когда Толстой умиралъ Анна Павловна, вмѣстѣ со

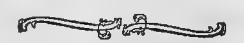
всей Россіей, переживала просвѣтленную и углубленную печаль, которая всѣхъ насъ приподняла тогда отъ сумеречной и унылой дѣйствительности въ какую-то другую глубокую и важную жизнь. Съ болью и обидой слѣдила она за кошмарнымъ ратоборствомъ между великой угасающей душой и церковью, уже давно отрекшейся отъ нея.

— Что они дѣлаютъ, что они дѣлаютъ,—съ тоской повторяла она,—вѣдь они насъ всѣхъ отлучаютъ.

Смерть Толстого довольно близко совпала съ годовщиной смерти покойнаго В. Д. Философова. Въ этотъ день Анна Павловна, окруженная семьей, всегда слушала заупокойную обѣдню по мужу. И вдругъ она почувствовала, что теперь, послѣ всего, что происходило около умирающаго Толстого, она уже не можетъ стоять за обѣдней въ церкви. Искренняя и горячая, она отказалась отъ долголѣтней, въ подлинномъ смыслѣ благочестивой привычки, собрала семью у себя дома и попросила одного изъ тѣхъ молодыхъ священниковъ, которые стараются внести въ дѣло церкви прямоту не формальной вѣры, прочесть молитвы и побесѣдовать съ ними.

Послѣдніе годы Анна Павловна увлекалась теософіей. Говорить объ этомъ она избѣгала, т. к. боялась легкаго отношенія, или рѣзкихъ нападокъ, а подготовленной къ теоретическому спору она себя не чувствовала. Возможно, что теософія и манила ее своимъ ученіемъ о духовной связи всего живущаго. Вся ея жизнь была пропитана, согрѣта, оплодотворена дѣятельнымъ ощущеньемъ этой связанности, этой всеобщности. Оттого-то привѣтливая улыбка ея стараго лица таила въ себѣ привлекательность отлетѣвшей молодой прелести. Оттого-то къ ней такъ тянуло самыхъ разнообразныхъ людей; оттого-то было хорошо и легко съ ней работать. Въ ней не было ни мелочности, ни тщеславія, которыя такъ часто громоздятся между дѣломъ и дѣятелемъ. Женственная, привыкшая къ любви и вниманью, она всегда цѣнила ихъ, но охотно и просто отступала, выдвигала другихъ, когда ей казалось, что такъ нужно. И все-таки въ теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ всегда оказывалась на первомъ мѣстѣ во всемъ, что касалось женскаго дѣла. Это мѣсто принадлежало ей по праву долгой, преданной и радостной работы на пользу русской женщины, а значитъ—и русскаго народа.

А. Тыркова.

НѢМЕЦКАЯ ЖЕНЩИНА.

(Письмо изъ Берлина).

Повидимому, женскій вопросъ становится въ Германіи очереднымъ, «моднымъ». О немъ много говорятъ, не менѣе пишутъ, его иллюстрируютъ, его... выставляютъ. Литература женскаго вопроса растетъ «не по днямъ», при чемъ нерѣдко попадаются чрезвычайно цѣнныя и талантливыя работы. Въ народныхъ университетахъ, отличающихся особой жизненной чуткостью, и на нѣкоторыхъ высшихъ курсахъ женскій вопросъ вошелъ въ качествѣ особаго предмета преподаванія, а на общественныхъ собраніяхъ о немъ говорятъ почти при каждомъ удобномъ, а подчасъ и неудобномъ случаѣ. Въ законодательныхъ учрежденіяхъ о немъ заговариваютъ, конечно, рѣже, но все-таки не обходятъ. Лишь недавно о немъ шла рѣчь въ рейхстагѣ, причемъ говорили представители всѣхъ партій, начиная отъ соціалъ-демократической и кончая крайней правой. Характерно при этомъ, что всѣ ораторы говорили о женскомъ движеніи въ тонѣ глубокаго уваженія, почти заискивающе. Еще лѣтъ десять назадъ надъ женскимъ движеніемъ посмѣивались; теперь же всѣ понимаютъ, что оно представляетъ собою крупную общественную силу, и никому изъ ораторовъ не хотѣлось бы возстановить противъ себя его руководительницъ. Рѣчи въ рейхстагѣ показали, что женское движеніе стало въ Германіи общепризнаннымъ общественнымъ факторомъ, съ которымъ должны считаться и считаются всѣ политическіе элементы страны, не только партійные, но и правительственные.

Обсужденіе женскаго вопроса въ рейхстагѣ было вызвано двумя импозантными проявленіями женскаго движенія—первой женской выставкой и первымъ общенѣмецкимъ женскимъ конгрессомъ. Устроенная, подъ названіемъ Die Frau in Haus und Beruf (женщина въ домашнемъ быту и въ профессіональной дѣятельности), первая выставка произвела на всѣхъ посѣтившихъ ее чрезвычайно сильное впечатлѣніе и послужила темой для нескончаемыхъ, еще и понынѣ не прекратившихся, разговоровъ и споровъ. Какъ всякое крупное явленіе, выставка вызвала съ одной стороны поистинѣ восторженную, съ другой рѣзко отрицательную оцѣнку. Восторгавшіеся друзья отмѣчали разнообразіе и богатство выставленныхъ предметовъ, умѣлость арранжировки и аккуратность въ выполненіи при-

нятыхъ на себя задачъ. Вся работа по организаціи, начиная отъ выработки общаго плана и вплоть до размѣщенія отдѣльныхъ мелочей была задумана и выполнена исключительно женскимъ умомъ и женскими руками. Все, на что падалъ глазъ посѣтителя, было сдѣлано женскимъ трудомъ или по меньшей мѣрѣ по проектамъ и указаніямъ женщинъ-спеціалистокъ. Оказалось, что среди нѣмецкихъ женщинъ имѣются толковые и талантливые архитекторы, недурные инженеры и вполнѣ удовлетворительные механики. Кромѣ того, посѣтитель могъ убѣдиться, что современная нѣмецкая женщина съ большимъ успѣхомъ работаетъ на многихъ другихъ поприщахъ. Она умѣетъ хорошо переплетать, рисовать, пилить, лѣпить, фотографировать, знаетъ, какъ обжигать посуду и какъ слѣдуетъ пользоваться сложной вышивальной или швейной машиной, работающей сразу за шестерыхъ (шесть объединенныхъ станковъ, обслуживаемыхъ двумя работницами). Всѣ эти данныя не могли не вызвать у многихъ удивленія и энтузіазма, связаннаго съ надеждой на скорое лучшее будущее. Но были на выставкахъ и недочеты, и эти послѣдніе вызвали суровое, но лишь на половину справедливое осужденіе всей выставочной затѣи. Чтобы понять это осужденіе необходимо знать, что выставка была задумана и устроена Нѣмецкимъ Лицеумъ-Клубомъ (Deutscher Lyceum Club), въ которомъ объединены главнымъ, если не исключительнымъ образомъ «дамы». Въ почетномъ президіумѣ очутились почти все графини, да принцессы, жены министровъ, даже двѣ королевы (румынская и болгарская) съ пятью или шестью герцогинями. Само собою разумѣется, что протекторатъ былъ предложенъ императрицѣ, относительно которой, кстати сказать, никто въ точности не знаетъ, какъ она думаетъ о вопросахъ женской эмансипаціи. Такъ какъ Вильгельмъ II лишь недавно произнесъ рѣчь, гдѣ говорилъ, что женщина должна остаться у домашняго очага, то естественно было предположить, что императрица вполнѣ на сторонѣ этого взгляда. Въ протекторши женской выставки попадало такимъ образомъ лицо, отвергавшее все то, къ чему стремились и стремятся ея устроительницы и участницы...

Отчасти изъ вниманія къ августѣйшей протекторшѣ, отчасти по собственному влеченію, дамы-устроительницы преднамѣренно смягчили темныя и революціонныя стороны женскаго труда, скрыли отъ глазъ посѣтителей все, что черезчуръ напоминаетъ соціализмъ и запахъ рабочаго пота. Благодаря этому выставка оказалась въ общемъ черезчуръ нарядной, если хотите дамской, во всякомъ случаѣ далеко не пролетарской. Не слѣдуетъ все-таки думать, что пролетарскіе элементы были совершенно исключены. Въ цѣломъ

рядѣ отдѣловъ можно было ознакомиться съ положеніемъ трудовой женщины какъ въ сравнительно высшихъ профессіяхъ—телефонистки, телеграфистки, конторщицы, фотографщицы — такъ и въ чисто ремесленныхъ или фабричныхъ отрасляхъ, какъ швейное дѣло, часовое, газовое, гончарное, прядильно-ткацкое, а затѣмъ въ садоводствѣ, животноводствѣ и т. д. Само собою разумѣется, что положеніе женской прислуги также получило тутъ извѣстное, даже сравнительно полное освѣщеніе.

Въ отличіе отъ выставки конгрессъ былъ созванъ не Лицеумъ-Клубомъ, а «Союзомъ женскихъ союзовъ» (Bund deutcher Frauenvereine), въ который входитъ 1550 отдѣльныхъ организацій. «Союзъ» принадлежитъ къ «бюргерскому» крылу нѣмецкаго женскаго движенія и имѣетъ лишь тонкую пролетарскую прослойку, составившуюся изъ работницъ, завербованныхъ либеральными и клерикальными ферейнами. «Союзъ», конечно, болѣе демократиченъ, нежели Клубъ, хотя въ общемъ его также необходимо причислить къ «дамскому» направленію. Въ соотвѣтствіи съ этимъ на конгрессъ явились только «бюргерши». Соціалистокъ на немъ не было ни одной, по крайней мѣрѣ въ качествѣ члена. Не было также оффиціальныхъ представительницъ «Союза для охраны материнства» (Bund für Mutterschutz), отличающагося своими радикальными взглядами въ вопросахъ половой этики. Неприглашеніе членовъ «Bund'а» организаторши конгресса объясняютъ, впрочемъ, не программными разногласіями, а тѣмъ, что Bund не чисто женская организація. Дѣйствительно, въ немъ находится не малое количество мужчинъ, и во главѣ его стоитъ теперь президентъ мужского пола.

Блистая отсутствіемъ радикальныхъ именъ, конгрессъ собралъ все-таки импонирующее количество крупныхъ дѣятельницъ бюргерскаго женскаго движенія, начиная отъ энергичной, умной и многосторонне образованной Гертруды Беймеръ (предсѣдательница конгресса и «Союза союзовъ») вплоть до дряхлѣющей уже, но все еще обаятельной Мины Кауэръ. Среди другихъ особенно выдѣлялись саркастическая Марія Штритъ, бывшая въ теченіе десяти лѣтъ предсѣдательницей «Союза», Елена Ланге, извѣстная піонерка женскаго образованія, Анна Паприцъ, неутомимая воительница противъ всѣхъ ужасовъ проституціи, Маріана Веберъ, авторъ нѣсколькихъ превосходныхъ работъ изъ области женскаго вопроса, Елизавета Гнаукъ-Кюне, составившая себѣ имя статистико-экономическими изслѣдованіями, а также цѣлый рядъ менѣе извѣстныхъ, но не менѣе талантливыхъ и дѣльныхъ поборницъ женскаго дѣла въ Германіи.

Какъ выставка, такъ и конгрессъ привлекли къ себѣ большое количество «публики», главнымъ образомъ женщинъ. Мѣста брались

прямо съ бою, и только благодаря умѣлому и тактичному руководству распорядительницъ дѣло обходилось обыкновенно двумя-тремя измятыми шляпами и нѣсколькими разбитыми стеклами. Вообще, какъ уже было отмѣчено, организація была во всѣхъ отношеніяхъ образцовой, и самая придирчивая мужская критика должна была умолкнуть при видѣ превосходно работающаго организаціоннаго аппарата. О «женской безтолочи», о которой мужчины такъ любятъ побалагурить, тутъ не могло быть и рѣчи.

Идея конгресса была счастливой идеей. То, чего нельзя было выразить посредствомъ демонстрированія предметовъ, было досказано въ формѣ обстоятельныхъ докладовъ или краткихъ спичей. Вообще конгрессъ явился прекраснымъ дополненіемъ къ сокровищамъ, собраннымъ въ выставочныхъ залахъ. Выставка собрала матеріалъ, конгрессу пришлось обработать, истолковать его значеніе, найти для него выразительную формулу. Поскольку конгрессы вообще въ состояніи разрѣшать такія проблеммы, постольку женскій конгрессъ справился съ поставленной задачей въ высшей степени удачно. Доклады были содержательны и затрагивали вопросъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ. Кто интересуется современнымъ женскимъ движеніемъ, тотъ найдетъ въ нихъ богатый источникъ для ознакомленія и изученія. Въ литературѣ женскаго вопроса протоколы конгресса (они должны появиться вскорѣ въ извѣстномъ лейпцигскомъ издательствѣ Teubner'а) займутъ, несомнѣнно, почетное мѣсто.

Выдающійся успѣхъ конгресса не избавилъ его, конечно, отъ критики. Наиболѣе рѣзкій отрицательный откликъ онъ встрѣтилъ со стороны соціалъ-демократіи. Воинствующія соціалъ-демократки созвали рядъ спеціальныхъ женскихъ митинговъ, на которыхъ детально разобрали какъ бюргерскій конгрессъ, такъ и дамскую выставку. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ соціалъ-демократки не остановились передъ обвиненіемъ въ фальсификаціи общественнаго мнѣнія; съ такимъ же обвиненіемъ выступили, впрочемъ, и нѣкоторые демократы.

Правильны или неправильны были эти обвиненія, во всякомъ случаѣ онѣ констатируютъ фактъ непримѣримѣйшей розни между двумя главнѣйшими теченіями женскаго движенія—бюргерскимъ и пролетарскимъ: рознь эта датируетъ съ момента появленія первыхъ соціалистическихъ баталіоновъ. Правда, первыя бюргерскія поборницы женской эмансипаціи удѣляли не мало вниманія положенію пролетарки и подвергали рѣзкому осужденію тотъ строй, который выгоняетъ женщину на фабрику, разлучая мать съ дѣтьми, нуждающимися въ ея попеченіи. Поборницы женской эман-

сипаціи изъ бюргерскаго лагеря основывали образовательные ферейны для работницъ, посредствомъ которыхъ надѣялись развить ихъ сознаніе и воспитать чувство общихъ интересовъ. Но призывъ изъ соціалъ-демократическаго лагеря оказалъ на пролетарку болѣе сильное впечатлѣніе, нежели филантропическія заботы бюргерскихъ дамъ. Горячо написанная книга Бебеля о женщинѣ и категорическое требованіе соціалъ-демократической программы о равноправіи половъ показали работницѣ, что ея мѣсто не въ рядахъ безправныхъ «сестеръ» изъ бюргерскаго лагеря, а бокъ о бокъ съ мужчиной-пролетаріемъ, борющимся за соціалистическій строй. Въ томъ же направленіи подѣйствовалъ исключительный законъ о соціалистахъ. Полиція преслѣдовала не только рабочихъ, но и работницъ, и это обстоятельство естественно сближало обоихъ. Съ каждымъ годомъ количество организованныхъ работницъ увеличивалось, и теперь оно достигаетъ многихъ десятковъ тысячъ. По послѣднимъ отчетамъ соціалистическихъ профессіональныхъ союзовъ въ нихъ числилось 161.510 члиновъ работницъ. Въ *политической* организаціи рабочихъ, т. е. въ соціалдемократической партіи, число членовъ женщинъ превышало въ послѣднемъ году цифру 100.000. По сравненію съ цифрой организованныхъ мужчинъ это, конечно, немного, но сравнительно съ цифрой организованныхъ «бюргершъ» количество организованныхъ работницъ является поистинѣ огромнымъ. Необходимо при этомъ отмѣтить, что до послѣдняго времени агитація среди женщинъ затруднялась реакціоннымъ закономъ о союзахъ и собраніяхъ. Съ реформой закона въ 1908 году пали наибольшія преграды, и теперь дѣло организаціи работницъ подвигается значительно быстрѣе. Это обстоятельство позволяетъ надѣяться на интенсивный расцвѣтъ женскихъ пролетарскихъ организацій въ ближайшіе годы.

Почему пролетарскіе элементы сторонятся отъ бюргерскаго женскаго движенія? Женщина-работница, прежде всего, не можетъ чувствовать себя удовлетворенной въ «дамскомъ» обществѣ хотя бы ужъ потому, что она и одѣвается не такъ, и вообще далеко не въ состояніи жить на одной ногѣ съ бюргершей. Она воспитывалась на мѣдныя деньги и,—говорятъ—не въ состояніи отдаться вопросамъ и интересамъ духовнаго характера. Но какъ бы ни были сильны эти мотивы, тѣмъ не менѣе они одни врядъ ли послужили бы достаточнымъ основаніемъ для обособленія работницъ отъ бюргершъ. Необходимы были еще и другія, болѣе глубокія причины, и къ таковымъ необходимо отнести соціально экономическую рознь, рознь классовыхъ интересовъ. Бюргерша и работница, правда, въ одинаковой степени безправны по отношенію къ мужской половинѣ современнаго общества, но въ то же время экономическіе и соціаль-

ные интересы обѣихъ часто противоположны или несовмѣстимы. Эта рознь должна была сказаться и, дѣйствительно, сказалась въ работахъ конгресса. Съ особенной выпуклостью это можно было отмѣтить при обсужденіи вопросовъ, связанныхъ съ домоводствомъ.

Современное домоводство глубоко отличается отъ того типа домашняго хозяйства, съ которымъ приходилось имѣть дѣло нашимъ матерямъ и бабушкамъ. На конгрессѣ эволюція домашняго хозяйства была превосходно очерчена въ интересномъ докладѣ г-жи Гейсъ, дочери экономиста Кнаппа. Нѣмецкая Hausfrau теперь не печетъ хлѣба, не возится со стиркой бѣлья, не носитъ воду и, само собою разумѣется, не прядетъ и не ткетъ. Даже крестьянки и тѣ не всюду занимаются подобными дѣлами. Водопроводъ, центральное отопленіе, газовыя плиты и электрическое освѣщеніе избавили женщину отъ цѣлаго ряда тяжелыхъ и подчасъ крайне непріятныхъ, грязныхъ занятій, неизбѣжныхъ въ былыя времена. Наличность разнаго рода профессіональныхъ артелей избавляетъ ее, дальше, отъ такихъ работъ, какъ чистка ковровъ, мойка оконъ, натираніе половъ. Широкое распространеніе консервовъ и наличность всякаго рода кухонныхъ аппаратовъ сводятъ работу по изготовленію пищи до ничтожнаго минимума. На этомъ, однако, эволюція домашняго хозяйства не остановилась. Тутъ и тамъ появляются однокухонные дома (Einküchenhäuser), дома съ единой центральной кухней, обслуживающей сразу всѣхъ жильцовъ. Вмѣсто сотни отдѣльныхъ кастрюль для каждой квартиры имѣется одна большая кастрюля, избавляющая 99% хозяекъ отъ утомительной возни съ изготовленіемъ обѣда, завтрака и ужина. Вмѣстѣ съ кухней централизуется обыкновенно и воспитательное дѣло. Дѣти такого современнаго фаланстера отдаются подъ наблюденіе одной-двухъ общихъ надсмотрщицъ-нянь. Домашнее хозяйство становится такимъ путемъ на почву крупнаго предпріятія и устраняетъ диллетантизмъ, неизбѣжный при обособленномъ, индивидуальномъ хозяйствованіи. Хозяйствованіе превращается въ профессію, прислуга возвышается въ рангъ работницы, выполняющей не капризы своей «барыни», а опредѣленныя функціи, диктуемыя логикой самого процесса хозяйствованія.

Само собою разумѣется, что эта эволюція, освобождающая женщину, какъ таковую, немного стѣснительна для «барыни». Цѣлый рядъ привычныхъ прихотей не можетъ найти удовлетворенія, разъ прислуга отказывается отъ ихъ выполненія. Понятно также, что прогрессивно настроенная докладчица не рѣшалась защищать патріархальныя отношенія, господствующія до сихъ поръ между прислугой и хозяйкой, аргументами, взятыми изъ арсенала привилегированныхъ классовъ. Но отказаться отъ этого института она все-таки не

нашла возможнымъ. Централизацію домашняго хозяйства она отвергаетъ, такъ какъ она идетъ, по ея мнѣнію, вразрѣзъ съ интенсивнымъ стремленіемъ современнаго человѣка къ индивидуализаціи. Чѣмъ монотоннѣе и шаблоннѣе профессіональная жизнь, тѣмъ больше желаніе построить свою частную жизнь на особыхъ, личныхъ началахъ. Современный человѣкъ хочетъ хоть дома сохранить свой особый, индивидуальный ликъ, онъ не желаетъ быть тутъ «какъ всѣ». Даже рабочіе элементы, утверждаетъ г-жа Гейсъ, избѣгаютъ устраиваться по шаблону и пытаются проявить личный вкусъ. Отсюда понятно, что домашнее хозяйство должно, по мнѣнію докладчицы, остаться навсегда индивидуальнымъ, неизбѣжно связаннымъ со старымъ институтомъ домашней прислуги.

Большинство конгресса, конечно, согласилось съ бюргерскими взглядами референтши, но нашлось нѣсколько болѣе радикальныхъ дамъ, которыя позволили себѣ отмежеваться отъ большинства. За однокухонный домъ высказалась между прочимъ Марія Лишневская, голосъ которой имѣетъ большой вѣсъ, такъ какъ эта, въ общемъ умѣренная и осторожная либералка, отличается хорошей политико-экономической подготовкой. За предѣлами конгресса противъ референтши высказались также соціалъ-демократки. Умѣренная соціалистка, вдумчивая Валли Цеплеръ, правильно отмѣтила въ Socialistsche Monatshefte, что докладчица говорила съ точки зрѣнія современнаго бюргерскаго Haushalt'а и не въ состояніи была выйти изъ рамокъ бюргерскаго кругозора. Во всей аргументаціи сказалась, несомнѣнно, та противоположность интересовъ, которая отдѣляетъ работницъ отъ бюргершъ. Попытка референтши подкрѣпить свой взглядъ ссылкой на нужды дѣтей (дѣти будто бы не могутъ обойтись безъ прислуги) также не убѣдительна. Вѣдь воспитывать дѣтей приходится не только десяткамъ тысячъ бюргершъ, но и милліонамъ женщинъ, принадлежащимъ къ крестьянскому и рабочему сословіямъ. Вопросъ, поэтому, не можетъ быть рѣшенъ, если онъ въ состояніи удовлетворить только одни бюргерскіе элементы. Кромѣ того, онъ не можетъ быть рѣшенъ такимъ образомъ уже потому, что воля бюргерши не въ состояніи заставить болѣе или менѣе сознательную и развитую женщину отдать себя въ полное распоряженіе своей «хозяйкѣ» или «барынѣ». Уже теперь число женщинъ, идущихъ въ прислуги, уменьшается съ каждой переписью. Несмотря на большой приростъ населенія, количество прислуги упало съ 1895 (1339316 человѣкъ) по 1907 на 74561 человѣкъ. Уменьшеніе предложенія не задерживается ни увеличеніемъ цѣнъ, ни лучшимъ обращеніемъ, ни превращеніемъ имени «прислуга», Dienstbote, Dienstmädchen въ болѣе приличное: домашняя «служащая», Hausbe-

amtin или Hausstütze (опора дома). Ростъ сознанія собственнаго достоинства, нежеланіе «прислуживаться» отталкиваетъ многихъ и многихъ отъ «домашней службы». «Барынямъ», поэтому, волей неволей приходится подумать о другихъ формахъ домоводства и отказаться отъ патріархальныхъ отношеній къ прислугѣ.

Ростъ женской личности не ограничивается, впрочемъ, предѣлами одного разряда прислуги. Сознаніе собственнаго достоинства распространено повсюду, и женская личность ограждена здѣсь въ гораздо большей степени отъ мужскаго произвола, нежели, напр. у насъ въ Россіи. Циркулирующія въ Россіи дикія поговорки въ родѣ: «люби жену, какъ душу, тряси ее какъ грушу» или «курица не птица, баба не человѣкъ» или «тотъ жену не учитъ (т. е. бьетъ), кто ее не любитъ», здѣсь уже давно стали анахронизмами и употребляются, можетъ быть, только среди подонковъ. Изъ многаго множества бытовыхъ нѣмецкихъ разсказовъ, прочитанныхъ мною за послѣднія десять лѣтъ, я не припомню ни одного, въ которомъ описывались бы сцены, гдѣ мужъ бьетъ свою жену «смертнымъ» или вообще какимъ-либо «боемъ». Это, конечно, не означаетъ, что въ жизни такихъ случаевъ не бываетъ. Бываетъ, конечно, и вѣроятно нерѣдко. Мнѣ самому приходилось не разъ усмирять одного рабочаго, который, несмотря на принадлежность къ соціалъ-демократіи, чуть не ежедневно колотилъ свою жену, надоѣдавшую ему своей неврастеніей. Тѣмъ не менѣе позволяю себѣ утверждать, что между нашими, россійскими и нѣмецкими нравами разница огромная. Здѣсь въ Германіи битье женщинъ исключеніе; здѣсь его тщательно скрываютъ отъ взоровъ другихъ, а у насъ оно происходитъ частенько прямо на улицѣ.

Было бы несправедливо думать, что ростъ женской личности сказывается въ Германіи только въ томъ, что она съумѣла избавить себя отъ побоевъ. Мы, россіяне, привыкли представлять себѣ нѣмецкую женщину, какъ хлопотливую «хозяйку», какъ Hausfrau, озабоченную лишь тѣмъ, чтобы угодить своему мужу. Большинство изъ насъ думаетъ, что у нѣмецкой женщины нѣтъ собственныхъ интересовъ, собственныхъ мнѣній, собственныхъ цѣлей, что она чувствуетъ, думаетъ и поступаетъ такъ, какъ ея «повелитель», ея Mann. Въ дѣйствительности, оно далеко не такъ. За послѣдніе годы Hausfrau начинаетъ отступать на задній планъ, на ея мѣсто выдвигается женщина, имѣющая Beruf, профессію, составляющую для нея главнѣйшій смыслъ существованія. Женщина, имѣющая профессію, не является уже простымъ эхо мужчины и предъявляетъ претензію на полное равенство, на полную самостоятельность, вплоть до сохраненія своего дѣвичьяго имени. У нея нѣтъ желанія

растворить свою волю въ волѣ мужчины; наоборотъ, она только о томъ и думаетъ, чтобы выявить свою личность до ея крайнихъ предѣловъ. Располагая самостоятельными доходами, такая женщина чувствуетъ себя совершенно независимой отъ мужчины и идетъ своимъ путемъ во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ. Она не только мыслитъ, но и дѣйствуетъ на собственный страхъ. Въ общественныхъ дѣлахъ она рѣшается идти по собственному усмотрѣнію, выступая иногда даже противъ своего Mann'а. Нерѣдки случаи, когда мужъ принадлежитъ къ одной, а жена къ другой, болѣе радикальной политической партіи.

Число женщинъ, занятыхъ въ различныхъ профессіяхъ, съ каждымъ годомъ увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ растетъ отмѣчаемое нами стремленіе къ независимости. По статистикѣ 1907 года количество профессіонально занятыхъ женщинъ превышаетъ 8 милліоновъ, что составляетъ приблизительно треть всѣхъ трудовыхъ силъ страны. Правда, изъ этого общаго числа сравнительно немногія заняты исключительно своей профессіей. Все же количество ихъ достаточно велико для того, чтобы оказать опредѣляющее давленіе на характеръ всего женскаго движенія. Въ значительной степени женскій вопросъ въ Германіи уже теперь представляетъ собою вопросъ экономически самостоятельной и независимой женщины.

Какъ ни значительна эта степень, все-таки за ея предѣлами остаются многіе милліоны, для которыхъ матеріальная зависимость отъ мужчины будетъ существовать если не всегда, то все же еще довольно долго. Эти милліоны неизбѣжно попадаютъ въ унизительное положеніе зависимыхъ людей, обреченныхъ на вѣчное приспособленіе къ своему повелителю-мужу. Съ большимъ сарказмомъ говорила на эту тему (на конгрессѣ) упомянутая уже разъ Маріанна Веберъ. Подъ апплодисменты сочувствующихъ ей слушательницъ Веберъ нарисовала характерную картину обычныхъ отношеній между мужемъ и женой, гдѣ для всякой издержки требуется санкція и контроль «господина супруга», гдѣ за всякій перерасходъ жена должна опасаться строжайшаго выговора. Обыкновенно, для достиженія большей экономіи, мужъ не предоставляетъ женѣ опредѣленной суммы денегъ на хозяйственныя нужды, а принуждаетъ ее выпрашивать по частямъ, небольшими долями. Къ выпрашиванію она должна прибѣгать и тогда, когда рѣчь идетъ о ея личныхъ потребностяхъ,—о новомъ платьѣ, о поѣздкѣ, о подаркахъ друзьямъ, вспомоществованіи бѣднымъ и т. д. Всюду и всегда жена должна мотивировать свою просьбу или выжидать удобнаго случая, чтобы захватить своего «милаго муженька» въ добромъ расположеніи духа. Въ результатѣ женщина видитъ себя вынужденной прибѣгнуть къ

оружію слабыхъ, не идти прямикомъ, а прибѣгать къ окольнымъ путямъ, хитрить, скрытничать и т. д. Все это отражается, конечно, на самочувствіи, на самоуваженіи, развиваетъ въ женщинѣ рабскіе инстинкты и подрываетъ основу разумныхъ, счастливыхъ отношеній между полами.

Что же нужно сдѣлать для того, чтобы жена, нуждающаяся въ нѣсколькихъ рубляхъ, избавилась отъ унизительной необходимости думать постоянно о настроеніяхъ мужа? Существуютъ рѣшенія, предложенныя въ свое время, съ одной стороны, извѣстной феминисткой Кете Ширмахеръ, а съ другой—Эленъ Кей. Ширмахеръ предложила позаботиться о переоцѣнкѣ домашней работы женщины, предоставивъ ей право на особое вознагражденіе. Женскій домашній трудъ долженъ быть приравненъ къ работѣ мужчины, добывающаго денежныя средства внѣ дома. Кей же, какъ извѣстно, выступила съ планомъ соціальнаго обезпеченія матерей и женъ изъ государственныхъ средствъ, составляющихся путемъ особаго обложенія. Веберъ основательно отвергаетъ оба плана, ибо осуществленіе ихъ отчасти немыслимо, отчасти нежелательно. Переоцѣнка домашняго труда и приравненіе его къ труду промысловаго характера не привели бы къ желанному результату, ибо трудъ этотъ въ различныхъ случаяхъ различенъ. «Трудъ» какой-нибудь милліонерши, выполняемый при помощи десятка хорошо вышколенной прислуги, существенно отличается отъ домашнихъ заботъ жены желѣзнодорожнаго служащаго, получающаго годовой окладъ въ двѣ-три тысячи марокъ. Кромѣ того принципъ вознагражденія за домашній трудъ несовмѣстимъ съ товарищескими отношеніями, которыя—по меньшей мѣрѣ въ идеалѣ—должны существовать между супругами. Что же касается предложенія, сдѣланнаго Эленъ Кей, то осуществленіе его, напр., въ Германіи потребовало бы новаго ежегоднаго обложенія на сумму въ 7 милліардовъ. Само собою разумѣется, что планъ, для реализаціи котораго необходима сумма, въ три раза превышающая нынѣшній имперскій бюджетъ, не можетъ быть отнесенъ къ категоріи выполнимыхъ. Утопическій характеръ его долженъ быть ясенъ для всякого, знакомаго съ реальными условіями современнаго общества.

Вмѣсто такихъ проектовъ, Веберъ предлагаетъ слѣдующій планъ. Сводится онъ къ тому, что законодатель обезпечиваетъ каждой женщинѣ право на установленіе ежегоднаго бюджета. Каждая семья заранѣе устанавливаетъ, какая часть общихъ доходовъ идетъ на домоводство и какая на особыя, личныя нужды жены и мужа. Женщина получаетъ такимъ путемъ опредѣленную сумму, которой она распоряжается по собственному усмот-

рѣнію. Выпрашивать и умолять, хитрить и скрытничать ей больше не придется. Вмѣстѣ съ тѣмъ установленіе бюджета, — полагаетъ докладчица,—заставило бы поставить хозяйство на раціональныхъ началахъ. На ряду съ улучшеніемъ индивидуальнаго положенія женщины, улучшилось бы также и все домоводство.

Это предложеніе Веберъ не содержитъ въ себѣ ничего «революціоннаго», ни даже чего-либо сколько-нибудь радикальнаго, и при извѣстныхъ условіяхъ оно, пожалуй, могло бы быть принято любымъ бюргерскимъ парламентомъ. Тѣмъ не менѣе ожидать его скораго осуществленія, нельзя: послѣднее предполагало бы такое вліяніе женскаго движенія на законодательство, о которомъ пока что можно лишь мечтать. Не слѣдуетъ забывать, что въ настоящее время нѣмецкая женщина не располагаетъ почти никакими общественными правами. Будучи уравнена (за небольшими исключеніями) съ мужчиной въ гражданскомъ правооборотѣ, она не пользуется личнымъ избирательнымъ правомъ ни въ имперіи, ни въ отдѣльныхъ государствахъ, ни даже въ органахъ самоуправленія. Отчасти въ этомъ виноваты сами женщины, отчасти тѣ мужчины, которые принципіально признаютъ равенство половъ, въ дѣйствительности же не ударятъ палецъ о палецъ для того, чтобы добиться осуществленія этого принципа. За послѣднее время положеніе, правда, значительно измѣнилось. Женскія организаціи окрѣпли и съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ все большее вліяніе на ходъ партійныхъ дѣлъ. Всѣ партіи не только лѣвыя, но и правыя, высоко цѣнятъ агитаціонную поддержку женщинъ, и ужъ поэтому одному принуждаются понемногу капитулировать передъ настойчивымъ натискомъ женской арміи. Господствующіе предразсудки постепенно слабѣютъ, и разговоры о томъ, что участіе женщинъ въ общественной жизни сможетъ оказать вредное вліяніе, съ одной стороны, на женскій характеръ, а съ другой—и на всю современную культуру, встрѣчаются большей частью пожатіемъ плечъ. Фактической работой на различныхъ поприщахъ нѣмецкая женщина успѣла доказать, что всѣ эти разговоры не имѣютъ подъ собою серьезнаго основанія и являются не чѣмъ другимъ, какъ пережитками мужскаго эгоизма и его былого господства во всѣхъ областяхъ частной и общественной жизни. Съ теченіемъ времени пережитки эти исчезнутъ даже у наиболѣе слѣпыхъ защитниковъ современнаго безправія женщинъ.

Борьба за избирательное право женщинъ безостановочно усиливается. Особенно интенсивную агитацію ведутъ соціалистки, число которыхъ, какъ мы знаемъ, непрерывно растетъ. Съ прошлаго года соціалистки установили «женскій день», нѣчто въ родѣ первомайскаго рабочаго дня, въ который онѣ собираются по всей

странѣ для протеста противъ господствующаго режима. Въ этотъ день мысль объ избирательномъ правѣ проникаетъ въ сотни и миллiоны рабочихъ женщинъ, воодушевляя ихъ на дѣятельную и подчасъ утомительную агитацiю въ пользу женскаго права. Подталкиваемыя и ободряемыя соцiалистической агитацiей, бюргерши съ своей стороны развиваютъ въ этой области все болѣе и болѣе активную дѣятельность. Само собою разумѣется, что безъ внутреннихъ разногласiй не обходится и тутъ, хотя всѣ разногласiя имѣютъ лишь тактическiй, но отнюдь не принципiальный характеръ. По мнѣнiю нѣкоторыхъ, не слѣдуетъ добиваться всего сразу, а надо ограничиться сперва достижимымъ. Избирательное право въ коммунальныя учрежденiя должно было бы явиться первымъ шагомъ на этомъ пути. Лишь послѣ этого завоеванiя, слѣдовало бы сосредоточиться на борьбѣ за участiе въ выборахъ въ ландтагъ, а впослѣдствiи—въ рейхстагъ. Такой практицизмъ не встрѣчаетъ, однако, пока большого сочувствiя, что, конечно, вполнѣ понятно. Женское движенiе находится все еще въ перiодѣ борьбы за свое признанiе, ему нужно поднять на ноги и вдохновить на суровую битву многiя тысячи дремавшихъ до сихъ поръ женщинъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, нужны яркiе лозунги, высокiе идеалы, большiя перспективы. Практицизмъ возможенъ и неизбѣженъ лишь потомъ, когда поле будетъ достаточно вспахано, когда наступятъ скучные будни. Но до этого времени женскому движенiю еще не близко.

Имѣются разногласiя впрочемъ и въ другой плоскости. Такъ, однѣ считаютъ возможнымъ удовлетвориться сначала распространенiемъ существующаго избирательнаго права на женщинъ; другiя же не соглашаются на это уравненiе и стремятся къ введенiю настоящаго демократическаго избирательнаго права, которое, какъ извѣстно, въ Германiи отсутствуетъ какъ въ коммунахъ, такъ и въ отдѣльныхъ государствахъ, а въ извѣстной мѣрѣ и въ имперiи. Политическая агитацiя женщинъ имѣетъ, такимъ образомъ, въ виду не только женскiя нужды, но и интересы всего демократическаго населенiя Германiи.

Внѣшнiя формы женской борьбы за избирательное право отличаются въ Германiи крайней сдержанностью: петицiи, собранiя, съѣзды, депутацiи, прокламацiи, резолюцiи—вотъ почти весь арсеналъ прiемовъ, къ которымъ прибѣгаетъ современная нѣмка въ своей политической борьбѣ. «Англiйскiя» формы не встрѣчаютъ здѣсь сочувствiя, и даже у самыхъ радикальныхъ элементовъ не найдешь пока желанiя «выйти на улицу». Со временемъ все это, конечно, можетъ измѣниться, но для этого требуется, чтобы измѣнился и стиль общественной жизни страны. Необходимо, чтобы

боевые «уличные», и т. д. пріемы стали такъ же популярны въ Германіи, какъ въ Англіи. Лишь тогда и нѣмецкая женщина воспользуется ими въ своихъ интересахъ. Вообще нѣмецкая женщина не выдумываетъ новыхъ формъ борьбы, а пользуется тѣми, которыя созданы были до нея мужчинами.

Большое значеніе для борьбы за всякія права имѣетъ наличность значительнаго количества женщинъ съ высшимъ образованіемъ. До послѣдняго десятилѣтія высшее женское образованіе затруднялось отсутствіемъ доступа къ университетамъ и техникумамъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ истекшаго вѣка запрещенія стали падать, сначала въ южныхъ государствахъ, затѣмъ постепенно и въ сѣверныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ росло количество студентокъ въ разныхъ университетахъ. Начавъ съ пяти въ 1896 г., это количество возросло въ настоящее время до почтенной цифры, превышающей двѣ съ половиной тысячи. Картина университетской жизни, естественно, измѣнилась за послѣдніе годы, и «комилитонка» стала почти обычнымъ явленіемъ. Появились даже женскія студенческія организаціи, усваивающія отчасти нѣкоторые нравы студентовъ. Студенческихъ кутежей впрочемъ студентки, насколько извѣстно, не устраиваютъ и пристрастья къ пиву и вину не проявляютъ. Въ общемъ, университетскія занятія женщинъ протекаютъ съ большимъ успѣхомъ, и идея высшаго образованія женщинъ стала почти общимъ достояніемъ. Я говорю «почти», ибо критическое отношеніе къ штудирующей женщинѣ не исчезло, и то тутъ, то тамъ приходится слушать осуждающіе или предостерегающіе голоса. Лишь недавно противъ женскаго университетскаго образованія ополчался молодой гейдельбергскій доцентъ философіи, Арнольдъ Руге. Руге выступилъ противъ университетскаго феминизма въ интересахъ націи, въ интересахъ нѣмецкой культуры и даже въ интересахъ самой женщины. Наука, говоритъ онъ, сурова, холодна, абстрактна, требуетъ самоотреченія, и только подвижникъ можетъ найти въ ней достаточно пищи для своей души. Такое подвижничество доступно лишь мужчинѣ, отличающемуся отъ женщины особой духовной организаціей. Существо женщины другое. Она ближе къ жизни, и сухія абстракціи научной мысли не могутъ питать ея жизненныхъ силъ. Женщины становятся духовно бѣднѣе отъ прикосновенія съ наукой, а наука банальнѣе. Университеты получаютъ отпечатокъ изнѣженности, расслабленности. Спеціальное изученіе уходитъ на задній планъ, лекціи превращаются въ болѣе или менѣе остроумное балагурство, погоня за внѣшнимъ успѣхомъ является главнѣйшимъ стиммуломъ при обработкѣ профессоромъ своего курса. Ученые дѣлаются граціознѣе, вѣжливѣе, податливѣе, женственнѣе, вмѣстѣ съ тѣмъ пустѣе. Женщины же

теряютъ въ своей женственности, присущіе имъ цѣнные инстинкты убиваются развитіемъ интеллектуалистическаго начала. Капитуляція передъ натискомъ феминизма извращаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю сущность современной культуры нѣмецкаго народа.

Въ общихъ чертахъ походъ Руге продиктованъ, какъ видите, эмоціями, берущими свое начало отъ Ницше. При подчиненіи имъ нетрудно, конечно, найти въ современномъ женскомъ движеніи отрицательныя стороны, въ особенности эстетическаго характера. Такія вдумчивыя и наблюдательныя женщины, какъ Гертруда Беймеръ (см. ея статью въ Jahrbuch der Frauenbewegung за 1912 г. и превосходную книгу: Die Frau und das geistlige Leben) сами не отрицаютъ, что участіе женщины въ сутолокѣ и соціальной жизни неизбѣжно связано съ измѣненіемъ нѣкоторыхъ традиціонныхъ «женственныхъ» чертъ. Выходя изъ тепличной атмосферы современнаго бюргерскаго дома и бросаясь въ омутъ суровой жизненной борьбы, женщина не можетъ не огрубѣть и не приблизиться въ своемъ характерѣ къ мужчинѣ. Хорошо ли это или дурно, во всякомъ случаѣ это неустранимо. Женщина пришла къ сознанію своего человѣческаго достоинства и не желаетъ оставаться у домашняго очага. Кто же можетъ удержать ее на этомъ пути къ духовной самостоятельности?

Насколько неубѣдительна указанная аргументація, настолько трудно согласиться съ аргументами, взятыми изъ арсенала *расовой гигіены*. Существуетъ въ Германіи рядъ ученыхъ, полагающихъ, что женщина не должна эмансипироваться, ибо это вредитъ развитію расы. Чтобы быть хорошей матерью и хорошей женой, женщина должна вести преимущественно растительную жизнь, избѣгать всего того, что способно развить въ ней интеллектуализмъ. Въ интересахъ расы необходимо, по ихъ мнѣнію, устранить женщину отъ общественной, въ особенности политической жизни. Государство всецѣло «мужское» учрежденіе и, участіе въ немъ женщинъ повлечетъ за собою его гибель или захирѣніе.

Въ этомъ ходѣ мыслей, можетъ быть, и есть доля правды, но эта правда «мужская». Она имѣетъ въ виду общество, состоящее не изъ мыслящихъ и чувствующихъ индивидуальностей, а изъ біологическихъ особей, живущихъ животной жизнью и животными интересами. Съ этой точки зрѣнія женщина только дѣторождающій аппаратъ, и вся забота общества должна свестись къ тому, чтобы держать этотъ аппаратъ въ исправности. Можетъ ли современная женщина примириться съ такой ролью? Само собою разумѣется, что нѣтъ. Вполнѣ понятно поэтому негодованіе Г. Беймеръ, усматривающей въ аргументаціи «гигіениковъ» не продуктъ объективнаго мышленія, а результатъ эгоистическихъ вожделѣній мужчины.

Она не можетъ, конечно, отрицать, что участье женщины въ государствѣ измѣнитъ характеръ послѣдняго; но развѣ это такая ужъ большая бѣда? Развѣ современное государство такой ужъ идеальный строй, что нельзя подумать о его реформѣ? И неужели можно допустить, чтобы въ интересахъ общества цѣлая половина его низводилась на ступень простыхъ самокъ? Вообще, если расовый интересъ превалируетъ надъ всѣмъ остальнымъ, то почему только женщины должны жить исключительно біологическими интересами? Развѣ мужчина играетъ меньшую роль въ созданіи здоровой расы? Если женщина должна быть только самкой, то почему не требовать отъ мужчины, чтобы онъ былъ только самцомъ?..

Какъ ни странно на первый взглядъ, но біологическіе или расовые аргументы противъ феминизма вы услышите здѣсь не только среди мужчинъ, но иногда и среди женщинъ. Большей частью мы встрѣчаемся тутъ съ тѣми типами, которые и теперь живутъ преимущественно животной жизнью и въ своей «женственности» видятъ превосходное орудіе привлеченія и наслажденія. Такія женщины являются очень опасными врагами женскаго движенія, ибо онѣ стоятъ не внѣ борющихся рядовъ, а внутри ихъ. Чтобы парализовать вредное вліяніе антифеминистскихъ женщинъ женскому движенію придется ихъ перевоспитать. Это работа трудная, требующая времени и большихъ нравственныхъ силъ. Имѣются ли такія силы въ нѣмецкомъ женскомъ движеніи? Мнѣ кажется, что да и что перевоспитаніе идетъ уже теперь довольно быстрымъ шагомъ.

Р. Стрѣльцовъ.

ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНІЯ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ.

(Докладъ, прочитанный на 9-мъ съѣздѣ русской группы Межд. Союза Криминалистовъ).

Въ пору, когда государство переходитъ отъ абсолютизма къ представительному строю, вопросъ объ особой природѣ деликтовъ печати естественно сосредоточиваетъ на себѣ пристальнѣйшій взглядъ криминалиста. Именно въ такіе моменты система предупрежденія уступаетъ повсюду мѣсто порядку судебной репрессіи,

и возникаетъ тотчасъ же вопросъ, въ какой мѣрѣ могутъ быть распространены на преступные эксцессы печати общія начала уголовнаго права?

Обыкновенно пресса сбрасываетъ съ себя цѣпи въ явочномъ порядкѣ, и лишь затѣмъ встаетъ вопросъ о закрѣпленіи достигнутыхъ на практикѣ успѣховъ. По существу, задача чисто юридическая; но въ процессѣ ея реализаціи борьба противоположныхъ политическихъ взглядовъ нерѣдко отодвигаетъ далеко на задній планъ все остальное. Друзья прогресса неизмѣнно отправляются отъ тѣхъ мѣропріятій, при помощи которыхъ исполнительная власть и малодушно слѣдовавшая за ней юстиція лишали прессу возможности выражать извѣстныя теченія общественной мысли. Со свойственной всѣмъ переходнымъ эпохамъ вѣрой въ абсолютную силу парламентскихъ вотумовъ, дѣлатели конституціи мечтаютъ о такихъ законахъ, что отрѣзали бы разъ навсегда путь какому-либо въ этомъ смыслѣ рецидиву. Напротивъ, приверженцы добраго стараго времени, безсильные идти дольше наперекоръ самому принципу свободы печатнаго слова, стремятся внести въ новое право такія оговорки, которыя давали бы возможность, хотя бы только въ ограниченныхъ размѣрахъ, возвращаться, въ случаѣ нужды, къ испытаннымъ пріемамъ. Всякій старается предупредить то, что причиняло ему особую боль въ прошедшемъ или угрожаетъ опасностью въ будущемъ; исходъ же спора опредѣляется обычными въ политикѣ факторами. И по юридическому положенію прессы въ такія переходныя эпохи, можно нерѣдко безошибочно судить о прочности самого преобразованнаго государственнаго строя. Судьба Франціи особенно въ этомъ смыслѣ поучительна. Въ безконечныхъ зигзагахъ законодательства о печати отразились, дѣйствительно, всѣ пережитыя этой страной на протяженіи цѣлыхъ трехъ четвертей прошедшаго вѣка большія, среднія и малыя бури. Имперія смѣнилась въ концѣ этого періода «народовластіемъ»; но старый порядокъ все еще de facto давалъ себя чувствовать. И лишь послѣ того, какъ ушелъ Макъ-Магонъ и устранена была непосредственная опасность реставраціи, появился новый регламентъ для прессы—одинъ изъ первыхъ вѣстниковъ нарождавшагося демократическаго режима.

Понятно, при такихъ условіяхъ, что законодательство о печати больше, чѣмъ какая-либо другая отрасль положительнаго права, изобилуетъ чертами, происхожденіе которыхъ можетъ быть объяснено только исторически. Рождается извѣстная нужда. Жизнь настоятельно повелѣваетъ удовлетворить ее. Провозглашается опредѣленный практическій лозунгъ, и предъ чарами его естественно блѣднѣютъ всѣ соображенія юридической архитектоники и правовой логики. Именно

въ такомъ порядкѣ сложились тѣ законодательства, которыя, въ силу различныхъ причинъ, стали для Европы образцомъ. Дальнѣйшее довершено было инерціей. Моменты, выдвинутые случайной конъюнктурой, занимаютъ и по сей день въ кодексахъ передовыхъ народовъ очень видное мѣсто.

Вспомнимъ хотя бы, при какихъ условіяхъ создавалась послужившая затѣмъ во многомъ для Европы образцомъ «бельгійская система». Конецъ двадцатыхъ годовъ на Западѣ! Все охвачено броженіемъ. Повсюду собираются грозовыя тучи, и въ частности старые Нидерланды доживаютъ послѣдніе дни своего механически воздвигнутаго единства. Растерявшееся правительство ищетъ спасенія въ репрессіяхъ; составляется списокъ всѣхъ инако мыслящихъ и прежде всего, разумѣется, дѣятелей враждебной кабинету печати. Цинизмъ доходитъ до того, что прокуратура начинаетъ привлекать къ отвѣтственности не только весь редакціонный и административный персоналъ газеты, но, «по началамъ соучастія», и лицъ, поддерживающихъ издателя или типографщика кредитомъ. Какъ впослѣдствіи во Франціи мѣры Гизо противъ митинговъ, такъ и этотъ шагъ переполнилъ здѣсь чашу общественнаго терпѣнія. Естественно, что конгрессъ, занявшійся ликвидаціей стараго режима, захотѣлъ прежде всего оградить прессу отъ перспективы подобнаго разгрома въ будущемъ; и, дабы пресѣчь зло въ самомъ корнѣ, выдвинуто было начало объ отвѣтственности только одного изъ лицъ, дѣятельностью своей реализующихъ деликтъ печати. Но вотъ предстанетъ ли на судъ виновникъ въ смыслѣ уголовно-правовомъ,—объ этомъ составители бельгійскаго закона совсѣмъ какъ будто и не думали.

Говоря о нормахъ права для печати, необходимо было бы вообще ясно различать три момента: а) юридическій *status quo*; b) достижимыя въ ближайшемъ будущемъ улучшенія; c) порядокъ, котораго слѣдуетъ принципіально добиваться. Но чѣмъ дальше политическая жизнь страны отъ идеала, чѣмъ очевиднѣе попираются существующіе законы, чѣмъ громче раздается голосъ волевыхъ импульсовъ, тѣмъ настойчивѣе привлекаетъ къ себѣ взоръ криминалиста отвлеченная конструкція. Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ менѣе производительнаго занятія, чѣмъ погружаться въ анализъ существующаго права тамъ, гдѣ оно, по мѣрѣ надобности, «разъясняется». Услужающіе перестаютъ быть юристами. И противъ услужающихъ безсильны въ свою очередь усилія юриста, по крайней мѣрѣ теоретика. Кто дорожитъ идеей права, тотъ, при такихъ условіяхъ, работаетъ во имя и ради лучшаго будущаго, которое порой гораздо ближе къ намъ, чѣмъ это кажется.

Если бы, въ частности у насъ, органы власти считались не-

уклонно не только съ духомъ, но и съ самой буквою законовъ,— хотя бы для начала только *основныхъ*, — россійскому журналисту совсѣмъ не страшенъ былъ бы даже и раздѣлъ уголовнаго кодекса, трактующій о такъ называемыхъ политическихъ преступленіяхъ. Правда, расплывчатая структура пользующихся слишкомъ громкою извѣстностью §§ способна дѣйствительно охватить все, что угодно; однако, предусмотрѣнные тамъ скорпіоны имѣли въ виду защиту несуществующаго у насъ больше *de jure* государственнаго порядка, и съ того момента, какъ въ Россіи водворился представительный строй, во всѣ соотвѣтствующія статьи должно быть вкладываемо совсѣмъ иное содержаніе. *Правовая* точка зрѣнія безспорна. Съ классической простотой и ясностью она выразилась въ извѣстной рѣчи Н. С. Таганцева о необходимости амнистіи. Бывшему первоприсутствующему въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ сената могли лишь показаться смѣшными наивныя утвержденія, что «въ Россійской имперіи не вышло никакого новаго закона, который дѣлалъ бы что-либо не преступнымъ, что прежде было преступнымъ». Для криминалиста — азбучная истина, что «до 17-го октября всякая попытка къ введенію конституціоннаго строя составляла преступленіе, караемое по ст. 100-ой, а нынѣ наоборотъ» [1]).

Въ противоположность политику, *юристъ* долженъ имѣть предъ глазами не тѣ статьи уголовнаго кодекса, при помощи которыхъ недостойные судьи,—каковъ бы ни былъ порядокъ отвѣтственности за преступленія печати,—сводятъ счеты съ политическими противниками своихъ работодателей, а такіе, можно сказать вѣчные деликты прессы, какъ диффамація или клевета, порнографія, подстрекательство къ религіознымъ или національнымъ погромамъ и вообще всѣ виды натравливанія однихъ слоевъ народа на другіе. Но предъ юристомъ, кромѣ того, не одна только голая забота о предупрежденіи деликтовъ прессы. «*Какъ*» ничуть для насъ не менѣе здѣсь важно, чѣмъ «*что*», и поставленной цѣли мы въ правѣ добиваться лишь опредѣленнымъ путемъ. Въ жертву не могутъ быть принесены ни интересы правосудія, ни, въ равной мѣрѣ, закрѣпленный конституціонными гарантіями принципъ свободы печатнаго слова. Съ этимъ критеріемъ мы и подходимъ къ соотвѣтствующей конструкціи.

Почему прежде всего, не распространить на деликты прессы общія начала уголовнаго права? Изъятія, вѣдь, допустимы лишь тогда, если противъ обычнаго порядка возстаютъ какіе-нибудь болѣе могучіе мотивы, чѣмъ тѣ, на которыхъ зиждится онъ самъ. Я го-

---

[1]) Государственный Совѣтъ, 1-ая сессія, засѣданіе 4-мая 1906 г.

ворю уже сейчасъ объ одной *періодической* печати. И мы должны себѣ представить здѣсь весь этотъ аппаратъ съ его особою природой, спеціальными задачами и совершенно исключительной ролью въ современной общественной жизни.

Начать съ того, что, помимо отдѣльныхъ участниковъ газеты или журнала, существуетъ еще извѣстный коллективъ-*редакція*. Воля ея это не просто сумма всѣхъ отдѣльныхъ составныхъ частей, и, въ свою очередь, воля каждаго изъ слагаемыхъ, подъ гнетомъ цѣлаго, теряетъ здѣсь въ значительной мѣрѣ опредѣленность своихъ очертаній. Это относится не только къ вопросу о характерѣ вины, (умыселъ или неосторожность), но до извѣстной степени и къ самой цѣли дѣйствующаго лица. И объективная и субъективная сторона деликта неизбѣжны здѣсь, подернуты туманомъ, и *a priori* уже, стало быть, не поддаются точной юридической оцѣнкѣ.

Но это, конечно, не все. Деликтъ печати есть разновидность общаго посягательства на норму, замыкающую выраженіе мысли въ извѣстныя границы, и отъ другихъ аналогичныхъ проступковъ онъ отличается съ внѣшней стороны только способомъ своего учиненія. Такъ можетъ—и должно ли—это обстоятельство влечь за собою юридическія послѣдствія?.. Для цѣлаго ряда преступленій печать является негоднымъ средствомъ; однако, въ этомъ смыслѣ она лишь раздѣляетъ судьбу всѣхъ другихъ орудій. Посредствомъ долота, напр., не учинишь ни диффамаціи, ни подлога документовъ, ни богохульства, ни множества другихъ деликтовъ... Печать похожа, далѣе, на прочія орудія и въ томъ отношеніи, что она способна одновременно служить и похвальнымъ, и только полезнымъ, и дозволеннымъ, но безразличнымъ, и непосредственно преступнымъ цѣлямъ. Достаточно себѣ представить статью о помощи голодающимъ, замѣтку о новыхъ способахъ земледѣльческой культуры, злободневный маленькій фельетонъ, передовицу съ призывомъ избивать интеллигентовъ. Полная аналогія съ ножемъ, при помощи котораго хирургъ спасаетъ больного отъ смерти, мясникъ рубитъ тушу, а грабитель лишаетъ жизни человѣка.

Пока, стало-быть, все обстоятельства юридически безразличныя. Но пойдемъ дальше и мы увидимъ, что печать—это безусловно специфическое орудіе. Оно можетъ быть полезнымъ и вреднымъ, уже вполнѣ отдѣлившись отъ личности, пустившей его въ ходъ; оно способно возобновлять свое дѣйствіе независимо отъ воли этой личности и даже ей наперекоръ, и оно угрожаетъ, опять-таки чаще, чѣмъ обычно, послѣдствіями, далеко выходящими за границы того, чего личность хотѣла. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи печать можетъ быть сравниваема съ такимъ орудіемъ, какъ взрывчатыя ве-

щества, которыя пускаются преступникомъ въ ходъ безъ возможности сколько-нибудь точно учесть результаты предпринятаго шага.

Однако, приближаясь извѣстной стороной къ общеопаснымъ средствамъ, печать въ то же время и весьма существенно отъ нихъ отличается. Дѣло въ томъ, что пользованіе этой силой, которая обнаруживаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, такія разрушительныя тенденціи, должно быть, въ общественныхъ интересахъ, обставлено гарантіями максимальной свободы. Продажу пороха, огнестрѣльнаго оружія, яда и другихъ предметовъ, при помощи которыхъ нерѣдко совершаются тяжелыя преступленія, можно включить въ извѣстныя рамки, установивъ тщательнѣйшій надзоръ за производителями и распространителями этихъ товаровъ. Но сдѣлайте то же самое съ газетой или журналомъ, и началу свободы печатнаго слова нанесенъ будетъ непоправимый ущербъ... За выдѣленіе деликтовъ прессы въ особую группу говоритъ, такимъ образомъ, и самый характеръ орудія, посредствомъ котораго они учиняются.

Печать не терпитъ предварительнаго контроля, и тѣмъ легче она можетъ, очевидно, стать источникомъ крупнѣйшихъ злоупотребленій. Но обнаружить виновниковъ деликта прессы, безъ посягательства на право анонимности и тайну внутри-редакціонной организаціи, задача, при извѣстныхъ условіяхъ, прямо безнадежная. Такъ, предоставляя печатному слову широкую свободу, государство должно въ то же время позаботиться о томъ, чтобы эта могучая сила не могла безнаказанно попирать охраняемые имъ интересы.

Важность несомыхъ періодической печатью соціальныхъ функцій, безпредѣльность ея аудиторіи, недопустимость посторонняго вмѣшательства въ совершаемую прессой изо дня въ день работу, невозможность заранѣе опредѣлить извѣстными чертами трудъ всѣхъ ея участниковъ и легкость, съ которой, при отсутствіи контроля, могутъ быть совершаемы посредствомъ этого орудія сопряженные съ громаднымъ вредомъ для общественнаго и частнаго блага деликты,—все это склоняетъ юриста поставить преступленія печати особнякомъ, выдвинувъ рядъ изъятій, съ одной стороны, въ пользу дѣятелей ея и съ другой—въ ущербъ имъ. Порядокъ отступленія отъ общихъ началъ уголовнаго права безраздѣльно царитъ въ настоящее время на всемъ европейскомъ континентѣ. За послѣднее время противъ него энергично выступили нѣкоторые швейцарскіе юристы; но въ завязавшейся дискуссіи выяснилось, что они отвергаютъ не столько самое систему, сколько господствующія въ кантональномъ законодательствѣ, скроенныя по бельгійскому образцу, конкретныя формы ея. Въ такъ называемой комиссіи экспертовъ постановлено было весьма значительнымъ большинствомъ голосовъ только съ этой стороны и пересмотрѣть дѣйству-

ющее право. Впрочемъ, Швейцарія, скорѣе дѣйствительно, чѣмъ какая-либо, другая страна, могла бы послѣдовать за Великобританіей, гдѣ общимъ началамъ уголовнаго права подчинены также и деликты печати. Предъ нами именно та сфера, въ которой цѣлый рядъ трудностей благополучно разрѣшается установившимися нравами. Когда печать является такой могучей силой, какъ въ названныхъ двухъ государствахъ, она свободна de facto отъ большинства предусматриваемыхъ общимъ правомъ стѣснительныхъ постановленій. Судебная власть рѣшится здѣсь на обыскъ въ редакціи лишь при такихъ условіяхъ, когда мѣра эта одобрена будетъ широчайшими кругами общества. Недавно привлечены были къ отвѣтственности издатель и редакторъ лондонской газеты «Синдикалистъ». Поводомъ явилась статья, призывавшая и безъ того уже возбужденныхъ стачкой рабочихъ къ насиліямъ. Обвиняемые подверглись аресту. И мѣра эта не встрѣтила протеста даже со стороны пролетарскихъ низовъ... Но подобныя дѣла—только рѣдкое въ лѣтописяхъ великобританской юстиціи исключеніе. По общему правилу, англичанинъ, какъ и швейцарецъ, говоря о преступленіяхъ печати, имѣютъ въ виду одни лишь деликты, направленные противъ интересовъ частныхъ лицъ. Моментъ борьбы общества съ исполнительной властью все равно, что элиминированъ здѣсь. Сама печать, больше чѣмъ гдѣ бы то ни было, проникнута сознаніемъ своего долга.

Не только наши масштабы, но и мѣрки всей вообще средней Европы совершенно, какъ извѣстно, иные. Для подавляющаго большинства культурныхъ государствъ современности пора спеціальныхъ въ этой области изъятій безусловно еще не миновала. И рѣчь идетъ только о томъ, какой долженъ быть положенъ въ основу этихъ отступленій критерій.

Цѣль не оправдываетъ средства, но дозы средства, и въ особенности ядовитаго, ограничительно опредѣляются поставленной цѣлью. Интересы юстиціи и гарантіи свободы печатнаго слова—два блага, во имя которыхъ выдвинута система частичнаго отказа отъ общихъ началъ уголовнаго права, и особое законодательство допустимо лишь постольку и въ той мѣрѣ, поскольку, при создавшихся условіяхъ, дѣйствительно не могутъ быть иначе удовлетворены обѣ указанныя потребности. Ясно, что слѣпая погоня за жертвой менѣе всего отвѣчаетъ этому заданію. Опасность, что виновники деликта прессы окажутся необнаруженными—съ одной стороны, и тотъ хаосъ, который былъ бы внесенъ въ редакціонное дѣло обычными пріемами судебно-уголовнаго розыска—съ другой, заставляютъ юриста остановиться на такомъ компромиссѣ, какъ институтъ отвѣтственнаго редакторства. Законъ предписываетъ установить спеціальный надзоръ

за правовой стороною изданія, возлагаетъ на одного изъ постоянныхъ участниковъ послѣдняго соотвѣтствующую обязанность и взыскиваетъ съ этого, правосудію заранѣе извѣстнаго лица, за тотъ вредъ, который является послѣдствіемъ ея нарушенія. Въ этомъ еще нѣтъ пока ничего исключительнаго: формы вынужденнаго надзора за опредѣленнымъ ходомъ дѣла—вполнѣ обычный въ современномъ соціальномъ оборотѣ феноменъ. Аномалія здѣсь только въ томъ, что виновность отвѣтственнаго редактора *презюмируется*. По общему порядку, прокуратура обязана была бы доказать подлежащему лицу, что статья преступнаго содержанія появилась съ его согласія или по его недосмотру. Отвѣтственный редакторъ, если онъ желаетъ быть оправданнымъ, долженъ, напротивъ, самъ доказать, свою непричастность къ деликту. Это не болѣе, въ сущности, чѣмъ процессуальная компенсація за налагаемую на себя правопорядкомъ въ той же области особую сдержанность. Я даю, говоритъ законъ, но я же и беру. Пусть печать работаетъ безъ страха за то, что трудъ ея будетъ прерванъ вмѣшательствомъ извнѣ; но пусть существуетъ зарегистрированный внутренній контроль, что дастъ юстиціи возможность взыскивать съ *виновнаго* лица за посягательство на охраненную уголовнымъ закономъ норму. Нѣтъ и не можетъ быть такого высокаго блага, во имя котораго криминалистъ рѣшился бы рекомендовать замѣну подлиннаго дѣятеля болѣе или менѣе хорошо замаскированнымъ козломъ отпущенія. Институтъ отвѣтственнаго редакторства,—это искусственное созданіе положительнаго права,—пріемлемъ только потому, что онъ помогаетъ юстиціи обнаружить настоящаго виновника. «Помогаетъ», но, какъ вообще въ дѣлахъ земного правосудія, не даетъ абсолютныхъ гарантій. Мыслимъ, конечно, такой случай, когда лицо, подписывающее журналъ или газету, не имѣло возможности исполнить свой долгъ или введено было въ ошибку кѣмъ-либо изъ товарищей по редакціи, и тогда наступаютъ снова потемки, противъ которыхъ собственно и выдвинута была защищаемая нами правовая фигура. На все, однако, никогда не упасешься, а обычное, среднее положеніе вещей характеризуется презумпціей виновности отвѣтственнаго редактора наиболѣе точно. Формула нѣмецкаго закона вполнѣ удачно подчеркиваетъ, что рѣчь идетъ объ естественно предполагаемомъ порядкѣ, который не всегда, разумѣется, совпадаетъ съ практикой жизни. Въ редакторѣ газеты или журнала усматривается, по силѣ п. 2 § 20 умышленный виновникъ, покуда «особыми обстоятельствами» даннаго конкретнаго случая не установлено будетъ обратное. И если условія дѣла сами по себѣ не убѣждаютъ судью въ томъ, что предъ нимъ исключеніе, а не правило, то бремя доказательства падаетъ цѣликомъ на обвиняемаго.

Къ этому и сводится сущность тяготѣющей надъ отвѣтственнымъ редакторомъ презумпціи.

Но если лицо, навязываемое періодическому изданію закономъ, какъ бы оказывается внѣ общаго права,—согласно которому никто не можетъ почитаться виновнымъ, пока его не изобличитъ въ установленномъ порядкѣ компетентное судебное мѣсто,—то цѣною этого *мнимаго* ущерба достигается для всѣхъ остальныхъ участниковъ газеты или журнала рядъ дѣйствительныхъ привилегій. Таковы процессуальныя гарантіи, ограждающія редакцію отъ обыска, а участвующихъ въ дѣлѣ лицъ отъ обязанности свидѣтельствовать по вопросу объ условіяхъ, при которыхъ инкриминируемое произведеніе печати было опубликовано; таковъ отказъ отъ примѣненія общихъ началъ о соучастіи; такова безотвѣтственность техническаго персонала; таково, наконецъ, право анонима. И въ защиту всѣхъ этихъ, другъ друга дополняющихъ и обусловливающихъ изъятій, можетъ быть выдвинутъ криминалистомъ только тотъ мотивъ, что лицо уполномоченное и призванное отклонять статьи преступнаго содержанія, органамъ юстиціи заранѣе извѣстно. Тамъ, гдѣ нѣтъ этой нарочито пріобщенной къ редакціонному организму силы, съ точно обозначенной функціей подвергать произведеніе печати особой криминалистической экспертизѣ, тамъ, гдѣ отсутствуетъ это спеціально обязанное и надѣленное въ своей области правомъ абсолютнаго veto лицо,—главнымъ виновникомъ долженъ быть, очевидно, признаваемъ духовный творецъ инкриминируемой статьи. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда самостоятельная природа всѣхъ участниковъ изданія насквозь прорѣзывается присутствіемъ такой юридической фигуры, какъ отвѣтственный редакторъ, выступаетъ также въ совершенно иномъ свѣтѣ и правовая физіономія автора. Ибо, во-первыхъ, наличность особаго органа, для сужденія о допустимости статьи съ точки зрѣнія уголовнаго закона, косвеннымъ образомъ освобождаетъ другихъ дѣятелей періодической печати отъ обязанности взвѣшивать эту сторону вопроса. Только такъ, напримѣръ, можетъ быть юридически обоснована безотвѣтственность шефъ-редактора. А затѣмъ и самое дѣйствіе, превращающее обыкновенное посягательство въ деликтъ печати—моментъ публикаціи—находится всецѣло въ рукахъ отвѣтственнаго редактора. Принять, по тѣмъ или инымъ мотивамъ, статью — право другихъ лицъ; отклонить по опредѣленному признаку ея напечатаніе—обязанность спеціально приставленнаго на этотъ предметъ къ газетѣ или журналу эксперта.

Въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, оказывается въ тѣни и самъ авторъ печатаемыхъ въ періодическомъ изданіи статей.

Изъ неизвѣстности его выводитъ только подпись, и она же даетъ суду право предполагать, что статья появилась въ такомъ именно видѣ, въ какомъ она передана была редакціи. Напротивъ, анонимныя замѣтки подвергаются нерѣдко въ газетномъ оборотѣ такимъ измѣненіямъ, при наличности которыхъ на автора уже не можетъ быть вообще возложена отвѣтственность за нихъ... Мнѣ извѣстенъ примѣръ, когда лицо, завѣдывавшее редакціей большой ежедневной газеты, являлось дѣйствительно духовнымъ творцомъ всего ея политическаго отдѣла, «авторомъ» въ томъ смыслѣ, какъ это понималъ нѣкогда John. Прочитавъ утреннюю почту, фактическій редакторъ тотчасъ же сносился со всѣми сотрудниками-передовиками, уславливался относительно темы, а иногда и намѣчалъ въ общихъ чертахъ содержаніе статей. Въ другой газетѣ главные сотрудники собирались за часъ до начала занятій и, обсудивъ важнѣйшія событія дня, распредѣляли между собой темы для ближайшаго номера. Въ происходившемъ обмѣнѣ мыслей автору каждой статьи давалось нерѣдко при этомъ съ различныхъ сторонъ столько указаній, намековъ, Anregungen, что самому ему принадлежала въ конечномъ результатѣ одна только литературная обработка темы. И чѣмъ острѣе стоялъ вопросъ о перспективѣ уголовно-правовыхъ послѣдствій, тѣмъ въ большей мѣрѣ статья оказывалась дѣломъ рукъ всего редакціоннаго коллектива и тѣмъ невозможнѣе было бы въ случаѣ нужды опредѣлить степень участія каждаго отдѣльнаго лица въ томъ, что послужило поводомъ къ судебному преслѣдованію.

Но рядомъ съ этимъ матеріально-правовымъ мотивомъ стоитъ въ одинаковой степени могучій процессуальный моментъ. Устремившись въ поиски за неподписавшимся авторомъ, юстиція неизбѣжно вступитъ на путь тѣхъ именно пріемовъ разслѣдованія отъ которыхъ и призвано оградить прессу спеціальное законодательство о печати. И всѣ погрѣшности уголовнаго правосудія, всѣ диктуемыя посторонними условіями неровности его неизбѣжно еще въ атмосферѣ журнально-газетнаго дѣла возрастутъ. Такъ по крайней мѣрѣ привлекается къ отвѣтственности лицо, отправляющее повсюду одну и ту же обязанность, и лицемѣріе прокуратуры, зажмуривающей глаза на явныя преступленія, выступаетъ въ самомъ неприкрытомъ видѣ. А предоставьте ей искать неподписавшагося автора, и въ однихъ случаяхъ его постараются обнаружить, хотя бы и цѣной тяжелыхъ жертвъ, тогда какъ въ другихъ онъ окажется подъ защитою надежнѣйшей шапки-невидимки. Я не хочу останавливаться на грубыхъ примѣрахъ изъ нашей отечественной практики; но правосудіе и въ западной Европѣ далеко еще не эмансипировалось отъ опасности подобныхъ искушеній.

Чтобы открыть пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ автора, судебная власть располагаетъ только двумя средствами, это—обыскомъ и свидѣтельскими показаніями лицъ, входящихъ въ составъ редакціоннаго персонала. Но и тотъ, и другой пріемы отвергаются даже юристами, склонными распространить на деликты печати общія начала уголовнаго права. Случаи, когда анонимъ разоблачается въ иномъ порядкѣ, настолько исключительны, что не могутъ быть принимаемы въ разсчетъ. Но допустимъ, что имя автора обнаружено; какъ опредѣлить характеръ и степень виновности его, безъ того, чтобы выставить на показъ святая святыхъ періодической печати— редакціонную тайну? Не найдется вѣдь и двухъ газетъ съ вполнѣ одинаковымъ внутреннимъ устройствомъ, а доля отвѣтственности каждаго изъ сотрудниковъ за преступный результатъ опредѣляется, конечно, характеромъ конкретныхъ полномочій даннаго лица. Въ одной газетѣ завѣдующіе отдѣлами почти автономны; въ другой они проходятъ черезъ строжайшій контроль шефъ-редактора. Въ одномъ изданіи твердо соблюдается порядокъ, по которому редакторъ соглашается съ наличными сотрудниками о каждомъ проектируемомъ въ ихъ статьѣ измѣненіи; въ другомъ онъ производитъ эту работу всецѣло за свой рискъ и страхъ. Все это пришлось бы, очевидно, вынести на судъ. Установить же a priori, кто въ преступленіи печати исполнитель, а кто пособникъ, подстрекатель и т. д.—задача совершенно безнадежная. Все зависитъ отъ внутренней организаціи періодическаго изданія, отъ условій, фактически сложившихся въ каждомъ данномъ случаѣ, и заранѣе нельзя, конечно, знать, въ какія правовыя формы выльется работа отдѣльныхъ сотрудниковъ въ конкретной редакціонной обстановкѣ; неизмѣнной остается только зафиксированная самимъ закономъ фигура отвѣтственнаго редактора.

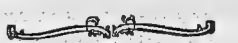
Въ погонѣ за нѣсколькими зайцами, законъ, не закрѣпивъ особою презумпціей отвѣтственности одного лица, въ концѣ концовъ обрекалъ бы нерѣдко юстицію на полное безсиліе. Именно желтая пресса лучше всего, конечно, изощрилась бы въ искусствѣ прятать концы въ воду. Всей своей тяжестью розыскъ въ общемъ порядкѣ легъ бы напротивъ на серьезнѣйшіе органы общественнаго мнѣнія. Защищаемая система приводитъ по крайней мѣрѣ въ этомъ смыслѣ всю печать къ одному знаменателю, и судъ имѣетъ всегда дѣло съ естественно предполагаемымъ и въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ главнымъ виновникомъ.

Таковъ порядокъ, лучше всего, на мой взглядъ, способный примирить интересы свободы печатнаго слова съ задачами и нуждами уголовнаго правосудія. Для всей средней Европы еще не наступила пора эмансипироваться отъ гарантій этой системы, и лишь въ стра-

нахъ, гдѣ деликты печати направлены въ первую голову противъ блага частныхъ лицъ, гдѣ свобода прессы гарантирована положительнымъ правомъ и укоренившимися нравами, гдѣ исполнительная власть и населеніе давно уже больше не враги, возможенъ и необходимъ переходъ къ началамъ общаго уголовнаго права.

Но положеніе прессы опредѣляется на практикѣ далеко не однимъ только спеціальнымъ о ней законодательствомъ. Очень многое зависитъ здѣсь и отъ общей структуры уголовнаго кодекса, и отъ характера тѣхъ его раздѣловъ, въ которыхъ предусмотрѣны соотвѣтствующіе деликты. Растяжимый составъ подлежащихъ статей, если онѣ особенно окрашены въ той или иной мѣрѣ политическимъ цвѣтомъ, угрожаетъ превратить интерпретацію ихъ въ прямое издѣвательство надъ здравымъ смысломъ, житейской справедливостью и юридическою логикой. Но, и безукоризненное съ этой стороны право не оградитъ печать отъ посягательствъ, если нѣтъ на лицо другого фактора, по колебаніямъ котораго лучше всего можно оріентироваться въ вопросѣ о внутреннемъ благополучіи государства. Iustitia est fundamentum regnorum! И гдѣ она находится въ рукахъ служителей, подобныхъ тѣмъ, на кого такъ спокойно могъ опереться король Генрихъ VII, когда онъ рѣшилъ «управлять страною посредствомъ законовъ, а законами посредствомъ судей», тамъ тщетно было бы искать опоры и въ идеальнѣйшихъ законахъ.

Г. Штильманъ.

КНИГА О П. Ф. ЛЕСГАФТѢ.

Памяти Петра Францевича Лесгафта. Подъ редакціею Совѣта Спб. біологической аудиторіи П. Ф. Лесгафта. Изданіе газеты «Школа и жизнь». Спб., 1912. Съ портретами и иллюстраціями. Ц. 3 р.

Кто не знаетъ имени Лесгафта? Это имя сдѣлалось почти нарицательнымъ; оно обозначаетъ не только опредѣленную реальную личность, но и цѣлый рядъ начинаній, воплощающихъ въ себѣ извѣстный кругъ передовыхъ общественныхъ идей и интересовъ. Съ этимъ именемъ связана весьма значительная и интересная полоса въ исторіи нашей общественности за послѣднее сорокалѣтіе. Нѣсколько поколѣній русскихъ женщинъ получило высшее образо-

ваніе въ качествѣ «лесгафтичекъ». Какъ выдающійся профессоръ и педагогъ, какъ самоотверженный служитель науки и просвѣщенія, Лесгафтъ пользовался широкою популярностью во всѣхъ слояхъ русскаго общества; но болѣе всего и прежде всего онъ былъ извѣстенъ какъ человѣкъ необыкновенной душевной чистоты, какъ замѣчательный наставникъ и руководитель молодежи. «Это былъ учитель въ самомъ высокомъ значеніи этого слова,—говоритъ г. С. Метальниковъ:—онъ училъ не только словомъ, но и дѣломъ—примѣромъ своей личной безупречной жизни. Все свое время, всѣ силы, всю колоссальную энергію онъ тратилъ на свое любимое дѣло, дѣло обученія молодежи». Онъ читалъ лекціи съ такимъ увлеченіемъ, что «невольно захватывалъ всѣхъ своихъ слушателей, которые толпами шли въ его аудиторію. Но особенно сильно дѣйствовала его сильная и яркая личность, его необыкновенная энергія, невѣроятная трудоспособность, непреклонная, направленная къ добру воля и безкорыстная любовь къ наукѣ и людямъ».

Въ сборникѣ, посвященномъ памяти П. Ф. Лесгафта, собраны воспоминанія и статьи, касающіяся различныхъ сторонъ его жизни и дѣятельности, какъ и его научныхъ и педагогическихъ взглядовъ. Кромѣ обстоятельнаго біографическаго очерка проф. С. Метальникова, мы находимъ здѣсь статьи двадцати двухъ авторовъ,—въ томъ числѣ М. М. Ковалевскаго, Н. Лосскаго, Ник. А. Морозова, М. Новорусскаго, Я. Я. Гуревича, Вѣры Фигнеръ, А. Фортунатова и другихъ. Сверхъ того, въ книгѣ помѣщены двѣ послѣднія статьи самого П. Ф. Лесгафта—о Ламаркѣ и «о преподаваніи естественныхъ наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ».

П. Ф. Лесгафтъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ праведниковъ, существованіе которыхъ отчасти искупаетъ грѣхи господствующей клики мелкихъ карьеристовъ и аферистовъ. Лучшіе и высшіе типы человѣческой породы вырабатываются у насъ съ большимъ трудомъ и обыкновенно вызываютъ непримиримую вражду и упорное систематическое противодѣйствіе со стороны представителей и союзниковъ правительственной власти. Давно уже установилось у насъ такое положеніе вещей, что честные и искренніе работники на пользу общую считаются неблагонадежными и подвергаются всякимъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, тогда какъ откровенные искатели наживы на казенный счетъ признаются полезными гражданами и легко пріобрѣтаютъ репутацію истинныхъ патріотовъ и столповъ отечества. П. Ф. Лесгафтъ обладалъ особыми качествами, которыя всѣмъ одинаково внушали къ нему уваженіе. Онъ былъ неутомимъ въ своемъ служеніи людямъ; кромѣ лекцій въ университетѣ и на женскихъ курсахъ, онъ преподавалъ еще у себя на

дому, иногда съ семи часовъ утра, и руководилъ многочисленными практическими занятіями. По свидѣтельству одного изъ бывшихъ его учениковъ, попасть къ нему на домашніе курсы было очень трудно. Эта маленькая аудиторія была всегда биткомъ набита слушателями. «Только счастливцы, пришедшіе заблаговременно, могли сидѣть на стульяхъ; большинство же стояло всегда, гдѣ только возможно: и въ маленькой передней, и въ коридорчикѣ, и въ кабинетѣ. Тутъ были и женщины, и мужчины, и молодые, и старые». Подобно доктору Гаазу, прославленному книгою А. Ѳ. Кони, Лесгафтъ работалъ большею частью безвозмездно и былъ чрезвычайно скроменъ въ своихъ привычкахъ и образѣ жизни. «Два раза въ недѣлю онъ принималъ больныхъ у себя на квартирѣ. Въ пріемные часы стекалась обыкновенно масса народу. Особенно было много больныхъ дѣтей съ различными искривленіями позвоночника и костей. Никакихъ привилегированныхъ больныхъ у него не существовало; всѣ, и богатые, и бѣдные, должны были ждать своей очереди.» Онъ «никогда и ни у кого не бралъ денегъ за свои врачебные совѣты. Среди его больныхъ было очень много людей богатыхъ, которые нерѣдко старались заплатить ему за его труды, но онъ всегда самымъ категорическимъ образомъ отказывался. Онъ жилъ на деньги, которыя получалъ съ лекцій и со своихъ изданій... Никогда не позволялъ себѣ никакихъ удовольствій и излишествъ. До самаго послѣдняго года жизни онъ никогда не ѣздилъ на извозчикахъ».

На долю Лесгафта выпалъ случай, который обыкновенно бываетъ только въ сказкахъ. Въ одно прекрасное утро къ нему явился одинъ изъ незамѣтныхъ его слушателей, скромный молодой человѣкъ, и предложилъ ему цѣлое состояніе—капиталъ въ двѣсти тысячъ рублей и большой домъ на Бассейной,—чтобы избавить его отъ матеріальныхъ заботъ и дать ему возможность устроить лабораторію со всѣми техническими приспособленіями и усовершенствованіями, для постоянныхъ и спокойныхъ научныхъ занятій. Щедрое предложеніе Иннокентія Сибирякова было съ радостью использовано Лесгафтомъ для общей пользы. На эти средства была съ большими усиліями и хлопотами организована біологическая лабораторія предпринято учрежденіе высшихъ научныхъ курсовъ и устроены курсы воспитательницъ и руководительницъ физическаго образованія. Обстановка личной жизни учредителя осталась та же, какъ и прежде, и скорѣе даже ухудшилась, вслѣдствіе принятыхъ имъ на себя новыхъ трудовъ и обязательствъ; онъ ничѣмъ не воспользовался изъ переданнаго ему капитала для доставленія себѣ необходимыхъ удобствъ и комфорта, и въ этомъ отношеніи намѣреніе жертвователя не осуществилось.

Само собою разумѣется, что такой человѣкъ, какъ Лесгафтъ, долженъ былъ непрерывно выдерживать борьбу съ учебнымъ и всякимъ инымъ начальствомъ, терпѣть всевозможныя придирки и непріятности, ограждать свои учрежденія отъ вмѣшательства агентовъ охраны и испытывать на себѣ обычныя проявленія административнаго усмотрѣнія. Въ 1901 году онъ былъ внезапно высланъ изъ Петербурга безъ объясненія причинъ и долженъ былъ поневолѣ поселиться въ Финляндіи. Эта ничѣмъ не мотивированная мѣра крайне тягостно отзывалась, конечно, не только на его личныхъ дѣлахъ, но и на интересахъ его курсовъ и Біологической лабораторіи, ихъ преподавателей и учащихся. Впрочемъ, черезъ годъ его столь же неожиданно вернули. Въ 1905 году, въ періодъ довѣрчиваго увлеченія призракомъ оффиціально возвѣщенной свободы, онъ открылъ Вольную высшую школу; но эта школа едва только начала дѣйствовать, какъ ее поспѣшили закрыть. Любовно налаженное дѣло всей его жизни было опять грубо и безъ всякаго повода разрушено. Послѣдніе годы Лесгафта были отравлены этимъ сознаніемъ стихійнаго безсилія всѣхъ лучшихъ культурныхъ начинаній. Безсмысленные черносотенные элементы торжествовали тогда во всѣхъ углахъ злосчастной русской государственности. «Масса учившихся въ Вольной школѣ молодыхъ людей,—разсказываетъ біографъ Лесгафта,—оказались выброшенными. Лабораторіи и аудиторіи Біологической лабораторіи, которыя кипѣли жизнью, снова опустѣли и замерли. Въ теченіе двухъ лѣтъ не разрѣшали открыть курсы. Наконецъ, весной 1909 года Обществу содѣйствія физическому развитію удалось выхлопотать разрѣшеніе на открытіе курсовъ, подобныхъ тѣмъ, какіе были раньше. П. Ф. съ энергіей принялся за ихъ организацію. Пригласили новыхъ преподавателей, выработали новый уставъ, сдѣлали публикацію и открыли пріемъ слушателей. Но каково было его удивленіе и горе, когда, вернувшись осенью изъ Швейцаріи, гдѣ онъ провелъ все лѣто, онъ узналъ, что курсы вновь запрещены, прежде чѣмъ ихъ успѣли открыть». На помощь ему пришло Общество народныхъ университетовъ, которое предложило устроить естественно-историческіе курсы въ зданіи Біологической лабораторіи; но учебное начальство долго отказывалось утвердить П. Ф. въ должности преподавателя анатоміи, и разрѣшеніе было получено только тогда, когда онъ былъ уже тяжко боленъ. Однако онъ все еще продолжалъ хлопотать по организаціи курсовъ; наконецъ, положеніе его стало настолько серьезнымъ, что ему пришлось, по совѣту врачей, уѣхать за границу, въ Италію, а затѣмъ въ Египетъ. Когда признано было необходимымъ въ Гелуанѣ помѣстить его въ санаторію, онъ упорно не соглашался по недостатку средствъ; онъ пересталъ

возражать лишь послѣ того, какъ владѣлецъ санаторіи предоставилъ ему платить сколько онъ можетъ. Но болѣзнь вскорѣ приняла роковой оборотъ, и въ ноябрѣ 1909 года П. Ф. скончался. «Не стало одного изъ самыхъ лучшихъ и сильныхъ людей», говоритъ г. С. Метальниковъ. Не вѣрнѣе ли было бы сказать, что сильные міра сего одолѣли необыкновенно свѣтлую и энергичную личность?

Восторженная оцѣнка индивидуальности Лесгафта раздѣляется единодушно всѣми его учениками и слушателями, писавшими о немъ. «Несомнѣнно,—пишетъ г. Н. Эрасси,—онъ представлялъ существо высшаго біологическаго типа, существо тѣмъ болѣе замѣчательное, что этою высотою онъ въ значительной мѣрѣ былъ обязанъ усиліямъ своей собственной воли. Въ его лицѣ мы имѣли исключительно рѣдкій примѣръ непрерывной и настойчивой работы надъ самимъ собой. Его общественная дѣятельность, какъ ученаго, педагога, врача, писателя, была не только разнообразной, но всегда, кромѣ того, напряженною; рабочій день его измѣрялся 15—18 часами. Если принять въ соображеніе дневную затрату одной только физической его энергіи, то она покажется непомѣрной; но при такой массѣ чисто физической работы онъ не просто излагалъ или читалъ предметъ, а потрясалъ и часто жегъ своимъ огнемъ аудиторію: никогда не было скучныхъ лекцій». И въ то же время онъ всегда былъ «неизмѣнно добръ, внимателенъ и какъ-то особенно любилъ идти тѣсными вратами»; вообще «онъ былъ безпощадно строгъ къ самому себѣ и въ этомъ отношеніи всегда былъ вѣрнымъ нашимъ учителемъ». По словамъ г. С. Золотарева, Лесгафта и лесгафтичекъ инстинктивно ненавидѣли въ извѣстныхъ сферахъ. Въ стремленіи создать законный предлогъ для всяческихъ репрессій, въ стѣны Лесгафтовской школы подбрасывали какія-то провокаторскія прокламаціи, а романтически настроенныя великосвѣтскія дамы всякую лесгафтичку величали бомбистскою. Но въ рукахъ стараго Лесгафта и его учениковъ простой резиновый мячъ былъ разрушительнѣе всякой бомбы, и программа физическаго образованія опаснѣе любой прокламаціи для старой схоластической школы и поддерживавшихъ ее устоевъ. Враги и гонители Лесгафта могли бы въ минуты откровенности сказать о немъ то же, что сказалъ воронежскій губернаторъ женѣ другого педагога, Бунакова, хлопотавшей о прекращеніи административной ссылки мужа: «онъ человѣкъ безконечно добрый, неподкупно честный, прямо святой человѣкъ, но такіе люди для насъ—самые опасные...»

Чрезвычайно интересны воспоминанія Вѣры Фигнеръ о двухъ встрѣчахъ съ Лесгафтомъ, въ разные моменты ея жизни. Въ 1871 году, девятнадцатилѣтней дѣвушкою явилась она въ анатомическій

театръ Казанскаго университета, чтобы просить профессора анатоміи Лесгафта о допущеніи ея къ слушанію лекцій. Тотчасъ по выходѣ изъ института она стала добиваться поступленія въ университетъ съ цѣлью сдѣлаться врачомъ подобно Сусловой. Отецъ рѣшительно возставалъ противъ ея плана, но потомъ согласился и отпустилъ ее изъ деревни въ Казань. Вѣра Фигнеръ попала въ залъ, уставленный столами, на которыхъ лежали голые трупы и отдѣльныя части тѣла. Передъ нею стоялъ профессоръ небольшого роста, рѣзко выраженный брюнетъ лѣтъ тридцати двухъ, тридцати четырехъ, съ худощавымъ, серьезнымъ лицомъ и темными глазами, смотрѣвшими исподлобья; «и тотчасъ же — разсказываетъ она,— коротко и дружески, какъ будто былъ знакомъ съ нами сто лѣтъ, онъ далъ согласіе, чтобы мы ходили на его лекціи, а на утро обѣщалъ приготовить для насъ анатомическій препаратъ». Вѣра Фигнеръ стала аккуратно посѣщать лекціи П. Ф. Лесгафта. Онъ читалъ анатомію. «Что можетъ быть суше ея? И однако часъ проходилъ незамѣтно, и аудиторія, переполненная и неподвижная, слушала лекцію съ неослабнымъ интересомъ, какъ самый животрепещущій докладъ. П. Ф. имѣлъ даръ—заставить слушать себя». Яркое и образное изложеніе фактовъ оставляло прочный слѣдъ въ умахъ слушателей, и «чудное сліяніе хорошей личности съ прекраснымъ преподавателемъ создавало очарованіе, дѣлавшее его образцомъ, идеаломъ для поколѣній, имѣвшихъ счастье начинать свои студенческіе годы подъ его руководствомъ». Встрѣтить на порогѣ университета такой превосходный образецъ человѣческаго рода было, по словамъ Вѣры Фигнеръ, величайшимъ счастьемъ для учащейся молодежи. Но такіе люди—самые ненавистные и опасные для режима Курловыхъ и Кулябокъ. Однажды утромъ Вѣра Фигнеръ не нашла въ анатомическомъ театрѣ ни труповъ, ни студентовъ, ни профессора; оказалось что по особому приказу, переданному изъ Петербурга по телеграфу, Лесгафтъ отрѣшенъ отъ профессуры и лишенъ права дальнѣйшаго преподаванія. Никто не понималъ причины, почему такъ неожиданно и грубо были прерваны мирныя научныя занятія; говорили о какихъ-то безсмысленныхъ доносахъ, къ которымъ будто бы были причастны и профессора, недовольные рѣзкостью и прямотою Лесгафта. «Я была такъ далека въ то время отъ политики,—пишетъ Фигнеръ,— что не понимала связи событія съ государственнымъ строемъ Россіи, и мое негодованіе обращалось главнымъ образомъ на предполагаемыхъ доносчиковъ и клеветниковъ. Было грустно, что мои планы рушились и мое ученіе прервано...» Вѣра Фигнеръ рѣшила тогда уѣхать за границу учиться въ какомъ-нибудь иностранномъ университетѣ. П. Ф. Лесгафтъ долженъ былъ ликвидировать свое скром-

ное хозяйство и покинуть Казань; въ его квартирѣ все было вверхъ дномъ. «Продавалась мебель, посуда... Ломка была полная. П. Ф. съ женой и маленькимъ сыномъ оставался безъ средствъ и безъ перспективъ въ будущемъ. Все было разбито, и жизнь приходилось строить заново». Прошло тридцать пять лѣтъ. Вѣрѣ Фигнеръ привелось послѣ Шлиссельбурга вновь встрѣтиться съ Лесгафтомъ. «Вотъ радость: онъ даже физически почти не измѣнился,—все тотъ же тонкій, хрупкій, и черты лица не огрубѣли... Та же добродушно-ироническая усмѣшка и форма рѣчи, все тѣ же живые глаза, смотрящіе исподлобья... Быстрыя движенья, неугомонная энергія и работоспособность. Онъ ведетъ меня показывать свое царство, свое дѣтище. Ведетъ по кабинетамъ, ведетъ въ лабораторіи, показываетъ богатѣйшія коллекціи, чучела и препараты...» Онъ разсказываетъ о Высшей вольной школѣ, объ обыскѣ и закрытіи ея, о свиданіи съ П. А. Столыпинымъ. «У васъ все тамъ свобода», —говорилъ ему премьеръ. «Да—отвѣчалъ П. Ф.—ваша правда: у насъ свобода—свобода науки, и нѣтъ ни рѣшетокъ, ни цѣпей». Между прочимъ, Лесгафту случайно пришлось лечить сына П. Н. Дурново. «Когда никто помочь не могъ, за мною прислали. И зато—П. Ф. лукаво улыбается,— при немъ меня пальцемъ не трогали». Самъ П. Ф. вовсе не раздѣлялъ радикальныхъ идей и не сочувствовалъ ни крайнимъ партіямъ, ни популярнымъ въ то время доктринамъ; въ наукѣ онъ былъ противникомъ дарвинизма, возражалъ противъ теоріи фагоцитовъ, противъ предохранительныхъ прививокъ и противъ всякихъ гипотезъ и обобщеній, не провѣренныхъ точнымъ анализомъ фактовъ; только въ педагогикѣ онъ былъ смѣлымъ и послѣдовательнымъ новаторомъ, ставя нормальное физическое развитіе организма и реальное изученіе природы на мѣсто словеснаго усвоенія поверхностныхъ или фиктивныхъ знаній. Партійные шаблоны, идейныя перегородки и разграниченія для П. Ф. не существовали. «Онъ мнѣ все толкуетъ, что онъ соціалъ-демократъ»,—говорилъ Лесгафтъ, называя фамилію;—«а что мнѣ за дѣло, что онъ соціалъ-демократъ? Будь чѣмъ хочешь—эсдекомъ, эсеромъ,—мнѣ все равно. Нѣтъ, ты мнѣ свою личность, свою человѣческую личность покажи! А то онъ, видите ли, эсдекъ»,—горячится П. Ф. Къ товарищамъ Вѣры Фигнеръ по Шлиссельбургу онъ отнесся въ высшей степени тепло, съ трогательною заботливостью; Н. А. Морозова, Новорусскаго и Лукашевича онъ постарался пристроить у себя для лабораторныхъ занятій и для преподаванія. «Вотъ и васъ устрою»,—говорилъ онъ ласково Вѣрѣ Фигнеръ. Авторъ заканчиваетъ свой поучительный этюдъ нѣсколькими краснорѣчивыми словами о героизмѣ жизни, въ отличіе отъ героизма смерти. «Англичане удивляются русскимъ, ихъ умѣнью умирать, легкости,

съ которою они идутъ на смерть... И я удивляюсь великимъ людямъ Англіи, умѣющимъ жить, т. е. творить, создавать. Къ такимъ героямъ жизни я причисляю и П. Ф. Лесгафта».

Въ статьѣ А. В. Пѣшехонова упоминается между прочимъ о демонстраціи 4-го марта 1901 года, приведшей къ памятному избіенію молодежи на Казанской площади. П. Ф. Лесгафтъ настойчиво хлопоталъ тогда о своихъ пострадавшихъ слушателяхъ и слушательницахъ, развезенныхъ по больницамъ и участкамъ. Онъ принялъ также дѣятельное участіе въ составленіи и обсужденіи протеста противъ ничѣмъ не оправдываемыхъ насилій, жертвами которыхъ были учащіеся высшихъ учебныхъ заведеній. П. Ф. предоставилъ свою квартиру для собраній по этому поводу, хотя и рисковалъ очень многимъ; въ концѣ концовъ подъ протестомъ подписалось менѣе ста человѣкъ. Подписавшіе протестъ 99-ти «въ значительной своей части были высланы изъ Петербурга, какъ люди, хотя и не принимающіе участія въ конспиративныхъ организаціяхъ и даже «сознательно уклоняющіеся отъ участія въ оныхъ»,—какъ сказано было въ одномъ изъ оффиціальныхъ документовъ,—но тѣмъ не менѣе опасные для русской государственности. Былъ высланъ и П. Ф». Впослѣдствіи были закрыты и его курсы. Чтобы вызвать ихъ снова къ жизни, онъ готовъ былъ, по свидѣтельству М. М. Ковалевскаго, самъ сойти со сцены и поставить на свое мѣсто другого. Не разъ говорилъ онъ объ этомъ съ М. М., прося его «довести до свѣдѣнія тѣхъ, отъ кого зависѣла судьба его курсовъ, что онъ не связываетъ никакого личнаго вопроса съ ихъ будущимъ».

Личная исторія П. Ф. Лесгафта, какъ и судьба его широко задуманныхъ начинаній, есть только одинъ изъ отдѣльныхъ эпизодовъ той непрестанной, скрытой или явной борьбы, которая издавна ведется у насъ между притязаніями властнаго бюрократизма и духомъ творческой иниціативы, направленной къ удовлетворенію истинныхъ культурныхъ интересовъ русскаго общества и народа.

Л. Слонимскій.

КРИТИЧЕСКІЕ НАБРОСКИ.

Мало утѣшительнаго принесла наша литература за послѣднее время. Вотъ, напримѣръ, два большихъ романа. Одинъ сработанъ не безъ техническаго щегольства, другой — совсѣмъ неумѣло. Ни

тотъ, ни другой не взволнуетъ читателя, не углубитъ его сознанія, но первый иной разъ остановитъ вниманіе неожиданнымъ поворотомъ въ психикѣ героевъ, самостоятельно схваченной и переданной деталью въ настроеніи или зрительномъ образѣ; второй романъ проходитъ черезъ воспріятіе читателя совсѣмъ гладко, безъ всякихъ задержекъ. Первый написанъ Осипомъ Дымовымъ, называется «Томленіе духа» и напечатанъ въ семнадцатомъ альманахѣ «Шиповника», второй—«На вѣсахъ жизни» В. Винниченко въ девятомъ сборникѣ «Земли». Общее же этихъ двухъ романовъ въ томъ, что въ обоихъ дѣйствуютъ не люди, а какіе-то осколки людей, и живутъ эти осколки жизнью ущербленной, примятой, немощно запутавшейся.

Никакихъ внѣшнихъ, осязаемыхъ событій, которыя придавили бы героевъ Осипа Дымова, мы не знаемъ. Они, какъ будто такъ и родились съ смутнымъ «внутреннимъ стремленіемъ къ истинно возвышенному», которое однако не можетъ пробиться черезъ толщу слякоти въ ихъ словахъ, поступкахъ и даже внутреннихъ интимныхъ переживаніяхъ. Соотношеніе этихъ двухъ элементовъ у разныхъ персонажей романа различно: у однихъ «стремленіе» еле замѣтно, а слякоть необычайно обильна; у другихъ—«стремленіе» сказывается болѣе ярко, а слякоть, по крайней мѣрѣ по временамъ, почти исчезаетъ. Всѣ они «носятъ въ душѣ подвигъ», но «что-то стоитъ между ними и подвигомъ». У всѣхъ «идея мученичества, какъ темное велѣніе, предопредѣляетъ ихъ жизнь». Казалось бы, на лицо тѣ элементы, изъ которыхъ слагается настоящая, большая трагедія. Но таковъ калибръ героевъ Дымова, такова степень его проникновенія въ тайники духа человѣческаго, что вмѣсто трагедіи получается докучная сумятица, вмѣсто героическаго, просвѣтляющаго страданія—нудное, безплодное «томленіе», совсѣмъ не похожее на величавое стремленіе премудраго Екклесіаста, слова котораго Дымовъ поставилъ эпиграфомъ на своемъ романѣ.

Тяжелый патологическій привкусъ чувствуется въ этихъ фигурахъ. Не та патологія, которая даетъ нечеловѣческую изощренность нервамъ Достоевскихъ и ведетъ ихъ къ ясновидѣнію, а патологія клиническая, притупляющая и принижающая духовный обликъ человѣка. У Дымова почти всѣ испытываютъ «полную отчужденность» отъ людей, «глухое, безпросвѣтное одиночество на землѣ», ибо души ихъ лишены тѣхъ основныхъ элементовъ, которые позволяютъ людямъ вступать въ непосредственное общеніе другъ съ другомъ. У «великаго», вѣрнѣе, страдающаго маніей величія, философа и религіознаго мыслителя Яшевскаго люди будятъ только самые низменные инстинкты жалкаго и пошлаго тщеславія; онъ ищетъ у нихъ лишь

грубой лести и рабьяго преклоненія, а для того, чтобы окунуться въ міръ своихъ «большихъ мыслей», ему необходимо совершенно забыть о людяхъ и уйти въ полное одиночество. Исключительно внѣшняго успѣха ищетъ у людей и систематически лжетъ имъ и самой себѣ артистка Семирѣченская. Отчужденъ отъ всего міра и погруженный въ манію величія блестящій гвардеецъ Щетининъ. Тщетно «бѣгаетъ за людьми, хватается за ихъ дѣла и лжетъ всѣми словами, потому что не вѣритъ ни одному» приватъ-доцентъ Слязкинъ, и т. д. Даже примитивный инстинктъ, выводящій и пещернаго человѣка изъ одиночества, а въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи созидающій неразрывный духовный союзъ мущины и женщины, семьи, рода,—ту ячейку, которая разрастается далѣе въ сліянность съ націей, человѣчествомъ, мірозданіемъ,—и этотъ инстинктъ въ міркѣ, созданномъ Дымовымъ, носитъ печать патологической пораженности. Тутъ царитъ какая-то «брезгливость» къ тѣлу, «гадливый страхъ» передъ нимъ, и переступить черезъ эту брезгливость можно только въ припадкѣ садизма. Длительный романъ Щетинина и Семирѣченской, не получая естественнаго выхода именно въ силу болѣзненнаго «гадливаго страха» Щетинина передъ тѣломъ, доводитъ обоихъ влюбленныхъ до настоящаго нервнаго разстройства и находитъ свое разрѣшеніе только тогда, когда эта парочка, катаясь на рысакѣ, раздавила прохожаго и увидала обрызганныя кровью колеса своего экипажа. Любимецъ автора, молодой студентъ Нилъ Субботинъ приближается къ дѣвушкѣ, которую вырвалъ изъ пекла проституціи, только послѣ того, какъ самъ толкнулъ ее снова въ объятія похотливаго покупателя женскаго тѣла. А философъ Яшевскій, которому судьба не послала садической подмоги, съ упорной «брезгливостью ставитъ въ вину» своей возлюбленной Веселовской ея «тѣло»; впрочемъ, Яшевскаго и садизмъ не выручаетъ: это своеобразное обвиненіе не ослабляется у него даже и послѣ того, какъ маленькая дочка Веселовской, покинутая ею ради Яшевскаго, покушается на самоубійство.

Какъ кажется, тотъ же ужасъ передъ тѣломъ у Елены Колымовой, «молодой дѣвушки съ темными волосами, бѣлымъ лбомъ и далеко разставленными глазами на серьезномъ, печальномъ лицѣ», облекается въ форму аскетическаго подвижничества. Она отвращается отъ личнаго счастья и полагаетъ, что человѣкъ долженъ искать страданія, которое вознесетъ его на особую высоту и дастъ ему силу для нѣкоего подвига на благо всѣхъ. Она любитъ Нила, и Нилъ любитъ ее со всѣмъ пыломъ горячей, нетронутой натуры. И тѣмъ не менѣе она отталкиваетъ Нила, совѣтуя ему всю нѣжность его сердца отдать не одной, а всѣмъ людямъ. Нилъ весьма склоненъ

возлюбить всѣхъ, онъ «въ каждомъ человѣкѣ предчувствуетъ брата, но гонитъ отъ себя эту мысль, потому что, если повѣрить въ нее, то надо отказаться отъ личнаго счастья». Впрочемъ, черезъ минуту Нилу становится яснымъ, что между личнымъ счастьемъ и любовью къ людямъ нѣтъ непримиримаго противорѣчія. Наоборотъ, союзъ съ Еленой дастъ ему такую полноту радости, столь умножитъ его любовную силу, что именно полнота личнаго счастья и повелитъ ему давать счастье другимъ. Но Елена не хочетъ знать никакого личнаго счастья, кромѣ того, которое заключается въ счастьѣ общемъ. Она упорно стоитъ на своемъ, требуетъ, чтобы Нилъ пошелъ искать свой крестъ и, найдя, не убѣжалъ отъ него.

Въ послѣднихъ словахъ Елены выражена основная, если не ошибаюсь, идея романа. Людямъ нуженъ тяжкій крестъ, пронизывающее душу страданіе для того, чтобы ощутить свою настоящую сущность и освободиться отъ тѣхъ лживыхъ масокъ, въ которыя неизбѣжно облекается всякій, не искушенный страданіемъ и потому, невѣдающій самаго себя человѣкъ. Эти лживыя маски терзаютъ сколько-нибудь чуткаго человѣка; томительно и мучительно старается онъ сорвать ихъ съ себя, но только огонь высшей, крестной муки властенъ сжечь ихъ, а люди,—одни по невѣдѣнію, другіе по немощности,—обыкновенно бѣгутъ отъ этого страшнаго, но очищающаго огня. Въ романѣ есть намекъ, что этотъ законъ царитъ и надъ всѣмъ человѣчествомъ. Народы исторически проявляютъ свой ликъ въ государственности, въ языкѣ, въ завладѣніи извѣстными территоріями. Это все—лживыя маски народности, затемняющія и искажающія ея истинную, божественную сущность. Народъ, какъ и отдѣльный человѣкъ, долженъ пройти черезъ горнило неслыханныхъ страданій, которое сожжетъ его обманчивую внѣшнюю личину; народъ долженъ утратить государственность, территорію, языкъ, кажется, даже религію, чтобы выявить себя во всемъ блескѣ вѣчной истинности. Только одна раса пережила такую муку—еврейская, и потому ей дана міровая миссія: доказать человѣчеству, что «того міра, который всѣ видятъ, слышатъ и осязаютъ, не существуетъ, а существуетъ тотъ міръ, котораго нельзя видѣть и слышать». Такъ проповѣдуетъ еврей Липшицъ, переходящій, въ концѣ концовъ, отъ такого теоретическаго мессіанизма къ крайнему практическому анархизму.

Вокругъ этой идеи борьбы съ внѣшней ложью путемъ страданія и вращается весь романъ Дымова. Такъ, Нилъ обрѣлъ свой «крестъ» въ томъ, что отрекся отъ Елены и прилѣпился къ той самой проституткѣ Женѣ, которую онъ сначала спасъ, потомъ предалъ, потомъ сдѣлалъ своей женой, потомъ бросилъ и довелъ до

самоубійства, все время не переставая носить въ сердцѣ образъ Елены. Оказалось, что Елену любитъ не только Нилъ, но и его старшій братъ Сергѣй, и коллизія разрѣшилась тѣмъ, что Сергѣй отравился, при явномъ попустительствѣ и даже не безъ толчка со стороны Нила. Вскорѣ померла и Елена, раздавленная чернымъ крестомъ своего ужаса передъ личною радостью и тщетными порывами къ подвигу. По своему искалъ креста и жалкій Слязкинъ, бросившись подъ рысака. Его помяло сильно, но не смертельно и, оправившись, онъ по прежнему продолжалъ «лгать всѣми словами». Философъ Яшевскій тоже въ глубинѣ души жаждалъ креста и мученичества, но не зналъ, какъ его найти, и даже трусливо избѣгалъ узнать, а потому остался до конца мелкимъ и тщеславнымъ себялюбцемъ. Романъ Щетинина съ Семирѣченской, тоже, повидимому, долженствующій знаменовать нѣчто страстотерпческое, разрѣшился сумасшествіемъ офицера и возвратомъ актрисы къ лживому самолюбованію. Такимъ образомъ, этихъ людей, очевидно, по ихъ безнадежному слабосилію, крестные пути не привели ни къ какому просвѣтлѣнію. Но относительно Нила авторъ даетъ другія указанія. Преступленія и страданія, черезъ которыя прошелъ Нилъ, не сломили его, а закалили. Углубилось его самосознаніе и пониманіе людей и жизни. У него «осталось что-то прочное, неисчезающее, что онъ несъ съ собою въ будущее и что незамѣтно для самого себя,—иногда помимо словъ,—отдавалъ и повѣрялъ людямъ и, не зная того, вмѣстѣ съ другими двигалъ жизнь къ мудрой, ему невѣдомой цѣли». Но тутъ ужъ мы должны повѣрить автору на слово, потому что никакого выраженія, кромѣ этой фразы, духовное перерожденіе Нила не нашло въ романѣ. Я не отрицаю, что такая конструкція судьбы Нила можетъ быть психологически и художественно оправдана. Если бы у автора хватило силы развернуть ее во всей ея содержательности, если бы творческое воображеніе его смогло создать рядъ истинно углубленныхъ, исчерпывающихъ образовъ, то получилось бы безспорно нѣчто значительное. Но не хватило творческой силы, и художественный опытъ не удался. Получилось нѣчто не всегда вразумительное и, въ общемъ, отнюдь не убѣдительное. Разумѣю, конечно, убѣдительность именно художественную, а не логическую.

Есть своя идея и въ романѣ Винниченко. Заключается она въ томъ, что «на вѣсахъ жизни» происходитъ безпрестанно «уравновѣшиваніе». «Физіологически, анатомически, психологически или соціально, человѣкъ всегда находится въ неустойчивомъ положеніи, всегда уравновѣшиваетъ себя. Отъ этого и святости, и грѣшности». Говоря конкретнѣе, суровая принципіальность нашего революціон-

наго движенія естественно потребовала для «уравновѣшиванія» появленіе распущенности всевозможныхъ «сатанистовъ» и «половиковъ», а когда эти слишкомъ перетянули свою чашку вѣсовъ внизъ, съ такой же естественностью въ противовѣсъ имъ появились «богостроенія и богоисканія». Въ судьбѣ отдѣльныхъ лицъ та же исторія. Если нервноразвинченный экс-революціонеръ Шурка обыкновенно привлекаетъ своею кротостью, добротою и любовностью, а иногда пугаетъ своей изступленной религіозностью, то этимъ онъ уравновѣшиваетъ свой мазохизмъ, который заставляетъ его время отъ времени бѣгать къ развратной «сатанисткѣ» Аннетъ и наслаждаться получаемыми отъ нея пощечинами. Если другой эксъ-революціонеръ Ѳома нестерпимо грубъ и циниченъ съ людьми, то этимъ онъ уравновѣшиваетъ ужасъ и ярость, пережитыя имъ, когда отецъ запоролъ на смерть на его глазахъ его брата. Если онъ нагло и подло издѣвается надъ голоднымъ горе-художникомъ, тоже эксъ-революціонеромъ Аркадіемъ, и заставляетъ его за пятьсотъ франковъ смотрѣть, какъ онъ, Ѳома, въ кафе, публично, при кучѣ знакомыхъ, раздеретъ его единственную картину,—то и этимъ Ѳома уравновѣшиваетъ боль, испытанную тогда, когда его другъ и товарищъ по революціи оказался провокаторомъ. Если онъ подкупаетъ деньгами гнуснаго полячка—«сатаниста» Гломбинскаго, чтобы онъ чистую дѣвушку, соціалъ-демократку Таню, которую втайнѣ любитъ самъ Ѳома, превратилъ въ свою содержанку, то и тутъ Ѳома уравновѣшиваетъ обиду, которую ему нанесла нѣкогда жена, уйдя къ жандарму. А для того, чтобы уравновѣсить всѣ эти неумныя гнусности, тотъ же самый Ѳома въ концѣ концовъ пойдетъ почти на вѣрную смерть изъ любви къ Танѣ. Когда человѣкъ совершаетъ подвиги въ сферѣ общественной или индивидуальной жизни, онъ просто наваливаетъ себѣ на плечи грузъ, необходимый для уравновѣшиванія его силы и здоровья. А когда силы и здоровья поубавится, онъ, тоже для равновѣсія, постарается сбросить съ себя грузъ, пойдетъ въ «сатанисты» станетъ «ловить моменты любви», вообще предастся «подлостямъ». Стоитъ только это понять, какъ сейчасъ же всѣхъ простишь и пожалѣешь. Такъ проповѣдуетъ красивая, чуткая и умная дѣвушка Мэри, которая, пока была сильна и здорова, тоже занималась революціей, а когда получила неизлечимый, смертельный туберкулезъ, то предалась ловлѣ «моментовъ любви» на парижскихъ бульварахъ. Любовно улыбаясь надъ милой Мэри, авторъ слегка даетъ почувствовать читателю, что онъ не вполнѣ согласенъ съ идеями своей героини и склоненъ допустить, вмѣсто теоріи равновѣсія, теорію «добродѣтелей и пороковъ». Но эта морализирующая нота ничего,

конечно, не спасаетъ и ни мало не усугубляетъ интереса къ аляповатой индивидуальной психологіи героевъ Винниченко.

Общественная сторона романа оставляетъ самое гнетущее впечатлѣніе. Передъ нами тема не новая—осколки русской революціи, люди, сломленные физически и духовно нервнымъ напряженіемъ отчаянной борьбы, тупымъ гнетомъ тюрьмы и ссылки; выбитые окончательно изъ всякой житейской колеи безпочвенной, безтолковой, голодной жизнью политическихъ эмигрантовъ въ парижскихъ мансардахъ. Почти поголовно пораженные жесточайшей неврастеніей, многіе подкошенные злой чахоткой, замаянные жалкой погоней за поденнымъ заработкомъ хотя бы чернорабочаго, вѣчно грызущіеся между собой на почвѣ либо мелкихъ личныхъ обидъ, либо совершенно безсмысленныхъ въ этой обстановкѣ партійныхъ разногласій, сплошь и кряду впадая въ развратъ, картежъ, хулиганство, эти несчастные люди буквально догниваютъ свой вѣкъ. Жертвы страшнаго крушенія, они тяжко искупаютъ общерусскій историческій грѣхъ, въ которомъ они повинны отнюдь не болѣе, чѣмъ тѣ, кто въ роковой моментъ ничѣмъ не рисковалъ, или благополучно выплылъ и теперь находится въ человѣческихъ условіяхъ существованія. Пусть бы политическій противникъ, публицистъ, выволакивалъ въ полемическихъ цѣляхъ на всеобщее позорище этотъ беззащитный и ужасный живой трупъ, но тотъ, кто претендуетъ на высокое званіе художника слова, не имѣетъ на это права, если не чувствуетъ въ себѣ достаточной духовной зрячести и сердечной проникновенной чуткости, чтобы сквозь кровью запятнанную ткань этого ужаса, унижающаго природу человѣческую, прозрѣть жестокіе и вмѣстѣ благостные, разрушающіе и вмѣстѣ творящіе законы бытія, заставляющіе цвѣсти цвѣты на могилѣ Евгенія Базарова. Этимъ даромъ не владѣетъ Винниченко, и его романъ есть клевета на русскую эмиграцію, не потому, что его факты юридически, такъ сказать, не вѣрны, а потому что въ свѣтѣ истиннаго художественнаго дарованія эти самые факты освѣтились бы совсѣмъ инымъ свѣтомъ и рядомъ съ ними стали бы еще и другіе, оставшіеся за кругозоромъ Винниченко. А разъ не хватило у него зрячей любовности, то онъ долженъ былъ оставить эту тему въ покоѣ и упражнять свои третьестепенныя беллетристическія способности на сюжетахъ болѣе безобидныхъ и менѣе отвѣтственныхъ.

Совсѣмъ другое отношеніе вызываетъ романъ В. Ропшина «То, чего не было (Три брата)», начало котораго появилось въ первомъ номерѣ новаго журнала «Завѣты». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ этотъ оригинальный писатель, рѣдкій гость въ художественной литературѣ, надѣлалъ много шума первымъ своимъ романомъ «Конь

блѣдный», гдѣ съ поразительной правдивостью и полнотою былъ данъ психологическій анализъ русскаго терроризма. Съ тѣхъ поръ Ропшинъ безмолвствовалъ, а теперь опять возвращается къ поразительнымъ перебоямъ, которые присущи душѣ русскаго революціонера, но обыкновенно замалчиваются и даже подавляются тѣми, кто ихъ переживаетъ. Но Ропшинъ смѣлъ и безбоязненно выноситъ на свѣтъ все, что знаетъ, ни мало не считаясь ни съ какими программными соображеніями,—и имѣетъ на это право, не въ примѣръ Винниченко, потому что, не будучи художникомъ, онъ обладаетъ широкимъ разумѣніемъ, полно охватывающимъ предметъ, и пытливой мыслью, умѣющей искать настоящую правду, а, разъ найдя ее, договариваетъ до конца.

Второй романъ Ропшина только что начатъ, и о немъ, конечно, надо будетъ говорить тогда, когда онъ станетъ намъ извѣстенъ цѣликомъ, но и теперь уже, съ первыхъ страницъ, видно, какой жгучій интересъ представляютъ поднимаемые Ропшинымъ вопросы, и хочется это отмѣтить. Герой—опять одинъ изъ главарей соціалъ-революціонной организаціи, но на этотъ разъ не практикъ-террористъ, какъ былъ Жоржъ въ «Конѣ Блѣдномъ», а только, такъ сказать, администраторъ и вмѣстѣ публицистъ, никогда не державшій бомбы въ рукѣ и никого не убивавшій, но теоретически всѣми силами поддерживающій террористическую дѣятельность партіи. Все въ его душѣ мирно и благополучно, твердо установлено и ясно—до момента Цусимскаго бѣдствія, въ которомъ, какъ онъ предполагаетъ, могъ погибнуть и его родной братъ, морской офицеръ. Хотя братья идейно давно разошлись и разстались жестко, но голосъ крови, очевидно, не умеръ, въ душѣ Болотова, и неотступная мысль о братѣ окрашиваетъ въ его душѣ извѣстіе о Цусимѣ совершенно неожиданнымъ для него образомъ. До сихъ поръ для Болотова не подлежало сомнѣнію, что войну ведетъ не народъ, а правительство, что, значитъ, пораженіе русскихъ—пораженіе правительства побѣда японцевъ—побѣда революціи, и потому ей слѣдуетъ радоваться. И вотъ Цусима его не обрадовала,—наоборотъ, внесла въ его душу жуткое, недоумѣнное чувство, прежде всего по невозможности примириться съ жестокой и безсмысленной гибелью брата, и это первое, непосредственное ощущеніе, неразложимое и непобѣдимое служитъ зерномъ, изъ котораго начинаютъ выростать могучіе побѣги, грозящіе совершенно измѣнить видъ душевной нивы Болотова. Этотъ процессъ пока еще только смутно намѣчается, но, повидимому, онъ идетъ въ сторону измѣненія взгляда не только на русско-японскую войну, въ смыслѣ пересмотра вопроса о раздѣленіи пораженій правительства отъ пораженій народа, но и на войну, и кровопролитіе вообще,

какъ способъ достиженія какихъ бы то ни было цѣлей, и на терроръ въ частности. Когда ему приходится поддержать духъ нѣкоего Вани, подготовляемаго къ террористическому акту, онъ, «забывая внезапно все то, что только что говорилъ себѣ, забывая свою,—какъ казалось ему,—обязанность передъ партіей, поблѣднѣвъ и не глядя на Ваню, сказалъ:

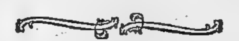
— Вамъ не со мной говорить. Я не занимаюсь терроромъ.

«И почувствовалъ, что, быть можетъ, впервые за многіе годы онъ осмѣлился сказать правду». Черезъ минуту онъ усумнился въ этой правдѣ, и въ его душѣ вихремъ закружился рядъ тяжелыхъ, недоумѣнныхъ вопросовъ, на которые сейчасъ отвѣта онъ не нашелъ. Но самый порывъ уже ясно показываетъ, что отвѣты Болотовъ найдетъ, и притомъ въ опредѣленномъ направленіи. Во всякомъ случаѣ, узелъ, завязанный Ропшинымъ, оказывается и на этотъ разъ колоссально важнымъ, и общественное вниманіе за его новымъ романомъ обезпечено.

Вообще, художественная часть «Завѣтовъ» обѣщаетъ быть интересной. Уже въ первомъ номерѣ, кромѣ Ропшина, встрѣчаемъ имена Горькаго, Бунина, Александра Блока. Небольшой разсказикъ Горькаго «Рожденіе человѣка» отодвигаетъ насъ на двадцать лѣтъ назадъ, къ 92-му (не 91-му ли?) голодному году, къ той порѣ, когда Горькій скитался по Кавказу въ качествѣ «проходящаго», и въ его душѣ слагались первые, лучшіе разсказы. И «Рожденіе человѣка» отмѣчено печатью того широкаго приволья и яркости, которая когда-то сразу создала Горькому громадную и безспорную репутацію. Сюжетъ, казалось бы, самый рискованный: баба родитъ на дорогѣ, вьющейся по берегу Чернаго моря, а случайно попавшій сюда «проходящій» ей помогаетъ. Написано сильными, сжатыми, рѣзко реалистическими штрихами. Но разсказъ вставленъ въ рамку великолѣпнаго южнаго пейзажа и насквозь насыщенъ бодрымъ, прекраснымъ чувствомъ, которое родится отъ сліянности съ прекрасной и могучей природой. И вотъ, такими простыми и естественными кажутся всѣ эти звѣриныя подробности родовъ здѣсь, на лонѣ природы, такая радостная человѣчность въ слезахъ, которыя исторгаетъ изъ глазъ бродяги материнская мука, и въ грубоватой дѣловитости, съ которой онъ расторопно помогаетъ бабѣ, такія «славныя птицы тихо поютъ у него въ груди», когда все благополучно кончается, и на рукахъ у него оретъ «новый житель земли русской, человѣкъ неизвѣстной судьбы». Потомъ тихая и стыдливая материнская радость, «потомъ пили чай съ медомъ», потомъ потихоньку побрели дальше, радуясь красотѣ міра и всему совершившемуся. А «море шумитъ, шумитъ»... Просто душа отдыхаетъ на этихъ десяти стра-

ничкахъ послѣ всей массы той ноющей и клевещущей на жизнь литературы, которой такъ много развелось у насъ за послѣднее время.

С. Адріановъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Томъ двѣнадцатый. Письма. 1840—1853. Москва. 1911. Цѣна 2 руб. 12 + 477 стр., въ 8-ую д. л.

Новый томъ сочиненій знаменитаго славянофила содержитъ часть его необыкновенно обширной и интересной переписки, относящуюся къ сороковымъ годомъ и къ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Всего здѣсь напечатано 259 писемъ, изъ которыхъ около сотни является въ печати впервые. Изданіе ведется подъ редакціей г. П. Самарина съ большой любовью, съ обстоятельными примѣчаніями о лицахъ, упоминаемыхъ въ перепискѣ и пр., составленными при участіи Н. П. Чулкова.

Юрій Самаринъ—величина настолько крупная въ исторіи русской литературы и общественности, что первый томъ его переписки берешь въ руки съ невольнымъ чувствомъ ожиданія чего-то особо волнующаго и захватывающаго. И ожиданіе не обманетъ вдумчиваго читателя, ищущаго въ подобной перепискѣ и выраженій личности замѣчательнаго человѣка, и откликовъ его на явленія литературы и жизни, отъ которыхъ такъ или иначе тянутся до нашихъ дней, до нашей идейной борьбы неразрывныя нити. Переписка Самарина составляетъ богатѣйшій матеріалъ и для его личной характеристики и біографіи, и для исторіи русскаго общества съ происходившей въ немъ борьбой настроеній и идей. Здѣсь воскресаютъ предъ читателемъ и споры славянофиловъ и западниковъ, и волненія вызванныя личностями и дѣятельностью Гоголя и Лермонтова, звучатъ отголоски революціонныхъ настроеній Запада, и отраженіе ихъ въ видѣ усугубленія гоненій въ Россіи на всякій проблескъ живой мысли, и все это является преломившимся въ зеркалѣ необыкновенной чистоты: все объединено живою личностью самого Самарина, ищущею и находящею въ нестройномъ хаосѣ русской жизни, противорѣчіяхъ ея и нескладицѣ путь живой работы во имя неподкупнаго чувства нравственнаго долга.

Личность Самарина, какъ практическаго общественнаго дѣятеля, характеризуютъ нѣкоторыя письма къ братьямъ Аксаковымъ. Очень интересно въ этомъ отношеніи письмо къ Константину Аксакову отъ 19—20 іюля 1846 года. Служебная дѣятельность вообще крайне тяготила Самарина, и онъ даетъ въ разныхъ письмахъ безпощадныя характеристики чиновнаго Петербурга, рисуя его оторванность отъ жизни и бездушный формализмъ. Самаринъ предвидитъ: «всѣ важные вопросы, которые занимаютъ и будутъ впослѣдствіи занимать правительство, разрѣшены будутъ не людьми служащими, не чиновниками, а частными людьми, знакомыми съ тѣми сферами жизни, съ которыми связываетъ ихъ свободное сочувствіе или интересы, т. е. учеными, купцами, помѣщиками и пр., люди же должностные, по самому положенію своему невѣжды, будутъ лишь письмоводителями или исполнителями!» Однако, онъ остается на службѣ, пока это неизбѣжно для него, и стремится использовать въ цѣляхъ общаго блага представляющіяся возможности. «Все могутъ захотѣть при современномъ порядкѣ или безпорядкѣ,—говоритъ онъ:—какое мнѣ дѣло до того, что именно имѣлъ въ виду тотъ человѣкъ или то правительство, которое предложило и осуществило эту мѣру? Можетъ быть этому человѣку нужно было подслужиться, схватить крестъ, ленту или графскій титулъ; можетъ быть, это правительство искало только денежной прибыли или большей централизаціи, или усиленія своей беззаконной власти—пусть судитъ Богъ и народъ—а мѣра, все-таки, сама по себѣ хороша: жизнь народная потечетъ въ открытое русло; всякая льгота, всякое дарованное право свободнаго движенія принесетъ благія непредвидѣнныя послѣдствія, а своекорыстная цѣль лица пропадетъ и забудется»... Однако, извѣстный оппортунизмъ, проглядывающій въ такомъ отношеніи къ дѣлу, принимался Самаринымъ не безъ внутренняго самоосужденія. Въ одномъ письмѣ къ Хомякову онъ говоритъ: «Я испыталъ, что ложная мысль или дурной поступокъ, разъ пропущенный безъ громкаго протеста, вопреки человѣку, пріобрѣтаетъ надъ нимъ какую-то таинственную власть. Я не примирился съ здѣшнимъ обществомъ, но чувствую, что оно на меня дѣйствуетъ, какъ здѣшній сырой воздухъ, какъ сидячая жизнь... Я рвусь отсюда, но не знаю куда идти, потому что я потерялъ сознаніе моего призванія». Выходомъ, какъ извѣстно изъ біографіи Самарина, для него явились—пока что—служба въ провинціи и изученіе на мѣстахъ дѣйствительной жизни, какъ будущаго матеріала общественной дѣятельности. Уже въ письмахъ сороковыхъ годовъ, упоминается неоднократно крѣпостное право, какъ основной вопросъ, разрѣшенію котораго придется и единственно стоитъ себя посвятить.

Но въ сороковые годы до этого было еще очень далеко. Въ частности, положеніе сторонниковъ отмѣны крѣпостного права—славянофиловъ было особенно тяжело потому, что они, какъ сторонники національности *развивающ ейся,* вызывали особую мнительность со стороны правительства, охранявшаго status quo. Извѣстны гоненія, какимъ подвергались славянофилы въ концѣ сороковыхъ и началѣ пятидесятыхъ годовъ. Самаринъ неоднократно предостерегаетъ друзей отъ неосторожныхъ рѣчей и поступковъ во славу Москвы, которые въ Петербургѣ перетолковываются совершенно превратно. «Власть убѣждена,—говоритъ онъ въ одномъ письмѣ,—что въ Москвѣ образуется политическая партія, рѣшительно враждебная правительству, что кличъ, здѣсь хорошо извѣстный, «да здравствуетъ Москва и да погибнетъ Петербургъ»—значитъ: «да здравствуетъ анархія и да погибнетъ всякая власть!»—Министръ государственныхъ имуществъ Киселевъ на одномъ вечерѣ завелъ рѣчь съ другомъ Самарина,—извѣстной Смирновой,—желая что-нибудь узнать, и «прибавилъ: я, самъ славянинъ, и, лишь только зашевелится Москва, я пристану къ ней!» Великій князь (вѣроятно Михаилъ Павловичъ) отзывался о московскомъ университетѣ слѣдующимъ образомъ: «направленіе его самое опасное и скверное». У Бутурлина собраны были отцы отечества; за партіею виста сказано было вотъ что: «въ Москвѣ оказываются признаки вреднаго политическаго движенія, зачинщиками въ немъ поляки, они умышленно затѣваютъ дѣло ко вреду Россіи, а другіе пристали къ нимъ по глупости». Наконецъ, одинъ очень умный человѣкъ, съ которымъ я познакомился, отказался ко мнѣ ѣздить, чтобы себя и меня не ввести въ бѣду»!

Какъ извѣстно, Самаринъ при всей своей осторожности не избѣжалъ ареста и заключенія въ крѣпость, правда кратковременнаго, за свои «Рижскія письма». Интересно, какъ реагировалъ онъ на это свое приключеніе, которому приданъ былъ характеръ отеческой расправы съ сунувшимся не въ свое дѣло, хотя и добронамѣреннымъ сыномъ отечества. «Въ словахъ Государя, при всемъ томъ, что въ нихъ былъ упрекъ и наставленіе, было что-то необыкновенно ободряющее; по крайней мѣрѣ, такъ они отозвались во мнѣ. ...Такъ уже самимъ Провидѣніемъ устроено, что на святой Руси никакое дѣло, задуманное подъ вліяніемъ страсти или раздраженнаго самолюбія не можетъ имѣть успѣха. Теперь, увидавъ передъ собою открытую дорогу, было бы грѣшно остановиться или уклониться въ сторону, понявъ возможность сочувстія»...

Дѣйствительная жизнь, однако, слишкомъ рѣзко показывала Самарину, что обнадеживающіе намеки, сдѣланные ему въ личной бесѣдѣ, остаются словами. Черезъ два года онъ изъ Кіева пишетъ

Аксакову унылое письмо, въ которомъ прямо говоритъ о возможности, по его мнѣнію, революціи въ Россіи: «Корабль, на которомъ мы всѣ стоимъ, тонетъ,—въ этомъ я твердо увѣренъ, ничто не спасетъ его, но я предпочитаю каютѣ, еще не занятой водою, мое мѣсто на открытой палубѣ. Съ этого мѣста видно то, что закрыто отъ другихъ. Всматриваясь въ окружающее меня, я часто вспоминаю библейское сказаніе о язвахъ, ниспосланныхъ на Египетъ. Какая бездна неисчислимыхъ, невѣдомыхъ страданій всякаго рода... А доживемъ ли мы съ тобой до кризиса? Ибо все идетъ къ тому, и я уже потерялъ всякую надежду на мирный исходъ».

Очень интересно письмо по поводу февральской революціи. «Хотя мы, русскіе, слава Богу, въ ней не заинтересованы, мы должны, для соблюденія справедливости къ другимъ, взглянуть дѣлу прямо въ глаза. Слово коммунизмъ служитъ теперь пугаломъ для всѣхъ; я не думаю его оправдывать, но коммунизмъ есть только каррикатура мысли прекрасной и плодотворной. Коммунизмъ относится къ ученію объ ассоціаціи, о пріобщеніи рабочаго класса къ выгодамъ производительности, какъ тиранія къ монархіи, какъ царствованіе Іоанна Грознаго къ власти царской»... «Лучше признать чистосердечно необходимость кореннаго преобразованія и совершить его правомѣрнымъ порядкомъ. Это, по моему, лучшее и единственное средство обезсилить и побѣдить коммунизмъ. Если требованіе устройства земледѣлія и промышленности естественно и необходимо, то поэтому самому оно уже осуществимо... Судъ и право для всѣхъ одни... это—дѣло государственное, а не личное. Точно также современемъ приметъ и торговля, и земледѣліе, и промышленность характеръ общественной дѣятельности. Кажется, что во Франціи этотъ вопросъ начинаетъ приближаться къ разрѣшенію»...

Однако, признавая за французской революціей извѣстныя права, какъ выраженія назрѣвшаго соціальнаго вопроса, Самаринъ очень скептически и даже враждебно отнесся къ извѣстному дѣлу петрашевцевъ, о которомъ, впрочемъ, имѣлъ, весьма не точныя свѣдѣнія. «Есть въ этомъ дѣлѣ надъ чѣмъ призадуматься. Конечно, это сумасшествіе, но вѣдь и сумасшествіе не бываетъ безъ причинъ... (Далѣе цитируемъ письмо въ переводѣ съ французскаго). «Что меня поражаетъ во всемъ этомъ, это не столько нелѣпость коммунистской идеи въ себѣ самой, сколько абсолютная пустота, какую предполагаетъ необходимо эта самая идея во многихъ сердцахъ и умахъ, чтобы занять въ нихъ мѣсто. Важнымъ кажется мнѣ именно этотъ отрицательный фактъ».

Въ этихъ и тому подобныхъ откликахъ Самарина на основные общественные вопросы времени не обходится, какъ видится, безъ

тѣхъ противорѣчій, которыми богата духовная жизнь умственно дѣятельнаго человѣка въ самомъ своемъ процессѣ. Послѣдній развертывается въ перепискѣ въ своей наготѣ. Но это и придаетъ ей особый интересъ, какъ непосредственнѣйшему, всѣми жизненными красками блещущему отраженію дѣйствительности.

Богата переписка и откликами на литературныя вѣянія эпохи. Въ увлеченіи Гофманомъ, въ самопризнаніяхъ Самарина, бичующаго себя за то, что называлъ болѣзнью времени Бѣлинскій, за чрезмѣрное развитіе самоанализа при параличѣ воли (въ послѣднемъ, конечно, Самаринъ съ его необыкновенно дѣятельной натурой весьма мало повиненъ), въ этихъ разсказахъ о дружескихъ преніяхъ по вѣчнымъ вопросамъ человѣческаго бытія живьемъ воскресаетъ одинъ изъ людей сороковыхъ годовъ, когда подобные теоретическіе вопросы составляли основной нервъ, вкусъ и цвѣтъ жизни интеллигенціи, а литература была важнѣйшимъ органомъ ея. Едва ли въ болѣе позднюю эпоху какой бы ни было писатель стоялъ столь близко къ цвѣту духовной жизни своего времени, какъ Гоголь, что великолѣпно и рисуется въ письмахъ Самарина, особенно въ его страстныхъ отзывахъ по поводу «Мертвыхъ Душъ» и «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». Въ поэмѣ Гоголя Самаринъ нашелъ не только отраженіе сатирическаго элемента русской жизни, но и основаніе для твердыхъ надеждъ и увѣренности въ томъ, что родина выше или станетъ выше царства мертвыхъ душъ. «Одинъ огромный неопровержимый фактъ—возможность возведенія этой жизни въ міръ искусства, становится противъ темной ея стороны и наполняетъ душу упованіемъ и укрѣпляетъ насъ на трудный подвигъ, на трудное царствованіе сквозь эту жизнь!»... Письмо о «Выбранныхъ мѣстахъ» полно горечи. «Она (книга Гоголя) произвела на меня—пишетъ Самаринъ—тяжелое и грустное впечатлѣніе, такое грустное, какого я давно не испытывалъ. Да, гордость, гордость отшельника, самая опасная изъ всѣхъ гордостей, затемняетъ его (Гоголя) сознаніе о своемъ призваніи. Слова его не ложатся въ душу. Это публичное покаяніе, это завѣщаніе и пр. — все это не изъ души льется, а выполняется по какой-то обязанности. Не слышу я въ немъ простой, безотчетной потребности повѣдать всѣмъ красоту святого, подѣлиться со всѣми теплымъ чувствомъ, ясною мыслью, ниспосланною Богомъ. Эта потребность—самое чистое и высокое побужденіе художника; это—та же любовь въ области искусства. Ея уже не слыхать... Какъ онъ всѣмъ сталъ чуждъ! Какъ самъ онъ разнакомился съ русскою публикою иересталъ понимать ее!» Самаринъ возмущенъ извѣстнымъ письмомъ къ помѣщику, и общій его выводъ тотъ, что Гоголь совершенно отогналъ живые

образы, какіе могли бы отлиться у него, если бы книга отлилась въ формѣ художественной.

Мы не упомянули еще о богатомъ матеріалѣ, заключающемся въ письмѣ Самарина, для исторіи развитія собственно славянофильской доктрины. Но и приведенныхъ нами выдержекъ слишкомъ достаточно, чтобы судить о богатствѣ содержанія этой книги.

Въ примѣчаніяхъ къ ней намъ бросилась въ глаза лишь одна ошибка: на стр. 293 Иванъ Ивановичъ Панаевъ, извѣстный писатель, названъ братомъ автора идиллій В. И. Панаева; онъ былъ въ дѣйствительности, его племянникомъ, и упоминаніе въ текстѣ имени Панаева можетъ относиться только къ племяннику, знакомство съ которымъ по его либерализму могло компрометировать славянофила А. Н. Попова.

Существеннымъ недостаткомъ этого прекраснаго тома является однако, отсутствіе указателя именъ, затрудняющее пользованіе этимъ богатѣйшимъ матеріаломъ для исторіи нашей литературы, мысли и общества. Будемъ надѣяться, что такой указатель будетъ данъ хотя въ концѣ слѣдующихъ томовъ переписки, которыхъ можно ожидать съ живѣйшимъ интересомъ.

Ч. В-скій.

— И. В. Лучицкій. Состояніе земледѣльческихъ классовъ во Франціи накануне революціи и аграрная реформа 1789—1793 гг. Кіевъ. 1912.

Проф. Лучицкій уже болѣе полутора десятка лѣтъ работаетъ надъ исторіей французскаго крестьянства и землевладѣнія въ эпоху великой революціи, работаетъ притомъ при помощи неизданныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ всѣхъ частей Франціи, что придаетъ его изслѣдованіямъ особую цѣнность. Благодаря именно архивнымъ источникамъ, проф. Лучицкій имѣлъ возможность внести въ свои книги и статьи массу свѣжаго, совершенно новаго матеріала и высказать рядъ совершенно самостоятельныхъ взглядовъ.

Въ книгѣ, заглавіе которой приведено выше, онъ подводитъ общіе итоги подъ своими прежними работами, въ первой ея части опираясь на свои архивныя изысканія, во второй пользуясь печатными источниками, между прочимъ и недавно только опубликованными. Съ этой стороны особаго вниманія заслуживаетъ первая часть книги, въ которой рѣчь идетъ о состояніи во Франціи земледѣльческихъ классовъ передъ революціей.

Основной тезисъ автора тотъ, что французское крестьянство вообще удержало довольно много земли въ своихъ рукахъ, и въ послѣдней части XVIII в. даже увеличило свою поземельную собственность, но что притомъ распредѣленіе этой собственности было

крайне неравномѣрно и по провинціямъ, и по отдѣльнымъ деревнямъ, и по разнымъ категоріямъ ихъ населенія. Было много и малоземельныхъ, и безземельныхъ крестьянъ, но класса сельскихъ рабочихъ, какой мы встрѣчаемъ въ Англіи, не было, ибо крупное хозяйство было, очень мало развито, и большая часть помѣщичьихъ земель находилась въ рукахъ у крестьянъ. Въ странѣ преобладало мелкое хозяйство даже на помѣщичьихъ земляхъ, которыя очень часто были разбросаны малыми участками по множеству сосѣднихъ приходовъ. Какъ особую черту десятилѣтій, непосредственно предшествовавшихъ революціи, авторъ отмѣчаетъ стремленіе землевладѣльцевъ увеличивать платежи съемщиковъ, параллельно съ чѣмъ шло и увеличеніе тѣхъ феодальныхъ повинностей, которыя лежали на крестьянахъ и ихъ земляхъ. Этотъ двойной чиншъ, дѣлавшійся еще болѣе тяжелымъ во второй половинѣ XVIII в., и объясняетъ взрывъ крестьянской ненависти въ 1789 г. Всѣ свои положенія проф. Лучицкій подкрѣпляетъ и иллюстрируетъ фактическими примѣрами и цифровыми данными.

Вторая часть книги посвящена аграрной реформѣ, совершенной революціей. Эта реформа шла въ трехъ направленіяхъ. Во-первыхъ, революція освободила ту часть земли, которою владѣли крестьяне, отъ феодальныхъ путъ, и это, конечно, отнюдь не увеличило площади крестьянскаго землевладѣнія: сколько было у крестьянъ земли до революціи, столько и осталось. Увеличиться площадь личнаго землевладѣнія крестьянъ могла только или путемъ раздѣла общинныхъ угодій, или путемъ покупки крестьянами земли изъ національныхъ имуществъ, что и составляетъ вторую и третью части аграрной реформы. Изъ перваго источника въ частную собственность поступило лишь немного, но изъ второго крестьяне кое-что все-таки пріобрѣли, хотя и не въ такой мѣрѣ, чтобы можно было говорить о существенной перемѣнѣ въ аграрномъ строѣ французской деревни. Въ послѣднемъ отношеніи работа революціи осталась безплодною, хотя съ другой стороны, революція не только не задержала процессъ перехода земель въ крестьянскія руки, но въ нѣкоторой (малой, по мнѣнію автора) степени ему содѣйствовала.

Таковы самые общіе выводы проф. Лучицкаго, въ одномъ пунктѣ расходящіеся со взглядами другихъ источниковъ. Въ краткой библіографической замѣткѣ нельзя разбирать вопросы, служащіе предметомъ споровъ (это мы сдѣлаемъ въ другомъ мѣстѣ), но полная самостоятельность и оригинальность взглядовъ автора должна быть отмѣчена, такъ какъ не у насъ, только, но и въ самой Франціи И. В. Лучицкій является лучшимъ знатокомъ предмета.

Н. Карѣевъ.

—Исторія русскаго народнаго хозяйства, проф. М. В. Довнаръ-Запольскаго. Т. I, Кіевъ 1911 г., 366+VIII стр. ц. 3 р.

Передъ нами первый томъ широко задуманнаго «курса» по исторіи русскаго народнаго хозяйства проф. Довнаръ-Запольскаго. Попытка автора подвести итоги тому, что сдѣлано до сихъ поръ въ столь мало еще изученной области, какой является экономическая исторія Россіи, несомнѣнно, должна встрѣтить общее сочувствіе, особенно, если мы примемъ во вниманіе, что характерной чертой новѣйшаго направленія въ русской исторической наукѣ служитъ, именно, пробужденіе усиленнаго интереса къ хозяйственной исторіи народа. Правда, проф. Довнаръ-Запольскій не является піонеромъ на избранномъ имъ пути, однако, принимая во вниманіе тотъ широкій масштабъ, въ какомъ онъ имѣетъ въ виду осуществить свой курсъ, его трудъ представляетъ безусловно первую попытку въ своемъ родѣ. И надо отдать справедливость автору, въ общемъ ему удалось довольно удачно справиться съ своей отвѣтственной задачей, поскольку объ этомъ можно говорить, имѣя передъ собой пока всего одинъ первый томъ курса, посвященный древнѣйшему такъ наз. кіевскому періоду.

Въ основныхъ своихъ чертахъ, авторъ даетъ совершенно правильную, на нашъ взглядъ, оцѣнку экономическаго строя древней Руси, Руси «торговой», развивая—по существу—основоположенія теоріи Шторха-Забѣлина-Ключевскаго. Задача автора въ значительной мѣрѣ была облегчена тѣмъ, что какъ разъ для древнѣйшаго періода русской исторіи онъ могъ располагать не только значительнымъ монографическимъ и инымъ печатнымъ матеріаломъ по исторіи древне-русскаго хозяйства и матеріальной культуры, но и готовой уже *теоріей* экономическаго развитія кіевской Руси. Отмѣченное обстоятельство нисколько не умаляетъ, конечно, достоинствъ труда г. Довнаръ-Запольскаго, и ему нельзя не поставить въ заслугу удачнаго подбора матеріала, иллюстрирующаго широкое развитіе въ древней Руси не только внѣшняго, но и внутренняго торговаго обмѣна. Къ сожалѣнію, авторъ все же далеко не использовалъ всего богатства источниковъ и литературы вопроса въ интересахъ болѣе прочнаго обоснованія своего положенія о широкомъ вліяніи древнерусской торговли на внутренній бытъ и хозяйство страны (напр., при характеристикѣ промысловой и ремесленной дѣятельности населенія). Картина получилась бы много полнѣе и убѣдительнѣе, если бы—въ частности—авторъ съ большимъ вниманіемъ отнесся къ результатамъ спеціальныхъ изслѣдованій въ сферѣ «областной» исторіи древней Руси «школы» В. Б. Антоновича. Слишкомъ бѣгло остано-

вился также авторъ и на системѣ водныхъ и иныхъ торговыхъ путей нашей древности, слѣдуя при этомъ подъ часъ наиболѣе сомнительнымъ опредѣленіямъ направленія этихъ путей (напр. см. стр. 96, о «Залозномъ» пути); слишкомъ недостаточно удѣлилъ онъ вниманія и вопросу о цѣнахъ на разные предметы обмѣна и вопросу о цѣнности мѣновыхъ знаковъ эпохи (кунной системѣ) и т. д. Нельзя не пожалѣть также, что авторъ не нашелъ нужнымъ приложить карты къ тексту своего курса (карты путей, курганной культуры, торговыхъ центровъ, международнаго обмѣна).

Наиболѣе слабыми являются «вводныя главы» книги проф. Довнаръ-Запольскаго, въ особенности первая изъ нихъ. Критика «научныхъ схемъ» экономическаго развитія носитъ слишкомъ эскизный характеръ и мѣстами скользитъ по поверхности проблемы, до крайности упрощая при этомъ разбираемыя теоріи. Это въ особенности слѣдуетъ сказать о 6 стр. I гл., гдѣ авторъ говоритъ о схемѣ Зомбарта. Довольно неожиданнымъ является при этомъ преклоненіе автора передъ схемой г. Маслова, достоинствомъ которой г. Довнаръ-Запольскій признаетъ какъ разъ то, что вмѣстѣ съ Зомбартомъ онъ осудилъ у Бюхера, т. е. чисто «внѣшній признакъ» (пространственный принципъ), положенный г. Масловымъ въ основу его классификаціи хозяйственныхъ формъ. Принимая же во вниманіе, что въ схемѣ г. Маслова г. Довнаръ-Запольскаго особенно привлекаетъ мысль о «соотношеніи населенія и пространства», положенная въ основу этой схемы, трудно себѣ уяснить, почему же авторъ оставилъ безъ разсмотрѣнія теоріи Левелера, М. Ковалевскаго и Лоріа. Но особенно существеннымъ пробѣломъ данной главы, является почти полное игнорированіе авторомъ трудовъ и даже именъ изслѣдователей, которые въ разное время такъ или иначе потрудились надъ разработкой экономической исторіи русскаго народа. Прочитавъ первую главу, на основаніи замѣчаній автора, можно подумать, что онъ почти не имѣетъ въ данной области предшественниковъ. Случайный перечень именъ, который мы встрѣчаемъ на стр. 20, гдѣ нѣтъ даже упоминанія о Комаровѣ (Исторія торговли М. г.), о Ключевскомъ (Русскій рубль и др. пр.), о Милюковѣ («Очерки», Государств. хозяйство» и др.), о Рождественскомъ, о И. Кауфманѣ, М. Покровскомъ и мн. др.,—ничего не даетъ, и читателю такъ и остается неизвѣстнымъ, что же дѣйствительно было сдѣлано въ нашей исторической наукѣ по «исторіи рускаго народнаго хозяйства». Наконецъ, хотя авторъ и говоритъ, что хозяйственная жизнь народовъ развивается «по опредѣленнымъ законамъ», послѣдовательно проходя извѣстные «періоды», что «смѣну хозяйственныхъ формъ» у насъ можно было бы «сравнить съ аналогичными явленіями хо-

зяйственнаго развитія Западной Европы», тѣмъ не менѣе онъ удѣляетъ этому вопросу буквально двѣ-три строчки (стр. 39) и читателю такъ и остаются неизвѣстными характерныя особенности, хронологическія границы и экономическіе признаки тѣхъ «періодовъ», о которыхъ упоминаетъ авторъ. Система курса, какъ и схема хозяйственнаго развитія Россіи, такимъ образомъ, является совершенно неопредѣленной. Столь же мало въ указанномъ смыслѣ даетъ и слѣдующая II-я глава курса.

Впечатлѣніе совершенно мѣняется, какъ только авторъ вступаетъ на путь конкретнаго историческаго изученія. Здѣсь онъ чувствуетъ подъ своими ногами твердую почву и даетъ, въ цѣломъ, весьма цѣнный очеркъ хозяйственнаго быта древней Руси. И здѣсь не всегда можно согласиться съ отдѣльными выводами и заключеніями автора, но эти частности не отражаются на общихъ результатахъ его построеній. Серьезныя сомнѣнія, а подчасъ и недоумѣнія вызываютъ: интерпретація статей «Русской правды» о «рѣзахъ» (стр. 202—4) и институтѣ «закупничества» (стр. 310, 311), мнѣнія автора о «дороговизнѣ» скота и «дешевизнѣ» капитала въ древней Руси (199, 207, 223, 292), филологическое недоразумѣніе со словомъ «ногата» (стр. 67, 81, 208) и т. п. Но особенно не удовлетворяетъ читателя гл. XI этого отдѣла книги г. Довнаръ-Запольскаго, посвященная «землевладѣнію». Размѣры настоящей замѣтки не даютъ намъ возможности остановиться на ней съ должнымъ вниманіемъ. Отмѣтимъ только, что вопросъ о «субъектѣ владѣнія» поставленъ весьма сбивчиво, особенно, если принять во вниманіе крайнюю неточность юридической терминологіи автора, тамъ гдѣ онъ пользуется такими понятіями, какъ «владѣніе», «принадлежность» и т. п. (стр. 295, 296, 305, 310).

Въ основныхъ своихъ положеніяхъ, новый трудъ профессора Довнаръ-Запольскаго, отвѣчая давно назрѣвшей потребности, является несомнѣнно полезнымъ и цѣннымъ пособіемъ по экономической исторіи Россіи. Нельзя не пожелать автору довести до благополучнаго конца задуманный имъ трудъ.

Б. И. Сыромятниковъ.

— І. М. Гольдштейнъ. Синдикаты и тресты и современная экономическая политика. Часть І. Изданіе 2-ое. Цѣна 2 р. Москва. 1912 г.

Второе изданіе вышеозаглавленной книги Гольдштейна нѣсколько расширено по сравненію съ первымъ въ отдѣлахъ, посвященныхъ росту синдикатовъ и ихъ общей политикѣ. Но львиную

долю его по прежнему занимаетъ вопросъ о формированіи экспорта синдикатами и о ихъ дешевыхъ продажахъ за границу.

Книга цѣнна, главнымъ образомъ, обиліемъ собраннаго въ ней матеріала. Однако, матеріалъ этотъ не одинаковаго качества. Авторъ основательно знакомъ съ промышленнымъ строемъ Германіи и въ частности по своему вопросу приводитъ подробныя и очень интересныя данныя, почерпнутыя большею частью изъ первоисточниковъ. Иное приходится сказать объ Америкѣ. Здѣсь г. Гольдштейнъ беретъ свѣдѣнія почти исключительно изъ вторыхъ рукъ и совершенно не пользуется богатымъ матеріаломъ, заключающимся въ рядѣ оффиціальныхъ изслѣдованій, вродѣ напр., Reports of Bureau of Corporations и т. д. Благодаря этому, его данныя носятъ случайный, отрывочный характеръ и не свободны отъ ошибокъ. Такъ напр., онъ утверждаетъ, (стр. 227), что стальной трестъ вырабатывалъ въ 1909 году 40% мірового производства кокса, а на самомъ дѣлѣ послѣдній выработалъ за этотъ годъ всего 34,6% американскаго, а не мірового производства. По г. Гольдштейну Америка вывезла за 1898/1899 годъ 12,7, а за 1908/1909—38,3 милліона тоннъ угля. По оффиціальнымъ же американскимъ даннымъ вывозъ за 1908 годъ равнялся 7,1 милл. тоннъ, а за 1909—11,8 мил. тоннъ [1]). Такимъ образомъ по г. Гольдштейну вывозъ увеличился слѣдовательно на 200%, а по оффиціальнымъ даннымъ не больше, какъ на 50%. Неточны также цифры г. Гольдштейна о вывозѣ и производствѣ нефти [2]), о капитализаціи желѣзныхъ дорогъ въ 1903 году, о вывозѣ цемента и т. д. Одни изъ нихъ взяты изъ газетъ, другія—неизвѣстно откуда.

Задача, поставленная авторомъ, доказать, что синдикаты продаютъ за границу по дешевымъ цѣнамъ и форсируютъ экспортъ съ цѣлью сжать внутренній рынокъ и повысить внутреннія цѣны—очень трудна. Дешевыя продажи за границу вовсе не составляютъ явленія послѣдняго времени—онѣ, какъ отмѣчаетъ и самъ г. Гольдштейнъ, практиковались еще во времена А. Смита и вызывались самыми разнообразными причинами: 1) болѣе острой конкурренціей на международномъ рынкѣ сравнительно съ внутреннимъ, 2) желаніемъ завоевать новую область сбыта, 3) необходимостью какъ-нибудь реализовать избытокъ продукта при внутреннемъ перепроизвод-

---

[1]) См. Statistical Abstract of. U. S. 1910 годъ, стр. 433. Гольдштейнъ, правда, оговаривается, что оффиціальныя данныя будто бы невѣрны, но откуда онъ беретъ свои данныя и почему они вѣрнѣе оффиціальныхъ, остается неизвѣстнымъ.

[2]) Сравн. Гольдштейнъ и отчеты Американскаго Геологическаго Департамента (Geological Survey) за соотвѣтствующіе годы.

ствѣ и т. д. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣло мѣсто и форсированіе экспорта синдикатами. Но для того, чтобы доказать наличность такого явленія необходимъ тщательный и подробнѣйшій анализъ условій, при которыхъ производился экспортъ. Пріемы г. Гольдштейна въ этомъ отношеніи оставляютъ желать многаго. Что касается Америки и Австріи, то онъ ограничивается почти исключительно указаніемъ отдѣльныхъ фактовъ: напр., увеличеніе экспорта, или паденіе экспортныхъ цѣнъ, или выдачи экспортныхъ премій со стороны синдикатовъ. Но такіе факты точно ничего не доказываютъ. Возьмемъ, напр., хотя бы извѣстный нефтяной трестъ, нерѣдко продававшій въ Германіи по цѣнамъ значительно болѣе низкимъ, нежели въ Нью-Іоркѣ. Казалось бы, фактъ на лицо. Но если мы вникнемъ въ дѣло поглубже, то увидимъ, что, во-первыхъ, трестъ во многихъ мѣстахъ Америки продавалъ керосинъ не только дешевле, чѣмъ въ Нью-Іоркѣ, но даже дешевле, чѣмъ въ Германіи; во-вторыхъ, что въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ онъ продавалъ дороже, чѣмъ въ Америкѣ. Дѣло объясняется просто: цѣны понижались тамъ, гдѣ трестъ встрѣчалъ конкуррентовъ, а гдѣ ихъ не было, цѣны повышались. Въ частности въ Германіи цѣны были низки, именно потому, что здѣсь Standard Oil Company ожесточенно боролась съ другой американской фирмой Pure Oil Company и нѣсколькими нѣмецкими фирмами. Г. Гольдштейнъ же считаетъ возможнымъ сказать: тактику форсированья дешеваго экспорта примѣняла въ самыхъ широкихъ размѣрахъ Standard Oil Company, и въ доказательство приводитъ лишь указаніе на ростъ экспорта нефтяныхъ продуктовъ (напр. керосина на 34%) за 1900—1909 гг., забывая притомъ отмѣтить, что и производство за этотъ періодъ выросло почти втрое.

Болѣе обстоятельный анализъ вопроса даетъ г. Гольдштейнъ по Германіи, но и здѣсь онъ мѣстами ограничивается лишь указаніями на отдѣльные факты, а иногда не свободенъ и отъ ошибокъ. Напр., доказывая, что желѣзные синдикаты удерживаютъ цѣны на высокомъ уровнѣ даже во время кризисовъ, онъ говоритъ, что цѣна тонны чугуна въ 1900 году равнялась 88 маркамъ, а въ 1901 году, когда наступилъ кризисъ, повысилась до 102 марокъ. Между тѣмъ кризисъ сталъ остро ощущаться въ Германіи лишь въ 1902 году, когда цѣны на всѣ желѣзные продукты и въ томъ числѣ на чугунъ упали почти на 30% [1]). Доказывая, что Германія выбрасывала свой чугунъ въ Англію и сильно пони-

[1]) См. отчетъ правительственнаго агента Völker'а въ Kontradictorische Verhandlungen 1904. Heft 5, стр. 138.

жала англійскія цѣны, повышая въ то же время свои, г. Гольдштейнъ приводитъ слѣдующую таблицу.

	Цѣна за чугунъ № 3 въ Англіи.	Цѣна за чугунъ № 3 въ Германіи.
1899	67,8 марокъ	92 марки
1900	54,3 марки	98 марокъ.
	—19,9%	+6,5%.

Между тѣмъ въ дѣйствительности англійскія цѣны на литейный чугунъ № 3 въ 1899 году равнялись 67,9 маркамъ, а въ 1900 году [1]) 80,52 м., т. е. повысились больше чѣмъ германскія. Откуда взялъ свои цифры Гольдштейнъ, мы не знаемъ.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что книга написана тяжеловатымъ языкомъ, изобилуетъ длиннѣйшими періодами и ненужными иностранными словами (напр. консумъ вмѣсто потребленіе и т. п.).

М. И. Назаревскій.

— А. О. Гушко. Представительныя организаціи торгово-промышленнаго класса въ Россіи. Спб. 1912.

Книжка эта посвящена явленію, имѣющему важное значеніе въ экономической и частью соціальной жизни нашей страны, явленію, о которомъ постоянно поминается въ печати, но которое ни разу еще не становилось предметомъ спеціальнаго изученія. Явленіе это — организація капиталистовъ-предпринимателей для защиты своихъ классовыхъ интересовъ путемъ воздѣйствія на общественное мнѣніе и правительства. Авторъ разсматриваемаго нынѣ нами труда, А. О. Гушко, для 1910 г. насчиталъ 143 организаціи промышленниковъ и торговцевъ, частью или исключительно вѣдающихъ защиту этихъ интересовъ, и данныя организаціи составляютъ приблизительно 80% всего числа капиталистическихъ союзовъ Россіи; остальные 20% таковыхъ распредѣляются между организаціями, созданными для борьбы съ рабочими (5) и союзами, имѣющими въ виду воздѣйствіе на потребителей (15). Работа А. О. Гушко о представительныхъ организаціяхъ торгово-промышленнаго класса является разработкой данныхъ анкеты, предпринятой Русскимъ Техническимъ Обществомъ по иниціативѣ и программѣ автора. На призывъ общества изъ 143 ор-

[1]) См. Report of Iron and Steel Association за 1905 г., стр. 128.

ганизацій откликнулось 62 или 43%; но представительное значеніе этихъ 62-хъ организацій гораздо выше, такъ какъ въ ихъ число вошло громадное большинство самыхъ крупныхъ и вліятельныхъ простыхъ и сложныхъ союзовъ. И дѣйствительно, согласно разсчетамъ и соображеніямъ автора, можно полагать, что подвергнутыя изслѣдованію представительныя организаціи обнимаютъ приблизительно около 20 тысячъ отдѣльныхъ крупныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. По этой цифрѣ можно судить одновременно и о степени объединенія для данной цѣли торгово-промышленнаго капитала, объединенія, охватившаго громадное большинство по крайней мѣрѣ крупныхъ промышленныхъ предпріятій, и о значеніи въ дѣлѣ изученія этого объединенія разсматриваемаго нами труда.

Работа г. Гушко будучи первой сводкой собраннаго Техническимъ Обществомъ матеріала, выясняетъ, главнымъ образомъ, внѣшнюю сторону представительныхъ учрежденій торгово-промышленнаго класса; но тѣ же матеріалы заключаютъ богатыя данныя для изученія существа дѣятельности этихъ учрежденій, которое рисуется въ работѣ г. Гушко лишь немногими иллюстраціями. И мы вправѣ надѣяться, что матеріалъ Технич. Общ. не останется лежать втунѣ: представительныя организаціи промышленниковъ играютъ слишкомъ видную роль въ нашей экономической жизни для того, чтобы не воспользоваться случаемъ ближе изучить этотъ, быть можетъ, важнѣйшій въ данное время фактъ сознательнаго воздѣйствія общественныхъ классовъ на ходъ нашихъ экономическихъ дѣлъ. Объ участіи представителей крупной промышленности и торговли въ различныхъ оффиціальныхъ совѣщаніяхъ и учрежденіяхъ, и о сочувственномъ отношеніи правительства къ ихъ познаніямъ мы постоянно читаемъ въ газетахъ. Но лишь собранные Техническимъ Обществомъ печатные и рукописные матеріалы открываютъ возможность болѣе или менѣе полнаго учета той роли, какую представительство торгово-промышленнаго класса играло въ области новѣйшихъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій правительства.

Дѣло въ томъ, что защита представительными учрежденіями торговцевъ и промышленниковъ своихъ интересовъ сводится почти исключительно къ ходатайствамъ предпринимателей передъ начальствомъ, ходатайствамъ, не имѣющимъ, однако,—поясняетъ г. Гушко,—характера унизительныхъ просьбъ, а состоящимъ въ настойчивомъ давленіи на органы власти. Правительство само идетъ навстрѣчу этому давленію: обращается къ организаціямъ за данными или заключеніями по всѣмъ почти вопросамъ, касающимся промышленности и торговли, командируетъ своихъ представителей на съѣзды предпринимателей, приглашаетъ представителей послѣднихъ къ уча-

стію въ предварительномъ обсужденіи своихъ предположеній, и неоднократно измѣняетъ, согласно указаніямъ промышленниковъ, составляемые имъ проекты законовъ. Словомъ, наряду съ Государственной Думой фигурируетъ въ интересахъ крупныхъ предпринимателей настоящеее преддумье, фактически, пожалуй, больше вліяющее на законодательство, чѣмъ Госуд. Дума», не только потому, что «къ капиталистическому парламенту не примѣняется ст. 87», но и по причинѣ того, что отъ имени внѣпартійнаго въ идеѣ правительства въ Думу вносятся законопроекты, наилучше разработанные именно съ точки зрѣнія крупныхъ предпринимателей. Правительство высказываетъ особенное расположеніе къ классу капиталистовъ не только описаннымъ выше вниманіемъ къ его интересамъ, но и кокетничаньемъ съ его представителями, и г. Гушко напоминаетъ объ установившемся обычаѣ, «по которому каждый вновь назначенный министръ торговли и промышленности считаетъ своимъ долгомъ совершить путешествіе въ Москву, представиться тамъ въ зданіи биржи представителямъ крупнаго капитала и изложить свою программу» (с. 168).

Если къ сказанному прибавить, что нѣкоторымъ организаціямъ капиталистовъ предоставлены функціи публично-правового характера (вродѣ права обложенія и тѣхъ фирмъ, которыя не входятъ въ организацію, причемъ правительство беретъ на себя роль сборщика такихъ капиталистическихъ налоговъ) и что г. Гушко насчиталъ до 30 правительственныхъ учрежденій исполнительнаго характера, въ коихъ на правахъ членовъ участвуютъ делегаты представительныхъ капиталистическихъ учрежденій, то нельзя, кажется, не придти къ заключенію, что и, не обладая надлежащимъ представительствомъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ, наша торгово-промышленная буржуазія пользуется огромнымъ вліяніемъ на направленіе экономической политики правительства. Анкета Рус. Техническаго Общества собрала, такимъ образомъ, матеріалъ для разрѣшенія стараго въ нашемъ обществѣ разногласія по вопросу о томъ— можно ли возлагать серьезныя надежды на то, что въ своихъ классовыхъ интересахъ, русская буржуазія, подобно своему западно-европейскому собрату, сдѣлается борцомъ за политическую свободу и парламентскій строй, или вѣрнѣе будетъ полагать, что она прекрасно приспособилась, въ дѣлѣ защиты своихъ интересовъ, къ существующимъ порядкамъ, когда господствующимъ факторомъ,—при конституціи, и безъ нея, — является бюрократія, и, слѣдовательно, всякое расширеніе законодательнаго вліянія народа гораздо болѣе умножитъ число активныхъ ея противниковъ, чѣмъ защитниковъ, и представляется поэтому для нея небезопаснымъ. Символическимъ въ

этомъ отношеніи является судьба единственной, кажется, попытки образованія въ бурный 1905 г. торгово-промышленной партіи: партіи такой не образовалось, но, вмѣсто нея, возникъ одинъ изъ вліятельнѣйшихъ въ выше разъясненномъ смыслѣ союзъ,—«Совѣтъ Съѣздовъ представителей промышленности и торговли».

В. В.

— Фабричный инспекторъ Московской губерніи инженеръ И. М. Козьминыхъ-Ланинъ. Девятилѣтній періодъ (1901—09 гг.) фабрично-заводской промышленности Московской губерніи.

Неутомимый изслѣдователь фабричнаго быта Московской губ., И. М. Козьминыхъ-Ланинъ, продолжаетъ издавать выпускъ за выпускомъ, таблицы различныхъ матеріаловъ по данному предмету. Настоящій выпускъ, состоящій изъ 31 подробной таблицы на отдѣльныхъ большихъ листахъ и небольшой тетради сводныхъ таблицъ съ краткимъ текстомъ, посвященъ вопросу о распредѣленіи рабочихъ по полу и возрасту, о заработкахъ рабочихъ, о формахъ расплаты съ рабочими, о штрафномъ капиталѣ и пособіяхъ изъ него, выдаваемыхъ рабочимъ за каждый годъ девятилѣтія 1901—09 гг., причемъ данныя группируются въ нихъ по тринадцати группамъ производствъ (обработка хлопка, металловъ и т. д.) съ одной стороны и по шести разрядамъ промышленныхъ предпріятій (съ тысячью и болѣе рабочими, 500 до 1.000 рабочихъ и т. д.)—съ другой. Свойство матеріала (записи фабричной инспекціи), къ сожалѣнію, не дали возможности расчленить данныя о заработкахъ рабочихъ по полу и возрасту, и вслѣдствіе этого обстоятельства среднія цифры заработковъ въ данномъ изданіи,—при различіи возрастнаго и полового состава рабочихъ (женскій и дѣтскій трудъ оплачивается дешевле мужского),—не даютъ правильнаго понятія о различіи высоты вознагражденія труда въ сравниваемыхъ случаяхъ.

Изданія г. Козьминыхъ-Ланина составляютъ подготовительный матеріалъ для разнаго рода изслѣдованій, и будемъ надѣяться, что наши экономисты не оставятъ его безъ вниманія. Самъ авторъ, впрочемъ, тоже обѣщаетъ, по окончаніи заданной имъ себѣ первоначальной работы составленія и изданія таблицъ,—заняться разработкой этого богатаго матеріала, сопоставляя, гдѣ это возможно, новѣйшія данныя съ тѣми, которыя собраны были другими изслѣдователями въ прежнія времена.

Разсматриваемый трудъ г. Козьминыхъ-Ланина заключаетъ между прочимъ удобно сгруппированный матеріалъ по нѣкоторымъ вопросамъ эволюціи промышленности. Сырой матеріалъ, коимъ

пользовался авторъ, открываетъ возможность установить не только итоги измѣненій, испытанныхъ промышленностью въ крупныхъ ея подраздѣленіяхъ, но и молекулярные, такъ сказать, процессы, взаимодѣйствіе коихъ обусловило данный итогъ. Возможность эта дана наличностью у автора свѣдѣній о положеніи каждаго промышленнаго предпріятія въ каждый годъ изслѣдуемаго періода, и разработка ихъ съ точки зрѣнія эволюціи этихъ самыхъ предпріятій помогла бы лучше выяснить процессъ развитія нашей крупной промышленности. В. В.

— Николай Гастфрейндъ. Товарищи Пушкина по Императорскому Царскосельскому Лицею. Томъ I. Стр. 563. Спб. 1912 г. Ц. 3 р.

Въ своихъ запискахъ о Пушкинѣ, напечатанныхъ въ Атенеѣ 1859 г., ближайшій и лучшій другъ поэта—И. И. Пущинъ,—писалъ, что «можетъ быть, когда-нибудь появится цѣлый рядъ воспоминаній о лицейскомъ своеобразномъ бытѣ перваго курса, съ очерками личностей, которыя потомъ заняли свои мѣста въ общественной сферѣ; большая часть изъ нихъ уже исчезла, но оставила отрадное памятованіе въ сердцахъ не однихъ своихъ товарищей». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Пущинъ выражаетъ сожалѣніе, что опрометчиво сжегъ свой лицейскій дневникъ, въ которомъ «нашлось бы многое, теперь отуманенное; всплыли бы нѣкоторыя завѣтныя мелочи,—печать того времени». Многія изъ этихъ «завѣтныхъ мелочей» такъ и остались для насъ погребенными, но, въ общемъ, предсказаніе Пущина о грядущихъ изслѣдованіяхъ своеобразнаго лицейскаго быта перваго курса начинаетъ въ послѣднее время сбываться. Къ такого рода трудамъ относится и задуманный Н. Гастфрейндомъ словарь лицеистовъ, первый томъ котораго недавно вышелъ. Въ немъ содержатся подробныя біографіи десяти товарищей Пушкина по лицею: Вольховскаго, Горчакова, Маслова, Кюхельбекера, Ломоносова, Корсакова, Корфа, Стевена и Комовскаго. Жизнь ихъ прослѣжена авторомъ со школьной лицейской скамьи вплоть до смерти каждаго изъ нихъ. Сгруппировавъ имѣвшійся въ его распоряженіи матеріалъ вокругъ отдѣльныхъ «лицейскихъ», г. Гастфрейндъ, правда, обрекъ свой трудъ на неизбѣжныя повторенія и нѣкоторую мозаичность, но все-таки уже по первому тому можно сказать, что въ общемъ вырисовывается довольно яркая картина какъ лицейской жизни, такъ и дальнѣйшихъ жизненныхъ шаговъ товарищей Пушкина.

Лицейская среда, какъ извѣстно, выдѣлила изъ своихъ рядовъ много лицъ, оставившихъ видный слѣдъ въ исторіи Россіи. О нихъ

и ихъ воспитателяхъ появлялись до сихъ поръ отдѣльныя отрывочныя свѣдѣнія, терявшіяся въ гущѣ историческихъ журналовъ, но сводки этихъ матеріаловъ, если не считать неполной внѣшней оффиціальной исторіи лицея, составленной Селезневымъ, не было до самаго послѣдняго времени. Книга г. Гастфрейнда стремится пополнить этотъ пробѣлъ и достигаетъ своей цѣли. Авторъ ея тщательно и исчерпывающе использовалъ и обобщилъ опубликованные матеріалы объ отдѣльныхъ лицеистахъ и дополнилъ ихъ важными архивными документами, въ печати не появлявшимися. Изъ нихъ наиболѣе цѣнно собраніе 37 писемъ бывшаго директора лицея Е. А. Энгельгардта, охватывающихъ періодъ времени отъ іюня 1819 года по сентябрь 1840 года. Эти письма даютъ богатый матеріалъ для сужденій, какъ о благородномъ обликѣ ихъ автора, человѣка исключительно выдающагося для своего времени,—такъ и о взаимныхъ отношеніяхъ бывшихъ лицеистовъ между собой и содержатъ очень много фактическихъ данныхъ. Е. А. всю свою жизнь не переставалъ слѣдить за судьбою своихъ питомцевъ и добросовѣстно отмѣчалъ лавры и терніи на ихъ пути. Выдержки изъ этихъ писемъ приведены во многихъ мѣстахъ книги г. Гастфрейнда. Интересно было бы, между прочимъ, прослѣдить вліяніе взглядовъ и воззрѣній Энгельгардта, высказанныхъ имъ въ нѣкоторыхъ изъ впервые опубликованныхъ г. Гастфрейндомъ письмахъ, на воспитанниковъ. Въ частности, любопытно было бы сопоставить письма Энгельгардта къ Вольховскому, въ которыхъ Е. А. говоритъ о необходимости считаться въ жизни только со своей совѣстью и «долгѣ человѣка-гражданина» съ попытками будущаго декабриста Пущина, пожелавшаго по окончаніи лицея поступить на службу сперва околодочнымъ надзирателемъ, а затѣмъ судьей, что по понятіямъ его времени и его круга считалось крайне зазорнымъ и непростительнымъ легкомысліемъ (см. его «Записки» и интересныя «Воспоминанія объ И. И. Пущинѣ» Е. И. Якушкина).

Изъ приводимыхъ г. Гастфрейндомъ отзывовъ воспитателей объ отдѣльныхъ лицеистахъ вырисовывается общая картина лицейской жизни и отношеній между воспитателями и воспитанниками. Больше всего вниманія удѣлилъ г. Гастфрейндъ Вольховскому, жизнь котораго наиболѣе внимательно прослѣжена. Много мѣста удѣлено отношеніямъ Вольховскаго и Паскевича, который, какъ выясняется, нисколько не скрывалъ, что ненавидитъ своего подчиненнаго. Въ этомъ отношеніи представляетъ интересъ приводимый г. Гастфрейндомъ, со словъ барона Торнау, разсказъ о ложной тревогѣ по поводу донесенія о взятіи Ахалцыха и ночного разговора Паскевича и Вольховскаго (стр. 73—74). Не менѣе любо-

пытны и данныя о роли кн. Горчакова, какъ дипломата, фигура котораго изъ сводки приведенныхъ г. Гастфрейндомъ матеріаловъ, обрисовывается довольно рельефно. Къ барону Корфу его біографъ относится не совсѣмъ безпристрастно (не находится ли это въ связи съ отзывомъ Корфа о Вольховскомъ?), слѣдуя иногда методу автора знаменитой записки о Пушкинѣ. Нѣкоторой придиркой къ барону Корфу звучатъ слова: «захлебываясь отъ восторга, біографы пускаются въ разсужденія о самообразованіи Корфа по выходѣ изъ Лицея. Нѣтъ ничего удивительнаго, что молодой человѣкъ по выходѣ изъ Лицея, вмѣсто кутежей, принялся за чтеніе историческихъ книгъ и сталъ дѣлать библіографическія замѣтки. Всякій интеллигентный человѣкъ учится весь свой вѣкъ, дополняя свое образованіе во всю свою жизнь. Ему остается утѣшеніе, что онъ все же умретъ дуракомъ». Можно, конечно, различно относиться къ барону, который уже однимъ своимъ участіемъ въ печальнѣйшей памяти цензурномъ комитетѣ 2 апр. 1848 г. оставилъ по себѣ столь несвѣтлую память, но все же нельзя забывать, что онъ былъ человѣкомъ просвѣщеннымъ и выдвинулся своею плодотворною дѣятельностью въ Публичной библіотекѣ на посту ея директора. Да и не стали же, наконецъ, заниматься чтеніемъ историческихъ книгъ и библіографическими замѣтками Горчаковъ и Вольховскій.

Еще болѣе пристрастно и съ нескрываемымъ, ничѣмъ не обоснованнымъ недоброжелательствомъ отнесся авторъ къ снискавшему общую любовь его знавшихъ товарищу Пушкина—Пущину, который, по словамъ г. Гастфрейнда, «ловко прикрывался трескучими фразами объ общей пользѣ, о трудѣ для пользы общественной, которыя выразились въ глупомъ пронусіаментѣ на Сенатской площади, гдѣ въ одураченный народъ и солдатъ палили картечью».

Такъ говорить про благороднѣйшаго представителя своего времени, дружбою съ которымъ открыто гордился Пушкинъ, можно только въ какомъ-то ослѣпленіи! Сплошнымъ кощунствомъ и намѣреннымъ искаженіемъ истины надо назвать въ историческомъ трудѣ слова о «трескучихъ фразахъ» человѣка, поражавшаго своей правдивостью и искренностью даже слѣдственную комиссію, строго согласовавшему свою жизнь и поступки съ внутренними убѣжденіями и велѣніями совѣсти, не остановившись передъ тѣмъ, чтобы промѣнять блестящую карьеру офицера на скромную роль служителя правосудія. Или такъ сильны ненависть къ «декабризму» и гипнозъ оффиціальнаго положенія, что даже спустя 100 лѣтъ не можетъ г. Гастфрейндъ объективно отнестись къ героической попыткѣ кружка идеалистовъ и безъ раздраженія говорить о дѣлахъ «давно минув-

шихъ дней»? Понятно, что при такомъ отношеніи къ декабристамъ, одна принадлежность къ которымъ такъ незаслуженно возстановила г. Гастфрейнда противъ Пущина, авторъ всѣми силами старается доказать, что его любимецъ Вольховскій не принималъ никакого участія въ «траги-комедіи освободительнаго движенія» и «шутовскомъ возстаніи». Участіе или неучастіе Вольховскаго въ декабристскомъ движеніи, конечно, никакого значенія не имѣетъ и можетъ представлять кое-какой интересъ только лишь, какъ одинъ изъ штриховъ къ его характеристикѣ, но все же, въ интересахъ объективности, надо отмѣтить, что аргументація г. Гастфрейнда довольно слаба и, какъ изъ приводимыхъ имъ фактовъ, такъ и изъ показаній декабристовъ, можно, наоборотъ, заключить, что Вольховскій въ движеніи былъ замѣшанъ, но счелъ для себя болѣе выгоднымъ отъ этого отречься.

Въ общемъ, однако, трудъ г. Гастфрейнда, интересный и содержательный, займетъ видное мѣсто въ литературѣ о Царскосельскомъ Лицеѣ.

О.

Въ теченіе мая въ редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Аверченко, Аркадій. Круги по водѣ. Разсказы. Изд. второе М. Г. Корнфельда. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Алавердянцъ, М. Я. Графъ И. Ѳ. Паскевичъ-Эриванскій. Спб., 1912 г.

Ан—скій, С. А. Собраніе сочиненій. Томъ 2. Первая брешь. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., Цѣна 1 р. 25 коп.

Аппель, П. и С. Дошевиллъ. Курсъ теоретической механики. Пер. съ франц. Выпускъ II. Изд-во «Матезисъ». Одесса, 1912 г. Цѣна 2 р. 50 коп.

— Выпускъ II. Цѣна 2 р. 50 коп.

Арреніусъ Сванте. Судьба планетъ. Пер. съ нѣм. Книгоизд-во «Наука». Москва, 1912 г. Цѣна 30 коп.

— Вселенная. Цѣна 20 коп.

Бальмонтъ, К. Д. Полное собр. стиховъ. Томъ девятый. Птицы въ воздухѣ. Изд. второе. Книгоизд-во «Скорпіонъ». 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Безобразова, М. В. Изъ одного альбома. Спб. Цѣна 80 коп.

Беловъ, Георгъ фонъ, проф. Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи. Пер. съ нѣм. Изд-во М. и С. Сабашниковыхъ. Москва. Цѣна 1 р. 25 коп.

Бергъ, Э. П. Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго. Варшава, 1912 г.

Березинъ, Н. Образовательныя поѣздки въ средней школѣ. Изд. Тенишевскаго училища. Изд. второе. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Бискъ, Александръ. Стихи. Спб., 1912 г. Цѣна 80 коп.

Боборыкинъ, П. Столицы міра (тридцать лѣтъ воспоминаній). К-во «Сфинксъ». Москва, 1911 г. Цѣна 2 р. 75 коп.

Богаевскій, Б. Земля и почва въ землед. представленіяхъ древней Греціи. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Бойезенъ, Алъжернонъ. Наполеонъ. Пьеса. Пер. съ англ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 30 коп.

Бродскій, А. Л., Кашкаровъ, Д. Н. и *Станчинскій, В. А.* Зоологическая хрестоматія. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва. 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Брусянинъ, В. В. Часъ смертный. Кн-во «Литературное дѣло» Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Валаевъ, А. А. Сбытъ хлѣба и участіе въ немъ земск. и коопер. организацій. Белебей 1912 г. Цѣна 50 коп.

Великій Князь Николай Михайловичъ. Петербургскій Некрополь. Томъ первый (А—Г). Спб., 1912 г.

Венгеровъ, С. А. Собр. соч. Томъ III. Передовой боецъ славянофильства К. Аксаковъ. Изд-во «Прометей». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Вериго, Б. Ф. Единство жизненныхъ явленій. Изд-во «Матезисъ». Одесса 1912 г. Цѣна 2 руб.

Вихертъ, Э. проф. Введеніе въ геодезію. Пер. съ нѣм. Второе изд. Кн-во «Матезисъ». Одесса, 1912 г. Цѣна 35 коп.

Воиновъ, К. Н. Миніатюры. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб. Цѣна 1 р. 25 к.

Вяткинъ, Г. Подъ сѣвернымъ солнцемъ. Изд. сибирскаго т-ва печатнаго дѣла въ Томскѣ. Изд. третье. 1912 г. Цѣна 75 коп.

Галанинъ, Д. Д. Образованіе и обученіе. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Гальперинъ, Михаилъ. Мерцанія. Собр. стиховъ. Книгоизд-во «Графика». Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Гауптманъ, Г. Во власти океана. Романъ. Пер. съ нѣм. Изд. т-ва И. Д. Сытина. Москва 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Герасимовъ, Н. Кончина града. Драм. пов. Москва, 1912 г.

Гинцбургъ, Б. Логическіе выводы о народномъ представительствѣ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Глаголевъ, Н. Къ звѣздамъ. Исторія воздухоплаванія. Книга первая. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 80 коп.

Грабовскій, А. М. «Омы» въ электротехникѣ за послѣдніе 50 лѣтъ и проектъ «нормальнаго ома». Изд. 2-е. Одесса, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Гротъ, П. проф. Введеніе въ химическую кристаллографію. Пер. съ нѣм. Изд-во «Матезисъ». Одесса, 1912 г. Цѣна 80 коп.

Гумилевъ, Н. Чужое небо. Третья книга стиховъ. Изд. «Аполлона». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Гуревичъ, Любовь. Литература и эстетика. Критич. опыты и этюды. Кн-во «Русская Мысль». Москва 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Дворниковъ, П. и *Соколовъ, С.* Краткій курсъ географіи росс. имперіи. Москва, 1912 г. Цѣна 90 коп.

Ждановъ, Левъ. Послѣдній фаворитъ (Екатерина II и Зубовъ). Книгоизд-во «Сфинксъ». 1911 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Захаровъ, Н. А. Система русской госуд. власти. Юридическое изслѣдованіе. Новочеркасскъ. 1912 г. Цѣна 1 р. 95 коп.

Зомбартъ, Вернеръ. Крещеніе евреевъ. Пер. съ нѣм. Унив. кн-во Л. А. Смоляръ. Москва 1912 г. Цѣна 85 коп.

Ивановъ, Вячеславъ. Cor ardens. Часть вторая. Москва. Изд-во «Скорпіонъ». 1912 г. Цѣна 2 р.

Ипатовъ, В. М. Основаніе анализа безконечно-малыхъ и собраніе задачъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Кассиреръ, Э. Познаніе и дѣйствительность. Изд-во «Шиповникъ». Спб., 1912 г. Цѣна 3 руб.

Кистяковскій, Б. Страницы прошлаго. Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Клейнъ, Ф. проф. Вопросы элементарной и высшей математики. Ч. I. Ариѳметика, алгебра и анализъ. Пер. съ нѣм. Одесса. Изд-во «Матезисъ». 1912 г. Цѣна 3 руб.

Кожевниковъ, В. А. Современное научное невѣріе. Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Козьминыхъ-Ланинъ, И. М. инж. Продолжительность рабочаго дня и рабочаго года на фабр. и зав. Московской губ. Изд. постоянной ком. музея содѣйствія труду при московск. отд. Импер. р. техн. о-ва. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Коллонтай, А. По рабочей Европѣ. Силуэты и эскизы. Изд. М. И. Семенова. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 35 коп.

Конъ, Э., Пуанкаре, Г. Пространство и время съ точки зрѣнія физики. Изд-во «Матезисъ». Одесса, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Корниловъ, А. Курсъ исторіи Россіи XIX в. Часть I. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

— Часть II. Цѣна 1 р. 25 коп.

Кохманскій, Павелъ. Половой вопросъ. Москва, 1912 г. Цѣна 80 коп.

Криницкій, Маркъ. Молодые годы Долецкаго. Романъ. Изд-во «Польза». Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Кудишъ, Брониславъ. Лунные напѣвы. 1912 г. Цѣна 60 коп.

Куклярскій, Федоръ. Осужденный міръ (философія человѣкоборческой природы). Изд-во «Общ. Польза». Спб., 1912 г. Цѣна 2 руб.

Лебъ, проф. Жизнь. Пер. съ нѣм. Изд-во «Матезисъ». Одесса, 1912 г. Цѣна 30 коп.

Леви, Артуръ. Наполеонъ въ интимной жизни. Пер. съ фр. «Универс. кн-во», Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Леманъ, Владиміръ. Разсказы. Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Леонтьевъ, В. В. Объ изученіи положенія рабочихъ. Спб., 1912 г. Цѣна 60 коп.

Лоджъ, Оливеръ. Міровой Эфиръ. Пер. съ англ. Изд-во «Матезисъ». Одесса, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Ложье, Цезаръ. Дневникъ офицера великой арміи въ 1812 году. Пер. съ фр. Москва, 1912 г. Цѣна 80 коп.

Лосицкій, А. Е. Распаденіе общины. Спб., 1912 г. Цѣна 60 коп.

Лондонъ, Джекъ. Обреченные. Пер. съ англ. Кн-во «Прометей». Спб., 1912 г. Цѣна 1 руб.

Лосскій, Н. Логика проф. А. И. Введенскаго. Москва, 1912 г. Ц. 30 к.

Лучининъ, Леонидъ. Настроенія. Изд. Л. В. Шестаковскаго. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Матеріалы по экономическому изслѣд. внутр. водныхъ путей. Отдѣлъ первый. Томъ I. Вып. I. Изд. м-ва п. сообщ. Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Миславскій, Н. Поземельная община въ Россіи. Москва, 1911 г. Цѣна 80 коп.

Михайловъ. П. Е. Обычный институтъ старожильства и крѣпостное право. Спб., 191 г. Цѣна 40 коп.

Міэ, Г. Жизнь и ея проявленія. Пер. съ нѣм. Изд-во М. и С. Сабашниковыхъ. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Мопассанъ, Гюи де, Полное собр. соч. Томъ XXVIII. Коробейникъ и др. разск. Изд. «Шиповника». Спб., Цѣна 1 руб.

— Томъ XXVI. Театръ и стихи. Пер. съ фр. Изд-во «Шиповникъ». Спб., Цѣна 1 руб.

Мюлау-фонъ, Елена. Исповѣдь глупой женщины. Пер. съ нѣм. Москва Универс. книгоизд-во Л. А. Столяръ. 1912 г. Цѣна 1 руб.

Нейманъ, Анна. Что было въ Россіи сто лѣтъ тому назадъ. Москва, 1912 г. Цѣна 10 коп.

Оревильи, Барбэ. Дендизмъ и Джоржъ Бреммель. Кн-во «Альціона», Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Осиповичъ, Н. М. Собр. соч. Томъ 3-й. Изд-во «Просвѣщеніе». Спб., 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Переверзевъ, В. Ѳ. Творчество Достоевскаго. Кн-во «Современныя проблемы». Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Пойнтингъ, Дж. Давленіе свѣта. Пер. съ англ. Изд-во «Матезисъ». Одесса, 1911 г. Цѣна 50 коп.

Пругавинъ, А. С. «Братцы» и трезвенники. Книгоизд-во «Златоцвѣтъ» Москва 1912. г. Цѣна 40 коп.

Пшибышевскій, Станиславъ. Сильный человѣкъ. Романъ. Переводъ съ рукописи. Изд. «Польза». Москва, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Роланъ, Ромэнъ. Жизнь Бетховена. Пер. съ фр. Спб. Изд. М. И. Семенова. 1912 г. Цѣна 1 руб.

Рубашева, А. М. Особые суды для малолѣтнихъ. Томъ I. Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Саввинъ, Н. А. Дѣти въ произведеніяхъ Глѣба Успенскаго. Н.-Новгородъ, 1912 г. Цѣна 20 коп.

Тарасова, Е. П. Дѣтскій судъ за границей и въ Россіи. Москва, 1912 г. Цѣна 50 коп.

Тардовъ, В. Г. Странникъ. Стихи. Изд-во «Трилистникъ». Москва, 1912 г. Цѣна 1 р.

Фрисъ, Іуго де. Мутаціи и періоды мутацій при происхожденіи видовъ. Пер. съ нѣм. Изд. М. И. Семенова. Спб., 1912 г. Цѣна 35 коп.

Циммерманъ, А. и *Рѣжицынъ, М.* «Пѣсни пѣсенъ» — стих. Вильна, 1911 г. Цѣна 10 коп.

Чернышевъ, В. Въ защиту живого слова. Спб., 1912 г. Цѣна 50 коп.

Шагинянъ, М. О блаженствѣ имущаго. Поэзія З. Н. Гиппіусъ. Кн-во «Альціона». Москва, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Шапиръ, Ольга. Собр. соч. Томъ IX. Вы и мы. Кн-во «Просвѣщеніе». Спб., Цѣна 1 р. 50 коп.

Шарковъ, В. В. Учебникъ русской исторіи. Элемент. курсъ. Изд-во М. С. Космана. Одесса. Цѣна 75 коп.

Эмерсонъ, Ральфъ. Избранники человѣчества. Пер. съ англ. Изд-во «Проблемы эстетики». Москва, 1912 г. Цѣна 1 р. 75 коп.

Штекель, Вильгельмъ д-ръ. Что на днѣ души таится... Изд-во «Жизнь и душа». Пер. съ нѣм. Одесса, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Эренбургъ, И. Одуванчики. Стихи. Парижъ, 1912 г. Цѣна 75 коп.

Юрьевскій, Б. Земля и общество. Спб., 1912 г. Цѣна 20 коп.

Яснопольскій, Л. Н. Очерки русскаго бюдж. права. Изд. В. П. Рябушинскаго. Москва, 1912 г. Цѣна 3 р. 50 коп.

Труды XIV съѣзда зем. врачей и членовъ зем. врачебно-санит. учрежденій Смоленской губ. Томъ I. Изд. смоленскаго губ. земства. Смоленскъ. 1912 года.

Россійская экспортная палата. Труды комиссіи по пересмотру торговаго договора съ Германіей. Вып. IV. Русско-германскій торговый договоръ и задачи Россіи.

— Вып. V. Статистическая характеристика русско-герм. товарообмѣна въ 1909 году.

Сборникъ т-ва «Знанія» за 1912 г. Книга XXXIX. Спб., Цѣна 1 р.

Заработная плата служащихъ и рабочихъ бакинскаго нефтепром. района. Статистич. бюро совѣта нефтепромышленниковъ. Баку, 1912 г. Цѣна 1 р. 50 коп.

Stekel, W. Причины нервности. Психотерапевтическая библіотека. Вып. VI. Кн-во «Наука» Москва, 1912 г. Цѣна 40 коп.

Семинарій русской филологіи при импер. унив. св. Владимира подъ руковод. проф. В. И. Перетца. Первое пятилѣтіе. Кіевъ, 1912 г.

Petronievics, Branislav. Principien der metaphysik. Erster band. Zweite. Abtheilung. Heidelberg. 1912.

Очерки по исторіи Византіи. Вып. I. Изд. студ. изд. комитета при ист.-филол. фак. Спб. университета. Спб., 1912 г. Цѣна за 3 вып. 3 р. 50 к.

Кустарные промыслы Уфимской губ. Изд. уф. губ. упр.

Деревенскіе пѣсни частушки. Изд. В. И. Симакова. Спб., 1912 г. Ц. 5 к.

Промышленность и торговля въ законод. учрежденіяхъ 1907—1912 гг. Докладъ сов. съѣздовъ предст. пром. и торг. VI очер. съѣзду.

Каталогъ книгъ библіотеки А. П. Бахрушина. Вып. II. Имп. росс. истор. музей имени импер. Александра III, Москва, 1912 г. Цѣна 60 коп.

Справочникъ для поступающихъ въ первый классъ мужскихъ и женскихъ среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1912 г. Цѣна 30 коп.

Игрушка—радость дѣтей. Москва. Изд. И. Д. Сытина. Цѣна 1 р.

Историческая записка, изд. ко дню 50-лѣтію Спб. шестой гимназіи (1862 17/IV 1912 г.). Спб., 1912 г. Цѣна 1 р.

Ежегодникъ статист. отд. нижегор. губ. зем. управы на 1909—1910 гг. Н.-Новгородъ, 1911 г. Цѣна 1 р.

Извѣстія общ-ва распростр. прав. свѣдѣній о евреяхъ и еврействѣ. Вып. I. Москва, 1912 г. Цѣна 1 руб.

Исторія нашего времени (современная культура и ея проблемы). Подъ ред. М. М. Ковалевскаго и К. А. Тимирязева. Вып. 8-й. Изд. т-ва бр. А. и И. Гранатъ.

Rubinow, I. M. Studies in workmen's insurance: Italy, Russia, Spain. New-York. 1911 г.

Сборникъ къ 40-лѣтію С.-Петерб. об-ва вспомощ. бывшимъ студ. кіевскаго университета 1871—1911 гг. Вып. I. Спб.

Отчетъ о дѣятельности россійской экспортной палаты. Спб., 1912 г.

Россійская экспортная палата. Труды комиссіи по пересмотру торговаго договора съ Германіей. Подъ ред. проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. Вып. III. Вывозъ зерновыхъ продуктовъ изъ Германіи.

Универсальная библіотека. Марктъ Криницкій. Пошлость. Книгоизд-во «Польза». Москва. Цѣна 10 коп.

— Мопассанъ, Гюи. Домъ Телье. Пер. съ франц. Цѣна 10 коп.
— В. Жуковскій. Рустемъ и Зорабъ. Персидская повѣсть. Ц. 10 коп.
— Ф. Шиллеръ. Разбойники. Цѣна 20 коп.
— Пѣсни каторги. Цѣна 10 коп.
— Г. Сенкевичъ. Старый слуга. Цѣна 20 коп.
— Максъ Мелль. Разсказъ о рабѣ-евреѣ. Съ нѣм. Цѣна 10 коп.
— В. Реймонтъ. Мужики. Цѣна 40 коп.
— Жоржъ Сандъ. Маленькая Фадетта. Цѣна 20 коп.

Историческая библіотека. Кн-ва «Дѣло». Москва. Цѣна каждаго вып. 10 коп.

— Олартъ, Е. Петръ I и женщины.
— Лебедевъ, Б. Стенька Разинъ.
— Покровскій, Д. Императоръ-узникъ (Іоаннъ Антоновичъ).
— Львовъ, С. Салтычиха.
— Олартъ, Е. Тайны Шлиссельбургской крѣпости.
— Горскій, С. Жены Іоанна Грознаго.
— Бестужевъ, К. Наполеонъ и двѣ императрицы.

ЯКОВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ НОВИКОВЪ.

Свою судьбу—часто крайне капризную и не всегда справедливую—имѣютъ и книги, и авторы ихъ. Банальную истину эту, что касается русской публики, ярко иллюстрируютъ многочисленныя и разнообразныя произведенія на-дняхъ умершаго въ Одессѣ выдающагося соціолога и талантливаго публициста Якова Новикова. Въ западной Европѣ, въ особенности во Франціи, въ Италіи и въ Англіи имя Новикова пользуется громкою извѣстностью, книги его печатались многими изданіями и на мнѣнія его постоянно дѣлаются ссылки въ наиболѣе серьезныхъ соціологическихъ и экономическихъ работахъ иностранныхъ ученыхъ. зато въ собственномъ отечествѣ о Новиковѣ даже спеціалисты имѣютъ очень смутное понятіе, а обыкновенный читатель уже ровно ничего не слыхалъ. Правда, Новиковъ писалъ исключительно на французскомъ языкѣ, сначала, въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, чтобы избѣжать строгостей родной цензуры, а затѣмъ, по всей вѣроятности, уже дорожа завоеваннымъ имъ обширнымъ кругомъ глубоко сочувствовавшихъ ему европейскихъ читателей. Но вѣдь наша ученая, учебная и публицистическая литература наводнена переводами съ иностранныхъ языковъ, и между этими изданіями встрѣчаются въ изобиліи и такія, которыя даже отдаленнымъ образомъ не выдерживаютъ сравненія со всегда интересными по со-

держанію и блестящими по формѣ сочиненіями покойнаго *русскаго* писателя. Ибо русскимъ, въ лучшемъ смыслѣ слова, Новиковъ оставался во всѣхъ своихъ французскихъ книгахъ, и этой именно чертой, весьма возможно, привлекалъ къ себѣ вниманіе и симпатію заграничной публики.

Сочиненія Новикова—болѣе двадцати томовъ—могутъ быть распредѣлены на двѣ рубрики: соціологія и общая публицистика. Къ первому отдѣлу относятся: «Органическая теорія общества», «Общественныя сознаніе и воля», «Проблема нищеты и естественныя экономическія явленія», «Критика общественнаго Дарвинизма», «Нравственность и выгода», «Механизмъ и границы человѣческой ассоціаціи», «Борьба между человѣческими обществами и ея послѣдовательные фазисы», и т. д.; а во второй отдѣлъ надо включить: «Расточительность современныхъ обществъ», «Международная политика», «Война и ея мнимыя благодѣянія», «Будущее бѣлой расы», «Федерація Европы», «Раскрѣпощеніе женщины», «Миссія Италіи», «Справедливость и распространеніе жизни», «Возможность счастья», и т. д.

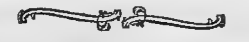
Какъ соціологъ, Новиковъ нѣкоторое время считался вслѣдъ за Спенсеромъ и Шеффле и вмѣстѣ съ французскимъ ученымъ Вормсомъ, однимъ изъ корифеевъ такъ называемаго органическаго направленія въ общественныхъ наукахъ; но въ позднѣйшихъ трудахъ онъ добросовѣстно признаетъ ошибочность главныхъ точекъ исхода указаннаго направленія и съ большимъ подъемомъ защищаетъ руководящія тезисы психологической школы. Новиковъ былъ однимъ изъ основателей и едва ли не первымъ по времени вице-предсѣдателемъ парижскаго Международнаго Института Соціологіи, постояннымъ докладчикомъ и блестящимъ ораторомъ на всѣхъ конгрессахъ, созывавшихся Институтомъ; онъ былъ также однимъ изъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ Парижскаго Соціологическаго Общества; сверхъ того онъ, хотя недолго, но съ успѣхомъ читалъ лекціи въ Брюссельскомъ Новомъ Университетѣ и въ Русской Высшей школѣ Общественныхъ Наукъ въ Парижѣ. Вообще же, насколько мы его знаемъ, Новиковъ относился съ величайшимъ пренебреженіемъ къ внѣшнимъ почестямъ и оффиціальнымъ ученымъ отличіямъ. Онъ не только не искалъ ихъ, а всячески избѣгалъ. Будучи матеріально обезпеченнымъ, даже богатымъ человѣкомъ, онъ выше всего цѣнилъ собственную независимость и полную свободу изслѣдованія.

Какъ публицистъ, обсуждавшій наиболѣе животрепещущіе вопросы европейской (и въ этомъ смыслѣ общечеловѣческой) современности, Яковъ Новиковъ отличался широкимъ кругозоромъ и объективностью соціолога, соединяя эти качества съ рѣдкимъ по

силѣ и образности языка талантомъ полемиста. Его публицистическіе трактаты, большіе и малые (въ смыслѣ англійскаго «tract»), заключаютъ въ себѣ всегда массу яркихъ примѣровъ, доказательныхъ фактовъ, краснорѣчивыхъ цифръ. Неудивительно, поэтому, что на книги Новикова такъ любятъ ссылаться европейскіе публицисты. И гораздо менѣе понятно, почему у насъ ихъ игнорируютъ и обходятъ молчаніемъ. Вѣдь и основная тенденція Новикова довольно таки русская: это—всестороннее и полное раскрѣпощеніе человѣка и такое устройство народной и международной жизни, о которомъ нельзя было бы сказать: «политика, это—сплошной грабежъ» (la politique, c'est la spoliation). Откуда же остракизмъ, на который въ одномъ изъ писемъ своихъ ко мнѣ Новиковъ жалуется въ полушутливой формѣ, находя его черезчуръ жестокимъ? Не проистекаетъ ли онъ изъ того же недовѣрія нашего къ намъ самимъ, которое побуждаетъ русскаго производителя выдавать свой прекрасный продуктъ за иностранный, въ то время какъ нѣмецкій фабрикантъ даже на плохой товаръ, отправляемый въ Англію, гордо ставитъ клеймо: «made in Germany». Встрѣчая французскую книгу съ такимъ архирусскимъ именемъ, какъ Новиковъ, нашъ читатель, нашъ переводчикъ, нашъ издатель, нашъ критикъ одинаково спрашиваютъ себя: да можетъ ли выйти что-либо путнаго изъ Назарета?

Новиковъ умеръ 62 лѣтъ, неожиданно для его друзей, считавшихъ его въ полномъ расцвѣтѣ силъ и способностей. Въ послѣднемъ письмѣ его, полученномъ мною за шесть недѣль до извѣстія о его кончинѣ, онъ сообщаетъ объ отправкѣ французскому издателю Алкану рукопись большого сочиненія о современной политикѣ Германіи—«настоящаго обвинительнаго акта противъ этой нарушительницы европейскаго мира»,—прибавляетъ самъ авторъ.

Е. де-Роберти.

ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Судъ надъ священниками—членами Госуд. Думы на епархіальныхъ съѣздахъ.—«Революціонная партія мирнаго обновленія».—«Рабій духъ» духовенства.—Энергичная и организованная подготовка духовенства къ предвыборной борьбѣ.—Епископы въ роли политическихъ вождей и консисторіи въ качествѣ главнаго штаба на предвыборной войнѣ.—Духовенство и полиція.—Преданность духовенства старому режиму.

Одинъ изъ священниковъ-депутатовъ Госуд. Думы доставилъ мнѣ любопытный матеріалъ, который бросаетъ нѣкоторый лучъ на современный внутренній бытъ нашего духовенства. И особенно интересны тѣ характерныя нити, которыя вплела въ этотъ бытъ нынѣшняя «политика».

Вотъ, напримѣръ, выписка изъ постановленія кіевскаго епархіальнаго съѣзда: «Слушали нижеслѣдующее заявленіе, подписанное 54 депутатами епарх. съѣзда. Одинъ изъ представителей духовенства кіевской епархіи, членъ Госуд. Думы свящ. В. Солуха, какъ видно изъ фракціонныхъ списковъ Думы, записался въ партію «мирнаго обновленія». Партія эта примыкаетъ къ лѣвымъ оппозиціоннымъ партіямъ и нелегализована, т. е. не признана правительствомъ. Съ членами этой партіи свящ. Солуха голосовалъ по многимъ вопросамъ, затрагивающимъ существенные интересы православной церкви и русской народности и, конечно, въ ущербъ этимъ интересамъ. Такъ, напримѣръ, вмѣстѣ съ лѣвыми партіями вотировалъ за передачу церковно-прих. школъ въ другое вѣдомство. Между тѣмъ свящ. Солуха при избраніи своемъ въ члены Гос. Думы заявлялъ своимъ выборщикамъ, что онъ принадлежитъ къ правымъ, и далъ обѣщанье по іерейской совѣсти всегда стоять въ рядахъ правыхъ партій и защищать тѣ воззрѣнья и интересы, которые будутъ проводиться въ Гос. Думѣ членами этихъ партій. Въ виду этого возникаютъ вопросы: допустима ли для православнаго священно-служителя принадлежность къ лѣвымъ партіямъ, къ тѣмъ партіямъ, которыя враждебно настроены къ православной церкви и духовенству, отрицаютъ существующій государственный строй и въ частности самодержавіе Государя (не кощунствомъ ли является въ устахъ такихъ священниковъ молитва о самодержавнѣйшемъ Государѣ); и осужденіе образа дѣйствій такихъ депутатовъ послужило бы предо-

стереженіемъ для другихъ колеблющихся членовъ Думы отъ духовенства и, можетъ быть, удержало бы и самого священника Солуху отъ дальнѣйшихъ шаговъ въ избранномъ имъ направленіи, которые неизбѣжно приведутъ къ тѣмъ роковымъ для него послѣдствіямъ, къ какимъ привелъ образъ дѣйствій нѣкоторыхъ представителей отъ духовенства въ Гос. Думѣ 1-го и 2-го созывовъ».

Къ заявленію приложена справка: «При семъ прилагается списокъ членовъ Гос. Думы, телеграмма еп. Евлогія (удостовѣряющая, что Солуха не принималъ вовсе участія въ голосованіи по вѣроисповѣднымъ вопросамъ) и № 129 «Кіевлянина», въ коемъ Солуха писалъ, что онъ убѣжденій своихъ не скрывалъ и, слѣдовательно, вину за свои дѣйствія слагаетъ на духовенство».

Съѣздъ постановилъ: «Обсудивъ настоящее заявленье, открыто заявляемъ: во 1-хъ, духовенство кіевской епархіи не солидарно со свящ. Солухой, не раздѣляетъ его образа дѣйствій, лишаетъ его своего довѣрія и не считаетъ его своимъ представителемъ въ Гос. Думѣ; во 2-хъ, духовенство кіевской епархіи, избравшее и посылавшее въ Гос. Думу только правыхъ депутатовъ считаетъ недопустимымъ пребываніе кого-либо изъ этихъ депутатовъ въ партіяхъ лѣвѣе умѣренно-правыхъ. Настоящее постановленіе препровождается члену Гос. Думы еп. Евлогію съ просьбой объявить это постановленіе свящ. Солухѣ и другимъ депутатамъ отъ духовенства кіевской епархіи. Подлинное подписали 76 депутатовъ».

Положена резолюція высокопреосвященнаго Флавіана: «утверждается».

Такой же судъ и съ такимъ же результатомъ произведенъ былъ въ Подольской губерніи надъ членомъ Гос. Думы свящ. Макаріемъ Сендерко. И здѣсь также «епархіальный съѣздъ имѣлъ сужденіе о дѣятельности и о поведеніи депутата». Точно такія же перечислены вины священника, обнаружившаго «отрицательное отношеніе къ патріотическимъ партіямъ, защищающимъ права и устои православной церкви и монархизма». Точно также обвиняли его въ томъ, что онъ «голосовалъ вмѣстѣ съ лѣвыми». И еще съ большей энергіей подчеркнули на съѣздѣ приверженность и принадлежность священника Сендерко къ преступной оппозиціонной партіи. Объ этомъ въ протоколѣ съѣзда записано такими словами: «Изъ заявленія самого Сендерко видно, что онъ примкнулъ къ партіи «мирно-обновленцевъ-прогрессистовъ», которая, какъ видно изъ ея программы, въ своихъ стремленіяхъ руководится довольно революціоннаго свойства принципами».

За эту «революціонную мирно-обновленческую дѣятельность» свящ. Сендерко подвергся слѣдующему постановленію: «Находя дѣя-

тельность и поведеніе священника Макарія Сендерко, какъ члена Гос. Думы, предосудительными въ отношеніи къ интересамъ православной церкви, съѣздъ депутатовъ подольской епархіи единогласно выразилъ ему свое порицаніе».

Постановленіе утверждено преосвященнымъ Серафимомъ.

Не весело представить себѣ, что духовенство двухъ большихъ губерній на своихъ съѣздахъ торжественно и «единогласно» провозглашаетъ допустимымъ для «іерейской совѣсти» только принадлежность къ правымъ партіямъ. Не весело читать объ этой умышленной или безсознательно-невѣжественной политической слѣпотѣ, съ которой духовенство, посылая депутатовъ въ представительное, законодательное учрежденіе, требуетъ отъ нихъ защиты политическихъ принциповъ, уничтожающихъ смыслъ народнаго представительства.

Однако, еще печальнѣе, пожалуй, видѣть, при какой бытовой обстановкѣ достигается подобное политическое «единогласіе» духовенства. Свящ. Макарій Сендерко, осужденный на епархіальномъ съѣздѣ за «революціонную» дѣятельность въ Думѣ, получилъ отъ мѣстныхъ священниковъ нѣсколько колоритныхъ писемъ. Въ одномъ изъ нихъ говорится: «Дорогой Макарій Ивановичъ! «Единогласно» написано не случайно и не по недосмотру, а съ вѣдома и согласія всѣхъ депутатовъ, послѣ дебатовъ объ этомъ словѣ. Дѣло обстояло такъ. Прежде всего о. Г. на съѣздѣ не было. Послѣ свиданья съ вами онъ писалъ мнѣ, и въ письмѣ его, между прочимъ, есть признаніе, что онъ первый разъ въ жизни струсилъ. И на съѣздъ не явился по болѣзни. Возвращаясь изъ съѣзда, о М. встрѣтился съ о. Г., и онъ въ согласность съ письмомъ приблизительно сказалъ слѣдующее: «Всѣхъ подлостей, что были предъ съѣздомъ, ожидались на съѣздѣ и, оказалось, дѣйствительно были, я не стерпѣлъ бы, я протестовалъ бы, входилъ съ особыми мнѣніями. Все это было бы легально, въ приличной формѣ, но въ настоящій вѣкъ возможныхъ невозможностей, во времена хулиганства и хулигановъ, отсутствія законности, невозможности добиться правды и проч. Я побоялся за дѣтей»... Вопросъ о «порицаніи» поднялъ о. Марцишевскій. Противъ были многіе депутаты, возражало душъ десять; особенно горячо возражалъ какой-то о. К. На предложеніе записать «единогласно»—возражали, но, когда сказали: «несогласные, дайте себя посчитать», — они проявили «рабій духъ», какъ выражается въ письмѣ ко мнѣ о. Х., и предпочли «единогласно», лишь бы не попасть въ кондуитъ Серафима. И все-таки попали, какъ увѣренъ о. П. Онъ разсказалъ слѣдующее. Послѣ дебатовъ объ «единогласно» о. П., выйдя на корридоръ, увидѣлъ, что одинъ изъ отцовъ что-то

говорилъ о. К-му, а послѣдній писалъ на бумажкѣ. Когда о. П. подошелъ къ нимъ, то о. (кто онъ такой, о. П. или не помнитъ, какъ говоритъ, или не хочетъ сказать) отошелъ, а о. К-ій повелъ такую рѣчь: «А у насъ все-таки есть красненькіе, а я думалъ, что ихъ не будетъ. Вы не помните, кто они?» О. П. не помнилъ, а о. К-ій сталъ напоминать ему и подсчитывать, заглядывая въ бумажку»...

Другой священникъ, не доѣхавшій до епархіальнаго съѣзда подъ предлогомъ болѣзни, пишетъ тому же о. Макарію Сендерко слѣдующее откровенно-малодушное письмо: «Въ Каменецъ я тогда не доѣхалъ; такъ какъ въ Жмеринкѣ по вашемъ отъѣздѣ мнѣ сдѣлалось плохо (сердце), я посовѣтовался съ врачемъ и вернулся. Такимъ образомъ, что творилось на епархіальномъ съѣздѣ, объ этомъ я знаю не больше вашего. Конечно, возмутительная исторія, но... развѣ вы не ожидали? Получилъ я два письма отцовъ собратовъ. Предлагаютъ выступить иниціаторомъ протеста противъ нѣкоторыхъ, главнымъ образомъ касающихся васъ, резолюцій и дѣяній съѣзда. Я же того мнѣнія, что, кромѣ вреда отдѣльнымъ лицамъ, протестъ, при наличныхъ условіяхъ, никакихъ результатовъ не будетъ имѣть. Впрочемъ, этого никому не говорю, предоставляя другимъ дѣйствовать, какъ подскажетъ ихъ личный взглядъ. Еще скажу, что засѣданія епархіальнаго съѣзда прошли подъ сильнымъ давленіемъ. И прошу васъ не сомнѣваться, что значительная часть съѣзда мучится нравственно за наивныя резолюціи, принятыя противъ васъ».

Какая же должна быть нравственная духота, какое трепетанье «рабьяго духа» въ средѣ духовенства, чтобы дойти до такого испуга и малодушія, при которомъ лучшее меньшинство способно только покориться давленію, безропотно принять «всѣ подлости» (выраженіе изъ письма священника) или трусливо уклониться отъ присутствія на съѣздѣ подъ нервымъ предлогомъ?..

Впрочемъ, трепетанье «рабьяго духа», видимо, только и было у совѣстливаго меньшинства. У большинства было не испуганное трепетанье, а побѣдное ликованье этого духа. Старались услужить, предупредить желанья высшаго начальства, шпіонили, переписывая въ тайныя доносительныя записки «красненькихъ», говорили громкія патріотическія рѣчи, въ усердіи доходя до неожиданной юмористики («революціонная партія мирнаго обновленія»...) «Рабій духъ», за два столѣтія полнаго подчиненія церкви получившій глубокое и настойчивое воспитаніе, дождался, очевидно, времени для своего пышнаго расцвѣта. Духовенство почувствовало, что оно пригодно для широкой внутренней политики и старается услужить съ такой бурной энергіей, что въ верхахъ свѣтской власти могутъ спросить

себя съ удовольствіемъ или съ недоумѣніемъ: «Да полно, есть ли у насъ слуги преданнѣе духовенства?»

Съ особенной яркостью начинаетъ это проявляться въ настоящее время, при первыхъ намекахъ на близящуюся избирательную кампанію предъ рожденіемъ четвертой Госуд. Думы. Пока разныя политическія партіи вяло поговариваютъ, что «надо бы... слѣдовало бы»...—духовенство широко развертываетъ подготовительную агитацію, дѣйствуя, какъ солидная и налаженная организація.

Изъ Вятки, напримѣръ, пишутъ «Русскимъ Вѣдомостямъ»: «Приближающіеся выборы пока не отразились сколько-нибудь замѣтно на мѣстной жизни. Нѣкоторое оживленіе замѣчается только среди правыхъ, да и то, главнымъ образомъ, среди духовенства. По иниціативѣ праваго духовенства гор. Глазова, ко всѣмъ благочиннымъ было разослано циркулярное воззваніе о предстоящихъ выборахъ, въ которомъ предлагалось созывать съѣзды благочинныхъ для опредѣленія будущихъ кандидатовъ, а также рекомендовалось принять мѣры, чтобы младшіе члены причта голосовали за правыхъ. Циркулярное воззваніе не прошло безслѣдно. Во многихъ мѣстахъ собранія благочинныхъ состоялись, намѣчены кандидаты, но имена ихъ пока не оглашаются. По слухамъ, депутатомъ въ Гос. Думу правымъ духовенствомъ намѣчается епископъ вятскій Филаретъ».

Въ другой корреспонденціи изъ той же Вятки подробно сообщается объ энергичной предвыборной дѣятельности епископа. «Въ послѣднемъ нумерѣ «Вятскихъ Епарх. Вѣдомостей» напечатано обширное воззваніе вятскаго епископа Филарета ко всему духовенству Вятской губерніи съ призывомъ немедленно же начать подготовительныя работы къ выборамъ, чтобы обезпечить прохожденіе въ Гос. Думу правыхъ депутатовъ. Разобравъ дѣятельность первой и второй Гос. Думъ и охарактеризовавъ ихъ какъ «революціонныя», еп. Филаретъ въ своемъ воззваніи пишетъ, что третья Гос. Дума, хотя и работала успѣшнѣе, но и въ нее прошло много представителей лѣвыхъ партій. «Къ стыду нашему,—пишетъ епископъ,—мы должны признать, что въ частности наша Вятская губернія совершенно не оправдала царскаго довѣрія, пославъ въ Гос. Думу и третьяго созыва, — о Думахъ перваго и второго созыва я уже не говорю,—людей исключительно лѣваго направленія». Значительную часть вины въ этомъ авторъ воззванія возлагаетъ на духовенство. На предстоящихъ выборахъ еп. Филаретъ призываетъ духовенство «исправить свою ошибку». Въ качествѣ практическихъ мѣропріятій еп. Филаретъ предлагаетъ: «Для взаимнаго объединенія духовенства передъ выборами я благословляю въ каждомъ уѣздномъ городѣ епархіи образовать уѣздный избирательный комитетъ въ составѣ

нѣсколькихъ представителей духовенства, избранныхъ по одному или по два отъ каждаго благочинія уѣзда. Этотъ комитетъ соберетъ свѣдѣнія о числѣ земли, принадлежащей каждой церкви уѣзда, провѣритъ въ свое время списокъ духовныхъ лицъ, имѣющихъ тотъ или иной цензъ. Далѣе, на обязанности этого комитета лежитъ устройство предвыборныхъ собраній, на которыхъ должны быть опредѣленно намѣчены кандидаты въ уполномоченные и въ выборщики. Имена, отчества и фамиліи намѣченныхъ собраніемъ кандидатовъ сообщаются чрезъ раздачу и разсылку ихъ списковъ предсѣдателемъ уѣзднаго комитета къ свѣдѣнію духовенства, причемъ какъ о.о. настоятели церквей, такъ и прочія духовныя лица съ учителями церковно-приходскихъ школъ, которыхъ также надлежитъ пригласить на предвыборное собраніе, мною приглашаются (и нравственно обязаны это сдѣлать) подчиниться рѣшенію большинства собранія и голосовать на соотвѣтствующихъ избирательныхъ собраніяхъ за намѣченныхъ кандидатовъ». Подробныя указанія даетъ еп. Филаретъ и тѣмъ лицамъ изъ духовенства, которыя попадутъ въ выборщики въ губернское избирательное собраніе. «По прибытіи въ епархіальный городъ и по испрошеніи архипастырскаго благословенія всѣ они должны непремѣнно объединиться, намѣтить изъ своей среды благонамѣренныхъ лицъ для баллотировки въ члены Думы, разсудить о желательныхъ кандидатурахъ въ Думу изъ лицъ свѣтскихъ, войти въ соглашеніе съ выборщиками правыхъ и умѣренныхъ партій и при самыхъ выборахъ всѣ до единаго дѣйствовать вполнѣ согласно и солидарно». Въ заключеніе авторъ воззванія, «настойчиво призываетъ» духовенство къ агитаціи среди прихожанъ за правыхъ депутатовъ. Какъ сообщаютъ изъ Глазова, тамъ скоро будетъ выходить при участіи главнымъ образомъ духовенства газета праваго направленія спеціально для избирательной кампаніи. Походъ готовится грандіозный, но въ большихъ результатахъ его для духовенства здѣсь весьма сомнѣваются».

Энергія духовенства въ Вятской губерніи оказалась настолько значительной, что, не довольствуясь собственной духовной средой, священники повели принудительную агитацію среди подчиненныхъ имъ учителей церковно-приходскихъ школъ. Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» сообщаетъ:

«Предвыборное воззваніе епископа вятскаго Филарета ко всему духовенству вятской епархіи, въ которомъ онъ между прочимъ рекомендовалъ на предстоящихъ выборахъ въ 4-ю Государственную Думу воздѣйствовать и на учителей церковно-приходскихъ школъ, нашло «откликъ». Въ настоящее время уѣздными наблюдателями

церковно-приходскихъ школъ «конфиденціально» разсылается учителямъ слѣдующій циркуляръ:

«Полномочія 3-й Государственной Думы истекаютъ. Приближаются выборы въ 4-ю Государственную Думу. На очереди стоитъ вопросъ громадной важности. Не излишне заблаговременно подготовиться къ выборамъ въ 4-ю Государственную Думу и гг. учащимъ церковно-приходскихъ школъ. Въ 4-й Думѣ будутъ обсуждаться очень важные вопросы, касающіеся между прочимъ и церковныхъ школъ. Въ этой Думѣ окончательно будетъ вырѣшенъ вопросъ: будутъ ли самостоятельно существовать церковныя школы, получатъ ли онѣ полное обезпеченіе въ матеріальномъ отношеніи, или онѣ будутъ переданы земству и тогда должны потерять присущій имъ характеръ религіозно-нравственнаго воспитанія и обученія. Опытъ 3-й Государственной Думы показалъ, что всѣ лѣвыя партіи, начиная съ соціалъ-демократовъ и кончая октябристами, стояли за уничтоженіе церковныхъ школъ, и только правыя партіи отстаивали самостоятельность существованія церковныхъ школъ съ обезпеченіемъ ихъ помощью государственнаго казначейства. Посему, полагая, что вы, какъ служащій церковно-школьному дѣлу и заинтересованный благополучіемъ его, будете сочувствовать стремленію тѣхъ партій, которыя стремятся, между прочимъ, отстоять и церковныя школы, я увѣренъ, что примете съ своей стороны всѣ мѣры къ тому, чтобы въ будущую Государственную Думу прошли правые выборщики. А для этого предлагаю вамъ прежде всего прислушиваться къ голосу мѣстнаго духовенства въ дѣлѣ намѣченія кандидатовъ въ выборщики. Затѣмъ, когда наступитъ время уѣздныхъ выборовъ, вы безъ сомнѣнія сочтете своимъ нравственнымъ долгомъ прибыть на выборы и подать свой голосъ за кандидатовъ, намѣченныхъ духовенствомъ и правыми партіями».

Изъ Кіева сообщаютъ: «Дѣятельное участіе въ текущей избирательной компаніи принимаетъ мѣстное духовенство. Послѣ бывшихъ въ Кіевѣ съѣздовъ «русскихъ избирателей», на которыхъ участвовали депутаты отъ епархіальнаго духовенства, избранный тогда «духовный комитетъ» началъ усиленныя подготовительныя работы на мѣстахъ. Съ цѣлью использовать каждый священническій голосъ издано спеціальное «предложеніе» изъ духовныхъ сферъ, уясняющее, что духовенство должно твердо и неуклонно держаться программы выборовъ, установленной на съѣздѣ, и не забывать, что принципомъ предстоящихъ выборовъ въ Госуд. Думу является тѣснѣйшій союзъ съ націоналистами. Никакое уклоненіе въ сторону даже октябризма недопустимо. Въ нѣкоторыхъ благочиннических округахъ духовенство глухо ропщетъ противъ такого обращенія

съ его избирательными правами. Недовольство извѣстной части духовенства вызываетъ какъ самая идея «тѣснѣйшаго союза» съ націоналистами, такъ и ихъ кандидатуры. Для умиротворенія недовольныхъ, однако, приняты соотвѣтствующія мѣры. Одною изъ такихъ мѣръ являются объѣзды епископовъ. Никодима и Дмитрія по епархіямъ. Ожидаютъ, что послѣ этихъ объѣздовъ провинціальное духовенство губерніи благосклоннѣе отнесется къ блоку съ націоналистами и къ намѣченнымъ кандидатамъ. Въ глубинѣ провинціи покамѣстъ наблюдается полное безразличіе къ предстоящимъ выборамъ. Особенно упалъ интересъ къ выборамъ среди крестьянскаго населенія губерніи».

Въ сходномъ духѣ корреспонденція «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Казани: «Первымъ въ Казани проявило предвыборную активную дѣятельность мѣстное городское духовенство, побужденное къ этому предписаніемъ архіепископа казанскаго Іакова и послѣдовавшимъ къ этому предписанію «разъясненіемъ» духовной консисторіи. Предписаніе архіепископа не содержитъ въ себѣ руководственныхъ указаній, но предлагаетъ духовенству епархіи использовать въ полной степени его избирательныя права при выборахъ въ 4-ю Гос. Думу. Не таково «разъясненіе» консисторіи, взявшей на себя роль руководительницы выборами. Бумага консисторіи совершенно опредѣленно указываетъ тѣхъ «руководителей», которые ею назначены для организаціи предвыборныхъ совѣщаній духовенства. Подборъ «руководителей» явно говоритъ о тенденціи сдѣлать нажимъ на духовенство въ пользу крайнихъ правыхъ. «Разъясненіе» консисторіи низводитъ самостоятельность духовенства на нѣтъ и, во избѣжаніе репрессій, заставитъ духовенство или баллотировать за того, кто будетъ указанъ консисторіей, или же изыскивать тѣ или иные способы, чтобы провести дѣйствительно желательнаго для большинства кандидата. Полагаютъ, однако, что консисторское «разъясненіе» сыграетъ большую роль въ смыслѣ усиленія оппозиціонности».

Разгорается предвыборная дѣятельность духовенства и въ Перми. Мѣстный корреспондентъ пишетъ:

«Избирательная кампанія въ Перми пока ведется только «союзниками» и націоналистами. Пермскій отдѣлъ союза нашелъ точку опору въ мѣстномъ духовенствѣ во главѣ съ епископомъ Палладіемъ. «Душой» отдѣла является іеромонахъ Серафимъ, членъ-учредитель главнаго совѣта с. р. н., ораторъ и литераторъ. Мѣстомъ собраній отдѣла служитъ зала при часовнѣ Стефана Великопермскаго. Съ марта мѣсяца іеромонахъ Серафимъ началъ издавать «союзническій» журналъ при участіи въ качествѣ сотрудника еп. Палладія.

Эпиграфомъ на обложкѣ печатается: «Нѣсть власти, аще не отъ Бога» и т. д., въ текстѣ приводятся статьи изъ Улож. о наказ., к.-д. называются «слугами сатаны» и предтечами антихриста. Особо воздается членамъ Думы отъ Пермской губерніи священникамъ Колокольникову, Титову, Исполатову, которые «наложили позорное клеймо на нашу губернію», каковое и призываются смыть всѣ «русскіе люди пермской страны».

А подъ горячимъ солнцемъ Бессарабіи усердіе духовенства воспламенилось до готовности къ самопожертвованію въ видѣ добровольныхъ штрафовъ и принятія публичнаго порицанія за нарушеніе духовно-избирательной дисциплины. Газеты сообщаютъ:

«Въ связи съ предстоящими выборами въ 4-ю Г. Думу духовенство 3-го округа Бендерскаго уѣзда дало другъ передъ другомъ слѣдующую подписку:

«Мы нижеподписавшіеся, находясь въ сознаніи нашего долга предъ вѣрой, Царемъ и отечествомъ и того государственнаго значенія, какое имѣетъ призывъ духовенства Россіи къ участію въ работахъ Г. Думы, обязуемся явиться на выборы, какъ уполномоченные отъ окружнаго духовенства, если выборы ихъ будутъ производиться по уѣздамъ и округамъ, и если кто изъ насъ своею неявкою нарушитъ настоящее наше согласіе, обязанъ подчиниться суду товарищей округа въ составѣ не менѣе половины всего количества ихъ, въ силу котораго обязанъ будетъ: а) внести въ пользу вдовъ и сиротъ округа штрафъ въ размѣрѣ пятидесяти руб., б) понести нравственную кару въ формѣ присужденія его къ порицанію, публикаціи его поступка въ періодическихъ органахъ печати и къ особому обсужденію его поступка со стороны епархіальнаго епископа».

Духовенство же 1-го округа Измаильскаго уѣзда, считая, что вопросъ о выборѣ достойныхъ кандидатовъ въ члены Г. Думы есть дѣло первостепенной важности и значенія для блага родины и церкви, постановило считать своимъ непремѣннымъ и священнымъ долгомъ отнестись къ этому дѣлу съ должнымъ вниманіемъ».

Изъ Ростова-на-Дону телеграфируютъ въ «Рѣчь»: «Архіепископъ Владиміръ выпустилъ воззваніе, въ которомъ призываетъ къ единенію и выражаетъ печаль по поводу того, что патріотическій Донъ далъ большинство лѣвыхъ депутатовъ. Архіепископъ объясняетъ это явленіе инертностью духовенства, которое должно разъяснить паствѣ, кого слѣдуетъ избрать. Въ консисторіи приступили къ организаціи окружныхъ избирательныхъ комитетовъ въ цѣляхъ проведенія въ Гос. Думу желательныхъ кандидатовъ».

Итакъ, среди значительной повсемѣстной апатіи и при большомъ равнодушіи населенія къ выборамъ одно духовенство выдѣляется

своей энергичной и организованной дѣловитостью. Можно подумать, что это въ Россіи самая сильная и самая сплоченная дисциплинированная политическая партія. Чуть-ли не за полгода до выборовъ составляются комитеты, вырабатываются списки выборщиковъ, намѣчаются кандидаты въ депутаты. Епископы публикуютъ боевые призывы съ обдуманно и всесторонне разработанной тактикой предвыборной борьбы, консисторіи, отложивъ метрическія книги и бракоразводные фоліанты, пишутъ нѣчто въ родѣ сенатскихъ разъясненій и руководительствуютъ арміей духовныхъ избирателей...

Страннымъ и удивительнымъ могло бы показаться, что служеніе у алтаря развило такой непомѣрный политическій зудъ, если бы не было ясно, что служеніе не церковнымъ, а инымъ идеямъ зажгло эту энергію. Оторванный отъ паствы, каждый священникъ крѣпкой ниточкой привязанъ къ епархіальному начальству и всецѣло отъ него зависитъ. Епископы въ подчиненіи у синода, а синодъ многолѣтней практикой доказалъ безпрекословное повиновеніе государственной власти. Было бы странно не воспользоваться этой сформированной, связанной и послушной арміей, почти столь же готовой къ выполненію велѣній свыше, какъ чиновная или полицейская рать. И конечно, достаточно двухъ-трехъ внушеній изъ Петербурга, чтобы усердіе духовныхъ властей покатилось волной черезъ всю Россію.

Кое-гдѣ въ откровенныхъ рѣчахъ явно проскальзываетъ эта мысль, что на духовенство возлагаются надежды, сходныя съ надеждами, возлагаемыми на полицію. «Предвыборная кампанія въ г. Ковровѣ,—говоритъ мѣстная газетка, — начата союзомъ русскаго народа, которымъ созвано было въ прошлое воскресенье предвыборное собранье. На собраніи предводитель дворянства Н. В. Култашевъ произнесъ рѣчь, въ которой доказывалъ необходимость полицейскаго воздѣйствія на населеніе для того, чтобы прошли на выборахъ союзники, говорилъ о необходимости просить объ этомъ воздѣйствіи, чтобы не допускались никакія предвыборныя собранія, кромѣ союзническихъ. Далѣе онъ указывалъ, что надо просить священниковъ, чтобы они съ амвона воздѣйствовали на прихожанъ подавать голоса на выборахъ за союзническихъ кандидатовъ. Свящ. Н. А. Преображенскій высказалъ ту мысль, что надо просить предводителя, чтобы онъ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы восторжествовали на выборахъ союзническіе кандидаты».

Слѣдовательно, обнаженная мечта правыхъ политическихъ дѣятелей такова: надобно дѣйствовать на избирателя черезъ полицейскій участокъ и съ церковнаго амвона. Можетъ быть, для нынѣшнихъ выборовъ это и будутъ двѣ наиболѣе характерныя черты.

Конечно, не вездѣ усердіе духовенства будетъ имѣть практическій успѣхъ. Изъ Вятской губерніи, напримѣръ, съ увѣренностью пишутъ: «Правые въ Вятской губерніи крайне слабы, и всѣ ихъ усилія провести своихъ кандидатовъ въ Гос. Думу на предстоящихъ выборахъ, какъ здѣсь увѣрены, потерпятъ крахъ даже и среди духовенства. Въ Вятской губерніи нѣтъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія. Здѣсь сильно крестьянство, и потому во всѣ три Думы Вятская губернія дала исключительно оппозиціонныхъ депутатовъ, несмотря на тотъ «нажимъ», который производился кн. Горчаковымъ».

И это знаменательно, что тамъ, гдѣ народная масса еще сохранила нѣкоторое вліяніе на выборы, въ этихъ мѣстахъ черносотенному духовенству нельзя мечтать о побѣдѣ. Но, къ сожалѣнью, такихъ мѣстъ немного. Въ большинствѣ губерній укороченный избирательный законъ отбросилъ на дальній планъ крестьянское и ремесленное населеніе, предоставивъ рѣшающее значеніе помѣщикамъ и крупнымъ домовладѣльцамъ. И здѣсь роль организованнаго духовенства окажется значительной. Ихъ голоса послужатъ на пользу кандидатовъ, угодныхъ начальству. Такое голосованіе, какъ видно изъ приведенныхъ выше фактовъ, для большинства священнослужителей фатально и неизбѣжно. Но нужно прибавить: это явленіе вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ естественно. Низшее духовенство органически срослось не съ населеніемъ, а съ консисторіями, съ епархіальной и синодской властью. Всякій священникъ, не потерявшій душу живую и способность честно мыслить, во время выборовъ съ особенной яркостью почувствуетъ, до чего тяжко быть въ деревнѣ чиновникомъ, назначеннымъ отъ консисторіи и всецѣло, рабски отъ нея зависящимъ. Въ теченіе вѣковъ церковь тѣломъ, кровью и нервами срасталась съ государственной властью; отъ народа же отошла далеко. И сколько бы духовенство наше не говорило о патріотизмѣ и о любви къ народу, оно подлиннаго народа боится паническимъ страхомъ и жмется отъ него къ государственной власти, всѣ упованія и послѣднія надежды возлагая на нее. Поэтому совсѣмъ не обмолвка, что духовенство, отправляя депутатовъ въ представительное учрежденіе, требуетъ борьбы за уничтоженіе представительства и возстановленія стараго государственнаго порядка.

Исторія же тихо и неслышно идетъ все впередъ и впередъ. Старое отступаетъ назадъ и прикрывается мглой пережитаго. И духовенство не желаетъ или не можетъ замѣтить, что служеніе этому старому уже не укрѣпляетъ его положенія, что, протягивая преданно и просительно руки къ отдаляющемуся призраку, оно и само все

больше и больше отдаляется отъ подлинной, живой, народной и государственной жизни.

И если бы высшее, среднее и низшее духовенство, прозрѣвъ, поняло свое дѣйствительное положеніе, то, вѣроятно, вся его немалая энергія для укрѣпленія своего положенія была бы направлена въ иную сторону. Оно поняло бы, что союзъ съ правыми партіями шатаетъ устои церкви, все больше и больше отчуждаетъ отъ духовенства населеніе, и гонитъ воинствующее духовенство въ темный оврагъ. Оно поняло бы также, что та церковная реформа, которая давно на очереди и которая упорно отметается духовной властью,—именно реформа о приходѣ и о выборномъ духовенствѣ,—какъ разъ и составляетъ первый шагъ къ оздоровленію и возстановленію церкви Это были бы первыя органическія нити, которыя связали бы церковь съ живымъ народнымъ организмомъ. Черезъ нихъ, можетъ быть, вошла бы въ старыя церковныя стѣны новая религіозная жизнь.

Но прежде нужно оборвать нити, связывающія духовенство съ мертвѣющимъ организмомъ стараго порядка, а это, видимо, не такъ просто, и случится не скоро...

И. Жилкинъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о войнѣ и мирѣ.—Вильгельмъ II и его перемѣнчивыя настроенія.—Особенности личнаго режима во внутреннихъ дѣлахъ.—Эльзасскія заявленія императора и обсужденіе ихъ въ парламентѣ.—Споры объ избирательномъ правѣ.—Венгерскія дѣла.—Китайскія вооруженія и графъ Беннигсенъ.

Передовыя культурныя націи поставлены въ крайне странное положеніе въ области своихъ жизненныхъ международныхъ интересовъ. Несмотря на безусловное миролюбіе народовъ, основы внѣшняго мира представляются въ высшей степени шаткими и ненадежными въ настоящее время. Всякій воинственный жестъ Вильгельма II вызываетъ общую тревогу, потому что германскій императоръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи милліонную армію и обладаетъ законнымъ правомъ рѣшать по своему вопросъ о мирѣ и войнѣ. А можно ли основывать что-либо прочное на личномъ настроеніи такого впечатлительнаго и безотвѣтственнаго дѣятеля, какъ Вильгельмъ II?

Въ нѣмецкомъ обществѣ, какъ и во всякомъ другомъ, существуютъ вліятельные элементы, расположенные къ шумной внѣшней предпріимчивости и соблазнительнымъ колоніальнымъ завоеваніямъ. Во-первыхъ, военный классъ живетъ исключительно надеждами и разсчетами на удачныя вооруженныя столкновенія, грозныя битвы и побѣды; весь командный составъ арміи и флота неизбѣжно озабоченъ созданіемъ такихъ условій, при которыхъ война являлась бы желательною и обѣщала бы вѣроятный успѣхъ. Во-вторыхъ, значительная часть торгово-промышленнаго класса ближайшимъ образомъ заинтересована въ веденіи наступательной внѣшней политики, такъ какъ многіе представители этого класса извлекаютъ изъ военныхъ событій крупныя выгоды, въ качествѣ финансовыхъ дѣльцовъ, поставщиковъ и подрядчиковъ. Въ-третьихъ, заодно съ военными профессіоналами и заинтересованными промышленниками дѣйствуютъ довѣрчивые, увлекающіеся или корыстно-честолюбивые патріоты, дающіе тонъ такъ называемому общественному мнѣнію черезъ посредство газетной печати. Изъ этихъ различныхъ элементовъ вырабатывается тотъ шовинизмъ, который періодически толкаетъ государства на путь кровавыхъ приключеній, вопреки безусловному миролюбію народныхъ массъ.

Такъ возбуждаются искусственные кризисы, въ родѣ недавней англо-германской распри, и ихъ приходится большею частью ликвидировать при помощи поверхностныхъ дипломатическихъ средствъ. Германскій посолъ въ Лондонѣ, графъ Вольфъ-Меттернихъ, неожиданно получилъ извѣщеніе, что онъ долженъ подать въ отставку, а на его мѣсто былъ заранѣе намѣченъ бывшій посолъ въ Константинополѣ, баронъ Маршалль фонъ-Биберштейнъ. Мотивы этой перемѣны заключались не въ томъ, что графъ Вольфъ-Меттернихъ сообщалъ невѣрныя или ошибочныя свѣдѣнія о чувствахъ и намѣреніяхъ Англіи, и не въ томъ, что онъ не съумѣлъ вступить въ близкія дружественныя отношенія съ британскимъ правительствомъ или пріобрѣсть прочныя симпатіи и связи въ англійскомъ обществѣ. Напротивъ, по общему признанію, онъ съ большимъ успѣхомъ исполнялъ свои свѣтскія обязанности и поддерживалъ очень хорошія отношенія съ британскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, о чемъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ самъ сэръ Эдуардъ Грей въ палатѣ общинъ 14 (1)-го мая. Графъ Вольфъ-Меттернихъ, какъ говорятъ, не только не вводилъ никого въ заблужденіе относительно истиннаго настроенія англичанъ, но даже настойчиво предупреждалъ берлинскій кабинетъ, что упорное соперничество съ Англіею въ дѣлѣ постройки новыхъ броненосцевъ даетъ поводъ приписывать нѣмцамъ воинственные планы, несовмѣстимые съ

оффиціальнымъ миролюбіемъ Германіи. Но этими предупрежденіями онъ вызывалъ неудовольствіе морского министра, адмирала фонъ-Тирпица, и самого императора Вильгельма II, для котораго сооруженіе могущественнаго военнаго флота, равносильнаго британскому, стало дѣломъ личнаго самолюбія или спорта. Такъ какъ миролюбивыя идеи графа Вольфа-Меттерниха не соотвѣтствовали взглядамъ и желаніямъ императора и его приближенныхъ, то онъ былъ уволенъ безъ всякихъ церемоній, хотя всѣ его усилія были направлены лишь къ поддержанію взаимнаго довѣрія и возможной дружбы между Германіей и Англіей. Преемникъ его, семидесятилѣтній баронъ Маршалль фонъ-Биберштейнъ, выдвинулся когда-то столь же случайно, какъ и другіе сановники и совѣтники Вильгельма II. Онъ служилъ въ судебномъ вѣдомствѣ, былъ прокуроромъ, потомъ баденскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, понравился императору и неожиданно, послѣ удаленія Бисмарка въ 1890 году, получилъ назначеніе на постъ имперскаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ. Онъ хорошо и дѣльно говорилъ въ парламентѣ, но возбудилъ противъ себя цѣлый рядъ закулисныхъ интригъ, которыя заставили его, наконецъ, въ 1897 году отказаться отъ должности и «прибѣгнуть къ гласности» для разоблаченія и осужденія своихъ противниковъ. Онъ не былъ, однако, устраненъ отъ дипломатической службы, а только переведенъ въ Константинополь, въ качествѣ посла при турецкомъ султанѣ. Съ тѣхъ поръ онъ провелъ пятнадцать лѣтъ на этомъ посту и успѣлъ сдѣлать очень много для расширенія и усиленія германскаго вліянія на ближнемъ Востокѣ. Можно сказать, что славу дипломата онъ пріобрѣлъ на берегахъ Босфора. Теперь на него возлагается не менѣе важная миссія—устройство прочнаго соглашенія съ Англіею. Оказывается, что намѣренія Вильгельма II относительно Англіи измѣнились и что онъ готовъ промѣнять перспективу борьбы на идиллію мирнаго культурнаго соперничества. Долго ли продержится это новое настроеніе—неизвѣстно; но самая перемѣнчивость настроенія ставитъ международную политику на почву непредвидѣнныхъ случайностей, не имѣющихъ ничего общаго съ реальными интересами великихъ державъ. Между тѣмъ эти случайности настроенія опредѣляютъ ходъ серьезныхъ событій и могутъ вести къ опаснымъ и ненужнымъ столкновеніямъ. Тройственный союзъ, во главѣ котораго стоитъ Вильгельмъ II, имѣетъ своею формальною цѣлью сохраненіе общаго мира; однако, подъ покровительствомъ и охраной этого союза, Италія начала войну съ Турціею и перенесла военныя дѣйствія въ Эгейское море и даже къ Дарданелламъ. Подобная война была бы совершенно немыслима со стороны Италіи, если бы

итальянцы не находились въ союзѣ съ Германіею. Такъ же точно и Австро-Венгрія никогда не стала бы рисковать войною изъ-за аннексіи Босніи и Герцеговины, если бы не сознавала за собою твердой опоры въ Берлинѣ. Главнымъ источникомъ общаго безпокойства является та форма личнаго режима, которая установилась въ Германской имперіи по отношенію къ международнымъ дѣламъ и вопросамъ. Эта форма личнаго режима могла казаться безвредною или цѣлесообразною, пока находилась подъ контролемъ Бисмарка; но при обычной свободѣ своихъ проявленій она служитъ постоянною угрозою для европейскаго мира.

Совершенно другое значеніе имѣютъ проявленія личнаго режима въ сферѣ внутреннихъ дѣлъ Германіи. Они вызываютъ иногда много шума въ печати и даютъ матеріалъ для оппозиціонныхъ рѣчей въ парламентѣ, но нисколько не отражаются на жизненныхъ интересахъ страны. Они нейтрализуются законнымъ участіемъ и контролемъ народнаго представительства въ дѣлахъ государственной жизни, господствомъ твердой законности, сознательною честностью исполнительной власти и здоровымъ гражданскимъ духомъ всего населенія. Нѣмецкіе обыватели, даже самые скромные и умѣренные по своимъ политическимъ идеямъ, не обнаруживаютъ склонности мириться съ фактами произвола и предаваться унынію по поводу видимаго торжества реакціи. Нѣмецкое общество всегда сохраняетъ за собою право активнаго протеста, и оно пользуется этимъ правомъ настолько единодушно и съ такою силою убѣжденія, что и само правительство вынуждено признавать надъ собой авторитетъ общественнаго мнѣнія. Императоръ Вильгельмъ II много разъ произносилъ грозныя слова по адресу оппозиціи, но эти слова никого не пугали и никакого вліянія на политическую жизнь не оказывали.

Въ бытность свою въ Страсбургѣ, 13 мая (нов. ст.), за обѣдомъ у статсъ-секретаря Цорна фонъ-Булаха, Вильгельмъ II заявилъ бургомистру доктору Швандеру, что онъ очень недоволенъ ходомъ дѣлъ въ Эльзасѣ-Лотарингіи, и что если такъ будетъ идти дальше, то придется «просто отмѣнить мѣстную конституцію и превратить Эльзасъ-Лотарингію въ прусскую провинцію». Когда это заявленіе сдѣлалось достояніемъ печати, оно тотчасъ подверглось рѣзкой и всесторонней критикѣ. Конституція, введенная въ Эльзасѣ-Лотарингіи въ маѣ прошлаго года, была выработана имперскимъ сеймомъ и одобрена союзнымъ совѣтомъ: она не можетъ быть отмѣнена личной волей императора. Эльзасъ-Лотарингія присоединена къ имперіи рѣшеніемъ союзныхъ германскихъ государей и составляетъ особую имперскую область, которая въ настоящее время пользуется

автономіею. Она имѣетъ свою законодательную палату, избираемую по системѣ всеобщей подачи голосовъ, и участвуетъ черезъ своего представителя въ германскомъ союзномъ совѣтѣ, на правахъ особаго государства, причемъ обладаетъ тремя голосами, которые, однако не могутъ увеличивать собою число голосовъ, принадлежащихъ Пруссіи. Для измѣненія этого конституціоннаго строя Эльзаса-Лотарингіи потребовалось бы согласіе не только имперскаго парламента, но и правительствъ и парламентовъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, участвующихъ въ союзномъ совѣтѣ,—а разсчитывать на такое согласіе было бы совершенно немыслимо. О томъ, чтобы автономная имперская область превратилась въ прусскую провинцію, не могло быть и рѣчи; угроза императора выражала только его раздраженіе по поводу оппозиціоннаго духа эльзасскаго сейма и имѣла по существу противоконституціонный характеръ.

Это обстоятельство подробно и свободно обсуждалось въ рейхстагѣ 17 (4-до) мая, при разсмотрѣніи бюджета имперскаго канцлера. Первый ораторъ, соціалъ-демократъ Шейдеманнъ, бывшій недолго вице-президентомъ палаты, указывалъ на необходимость «преобразовать Пруссію-Германію въ государство современнаго типа, по примѣру китайской республики». Упомянувъ объ угрозѣ «разбить въ щепки эльзасскую конституцію» и включить имперскую область въ составъ Пруссіи, онъ подчеркнулъ и привѣтствовалъ авторитетное признаніе, что «присоединеніемъ къ Пруссіи угрожаютъ, какъ самой тяжелой карой народу за непокорность,—карой, равносильной смирительному дому съ лишеніемъ гражданскихъ правъ». Одинъ изъ факторовъ имперскаго законодательства,—продолжалъ Шейдеманнъ, — самовольно возвѣщаетъ мѣропріятія, предполагающія согласіе компетентныхъ учрежденій—имперскаго сейма и союзнаго совѣта, не спрашивая ихъ мнѣнія. «Такому порядку вещей мы должны положить конецъ усиленіемъ парламента и завоеваніемъ свободнаго избирательнаго права для Пруссіи. Мы не желаемъ, чтобы Пруссія оставалась для насъ нѣмецкою Сибирью... Въ прусской палатѣ депутатовъ дѣло дошло до того, что истинные представители народа насильственно удаляются полиціею по распоряженію тѣхъ, которые вовсе не избраны народомъ;—это было символическимъ дѣйствіемъ трехклассоваго парламента, воплощающаго нынѣшнюю Пруссію, о которой одинъ изъ депутатовъ центра сказалъ, что стыдно быть пруссакомъ». Не смотря на протесты и замѣчанія президента, Шейдеманнъ съ понятнымъ возмущеніемъ говорилъ о недавнемъ характерномъ фактѣ—вторженіи полицейскихъ чиновъ въ прусскую палату депутатовъ, 9-го мая, для изгнанія соціалъ-демократа Борхардта по приказу президента, консерватора фонъ-Эрфа.

«Какъ согласовать этотъ поступокъ,—спрашиваетъ, ораторъ—съ параграфами уголовнаго уложенія, угрожающими смирительнымъ домомъ тѣмъ лицамъ, которыя насильственно препятствуютъ депутату выполнять свои полномочія? Кто эти люди, откуда берутъ они это право играть роль парламента? На основаніи какого закона эти люди вообще засѣдаютъ въ той палатѣ? Во всякомъ случаѣ—не въ силу закона, а въ силу распоряженія, объявленнаго шестьдесят три года тому назадъ съ нарушеніемъ королевскаго слова. Притомъ президентъ вовсе не былъ вынужденъ такъ поступить. Насъ въ имперскомъ сеймѣ сто десять соціалъ-демократовъ. Будетъ ли кто-нибудь имѣть дерзость сказать, что здѣсь дѣловое обсужденіе невозможно? Въ девятнадцати союзныхъ государствахъ существуетъ 188 соціалъ-демократическихъ депутатовъ. Происходило ли гдѣ-нибудь что-либо подобное тому, что имѣло мѣсто въ прусскомъ сеймѣ? Въ городскихъ и общинныхъ совѣтахъ засѣдаетъ девять тысячъ соціалъ-демократовъ, и нигдѣ не случилось ничего подобнаго». Пренебреженіе къ народу, по словамъ Шейдеманна, лежитъ въ основѣ всей политики канцлера; и тотъ же канцлеръ является безусловнымъ, даже фанатическимъ приверженцемъ большихъ чиселъ, когда дѣло идетъ не о правахъ народнаго большинства, а о численности солдатъ и ружей, которыя надо отдать въ распоряженіе господствующихъ классовъ. «Но,—заключилъ Шейдеманнъ,—эти господа ошибаются. Они не принимаютъ въ разсчетъ числа головъ. Будущее покажетъ, кто вѣрнѣе считалъ,—мы или вы».

Рѣчь Шейдеманна нѣсколько разъ прерывалась президентскими призывами къ порядку и шумными возгласами консерваторовъ. Имперскій канцлеръ вмѣстѣ съ министрами и членами союзнаго совѣта демонстративно покинулъ палату, когда ораторъ въ обидномъ тонѣ заговорилъ о Пруссіи, — и вернулся въ залъ засѣданій уже во время рѣчи національ-либерала, страсбургскаго профессора фонъ-Кальвера. Бетманнъ-Гольвегъ прежде всего счелъ долгомъ выразить свое негодованіе по поводу оскорбительныхъ словъ о пруссакахъ. «Человѣкъ, который такъ отзывается о своей странѣ, —сказалъ онъ, — самъ осуждаетъ себя». Съ соціалъ-демократическихъ скамей раздается протестъ: «не о странѣ говорилъ онъ, а объ ея порядкахъ, о правительствѣ, о васъ!» Канцлеръ останавливается на фактическихъ причинахъ разлада между эльзасскимъ сеймомъ и центральнымъ правительствомъ: нѣкоторыя постановленія эльзасской палаты затронули патріотическое чувство нѣмцевъ и возбудили будто бы раздраженіе въ широкихъ кругахъ нѣмецкаго общества. «Это неудовольствіе выразилъ и императоръ въ своей бесѣдѣ съ страсбургскимъ бургомистромъ. По поводу этой

бесѣды въ печати и въ обществѣ горячо нападали на императора. Противъ этихъ нападокъ,—заявляетъ канцлеръ,—я рѣшительно протестую. Въ тѣсномъ кругу приглашенныхъ гостей императоръ высказалъ свои чувства въ словахъ, которыя нашли отголосокъ во многихъ нѣмецкихъ сердцахъ. Эти слова попали въ печать вслѣдствіе прискорбной, невыясненной еще нескромности, помимо участія лица, къ которому они были обращены, и,—что особенно непріятно задѣло многихъ, — они появились впервые не въ нѣмецкой, а во французской газетѣ. Это оглашеніе не создало, однако, такого положенія, за которое я не несъ бы отвѣтственности. Пока я стою здѣсь на своемъ мѣстѣ, я заступаюсь за императора не по придворнымъ соображеніямъ, которыя мнѣ чужды, а въ силу государственной обязанности. И когда я не въ состояніи буду исполнять эту государственную обязанность, вы не увидите меня больше на этомъ мѣстѣ». Бетманнъ-Гольвегъ старается доказать, что слова императора не слѣдуетъ понимать буквально, что въ нихъ нѣтъ и намека на нарушеніе конституціи, что всякое измѣненіе политическаго строя въ Эльзасѣ-Лотарингіи зависитъ отъ имперскаго сейма и союзнаго совѣта и что серьезное предостереженіе императора вызвано только заботою о будущности имперской области. Такимъ образомъ канцлеръ косвенно призналъ, что угроза императора выражена въ неправильной формѣ и по существу не выдерживаетъ критики. Въ заключеніе эльзасскій депутатъ Гаусъ пытался выяснить точку зрѣнія наиболѣе заинтересованныхъ мѣстныхъ обывателей. «Мы не думаемъ объ отпаденіи отъ имперіи, но мы не хотимъ, чтобы насъ низвели на степень гражданъ второго или третьяго разряда. Угроза включить Эльзасъ-Лотарингію въ составъ Пруссіи не произвела на насъ большого впечатлѣнія. Какъ жители края, гдѣ процвѣтаютъ виноградники, мы привыкли не придавать значенія застольнымъ рѣчамъ. Притомъ уже въ теченіе сорока лѣтъ нами управляютъ по прусской системѣ. Присоединеніе къ прусской территоріи не означало бы для насъ ничего худшаго. Сказанныя слова поэтому не особенно насъ взволновали, но мы глубоко о нихъ сожалѣли, въ интересахъ самого императора. Они нанесли сильный ударъ довѣрію къ нашему государю». Такого рода парламентскія пренія не возвышаютъ, конечно, авторитета и престижа короны; но они по крайней мѣрѣ даютъ законный выходъ общественному чувству протеста противъ неудачныхъ и устарѣлыхъ проявленій личнаго режима.

Пренія о личномъ режимѣ возобновились въ засѣданіи 22-го мая, когда депутатъ Ледебуръ сталъ опять въ рѣзкой формѣ обсуждать эльзасскія слова императора. По мнѣнію Ледебура, канцлеръ напрасно жаловался на нескромность; всякія политическія заявленія

правителей должны быть оглашаемы для свѣдѣнія публики. Императоръ не имѣлъ никакого законнаго мотива къ тому, чтобы угрожать эльзасцамъ разбить въ щепки дарованную имъ конституцію. Если бы что-либо подобное произошло въ Англіи,—говорилъ Ледебуръ,—и король произнесъ бы такую угрозу, то онъ, несомнѣнно, рисковалъ бы въ самой высокой степени. Но невозможно предположить, чтобы обладатель трона въ Англіи позволилъ себѣ что-нибудь въ этомъ родѣ. По поводу сказаннаго легко было бы замѣтить, что проводимая Ледебуромъ параллель несостоятельна въ принципѣ. Личныя мнѣнія и слова англійскаго короля, каковы бы они ни были, не могли бы ни въ какомъ случаѣ привести къ попыткѣ поколебать его тронъ, и едва ли способны были бы вообще побудить англичанъ предпринять какія-либо дѣйствія, — ибо въ Англіи отзывы и взгляды короля, не раздѣляемые отвѣтственными министрами, суть только частныя мнѣнія, никого и ни къ чему не обязывающія. Свобода личныхъ мнѣній существуетъ и для короля, но если его мнѣнія идутъ въ разрѣзъ съ конституціею и съ желаніями парламентскаго большинства, то они могутъ показаться только странными и ни въ комъ не возбудятъ практическаго интереса. Неудачная рѣчь Ледебура дала канцлеру лишній поводъ выступить въ роли защитника имперіи и императора отъ посягательствъ соціалъ-демократіи. Депутатъ Зюдекумъ отчасти исправилъ ошибку своего коллеги. Онъ напомнилъ, что дѣло идетъ вовсе не о покушеніяхъ соціалъ-демократовъ на конституцію, а объ огражденіи конституціи,—если не всей имперіи, то извѣстной ея части,— отъ угрожающихъ ей посягательствъ со стороны императора. Эта обязанность,—поясняетъ Зюдекумъ,—входитъ непосредственно въ кругъ задачъ канцлера. «Онъ обязанъ охранять конституцію отъ такихъ опасныхъ угрозъ, какъ высказанныя въ Страсбургѣ. Не соціалъ-демократы говорили о трусливомъ обманѣ и государственной измѣнѣ по поводу марокскаго кризиса,—это говорили люди, сидящіе на противоположной сторонѣ палаты. Нечего поэтому ссылаться на необходимость защиты отъ стремленій къ кореннымъ преобразованіямъ, а обращаться съ такими призывами къ народу было бы слишкомъ наивно. Это значило бы осудить государство и общество на неподвижность». Бетманнъ-Гольвегъ съ своей стороны подтвердилъ, что въ предѣлы его обязательныхъ функцій входитъ защита конституціи и что онъ всегда будетъ исполнять эту задачу. Относительно того, что заявленія императора составляютъ нападеніе на конституцію хотя бы только части имперіи, канцлеръ напоминаетъ сказанное имъ раньше, и вопросъ этимъ исчерпывается. Въ тотъ же день 22 мая, по принятіи бюджета и военныхъ законо-

проектовъ, окончилась весенняя сессія имперскаго сейма. Щекотливый вопросъ о личномъ режимѣ, какъ несовмѣстимомъ съ правильнымъ ходомъ конституціонной жизни, остался пока открытымъ.

За два дня до этого заключительнаго засѣданія имперскаго сейма, прусская палата депутатовъ имѣла случай высказаться о реформѣ прусской избирательной системы, которую еще Бисмаркъ признавалъ безобразною. Націоналъ-либералы внесли законопроектъ о введеніи прямыхъ выборовъ съ тайною подачею голосовъ; народные прогрессисты предлагали ввести всеобщее, прямое и равное избирательное право, съ тайнымъ голосованіемъ, и въ то же время измѣнить распредѣленіе избирательныхъ округовъ. Ни одинъ изъ представителей правительства не явился въ палату 20-го мая, когда назначено было обсужденіе этого жизненнаго для Пруссіи вопроса объ избирательныхъ правахъ ея гражданъ. Депутатъ Вимеръ въ обстоятельной рѣчи мотивировалъ предложеніе прогрессистовъ, а въ защиту націоналъ-либеральнаго проекта говорилъ Ломанъ. Говорить предъ пустыми министерскими скамьями показалось, однако, обиднымъ, и соціалъ-демократъ Гиршъ, ссылаясь на 60 ст. конституціи, предложилъ пригласить въ засѣданіе министра-президента и министра внутреннихъ дѣлъ; но это предложеніе не имѣло успѣха. Вождь консерваторовъ, фонъ-Гейдебрандъ, доказывалъ, что прусская избирательная система достаточно хороша для господствующихъ классовъ и что на практикѣ она не хуже имперской. Консервативное большинство внимательно слушало авторитетнаго оратора и отвергло внесенные проекты. Все остается пока по старому въ Пруссіи, гдѣ парламентъ существуетъ, но нѣтъ народнаго представительства.

Въ Венгріи парламентъ и правительство давно уже переживаютъ тяжелый кризисъ, истинныя причины котораго кроются въ недостаточной опредѣленности государственнаго устройства страны. Мадьярскіе патріоты стремятся къ національной независимости и никакъ не могутъ приблизиться къ осуществленію своего идеала, ибо съ одной стороны нельзя вполнѣ отдѣлиться отъ Австріи, а съ другой—венгерскій король есть все-таки прежде всего австрійскій императоръ, проникнутый нѣмецкими традиціями дома Габсбурговъ; поэтому, напр., венгерское войско должно подчиняться австрійскимъ порядкамъ, и резервисты созываются приказомъ императора изъ Вѣны. Бывшій министръ-президентъ, графъ Куэнъ-Хедервари, согласился сдѣлать уступку оппозиціоннымъ партіямъ, допустивъ участіе парла-

мента въ рѣшеніи вопроса о созывѣ резервовъ; но императоръ Францъ-Іосифъ усмотрѣлъ въ этомъ прямое нарушеніе своей прерогативы и наотрѣзъ отказался одобрить перемѣну, которую считалъ опасною для единства арміи. Графъ Куэнъ вышелъ въ отставку, и мѣсто его занялъ бывшій министръ финансовъ Лукачъ. Военные законопроекты вновь очутились въ томъ же безнадежномъ положеніи, въ какомъ пребывали съ іюля прошлаго года. Годъ тому назадъ, 23 мая 1911 года, они были внесены въ палату, и когда приступлено было ко второму чтенію ихъ, началась противъ нихъ систематическая обструкція. Парламентскій механизмъ пересталъ дѣйствовать, и законодательная дѣятельность пріостановилась. Послѣ долгихъ переговоровъ между отдѣльными парламентскими группами состоялось, наконецъ, соглашеніе, въ силу котораго долженъ быть положенъ конецъ технической обструкціи. Энергическій и рѣшительный графъ Стефанъ Тисса, бывшій когда-то министромъ-президентомъ, намѣченъ былъ на постъ президента палаты.

Двѣ главныя оппозиціонныя партіи, руководимыя Францемъ Кошутомъ и Юліемъ Юстомъ, условились относительно важнѣйшихъ пунктовъ своихъ программъ и выработали извѣстныя требованія по вопросамъ о военныхъ законопроектахъ и о расширеніи избирательнаго права. Оппозиція согласилась допустить принятіе военныхъ законовъ съ нѣкоторыми измѣненіями, въ видѣ временной мѣры, если въ то же время будетъ приступлено къ обсужденію избирательной реформы на предположенныхъ либеральныхъ началахъ. Правительство, въ лицѣ министра-президента Лукача, не желало связывать судьбу военныхъ законовъ съ проектами избирательной реформы; оно настаивало на окончательномъ принятіи этихъ законовъ въ настоящемъ ихъ видѣ, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ. Тѣсно сплоченная правительственная партія, составляющая большинство въ парламентѣ, рѣшила дѣйствовать напроломъ, пользуясь всѣми законными средствами наказа для подавленія непокорныхъ элементовъ, мѣшающихъ палатѣ работать.

Въ засѣданіи 22-го мая происходили выборы президента на мѣсто г. Навая, сложившаго наканунѣ свои полномочія. Отдѣльные шумные эпизоды сопровождались личными столкновеніями и схватками, причемъ наиболѣе пострадалъ депутатъ Юлій Ковачъ, пытавшійся схватить съ президентскаго стола избирательную урну и бросить ее на полъ. Оппозиція покинула залъ засѣданія, и подача голосовъ могла продолжаться безпрепятственно. Всего подано было 210 записокъ, и на всѣхъ значилось одно имя Стефана Тиссы. Вновь избранный президентъ произнесъ затѣмъ вступительную рѣчь, въ которой подробно изложилъ доводы въ пользу послѣдовательнаго и

безпощадно-строгаго соблюденія правилъ, обезпечивающихъ мирный порядокъ парламентскихъ занятій. Между тѣмъ оппозиціонныя группы возмущались поведеніемъ большинства; соціалъ-демократы объявили на слѣдующій день всеобщую забастовку рабочихъ на двадцать четыре часа, въ видѣ протеста противъ нарушенія правъ меньшинства и для демонстрацій въ честь избирательной реформы.

День 23-го мая оказался крайне печальнымъ для Будапешта. Массы рабочихъ, собравшихся на улицахъ и площадяхъ города, встрѣтили сопротивленіе полиціи и войскъ, которыя не допускали ихъ ни къ зданію парламента, ни къ городской ратушѣ; во многихъ мѣстахъ военные отряды прибѣгали къ оружію, чтобы сдерживать напоръ толпы; рабочіе приходили въ ожесточеніе, нападали на полицію, вторгались въ полицейскіе участки и разрушали ихъ обстановку, устраивали баррикады, поджигали казенныя зданія и обнаруживали вообще чисто революціонное настроеніе. Войска въ свою очередь теряли самообладаніе и поступали съ толпою, какъ съ настоящимъ непріятелемъ. Къ концу дня выяснилось, что убитыхъ было шесть человѣкъ, тяжело раненыхъ—165, легко раненыхъ—нѣсколько сотъ, и арестовано было около четырехсотъ человѣкъ. На улицахъ видны были слѣды разрушенія, какъ послѣ непріятельскаго нашествія; вооруженные отряды ходили по городу, а жители прятались въ домахъ. Волненія рабочихъ усилились; десятки тысячъ народа уволены съ фабрикъ и заводовъ за участіе въ однодневной забастовкѣ. Оппозиція не можетъ успокоиться при такихъ условіяхъ; она протестуетъ въ парламентѣ и въ печати, и ея настроеніе отражается соотвѣтственнымъ образомъ на дѣятельности политическихъ партій.

Правительственное большинство и его суровый руководитель, графъ Стефанъ Тисса, перестали стѣсняться съ противниками; члены меньшинства насильно выводятся или выносятся изъ палаты чинами полиціи за всякое нарушеніе порядка, за всякіе возгласы и перерывы, за всякое неповиновеніе президенту. Обсужденіе, или, вѣрнѣе, молчаливое принятіе отдѣльныхъ статей военныхъ законопроектовъ подвигается быстро впередъ; торжествующіе единомышленники графа Тиссы и министра-президента Лукача чувствуютъ, однако, что умиротвореніе страны не достигается такими способами, и они не теряютъ еще надежды на то, что выдающіеся представители оппозиціи, какъ Францъ Кошутъ, графъ Юлій Андраши, Альбертъ Аппоньи и другіе, согласятся, наконецъ, на необходимыя уступки для прекращенія политической анархіи, которая сдѣлалась уже какъ будто нормальнымъ состояніемъ для Венгріи. Обѣ стороны взываютъ къ патріотизму противниковъ, но понимаютъ его различно: одни до-

пускаютъ оффиціальную зависимость венгерскаго государства отъ австрійцевъ и, въ частности, подчиненность венгерской арміи австрійскимъ начальникамъ и порядкамъ, а другіе стоятъ за самостоятельность Венгріи не только въ дѣлахъ законодательства и управленія, но и въ сферѣ военной организаціи, вопреки упорному несогласію императора Франца-Іосифа. Къ этой основной причинѣ внутренняго кризиса присоединяется еще непримиримый разладъ между господствующими классами и большинствомъ трудящагося населенія изъ-за устарѣлой избирательной системы, лишающей рабочихъ права принимать участіе въ политической жизни страны. Мы не говоримъ уже объ антагонизмѣ различныхъ племенъ и народностей, населяющихъ Венгрію, и о незаконныхъ притязаніяхъ мадьяръ на политическое господство надъ милліонами славянъ, сербовъ и хорватовъ; эти притязанія, естественно, вызываютъ отпоръ, обостряютъ чувства національной вражды и создаютъ ненормальныя условія существованія въ значительной части областей, принадлежащихъ оффиціально къ территоріи венгерскаго королевства. Нуженъ былъ бы крупный политическій талантъ, способный объединить разрозненныя мадьярскія партіи во имя высшихъ національныхъ интересовъ,—какой-нибудь новый Деакъ, или государственный человѣкъ съ широкимъ умственнымъ кругозоромъ, въ стилѣ Гамбетты,—чтобы вывести Венгрію изъ того запутаннаго положенія, въ которомъ она находится въ настоящее время.

Наши газеты, какъ и заграничныя, сообщаютъ очень мало свѣдѣній о дѣлахъ и событіяхъ на дальнемъ Востокѣ. Мы знаемъ только, что китайское правительство хлопочетъ о крупномъ внѣшнемъ займѣ, что великія державы спорятъ о размѣрахъ своего участія въ снабженіи Китая денежными средствами и что значительная часть этихъ средствъ будетъ употреблена на вооруженія. Противъ кого вооружается Китай—это вопросъ безцѣльный, на который не можетъ быть точнаго отвѣта; всѣ государства вооружаются на всякій случай, противъ возможныхъ или вѣроятныхъ противниковъ, для защиты отъ нападенія,—и нельзя отрицать право китайскаго правительства принимать предохранительныя мѣры для огражденія имперіи отъ внѣшнихъ опасностей, угрожающихъ ей съ разныхъ сторонъ. Одно только несомнѣнно: Китай вынужденъ пока думать лишь объ оборонѣ, а никакъ не о нападеніи на сосѣднія страны. Наступательная война противъ одной изъ великихъ иноземныхъ державъ совершенно немыслима для Китая при данныхъ условіяхъ. Китай можетъ только бояться чужихъ нападеній и посл-

гательствъ; вся политика его зависитъ отъ того, въ какую сторону будетъ направлено это чувство страха.

Нѣкоторые русскіе патріоты хотятъ увѣрить публику, что Китаю грозитъ опасность именно со стороны Россіи и что послѣдняя должна непремѣнно напасть на Китай при первомъ подходящемъ случаѣ. Въ вышедшей недавно брошюрѣ о Монголіи графъ А. П. Беннигсенъ доказываетъ, что нельзя ни въ чемъ уступать китайцамъ, что намъ надо показать имъ свою силу или, вѣрнѣе, ихъ слабость «посылкою въ удобный моментъ одного-двухъ карательныхъ отрядовъ». Для этого «не нужны ни дипломатическіе переговоры съ предупрежденіями,—не нужны и мобилизаціи, нужна только быстрота и рѣшительность» (стр. 19). Китайцы насъ ненавидятъ; они самолюбивы и злопамятны. «Война съ Китаемъ неизбѣжна. Если она произойдетъ въ скоромъ будущемъ, то разыграется почти исключительно въ Маньчжуріи и Восточной Монголіи, т. е. только тамъ наши войска встрѣтятъ болѣе или менѣе серьезное сопротивленіе», и благодаря «радостному» сочувствію монголовъ успѣхъ будетъ для насъ обезпеченъ. «Если же войны теперь не будетъ, Китай успѣетъ не только усилить свою армію, но также и приготовить театръ военныхъ дѣйствій». Графъ А. П. Беннигсенъ утверждаетъ, что другомъ Китая «мы никогда не будемъ» и что приходится поневолѣ готовиться къ войнѣ. Поэтому было бы лучше всего, по мнѣнію названнаго автора, не дожидаясь военныхъ приготовленій Китая, «разгромить его» съ сравнительно небольшими затратами, «когда намъ это будетъ удобно, и обезопасить себя на многіе годы» (стр. 40). Если китайцы повѣрятъ графу Беннигсену, то они, дѣйствительно должны признавать Россію своимъ опаснѣйшимъ врагомъ и направлять всѣ свои заботы и усилія на вооруженія именно противъ Россіи. Соотвѣтствуетъ ли званію русскаго патріота и притомъ съ «русскимъ сердцемъ» подобное стремленіе натравливать чужіе народы противъ Россіи—предоставляемъ рѣшить самому автору брошюры о Монголіи.

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Семь смертныхъ приговоровъ. — Двѣ казни въ Петербургѣ. — Бюджетныя пренія. — Моральный авторитетъ Думы и «домашнія средства» его укрѣпленія.—Рѣчь В. А. Маклакова и отвѣтъ М. Г. Щегловитова. — «Высокая безпартійная скала».—Судейская несмѣняемость.—«Можно ли видѣть гнетъ»?—М. И. Петрункевичъ и П. В. Засодимскій †.

5-го мая временно командующій войсками гвардіи и петербургскаго военнаго округа конфирмовалъ приговоръ петербургскаго военно-окружного суда по дѣлу о рядовыхъ пограничной стражи Лалаевѣ и Григорьевѣ, присужденныхъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе за убійство ротмистра Мальчевскаго. Одновременно, при конфирмаціи приговора по дѣлу о рядовомъ петрозаводской мѣстной команды Щербаковѣ, который осужденъ за убійство фельдфебеля, смертная казнь черезъ повѣшеніе замѣнена имъ казнью черезъ разстрѣляніе. Изъ Екатеринодара и Харькова, отъ 5-го мая, въ газетахъ были напечатаны телеграммы о постановленныхъ смертныхъ приговорахъ: въ Екатеринодарѣ приговорены къ повѣшенію несовершеннолѣтніе Ожередовъ, Чилкинъ и Савченко; въ Харьковѣ—Терноповьченко. Въ ночь на 7-ое мая приговоръ надъ Лалаевымъ и Григорьевымъ приведенъ въ исполненіе; приведены ли въ исполненіе остальные пять приговоровъ до дня, когда мы пишемъ настоящія строки, въ газетахъ не сообщалось.

Эти семь приговоровъ и двѣ казни прошли въ печати почти совсѣмъ не отмѣченными. Даже несовершеннолѣтіе осужденныхъ въ Екатеринодарѣ не было подчеркнуто. Тысячи казней въ послѣдніе годы, очевидно, возымѣли свое дѣйствіе на нравы русскаго общества и его представительницы—повременной печати. Общественные нервы притупились. Способность волноваться при извѣстіяхъ о новыхъ висѣлицахъ понизилась. Горячность, съ которою еще такъ недавно публицисты были готовы доказывать сомнительную, даже въ формальномъ смыслѣ, закономѣрность смертныхъ казней по нашему праву и полную ихъ нецѣлесообразность,—исчезла. Во всѣхъ перечисленныхъ семи случаяхъ смертная казнь была назначена убійцамъ. И получилось впечатлѣніе, что русское общественное

сознаніе, въ виду этого, приняло приговоры, какъ должное, какъ фактъ, естественный и неизбѣжный. Конечно, на свѣтѣ все познается и воспринимается сравнительно. А потому, когда еще свѣжи въ памяти десятки и сотни разстрѣловъ безъ суда и казней за нанесеніе легкихъ ранъ, за нападенія, не имѣвшія никакихъ послѣдствій,— казнь за убійства, при доказанной виновности осужденныхъ, само собою разумѣется, обрисовывается въ значительно смягченныхъ контурахъ.

Это впечатлѣніе опредѣлилось особенно характерно въ отношеніи приговора и казни Лалаева и Григорьева. Въ отличіе отъ другихъ подобнаго рода дѣлъ, ихъ дѣло разсматривалось въ военномъ судѣ при открытыхъ дверяхъ, и потому обстоятельства его не составляютъ тайны. Преступленіе было совершено на границѣ Олонецкой губерніи и Финляндіи. Ротмистръ Мальчевскій убитъ выстрѣлами черезъ окно. Мотивъ—не то месть за то, что ротмистръ Мальчевскій хотѣлъ предать суду Лалаева за кражу овса и Григорьева за изнасилованіе, не то дикая въ своей безсмысленности надежда, путемъ убійства начальника, избавиться отъ суда за совершенныя преступленія. Въ убійствѣ Лалаевъ и Григорьевъ сознались. Такимъ образомъ, ни въ обстановкѣ, ни въ мотивахъ дѣянія, не было ничего такого, что располагало бы въ пользу осужденныхъ. Одинаково не возникало ни малѣйшихъ сомнѣній въ возможности со стороны суда фактической ошибки. Ко всему этому въ сознаніи естественно прибавились общеизвѣстныя элементарныя юридическія положенія: военно-уголовные законы болѣе суровы, чѣмъ общіе; убійство подчиненнымъ начальника есть одно изъ самыхъ тяжкихъ воинскихъ правонарушеній. И сопоставленіе даннаго приговора и данной казни съ тѣми приговорами военнаго суда, которыми недавно посылались на висѣлицу сотни людей, не имѣвшихъ ничего общаго ни съ военной службой, ни съ воинской дисциплиной, а теперь посылаются, если не сотни, то десятки,—было послѣдней каплей, для спокойнаго восприятія факта общественнымъ сознаніемъ.

А, между тѣмъ, если вдуматься въ казнь Лалаева и Григорьева, то и въ ней не найти логическаго оправданія. Мало того, если вчитаться въ опредѣленія военно-уголовныхъ законовъ, какъ они ни суровы, то придется признать, что и съ формальной точки зрѣнія она отнюдь не была безспорно оправдываемой, неизбѣжной необходимостью. Россія въ настоящій моментъ ни съ кѣмъ войны не ведетъ. Слѣдовательно, Лалаевъ и Григорьевъ за совершенное ими убійство ротмистра Мальчевскаго подлежали тому наказанію, которое положено въ законѣ (ст. 98 воинск. уст. о нак.) для «мирнаго времени», т. е. ссылкѣ въ каторжныя работы безъ срока или на время отъ двѣнадцати до двадцати лѣтъ. И лишь «въ военное время» они

подлежали бы «лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни разстрѣливаніемъ». Таково общее правило дѣйствующаго военно-уголовнаго законодательства. Въ отношеніи его есть, правда, изъятіе, допускающее и въ мирное время назначеніе наказаній, положенныхъ для времени военнаго. Но примѣненіе этого изъятія составляетъ не вполнѣ дискреціонное право главныхъ начальниковъ военныхъ округовъ, а обставлено условіями: случай долженъ быть «чрезвычайнымъ», сопровождавшія его обстоятельства должны быть «особенно важными» и основаніемъ усиленія кары должна служить необходимость въ томъ «для охраненія воинской дисциплины» (ст. 91 воинск. уст. о нак.).

Когда поздно вечеромъ на посту Туломозерскаго отряда раздались выстрѣлы, нижніе чины поста немедленно выскочили изъ казармы. Они обнаружили совершенное убійство, они же два дня разыскивали убійцъ, нашли и, несмотря на вооруженное сопротивленіе, задержали. На то, что убійство ротмистра Мальчевскаго было дѣломъ, если не прямого, то хоть молчаливаго соглашенія всѣхъ нижнихъ чиновъ поста, не имѣлось никакого намека. Слѣдовательно, преступленіе Лалаева и Григорьева отнюдь не могло служить и не служило показателемъ, что воинская дисциплина на посту поколеблена и что для охраненія ея требуются мѣры исключительнаго характера. А разъ такъ, то необходимость примѣненія къ ихъ преступленію изъятія вмѣсто общаго правила была, во всякомъ случаѣ, сомнительна. Мы могли бы сказать больше. Но для насъ и доказательства сомнительности достаточно, ибо по основнымъ положеніямъ уголовнаго права, во-первыхъ, никакое изъятіе не можетъ быть понимаемо распространительно, а, во-вторыхъ, всякое сомнѣніе должно быть толкуемо въ пользу подсудимаго.

По дѣлу о рядовомъ Щербаковѣ въ газетахъ мы не читали никакихъ подробностей. Голый же фактъ убійства рядовымъ фельдфебеля, строго говоря, не могъ повлечь за собою смертнаго приговора, хотя бы при приданіи виновнаго суду въ порядкѣ изъятія, т. е. для сужденія по законамъ военнаго времени. Дѣйствующее военно-уголовное законодательство, въ отношеніи наказуемости,—какъ въ мирное время, такъ и въ военное,—посягательства со стороны подчиненныхъ противъ начальниковъ, выдѣляетъ убійство начальника изъ нижнихъ чиновъ, за которое и въ военное время смертной казни не назначаетъ. А потому Щербаковъ, если бы онъ убилъ фельдфебеля даже не при фикціи условій военнаго времени, а на настоящей войнѣ, то, по точному смыслу закона, его нельзя было бы подвергнуть ни повѣшенію, ни разстрѣлянію (стр. 101 воинск. уст. о нак.). Не споримъ, въ данномъ отношеніи есть въ законѣ непослѣдова-

тельность, такъ какъ на войнѣ воинскіе чины и за убійство частныхъ лицъ подлежатъ смертной казни. Не споримъ также, что въ порядкѣ совершенно недопустимаго распространительнаго толкованія, военно-судебная практика разрѣшаетъ трактовать убійство начальника изъ нижнихъ чиновъ не какъ воинское преступное дѣяніе, а какъ убійство общеуголовное,—если по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ дѣяніе, въ послѣднемъ случаѣ можетъ быть назначено болѣе тяжелое наказаніе. Но какъ бы то ни было, присужденіе къ смерти Щербакова еще менѣе, нежели казнь Лалаева и Григорьева, являлось неизбѣжной и по закону неустранимой необходимостью. Для ея обоснованія потребовался цѣлый рядъ сложныхъ и искусственныхъ юридическихъ комбинацій.

Бюджетныя пренія послѣдняго времени служатъ такой блестящей иллюстраціей къ итогамъ пятилѣтней «плодотворной» дѣятельности «послушной» и «работоспособной» третьей Думы, что, полагаемъ, въ этомъ отношеніи уже болѣе не осталось мѣста для малѣйшихъ сомнѣній. Эти пренія были жестокимъ посрамленіемъ двухъ министерствъ: юстиціи и военнаго. Жалко оправдывался г. Щегловитовъ. На брошенныя вѣдомству юстиціи уничтожающія своей конкретностью обвиненія по дѣлу г. Бутовича и по дѣлу судебнаго слѣдователя г. Лыжина, онъ не нашелъ иныхъ оправданій, кромѣ тѣхъ, что таинственно исчезнувшіе изъ перваго дѣла документы неважны и что г. Лыжинъ былъ «озлобленъ». Столь же жалки были рѣчи его защитниковъ, гг. Замысловскаго и Шубинскаго, которые, за неимѣніемъ аргументовъ по существу, старались отвлечь вниманіе инсинуаціонными выходками противъ оппозиціи,вообще, и противъ В. А. Маклакова, въ частности. Представитель военнаго министерства, ген. Даниловъ, также, очевидно, не обладалъ богатствомъ оружія противъ А. И. Гучкова, если въ своемъ отвѣтѣ указалъ, какъ на активъ вѣдомства, на новый уставъ по воинской повинности и на «милитаризацію» населенія путемъ организаціи «потѣшныхъ».

И что же, какой результатъ? Смѣты обоихъ министерствъ утверждены. Кредиты противъ предшествующихъ лѣтъ даже увеличены, и по смѣтѣ военнаго министерства—весьма значительно. Словомъ, все, что имъ было нужно отъ Думы, министерства юстиціи и военное получили. Министерство юстиціи въ теченіе цѣлаго года, впредь до новаго разсмотрѣнія смѣты, можетъ совершенно спокойно «нажимать» на суды и на сенатъ, увольнять неугодныхъ губернаторамъ прокуроровъ и повышать по службѣ судебныхъ слѣдователей, впадающихъ въ такое состояніе озлобленія, «въ

которомъ — по психологіи г. Щегловитова — проявляется склонность уничтожать своими руками собственный колоссальный трудъ» и... поддѣлывать документы. Военное министерство столь же спокойно, отмахнувшись отъ кошмара выслушанныхъ въ Думѣ укоризнъ, можетъ снова «налаживать» ввѣренное ему дѣло, продолжая перетасовывать и переименовывать главныя управленія, вводить все новыя и новыя офицерскія формы и заботиться объ организаціи «потѣшныхъ». Въ теченіе тоже цѣлаго года оно можетъ оставаться въ увѣренности, что отнюдь не пушками и ружьями и ужъ, конечно, не правовой жизнью войска сильна оборона страны. Горделивому сознанію военнаго министерства, что «за послѣдніе пять лѣтъ сдѣлано столько, сколько раньше не дѣлалось въ сорокъ лѣтъ»,—ничто не помѣшало. По оффиціальному сообщенію «Русскаго Инвалида», это горделивое сознаніе есть плодъ измышленія «страницъ печати». Военное министерство утверждаетъ, что ген Даниловъ формулировалъ свою мысль иначе: «за сорокъ лѣтъ русская армія не пережила такихъ преобразованій, которыя она пережила за послѣднія пять лѣтъ». Охотно вѣримъ этому; но въ чемъ тутъ существенная разница?

Скажутъ: никакого непосредственнаго результата отъ произнесенныхъ въ Думѣ рѣчей и не могло получиться, такъ какъ у насъ нѣтъ парламентаризма и такъ какъ по русской «конституціи» министры передъ палатами не отвѣтственны. Конечно, вѣрно. И, конечно, вѣрно, съ другой стороны, что отнюдь нельзя было бы считать какимъ-либо «результатомъ» уменьшеніе кредита на жалованье министру юстиціи въ одинъ рубль, какъ это предлагалось въ Думѣ, и единственно, что формально было бы, пожалуй, возможно, это—выраженіе Думою, а не отдѣльными ораторами, осужденія политики г. Щегловитова. Но на почвѣ воздѣйствія на правительство по праву, т. е. на основаніи нормъ закона, большинство третьей Думы вопроса никогда не ставило. Напротивъ, оно всегда принципіально отвергало такую постановку и какъ фактъ, и какъ потребность. Октябристы, не говоря уже о націоналистахъ, строили свою силу на воздѣйствіи моральномъ. И если теперь октябристы утверждаютъ, что третья Дума укрѣпила конституціонную идею, то разумѣютъ укрѣпленіе моральное, а отнюдь не правовое. Насколько же, въ итогѣ пяти лѣтъ «послушанія», окрѣпъ и поднялся моральный авторитетъ Государственной Думы? Заколебались ли подъ гг. Щегловитовымъ и Сухомлиновымъ, послѣ бюджетныхъ преній, занимаемыя ими министерскія кресла? Повысилась или понизилась вѣроятность надеждъ, что министерство юстиціи перестанетъ «нажимать» на законъ, а военное— покончитъ «налаживаніе» обороны страны при помощи киверовъ,

«потѣшныхъ», и отмѣны законовъ, «вредныхъ» потому, что при ихъ составленіи принимались въ соображеніе интересы населенія?

Первые удары по политикѣ военнаго министерства были нанесены не теперь и не въ залѣ думскихъ засѣданій, а раньше, мѣсяца три назадъ, въ комиссіи государственной обороны. По времени съ ними совпали разоблаченія въ дѣятельности подполковника Мясоѣдова, завершившіяся его дуэлью съ А. И. Гучковымъ. Мало того: тогда же имя генер. Сухомлинова стало достояніемъ хроники уличной прессы въ разсказахъ о бракоразводномъ процессѣ г. Бутовича. Слѣдовательно, къ осужденію военнаго министра за его мѣропріятія по артиллерійской части думской комиссіей, не имѣющей, кстати сказать, въ своемъ составѣ ни одного представителя отъ оппозиціи, прибавилось два обстоятельства: указанныя вѣдомственныя разоблаченія и разсказы прессы о бракоразводномъ дѣлѣ г. Бутовича. Чѣмъ же это кончилось? Тѣмъ, что ушелъ помощникъ военнаго министра генералъ Поливановъ, который, судя по сообщеніямъ правой печати, былъ повиненъ въ томъ, что раскрылъ существованіе особаго сыска внутри арміи. Моральное вліяніе Думы оказалось такимъ образомъ, вполнѣ ничтожнымъ.

Совершенно одинаково, непосредственно вслѣдъ за думскими преніями по бюджету министерства юстиціи, заглохли ходившіе всю зиму толки объ уходѣ г. Щегловитова. И если, быть можетъ, эти толки возобновятся, то, конечно, не въ связи съ Думой и съ рѣчью г. Маклакова, а потому, что противъ него, все-таки, ведется кампанія справа, гдѣ ему, несмотря ни на что, не могутъ простить ни проекта реформы мѣстнаго суда, ни согласія на лишеніе земскихъ начальниковъ судебной компетенціи, ни стародавняго сотрудничества въ «Правѣ».

Смѣна лицъ, стоящихъ во главѣ отдѣльныхъ отраслей государственнаго управленія, сама по себѣ, конечно, вещь второстепенная. И мѣриломъ моральнаго значенія законодательныхъ учрежденій можетъ и должна служить не возможность сваливать министровъ, а возможность воздѣйствовать на измѣненіе ихъ политики. Ни г. Сухомлиновъ, ни г. Щегловитовъ, не представляютъ собою политическихъ дѣятелей въ истинномъ смыслѣ, т. е. людей съ законченно-опредѣленными политическими міросозерцаніемъ и программою. Русскіе министры любятъ обычно подчеркивать свою несамостоятельность: И это вѣрно. Изъ послѣконституціонныхъ министровъ исключеніе представлялъ, пожалуй, одинъ П. А. Столыпинъ. Всѣ остальные были и остаются исполнителями господствующихъ въ данный моментъ вѣяній и вліяній. А потому не то важно, что бюджетныя пренія не поколебали личнаго поло-

женія гг. Щегловитова и Сухомлинова, а то, что если бы они и ушли сейчасъ съ занимаемыхъ ими постовъ, то ихъ преемниками явились бы продолжатели той же самой политики,—лишь на первое время, быть можетъ, съ менѣе рѣзкими и яркими чертами. И что это такъ,—что въ ряду безчисленнаго множества разнообразныхъ вѣяній и вліяній, направляющихъ нашу государственную машину, моральный авторитетъ «послушной» Думы не пріобрѣлъ не только первенствующаго, а и вовсе никакого значенія, это подтверждаютъ и иллюстрируютъ факты на каждомъ шагу.

Создалось положеніе для государственной жизни болѣе, чѣмъ оригинальное: у членовъ Думы есть право громить министровъ и ихъ политику, у Думы въ цѣломъ—право принимать рѣзкія пожеланія и формулы перехода, а на министрахъ лежитъ обязанность выслушивать такія пожеланія и порицанія. Таково фактическое положеніе, но внутренній смыслъ его совершенно утратился. Правда, наши основные законы въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ, не даютъ законодательнымъ учрежденіямъ почти никакихъ средствъ реальнаго воздѣйствія на исполнительную власть. Правда, гдѣ нѣтъ парламентаризма, тамъ нѣтъ мѣста для мѣръ реальнаго воздѣйствія, и остается одно воздѣйствіе моральное. Но въ монархіяхъ вообще не приходится отрицать силу и значеніе этическихъ началъ во взаимоотношеніяхъ между властью и населеніемъ. Нельзя отрицать, и, какъ положительный факторъ государственнаго бытія въ конституціонной монархіи моральный авторитетъ законодательныхъ учрежденій. И грѣхъ большинстватретьей Думы не столько въ томъ, что, она, принципіально отвергая необходимость расширенія правъ представительства, стремилась его обосновать на одномъ моральномъ авторитетѣ,—а исключительно въ тѣхъ средствахъ, которыми предполагалось создать и укрѣпить моральный авторитетъ Думы, полная непригодность которыхъ была еще пять лѣтъ назадъ совершенно очевидна.

По поводу артиллерійской смѣты А. И. Гучковъ въ первой своей рѣчи говорилъ: «Въ теченіе пяти лѣтъ мы старались внутреннимъ вліяніемъ, домашними, такъ сказать, средствами, подвинуть вѣдомство на наиболѣе быструю работу, и если сейчасъ, оглядываясь на рядъ неудачъ, или, вѣрнѣе, полуудачъ, мы обращаемся съ нашимъ крикомъ отчаянія, если мы говоримъ, что безъ вашего рѣзкаго и властнаго вмѣшательства, безъ вашего негодующаго протеста, это зло никогда не будетъ устранено, то это крикъ наболѣвшаго сердца, это актъ извѣстнаго рода отчаянія». Потомъ, послѣ рѣчей представителей оппозиціи, А. И. Гучковъ «крикъ отчаянія» старался смягчить, но вышло только то, что онъ, поясняя «нашу

психологію», отличную отъ психологіи оппозиціи, запутался въ нелѣпомъ противопоставленіи «безграничнаго самодовольства» лѣвыхъ группъ и полнаго у нихъ «отсутствія способности критически относиться къ самимъ себѣ»—«свойственной намъ добросовѣстности». Сознаніе же, въ итогѣ пяти лѣтъ, непригодности «домашнихъ средствъ» осталось. Осталось и собственное признаніе А. И. Гучкова въ томъ что онъ, ополчавшійся такъ рѣшительно противъ «придворнаго шепота», въ теченіе пяти лѣтъ, избѣгая «крика», дѣйствовалъ при помощи того же самаго «шепота»,—полагалъ найти успѣхъ для государственнаго дѣла во «внутреннихъ вліяніяхъ» и въ «домашнихъ средствахъ».

Пять лѣтъ руководитель думскаго большинства, возмущенный «шепотомъ», просилъ министровъ, «шепталъ» имъ, старался воздѣйствовать на нихъ «домашними средствами»! Но со «свойственной ему добросовѣстностью» дошептался до «крика отчаянія». «Домашнія средства» помогли ему поднять моральный авторитетъ Думы на такую степень высоты, что когда Дума вотировала признаніе объясненій министра народнаго просвѣщенія по обращенному къ нему запросу неудовлетворительными, то сторонники г. Кассо вздохнули спокойно, а его противники—съ грустью: и для тѣхъ, и для другихъ стало несомнѣннымъ, что вотумъ Думы укрѣпилъ начавшее было колебаться положеніе г. Кассо.

Рѣчь В. А. Маклакова, при обсужденіи бюджета министерства юстиціи, заключала въ себѣ не одни обвиненія частнаго характера, неустранимо сильныя ихъ конкретностью. На-ряду съ этими обвиненіями, ораторъ выпукло нарисовалъ общую картину современнаго у насъ положенія правосудія. И онъ имѣлъ полное право, заглядывая впередъ, сказать въ заключеніе: «Трудное время, которое мы переживаемъ, пройдетъ,—станетъ на свое мѣсто законъ, станутъ на свое мѣсто суды, будутъ другіе министры юстиціи. Но плохо то, что за это время упадка будетъ поколеблено то, что не нами создано, традиціонное уваженіе къ судейскому званію. Плохо будетъ для государственнаго строя, который вы защищаете, ибо всякій скажетъ, что прежній порядокъ—неограниченное самодержавіе, далъ намъ судъ, а конституціонный порядокъ—его разрушилъ».

«Конституціонный порядокъ» ввелъ судъ въ водоворотъ политики, политикѣ подчинивъ, и тѣмъ готовитъ суду разрушеніе. Это фактъ безспорный. И. Г. Щегловитовъ его многократно и категорически отрицалъ прежде,—отрицаетъ и теперь; но отрицаетъ такъ, что получается, вмѣсто отрицанія, полное подтвержденіе. «Первое мое дѣйствіе,—говорилъ онъ въ Думѣ 5 мая, отвѣчая барону Мейендорфу,—съ котораго открылось управленіе мною мини-

стерствомъ юстиціи, было обращеніе къ общему собранію кассаціонныхъ департаментовъ сената, къ этому высшему суду Имперіи, съ предложеніемъ разъяснить вопросъ о недопустимости для судей участія въ политическихъ партіяхъ»... «И я горжусь тѣмъ, что правительствующій сенатъ въ этомъ случаѣ помогъ министерству юстиціи въ его заботахъ о поддержаніи русскаго суда на надлежащей высотѣ». А нѣсколькими строками раньше, въ стенографической записи той же рѣчи И. Г. Щегловитова читаемъ: «Правъ, думается мнѣ, былъ членъ Гос. Думы Шубинскій, который заявилъ вамъ, что судебныя учрежденія могутъ гордиться недовольствомъ къ нимъ нашихъ лѣвыхъ организацій и ихъ представителей. Я эту же мысль распространю и на министра юстиціи: въ томъ озлобленіи, которое онъ усматриваетъ въ выпадахъ противъ него со стороны лѣваго сегмента Государственной Думы, онъ почерпаетъ величайшее утѣшеніе».

Всѣ утвержденія свои, слѣдовательно, И. Г. Щегловитовъ основываетъ на игрѣ словъ. Подъ политикой онъ предлагаетъ Думѣ разумѣть, одну политику слѣва; подъ недопустимымъ участіемъ судей въ политическихъ партіяхъ — участіе въ лѣвыхъ партіяхъ. «Высокая безпартійная скала», на которой, по его напыщенному выраженію, долженъ стоять «нашъ русскій судъ, великое твореніе незабвеннаго Александра II», есть скала, привлекающая къ себѣ симпатіи правыхъ организацій и ихъ представителей. Въ дни революціи, когда все тянулось влѣво, такимъ однобокимъ пониманіемъ словъ было покрыто образованіе революціонныхъ организацій справа: союза русскаго народа и союза активной борьбы. Когда наступило «успокоеніе», имъ покрывается насажденіе воинствующаго академизма въ высшей школѣ и обращеніе православнаго духовенства въ боевую политическую силу при предстоящихъ выборахъ. Какъ результатъ, оно дало иліодоровщину. Иліодоръ сидитъ въ заточеніи, онъ запрещенъ въ священнослуженіи и съ него снята ряса. Снять подчиненный политикѣ судъ со скалы, на которую его шесть лѣтъ тянулъ и тянетъ министръ юстиціи, «когда законъ станетъ на свое мѣсто», будетъ неизмѣримо труднѣе.

В. А. Маклаковъ цитировалъ выдержки изъ приговора по дѣлу члена первой Думы Недоноскова. Врачи-эксперты признали Недоноскова психически больнымъ. Тифлисская судебная палата съ ихъ заключеніемъ не согласилась. На это она имѣла право. Но правомъ не согласиться съ экспертами она не ограничилась и сочла возможнымъ занести въ приговоръ издѣвательство надъ «забавной серьезностью» экспертовъ, говорившихъ на основаніи «послѣдняго слова науки». Болѣзнь,—значится въ приговорѣ,—не помѣшала Не-

доноскову «сдѣлаться редакторомъ газеты съ освободительнымъ направленіемъ, быть избраннымъ въ число будто бы лучшихъ людей, въ депутаты первой Государственной Думы». На этотъ яркій образчикъ «безпартійности» суда г. Шубинскій не нашелся отвѣтить ничего умнѣе, какъ то, что Недоносковъ «разстрѣлялъ въ спину беззащитную женщину». Справа и въ центрѣ Думы его слова были встрѣчены аплодисментами и возгласами: «браво!» Конечно, восторгъ гг. Марковыхъ, Крупенскихъ и Тимошкиныхъ, услыхавшихъ такой «уничтожающій» отвѣтъ, понятенъ. Но на какой скалѣ генералъ-прокурорскаго безстрастія оказался г. Щегловитовъ, признавшій правоту московскаго юриста и тверского представителя? Что сказали бы создатели «великаго творенія Александра II», если бы они увидѣли приговоръ, въ которомъ судьи глумятся надъ человѣкомъ, отправляемымъ въ каторгу, и не скрываютъ, что глумятся потому, что онъ —ихъ политическій противникъ?

Между прочимъ, не называя фамиліи, В. А. Маклаковъ, говорилъ о судьѣ виленскаго округа, который вынужденъ былъ уйти въ отставку послѣ того, какъ отказался выдать тайну совѣщательной комнаты присланному на ревизію чиновнику министерства. Этотъ судья отозвался. «Бывшій членъ виленской судебной палаты К. Зегницъ», помѣстивъ 11 мая, въ «Рѣчи», письмо въ редакцію, внесъ небольшую поправку въ слова В. А. Маклакова и разсказалъ объ обстоятельствахъ своей отставки чрезвычайно характерныя подробности. «Требованія, — писалъ г. Зегницъ, — о которыхъ говорилъ г. Маклаковъ, г. Глищинскимъ, командированнымъ въ Вильну для разслѣдованія вопроса объ участіи членовъ судебныхъ мѣстъ въ комитетѣ прогрессивныхъ избирателей, ко мнѣ предъявлены не были, да въ этомъ и не было никакой надобности, такъ какъ тайна совѣщательной комнаты г. Глищинскому и безъ меня была извѣстна; по крайней мѣрѣ, онъ мнѣ прямо сказалъ, что мнѣ инкриминируется систематическая подача голоса за оправданіе подсудимыхъ, обвиняемыхъ въ политическихъ преступленіяхъ». Далѣе, оказывается, г. Глищинскій заявлялъ, что «въ настоящее время судьи не могутъ быть чистыми судьями, а должны руководствоваться видами правительства». Послѣ этого, г. Зегницъ заявилъ «о своей готовности оставить службу, что и исполнилъ на другой же день».

На письмо г. Зегница министерство юстиціи поспѣшило отвѣтить черезъ «Освѣдомительное бюро». Оно категорически отвергло слова г. Глищинскаго о «чистыхъ» судьяхъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ признало: во-первыхъ, что поводомъ разслѣдованія послужили «имѣвшіяся въ министерствѣ юстиціи свѣдѣнія», «что Зегницъ состоялъ членомъ комитета прогрессивныхъ избирателей, имѣвшаго

своею цѣлью объединеніе въ Вильнѣ лѣвыхъ оппозиціонныхъ группъ населенія»; во-вторыхъ, что этотъ поводъ былъ поставленъ въ связь «съ возникшими по этому предмету серьезными нареканіями въ мѣстномъ обществѣ на судебное вѣдомство»; въ-третьихъ, что г. Глищинскій въ объясненіяхъ съ г. Зегницемъ указывалъ ему, «что его участіе въ комитетѣ прогрессивныхъ избирателей можетъ дать серьезный поводъ сомнѣваться въ его судейскомъ безпристрастіи»; въ-четвертыхъ, что «Зегницъ находилъ принадлежность свою къ названной политической организаціи вполнѣ совмѣстною съ званіемъ члена судебной палаты, «нисколько», какъ онъ выразился въ письмѣ къ Глищинскому, «не нарушающею долга судьи», и въ-пятыхъ, что, въ виду такихъ воззрѣній г. Зегница, «вопросъ подлежалъ внесенію на обсужденіе высшаго дисциплинарнаго присутствія сената», каковому «направленію дѣла Зегницъ предпочелъ возбужденіе ходатайства объ увольненіи его отъ службы, которое и было удовлетворено».

Если вспомнить, что эпизодъ имѣлъ мѣсто въ 1907-мъ году, передъ выборами въ третью Думу, то ссылка оффиціальнаго оповѣщенія на «нареканія, возникшія въ мѣстномъ обществѣ», получитъ весьма пикантный привкусъ. Тогда въ Вильнѣ шла справа беззастѣнчивая агитація въ пользу кандидатуры г. Замысловскаго, и разгромъ «Комитета прогрессивныхъ избирателей», естественно, входилъ въ «виды правительства». По мѣрѣ силъ приложило свою руку и вѣдомство юстиціи. Но съ интересующей насъ точки зрѣнія не это важно. Важно признаніе министерствомъ юстиціи, что участіе въ комитетѣ прогрессивныхъ избирателей члена судебной палаты, не лишеннаго по закону, какъ лишены чины войска, избирательныхъ правъ, нарушаетъ «долгъ судьи» и «можетъ дать серьезный поводъ сомнѣваться въ его судейскомъ безпристрастіи». Какъ же онъ долженъ осуществлять свое избирательное право, чтобы не нарушать «долга судьи» и чтобы не возникало сомнѣній въ «его судейскомъ безпристрастіи»? Полагаемъ, что вопросъ не нуждается въ отвѣтѣ: и безъ отвѣта ясно, насколько безраздѣльно хотѣлъ бы «конституціонный порядокъ», въ лицѣ г. Щегловитова и апплодирующихъ ему членовъ третьей Думы, отдать судъ во власть политики.

То же оповѣщеніе откровенно раскрыло истинную цѣну цифръ, которыми г. Щегловитовъ доказывалъ, что принципъ судейской несмѣняемости имъ непоколебленъ. «Съ 1885 г.—говорилъ онъ,—когда было учреждено высшее дисциплинарное присутствіе, по 1912 г., при наличности 2.500 членовъ магистратуры, пользующихся несмѣняемостью, уволено всего 11 человѣкъ, причемъ до 1906 г.—трое и

послѣ 1906 г.—8 человѣкъ, и изъ нихъ 5 по причинамъ политическаго характера и трое по причинамъ нравственнаго порядка». Отсюда министръ юстиціи дѣлалъ выводъ, «что вопли объ отмѣнѣ у насъ несмѣняемости слѣдуетъ отнести къ пылкому воображенію члена Думы Маклакова». Дѣйствительно, если съ 1906 г., за шесть лѣтъ, «по причинамъ политическаго характера» увольнялось менѣе, чѣмъ по одному судьѣ въ годъ, то фактъ политической чистки личнаго состава суда не представляется еще особенно зловѣщимъ. Но сколько судей, за это время, подобно г. Зегницу, предпочитало подавать прошенія объ увольненіи «внесенію вопроса на обсужденіе высшаго дисциплинарнаго присутствія?» Объ этомъ г. Щегловитовъ благоразумно умолчалъ. Изъ его словъ рисовалась чуть-чуть не идиллическая картина. Черниговскій прокуроръ Ющенко, увольненія котораго требовалъ губернаторъ, «самъ» подалъ прошеніе о назначеніи его на низшую должность товарища прокурора. Человѣкъ «самъ» захотѣлъ изъ поповъ стать дьякономъ! Причемъ тутъ министръ? Чѣмъ виноватъ министръ юстиціи, что есть судьи, «которые являются для суда балластомъ» и которые «сами» подаютъ въ отставку, по совѣту «сослуживцевъ» «предпочесть бездѣлію въ судебномъ мѣстѣ отдыхъ, обезпеченный пенсіей съ той судебной эмеритурой, которая чинамъ судебнаго вѣдомства предоставлена?» «Можно ли въ этихъ случаяхъ видѣть гнетъ?»

Послѣдніе два вопроса принадлежатъ не намъ. Ихъ ставилъ «самъ» г. Щегловитовъ,—не то приведенный въ недоумѣніе, не то возмущенный «несправедливостью» нападокъ. Готовность правыхъ элементовъ Думы встрѣчать аплодисментами каждое возраженіе министровъ ораторамъ оппозиціи дѣйствуетъ, очевидно, на представителей правительства, какъ гипнозъ. Иного объясненія найти невозможно. Не можетъ же считать г. Щегловитовъ, что выступая въ Думѣ, онъ говоритъ передъ малолѣтними, или передъ чужестранцами; не можетъ онъ не знать, что въ Россіи не нужно быть членомъ Думы, а достаточно быть просто взрослымъ человѣкомъ, дабы понимать, что и кто водитъ рукой чиновника, когда чиновникъ «самъ» подаетъ прошеніе объ отставкѣ. Не одинъ г. Щегловитовъ знаетъ, а знаютъ всѣ судьи, что рискнувшій съ нимъ спорить и возлагавшій надежды на сенатъ членъ виленской судебной палаты Г. Д. Скарятинъ, въ концѣ концовъ, послѣ многихъ лѣтъ службы, получилъ право на «обезпеченный» отдыхъ съ пенсіей и эмеритурой въ суммѣ 280 р. въ годъ!.. Кто, при такихъ условіяхъ, не предпочтетъ спору возбужденіе ходатайства объ увольненіи?

Особенно тяжело отразилась практика «конституціоннаго порядка» на авторитетѣ высшаго судебнаго, судебно-административ-

паго и судебно-дисциплинарнаго мѣста—сената. Сенатъ въ послѣконституціонную реакцію «оказался на высотѣ политической задачи момента». Такъ говорятъ справа, и это сенату ставятъ въ заслугу. Г. Щегловитовъ гордится «помощью», которую ему оказалъ сенатъ. Слѣва приводятъ безчисленные факты «разъяснительной» дѣятельности сената, напоминаютъ дѣло Лопухина, ссылаются на законодательное творчество въ порядкѣ угодныхъ реакціи «разъясненій» и утверждаютъ, что поставленный въ «обновленномъ» строѣ ниже воли совѣта министровъ и вовлеченный въ служеніе «видамъ правительства»,—сенатъ, не исключая кассаціонныхъ департаментовъ, авторитетъ свой утратилъ... Допустимъ, что вопросъ объ оцѣнкѣ дѣятельности сената за время послѣконституціонной реакціи представляется спорнымъ. Допустимъ, что правда не лежитъ въ утвержденіяхъ слѣва. Почему же, въ такомъ случаѣ, никто и никогда справа не пытается противопоставлять юридической аргументаціи противниковъ такую же аргументацію по существу ссылокъ и утвержденій?

Сенатъ не участвуетъ въ управленіи и сенатъ кассаціонный—въ разборѣ дѣлъ по существу. Слѣдовательно, въ оцѣнкѣ его дѣятельности отвлеченный юридическій споръ всегда возможенъ, и только юридическая аргументація имѣетъ цѣну. Почему же отъ такого спора министръ юстиціи всегда уклоняется? Уклонился отъ него г. Щегловитовъ и въ своемъ отвѣтѣ на рѣчь В. А. Маклакова «Правительствующій сенатъ,—заявилъ онъ съ пафосомъ,—въ моей защитѣ не нуждается. Это великое учрежденіе, подобнаго которому не имѣетъ ни одна западно-европейская страна. Если кому-либо изъ говорящихъ представляются неправильными разъясненія сената, то я авторитетъ сената ставлю выше авторитета отдѣльнаго оратора, хотя бы и Маклакова». На «лѣвомъ сегментѣ» Думы эти слова вызвали смѣхъ. Дѣйствительно, юристъ отвѣтилъ юристу: «вы считаете неправильными разъясненія сената, а я вамъ не вѣрю». Не правда ли,—убѣдительно?!

---

3 Мая въ Ялтѣ скоропостижно скончался Михаилъ Ильичъ Петрункевичъ. Членъ первой Государственной Думы, участникъ земскихъ съѣздовъ 1904—1905 гг., одинъ изъ учредителей конституціонно-демократической партіи,—покойный былъ широко извѣстенъ своей общественной дѣятельностью. Но лучше всего и ближе всего его знала Тверская губернія. Ей онъ отдалъ 32 года жизни. Въ 1874 г. онъ поступилъ на должность тверского земскаго врача и въ томъ же году былъ впервые избранъ уѣзднымъ и гу-

бернскимъ гласнымъ. Какъ земскій врачъ, М. И. былъ лучшимъ представителемъ земскаго третьяго элемента—неутомимымъ работникомъ, всегда, однако, находившимъ время не только лѣчить больныхъ, но и заботиться о земской медицинѣ, о правильной ея постановкѣ, что теперь стало среди земскихъ врачей прочно укоренившейся традиціей. Какъ земскій гласный, М. И. не зналъ, что такое дѣло, не стоющее вниманія. Онъ былъ неизмѣннымъ членомъ всевозможныхъ комиссій, никогда не пропускалъ земскихъ собраній, детально зналъ и школьное дѣло, и дорожное, и страховое. Представительство второго и третьяго земскихъ элементовъ въ немъ сочеталось во всей полнотѣ, и онъ являлъ собою живое свидѣтельство ихъ неразрывнаго единства въ служеніи земскому дѣлу.

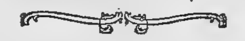
И врачебная, и земская дѣятельность М. И. были слишкомъ ярки, чтобы не встрѣчать вѣчныхъ противодѣйствій со стороны пекущейся объ интересахъ населенія губернаторской власти. Должность старшаго врача тверской губернской больницы онъ былъ вынужденъ оставить еще въ восьмидесятыхъ годахъ. Земское собраніе его много разъ избирало членомъ губернской управы, но губернаторы всегда отказывали въ утвержденіи. Утомленный мелочными преслѣдованіями, отравляющими жизнь въ провинціи, М. И. въ началѣ девятисотыхъ годовъ переселился въ Петербургъ, сохраняя, какъ гласный, полную связь съ Тверской губерніей. Въ Петербургѣ онъ въ 1903 г. былъ выбранъ гласнымъ городской думы. Въ тревожный 1905 г. стоялъ во главѣ больничной комиссіи. Отъ Петербурга же онъ былъ представителемъ въ первой Думѣ. Роспускъ первой Думы былъ для М. И., какъ и для безъ малаго двухсотъ «будто бы лучшихъ людей», по достойной фразеологіи послѣконституціоннаго суда,—концомъ общественно-политической дѣятельности. За роспускомъ послѣдовали для него судебное преслѣдованіе, выборгскій процессъ и тюрьма. «Обновленный» строй рѣшилъ, что конституціоналисты, выросшіе на земской почвѣ и вырастившіе «обновленіе», не нужны ни государственному представительству, ни мѣстному. Прежде людей выкидывали за бортъ политической жизни особыми сепаратными распоряженіями. «Обновленному» строю не отказалъ въ своей «помощи» сенатъ; особаго распоряженія не потребовалось: появилось простое «разъясненіе»...

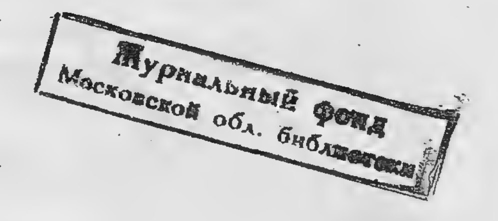
Какъ человѣкъ, М. И. Петрункевичъ производилъ обаятельное впечатлѣніе. Всегда оживленный, на все отзывчивый, широко образованный, фанатикъ конституціонной идеи, но безъ малѣйшей примѣси педантизма, — онъ былъ центромъ общественной жизни въ Твери. Ни одно мѣстное общественное начинаніе не проходило мимо него и не возникало помимо его горячаго участія. Въ вось-

мидесятыхъ годахъ онъ основалъ и фактически редактировалъ «Тверской Вѣстникъ». Газета велась серьезно и выдѣлялась среди провинціальныхъ изданій. Конечно, она просуществовала недолго.

Немного такихъ людей въ Россіи, какимъ былъ покойный М. И... Имъ бы только жить да жить.

Покойный Павелъ Владиміровичъ Засодимскій былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей народничества въ литературѣ. Онъ печатался въ «Дѣлѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ «Словѣ», —позднѣе въ «Русскомъ Богатствѣ», «Сѣверномъ Вѣстникѣ» и др. журналахъ. Все, что выходило изъ-подъ его пера, было проникнуто горячей любовью къ тѣмъ, — по его выраженію,—«угрюмымъ людямъ, живущимъ въ проходолдь и въ проголодь, для которыхъ жизнь на бѣломъ свѣтѣ представляется не веселѣе вѣчной каторги». Въ свое время наиболѣе сильное впечатлѣніе оставили его «Хроника села Смурина», «Повѣсти изъ жизни бѣдныхъ», «Степныя тайны». П. В. Принималъ также живое участіе въ дѣтскихъ журналахъ. Его дѣтскіе разсказы популярны до сихъ поръ.

Издатель: М. М. Ковалевскій. Времен. ред. А. Посниковъ.

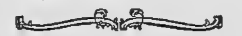
ИЗВѢЩЕНІЕ.

Комитетъ по изданію сборника, посвященнаго памяти Анны Павловны Философовой, обращается ко всѣмъ лицамъ, ее знавшимъ, съ просьбой помочь ему въ начатомъ дѣлѣ сообщеніемъ писемъ покойной, замѣтокъ и воспоминаній о ней, и т. п. Матеріалы, хотя бы самые незначительные по размѣру или содержанію, будутъ имѣть свою цѣнность при составленіи біографіи А. П. Философовой и примутся съ благодарностью.

Желающимъ—все присланное будетъ, по использованіи, возвращено обратно.

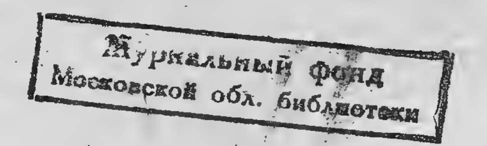
Направлять матеріалы слѣдуетъ на имя дочери А. П. Философовой—Зинаиды Владиміровны Ратьковой-Рожновой, Петербургъ, Мойка 1.

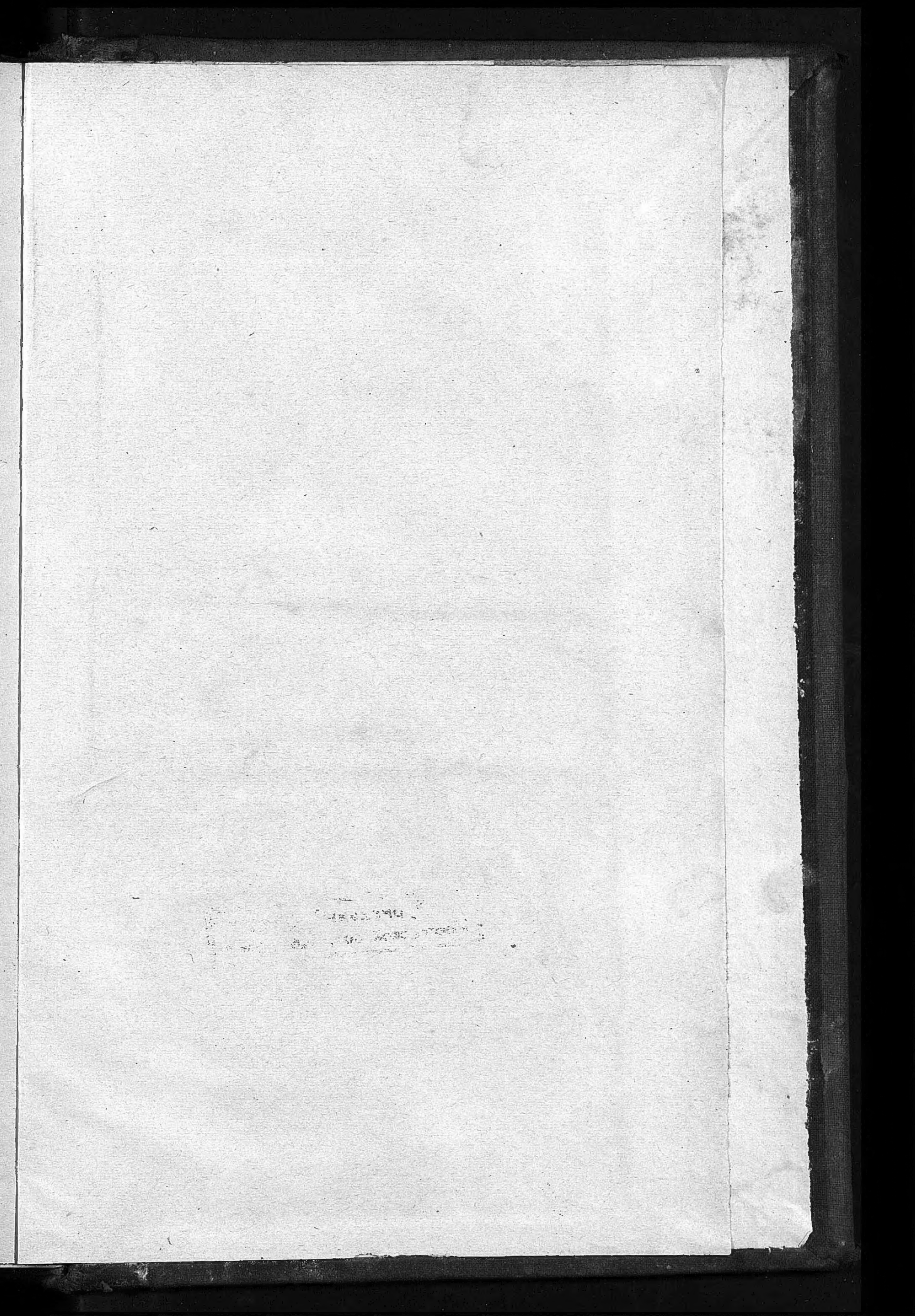
Предсѣдательница Комитета В. Тарновская.
Членъ Комитета Д. Философовъ.

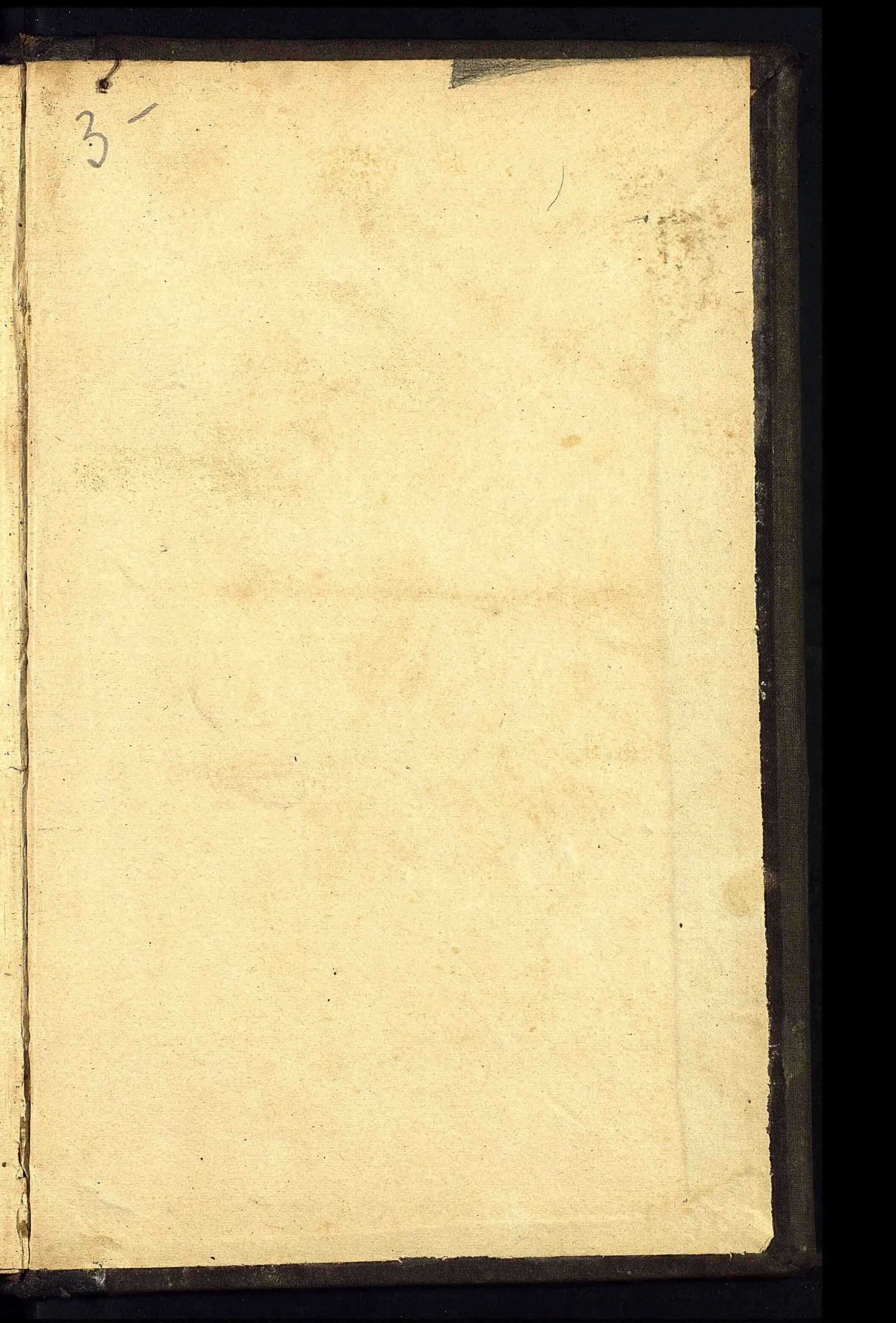

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ШЕСТАЯ.—ІЮНЬ.

3

